

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 20, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2024

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 20, часть 2

Главный редактор Е. В. Головкин

2024

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2024. — Т. 20. Ч. 2. — 556 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2024. — Vol. 20. Pt. 2. — 556 p.

Ответственные за выпуск от редколлегии:
*М. Д. Воейкова, Е. В. Головки, Н. М. Заика, Г. А. Мольков,
А. Ю. Русаков, А. Н. Соболев, А. Ю. Урманчиева*

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737202

© ИЛИ РАН, 2024
© Составление. Редколлегия
журнала, 2024

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); к. ист. н. А. К. Касаткина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург); к. филол. н. М. Л. Кисилиер (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарёва (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); к. филол. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Рушаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); д. филол. н. А. Ю. Урманчиева, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Московский государственный лингвистический университет, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Moscow State Linguistic University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Aleksandra K. Kasatkina (HSE University, St. Petersburg); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maxim L. Kisilier (St. Petersburg State University); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maria S. Morozova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Andrey N. Sobolev (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

<i>Р. В. Гайдамашко</i> Типы финно-угорского субстрата в Пермском крае (на материале апеллятивной лексики русских говоров): предварительные наблюдения	11
<i>М. З. Муслимов</i> Аттриция и изменения в ходе языкового сдвига в прибалтийско-финских языках и диалектах Ингерманландии	83
<i>Е. В. Буденная</i> Особенности употребления субъектных местоимений в ингерманландском финском языке	136
<i>Е. В. Перехвальская</i> Языковой сдвиг и грамматика: падежи в удэгейском языке . . .	168
<i>С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова</i> Разные стратегии адаптации русских глаголов в двух близкородственных языках: нанайский и ульчский	208
<i>А. И. Соболев</i> Географические подходы к изучению гидронимии: потамонимы Юго-Восточного Обонежья в сопоставлении со смежными ареалами	252
<i>М. А. Ключева</i> Лексика игр в классике в марийском языке	295
<i>В. И. Подлеская</i> «Так сказать» и «как сказать»: грамматика и просодия конструкций с прагматикализированным глаголом речи	337

<i>М. Ю. Кныазев</i>	
Factive islands in Russian: An experimental study of relative clause dependencies	358
<i>А. И. Виняр</i>	
Verb-verb compounds: Delimiting the concept and approaching the study of ordering principles	408
<i>А. Д. Дурьманова</i>	
Принцип дистинктивных контекстов при анализе оппозиции имен и глаголов в качестве предикатов на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн» I в. н. э.	448
<i>Д. Црняк, Е. И. Якушкина</i>	
Своеобразие сербского литературного языка в западных районах Республики Сербской	490
Этика научных публикаций	548
Publication Ethics	552

Contents

Roman V. Gaidamashko

- Types of the Finno-Ugric substrate in Perm Krai
(based on the appellative vocabulary of Russian dialects):
Preliminary observations 11

Mehmet Z. Muslimov

- Attrition and changes in the context of a language shift
in Baltic-Finnic languages and dialects of Ingermanland 83

Evgeniya V. Budennaya

- Subject pronouns in Ingrian Finnish 136

Elena V. Perekhvalskaya

- Language shift and grammar: Cases in Udihe 168

Sofia A. Oskolskaya, Natalia M. Stoyanova

- Two similar languages borrow verbs in different ways:
Russian verb loans in Nanai and Ulcha 208

Anton I. Sobolev

- Geographical approaches to the study of hydronymy:
Potamonyms of Southeastern Lake Onega Region
in comparison with adjacent areas 252

Maria A. Klyucheva

- Vocabulary for hopscotch in the Mari language 295

Vera I. Podlesskaya

- ‘Tak skazat’ and ‘kak skazat’: Grammar and prosody
of constructions with pragmaticized verbs of speech 337

Mikhail Yu. Knyazev

- Factive islands in Russian:
An experimental study of relative clause dependencies 358

Alexey I. Vinyar

Verb-verb compounds: Delimiting the concept and
approaching the study of ordering principles 408

Anastasia D. Durymanova

A distinctive-context criterion applied for an analysis
of predicate verb / noun oppositions on the evidence
of “Lunheng”, a Late Classical Chinese text from the I A. D. . . . 448

Dijana Crnjak, Ekaterina I. Yakushkina

Specific features of Standard Serbian
in the Republic of Srpska 490

Publication Ethics (in Russian) 548

Publication Ethics 552

Типы финно-угорского субстрата в Пермском крае (на материале апеллятивной лексики русских говоров): предварительные наблюдения

Р. В. Гайдамашко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
gaidamashko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1676-3363

Аннотация. В статье предложен опыт идентификации, локализации и временной стратификации типов финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае на материале апеллятивной лексики русских говоров. Основная часть статьи — это сводка субстратной финно-угорской апеллятивной лексики в русских говорах Пермского края: указаны наиболее близкие соответствия этой лексики в живых или угасших финно-угорских идиомах, даны ссылки на этимологические разработки (или предложены собственные этимологические решения). В заключении описаны типы финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае — коми и мансийский; их ареалы очерчены на карте и сопоставлены с историческими и лингвистическими данными; намечены области пересечения изоглосс этих типов.

Ключевые слова: языковые контакты; языковой субстрат; Западный Урал; Северное Прикамье; Пермский край; русские говоры; апеллятивная лексика; финно-угорские языки; коми языки; мансийский язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097. Инструмент для создания лингвистических карт (*Рис. 2, 3, 10*) разработан на основе следующих ресурсов: <https://github.com/umap-project>, <https://umap.openstreetmap.fr/ru/>, <https://wiki.openstreetmap.org/wiki/UMap>. С предварительной версией статьи ознакомились коллеги — П. С. Злобин, А. В. Савельев и Ю. А. Шкуратов, которым я благодарен за высказанные замечания. Все ошибки и недочеты, которые обнаружатся в статье, остаются на совести автора.

Types of the Finno-Ugric substrate in Perm Krai (based on the appellative vocabulary of Russian dialects): Preliminary observations

Roman V. Gaidamashko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); gaidamashko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1676-3363

Abstract. The article presents an attempt to accomplish identification, localization and temporal stratification of the types of the Finno-Ugric language substrate in Perm Krai based on the appellative vocabulary of Russian dialects.

In its introductory paragraphs, the article describes the object of the study, the materials, sources, and methods used, its geographical scope and the principles of data presentation.

The main body of the article is a summary of the substrate Finno-Ugric appellative vocabulary found in the Russian dialects of Perm Krai — approximately 120 words grouped into 63 lexical nests with mostly precise geographic reference. The closest correspondences of this vocabulary found in living or extinct Finno-Ugric idioms (based on the published dictionaries and linguistic studies) are indicated. The article also provides the necessary references to the relevant established etymological developments or proposes the author’s own etymological solutions.

In the conclusion, the article identifies the types of the Finno-Ugric linguistic substrate existing in Perm Krai for Komi and Mansi. Within the studied region, the Komi substrate type covers three areas, with two of these, conventionally designated as “Northern Permyak” and “Southern Permyak”, separated by sections of three districts located in between: the western part of the Solikamsky, the northern part of the Yusvinsky and the southern part of the Usolsky districts. This distribution may point to the existence of a former “vibration zone” between the northern and the southern dialects of the Komi-Permyak language. The third area exists as an “island” located in the Yurlinsky district. The Mansi substrate type is divided into three areas conventionally designated as the northern or “Vishersky” area, the central or “Yaivinsky-Kosvinsky” area, and the southern or “Chusovskoy” area, named after the four main left-side tributaries of the Kama River.

These areas are outlined on the map of the Northern Kama region and compared with the known historical and linguistic data. A separate section preceding the final remarks outlines the intersection areas of the isoglosses of these types.

Keywords: language contacts; language substrate; Western Urals; Northern Kama region; Perm Krai; Russian dialects; appellative vocabulary; Finno-Ugric languages; Komi languages; Mansi language.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097. The tool for creating linguistic maps (*Fig. 2, 3, 10*) was developed based on the following resources: <https://github.com/umap-project>, <https://umap.openstreetmap.fr/ru/>, <https://wiki.openstreetmap.org/wiki/UMap>. I express my gratitude to my reviewers P. S. Zlobin, A. V. Savelyev and Yu. A. Shkuratok for their comments on the preliminary version of this article. All errors and shortcomings are my responsibility.

1. Введение

Западный Урал — это территория, на которой издавна происходят активные этноязыковые контакты. До славянской колонизации здесь сосуществовали пермские, угорские, самодийские, тюркские народы. Целенаправленное изучение языкового ландшафта этого региона насчитывает как минимум вековую историю, опубликованные к настоящему моменту диалектные, этимологические словари, лексические атласы, лингвистические исследования по русским говорам и финно-угорским идиомам указанного и смежных регионов позволяют уточнить существующие этимологические решения, обобщить большой массив данных по лексическим заимствованиям и субстрату, а точные географические привязки многих языковых фактов делают возможным в общих чертах обрисовать детали былого языкового ландшафта.

1.1. Объект, цель, задачи и ареал исследования

Объект исследования — субстратная финно-угорская апеллятивная лексика русских говоров, большей частью имеющая точные территориальные привязки в пределах Пермского края. Под

апеллятивной лексикой понимаются нарицательные слова (в противопоставление именам собственным).

Цель исследования — идентификация, локализация и временная стратификация типов финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае на материале апеллятивной лексики русских говоров.

Среди основных задач, необходимых для достижения поставленной цели: 1) определить территориальные рамки исследования, 2) обозреть круг источников материала; 3) привести сводку субстратной финно-угорской лексики русских говоров Пермского края с указанием ссылок на соответствующие этимологические разработки (или предложением собственных этимологических решений); 4) нанести на карту Пермского края ареалы типов языкового финно-угорского субстрата и сопоставить с имеющимися историческими и лингвистическими данными.

В задачи настоящей статьи не входит обрисовка исторического и диалектологического фона исследования (то есть история дорусского населения Северного Прикамья, место русских говоров Северного Прикамья в макроструктуре русских говоров и история их формирования, место севернорусской лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северного Прикамья, история изучения лексики финно-угорского происхождения в исследуемых говорах) — этому посвящены основательные и заслуженно ставшие хрестоматийными труды О. Н. Бадера, В. А. Оборина, А. А. Преображенского, Е. Н. Поляковой, Г. Н. Чагина, А. В. Черных, коллективные монографии [Преображенский (отв. ред.) 1989; Александров (отв. ред.) 1989] и др. Также за рамками статьи остаются многочисленные вопросы адаптации лексики финно-угорского происхождения русскими говорами Северного Прикамья на разных языковых уровнях (фонетика, акцентология, морфология, словообразование, семантика) — заинтересованный читатель найдет исчерпывающую информацию в двух диссертациях на материале русских говоров Северного и Среднего Урала [Матвеев 1959: 41–47, 85–104; Гайдамашко 2014: 332–343]. В этих диссертациях учтены также и выводы об адаптации финно-угорской лексики русскими говорами Севера и Северо-Запада [Kalima 1919: 33–76, 1927: 9–14; Veenker 1967:

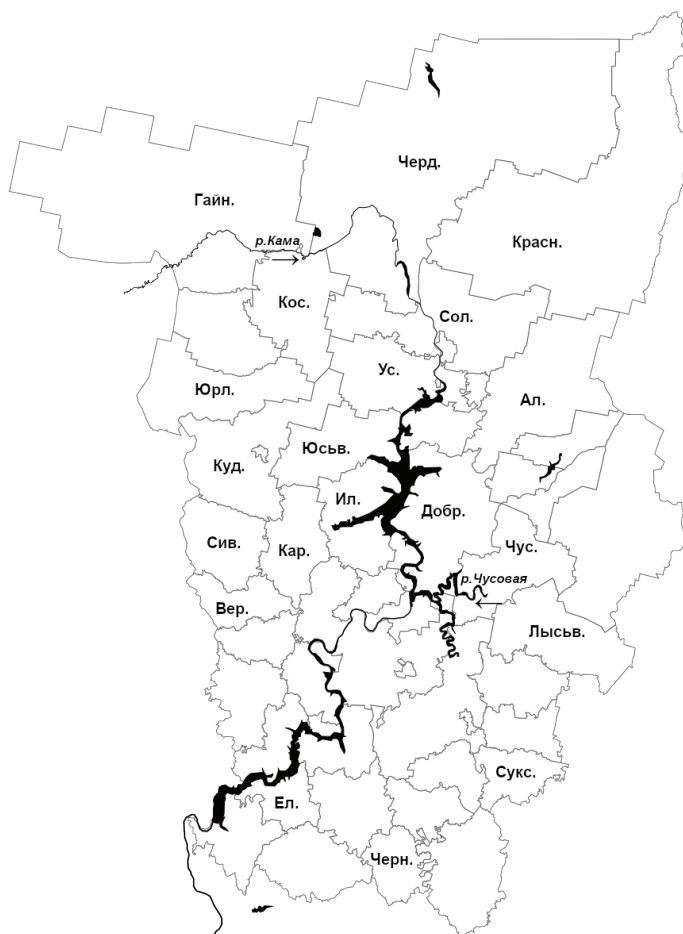

Рис. 1. Ареал исследования и административно-территориальное деление Пермского края

Fig. 1. Research area and administrative-territorial division of Perm Krai

22–107; Мызников 2004: 345–371] — «материнскими» для русских говоров Северного Прикамья.

В настоящем исследовании мы не смешиваем понятия «Верхнее Прикамье» (термин, традиционный для истории и языкознания)

и «Северное Прикамье». Под Северным Прикамьем подразумевается бассейн Камы от ее верховьев (за исключением вынесенных за рамки исследования Афанасьевского, Верхнекамского, Омутнинского районов Кировской области, Базинского, Кезского районов Удмуртии, заслуживающих отдельного внимания) до бассейна Чусовой включительно (за исключением находящихся за Уралом районов Свердловской области), то есть почти весь Пермский край без самых южных районов, в русских говорах которых финно-угорское влияние прослеживается очень слабо. На карте (см. *Рис. 1*) отражен ареал исследования — Пермский край — с границами административно-территориальных единиц и их условными обозначениями, принятыми в настоящей статье (см. список условных сокращений). На карте даны обозначения только тех районов, материал из которых рассматривается в статье.

1.2. Материалы и источники

Русский материал для исследования почерпнут преимущественно из опубликованных источников — из диалектных словарей [АС; Полякова 2007; СГСРПО; СПГ; СРГКПО; СРГСПК; СРГЮП], трудов А. К. Матвеева [Матвеев 1958, 1959, 1964], А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1981] и редко других авторов. Иногда привлекаются материалы картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края» [КСРГСПК] и собственные записи автора из полевых экспедиций 2006–2016 годов [МЭ].

Существующие версии о происхождении русских слов рассматриваются по сочинениям А. Е. Аникина [Аникин 2000; Аникин], Ю. В. Зверевой [Зверева 2007, 2008, 2012], Я. Калимы [Kalima 1927], А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1981], А. К. Матвеева [Матвеев 1958, 1959, 1964], С. А. Мызникова [Мызников 2019], Е. Н. Поляковой [Полякова 2007], М. Р. Фасмера [Фасмер] и др. В настоящей статье не ставится цель представить сводку всех существующих этимологических решений для рассматриваемой лексики, поэтому мы ограничиваемся указанием только важнейших

трудов или же собственных статей и диссертации [Гайдамашко 2009, 2011а, 2013, 2014, 2016, 2017b, 2018, 2020], по возможности учитывающих имеющиеся наработки.

Финно-угорская (коми, мансийская) лексика для сопоставления привлекается из опубликованных словарей, монографий, статей, диссертаций [Баталова 1990; КПРС; Кривошекова-Гантман 1974; КСК; КЭСКЯ; Лыткин 1955, 1961; Меркушева 2003; Рогов 1869; Федосеева 2015; WW 1986; WW 2013]. Указание на происхождение коми лексики дается по трудам В. И. Лыткина, Е. С. Гуляева, Ш. Чуча [КЭСКЯ; КЭСКЯД; Лыткин 1964; Csúcs 2005] и др.

1.3. Методы исследования

При этимологической интерпретации (иначе — этимологизации) заимствованной лексики мы следуем принципам В. Феенкера, который системно разрабатывал методику выявления и анализа субстратных финно-угорских единиц в русских диалектах [Veenker 1967, 1992], и С. А. Мызникова, успешно апробировавшего эту методику на материале русских говоров Северо-Запада и других регионов [Мызников 2003, 2004, 2007, 2019]. Если вкратце, параметры, которые обязательно должны учитываться при этимологизации неисконной лексики, условно можно обозначить триадой «форма — семантика — ареал». Подробнее о применяемой автором методике см. [Гайдамашко 2014: 29–32, 2017b: 299–303].

1.4. Структура работы и принципы подачи материала

В целом структура работы следует поставленным задачам: в *Разделе 2* дается сводка субстратной финно-угорской лексики местных русских говоров и, как результат, в *Разделе 3* обрисовывается субстратный языковой ландшафт русских говоров Северного Прикамья (в том числе в сравнении с предшествующими выводами на материале ономастики и исторических дисциплин).

Формы слов цитируются без изменений. То же касается толкований (включая орфографию), заключенных во французские кавычки («»). Марровские же кавычки (‘’) могут указывать на толкования, переведенные автором с других языков, а также сконструированные исходя из сопутствующей иллюстрации картотечных материалов или путем компиляции толкований из различных источников.

Сокращенные названия муниципальных образований (за исключением относящихся непосредственно к ареалу исследования) даются в соответствии с сокращениями, принятыми в СРНГ. Сибирские материалы приводятся в исключительных случаях.

Номера примеров со впервые предложенными этимологиями русской лексики или со значительными дополнениями к существующим этимологическим решениям выделены полужирным.

2. Субстратная финно-угорская лексика в русских говорах Пермского края

В данной статье не привлекается к исследованию финно-угорская (как правило, коми) лексика, имеющая множество фиксаций на территории Верхнего и Среднего Прикамья (и шире) и подробно рассмотренная в предшествующих исследованиях: *áбу* ‘нет’ (Арх.; Волог.; Перм.) [Аникин 1: 74; Мызников 2019: 32], *áдáть* ‘есть’ (Арх.; Волог.; Перм.) [МСФУСЗ: 24; Аникин 1: 100; Мызников 2019: 35], *бáка* ‘трутовик’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.) [МСФУСЗ: 31; Аникин 2: 94; Мызников 2019: 67–68], *бáля* ‘овца’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 32; Аникин 2: 158, 160, 161–162; Гайдамашко 2011а: 421–423; Мызников 2019: 72–73], *бус* ‘пыль’, ‘мелкий дождь’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 43; Аникин 5: 201–202; Мызников 2019: 102], *бýгáть* ‘высыхать на ветру, морозе’, ‘выцветать на солнце’ (Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 44; Аникин 5: 271; Мызников 2019: 105], *зел*, *зелínка* ‘прут, тонкая деревянная планка’ (Волог.; Перм.; Удм.) [Матвеев 1959: 58, 1964: 292–293; Аникин 2000: 211; МСФУСЗ: 118–119; Мызников 2019: 202–203], *зыля* ‘ржавое

болото' (Волог.; Перм.) [Kalima 1927: 23; Фасмер 2: 109; Полякова 2007: 142; Гайдамашко 2014: 123–124; Мызников 2019: 205], *кага* 'дитя; младенец; грудной ребенок' (Вят.; Перм.; Урал.) [Kalima 1927: 23; Матвеев 1964: 294; Зверева 2007: 479; Мызников 2019: 218], *нянь* 'хлеб' (Вят.; Перм.; Урал.) [Матвеев 1964: 300; Аникин 2000: 413; Мызников 2019: 542], *няра, нярга, няргун* 'плачущий, хныкающий ребенок' (Арх.; Коми; Перм.; Урал.) [Матвеев 1964: 300; Зверева 2007: 479; Мызников 2019: 543–544], *на́рма* 'возвышенное место, покрытое глухим лесом' (Арх.; Волог.; Коми; Перм.) [Kalima 1927: 35; Матвеев 1959: 32, 1964: 301; Фасмер 3: 208; Мызников 2019: 583] и мн. др.

Широкое распространение этих лексем может быть обусловлено поздними переселениями (с соответствующей иррадиацией лексики), так же, как, например, многочисленные прибалтийско-финские, саамские и коми заимствования, бытующие в Прикамье благодаря былым перемещениям севернорусского населения на восток, но в меньшем масштабе (то есть переселениями на региональном уровне).

- (1) *балевáн* (Тиуново Гайн.), *балевáн* (Усть-Чикурья Гайн.) 'жимолюсть голубая (*Lonicera caerulea* L.)' [СРГСПК 1: 52] < коми [Зверева 2007: 478, 2008: 496, 2012: 104–105], ср. кп. сев. *балянянь*, левич. *баляняня* «жимолюсть (кустарник и ягоды)» [КПРС: 25]. Мена инлаутного *-н-* на *-б-/-в-* объясняется прогрессивной ассимиляцией. *Баляняня* значит букв. 'овечий сок'. Кп. слова считаются севернокоми-пермяцкой инновацией [Федосеева 2002: 432, 2015: 56–57].
- (2) *ба́чка* 'грудная клетка, грудь птицы или человека' (Акчим Красн.) [АС 1: 56], (Вёлгур Красн.; Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 71] < коми, ср. кз. *бака* вв., сс. 'грудные мышцы у птиц; мякоть, облегающая грудную кость', вс., лл. 'грудная кость у птиц' [КСК 1: 51]. Известными кп. и кя. источниками не зафиксировано, поэтому этимология на коми фоне затемнена. Приводятся параллели в марийских, мордовских, чувашском, якутском языках и предполагается связь фин.-угор. и тюркских данных [КЭСКЯ: 36]. Подробно см.: [Гайдамашко 2018: 35–36]. Также см.: [Мызников 2019: 82].

- (3) *бёрдыш* «куриное крыло, используемое в хозяйственных целях» (Тиуново Гайн.) [СРГСПК 1: 86] < коми, ср. кп. *борд* (*бордй-*) ‘крыло’, «крылышко (для подметания на шестке)», ‘плавник (рыбы)’ [КПРС: 37], кя. *борд* ‘крыло (у птицы)’ [Лыткин 1961: 89], кз. повс. *борд* ‘крыло, крылья; маховое перо’, ‘плавник’ [КСК 1: 84]. Коми слово исконно на перм. почве и возводится к оп. **bord-* [КЭСКЯ: 40; ср.: Csúcs 2005: 323]. Древнейшая судьба перм. лексики на фин.-угор. фоне остается неизвестной — «этимология неясна» [Лыткин 1964: 76]. Подробно см.: [Гайдамашко 2018: 36–37].
- (4) *бурган* «яма в овраге, в которую стекает вода» (Митюшата Ил.) [СПГ 1: 66; Полякова 2007: 45–46] < коми, ср. кп. *борган* ‘глухо журчащий’ (напр., *борган шор* ‘журчащий ручей’), ‘место падения ручья (потока); журчащий водопад (на небольшой речке)’, ‘погремушка (игрушка)’ [КПРС: 37], которое является причастием от кп. *боргыны* ‘с шумом течь; журча бежать (о воде)’ (см. также кп. *боргыны-виявны* ‘тихо журча, течь (сверху)’, *боргыны-котортны* ‘бежать (течь), тихо журча’) [КПРС: 37]. Изменение степени подъема гласного в анлауте может быть обусловлено слабой позицией и паронимической аттракцией к рус. словам с основой *бур-*, ср. литер. *бурливый* ‘сильный, стремительный; бурлящий’, *бурлит* ‘клокотать (о бурном потоке воды, волнуемом море)’, *бурный* ‘быстро, стремительно протекающий’ [БАСРЯ 2: 266, 267], *бурчат* ‘издавать особые звуки (о переливающейся или кипящей жидкости, движущемся воздухе и т. п.); урчать’, простореч. *буробить* ‘бить ключом, течь стремительно, с шумом (о воде)’ [ССРЛЯ 1: 700, 701] и мн. др. С другой стороны, это варьирование может указывать на особенности в фонетике субстратного коми диалекта, послужившего источником рус. слова (ср. рус. *у* ~ коми *о*, (52)). Широко распространено в качестве топоосновы в топонимии Коми-Пермяцкого округа и Республики Коми. Подробно см. [Гайдамашко 2014: 87–91].
- (5) *быглян* «небольшая деревяшка цилиндрической формы, которую использовали в качестве игрушки» (Харино Гайн.)

- [СРГСПК 1: 86] < коми [Зверева 2008: 492–493], ср. кп. сев. *быгъян* ‘шар; нечто круглое’ [КПРС: 48], исконное на перм. языковой почве [КЭСКЯ: 43; Csúcs 2005: 322]. Также см.: [Мызников 2019: 105–106].
- (6) *вад* ‘озеро’ (Коса Кос.) [Полякова 2007: 53; СРГСПК 1: 181] < коми [Полякова 2007: 53], ср. кп. сев. *вад* ‘лесное озеро (с заболоченными берегами)’ [КПРС: 52], кз. вв., вым., иж., лл., нв., скр., сс., уд. *вад* «топкая болотистая местность; топь, трясина; луговое непроточное озеро с топкими берегами и с топким дном» [КСК 1: 145]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 46]. В самостоятельном употреблении, в качестве топоосновы и топоформанта распространено в топонимии Республики Коми, севера Коми-Пермяцкого округа и сопредельных районов Кировской области. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 94–97]. Также см.: [Мызников 2019: 108].
- (7) *вачбáк* ‘сухой трутовик’ (Акчим Красн.) [АС 1: 113] < коми, ср. кп. *ватшк-* (при кп. *ватшкõн* ‘подражание звуку падающего дерева’, *ватшкõтны* ‘хрустеть, трещать (о падающем дереве)’, *ватшкыны* «жевать с хрустом, хрупать» [КПРС: 57]), кз. *вач-* (при кз. уд. *вач киссьыны* ‘с шумом рассыпаться’, *вач-вач* ‘хлоп; с треском’ [КСК 1: 163]) и кп. *бак, бака* (при кп. *бакатиак* ‘трутовиковый гриб’, сев. *кыдз бака* «березовая губка» [КПРС: 24], оньк. *bak, ba-ka* ‘березовый трут’ [Баталова 1990: 178]), кз. *бака* вв., вс., печ., сс., уд. «трутовик, березовая губка», вв., уд. «лиственничная губка» [КСК 1: 51]. Рус. *вачбак*, скорее всего, служит обозначением для лиственничного трутовика, верхняя часть плодового тела которого, в отличие от трутовика настоящего, часто имеет глубокие трещины. Впервые этимология предложена в [Гайдамашко 2009: 419] и повторена в [Аникин 6: 137]. Также см.: [Мызников 2019: 121].
- (8) *вежáй* ‘крестный отец’ (Новоселы Кос.) [СРГКПО: 59] < коми, ср. кп. устар. *вежáй* «крестный [отец]» [КПРС: 60], кя. *ви́жэй* ‘крестный’ [Лыткин 1961: 96], кз. вв., вым., лл., нв., печ., скр.,

- сс., уд. *вежай* ‘крестный отец’ [КСК 1: 168]. В коми языках — исконное образование при оп. *vęža ‘святой, освященный, священный’ [КЭСКЯ: 50] и *ajv ‘родитель’, ‘самец’ [КЭСКЯ: 31]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (9) *вежáнь* (Пож Юрл.), *вежáнька* (Чугайнов Хутор Юрл.), *вежáнья*, *вежáня* (Новоселы Кос.), *везáнька* (Сергеева Юрл.) ‘крестная мать’ [СРГКПО: 59] < коми [СРГКПО: 31; Зверева 2007: 480], ср. кп. устар. *вежáнь* «крестная [мать]» [КПРС: 60], кя. *вiјжан* ‘крестная’ [Лыткин 1961: 96], кз. вв., вс., вым., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *вежань* ‘крестная мать’ [КСК 1: 168]. В коми языках — исконное образование при оп. *vęža ‘святой, освященный, священный’ [КЭСКЯ: 50] и **an’v* ‘женщина’ [КЭСКЯ: 32–33]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (10) *вéжур* ‘гриб сыроежка (*Russula*)’ (Шипицыно Гайн.) [СРГСПК 1: 197] < коми [Зверева 2008: 495–496, 2012: 105], ср. кп. *вежьóр* «лисишка, лисички (грибы)» [КПРС: 61], при оп. *vęž ‘зеленый’, ‘желтый’ [КЭСКЯ: 49] и *jur ‘голова’ [КЭСКЯ: 335]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (11) *вiшьян*, *вiшьяны* «штаны из домотканого материала, которые носили мужчины и женщины» (Коэпты Черд.) [СРГСПК 1: 245] < коми [Зверева 2008: 492, 2012: 106], ср. кп. *вешьян* «штаны, брюки || брючный» [КПРС: 69], оньк. *višja-n* ‘брюки’ [Баталова 1990: 193]. Сопоставление рус. слова с коми устар. *визя гач* «пестрядинные (в полоску) штаны» [Мызников 2019: 136] вряд ли уместно, ср. кз. вв., нв., печ., скр., сс., уд. *визя* ‘полосатый, в полоску’ и кз. повс. *гач* ‘штаны, брюки || штанной, брючный’ [КСК 1: 206, 314]. Считается, что происхождение кп. *вешьян* неизвестно [Лобанова, Черных 2014: 27, 32], однако можно предположить, что слово образовано от кп. *вéшиыны* ‘отходить, отойти’, ‘перемещаться, переместиться’ [КПРС: 69] и суффикса отглагольных существительных со значением орудия действия *-ан* (*ян*) [Лыткин (ред.) 1962: 205–206], ср., напр., кп. *чышьян* ‘платок’ [КПРС: 551–552] — производное от кп.

- ч'ишкыны* ‘вытереть, обтереть, протереть’ [КПРС: 551] при оп. *чиш- ‘утирать, вытирать, выметать’ [КЭСКЯ: 314–315].
- (12) *вож* ‘низменное сырое место около реки’ (Ключи, Лябово Добр.) [Полякова 2007: 68] < коми [Полякова 2007: 69], ср. кп. *вож* ‘приток’ [КПРС: 77], кз. вв., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *вож* ‘приток, бассейн’ [КСК 1: 228]. Коми лексика относится к допермскому наследию [КЭСКЯ: 60]. В апеллятивном употреблении в рус. говорах почти не отмечается, но обширно представлено в гидронимии и ойконимии Верхнего Прикамья (Гайн. и Куд. — много, а также Вер., Добр., Ил., Ус.) и Республики Коми, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 104–107].
- (13) *гуркан, курган* ‘задняя часть спины лося’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 23, 1964: 291] < коми [Матвеев 1959: 23, 1964: 291], ср. кп. *гырк* ‘брюшная полость, внутренности, нутро’, ‘дупло’ [КПРС: 113], кя. *гөрк* ‘нутро тела, внутренности, утроба’ [Лыткин 1961: 108], кз. *гырк* вв., иж., лл., печ., скр., сс. ‘внутренность, утроба’, повс. ‘туловище’, иж., уд. ‘поясница, талия; спина’, сс. ‘сердцевина’ [КСК 1: 397–398], при оп. *gürk ‘внутренность, полость’ [КЭСКЯ: 85–86; ср.: Csúcs 2005: 333]. Также см.: [Мызников 2019: 172].
- (14) *дзас* ‘гуща чего-либо, чаще пива’ (Красн.) [Кривошекова-Гантман 1981: 59], *дзяз, дзяс, джяз, джяс* ‘густой осадок в жидкости’ (Акчим Красн.) [АС 1: 237] < коми. А. С. Кривошекова-Гантман предполагала связь этого слова с коми *идзас* ‘солома’ (якобы первоначально слово обозначало только то, что находится под непроцеженным пивом, — на дно корчаги с замешанным пивом коми-пермяки кладут солому, чтобы сусло лучше стекало в подставляемый сосуд, — затем расширило значение и стало обозначать всё, что оседает на дно чего-либо, т. е. гущу) [Кривошекова-Гантман 1981: 59]. С другой стороны (см. [Мызников 2019: 177]), возможно сравнение с кз. *чаж* уд. (Лат.) ‘картофельные выжимки’, вс. (Кг.), лл. (Лет., Об.) ‘жмыхи’, *чаз* вв., вс., вым., иж., лл. (Пор.), печ., скр., сс.

- «избоина конопляная, остатки от семян после выжимки масла», вв. (Бог., Ст.), иж., нв., печ. «крупные высевки (черемуховой муки, тертого табака)», вс. (Кг.) ‘жмыхи’ [КСК 2: 680–681], уд. *дзаж* ‘мезга, выжимки (картофельные, при изготовлении крахмала)’ [КСК 1: 418] и др., при оп. **č’aj* [КЭСНЯ: 300].
- (15) *дзэлька* (Пож Юрл.), *джэлька* (Миронова Юрл.) [СРГКПО: 87], *дзёлка*, *дзэлька*, *дзёлочка* (Усть-Чикурья Гайн.) [КСРГСПК; СРГСПК 2: 201–202], *зэлька* (Покча Черд.) [КСРГСПК] ‘молодая овца’. Ср. *дзэлька* ‘ягненок’ (Урал.) [СРНГ 8: 46], *зэлька* ‘овца’ (Коми-Перм.), ‘ягненок’ (Вят.; Удм.; Перм.) [СРНГ 11: 254] < коми [Фасмер 2: 93; Кривошекова-Гантман 1981: 51; Аникин 13: 336–337], ср. кп. *дзель* «ягненок (чаще о самочке)» (с производными *дзэля* ‘с ягненком’, *дзэля баля* ‘овца с ягненком’) [КПРС: 119], кз. иж., нв. *дзёля баля* ‘ягненок’ [КСК 1: 435]. Судя по всему, коми слово родственно сходным прибалтийско-финским данным и исконно в фин.-угор. семье [КЭСНЯ: 90; Хаузенберг 1972: 90–91]. Подробно см.: [Гайданашко 2011а: 423–424]. Также ср.: [Мызников 2019: 174].
- (16) *дзизгальник* ‘пьяница’ (Камгорт Черд.) [КСРГСПК] < коми. Ю. В. Зверевой предложено сравнение с кп. ни. *дзигавны*, оньк. *дзигалны* ‘падать, упасть’ (см. [КПРС: 120]) — предполагается образование рус. слова от кп. глагола и оформление его словообразовательными суффиксами *-аль-* и *-ник-* [Зверева 2007: 478–479]. На наш взгляд, фонетика рус. слова допускает сравнение со звукоподражательными кп. *дзйжгыны* ‘жужжать’ [КПРС: 120], кз. вв. *дзизгини*, вс., вым., печ., скр., сс. *дзизгыны* ‘жужжать; пищать (о насекомых)’ [КСК 1: 424].
- (17) *дзюлёк*, *дзюлёк* ‘желудок птицы’ (Акчим Красн.) [АС 1: 236–237] < коми [Кривошекова-Гантман 1981: 51], ср. кп. *чultz* ‘зоб у птиц’ [КПРС: 548], кя. *ч’ул* ‘желудок птицы’ [Лыткин 1961: 197], кз. вым. *дзуля*, вым. иж., лл. (Пор.) *дзуль* ‘желудок птицы’ [КСК 1: 440], вв. (Бог., Вольд.), вс., нв., печ., скр., сс., уд. *чultz* ‘зоб птицы’ [КСК 2: 739], при оп. **č’ül* ‘зоб’, ‘плод’, ‘личинка’,

- ‘нечто маленькое’ [КЭСКЯ: 313]. Любопытен консонантизм рус. слова, близкий к кз. диал. данным. Также см.: [Мызников 2019: 177].
- (18) *елтыш* (Сол., 1702) [СЛПП 1: 171], *ёлтыш* (Толстик Сол.) [СГСРПО: 154], (Акчим Красн.) [АС 1: 270], (Пыскор Ус.) [СПГ 1: 247], (Юрла Юрл.) [СРГКПО: 95], (Давыдово, Ужиткар Гайн.; Касиб, Останино Сол.; Анисимово, Вильгорт, Покча, Редикор Черд.) [КСРГСПК], *елтышóк*, *елтышóнок* (Акчим Красн.) [АС 1: 270], *ёлтышóк* (Володино, Осокино Сол.) [СГСРПО: 154], *ёлдыш*, *ёлдышек* (Редикор Черд.) [КСРГСПК] ‘короткий, толстый, нерасколотый обрубок дерева, бревна’. Ср. (Перм.; Свердлов.; Урал.; Сиб.) [СРНГ 8: 348–349] < коми [Мызников 2019: 186], ср. кп. *ёлтыш* «колода, кругляк, чурбан, короткий обрубок дерева» [КПСР: 138], кз. вв. (Крч.), вым. (Кони), иж. *йёлтыш* «чурбан, отрубок, полено» [КСК 1: 612]. А. Е. Аникин указывает, что связь с коми диал. «несомненна», «но коми слово может быть из рус.» [Аникин 2000: 198]; и позднее: «скорее всего, рус. < коми» [Аникин 15: 328].
- (19) *ёхла* ‘вяленая рыба’ (Кын Лысьв.) [СПГ 1: 251] < манс., ср. манс. сев. *joχəl*, сл. *jāχel*, *joχlä*, *jāχlä* ‘вяленая рыба’ [WW 1986: 164], пел. *jəχmä*, вл. *jəχxl* ‘рыба, разрезанная на спине и вяленая около двух недель на солнце’ [WW 2013: 199]. Впервые этимология прикамского диал. слова предложена в [Gaidamaško 2013: 210] по аналогии с материалами ранних полевых записей А. К. Матвеева в Гаринском районе Свердловской области [Матвеев 1958: 80, 1959: 59]. Также см.: [Аникин 16: 84].
- (20) *зыля* (Лобанова Юрл.), *зылька* (Юм Юрл.), *зырька* (Ефремова Юрл.) «замерзшая коровья лепешка, кусок конского навоза» [СРГКПО: 110] < коми [Гайдамашко 2014: 124], ср. кп. диал. (без уточнения) *зыля* ‘комоч мерзлого лошадиного помета’ [Лыткин 1955: 100], которое, возможно, связано с кз. *зыля* вв. (Бог.), вым., нв., скр., ‘трясина’, вым. (Кони) ‘сырое место, где стоит ржавая вода’ [КСК 1: 556].

- (21) *зыр* ‘лопата для вынимания хлеба из печи’ (Мележ Черд.) [СПГ 1: 336] < коми [Зверева 2008: 493–494], ср. кп. *зыр* ‘лопата’ [КПРС: 151], кз. *зыр* вв., вс., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. ‘лопата’, вым., уд. ‘деревянная лопата’ [КСК 1: 571], а также кп. *нянь зыр* «лопата для сажания хлеба в печь» [КПРС: 151], кя. *нан’ зэр* ‘хлебная лопата’ [Лыткин 1961: 116], кз. вв., иж., нв., скр., уд. *нянь зыр*, лл., скр., уд. (Косл., Чупр.) *пӧжасян зыр* ‘хлебная лопата’ [КСК 1: 571].
- (22) *ижман* (Каргино Ил.) [СПГ 1: 344], (Посад Нердв.; Илаб Сол.) [КСРГСПК], *ижуман* (Зориново Кар.) [СПГ 1: 344], *у́жман* (Коми-Перм.) [Матвеев 1964: 293], *южман* (Илаб Сол.) [КСРГСПК], *жман* (Рождественское Кар.) [КСРГСПК] ‘жимолость голубая (*Lonicera caerulea* L.)’ < коми [Матвеев 1964: 292–293; Зверева 2008: 496, 2012: 104–105; Мызников 2019: 209], ср. кп. *ыжман* (без помет) [КПРС: 578], ош. *ижман* [КПРС: 153], *ыжбан* (без помет) ‘жимолость (кустарник и ягоды)’ [КПРС: 577], оньк. [Баталова 1990: 183], нердв. *ыжбан*, нердв., оньк. *жбан* ‘жимолость татарская’ [Меркушева 2003: 213, 214], зюзд. *узӧн* [Лыткин 1955: 126], кя. *ӧжмала*, *рӧжмала* ‘жимолость’ [Лыткин 1961: 159], кз. вв., вым. (Весл., Кони), иж., нв., уд. *ыжман*, вс. (Кб., Кг., Уж.) *ыжмалъ*, нв. (Кожм., Кокв., Паль, Сл.) *ныжман* ‘жимолость голубая’ [КСК 1: 1023; 2: 832], вс. *ыжмол* ‘жимолость’ [Лыткин 1955: 126]. А. К. Матвеев предполагал, что рус. слово может быть калькой кз. *ыжнёнъ* (букв. ‘овечий сосок’) [Матвеев 1964: 293], ср. кз. вв. (Крч.), лл., печ., скр., сс. *ыжнёнъ*, сс. (Ыб) *ужнёнъ* ‘жимолость голубая’ [КСК 2: 648, 832]. Напротив в КЭСКЯ: «⟨...⟩ формы типа *ыжнёнъ* получились в результате народной этимологии» [КЭСКЯ: 329] (при этом «происхождение названия жимолости в коми языке остается невыясненным» [КЭСКЯД: 44]). На наш взгляд, указанная рус. лексика в Северном Прикамье явно происходит от кп., что подтверждается ее характерным ареалом, а также — косвенно — распространением разных лексических вариантов

в большинстве коми диалектов и удм. языке, ср. удм. *ыжноны* ‘жимолость голубая’ [РУС 1: 386], букв. ‘овечий сосок’. Коми лексика по причине богатого фонетического варьирования (*ыжман* ~ *ижман* ~ *ныжман* ~ *ыжбан* ~ *жбан* ~ *ыжнёнъ* ~ *ужнёнъ* ~ *узнёнъ* ~ *ыжмоль* ~ *ужмаль* ~ *рөжмаля* и др.) сама, скорее всего, является заимствованием из третьего источника, ср. мар. *ош-киза* ‘жимолость’ (букв. ‘белая рученька’), чув. *вйш* ‘жимолость’, *уш(я)* ‘боярышник’ (где чув. данные могут указывать на то, что было какое-то поволжское субстратное название жимолости типа *иш) [сообщение А. В. Савельева].

- (23) *ичмóнька* ‘невестка’ (Мысы Гайн.) [КСРГСПК] < коми [Зверева 2007: 480], ср. кп. *ичмóнь*, *ичмóнька* ‘молодая невестка, молодлица, молодуха, молодка’ [КПРС: 157], кз. вв., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. (Мез.) *ичмонь*, вс. *ичмóнь* ‘молодуха, молодлица, невестка’ [КСК 1: 597]. В перм. языках это исконное образование [КЭСКЯ: 110].
- (24) *кéрос* ‘поляна в лесу на месте вырубки’ (Ил.; Кар.; Черд.) [Кривощекова-Гантман 1981: 49] < коми [Кривощекова-Гантман 1981: 49–50], ср. кп. *керас* ‘вырубка’ [КПРС: 170], ‘новая вырубка’ [Кривощекова-Гантман 1974: 34], кз. вв., вым., лл., печ., скр., сс. *керас*, вс. *керöс* ‘вырубка, место, где вырубают или вырубали лес’ [КСК 1: 658, 660]. Прикамский апеллатив не следует смешивать с рус. *керас*, *керес*, *керос* ‘гора, возвышенность’ (Арх.; Коми) [СРНГ 13: 186; СГРС 5: 111] при кз. вс. (Гр., Кг., Уж.), вым. (Кони), лл., печ., скр., сс., уд. *керöс* ‘возвышенность, гора (иногда покрытая лесом)’ [КСК 1: 659], кп. *керöс* ‘гора, возвышенность’ [КПРС: 171], ‘подъем’ [Кривощекова-Гантман 1974: 34] (см. подробно: [Kalima 1927: 19; Фасмер 1: 315; Мызников 2019: 281]). Оба коми гнезда омофоничны на русский слух и открывают широкие возможности для контаминации. Обширно представлено в микропонимии и ойконимии Верхнего Прикамья (Гайн., Красн., Куд., Черд., Юсьв.) и Республики Коми. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 131–133]. Также см.: [Мызников 2019: 286].

- (25) *кідас* (Акчим Красн.) [АС 2: 41], (Вёлгур Красн.; Купчик Черд.) [КСРГСПК], *кідус* (Акчим Красн.) [АС 2: 41], (Вильгорт Черд.) [СПГ 1: 388], (Дий, Черепанов Черд.) [КСРГСПК] ‘помесь куницы и соболя’ < коми [Хаузенберг 1972: 47–48; Аникин 2000: 287; Мызников 2019: 295], ср. кя. *кідас* ‘красноватый соболя, помесь куницы с соболям’ [Лыткин 1961: 125], кз. *кидас*, иж. *кидус* [Хаузенберг 1972: 47], печ. *кидӧс*, вв. (Бог.), печ. (Пкч.) *кидэс*, вв. (Укл.) *идус* ‘помесь куницы и соболя’, печ. *кидӧс*, вв. (Бог.) *кидэс* ‘помесь, гибрид, метис (зверей, птиц)’ [КСК 1: 582, 662]. Обратное направление заимствования (коми < рус.) безосновательно утверждается в [Лыткин 1961: 125; КЭСКЯ: 123]. А. Р. Хаузенберг доказывает исконное происхождение коми лексемы [Хаузенберг 1972: 48; следом: КЭСКЯД: 24], ср. кз. вв., печ., скр., сс. *кид* ‘робкий, пугливый, боязливый; нелюдимый, застенчивый, дикий’ [КСК 1: 662]. Распространение коми слова только в указанных диалектах обусловлено ареалом бытования животного (преимущественно в северном Приуралье, на западе — до верховьев Вычегды, восточных районов Кировской области и северных районов Удмуртии [Хаузенберг 1972: 47]).
- (26) *киль* ‘луковая шелуха’ (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК] < коми [Матвеев 1964: 294], ср. кп. *киль* ‘шелуха, лузга’, ‘перхоть’ [КПСР: 173]. Коми слово исконно и восходит к оп. **kil*’ или **kil*’ [КЭСКЯ: 124; Csúcs 2005: 343]. Также см.: [Мызников 2019: 298].
- (27) *кóлтыш* ‘сырое яйцо’ (Юм Юрл.) [СПГ 1: 408; СРГКПО: 124], ‘скорлупа от яйца’ (Осинка Юрл.) [СРГКПО: 124], *кóлька* (Дуброво, Куштоман Ел.) [СПГ 1: 409], *кóлькиш* (Базуево Гайн.; Пож Юрл.) [СРГКПО: 125] ‘яичная скорлупа’ < коми [Матвеев 1964: 295; СРГКПО: 30; Зверева 2008: 493], ср. кп. *кольть* (сев. *кольк*) ‘яйцо || яичный’, *кольть кыш* ‘яичная скорлупа’ [КПСР: 181, 182, 216], кз. вв., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *кольк* ‘яйцо || яичный’ [КСК 1: 702]. Коми слово исконно на фин.-угор. почве [КЭСКЯ: 130–131; ср.: Csúcs 2005: 345]. Вариантность консонантизма рус. слов обусловлена кп. диал. варьированием,

- ср. кп. южн. / повс. *кольть* ~ кп. сев. *кольк*, при этом: а) рус. *ко́лтыши* ‘скорлупа от яйца’ (запад Юрл.) < кп. южн. *кольть кыш*, б) рус. *ко́лтыши* ‘сырое яйцо’ (запад Юрл.) < кп. южн. *кольть*, в) рус. *ко́лькиши* (Гайн. и восток Юрл.) < кп. сев. *кольк кыш*, г) рус. *ко́лька* (Ел.) < или принесено переселенцами с севера Прикамья (с кп. сев. субстратом), или усвоено от ассимилированного местного коми населения (архаичный идиом которого по фонетике близок кп. сев. и кз., что вполне ожидаемо на былой периферии коми языкового массива). См. также *Разд. 3.1* (и специально *3.1.2*).
- (28) *кулу́п* «обмет, сеть для ловли соболя, куницы» (соболя — Растес Ал.; куницы — Чус.) [Матвеев 1959: 63], (Вильва Чус.) [СРГСУ 2: 41] < манс. [Матвеев 1959: 63], ср. манс. сев. *χūlēr*, *χūlр*, сл. *khulр*, *khulēr*, *khūlр*, пел. *khulēr*, *khulр* ‘рыболовная сеть, ловушка’ [WW 1986: 119], нк. (Нахр.) *χi'лр*, ск. (Леуш) *kuлр*, вк. (Шаим) *kūлр*, пел. *kūлр*, св. (Заоз.) *kuлр*, св. (Кама) *kūлр*, юв. *kūлр*, нл. (Куз.), сл. (Перш.) *kūлр*, вл. (НИ) *ᵏχūл'р*, сосъв. (Сарт.) *χūл'р* ‘сеть’ [WW 2013: 295]. Также см.: [Матвеев 1958: 80].
- (29) *ку́шка* ‘луг, поляна’ (Басим Сол.) [СПГ 1: 458; Полякова 2007: 187] < коми [Полякова 2007: 187], ср. кп. *куш* ‘голый; обнаженный’, ‘лысый’ [КПРС: 206] (см., напр., производное *кушин* «плешина, безлесное место; вырубленный участок, вырубка» [КПРС: 207]), кз. *куш* ‘пустой’, ‘голый, оголенный; обнаженный’, вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. ‘пустырь; безлесное место’, вв. (Виш.) ‘безлесное болото’ [КСК 1: 781], кз. *куш* ‘поляна, полянка, голое место’, удм. *куш* ‘лесная поляна’, а также эрз. *кужо* ‘поляна’, ‘место для хоровода’, мокш. *кужа* ‘поляна, прогалина’ [КЭСКЯ: 148]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 156–157].
- (30) *лэ́ля* ‘улитка’ (Тимина Юрл.) [СРГКПО: 137], (Лямкино Кар.; Пыскор Ус.), *лэ́лька* (Сива Сив.) «улитка, которая паразитирует на огородных растениях. Слизень» [СПГ 1: 471] < коми, ср. кп.

лѣль ‘улитка, слизняк’, кз. вс., лл., печ., скр., сс. *лѣльѳ*, нв. *лѣле*, лл. *лѣлѣ* и др. ‘улитка; гусеница’ [КСК 1: 834, 835]. Коми лексика возводится к оп. **l’ol’-* [КЭСКОЯ: 159].

- (31) *нѣндуль* (Кривцы Гайн.) [КСРГСПК], *мѣндуль* (Ананькина Юрл.) [СРГКПО: 149], (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК] ‘гриб валуй (*Russula foetens* Pers.)’ < коми, ср. кп. *нѣндуль* ‘валуй (гриб)’ [КПРС: 274], кя. *н’имдѳл’* ‘валуй (гриб)’ [Лыткин 1961: 154], кз. сс. *миндуль* ‘название гриба’ [КСК 1: 919]. Т. Н. Меркушева полагает, что название *нѣндуль* является собственно кп. образованием и значит букв. ‘лыковая слюна’ или ‘липовая слюна’ [Меркушева 2003: 62, 76, 87]. Впервые коми этимология для сходных рус. данных предложена в [Матвеев 1964: 300], также см.: [Мызников 2019: 530].
- (32) *нѳмор* ‘мелкие насекомые’ (Илаб Сол.), ‘маленькие дети’ (Редикор Черд.) [КСРГСПК], *нѳмырь*, *номорѳята*, *номырьѳта* «собирает. о маленьких детях» (Пож, Юм Юрл.) [СРГКПО: 163–164] < коми [СРГКПО: 30–31; Зверева 2007: 479–480, 2012: 108], ср. кп. *нѳмыр* ‘червь, червяк; черви (в разлагающихся организмах)’, ‘скопление мелких насекомых’, ‘(перен.) выводок, множество детей’ [КПРС: 277]. Кп. лексика имеет когнаты в кз. и удм., на основе чего восстанавливается оп. **nomir* [КЭСКОЯ: 194]. Также см.: [Мызников 2019: 532].
- (33) *нѳрос* ‘изгиб реки’ (Ил.; Кар.) [Кривошекова-Гантман 1981: 50] < коми [Кривошекова-Гантман 1981: 50], ср. кп. истор. *норыс*, *нѳрѳс* [Рогов 1869: 107], совр. *нѳрыс*, *нѳрѳрыс*, *нѳрѳс*, *нѳрѳрѳс* ‘гривка, небольшая возвышенность, холм, бугор, увал между логами’ [Кривошекова-Гантман 1974: 37–38], кя. *нѳрыс*, *нѳрыс* ‘бугор, возвышение между двумя лощинами’ [Лыткин 1961: 151], кз. лл. (Лет., Сл.) *нѳрѳс*, печ., уд. *нѳрыс* ‘излучина, крутой поворот; изгиб (реки)’ и др. [КСК 1: 1017]. В коми языках исконно [КЭСКОЯ: 195]. Известно в местной топонимии (Гайн.; Красн.; Куд.; Юсьв.) и на территории Республики Коми, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 223–225]. Также см.: [Мызников 2019: 534].

- (34) *нёрка* (Морозково Сукс.), *нерóвка* (Усть-Иргино Сукс.) ‘мелкая щука’. Ср. (Свердл.) [Гайдамашко 2020: 419] < манс., ср. манс. тавд. (БЧ, Ян.) *ńerki*·, нк. (Нахр.), ск. (Леуш) *ńark*, пел., св. (Кама), юв., нл. (Куз.) *ńirká*, св. (Заоз.) *ńirke*, сосъв. *ńirki* ‘маленькая рыба, молодая рыба (окунь, ерш)’ [WW 2013: 550]. Подробно см.: [Гайдамашко 2020].
- (35) *нърры* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 66], (Акчим Красн.) [АС 3: 86], (Вёлгур, Мартино Красн.) [КСРГСПК], *нърки* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 66], *нърók* (Акчим Красн.) [АС 3: 86] ‘охотничьи сапоги из оленьей кожи’ < манс. [Kalima 1927: 33; Матвеев 1959: 66; Мызников 2019: 545], ср. манс. тавд. (БЧ, Ян.) *ńerà*·, нк. (Нахр.) *ńārə*, ск. (Леуш) *ńērə*, вк. (Шаим) *ńērə*, пел., св. (Заоз.) *ńērà*, св. (Кама) *ńä`rà*, юв. *ńārà*, нл. (Куз.) *ńērà*, сев. *ńārà* ‘обувь (из меха с ног оленей, лосей), сапоги’ [WW 2013: 548].
- (36) *оль* ‘редкий невысокий лес на низких сырых местах’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 32, 1964: 300], (Дий Черд.) [КСРГСПК] < коми [Матвеев 1959: 32, 1964: 300], ср. кп. *оль* «согра (березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)», ‘сырое, болотистое место’ [КПРС: 292], кз. вв., вым. (Весл., Кок., Кони, Онеж., Синд.), нв., печ., скр. (Слб.), сс., уд. (Мез.) *оль*, нв. *ольвыв*, печ. (Пкч.) *оль-тас* «согра, сырое травянистое место с мелким лесом» [КСК 1: 1072–1073]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 233–235]. Также см.: [Мызников 2019: 555].
- (37) *першук* (Акчим Красн.) [АС 4: 40], (Романиха Красн.) [Кривощекова-Гантман 1981: 52], (Вёлгур Красн.; Вильгорт, Купчик, Цыдва, Черепаново Черд.) [КСРГСПК], (Нюзим, Тиминская Черд.) [МЭ], *персук* (Бондюг Черд.) [КСРГСПК], *перш* (Акчим Красн.) «разновидность лесных птиц — небольшая птица с серым оперением, питающаяся семенами хвойных деревьев, преимущественно кедра» [АС 4: 40], ‘кедровка, ореховка (*Nucifraga caryocatactes*)’ < коми [Матвеев 1964: 302;

Кривошекова-Гантман 1981: 52; Мызников 2019: 599], ср. кя. *пэрк* ‘кедровка’ [Лыткин 1961: 162], кз. вв. (Крч., Нёб.), иж., лл., печ., скр. (Койт.), сс. *перк* ‘кедровка или ореховка’ [КСК 2: 99]. Отсутствие слова в кп. источниках может быть обусловлено ареалом обитания птицы в Приуралье, к востоку от территории бытования совр. кп. говоров.

- (38) *пырóm* ‘укрытие, образуемое поваленными деревьями, кустарником, занесенное снегом’ (Акчим Красн.) [АС 4: 163] < коми. Ранее [Кривошекова-Гантман 1981: 53–54] предлагалось сравнение с кп. *пырóm* — прич. от *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти’, ‘лезть, влезть, залезать, забираться; пробираться’, ‘проникать, просачиваться’ и др. [КПРС: 391–392], также ср. кя. *пөрнө* «заходить, зайти; проникать, проникнуть (например, вода в лодку), воткнуться (например, топор в дерево)» [Лыткин 1961: 169], кз. *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти; лазить, лезть; залезать, залезть’, ‘проникать, проникнуть’ и др. [КСК 2: 260]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 246–248]. П. С. Злобин при обсуждении черновика данной статьи предложил более корректное сравнение — с кп. *пөрóm* [пуэз] ‘валежник’, кз. *пөрóm* ‘бурелом’ при *пөрны* ‘падать, валиться, опрокидываться (о деревьях, поваленных ветром)’.
- (39) *рып* ‘нарост на дереве из очень прочных слоев’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 71], (Акчим Красн.) [АС 5: 40], (Усть-Улс Красн.) [СРГСПК 1: 47–48], (Нырб Черд.; Марино Красн.) [КСРГСПК] < манс. [Матвеев 1959: 71], ср. манс. сев., сл., пел. *rēpēs* «рябой, мягкий свол, пеганная, березовая своль (átrepül egyik nyírfágól a másikra)» [WW 1986: 499], пел. *rēpśś*, сосьв. (Сарт.) *rēpásś* ‘свилеватое дерево’ (“Maserholz”), вл. (НИ) *rēpásś* ‘березовая свиль (довольно мягкая, волокнистая древесина; из нее делают рукоятки ножей и чашки)’ [WW 2013: 691].
- (40) *сёрд* ‘отдаленный участок леса’ (Коса Кос.) [Полякова 2007: 407] < коми, ср. кп. сев. *сёрд* «дальний, по представлениям

местных жителей, участок земли: дальнее поле, дальний лес, задворки, кулички» [Кривошекова-Гантман 1974: 40], кп. коч., кя. *s'ord* ‘задняя часть какой-нибудь площади (полатей, поля)’ [КЭСКЯ: 253], кз. вв. (Бог.), вым. (Кони), нв., скр., сс. (Чухл.) *сёрд* ‘ельник в низинной местности’ [КСК 2: 359]. Коми лексика возводится к общекоми **s'ord* [КЭСКЯ: 253]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 254–255].

- (41) *сирин* ‘задняя часть, тазовая кость лося’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 35, 1964: 303] < коми [Матвеев 1959: 36, 1964: 304–305], ср. кз. *сирин* вв. (Бог.), иж., уд. ‘крестец’, уд. ‘задний проход (у коров)’, печ. *сирим дзуля*, вв. (Бог.) *сирин дзуля*, вым. (Весл., Кони) *сиринь* ‘крестец’, уд. *сирин дін*, иж. *сирин лы пом*, вым. (Кони) *сиринь пом* ‘вертлуг’ [КСК 2: 378]. В КЭСКЯ коми лексика под вопросом сравнивается с созвучными, но далекими по семантике мар. и венг. данными [КЭСКЯ: 257], хотя, по нашему мнению, в коми это композит при повс. *сир* ‘смола || смолистый’ и *ин* ‘место’. Также см.: [Мызников 2019: 738].
- (42) *тола́* ‘сугроб, надув, скопление снега’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 35; 1964: 304], *тола́*, *то́лки*, *то́лы* «о значительных, возвышающихся наносах снега на земле или на крышах» (Акчим Красн.) [АС 6: 23, 24, 27], *то́лы* (Мартино Красн.) [КСРГСПК], *то́лы* «напльвы, гребни на сугробах» (Тауш Черн.) [СРГЮП 3: 234] < коми [Матвеев 1959: 36, 1964: 304–305] (обратное направление см.: [Лыткин 1955: 120]), ср. кп. *стола́*, *тола́*, иньв. *стоа́*, *тоа́*, *стова́*, *това́* ‘сугроб; занос’ [КПРС: 451, 476], кя. *тола́* ‘сугроб’ [Лыткин 1961: 186], кз. вв., вым., иж., нв., печ. (Аб., У.-И.), скр., сс., уд. *тола* ‘снежный занос; сугроб’ [КСК 2: 540]. Подробно и с обоснованием направления заимствования рус. < коми. см.: [Гайдамашко 2016: 34–39].
- (43) *туга́н* ‘молодые побеги сосны, используемые в народной медицине’ (Юм Юрл.) [СРГКПО: 241] < коми, ср. кп. *туга́н*

‘весенний побег молодой сосны’ [КПРС: 491], кз. повс. *туган*, скр. (Выльг.) *туг* ‘верхушка, вершина (дерева)’ [КСК 2: 576]. Коми лексика исконна, подробно см.: [КЭСКЯ: 285].

- (44) *тулум* (Ивакинский Карьер Ал.; Быгель Березники) [Полякова 2007: 378], (Растес Ал.) [Матвеев 1959: 36, 1964: 305; СРГСУД: 535], *тулым*, *тулымник* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 36, 1964: 305] ‘порог, скопление больших камней в русле реки’ < манс. (~ кя.?). А. К. Матвеев ранее возводил к кя. источнику [Матвеев 1959: 36], ср. кя. *тулом* ‘порожистое место в реке, с крупными камнями, перекат’, *туломá* ‘каменистый с перекатами, с порогами (о реке)’, *туломáлно* ‘бурлить, быстро течь (о порожистом месте в реке)’ [Лыткин 1961: 187], с дальнейшими сравнениями с гидронимией Карелии и Кольского полуострова (в названиях порожистых рек) и вопросом: «Протосаамский субстрат?» [Матвеев 1959: 36]. Позже были добавлены и тунгусо-маньчжурские данные со значением ‘камень, скала; каменный’ [Матвеев 1964: 305]. Автором была предложена манс. этимология прикамского диал. слова [Гайдамашко 2014: 275–279], ср. манс. сев. *tülèm* ~ *tüwlèm*, сл. *tülèm*, пел. *tülèt* ‘тучный, откормленный (о лошади)’ (см. в названиях гор: сев. *tülèm-lü-pali-ur*, сл. *tülèm lü-lü-päl-ur*) [WW 1986: 676], также см.: [Матвеев 2011: 103]. При верно выбранном направлении заимствования — ареал русского слова в Прикамье указывает скорее на манс. происхождение, см. примеры *кулун* (28), *юкора* (62) и местную топонимию [Смирнов 2012] — этимология неудовлетворительна в отношении семантики. В любом случае если проникновение кя. лексики в Верхнее Привишерье (*тулым*, *тулымник*) допустимо (ср. *гуркан* (13)?), то ее неспорадическое распространение в бассейнах Косьвы и Яйвы (*тулум*) вряд ли объяснимо. В бассейнах Косьвы и Яйвы — субстрат «угорского» типа? Когнат кя. лексики или ее источник?
- (45) *туман* ‘проточное озеро’ (Акчим Красн.) [АС 6: 48] < манс., ср. манс. сев., сл., нл., пел. *tumèn*, конд. *tomèn* ~ *tumèn* ‘озеро,

- через которое протекает река' [WW 1986: 679]. Впервые этимология прикамского диал. слова предложена в [Gaidamaško 2013: 210] по аналогии с материалами ранних полевых записей А. К. Матвеева в Гаринском районе Свердловской области [Матвеев 1958: 76, 1959: 75]. Подробно см.: [Гайдамашко 2013: 59–60, 2014: 279–281].
- (46) *ту́на* 'сова' (Лысёхино Кар.) [СПГ 2: 454], *тупка* 'сыч, сова' (Сол.) [Кривощекова-Гантман 1981: 52] < коми [Кривощекова-Гантман 1981: 52; Мызников 2019: 808], ср. кп. *ту́пка* 'сова; филин' [КПРС: 493], истор. *тупка* 'сыч', *тупка сјузј* 'сова' [Рогов 1869: 164], также кз. *тупъюр* 'сова' [КЭСКЯ: 286], лл., печ., сс. *тупъюр варыш* 'лапландская сова, или каменная неясить' [КСК 2: 586]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 286–287].
- (47) *тупо́ска*, *тупо́ська* (Юм. Юрл.), *тупо́шька* (Сергеева Юрл.) 'творожная запеканка, оладья (без крупы)' [СРГКПО: 242] < коми, ср. кп. *тупо́сь*, *тупо́ська* 'булочка, плюшка' [КПРС: 494], кз. скр. *тупо́сёк*, вс., вым., лл., нв., печ., сс., уд. (Гл.) *тупо́сь*, вс. (Кг.), лл. (Зан., Пр., Сл.) *тупо́ська* 'небольшой круглый хлебец из ржаного теста', лл., скр. *тупо́сь* 'коврига, каравай' [КСК 2: 586]. -шь- в рус. слове отражает «шепелявый» характер коми глухого альвеопалатального спиранта [ɟ]. Сравнение с коми предложено: [КЭСКЯ: 286]. Также см.: [Зверева 2008: 494].
- (48) *турасный* «крепкий, красивый» (Малые Долды Черд.; Егва Ил.) [СПГ 2: 455] < коми, ср. кз. *тураса* вым. (Кони), печ. (Аб.) 'объемный, большого объема, громоздкий', печ. 'плотный, полный, крепкий, коренастый' при кз. вв., вс., вым., лл., печ., скр., сс. *турас* 'объем, величина' [КСК 2: 587]. Дальнейшее сопоставление коми лексики с фин.-угор. данными см.: [КЭСКЯ: 287].
- (49) *тусь* (Ныроб, Цыдва Черд.; Тиуново Гайн.), *тюс* (Марушева Черд.) 'ячменная крупа крупного помола' [КСРГСПК] < коми, ср. кп. *тусь* 'зерно (злаков)' [КПРС: 496], кя. *түс* ' (*түс'өн*)

- ‘зерно’ [Лыткин 1961: 189], кз. *тусь* вв., вс., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. ‘зерно, зернышко’, уд. ‘зерно, жито (в закромах)’, вв. (Бог.), уд. ‘мельчайшая частица, крупица, крупинка, кроха, крошка, зернышко чего-л.’ и др. [КСК 2: 593]. Коми слова и удм. *тысь* ‘зерно, семя’ восходят к оп. **tus*’ [КЭСНЯ: 288; ср.: Csúcs 2005: 387], которое заимствовано из болгарского языка (т. е. не раньше конца VIII в., а скорее всего — в IX–XII вв.) [Напольских 2015: 170, 491]. Любопытно, что вокализм рус. слова, отмеченного в Марушева Черд. (*тjос*), близок к вокализму кя. лексики. Сравнение сходных рус. данных с коми предложено: [Матвеев 1964: 305]. Также см.: [Зверева 2008: 494, 2012: 106].
- (50) *уль* ‘сырое, болотистое место в лесу’ (р. Вишера) [Мурзаев 1984: 576] < манс., ср. манс. пел. *βūl*’ ‘заболоченное место, заросшее кедром’, нл. (Куз.) *ūl*’ ‘местность, заросшая кустарником, невысоким лесом’ («mit Gestrüpp bewachsene Gegend, der Wald ist nicht besonders hoch | согра») [WW 2013: 149]. Также см.: [Матвеев 1959: 76; Гайдамашко 2014: 233–235].
- (51) *ўмра* (Акчим Красн.) [АС 6: 76], (Лямкино, Нердва Кар.; Нилиги Ил.) [СПГ 2: 475], (Говорливое Красн.; Бондюг Черд.) [КСРГСПК], *му́мра* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 152], (Бондюг, Очго-Кошелева Черд.) [Васёв 2006: 25], (Нырб, Рожнёво Черд.) [КСРГСПК], *му́рмянка* (Сивково Сукс.) [СРГСУД: 311], *мы́мра* (Кривцы Кос.) [СРГКПО: 153] ‘болиголов пятнистый (*Conium maculatum* L.)’, *му́мренка* (Морозково Сукс.), *мумры́нка* (Сажино Сукс.) ‘растение дягиль’ [СРГСУ 2: 147], *му́рмянка* (Брехово Сукс.) «невысокая трава, растущая возле жилья» [СРГСУД: 311] < коми, ср. кп. сев. *о́мра* ‘дягиль, дудник’, *ўмра* ‘дягиль’ [КПРС: 293, 513], кя. *ўмра* ‘дудник (трава)’ [Лыткин 1961: 191], «дудник, из стебля которого делают свирель» [КЭСНЯ: 205], кз. вв., вым., иж., нв., печ. *о́мра* ‘дудник, дягиль’, вв., иж., нв., печ. *о́мра гум* ‘то же’, вв. *о́мра пöлян* ‘дудник лесной, дягиль лекарственный’ [КСК 1: 1075], вс., лл., сс. *умра* ‘дудник, дягиль’ [КСК 2: 659], лл. *умра гум* ‘дудник

- (дягиль)’ [Ракин 1989: 54]. Считается, что коми лексика послужила источником удм. слоб. *омбро* ‘болиголов’ [Максимов 2016: 114–115]. Далее в фин.-угор. семье коми слова сопоставляются с эрз. *умбрав* ‘щавель’, на основе чего восстанавливаются допермская праформа *umbra [КЭСКЯ: 205] и финно-пермская — **om(p)ra* [UEW 2: 718]. Допускается, что в фин.-угор. языках это иранское заимствование [UEW 2: 718]. Подробно см.: [Гайдамашко 2017b: 318–324].
- (52) *урдым* (Ныроб Черд.) [Полякова 2007: 385–386], (Рожнёво Черд.) [КСРГСПК], *урдымо́к* (Адамово, Рожнёво Черд.) [КСРГСПК] ‘неширокая лесная дорога’ < коми [Полякова 2007: 385–386], ср. кз. вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *ордым*, вв. *ордiм* ‘тропинка, лесная дорога’, вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *ордым*, вв. *ордiм* ‘просека’ [КСК 1: 1081], удм. *урдым* ‘плетень’ [КЭСКЯ: 207]. Коми(-пермяцкое?) слово, запечатленное в субстратном наследии рус. говоров Чердынского района, видимо, отражает иной, нежели в совр. кз. лексике, вокализм анлаута, близкий к удм. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 289–291].
- (53) *чешья́н* ‘головной платок’ (Кедровка Черд.) [КСРГСПК] < коми [Зверева 2012: 107], ср. кп. *чышья́н* ‘платок’ [КПРС: 550], кз. повс. *чышья́н* ‘платок’ [КСК 2: 749]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 315].
- (54) *чибо́лька* ‘жеребенок’ (Пож Юрл.) [СРГКПО: 260] < коми, ср. кп. *чи́би*, *чи́бу* ‘жеребенок’, дет. ‘лошадка’, кп. *чи́ба-чи́ба* ‘междометие, которым подзывают жеребенка’, *чи́бу-чань* ‘жеребенок’ [КПРС: 534], кз. нв. *чиб*, вв. (Крч.) *чибе*, уд. *чибей*, лл. (Чтв.) *чиби*, вс., нв., печ., скр., сс., уд. *чибö*, уд. *чибöй*, вс. (Гр., Кг.) *чибöти*, иж. *чибук* ‘жеребенок’, вв. (Бог.) *чибе* ‘жеребенок от года до трех лет’, вв. (Крч.) *чиб-чиб*, нв., скр. *чибö-чибö*, вв., лл. (Пор., Чтв.), сс. *чиб-чиб* ‘возглас, которым кличут жеребят’ [КСК 2: 702, 703].
- (55) *чiскать* ‘мочиться’ (Юрла Юрл.) [СРГКПО: 260]. Ср. междометие *чись-пись* ‘призыв помочиться’ (Омутн. Киров.)

- [сообщение П. С. Злобина] < коми, ср. кз. дет. вс. (Кб.), иж., лл. (Чтв.), сс. (Меж., Ыб) *чисьны*, лл. (Об.) *чисьыны*, уд. (Гл.) *чишны* ‘мочиться, помочиться’ [КСК 2: 717, 718, 719]. Также см.: [Мызников 2019: 881]. Коми слова далее могут быть сопоставлены с луг. *чысыкташ*, горн. *цѳисѳиктѳиш* ‘помогать ребенку мочиться’, горн. дет. *цѳисѳѳлѳиш* ‘писать, мочиться’, чув. *чѳс*, *чис* ‘призыв помочиться’ и др. [сообщение А. В. Савельева].
- (56) *чишнуть* ‘гореть’ (Юм Юрл.) [СРГКПО: 261] < коми, ср. кп. *чискыны* ‘гореть, сгорать (без пламени)’ [КПРС: 539], кз. вс. (Гр.), иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. (Гл.) *чискыны*, вым. (Кони), скр. *чискавны*, печ. *чискальны*, вв. (Бог.) *чиска-пискакыыні*, вс. (Кб., Кг.) *чискесьны*, вв. *чискині*, вым. (Кони) *чискооны*, вс. (Кб.) *чискѳччыны*, уд. *чишка-чушкакывыны*, *чушійисьны*, *чушкѳтчыны*, *чушкыны*, *чушъявыны* ‘тлеть, гореть тля (о сырых дровах)’, лл. (Об.), нв., скр., уд. *чишкавны*, вс., печ., сс. *чишкалны*, вв. (Бог.) *чишкооні*, вым. *чишкооны* ‘палить, опалить, спалить, подпалить, припалить’ [КСК 2: 717, 718, 719, 747, 748] и мн. др. Коми лексика исконна и восходит как минимум к допермскому слою [КЭСКЯ: 308]. Также см.: [Мызников 2019: 883].
- (57) *чурк* (Сидорова Куд.), *чурѳк* (Романиха Красн.) [Полякова 2007: 402], (Воронья Красн.) [КСРГСПК], *чурѳк*, *чурѳчек* (Акчим Красн.) [АС 6: 210–211] ‘невысокое скалистое возвышение, обычно на берегу реки’ < коми, ср. кз. устар. *чурк* ‘бугор, возвышающееся неровное место’ [Кривошекова-Гантман 1981: 51; КЭСКЯ: 314], вв., вс., нв., сс. *чурк* ‘резко возвышающееся место, бугор’ [КСК 2: 744]. Коми слово надежно возводится только к общекоми **č’urk*, дальнейшие сравнения [КЭСКЯ: 314] вызывают вопросы. Топонимия известна в Красновишерском районе Пермского края, в Республике Коми и спорадически в Свердловской области, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 300–303]. В зоне недавних контактов (Куд.) сохранена основа, близкая к источнику, в то время как на территории более ранней ассимиляции (Красн.) основа (вследствие паронимической аттракции?) обрела эпендетический гласный.

- (58) *чушни* ‘толстые носки’ (Полва Куд.) [СРГКПО: 262] < коми, ср. кп. устар. *чушни́* ‘мягкая [самодельная] домашняя обувь’ [КПРС: 550], кз. *чушни* вв. (Крч.) ‘погребальная обувь из белого холста’, сс. (Чухл.) ‘вид охотничьей обуви’, вв. ‘валяные головки, калоши (зимняя обувь)’, *чуши* сс. ‘вид охотничьей обуви’, нв. (Паль) ‘домашние тапочки’, лл. (Зан.) *чоши* ‘домашние тапочки’ [КСК 2: 724, 747, 748].
- (59) *шóмша* «блюдо из вареных пиканов с квасом» (Пож Юрл.) [СРГКПО: 267], *шóмша* (Дий Черд.) [Матвеев 1959: 40], (Марушево, Ныроб Черд.), *шóмша* (Цыдва Черд.) [КСРГСПК] ‘каша из распаренного несмолотого зерна пшеницы, ячменя, ржи или перловки, заправленная суслом’ < коми [Матвеев 1959: 40, 1964: 309], ср. кп. *шóма шыд* ‘суп из перловой крупы (букв. кислые щи)’ при *шóма* ‘кислый’ и *шыд* ‘суп, щи’ [КПРС: 566, 575], кз. уд. *шома шыд* ‘кислые щи; рассольник’ [КСК 2: 789]. Также см.: [Зверева 2008: 495].
- (60) *шор* ‘ручей’ (Егва, Кудымкар Куд.; Майкор Юсьв.) [Полякова 2007: 404], (Жикус Черд.) [КСРГСПК] < коми [Полякова 2007: 404], ср. кп. *шор* ‘ручей || ручьевой’, истор. ‘источник, ключ’ [КПРС: 565], кя., кз. повс. *шор* ‘ручей’ [Лыткин 1961: 199; КСК 2: 792]. Исконно в фин.-угор. языках [КЭСКЯ: 322; Csúcs 2005: 384]. Широко распространено в топонимии северной части Пермского края, Республики Коми и сопредельных территорий, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 306–308].
- (61) *шуль* ‘узкая полоса бересты или лыка для плетения корзин, лаптей и т. п.’ (Дуброво Ел.; Жуланово Сол.) [СПГ 2: 562] < коми [Матвеев 1964: 309], ср. кп. *шуль* ‘узкая полоска лыка, бересты (для плетения лаптей)’ [КПРС: 570], кя. *шўл* (*шўл’ус*) ‘узкие полоски бересты для плетения’ [Лыткин 1961: 201], кз. вв., вс., лл., печ., сс. *шуль* ‘узкая полоса лыка, бересты (для плетения лаптей)’ [КСК 2: 808]. Исконно в перм. языках [КЭСКЯ: 323–324; Csúcs 2005: 382]. Также см.: [Зверева 2008: 493; Мызников 2019: 941].

- (62) *юкора* ‘вывернутое с корнем дерево’ (Растес Ал.) [Матвеев 1959: 80] < манс. [Матвеев 1959: 80], ср. манс. сев., сл. *jēkwēr*, пел. *jēkwēr*, конд. *jēkur ~ jēkwēr*, тавд. *jukä`r* «kidölt fa gyökere földestül, выскерь, кокора | Windbruch-Wurzelstock mit Erde» [WW 1986: 153], также тавд. (Ян.) *iŷkä`r*, нк. (Нахр.), вк. (Шаим) *iē.kβr*, ск. (Леуш) *iĕè.kβr*, пел. *i`ēkər*, св. (Заоз.) *iē.kβr*, юв. *iē.kβ`r*, нл. (Куз.) *iē.gβr*, сл. (Перш.) *iē.kβr*, вл. (НИ) *iē.kβár*, сосьв. (Сарт.) *iē.kβar* ‘корни упавшего дерева (с прилипшей к ним землей)’ [WW 2013: 200]. Как видно, вокализм субстратной манс. лексики, послужившей источником рус. слова в Прикамье, близок к вокализму тавд. диалекта.
- (63) *яг* ‘бор’ (Сенькино Добр.; Коса Кос.) [Полякова 2007: 407] < коми [Полякова 2007: 407], ср. кп. *яг* ‘молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’, диал. ‘кладбище’ [КПРС: 592], кз. *яг* повс. ‘бор’, вс., иж., сс., уд. ‘лес || лесной’ [КСК 2: 875]. Относится к фин.-угор. наследию [КЭСКЯ: 337; Csúcs 2005: 337]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 315–316].

3. Выводы

Приведенный перечень финно-угорских субстратных лексем в русских говорах Пермского края не является исчерпывающим. В настоящем исследовании рассмотрено около 120 слов, составляющих 63 лексических гнезда. При этом список лексем финно-угорского происхождения, выявленных автором в экспедициях и различных источниках, насчитывает более 3000 позиций, из которых как минимум треть относится к местному субстратному слою. Тем не менее даже на таком ограниченном материале, как в данной статье, можно сделать некоторые предварительные наблюдения.

В русских говорах Пермского края выделяется два основных типа финно-угорского субстрата — коми и мансийский:

- а) коми субстрат в большинстве случаев можно сопоставить с материалом современных коми-пермяцких, коми-зырянских диалектов, коми-язьвинского языка, однако на уровне фонетики и семантики при этом могут наблюдаться расхождения;
- б) мансийский субстрат можно сравнить с данными того или иного мансийского диалекта по записям 1880-х — 1900-х гг. (часто именно с говорами западного и южного диалектов, угасшими к настоящему моменту).

Ранее нами постулировалось наличие в русских говорах Пермского края также третьего субстратного типа — коми-язьвинского адстрата, который якобы фиксируется в лексике охотничьего промысла и проявляется в русских диалектах на территории более широкой, чем ареал современного коми-язьвинского языка (очевидно, из-за междиалектного характера охотничьей терминологии) [Gaidamaško 2013: 209; Гайдамашко 2014: 73–75, 351], однако это предварительное наблюдение пока что не нашло достаточного основания.

По результатам исследования в пределах региона можно очертить ареалы коми и мансийского языковых субстратных типов. Далее эти ареалы нанесены на карту Северного Прикамья (см. *Рис. 2*, пояснения в *3.1.1–3.1.3*, *3.2.1–3.2.3*) и сопоставлены с имеющимися историческими и лингвистическими данными (см. *3.1–3.2*). В отдельном разделе намечены области пересечения изоглосс этих типов (см. *3.3*), после чего даны заключительные ремарки (см. *3.4*).

3.1. Коми тип

Наиболее значительный финно-угорский субстратный тип в русской диалектной апеллятивной лексике Пермского края — коми. Он встречается почти на всем правобережье Камы от истоков до бассейна Нытвы (и — спорадически — даже южнее) и на левобережье от истоков до Соликамска (включая бассейн Вишеры) и проявляется во всех тематических группах лексики.

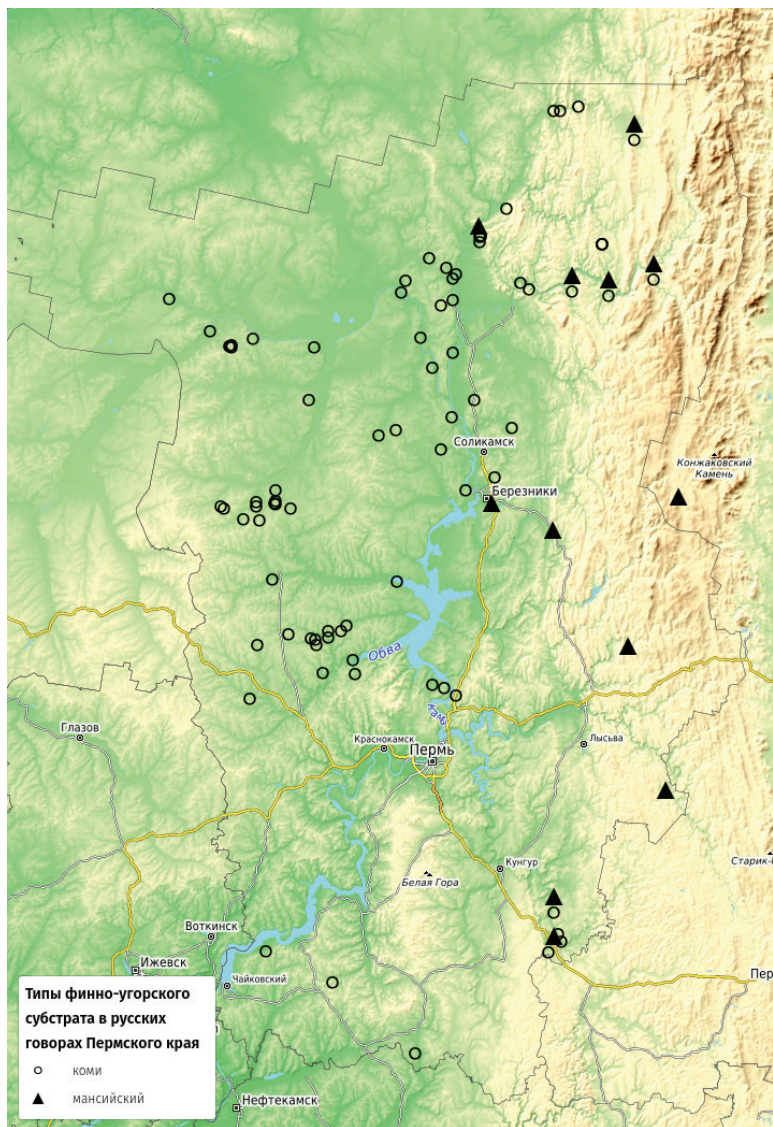

Рис. 2. Типы финно-угорского субстрата в русских говорах Пермского края
Fig. 2. Types of Finno-Ugric substrate in Russian dialects of Perm Krai

Историками признано, что в Верхнем Прикамье от Чусовского озера на севере и до реки Чусовой на юге по Каме и ее притокам «жили предки коми-пермяков, оставившие более 300 памятников родановской культуры IX–XV вв., сложившейся на основе ломоватовской», а в самой родановской культуре «выявлены два крупных варианта — северный и южный, территории которых совпадают с распространением двух диалектов [наречий. — *Р. Г.*] коми-пермяцкого языка» [Оборин 1990: 46]. Активная русификация региона (то есть после падения Великопермского княжества и вхождения его в Русское государство во второй половине XV — начале XVI вв.) способствовала дальнейшему разделению местного коми(пермяцкого) языкового континуума на несколько частей. Это разделение в свою очередь отразилось на развитии инноваций или сохранении архаичных языковых особенностей внутри диалектных (северных и южных) групп, с чем связывается сложение северного, южного, верхнекамского наречий коми-пермяцкого языка [Лыткин (ред.) 1962: 26–27], а также коми-язьвинского идиома, развивавшегося обособленно от основного коми языкового массива начиная с конца XVI в. [Лыткин 1961: 9–11 и далее] (о современном состоянии коми-язьвинского см.: [Гайдамашко, Шкуратов 2019]).

Так, например, кп. *балянянь* ~ *баляняня* ‘жимолость’ — это северно-коми-пермяцкая инновация (которая, впрочем, единично фиксируется и в нижнеиньвенском диалекте южного наречия) [Федосеева 2015: 56–57] (см. (1) в *Разд.* 2). В то же время для обозначения жимолости в южных коми-пермяцких говорах и в коми-зырянских диалектах используется исконное коми слово *ыжнёнъ* и его варианты [Меркушева 2003: 15, 47, 97; КСК 2: 832] (см. (22)). Оба эти коми слова отмечены в составе коми субстрата в русских говорах Северного Прикамья (см. *Рис.* 3) — варианты лексемы *баляняня* образуют узкую область в самой северной части Пермского края, в то время как русские рефлексy лексемы *ыжнёнъ* зафиксированы в Ильинском и Карагайском районах Пермского края, где когда-то были распространены южные коми-пермяцкие диалекты (об ареалах коми-пермяцких наречий см. [Баталова 1975: 5–10], а также *Рис.* 4) и на западе Соликамского района, в предполагаемой зоне вибрации южного и северного наречий (см. далее).

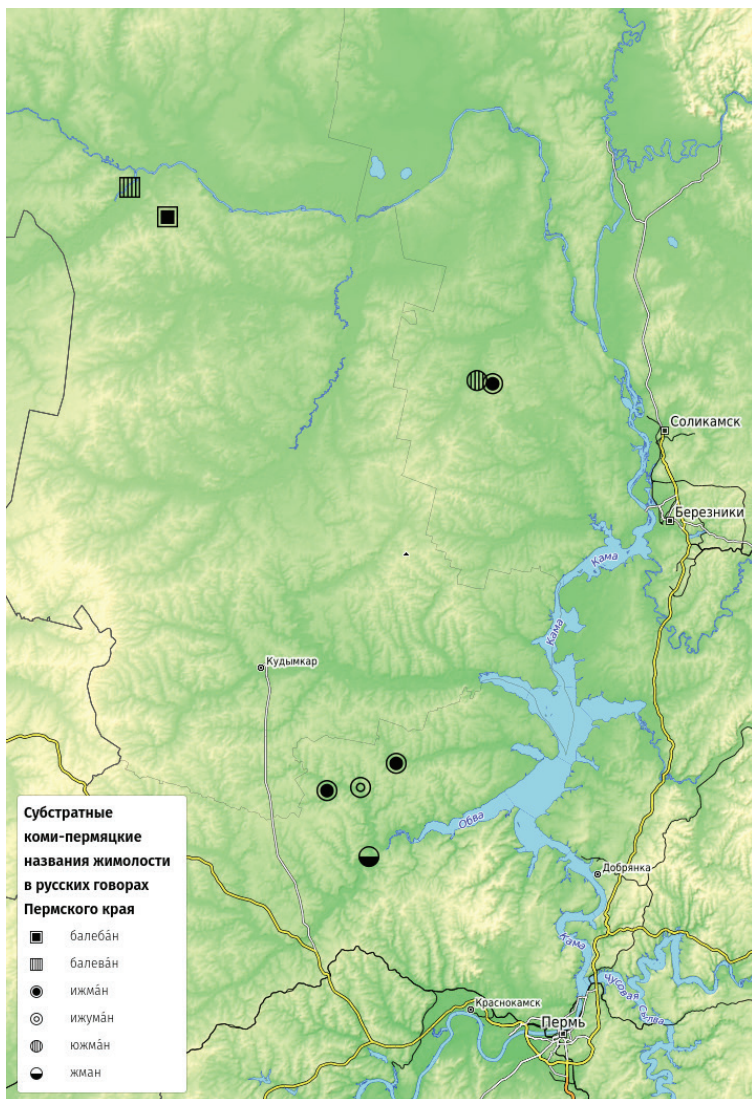

Рис. 3. Субстратные коми-пермяцкие названия жимолости в русских говорах Пермского края

Fig. 3. Substrate Komi-Permyak names of honeysuckle in Russian dialects of Perm Krai

Однако все же при анализе большинства коми субстратных лексем трудно разграничить северное и южное коми-пермяцкое влияние. Из-за сложностей, возникающих при попытке языковой / диалектной идентификации коми этимона, можно выделить в отдельную группу явные заимствования из коми языков, но без возможности более точной языковой / диалектной идентификации, ввиду формального и семантического сходства предполагаемого этимона в коми языковом массиве (коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты и говоры, коми-язьвинский язык). При этом и география этих русских заимствований внутри исследуемого региона, как правило, не является релевантной для идентификации коми идиома, послужившего источником (они могут встречаться в разных ареалах, выделенных далее в 3.1.1–3.1.3).

К примерам этого (обще-)коми типа относятся: *вежáнь* (9), *дзэ́лька* (15), *елтыш* (18), *кэ́рос* (24), *ку́шка* (29), *лэ́ля* (30), *ни́нду́ль* (31), *но́мор* (32), *ту́па* (46), *тура́сный* (48), *у́мра* (51), *чурк* (57), *шóмша* (59), *шор* (60), *шуль* (61), *яг* (63).

Некоторые из этих примеров могут являться:

- 1) севернорусским (чаще всего — севернодвинским или печорским) наследием коми-зырянского происхождения, принесенным на Урал волнами крестьянских миграций и относящимся к различным временным отрезкам (например, слово *кэ́рос*, которое фиксируется и на Русском Севере [СРНГ 13: 183]);
- 2) результатом сравнительно раннего (XV–XVIII вв.) местного русско–коми(-пермяцкого) взаимодействия — и тогда, при частотности подобных фиксаций, вряд ли возможно установить ядро заимствования / субстрата (например, *ёлтыш*, *но́мор*, *у́мра* и их варианты);
- 3) относительно поздним коми-пермяцким субстратом — с ограниченным ареалом в предполагаемой зоне вибрации северного и южного пермяцких наречий, но без возможности диалектной идентификации (например, *ку́шка*).

Внутри исследуемого региона коми субстратный тип образует три ареала, два из которых — условно «севернопермяцкий» и «южнопермяцкий» — разделены западом Соликамского, севером Юсьвинского

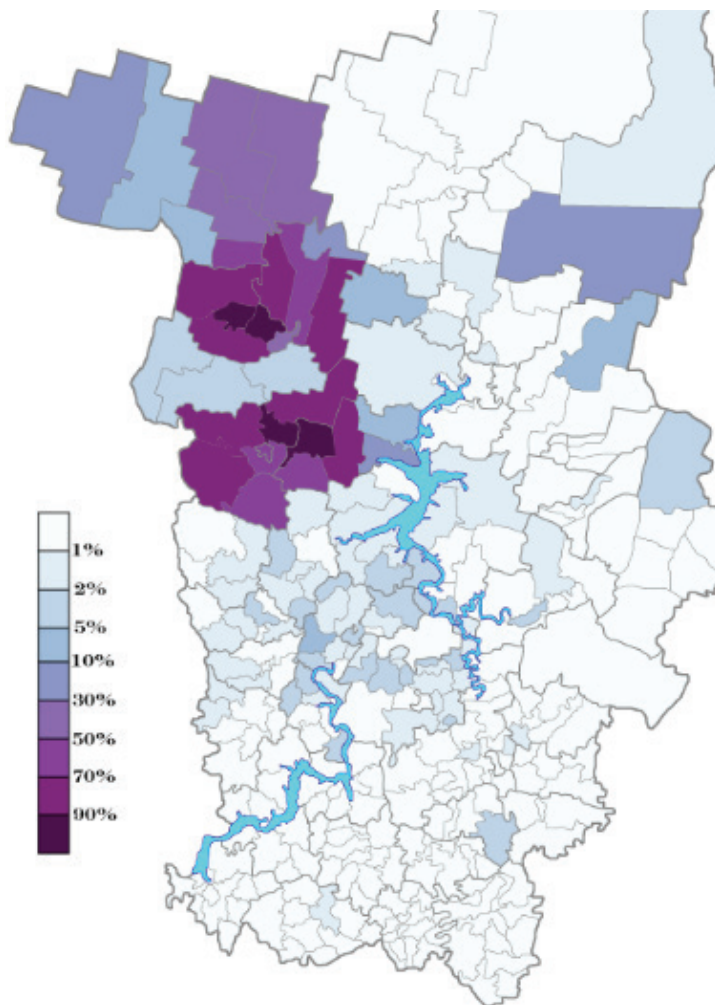

Рис. 6. Фрагмент карты «Кomi-пермяки в Пермском крае по материалам Переписи населения 2010 года» (членение по сельским поселениям, городским поселениям, городским округам, 2017) [<https://acer120.livejournal.com/76224.html>]
Fig. 6. Fragment of the map “Komi-Permyaks in Perm Krai based on the 2010 Population Census” (division by rural settlements, urban settlements, urban districts, 2017) [<https://acer120.livejournal.com/76224.html>]

пролегает в Юрлинском районе, поэтому может быть условно назван «юрлинским».

Коми субстратный тип хорошо фиксируется на территории бывшей Перми Великой и чуть реже — южнее современного коми-пермяцкого ареала, что коррелирует с относительно недавними историческими данными: например, на «Этнографической карте губерний, населенных зырянами», составленной по картам Стрельбицкого и Риттиха и приведенной в труде Г. С. Лыткина 1889 г., еще показано несколько островков пермяцкого населения между Чердынью и Соликамском (см. 3.1.1), а также между крупными притоками Обвы в ее верхнем течении (см. 3.1.2), при этом юрлинский ареал (см. 3.1.3) к тому моменту был уже сплошь русским (см. Рис. 5) [Лыткин 1889]. Для сравнения можно взглянуть на карту распространения коми-пермяцкого населения по материалам Переписи 2010 г., показывающую, что южнее Коми-Пермяцкого округа пермяцкое население сегодня

Рис. 7. Фрагмент карты Ю. Б. Корякова «Диалекты коми в нач. XXI в.» (2020) с коми-пермяцкими наречиями и диалектами [http://circumpolar.iling-ran.ru/wp-content/uploads/2020/12/KOMI_all_dts.png]

Fig. 7. Fragment of the map by Yu. B. Koryakov “Komi dialects at the beginning of the 21st century” (2020) with the Komi-Permyak dialects [http://circumpolar.iling-ran.ru/wp-content/uploads/2020/12/KOMI_all_dts.png]

встречается редко (см. *Рис. 6*). Также ср. с данными карты Ю. Б. Корякова «Диалекты коми в нач. XXI в.» (см. *Рис. 7*).

3.1.1. Севернопермяцкий ареал

Севернопермяцкий субстратный тип локализуется на севере Пермского края — в Чердынском, Красновишерском, отчасти Соликамском, на востоке Гайнского и Косинского районов.

Как правило, предположение о северно-коми-пермяцкой основе русского слова обусловлено его географией — к востоку и западу от современного ареала северного наречия коми-пермяцкого языка, в достаточном отдалении от живых южных говоров. Часто соответствующая этим русским заимствованиям и полагающаяся источником коми лексика имеет ограниченный ареал бытования, фиксируется в северном наречии коми-пермяцкого языка (иногда являясь севернопермяцкой инновацией) и/или в территориально близких коми-зырянских диалектах: *балебáн* (1), *бáчка* (2), *бёрдыш* (3), *быгльáн* (5), *вад* (6), *вачбáк* (7), *вежáй* (8), *вёжур* (10), *вишья́н* (11), *гурка́н* (13), *дзас* (14), *дзизгáльник* (16), *дзюлёк* (17), *зыр* (21), *ич-мо́нька* (23), *ки́дас* (25), *киль* (26), *ко́лькиши* (27), *оль* (36), *першу́к* (37), *пырбóм* (38), *сёрд* (40), *си́рин* (41), *толá* (42), *тусь* (49), *урдым* (52), *чешья́н* (53).

По мнению историков, здесь, на севере современного Пермского края, «находился один из древних очагов коми-пермяцкого расселения» и во времена родановской археологической культуры (IX–XV вв.) «жили две (из семи) племенные группы коми — чердынско-язвинская и верхнекамская» [Александров (отв. ред.) 1989: 21]. При этом известно о древних (как минимум с IX в.) и более поздних (с XIV в. — вместе с русскими колонизаторами) переселениях сюда коми-зырян вымской культуры [Оборин 1990: 59–60].

В северной части Коми-Пермяцкого округа, в Гайнском и Косинском районах выделяется отдельная — т. н. гайнско-камская — группа русского населения. Началом русского освоения этой территории считается основание в 1539 г. Троицко-Плесинского

монастыря, хотя основная масса окрестных деревень и крестьянских хозяйств возникла гораздо позже, в XVIII — начале XIX вв. [СРГКПО: 8–11].

В нижнем и среднем течении реки Вишеры в Чердынском районе (историческое Великопермское княжество), а также на прилегающих территориях можно выделить область специфического типа коми-пермяцкого субстрата (см. такие узко локализованные примеры, как *дзизгáльник*, *зыр*, *кíдас*, *тусь*, *урдым*, *чешьян*). До русской колонизации эта территория была населена коми, архаичный диалект которых, очевидно, был переходным между северными коми-пермяцкими и южными коми-зырянскими (по Верхней Вычегде и Верхней Печоре) диалектами и, возможно, слегка отличавшимся от них на уровне фонетики (см. *урдым*). Этот диалект в некоторых чертах обнаруживает сходство и с современным коми-язьвинским языком, подтверждение чему находится в старейших из известных пермяцких рукописей этой территории за авторством Н. В. Овчинникова и прот. А. И. Попова (см. попытки установления их диалектной принадлежности: [Гайдамашко 2017а: 25–26, 2023: 359–361; Гайдамашко, Пономарева 2019: 20–21]).

Фиксации же коми субстратной лексики в русских говорах верховьев Вишеры и ее притока Колвы (например, *вачбáк*, *гуркáн*, *дзас*, *дзюлэк*, *кíдас*, *оль*, *першук*, *пырóm*, *сúрин*, *толá*), возможно, связаны с относительно поздними (XVIII — первая половина XIX в.) переселениями сюда как коми, так и русского старообрядческого населения из ранее заселенных мест Чердынского уезда [Александров (отв. ред.) 1989: 18].

При этом надо учитывать и коми-зырянское воздействие (и на дорусское пермяцкое население, и на позднее русское), так как известно о давних контактах и связях (включая родственные) верхнепечорского и верхневычегодского населения с верхнекамским, чему способствовали древние водно-волоковые пути из Колвы (притока камской Вишеры) в Нем (приток Вычегды), Волосницу и Унью (притоки Печоры); не ослабевали эти связи даже в XX в. между старообрядцами одних и тех же толков [Александров (отв. ред.) 1989: 18; Гайдамашко 2014: 37–42, 67–72, 345–346].

3.1.2. Южнопермяцкий ареал

Другой коми субстратный тип пролегает к югу и востоку от ареала южного наречия коми-пермяцкого языка — в Сивинском, Карагайском, Ильинском, sporadически в Добрянском (на правом берегу Камы) районах. Также русские деревни с коми-пермяцким субстратом располагаются в южной части Коми-Пермяцкого округа, в Кудымкарском и Юсьвинском районах [СРГКПО: 15–16].

К субстратным единицам южнопермяцкого типа относятся: *бурган* (4), *вож* (12), *ижман* (22), *норос* (33), *чушни* (58).

Кроме воздействия живых и недавно угасших диалектов коми-пермяцкого языка (оньковского, нижеиньвенского, нердвинского), уместно здесь учитывать возможность субстратного влияния со стороны давно ушедших в прошлое южных диалектов коми-пермяцкого языка — обвинского, сивинского, карагайского и др. Известно, например, что бассейн Обвы на территории современного Ильинского района был населен коми-пермяками, носителями т. н. обвинского диалекта южного наречия, а с юга и запада к обвинскому диалекту примыкали условно названные карагайский и сивинский диалекты [Баталова 1975: 8–9]. Существование всех этих диалектов также подтверждается материалами письменных памятников [Баталова 1975: 7–9], а их угасание, очевидно, связано с интенсивной строгановской колонизацией в XVIII в. и последующим освоением Иньвенско-Обвенского поречья [Александров (отв. ред.) 1989: 18].

К тому же этнопонимы Среднего Прикамья к юго-западу от Перми показывают, что «коми-пермяки проживали здесь издавна» [Матвеев 1961: 322]. По последним историко-лингвистическим данным, и освоение коми населением Северного Прикамья происходило, вероятно, из Южного Прикамья [Saarikivi 2021: 45]. В этой связи см. фиксацию рус. *кóлька* (27) и *шуль* (61) в Еловском районе.

С другой стороны, фиксации на юге Пермского края, в Еловском и Суксунском районах, могут указывать не на территорию распространения (южно-)пермяцкого субстратного типа, а на потоки относительно поздних миграций с севера и запада Прикамья на юг и восток.

3.1.3. Юрлинский ареал

Островной ареал пермяцкого субстратного типа находится в пределах Юрлинского района, со всех сторон окруженного районами, которые населены коми-пермяками. Юрлинский край начал осваиваться русскими в период крестьянского заселения Пермской земли в XVII–XVIII вв. (сперва выходцами преимущественно с Вятки, Кайгородка, Пермского уезда, Вологды и центральных областей, позже — старообрядцами из других пермских районов, кержаками, бежавшими с Волги, зюздинскими коми-пермяками и др.) [Александров (отв. ред.) 1989: 14, 15, 19–20; СРГКПО: 11–14]. Сейчас русское население Юрлинского района принято считать особой этнографической группой в иноэтничном окружении — юрлинцами [Александров (отв. ред.) 1989: 23–24; СРГКПО: 11].

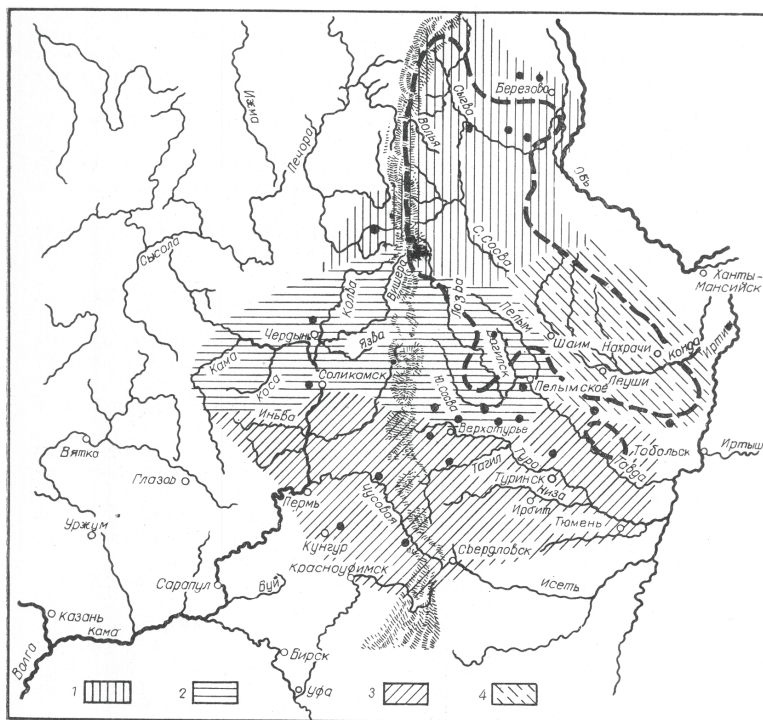
К субстратной коми лексике, зафиксированной только у юрлинцев, относятся такие примеры, как *зы́ля* (20), *туга́н* (43), *тупо́ска* (47), *чибо́лька* (54), *чи́скать* (55), *чи́шнуть* (56).

3.2. Мансийский тип

Мансийский субстратный тип представлен в русских говорах Пермского края не таким большим количеством примеров, как коми (из 63 приведенных примеров всего 9 — мансийские, остальные 54 — коми), однако на большей протяженности с севера на юг. В наши дни манси в Северном Прикамье не образуют районов компактного проживания — согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., ни один житель Пермского края не отнес себя к числу манси (даже среди городского населения).

Ранее, начиная с работ А. Ф. Теплоухова и А. Каннисто 1920-х гг. уже предпринимались научно обоснованные попытки локализации угасших мансийских идиомов Западного Урала (историю вопроса см.: [Смирнов 2012: 44–47]). Например, Я. Гуя, исследуя лексический материал мансийских диалектов Западного Урала в рукописных

документах XVIII в., очертил западные границы этих идиомов вплоть от истоков Камы на севере и до Перми и Кунгура на юге, полностью включая бассейны Иньвы и Обвы [Gulya 1958: 41; Гуя 1963: 173] (см. Рис. 8). Более осторожен в установлении западных границ былых

1 Северный диалект Norddialekt	3 Южный диалект Süddialekt
2 Западный диалект Westdialekt	4 Восточный диалект Ostdialekt

- Источник рукописи в XVIII-ом в.
Fundort der Manuscripte aus dem 18. Jh.
- Мансийские диалекты в начале XX-го века
Wogulische Dialekte am Anfang des 20. Jh.

Рис. 8. Карта распространения мансийских диалектов в XVIII в. согласно Я. Гуя [Гуя 1963: 173]

Fig. 8. Map of the distribution of the Mansi dialects in the 18th century according to J. Gulya [Gulya 1963: 173]

мансийских идиомов О. В. Смирнов, скрупулезно проанализировавший материалы живой и исторической (XVII–XVIII вв.) мансийской топонимии и подытоживающий, что к западу от Урала «географические названия с наиболее убедительной мансийской этимологией расположены в непосредственной близости от Уральского хребта в верхнем течении рек Сылва, Косьва, Яйва, Язьва, Вишера, среднем течении р. Чусовая» [Смирнов 2012: 73] (см. *Рис. 9*). Здесь же («бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток») территорию исторического проживания манси склонен видеть и В. В. Напольских [Напольских 2015: 192].

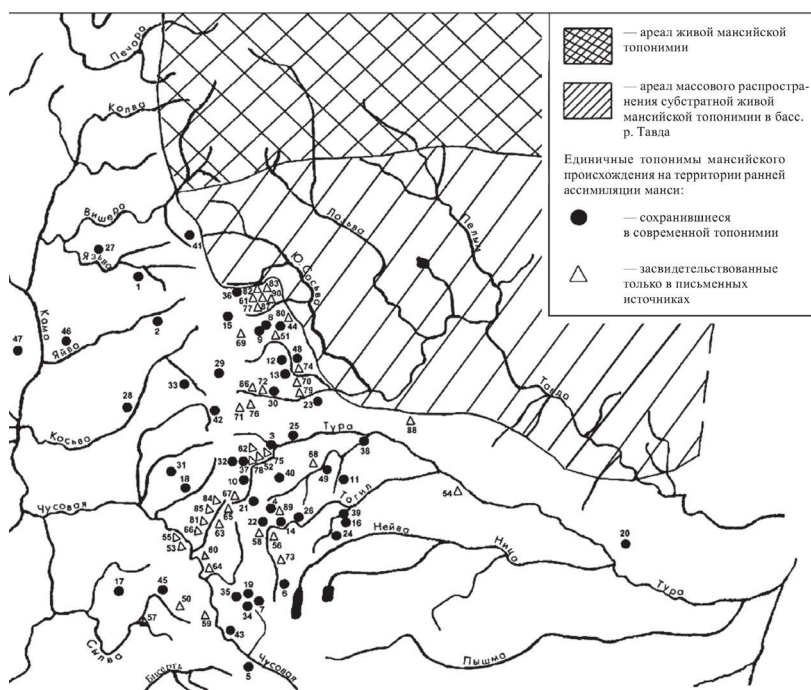

Рис. 9. Фрагмент карты субстратной мансийской топонимии на Среднем Урале [Смирнов 2012: 49]

Fig. 9. Fragment of the map of substrate Mansi toponymy in the Middle Urals [Smirnov 2012: 49]

Совпадение выводов об ареалах типов финно-угорского субстрата (*Рис. 2*) с изысканиями О. В. Смирнова не случайно и подтверждается результатами другого нашего исследования. В 2019 г. в Хельсинки на Международной научной конференции «Personal names and cultural reconstructions» мы представили постерный доклад «Finno-Ugric anthroponymy in Russian written monuments of the Kama Region of the 16th–18th centuries» (материалы не опубликованы), целью которого было установление основных типов финно-угорской антропонимии Прикамья и их географического распространения по материалам русских письменных памятников XVI–XVIII вв. По причине большого объема материала в том исследовании мы ограничились именами и прозвищами только ясачного финно-угорского населения, то есть «вогулов», «остяков» и «черемисов». Была произведена сплошная выборка всех имен и прозвищ указанного населения (объем анализируемого материала составил 208 антропонимов), а антропонимы, имеющие географические привязки, были представлены на карте (см. *Рис. 10*), на которой видно, что ареалы, основанные на «вогульской» (мансийской) исторической антропонимии (бассейны Вишеры, Косьвы, нижнего и среднего течения Чусовой), также в общих чертах совпадают с ареалами, намеченными в настоящем исследовании.

Словарный состав мансийских идиомов Западного Урала также (как и коми) зафиксирован некоторыми памятниками письменности XVI–XVIII вв., хотя и не такими крупными и не таким большим количеством. История создания этих памятников и их язык в разной степени рассматривались в некоторых работах [Kannisto 1913–1918; Gulya 1958; Гуя 1963; Пономарева, Гайдамашко 2019; Норманская 2020; Норманская, Кошелюк 2020; Кошелюк 2022], однако эти аспекты не разработаны в полной мере и еще ждут своего исследователя.

При этом следует учитывать, что Западный Урал не является автохтонной мансийской территорией, а присутствие здесь манси — это достаточно позднее явление, см.: «речь может идти только о следах позднего (XIV–XVI вв.) мансийского (специально *пелымских*

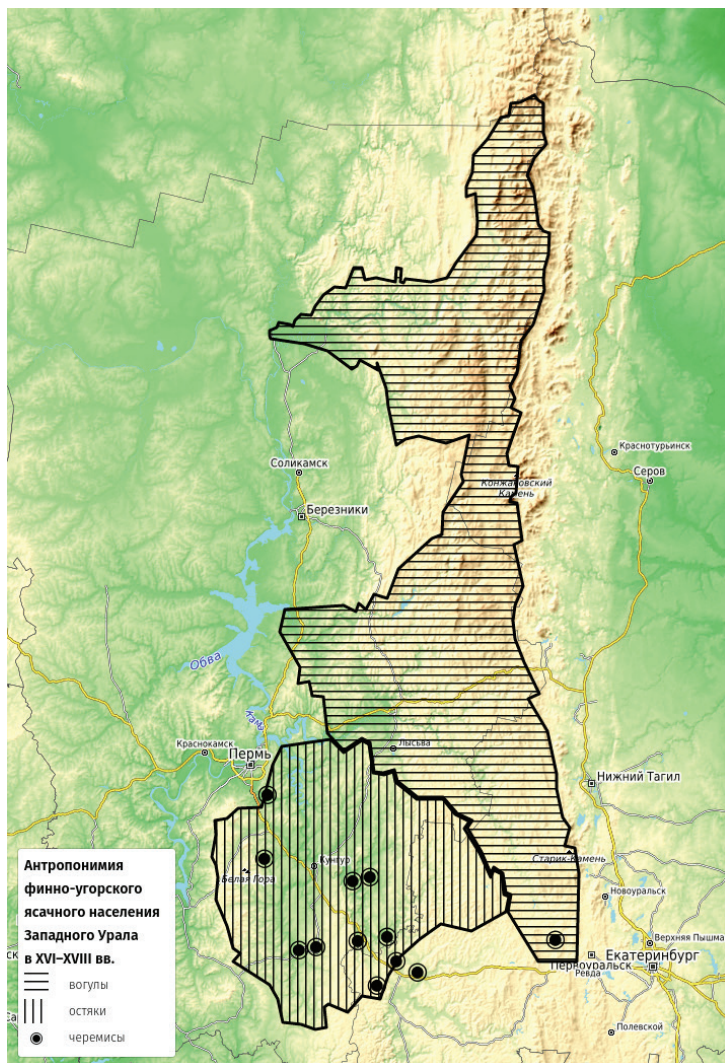

Рис. 10. Антропонимия финно-угорского ясачного населения Западного Урала в XVI–XVIII вв.

Fig. 10. Anthroponymy of the Finno-Ugric yasak population of the Western Urals in the 16th–18th centuries

вогуличей) проникновения в Прикамье» [Напольских 2015: 194]². Подтверждается это и современными топонимическими разысканиями, см.: «появление единичных мансийских топонимов к западу от Урала, скорее всего, имеет суперстратный характер» [Смирнов 2012: 75].

Считается также, что в топонимии Северного Прикамья сохраняется некий угорский субстрат, не связываемый напрямую с современными обско-угорскими языками³ [Матвеев 1961: 321, 328; Смирнов 2012: 71–72]. За смешанный характер истории называют его «тюрко-угорским» субстратом [Оборин 1990: 43–46].

По данным апеллятивной лексики русских говоров в пределах Пермского края мансийский субстратный тип распадается на три ареала — условно северный, или «вишерский», центральный, или «яйвинско-косьвинский» и южный, или «чусовской» (по названиям четырех основных левых притоков Камы этой территории). Словарный состав северного и южного ареалов не имеет совпадений, в то время как лексика центрального ареала имеет по одному совпадению как с северной (44), так и с южной (28).

---

² Автор благодарит рецензента статьи за схожее мнение: «⟨...⟩ говоря о границах угорского присутствия в западном Приуралье, следует иметь в виду, что мансийское население отнюдь не обязательно обитало там с древности. Скорее наоборот: нужно принимать во внимание активность Пелымского «княжества» и др. вогульских политий и возможность очень позднего (в XVI–XVII вв.) распространения манси на запад».

³ См.: «угорская топонимия к западу от Урала может существовать, но при этом она может быть не мансийской, не хантыйской и не венгерской. Вполне вероятно, что значительная ее часть может принадлежать особой ветви угорских народов, не сохранившейся до наших дней. Очевидно, что часть элементов такой топонимии будет иметь параллели в мансийском языке, так же как другая часть — в хантыйском или венгерском» [Смирнов 2012: 72]. Также: «топонимика обско-угорского типа действительно встречается в Северном Приуралье, но она нигде не образует сколько-нибудь крупных массивов и не имеет характерных топонимических типов» [Матвеев 1968: 142]. Но ср.: «на сегодняшний день никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено» [Напольских 2015: 208].

Одно и то же субстратное слово в этих ареалах может фиксироваться с различиями в звуковом составе, что, по-видимому, отражает вариантность фонетики угасших мансийских идиомов, некогда распространенных на Западном Урале, ср. северное *тулым(ник)* ~ центральное *тулум* ‘порог, скопление больших камней в русле реки’ (44).

Мансийский субстрат встречается в русской лексике ландшафта, флоры, охоты, рыболовства, в наименовании обуви. Что характерно, лексика южного мансийского ареала связана только с охотой и рыболовством, в центральном ареале встречается одно такое заимствование, а в северном ареале лексики этой тематической группы нет вовсе.

3.2.1. Вишерский ареал

Северный мансийский тип представлен в верховьях Вишеры (Акчим, Вёлгур, Мартино, Писаная, Усть-Улс Красн.) и ее притока Колвы (Дий, Ныроб Черд.).

Раннее русское освоение этой территории обусловлено тем, что в XV–XVI вв. здесь проходила так называемая Чердынская дорога (другие варианты наименования: «Вишерская дорога», «Вишерско-Лозьвинский путь») — путь от Чердыни в Сибирь, из бассейна Камы на Ивдель, Лозьву, Тавду, Тобол, Иртыш, Обь [Глушков 1900: 20–21; Александров (отв. ред.) 1989: 13]. Заселение бассейна Вишеры русскими относится к середине XVII в., их предшественниками здесь были манси [АС 1: 8]. В конце XVIII в. манси отмечались и в среднем течении Колвы, около Ныроба, где они занимались лесными промыслами; в 1830-е гг. в Чердынском уезде по Колве было 60 ясачных вогул, в 1850-е гг. — 71 [Александров (отв. ред.) 1989: 21]. Есть фиксация мансийского материала в Ныробе и по приведенным выше материалам (39).

Этот тип субстрата следует связывать с влиянием вишерского (или усть-улсуйского), по терминологии А. Каннисто [Kannisto 1913–1918: 16], диалекта мансийского языка, носители которого (см. термин «чердынские вогулы») — здесь от названия уезда, а не города) еще в конце XIX в. имели оленные пастбища в Предуралье и обитали в этих местах в тесной связи с коми и ненцами (см. подробный

этнографический очерк [Глушков 1900], свидетельства историков [Оборин 1990: 60], а также лингвистические наблюдения над мансийско-ненецкими связями в Прикамье [Гайдамашко 2011b]). По наблюдениям А. Регули, в середине XIX в. в селе Усть-Улс оставалось всего три мансийские семьи [Рáрау 1906: 358] (хотя во всем Чердынском уезде перепись населения 1860 г. выявила 69 манси [Gulya 1958: 42]). О нескольких семействах манси в верховьях Вишеры упоминается и в 1950-е гг. [Лыткин 1961: 11]. А. К. Матвеев, судя по всему, последний лингвист, которому довелось общаться с потомками носителей усть-улсуйского диалекта манси, к тому моменту (середина 1950-х — начало 1970-х гг.) давно забывшими родную речь [Матвеев 2006: 244].

Известно, что усть-улсуйский идиом был близок к западной группе мансийских диалектов, то есть к пелымскому, средне-лозьвинскому и нижнелозьвинскому диалектам, отчасти также — к северным диалектам мансийского языка (сосьвинскому и верхнелозьвинскому) [Рáрау 1906: 367–368; Kannisto 1913–1918: 17; Матвеев 2011: 4–5].

К мансийским примерам вишерского ареала относятся: *няры* (35), *рып* (39), *тульым(ник)* (44), *тумán* (45), *уль* (50).

По данным апеллятивной лексики русских говоров граница северного мансийского типа на западе проходит условно по линии Дий — Вёлгур (если принимать во внимание только систематические фиксации, без единичной фиксации в Ныробе), что примерно согласуется с западными рубежами Северного Урала как горной системы, то есть полосой низкогорных кряжей, так называемых «парм» (конкретно в нашем случае см. Няризьская Парма, Ямжачная Парма, Волимская Степь). Примерно здесь же А. К. Матвеев и О. В. Смирнов намечают западную границу живой мансийской топонимии⁴ [Матвеев 2006: 243; Смирнов 2012: 49], см. *Рис. 9*.

⁴ См.: «⟨...⟩ как только кончаются настоящие горы, исчезает и живая мансийская топонимия, а отсутствие субстратной топонимии ясно указывает на то, что манси здесь и раньше не были коренным населением» [Матвеев 2006: 243]. И далее: «⟨...⟩ что касается относительно позднего проникновения манси

3.2.2. Яйвинско-косьвинский ареал

Центральный мансийский тип отмечается в бассейнах Яйвы и Косьвы (Александровский район⁵ и городской округ Березники). С открытием здесь в 1597 г. Бабиновской дороги (или тракта) Чердынская дорога (см. 3.2.1), будучи гораздо длиннее, утратила прежнее значение, а сама Бабиновская дорога до второй половины XVIII в. оставалась «Государевой дорогой» — единственной дорогой из Европы в Сибирь, разрешенной царским указом [Александров (отв. ред.) 1989: 13].

Ясачные книги XVII в. дают указания на то, что по реке Косье обитали «косьвинские вогулы» [Глушков 1900: 23–25; Александров (отв. ред.) 1989: 21] (см. также результаты нашего исследования исторической финно-угорской антропонимии на *Рис. 10*), однако языковедам ничего не известно об особенностях косьвинского мансийского идиома. Лишь Я. Гуя проводит по этой территории границу между западными и южными угасшими мансийскими диалектами (см. *Рис. 8*), что не кажется обосновательным, учитывая упоминавшееся выше фонетическое варьирование вишерского слова *тульм(ник)* и яйвинско-косьвинского *тулум* (44). Примечателен также в этой связи топоним *Туменные поля* у н. п. Чигироб Соликамского района [Гайдамашко 2014: 279–280] (при рус. вишерском *тумán* и манс. *tutén*, см. (45)).

К яйвинско-косьвинским примерам относятся: *кулун* (28), *тулум* (44), *юкора* (62).

на западный склон Урала, то оно повсеместно ограничивалось пределами предгорий» [Матвеев 2006: 247].

⁵ Село Растес (вариант: Растесс), в котором А. К. Матвеев зафиксировал некоторые примеры мансийского субстрата, на момент записи (июнь 1957 г. [Матвеев 1959: 4]) относилось к Александровскому району Молотовской (Пермской) области. Ныне урочище Растес относится к городскому округу Карпинск Свердловской области.

3.2.3. Чусовской ареал

Мансийский субстратный тип южного ареала представлен примерами в нижнем и среднем течении Чусовой — включая верховья Сылвы — и на прилегающих территориях в Лысьвенском, Суксунском, Чусовском районах: *эхала* (19), *кулун* (28), *нёрка* (34). Этот тип следует связывать с влиянием субстратных кунгурского, сылвенского и чусовского диалектов мансийского языка. Мансийские диалекты Чусовой отмечены еще меньшим количеством документов, чем усть-улсуйский диалект (см., например, разбор чусовской мансийской топонимии в неопубликованном документе из фонда Г. Ф. Миллера [Смирнов 2001]).

В бассейне Чусовой манси также, как и на Вишере, появились относительно поздно: «заселение вогулами Чусовой происходило после или одновременно с проникновением на эти территории тюркских, пермских и русского народов, т. е. в XV–XVII вв., в результате вытеснения части южных манси из Среднего Зауралья сначала тюркской, а затем и русской колонизациями» [Смирнов 2001: 124]. Сходная ситуация была и в верховьях Сылвы — крупнейшего притока Чусовой: «⟨...⟩ на Сылве в топонимии, записанной Г. Ф. Миллером, названий мансийского происхождения уже практически не отмечено, что может подтверждать более позднее по сравнению со средним течением Чусовой (возможно, только в XVII–XVIII вв.) заселение вогулами Сылвы» [Смирнов 2001: 124].

Судя по пермским документам, недолгий период с 1568 г., когда промышленники Строгановы получили земли по обеим берегам р. Чусовой, по 1584 г., когда после военных походов Ермака Сибирь официально вошла в состав России, прошел в борьбе немногочисленного местного мансийско-татарского населения с дружинниками и казаками, которых нанимали для обороны Строгановы [Преображенский (отв. ред.) 1989: 153–157; Александров (отв. ред.) 1989: 16, 22]. После того, как сибирские земли постепенно начали входить в состав Московского государства, коренное население обширного бассейна Чусовой, а среди них и чусовские вогулы, частью покинуло

эти места, частью было ассимилировано колонизаторами: «⟨...⟩ этих вогул, еще язычниками, видел Избрандсон, проезжая этими местами в Китай в 1692 г., а Георги в 1773 г. уже христианами, но продолжающими идолопоклонствовать» [Глушков 1900: 23]. «Спустя сто лет с того времени экспедиция, снаряженная Казанским университетом, застала чувовских вогул уже вполне обрусевшими, забывшими совершенно свой родной язык и языческие обряды» [Глушков 1900: 71]. Остатки чувовских манси встречал во время путешествия 1843–1845 гг. А. Регули, но бо́льшая их часть была ассимилирована еще до XIX в. [Páray 1906: 367–368].

Я. Гуя, который исследовал рукописный документ 1736 г., содержащий мансийский языковой материал с обоих склонов Среднего Урала, приходит к выводу об отнесенности мансийских идиомов Туры, Тагила и Чусовой к южным мансийским говорам [Gulya 1958: 44–45; Гуя 1963: 173]. По результатам анализа субстратной мансийской топонимии и О. В. Смирнов склонен сблизать фонетику древнемансийских говоров на территории ранней ассимиляции манси (то есть на Юго-западном Урале — в бассейне Чусовой и ее притока Сылвы) с фонетикой южных мансийских (тавдинских) говоров [Смирнов 2012: 70]. Ю. В. Норманская на основе анализа мансийских письменных памятников конца XVIII в. также пришла к выводу о близости субстратных мансийских говоров в бассейнах Чусовой и Тавды [Норманская 2020: 79]. Также см.: [Гайдамашко 2020: 420–422].

3.3. Области пересечения изоглосс

В исключительных случаях русская лексика может указывать на точки пересечения изоглосс различных (resp. субстратных) финно-угорских идиомов.

Так, в русских говорах Вишеры и ее притока Колвы (преимущественно в верховьях — Дий Черд.; Акчим, Вёлгур, Мартино, Писаная, Усть-Улс Краснов., но см. и Ныроб Черд. с окрестностями) встречаются заимствования как коми происхождения, так и мансийского.

С одной стороны, это могут быть следы одновременного и независимого этноязыкового взаимодействия русских с коми и манси (в низовьях и верховьях соответственно). С другой стороны, в русских говорах низовий Вишеры и Колвы в составе коми субстрата может находиться мансийский субсубстрат и адстрат (см. 3.1.1 и 3.2.1). Подтверждением возможности первого сценария может служить тот факт, что в русских говорах Вишеры отмечены и *оль* ‘редкий невысокий лес на низких сырых местах’ (при коми *оль*, (36)), и *уль* ‘сырое, болотистое место в лесу’ (при манс. *βül’*, *ül’*, (50)), при том, что мансийское слово само заимствовано из коми [Rédei 1970: 92]. На реальность второго сценария указывают, например, сообщения, что в старину коми-язвинские охотники встречали манси в верховьях Вишеры и Язьвы [Лыткин 1961: 11]; также известно о жалованной царской грамоте, согласно которой «верховье Язьвы входило в состав охотничьих угодий мансийцев», и челобитной, свидетельствующей о том, что «коми-язвинцы были в тесном общении с мансийцами и что часть мансийцев, действительно, могла влиться в состав коми-язвинского населения и перенять коми язык» [Лыткин 1961: 12].

Другой подобной областью, по результатам нашего исследования, оказался Суксунский район, где встретились как остатки сылвенского мансийского субстрата (34), так и лексика коми-пермяцкого происхождения (51), принесенная сюда, скорее всего, относительно поздними потоками миграций внутри региона. При этом в местной русской топонимии при предварительном наблюдении, кроме мансийских и коми-пермяцких следов, обнаруживаются тюркские и субстратные неустановленного происхождения (см. про угорский след в Разд. 3.2.3).

Любопытно, что Кама в отдельных местах может выступать как естественная граница между коми и мансийским субстратными типами (см. окрестности Березников и Усолья).

3.4. Послесловие

Разумеется, прийти к бесспорным выводам мешает недостаточное регистрирование и изученность диалектной и исторической лексики

финно-угорских языков Приуралья (включая угасшие идиомы) и, как следствие, неудовлетворительное представление этой лексики в словарях и исследованиях. Видится также, что несмотря на богатую традицию лексикографического представления русских говоров Прикамья, новые словари и экспедиционная работа по сбору русских говоров еще способны открыть исследователям новые примеры финно-угорского лексического субстрата.

При этом достоверность лингвогеографических выводов должна подкрепляться значительным фактическим материалом, особенно если речь идет о старых и древних состояниях, когда население было мобильнее (потому и границы очерченных в статье ареалов весьма условны). Тем не менее этимологический и лингвогеографический анализ даже небольшого количества субстратной финно-угорской лексики в русских говорах Пермского края позволяет:

- очертить контуры областей былого распространения субстратных финно-угорских идиомов (например, коми в Гайнском, Косинском, Чердынском, Красновишерском, Соликамском, Усольском, Добрянском, Ильинском, Карагайском, Верещагинском, Еловском (?) районах, мансийские в городском округе Березники, Красновишерском, Александровском, Лысьвенском, Чусовском, Кунгурском, Суксунском районах);
- указать нахождение коми-мансийской границы, пролегающей к началу активной русской колонизации в XV–XVI вв., а также обозначить условные этапы ее смещения в последующее время и окончательного стирания в XX в.;
- проследить отдельные особенности субстратных идиомов (например, фонетика и вишерского, и яйвинско-косьвинского мансийских идиомов была близка фонетике современных пельымского и лозьвинских — то есть западного и отчасти северного — мансийских диалектов, при этом более южный чусовской идиом иногда обнаруживает бóльшую близость к тавдинскому — то есть к южному — мансийскому диалекту, см. примеры *ни́рка* (34) и *юкора* (62); однако в то же время пример *рып* (40) показывает, что субстратные мансийские

- идиомы Приуралья могли иметь и свои особенности фонетики, отличные от всех других известных данных);
- установить, что в субстратных коми и мансийских идиомах данного региона бытовала лексика, сходная той, которая в настоящее время фиксируется не повсеместно, а лишь в отдельных (не всегда территориально близких) диалектах (например, некоторые слова угасших коми идиомов на территории нынешнего Чердынского и Красновишерского районов — *дзюлёк* (17), *урдым* (52) — фонетически близки современной коми-зырянской или удмуртской лексике, а некоторые могут вообще не отмечаться коми-пермяцкими источниками — *бáчка* (2), *гуркáн* (13), *кíдас* (25), *першóк* (37), *сíрин* (41), *ту-рáсный* (48), *чíска́ть* (55));
  - восстановить лексические данные, которые не отмечены финно-угорскими словарями (например, коми **ватибака* ‘сухой трутовик’ (7), манс. **тулум* ~ **тулым* ‘порожистое место в реке’ (44));
  - указать на утраченные детали семантики и т. д.

Список условных сокращений

1. Районы Пермского края / Пермской области / Молотовской области

Ал. — Александровский; Вер. — Верещагинский; Гайн. — Гайнский; Добр. — Добрянский; Ел. — Еловский; Ил. — Ильинский; Кар. — Карагайский; Кос. — Косинский; Красн. — Красновишерский; Куд. — Кудымкарский; Лысьв. — Лысьвенский; Нердв. — Нердвинский (1943–1959); Сив. — Сивинский; Сол. — Соликамский; Сукс. — Суксунский; Ус. — Усольский; Черд. — Чердынский; Черн. — Чернушинский; Чус. — Чусовской; Юрл. — Юрлинский; Юсьв. — Юсьвинский.

2. Языки, диалекты и говоры

вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка (говоры: Бог. — с. Богородск, Виш. — бассейн Вишеры, Вольд. — с. Вольдино, Крч. — с. Керчомья, Нёб. — с. Нёбдино, Ст. — с. Сторожевск, Укл. — с. Усть-Кулом); венг. — венгерский язык; вк. — верхнекондинский диалект мансийского языка (говоры:

Шаим — д. Шаим); вл. — верхнелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: НИ — д. Никито-Ивдель); вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка (говоры: Гр. — с. Грива, Кб. — с. Кобра, Кг. — с. Койгородок, Уж. — с. Ужга); вым. — вымский диалект коми-зырянского языка (говоры: Весл. — д. Весляна, Кок. — д. Кокпом, Кони — д. Кони, Онеж. — д. Онежье, Синд. — д. Синдор); горн. — горномарийский язык; зюзд. — зюздинское (верхнекамское) наречие коми-пермяцкого языка; иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка; кз. — коми-зырянский язык; конд. — кондинский диалект мансийского языка; коч. — кочёвский диалект коми-пермяцкого языка; кп. — коми-пермяцкий язык; кя. — коми-язьвинский язык; левич. — левичанский говор косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка; лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка (говоры: Зан. — с. Зануль, Лет. — с. Летка, Об. — с. Обьячево, Пор. — д. Поруб, Пр. — с. Прокопьевка, Сл. — д. Слудка, Чтв. — с. Читаево); луг. — луговомарийский язык; манс. — мансийский язык; мар. — марийский язык; мокш. — мокша-мордовский язык; нв. — нижневьчегодский диалект коми-зырянского языка (говоры: Кожм. — с. Кожмудор, Кокв. — д. Коквицы, Паль — с. Палевицы, Сл. — с. Слудка); нердв. — нердвинский диалект коми-пермяцкого языка; ни. — нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка; нк. — нижнекондинский диалект мансийского языка (говоры: Нахр. — д. Нахрачи); нл. — нижнелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: Куз. — д. Кузина); оньк. — оньковский диалект коми-пермяцкого языка; оп. — общепермский (реконструкция); ош. — ошибский говор кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка; пел. — пельмский диалект мансийского языка; перм. — пермские языки; печ. — печорский диалект коми-зырянского языка (говоры: Аб. — д. Абар, Пкч. — с. Покча, У.-И. — с. Усть-Илыч); рус. — русский язык; св. — северные говоры вагильского диалекта мансийского языка (говоры: Заоз. — д. Заозерная, Кама — д. Кама); сев. — северное; ск. — среднекондинский диалект мансийского языка (говоры: Леуш — д. Леуш); скр. — присыктябрьский диалект коми-зырянского языка (говоры: Выльг. — с. Выльгорт, Койт. — д. Койтыбож, Слб. — д. Слобода); сл. — среднелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: Перш. — д. Першина); слоб. — слободской говор удмуртского языка; сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка (говоры: Сарт. — д. Сартынья); сс. — среднесысольский диалект коми-зырянского языка (говоры: Меж. — с. Межег, Пж. — с. Пажга, Чухл. — с. Чухлэм, Ыб — с. Ыб); тавд. — тавдинский диалект мансийского языка (говоры: БЧ — д. Большие Чандыри, Ян. — д. Янычкова); уд. — удорский диалект коми-зырянского языка (говоры: Гл. — с. Глотова, Косл. — с. Кослан, Лат. — д. Латыгога, Мез. — бассейн Мезени, Чупр. — с. Чупрово); удм. — удмуртский язык; фин.-угор. — финно-угорские языки; чув. — чувашский язык; эрз. — эрзя-мордовский язык; юв. — южные говоры вагильского диалекта мансийского языка; южн. — южное.

3. Прочие

букв. — буквально; дет. — в детской речи; истор. — историческое; литер. — литературное; напр. — например; повс. — повсеместно; прич. — причастие; простореч. — просторечное; см. — смотри; совр. — современное; ср. — сравни; устар. — устаревшее.

Литература

- Александров (отв. ред.) 1989 — В. А. Александров (отв. ред.). На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989.
- Баталова 1975 — Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975.
- Баталова 1990 — Р. М. Баталова. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М.: [Б. и.], 1990.
- Васёв 2006 — М. В. Васёв. Об использовании растений сельским населением Чердынского района и названиях растений, бытующих в местных говорах. Выпускная квалификационная работа. Пермь: Пермский государственный университет, 2006.
- Гайдамашко 2009 — Р. В. Гайдамашко. Лексемы *бака* и *бакса* как результат развития в русских народных говорах прауральского *rðkz // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 416–423.
- Гайдамашко 2011a — Р. В. Гайдамашко. Синонимы финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья (на материале названий овцы) // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 418–426.
- Гайдамашко 2011b — Р. В. Гайдамашко. Топооснова *яр*ан и *ненцы* в Верхнем Прикамье: предварительные замечания // Н. Н. Колпакова (ред.). Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 14–19.
- Гайдамашко 2013 — Р. В. Гайдамашко. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер*, *пурга*, *сёрд*, *туман* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 57–62.
- Гайдамашко 2014 — Р. В. Гайдамашко. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2014.

- Гайдамашко 2016 — Р. В. Гайдамашко. Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: *тола, чалня* // Севернорусские говоры. 2016. Вып. 15. С. 34–43.
- Гайдамашко 2017a — Р. В. Гайдамашко. Еще раз о «Списке русских слов с переводом...» за подписью Никиты Овчинникова: фрагменты палеографического и текстологического анализа // Sz. T. Tóth (ed.). Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference. Narva: University of Tartu Narva College, 2017. P. 25–26.
- Гайдамашко 2017b — Р. В. Гайдамашко. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII. Ч. 2. С. 298–331.
- Гайдамашко 2018 — Р. В. Гайдамашко. Материалы к этимологии лексики в русских говорах Прикамья: *баткас, бачка, бёрдыш* // Севернорусские говоры. 2018. Вып. 17. С. 30–45. DOI: 10.30842/01348515201802.
- Гайдамашко 2020 — Р. В. Гайдамашко. К мансийскому происхождению русского диалектного слова *нюрка* ‘мелкая щука’, ‘мелкая рыба’ // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 417–425. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-417-425.
- Гайдамашко 2023 — Р. В. Гайдамашко. Из истории рукописных памятников коми-пермяцкой письменности конца XVIII — начала XX веков: авторы, жанры, диалекты // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 357–366. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-357-366.
- Гайдамашко, Левичкин 2024 — Р. В. Гайдамашко, А. Н. Левичкин. Новооткрытые рукописи коми-пермяцкого словаря Ф. А. Волегова // Linguistica Uralica. 2024. Vol. 60. Iss. 2. С. 136–151. DOI: 10.3176/lu.2024.2.05.
- Гайдамашко, Пономарева 2019 — Р. В. Гайдамашко, Л. Г. Пономарева. Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1748–1788) // Урало-алтайские исследования. 2019. № 1 (32). С. 7–27.
- Гайдамашко, Шкураток 2019 — Р. В. Гайдамашко, Ю. А. Шкураток. Современное состояние коми-язьвинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4. С. 576–590. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590.
- Глушков 1900 — И. Н. Глушков. Чердынские вогулы (Этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. XLV. № 2. С. 15–78.
- Гуя 1963 — Я. Гуя. Древнемансийские диалекты // Gy. Ortutay (hrsg.). Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus 20.–24.IX.1960. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. С. 172–175.
- Зверева 2007 — Ю. В. Зверева. Лексика, заимствованная из коми-пермяцкого языка, в пермских говорах (на материале тематической группы «Человек») //

- А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 477–482.
- Зверева 2008 — Ю. В. Зверева. Аппелятивы коми-пермяцкого происхождения в пермских говорах // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 491–497.
- Зверева 2012 — Ю. В. Зверева. Лексика коми-пермяцкого происхождения в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. Вып. 16. С. 103–110.
- Кошелюк 2022 — Н. А. Кошелюк. Графико-фонетические особенности первых памятников на мансийском языке сер. XVIII — нач. XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2022.
- Кривошекова-Гантман 1974 — А. С. Кривошекова-Гантман. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // А. С. Гантман (ред.). Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1974. С. 19–43.
- Кривошекова-Гантман 1981 — А. С. Кривошекова-Гантман. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // А. К. Матвеев (отв. ред.). Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 46–62.
- Лобанова, Черных 2014 — А. С. Лобанова, А. В. Черных. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39.
- Лыткин 1889 — Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889.
- Лыткин 1955 — В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. 1. М.: Издательство АН СССР, 1955.
- Лыткин 1961 — В. И. Лыткин. Коми-язвинский диалект. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Лыткин (ред.) 1962 — В. И. Лыткин (ред.). Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962.
- Лыткин 1964 — В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964.
- Максимов 2016 — С. А. Максимов. О коми заимствованиях в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. LII. Iss. 2. P. 111–121. DOI: 10.3176/lu.2016.2.04.
- Матвеев 1958 — А. К. Матвеев. Мансийские заимствования в русских говорах по реке Пелыму // Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького, 1958. Вып. 20: Филологический. С. 71–85.

- Матвеев 1959 — А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. (= Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького, 1959. Вып. 32).
- Матвеев 1961 — А. К. Матвеев. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1961. С. 319–330.
- Матвеев 1964 — А. К. Матвеев. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. T. 14. Fasc. 3–4. O. 285–315.
- Матвеев 1968 — А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 4. (= Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького, 1968. № 191). С. 136–146.
- Матвеев 2006 — А. К. Матвеев. Ономатология. М.: Наука, 2006.
- Матвеев 2011 — А. К. Матвеев. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. (Труды Топонимической экспедиции). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.
- Меркушева 2003 — Т. Н. Меркушева. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2003.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.
- Мызников 2004 — С. А. Мызников. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.
- Мызников 2007 — С. А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2007.
- Напольских 2015 — В. В. Напольских. Очерки по этнической истории. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015.
- Норманская 2020 — Ю. В. Норманская. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 71–80. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
- Норманская, Кошелюк 2020 — Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
- Оборин 1990 — В. А. Оборин. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990.

- Пономарева, Гайдамашко 2019 — Л. Г. Пономарева, Р. В. Гайдамашко. О коми-пермяцких и мансийских рукописях из фонда Антала Регули: предварительные наблюдения // Sz. T. Tóth (ed.). *Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjanlustes V: Teesid*. Narva: University of Tartu Narva College, 2019. P. 16.
- Преображенский (отв. ред.) 1989 — А. А. Преображенский (отв. ред.). *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* М.: Наука, 1989.
- Смирнов 2001 — О. В. Смирнов. Мансийская топонимия реки Чусовая в записях Г. Ф. Миллера // А. К. Матвеев (ред.). *Этимологические исследования: сб. науч. тр. Вып. 7.* Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 121–141.
- Смирнов 2012 — О. В. Смирнов. Субстратная мансийская топонимия на территории былого проживания манси // *Вопросы ономастики*. 2012. № 1 (12). С. 43–79.
- Федосеева 2002 — Е. Н. Федосеева. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // И. В. Тараканов (сост. и отв. ред.). *Пермистика-9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов.* Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 426–434.
- Федосеева 2015 — Е. Н. Федосеева. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар: [ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН], 2015.
- Хаузенберг 1972 — А.-Р. Хаузенберг. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). Таллин: [Б. и.], 1972.
- Csúcs 2005 — S. Csúcs. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache.* (Bibliotheca Uralica. 13). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005.
- Gaidamaško 2013 — R. Gaidamaško. Finno-Ugric substrate appellatives in Russian dialects of the Upper Kama // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* (= *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*). 2013. Vol. 4. No. 2. P. 199–216. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.11.
- Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvmélek (Előzetes közlés) // *Nyelvtudományi közlemények*. 1958. LX. kötet. 1. szám. O. 41–45.
- Kalima 1919 — J. Kalima. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen.* (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919.
- Kalima 1927 — J. Kalima. *Syrjänische Lehngut im Russischen* // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1927. Bd. XVIII. Hft. 1–3. S. 1–56.
- Kannisto 1913–1918 — A. Kannisto. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913–1918. O. XXX₈.
- Pápay 1906 — I. Pápay. *Reguly Antal urali térképe* // *Földrajzi közlemények*. 1906. XXXIV. kötet. 9. szám. O. 349–370.

- Rédei 1970 — K. Rédei. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- Saarikivi 2021 — J. Saarikivi. The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendent reconstruction // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 28–58. DOI: 10.1093/oso/9780198767664.003.0003.
- Veenker 1967 — W. Veenker. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 82). Bloomington: Indiana University, 1967.
- Veenker 1992 — W. Veenker. Finnougriisch-slavische Wechselbeziehungen // H. László, S.-L. Hahmo, T. Hofstra, J. Jastrzebska, O. Nikkilä (eds.). Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam: Rodopi, 1992. S. 175–184.

Источники

- Аникин — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–18. М.; СПб.; Новосибирск: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Нестор-История; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2007–2024 (издание продолжается).
- Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- АС — Ф. Л. Скитова (гл. ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области = Акчимский словарь. Вып. 1–6. Пермь: [Б. и.]; Издательство Пермского университета, 1984–2011.
- БАСРЯ — К. С. Горбачевич, А. С. Герд (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- КПРС — [Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман]. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.
- КСК — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка. Т. 1–2. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012–2014.
- КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (г. Пермь, ПГНИУ).
- КЭСКЯ — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

- КЭСКЯД — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Г. Г. Бараксанов (отв. ред.). Вопросы коми филологии (= Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, 1975. Вып. 18). С. 3–45.
- МСФУСЗ — А. К. Матвеев (ред.), Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш (авт. и сост.). Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера: Вып. 1. А–И. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.
- Мурзаев 1984 — Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов: словарь. М.: Мысль, 1984.
- Мызников 2019 — С. А. Мызников. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- МЭ — Материалы экспедиций Р. В. Гайдамашко.
- Полякова 2007 — Е. Н. Полякова. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Издательство Пермского университета, 2007.
- Ракин 1989 — А. Н. Ракин. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989.
- Рогов 1869 — Н. А. Рогов. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869.
- РУС — Л. М. Ившин (отв. ред.). Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Ижевск: [УдмФИЦ УрО РАН], 2019.
- СГСРПО — О. П. Беляева (сост.), Е. А. Голушкова (ред.). Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь: [Б. и.], 1973.
- СЛПП — Е. Н. Полякова. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: [в 2-х т.]. Пермь: Издательство Пермского университета, 2010.
- СПГ — А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева (ред.). Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- СРГКПО — И. А. Подюков (науч. ред.). Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Издательство ПОНИЦАА, 2006.
- СРГСПК — И. И. Русинова (гл. ред.). Словарь русских говоров севера Пермского края: [вып. 1–2; продолжающееся издание]. Пермь; СПб.: Издательство Пермского университета; Маматов, 2011–2023.
- СРГСУ — П. А. Вовчок, Н. П. Костина, А. К. Матвеев (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1–7. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство; Издательство УрГУ, 1964–1988.
- СРГСУД — А. К. Матвеев (ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996.
- СРГЮП — И. А. Подюков (науч. ред.). Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3. Пермь: [ПГПУ; ПГГПУ], 2010–2012.

- СРНГ — Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников (гл. ред.). Словарь русских народных говоров: [вып. 1–52; продолжающееся издание]. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- ССРЛЯ — С. Г. Бархударов и др. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Издательство АН СССР; Наука, 1950–1965.
- Фасмер — М. Фасмер, О. Н. Трубочев (перевод с нем. и предисловие), Б. А. Ларин (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- UEW — K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
- WW 1986 — B. Munkácsi (gesamm.), B. Kálmán (geordnet, bearb., hrsg.). *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- WW 2013 — A. Kannisto (gesamm. und geordnet), V. Eiras (bearb.), A. Moisio (hrsg.). *Wogulisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXXV; Kotimaisten kielten keskuksen julkaisuja. 173). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura & Kotimaisten kielten keskus, 2013.

References

- Aleksandrov (ed.) 1989 — V. A. Aleksandrov (ed.). *Na putyakh iz Zemli Permskoy v Sibir: ocherki etnografii severnouralskogo krestyanstva XVII–XX vv.* [On the way from the Land of Perm to Siberia: essays on the ethnography of the North Ural peasantry of the 17th–20th centuries]. Moscow: Nauka, 1989.
- Batalova 1975 — R. M. Batalova. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka, 1975.
- Batalova 1990 — R. M. Batalova. *Unifitsirovannoye opisaniye dialektov uralskikh yazykov. Onkovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka* [A unified description of the dialects of the Uralic languages. Onkovsky dialect of the Komi-Permyak language]. Moscow: S. n., 1990.
- Csúcs 2005 — S. Csúcs. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache* [The reconstruction of the Permian language]. (Bibliotheca Uralica. 13). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005.
- Fedoseyeva 2002 — E. N. Fedoseyeva. *Dialekty severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka na sovremennom etape razvitiya* [Dialects of the northern dialect of the Komi-Permyak language at the present stage of development]. I. V. Tarakanov (comp. and ed.). *Permistika-9: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii: Mezhhuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Permistics-9: Issues of Permian and Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific papers]. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2002. P. 426–434.

- Fedoseyeva 2015 — E. N. Fedoseyeva. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [The vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS, 2015.
- Gaidamaško 2013 — R. Gaidamaško. Finno-Ugric substrate appellatives in Russian dialects of the Upper Kama. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* (= *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*). 2013. Vol. 4. No. 2. P. 199–216. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.11.
- Gaydamashko 2009 — R. V. Gaydamashko. Leksemy *baka* i *baksa* kak rezultat razvitiya v russkikh narodnykh govorakh prauralskogo *pǝkǝ [The lexemes *baka* and *baksa* as a result of the development of the Proto-Uralic *pǝkǝ in Russian dialects]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies) 2009]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 416–423.
- Gaydamashko 2011a — R. V. Gaydamashko. Sinonimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya (na materiale nazvaniy ovtsy) [Synonyms of the Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the Upper Kama Region (based on the names for sheep)]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2011* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2011]. St. Petersburg: Nauka, 2011. P. 418–426.
- Gaydamashko 2011b — R. V. Gaydamashko. Toposnova *yanan* i nentsy v Verkhnem Prikamye: predvaritelnyye zamechaniya [The toponymic stem *yanan* and the Nenets in the Upper Kama Region: preliminary remarks]. N. N. Kolpakova (ed.). *Materialy XL Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii 14–19 marta 2011 g. Uralistika* [Proceedings of the 40th International Philological conference on March 14–19, 2011. Uralistics]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2011. P. 14–19.
- Gaydamashko 2013 — R. V. Gaydamashko. K etimologii russkikh dialektnykh slov Prikamya: *yeger, purga, serd, tuman* [On the etymology of the Russian dialect words of the Kama Region: *yeger, purga, serd, tuman*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2013. No. 4 (24). P. 57–62.
- Gaydamashko 2014 — R. V. Gaydamashko. *Landshaftnaya leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya* [Landscape vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the Upper Kama Region]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2014.
- Gaydamashko 2016 — R. V. Gaydamashko. Materialy k etimologii meteorologicheskoy leksiki v russkikh govorakh Prikamya: *tola, chalnaya* [Materials on the etymology of meteorological vocabulary in the Russian dialects of the Kama Region: *tola, chalnaya*]. *Severnorusskiye govory*. 2016. Vol. 15. P. 34–43.

- Gaydamashko 2017a — R. V. Gaydamashko. Yeshche raz o «Spiske russkikh slov s perevodom...» za podpisyu Nikity Ovchinnikova: fragmenty paleograficheskogo i tekstologicheskogo analiza [The “List of Russian words with translation...” signed by Nikita Ovchinnikov revisited: fragments of palaeographic and textual analysis]. Sz. T. Tóth (ed.). *Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference*. Narva: University of Tartu Narva College Press, 2017. P. 25–26.
- Gaydamashko 2017b — R. V. Gaydamashko. K etimologii i lingvogeografii nazvaniy zontichnykh rasteniy v russkikh govorakh Prikamya: *puchka, umra* [On the etymology and linguogeography of the Umbelliferae plant names in the Russian dialects of the Kama Region: *puchka, umra*]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 2. P. 298–331.
- Gaydamashko 2018 — R. V. Gaydamashko. Materialy k etimologii leksiki v russkikh govorakh Prikamya: *batkas, bachka, berdysh* [Materials for the etymology of certain vocabulary in the Russian dialects of the Kama Region: *batkas, bachka, berdysh*]. *Severnorusskiye govory*. 2018. Vol. 17. P. 30–45. DOI: 10.30842/01348515201802.
- Gaydamashko 2020 — R. V. Gaydamashko. K mansiyskomu proiskhozhdeniyu russkogo dialektного slova *nyurka* ‘melkaya shchuka’, ‘melkaya ryba’ [On the Mansi origins of the Russian dialect word *nyurka* ‘small pike’, ‘small fish’]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 417–425. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-417-425.
- Gaydamashko 2023 — R. V. Gaydamashko. Iz istorii rukopisnykh pamyatnikov komi-permyatskoy pismennosti kontsa XVIII — nachala XX vekov: avtory, zhanry, dialekty [Glimpses of the history of the Komi-Permyak manuscript monuments of the late 18th — early 20th centuries: authors, genres, dialects]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2023. Vol. 13. No. 2 (53). P. 357–366. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-357-366.
- Gaydamashko, Levichkin 2024 — R. V. Gaydamashko, A. N. Levichkin. Novootkrytyye rukopisi komi-permyatskogo slovarya F. A. Volegova [Newly discovered manuscripts of the Komi-Permyak dictionary by F. A. Volegov]. *Linguistica Uralica*. 2024. Vol. 60. Iss. 2. P. 136–151. DOI: 10.3176/lu.2024.2.05.
- Gaydamashko, Ponomareva 2019 — R. V. Gaydamashko, L. G. Ponomareva. Materialy k istorii izucheniya komi-permyatskogo rukopisnogo naslediya protoiyereya Antoniya Popova (1748–1788) [Materials on history of the study of the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1748–1788)]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2019. No. 1 (32). P. 7–27.
- Gaydamashko, Shkuratok 2019 — R. V. Gaydamashko, Yu. A. Shkuratok. Sovremennoye sostoyaniye komi-yazvinskogo yazyka [The current state of the Komi-Yazva

- language]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 576–590. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590.
- Glushkov 1900 — I. N. Glushkov. Cherdynskiye voguly (Etnograficheskiy ocherk) [Cherdyn Voguls (An ethnographic essay)]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1900. Vol. XLV. No. 2. P. 15–78.
- Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvmélek (Előzetes közlés) [A Mansi language monument from 1736 (Preliminary communication)]. *Nyelvtudományi közlemények*. 1958. Vol. LX. Pt. 1. P. 41–45.
- Guya 1963 — Ya. Guya. Drevnemansiyskiye dialektiy [Old Mansi dialects]. Gy. Ortutay (ed.). *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus 20.–24.IX.1960*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 172–175.
- Kalima 1919 — J. Kalima. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [Finnic loanwords in Russian]. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919.
- Kalima 1927 — J. Kalima. Syrjänische Lehngut im Russischen [Zyryan loanwords in Russian]. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1927. Vol. XVIII. Pt. 1–3. P. 1–56.
- Kannisto 1913–1918 — A. Kannisto. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns [A dictionary of an extinct Vogul dialect in the papers of M. A. Castrén]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913–1918. Vol. XXX. Pt. 8.
- Khauzenberg 1972 — A.-R. Khauzenberg. *Nazvaniya zhivotnykh v komi yazyke (sravnitelno-istoricheskii analiz)* [Animal names in the Komi language (comparative historical analysis)]. Tallin: S. n., 1972.
- Koshelyuk 2022 — N. A. Koshelyuk. *Grafiko-foneticheskiye osobennosti pervykh pamyatnikov na mansiyskom yazyke ser. XVIII — nach. XX vv.* [Graphic and phonetic features of the first monuments in the Mansi language in the middle of the 18th — early 20th centuries]. Candidate thesis. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2022.
- Krivoshchekova-Gantman 1974 — A. S. Krivoshchekova-Gantman. Geograficheskaya terminologiya komi-permyatskogo yazyka [Geographical terminology of the Komi-Permyak language]. A. S. Gantman (ed.). *Voprosy lingvisticheskogo kraevovedeniya Prikamya. Vyp. 1* [Questions of linguistic local history of the Kama Region. Iss. 1]. Perm: Perm State Pedagogical Institute Press, 1974. P. 19–43.
- Krivoshchekova-Gantman 1981 — A. S. Krivoshchekova-Gantman. Komi-permyatskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya [Komi-Permyak borrowings in the Russian dialects of the Upper Kama Region]. A. K. Matveyev (ed.). *Etimologicheskkiye issledovaniya. Vyp. 2* [Etymological studies. Iss. 2]. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1981. P. 46–62.
- Lobanova, Chernykh 2014 — A. S. Lobanova, A. V. Chernykh. Leksika traditsionnogo kostyuma v dialektnoy rechi komi-permyakov [Traditional clothing terms

- in the Komi-Permyak dialects]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2014. No. 3 (14). P. 24–39.
- Lytkin 1889 — G. S. Lytkin. *Zyryanskiy kray pri yepiskopakh permskikh i zyryanskiy yazyk* [Zyryan Region under the bishops of Perm and the Zyryan language]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1889.
- Lytkin 1955 — V. I. Lytkin. *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam. S obzorom dialektov i dialektologicheskim slovarem. Ch. I* [A dialectological anthology of the Permian languages. With an overview of dialects and a dialectological dictionary. Pt. 1]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955.
- Lytkin 1961 — V. I. Lytkin. *Komi-yazvinskiy dialekt* [Komi-Yazva dialect]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
- Lytkin (ed.) 1962 — V. I. Lytkin (ed.). *Komi-permyatskiy yazyk. Vvedeniye, fonetika, leksika i morfologiya: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Komi-Permyak language. Introduction, phonetics, vocabulary and morphology: a textbook for higher education institutions]. Kudymkar: Komi-Permyak Book Publishing House, 1962.
- Lytkin 1964 — V. I. Lytkin. *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of the Permian languages]. Moscow: Nauka, 1964.
- Maksimov 2016 — S. A. Maksimov. O komi zaimstvovaniyakh v udmurtskom yazyke [On Komi borrowings in the Udmurt language]. *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. LII. Iss. 2. P. 111–121. DOI: 10.3176/lu.2016.2.04.
- Matveyev 1958 — A. K. Matveyev. Mansiyskiye zaimstvovaniya v russkikh govorkakh po reke Pelymu [Mansi borrowings in Russian dialects along the Pelym River]. *Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1958. Iss. 20: Philological. P. 71–85.
- Matveyev 1959 — A. K. Matveyev. *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh govorkakh Severnogo Urala* [Finno-Ugric borrowings in the Russian dialects of the Northern Urals]. (= *Uchenye zapiski Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1959. Iss. 32).
- Matveyev 1961 — A. K. Matveyev. Toponimicheskiye tipy Verkhnego i Srednego Prikamya [Toponymic types of the Upper and Middle Kama Region]. *Otchetnyy Kamskoy (Votkinskoy) arkhologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR. Vyp. 2* [Reports of the Kama (Votkinsk) archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. Iss. 2]. Moscow: S. n., 1961. P. 319–330.
- Matveyev 1964 — A. K. Matveyev. Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorkakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowings from Permian languages in the Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. T. 14. Iss. 3–4. P. 285–315.

- Matveyev 1968 — A. K. Matveyev. O drevneyshikh mestakh rasseleniya ugorskikh narodov (po dannym yazyka) [On the earliest places of Ugric peoples' settlement (based on language data)]. *Transactions of the Kama Archaeological Expedition. Iss. 2.* (= Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 1968. No. 191. P. 136–146.
- Matveyev 2006 — A. K. Matveyev. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow: Nauka, 2006.
- Matveyev 2011 — A. K. Matveyev. *Materialy po mansiyskoy toponimii gornoy chasti Severnogo Urala* [Materials on Mansi toponymy in the mountainous part of the Northern Urals]. (Trudy Toponimicheskoy ekspeditsii). Yekaterinburg: Ural State University Publishing House, 2011.
- Merkusheva 2003 — T. N. Merkusheva. *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [The flora and fauna vocabulary of the southern dialect of the Komi-Permyak language]. Candidate thesis. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS, 2003.
- Myznikov 2003 — S. A. Myznikov. *Russkiye govory Obonezhya: arealno-etimologicheskoye issledovaniye leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the Obonezhye Region: an areal etymological study of the vocabulary of the Finnic origin]. St. Petersburg: Nauka, 2003.
- Myznikov 2004 — S. A. Myznikov. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz* [The vocabulary of Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the North-West: Etymological and linguogeographic analysis]. St. Petersburg: Nauka, 2004.
- Myznikov 2007 — S. A. Myznikov. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of the substrate and borrowed vocabulary of the Russian dialects of the North-West]. 2nd ed., revised and expanded. St. Petersburg: Nauka, 2007.
- Napolskikh 2015 — V. V. Napolskikh. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on ethnic history]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost, 2015.
- Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Slovari permnskikh mansi «aborigenov Sibiri», sobrannyye P. S. Pallasom v XVIII veke [Dictionaries of Perm Mansi “Native speakers of Siberia”, collected by P. S. Pallas in the 18th century]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2020. No. 3 (38). P. 71–80. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
- Normanskaya, Koshelyuk 2020 — Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Neopublikovanny mansiyskiy slovar P. S. Pallasa — raneye neizvestnyy mansiyskiy dialekt? [The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — a previously unknown Mansi dialect?]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2020. No. 1 (36). P. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.

- Oborin 1990 — V. A. Oborin. *Zaseleniye i osvoyeniye Urala v kontse XI — nachale XVII veka* [Settlement and development of the Urals in the late 11th — early 17th centuries]. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1990.
- Pápay 1906 — I. Pápay. Reguly Antal urali térképe [Ural map of Antal Reguly]. *Földrajzi közlemények*. 1906. Vol. XXXIV. Pt. 9. P. 349–370.
- Ponomareva, Gaydamashko 2019 — L. G. Ponomareva, R. V. Gaydamashko. O komi-permyatskikh i mansiyskikh rukopisyakh iz fonda Antala Reguli: predvaritelnyye nablyudeniya [On Komi-Permyak and Mansi manuscripts from the Antal Reguly Foundation: preliminary observations]. Sz. T. Tóth (ed.). *Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjandustes V: Teesid*. Narva: University of Tartu Narva College Press, 2019. S. 16.
- Preobrazhenskiy (ed.) 1989 — A. A. Preobrazhenskiy (ed.). *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [The history of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka, 1989.
- Rédei 1970 — K. Rédei. *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen* [The Zyryan loanwords in Mansi]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- Saarikivi 2021 — J. Saarikivi. The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendant reconstruction. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 28–58. DOI: 10.1093/oso/9780198767664.003.0003.
- Smirnov 2001 — O. V. Smirnov. Mansiyskaya toponimiya reki Chusovaya v zapisyakh G. F. Millera [The Mansi toponymy of the Chusovaya River in the records of G. F. Miller]. A. K. Matveyev (ed.). *Etimologicheskkiye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 7* [Etymological research: collection of scientific papers. Iss. 7]. Yekaterinburg: Ural State University Publishing House, 2001. P. 121–141.
- Smirnov 2012 — O. V. Smirnov. Substratnaya mansiyskaya toponimiya na territorii bylogo prozhivaniya mansi [Mansi substrate toponymy on the territory of the former habitation of the Mansi people]. *Voprosy onomastiki*. 2012. No. 1 (12). P. 43–79.
- Vasev 2006 — M. V. Vasev. *Ob ispolzovanii rasteniy selskim naseleniyem Cherdynskogo rayona i nazvaniyakh rasteniy, bytuyushchikh v mestnykh govorakh* [About the use of plants by the rural population of the Cherdynsky District and the names of plants found in local dialects]. Graduation paper. Perm: Perm State University, 2006.
- Veenker 1967 — W. Veenker. *Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache* [The question of the Finno-Ugric substrate in the Russian language]. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 82). Bloomington: Indiana University, 1967.
- Veenker 1992 — W. Veenker. Finnougrisch-slavische Wechselbeziehungen [Finno-Ugric and Slavic interrelationships]. H. László, S.-L. Hahmo, T. Hofstra,

- J. Jastrzebska, O. Nikkilä (eds.). *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum* [Finno-Ugric languages between the Germanic and Slavic language areas]. Amsterdam: Rodopi, 1992. P. 175–184.
- Zvereva 2007 — Yu. V. Zvereva. Leksika, zaimstvovannaya iz komi-permyatskogo yazyka, v permskikh govorakh (na materiale tematicheskoy gruppy «Chelovek») [Vocabulary borrowed from the Komi-Permyak language in the Perm dialects (based on the material of the thematic group “Man”)]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2007* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2007]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 477–482.
- Zvereva 2008 — Yu. V. Zvereva. Apellyativy komi-permyatskogo proiskhozhdeniya v permskikh govorakh [Appellatives of Komi-Permyak origin in the Perm dialects]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2008]. St. Petersburg: Nauka, 2008. P. 491–497.
- Zvereva 2012 — Yu. V. Zvereva. Leksika komi-permyatskogo proiskhozhdeniya v «Slovere russkikh govorov severa Permskogo kraja» [Vocabulary of the Komi-Permyak origin in the Dictionary of Russian dialects of the North of the Perm Krai]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki*. 2012. Vol. 16. P. 103–110.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 12.04.2024

Аттриция и изменения в ходе языкового сдвига в прибалтийско-финских языках и диалектах Ингерманландии

М. З. Муслимов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
mehmet@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8332-9578

Аннотация. В статье описываются основные изменения в морфологии и морфонологии прибалтийско-финских языков Ингерманландии в ходе языкового сдвига. Предлагаются критерии для разграничения аттриционных изменений и изменений, вызванных внутривидовыми тенденциями. Для морфонологии этих языков более частотны случаи аттриции, которые характерны только для конкретного идиолекта. С другой стороны, исчезновение целых грамматических категорий в результате категориального выравнивания или категориального переключения чаще охватывает целые локальные идиомы и даже ареалы, как например, исчезновение абессива.

Ключевые слова: ингерманландский финский, ижорский, водский, аттриция, языковой сдвиг, морфонология, морфология.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Attrition and changes in the context of a language shift in Baltic-Finnic languages and dialects of Ingermanland

Mehmet Z. Muslimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); mehmet@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8332-9578

Abstract. The article describes the main changes in the morphology and morphophonology of the Baltic-Finnic languages of Ingria in the context of a language shift. Criteria are proposed for distinguishing attritional changes from those caused by infrastructural tendencies. In the plane of morphophonology, the most frequent cases of attrition in these languages are idiolect-specific, with cases common for all idiolects across the area occurring rarer. Most often, attrition in morphophonology manifests itself as analogical levelling, e.g., when an anomalous adessive form *lakel* ‘on the ceiling’ is used instead of the regular *luajel* (nominative *lak* ‘ceiling’). On the other hand, the widespread use of *hen*-illatives and *jaisi*-conditionals in the West Hatsina dialect rather reflects infrastructural tendencies. The loss of some morphophonological alternation may reflect both attrition and influence from closely related dialects which lack such alternation. The disappearance of entire grammatical categories as a result of categorial levelling or categorial switching more often spans entire local idioms or even whole areas: for example, the abessive disappeared from the whole of Western Ingria. Other changes include the loss of the 1PL and 2PL possessive suffixes, the loss of the inessive of the infinitive II form, the loss of passive participles agreement, the loss of the 3rd person imperative, the loss of the synthetic conditional. In some cases, application of complex and opaque morphological rules can lead to disappearance of a whole grammatical category by precluding generation of surface forms like, e.g., that of the inessive of the infinitive II. On the other hand, the expansion of the imperfect suffix *-si* may be both a result of the Estonian language influence (as in Ingrian Finnish) and a substrate feature (as in Lower Luga Ingrian). An interesting innovation is neutralization of the opposition of the same case forms of the I, II, III and IV infinitives, which results in that in some idiolects the infinitive III may also have a translative form which Standard Finnish lacks.

Keywords: Ingrian Finnish, Ingrian, Votic, attrition, language shift, morphonology, morphology.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

В данной статье мы рассмотрим некоторые явления, связанные с изменениями в языках и диалектах Ингерманландии в ходе

языкового сдвига. Наше внимание будет в основном сосредоточено на изменениях в морфонологии и морфологии данных идиомов.

Прибалтийско-финские языки (далее ПФЯ) Ингерманландии находятся в состоянии языкового сдвига примерно с 40-х годов XX века, когда носители этих языков были депортированы из своих родных деревень и большинство из них так и не смогло вернуться [Мусаев 2004: 279–340]. В настоящее время на этих языках говорит в основном только самое старшее поколение конца 1920-х — 1940-х годов рождения. Более того, доменов, в которых эти языки употребляются, осталось очень мало: это общение между собой представителей самого старшего поколения и (для ингерманландских финнов) язык общения в церкви. Мы собирали данные по идиомам Ингерманландии (водскому, ижорскому, ингерманландскому финскому) в 1988–1991 гг. и с 1998 г. по настоящее время как на территории исторической Ингерманландии, так и за ее пределами — в Карелии, Эстонии, Финляндии и ряде городов России.

Изменения, происходящие в ПФЯ Ингерманландии, ранее уже становились предметом изучения. В частности, Х. Рийонхеймо занималась изучением аттриции в области глагольной морфологии, а О. Кокко — в области именной морфологии ингерманландского финского [Riionheimo 1998, 2013a, 2013b; Kokko 2007]. В своем описании глагольной морфонологии двух североингерманландских говоров проблематику аттриции затрагивала также А. Е. Доброва [Доброва 2014]. Подробный анализ аттриционных изменений в именном словоизменении дает П. С. Толстикова в работе [Толстикова 2017]. Различные типы аттриционных изменений рассматривались также в работе [Муслимов 2007]. Экспедиционный отчет А. В. Азаргаевой [Азаргаева 2016] был посвящен морфонологии некоторых глагольных парадигматических классов в ингерманландском финском. В нем есть заметное количество аттриционных форм.

Изменения, происходящие в языке при языковом сдвиге, в том числе и в отдельных идиолектах, уже становились предметом изучения в ряде работ. В работах [Dorian 1981; Dressler 1991], а также в обзорах [Seliger, Vago 1991; Dorian 1992] описывались основные виды таких изменений. Они могут быть вызваны либо интерференцией

со стороны доминирующего языка, либо внутренними причинами. Перечислим те из них, которые имеют наибольшее значение для морфологии:

- 1) аналогическое выравнивание, устранение разного рода иррегулярных, непродуктивных моделей словоизменения и переход лексем, входящих в непродуктивные словоизменительные типы, в более распространенные;
- 2) парадигматическое выравнивание, редукция алломорфии, элиминация регулярных чередований в парадигме, которая становится более единообразной;
- 3) категориальное выравнивание, нейтрализация грамматических противопоставлений, исчезновение грамматических категорий;
- 4) категориальное переключение: грамматическая категория сохраняется, однако начинает выражаться по-другому.

Приведем примеры на каждый из этих 4 типов.

- 1) Переход прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в продуктивный тип имен на краткий гласный — *lühvä*, см. ниже *Таблицу 5*, парадигма 3.
- 2) Утрата чередования ступеней во всей парадигме, например распространение основы *tuahe-* ‘навоз’ на все падежи — *tuahehen* ‘навоз.ILL’, *tuahehes* ‘навоз.INESS’ вместо *tatteehehen* ‘навоз.ILL’, *tattees* ‘навоз.INESS’ в центральноингерманландских говорах.
- 3) Утрата презенса кондиционала и, как следствие, нейтрализация противопоставления презенса и перфекта кондиционала (см. ниже *Раздел 4.2*). Утрата V инфинитива (см. *Раздел 4.6*).
- 4) Замена абессива на партитив в конструкции с предлогом *ilman*.

Следует отметить, что носители прибалтийско-финских идиомов Ингерманландии демонстрируют разную степень владения языком, и их идиолекты могут довольно заметно отличаться как по степени сохранности старой системы, так и по произошедшим в этих

идиолектах изменениям. Тем не менее можно выделить аттриционные изменения, которые произошли не в одном, а в нескольких идиолектах, зачастую не контактировавших между собой (например, в идиолектах информантов, живущих в разных деревнях на большом удалении друг от друга). По-видимому, в таких случаях можно говорить именно о действии внутривидовых тенденций. Однако отграничение явлений, закрепившихся в том или ином говоре, от индивидуальных изменений остается трудной задачей. В свою очередь, и разграничение изменений, характерных для языкового сдвига, и явлений, характерных для «естественной» эволюции языка, также оказывается возможным далеко не всегда.

Данная статья посвящена обзору тех изменений, которые фиксировались разными исследователями в ПФЯ Ингерманландии в предшествующих работах и представлены в наших полевых материалах. Кроме того, мы делаем попытку разграничить аттриционные явления, затрагивающие отдельные идиолекты, и явления, характерные для всех или большинства идиолектов.

Мы будем использовать следующие критерии оценки характера происходящих изменений.

1. Время возникновения явления. Если явление фиксируется еще в начале XX века, то оно может быть связано либо с влиянием других языков, либо с действием внутривидовых тенденций и не являться специфичным именно для языкового сдвига. Информанты, чья речь была зафиксирована в начале XX века, не были последним поколением говорящих, поскольку современные носители ПФЯ Ингерманландии в основном относятся к поколениям 1920–1930-х годов рождения, хотя есть и отдельные носители даже 60-х годов рождения и позже.

2. Географическое распространение явления. Характерными признаками недавнего появления той или иной инновации, на наш взгляд, является отсутствие сплошного ее ареала, наличие в одной и той же деревне и «консервативных» и «инновационных» идиолектов. Такое распределение, во-первых, может отражать инновации, связанные с ускорением внутривидовых изменений в условиях языкового сдвига. В Ингерманландии верхней границей начала языкового сдвига можно считать 40-е годы XX века, когда почти все

прибалтийско-финское население Ингерманландии было депортировано. При этом в отдельных местностях, например, в центральной и восточной частях водского ареала, в ижорских деревнях долины р. Систа и вблизи Усть-Нарвы, в некоторых районах приходов Нова-солкка, Молосковица и Валкеасаари, языковой сдвиг, по-видимому, начался еще раньше. Во-вторых, это распределение может также отражать влияние литературного финского языка, который не связан с каким-то определенным ареалом Ингерманландии¹. Наоборот, наличие определенного четкого ареала той или иной инновативной особенности указывает на достаточно давнее ее появление. Наличие в соседних деревнях другого ПФЯ, в котором представлено такое же явление, может указывать на историческое влияние этого ПФЯ.

3. Корреляция между степенью владения языком и наличием явления в идиолекте конкретного информанта.

4. Особенности лингвистической биографии конкретного информанта, в частности, изучение литературного финского или эстонского языков. Следует иметь в виду, что существуют определенные диагностические признаки сильного влияния литературного финского или эстонского языков на идиолект информанта. В первую очередь к ним можно отнести формы личных местоимений, которые отделяют финский и эстонский литературные языки от всех ПФЯ Ингерманландии.

2. Морфонология

2.1. Чередования

В ПФЯ Ингерманландии существуют два больших класса чередований: т. н. чередование ступеней и чередование простых

---

¹ Влияние эстонского языка может быть и локальным, например в некоторых районах Западной Ингерманландии. С другой стороны, «рваный ареал» может возникать и как результат влияния эстонского литературного языка на идиолекты ингерманландских финнов, проживающих в Эстонии.

и геминированных согласных. При этом следует различать чередование простых и геминированных согласных как один из подтипов чередования ступеней, которое происходит в тех же условиях, что и качественное чередование ступеней, и чередование простых и геминированных согласных, возникшее гораздо позднее чередования ступеней и происходящее в других условиях. Чередование ступеней в ПФЯ охватывает значительную часть как глаголов, так и имен и отличается высокой регулярностью. В *Таблице 1* приведены некоторые из чередований ступеней, имеющих отличия в разных ПФЯ Ингерманландии.

Таблица 1. Чередования ступеней в водском, ижорском, финском и эстонском языках

Table 1. Consonant gradation in Votic, Ingrian, Finnish and Estonian

водский	ижорский	ингерманландский финский	эстонский	литературный финский
<i>tk/dg</i>	<i>tk/t</i>	<i>tk</i>	<i>tk</i>	<i>tk</i>
<i>st</i>	<i>st/ss</i>	<i>st/ss, st</i>	<i>st</i>	<i>st</i>
<i>sk/zg</i>	<i>sk/s</i>	<i>sk/s, sk</i>	<i>sk/s</i>	<i>sk</i>
<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/h</i>	<i>ht/hd</i>
<i>hk/hg</i>	<i>hk/h</i>	<i>hk/h, hk</i>	<i>hk/h</i>	<i>hk/hk, h</i>
<i>k/g</i>	<i>k/ø</i>	<i>k/ø, v, j</i>	<i>k/ø, j</i>	<i>k/ø</i>
<i>t/ø</i>	<i>t/ø</i>	<i>t/ø, v, j</i>	<i>t/ø, j</i>	<i>t/d</i>

Примечание. Водские чередования даны по [Ariste 1948: 16–19], ижорские — по [Лаанест 1966; Junus 1936: 19–25], ингерманландские финские — по [Галахова 2021], эстонские — по [Erelt et al. 1995: 154–157], литературные финские — по [Hakulinen et al. 2008]

Некоторые типы чередования ступеней представлены во всех пяти ПФЯ, например, чередования смычных геминат с простыми смычными (включая и кластеры с геминатами), поэтому такие словоформы, как *verkkon* ‘невод.GEN’ (NOM.SG *verkko*, GEN.SG *verkon* в идиолектах более компетентных говорящих) могут быть только аттриционными [Kokko 2007: 88]. Разные ингерманландские финские

диалекты также могут отличаться наличием или отсутствием конкретных типов чередований. В частности, чередование *st/ss* характерно для диалектов приходов Нарвуси, Сойккола, Каттила, Каприо [Муслимов 2009: 190], а *v* и *j* как слабоступенные соответствия *t* и *k* широко представлены в Центральной и Северной Ингерманландии, но не в Западной Ингерманландии и не в Тюрё [Галахова 2021: 62–70, 82–95].

Отсутствие характерного для конкретного локального идиома чередования может быть не только проявлением парадигматического выравнивания, но и результатом влияния соседнего идиома и/или литературного финского или эстонского языка. В [Муслимов 2007] мы подробно рассматривали такие случаи в ПФЯ нижнелужского ареала, поэтому в данном разделе мы уделим больше внимания Центральной и Северной Ингерманландии.

В речи отдельных ижорских информантов из дер. Извоз и Дальняя Поляна спорадически встречается сильная ступень *tk* вместо слабой в формах IMP.2SG: *elä itke* ‘не плачь’ вместо ожидаемого *elä ite*. В данном случае мы явно имеем дело с парадигматическим выравниванием, поскольку такие формы встретились у информантов с невысокой степенью владения языком, а носителей финского языка в этих деревнях нет. Однако для аналогичных форм, встречающихся у отдельных ижороязычных информантов из дер. Ванакюля, Б. Куземкино и Пески, мы не можем сказать ничего определенного, поскольку в данных случаях можно предполагать и влияние нижнелужского финского, а для дер. Пески еще и водского. В последнем случае форма *itke* могла бы быть и результатом фонологической адаптации водского *idgō* в данном ижорском идиолекте.

В центрально- и североингерманландских финских говорах чередование *sk/s* представлено не всегда последовательно. Чаще всего отсутствие чередования встречается у лексем *posk* ‘щека’ (*pose-t* vs *poske-t* ‘щека-PL’) и *uskoo* ‘верить’ (*uso-n* vs *usko-n* ‘верить-1SG’). В настоящее время вариант *posket* является преобладающим в большинстве финских диалектов Ингерманландии, за исключением диалектов приходов Нарвуси, Каттила, Новасолкка и Каприо. Вариант *uskon* встречается повсеместно и не образует каких-либо ареалов,

однако чаще он встречается у тех информантов, для идиолектов которых характерно влияние литературного финского. При этом некоторые носители противопоставляют варианты *uskon* и *uson*: первый используется в религиозном контексте, второй — в светском. Для большинства других лексем с данным чередованием варианты без чередования встречаются редко и в основном в идиолектах информантов с невысокой степенью владения языком.

Согласные *k* и *t* в слабой степени в позиции между гласными в ингерманландском финском обычно выпадают, причем в зиянии может появляться глайд *v* или *j*. Появление или отсутствие глайда зависит от соседних гласных, а также от диалекта. Например, в Каприо и частично в Тюрё глайды встречаются гораздо реже [Галахова 2021: 62–70, 82–95]. Случаи сохранения *k* и *t* в целом довольно редки, и обычно характерны для идиолектов менее компетентных информантов, например *lakel* вместо обычного *luaje-l* ‘потолок-АДЕСС’ (НОМ.СГ *lak*). Согласный *t* сохраняется чаще, например, *tietä-n* ‘знать-1СГ’ вместо регулярного *tijen*. Однако сохранение *k* в формах имперфекта глагола *nähhä* ‘видеть’ *näk-i-n* ‘видеть-ИПФ-1СГ’ вместо обычного *nä-i-n* (ср. *näk* ‘видеть.ИПФ.3СГ’) распространено довольно широко, причем не только в западной части Ингерманландии, где можно было бы предполагать эстонское влияние (ср. эстонское *nägin*), но и в Центральной и Северной Ингерманландии.

Большую часть рассмотренных выше случаев можно считать проявлениями аттриции в отдельных идиолектах, однако некоторые случаи с большим основанием можно считать результатом влияния финского литературного языка. Сюда можно отнести такие варианты, как *posket*, *uskon*, *tietän*. Неясно происхождение широко распространенного варианта *näkin*, который представлен и у информантов с довольно высокой степенью владения языком.

Чередование простых и геминированных согласных характерно для всех ижорских и финских диалектов Ингерманландии, однако в водском языке оно встречается только в отдельных говорах, подвергшихся ижорскому или финскому влиянию. Геминации может подвергаться любой согласный, причем выбор формы с геминатой

зависит как от грамматической категории, так и от парадигматического класса, например, в парадигме существительного *vene* ‘лодка’ геминация представлена в генитиве *vennen*, а в парадигме относящегося к другому парадигматическому классу существительного *kana* ‘курица’ геминация выступает в партитиве *kanna*. Отсутствие такого чередования встречается в основном в идиолектах тех информантов, для которых характерно сильное влияние литературного финского языка: *rahaa* вместо *rahhaa* ‘деньги.ПАРТ’ при *raha* ‘деньги.НОМ’.

2.2. Чередования внутри парадигм

Наряду с полной утратой какого-либо чередования встречаются случаи, когда только в отдельных формах парадигмы выступает аномальная ступень чередования, в то время как в других формах сохраняется регулярная ступень. Это встречается, например, в формах IMP.2PL и активного причастия прошедшего времени. В данном случае в ПФЯ Ингерманландии для глаголов с основой на краткий гласный характерны формы с сильной ступенью чередования, а для стяженных глаголов — со слабой, см. первые две колонки в *Таблице 2*. При этом у отдельных информантов спорадически может употребляться аномальная ступень и выравнивание может происходить как по сильной ступени, так и по слабой. В некоторых случаях происходит не просто устранение чередования, но и замена одного алломорфа корня на другой, например *pelät-* > *pelkä-* в IMP.2PL, см. пример ниже в *Таблице 2* (с. 93), где представлены некоторые из таких аномальных парадигм (глаголы *maata* ‘спать’, *lukkee* ‘читать’, *pelätä* ‘бояться’, *puota* ‘падать’).

Аномальные парадигмы взяты из [Доброва 2014: 66].

В финском говоре дер. Дубровка образование IMP.2PL стяженных глаголов от сильноступенной гласной основы стало регулярным: *lepä-kä* ‘отдыхать-IMP.2PL’ при центральноингерманландском *levät-kää* [Муслимов 2019: 279]. На это мог повлиять и эстонский язык [Erelt et al. 1995: 346].

Таблица 2. Примеры глагольных парадигм из разных финских и ижорских говоров Ингерманландии с аномальной ступенью чередования

Table 2. Examples of verbal paradigms from various Finnish and Ingrian dialects of Ingermanland with anomalous consonant gradation

	стяженные глаголы	глаголы с основой на краткий гласный	аномальные парадигмы	
			стяженные глаголы	глаголы с основой на гласный
INF	<i>maata (0), maatã (0), muata (0)</i>	<i>lukkee (2), lukke (2), lukkii (2)</i>	<i>maata (0), muata (0)</i>	<i>lukkee (2)</i>
PRES.1SG	<i>makkaan (2), makkan (2)</i>	<i>luen (0), luven (0)</i>	<i>makkaan (2)</i>	<i>luen (0)</i>
PRES.3SG	<i>makajaa (1), makaja (1)</i>	<i>lukkoo (2)</i>	<i>makajaa (1)</i>	<i>lukkoo (2)</i>
PTCP.ACT	<i>maant (0), maad (0), miuant (0), maannud (0)</i>	<i>lukent (1), luked (1)</i>	<i>makant (1), makkant (2), makkad (2), makannud (1)</i>	<i>luent (0)</i>
IMP.2PL	<i>maatkaa (0), miatkaa (0), maatka (0), pelätkää (0), puotkaa (0)</i>	<i>lukekaa (1)</i>	<i>pelkäkää (1), putotkaa (1)</i>	

Примечание. Разные ступени чередования показаны цифрой в скобках после словоформы: 0 — слабая ступень, 1 — сильная, 2 — форма с геминацией. Аномальные формы выделены полужирным шрифтом.

У глагола *puajeta* (PRES.1SG *pakenen*) ‘убегать’ слабоступенная согласная основа и сильноступенная гласная довольно сильно отличаются. Многие носители затрудняются с порождением форм, которые образуются от согласной основы — инфинитива, активного причастия прошедшего времени, IMP.2PL. Некоторые из носителей используют согласную основу, но с сильной ступенью чередования: *paket-kaa* ‘убегать-IMP.2PL’ (вместо *puajet-kaa* у наиболее компетентных носителей).

Интересным случаем использования аномальных ступеней чередования является парадигма существительного *sus* ‘волк’ в центральноингерманландских говорах [Толстикова 2017: 88–89]. Это существительное принадлежит к небольшому закрытому парадигматическому классу, для которого характерно обилие алломорфов основы, см. *Таблицу 3*.

Таблица 3. Фрагменты парадигм существительных *sus* ‘волк’, *käs* ‘рука’, *ves* ‘вода’ в центральноингерманландских говорах

Table 3. Fragments of the paradigms of the nouns *sus* ‘wolf’, *käs* ‘hand’, *ves* ‘water’ in the dialects of Central Ingermanland

	‘волк’, наиболее кон- сервативные идиолекты	‘волк’, большинство идиолектов	‘рука’	‘вода’
номинатив	<i>sus</i>	<i>sus</i>	<i>käs</i>	<i>ves</i>
генитив	<i>suven</i>	<i>suven</i>	<i>kiäjen</i>	<i>veen, vien</i>
партитив	<i>sutta</i>	<i>susta, sussii, suvetta</i>	<i>kättä</i>	<i>vettä</i>
иллатив	<i>suttee</i>	<i>suvvee, sussii, suvehen</i>	<i>kättee</i>	<i>vettee</i>
эссив	<i>suten</i>	<i>suven</i>		
основа в остальных падежах	<i>suve-</i>	<i>suve-</i>	<i>kiäje-</i>	<i>vee-, vie-</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным.				

Вместо форм с геминацией или сильной ступенью в парадигме данного существительного у многих носителей выступают формы со слабоступенной основой или с основой номинатива. При этом в парадигмах некоторых других существительных данного класса, таких как ‘рука’ и ‘вода’ (см. *Таблицу 3*) такого рода выравнивание происходит очень редко. Вероятно, это связано с частотностью этих последних существительных в речи.

Много подобных случаев выравнивания в именных парадигмах анализируется в [Толстикова 2017: 60–65].

2.3. Выравнивание по аналогии с более продуктивными парадигматическими классами

Даже если в парадигме конкретной лексики не происходит исчезновения чередований, отдельные словоформы все равно могут быть окказионально образованы по модели более продуктивного парадигматического класса.

Довольно распространенным в ижорских и ингерманландских финских идиолектах является переход существительных на **-eh*, **-ek* в тип склонения на гласный. Например, вместо нижнелужской ижорской модели NOM.SG *vene* — PART.SG *venettä* 'лодка', в партитиве возникает PART.SG *venne* по образцу NOM.SG *kala* — PART.SG *kalla* 'рыба'. Другой тип склонения, для которого характерны такие переходы, — это существительные на *-si*. Вместо нижнелужской ижорской модели NOM.SG *susi* 'волк' — PART.SG *suttä* здесь возникает модель NOM.SG *susi* — PART.SG *sussi*, вместо NOM.SG *käsi* 'рука' — NOM.PL *käed* возникает NOM.PL *käsid*. При этом другие словоформы из тех же парадигм могут образовываться по-старому — аналогично тому, как это происходит в аномальных центральноингерманландских парадигмах, см. *Таблицу 3* выше. Следует отметить, что, хотя аномальные парадигмы слова *käsi* 'рука' в нижнелужском ижорском встречаются редко, они представлены в идиолектах с сильной аттрицией. Такого рода выравнивание обычно происходит с формами партитива, но довольно часто встречаются и иллативные формы стяженных имен: *venne* 'лодка.ILL' вместо *vennessä*, *perre* 'семья.ILL' вместо *perressä* в нижнелужском ижорском.

В некоторых случаях происходит выравнивание номинатива по основе, выступающей в генитиве и остальных косвенных падежах (кроме партитива). В первую очередь это явление затрагивает имена на *-ut/-üt*. В современных ПФЯ Ингерманландии диминутивный суффикс *-ut/-üt* почти не употребляется, и имен данного

парадигматического класса осталось мало. В наших материалах встретились имена *lühüt* ‘короткий’, *kätüid* / *kätküü*² ‘колыбель’ и *olut* ‘пиво’. Для имен данного парадигматического класса характерно, что партитив образуется от номинатива при помощи показателя —*t(a)/t(ä)/tä*. Все другие падежи образуются от основы генитива, которая существенно отличается от номинативной, в том числе и степенью чередования, как это имеет место в нижнелужском ижорском в парадигме *kätüid* ‘колыбель’.

В *Таблице 4* представлены четыре типичные парадигмы данного существительного в нижнелужском ижорском. Парадигма 1 является самой консервативной. Парадигма 2 устроена так же, как и парадигма 1, однако в генитивной основе произошло стяжение, и она сократилась на один слог. Парадигма 3 возникает из парадигмы 2 в результате распространения генитивной основы на партитив, а парадигма 4 — результат полного выравнивания по генитивной основе.

Таблица 4. Фрагменты парадигм существительного *kätüid* ‘колыбель’ в нижнелужских ижорских идиолектах

Table 4. Fragments of the paradigms of the noun *kätüid* ‘cradle’ in Lower Luga Ingrian idiolects

	1	2	3	4
номинатив	<i>kätüid</i>	<i>kätüid</i>	<i>kätüid</i>	<i>kätkü</i>
генитив	<i>kätkäivən</i>	<i>kätkön</i>	<i>kätkön</i>	<i>kätkön</i>
партитив	<i>kätütä</i>	<i>kätüt(ä)</i>	<i>kätkött</i>	<i>kätkö</i>
иллатив	<i>kätküve</i>	<i>kätkösse</i>	<i>kätkösse</i>	
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.				

В *Таблице 5* представлены три типичные парадигмы прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в центральноингерманландских говорах.

² В нижнелужском и сойкинском ижорском конечный *t/d* перед паузой реализуется обычно как звонкий, в отличие от финских говоров. В тех случаях, когда ижорская и финская словоформы отличаются только реализацией конечного *t/d*, мы по умолчанию будем давать финский вариант с глухим согласным.

Парадигма 1 является самой консервативной, а парадигмы 2 и 3 представляют две стадии выравнивания по генитивной основе. Парадигма 3 довольно распространена.

Таблица 5. Фрагменты парадигм прилагательного *lühüt* ‘короткий’ в нижнелужском ижорском и ингерманландском финском

Table 5. Fragments of the paradigms of the adjective *lühüt* ‘short’ in Lower Luga Ingrian and Ingrian Finnish

	1	2	3
номинатив	<i>lühüt</i>	<i>lühüt</i>	<i>lühvä</i>
генитив	<i>lühvän</i>	<i>lühvän</i>	<i>lühvän</i>
партитив	<i>lühüttä</i>	<i>lühvää</i>	<i>lühvää</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.			

В парадигме существительного *olut* ‘пиво’ в некоторых центральноингерманландских идиолектах выравнивание произошло по форме партитива *oltta* < *olutta. Эта форма послужила основой, к которой присоединялись падежные показатели.

Таблица 6. Фрагменты парадигм существительного *olut* ‘пиво’ в ингерманландском финском

Table 6. Fragments of the paradigms of the noun *olut* ‘beer’ in Ingrian Finnish

	1	2
номинатив	<i>olut</i>	<i>oltta</i>
инессив	<i>olves</i>	<i>olttas</i>
партитив	<i>oltta</i>	<i>oltta</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным.		

Распространение одних алломорфов за счет других чаще всего встречается в партитиве и иллативе. В частности, можно отметить распространение в финских и ижорских говорах Курголовского полуострова таких форм партитива множественного числа стяженных

имен, как *vene-j-ä* ‘лодка-PL-PART’, *kirve-j-ä* ‘топор-PL-PART’, *lampaj-a* ‘овца-PL-PART’ (вместо *vennei*, *venneit*, *kirvei*, *kirveit*, *lampai*, *lampait*) по образцу таких форм PART.PL имен на краткий гласный, как *kaloj-a* ‘рыба-PL-PART’, *karhu-j-a* ‘медведь-PL-PART’. Интересно отметить, что при этом обычно не происходит изменений в образовании других форм, и, таким образом, определенные различия между парадигмами склонения стяженных имен и имен на краткий гласный сохраняются.

Изменениям в способах образования иллатива от имен разных парадигматических классов в ингерманландском финском посвящена целая глава в монографии [Kokko 2007: 132–182]. Большинство описанных там изменений можно считать либо проявлениями аттриции, либо влиянием эстонского языка. Особое место занимает плеонастический иллатив на *-hen* от имен с основой на краткую гласную, часто встречающийся в финских говорах приходов Губаницы и Шпаньково, например *talloo ~ talloohen* ‘дом.ILL’, *küllää ~ külläähen* ‘деревня.ILL’.

Подобного рода изменения могут сопровождаться переразложением основы, плеоназмом, возникновением контаминированных форм, влиянием другого ПФЯ и т. п., что в итоге может давать довольно причудливые результаты. Много примеров такого выравнивания содержится в [Муслимов 2007; Толстикова 2017]. Приведем несколько примеров из магистерской диссертации Толстиковой (ингерманландский финский):

- 1) ILL.PL *onnetomuhja*, TRANSL.PL *onnetomuksija* вместо ожидаемых ILL.PL *onnettomih*, TRANSL.PL *onnettomiks* [Толстикова 2017: 58], под влиянием лит. финского PART.PL *onnettomia*, TRANSL.PL *onnettomiksi* (формы каритивного прилагательного *onnetoin* ‘несчастный’);
- 2) PART.PL *vettäloi* от *vesi* ‘вода’ вместо ожидаемого *vessii* или *vesiloi* [Толстикова 2017: 60], показатель множественного числа присоединяется к показателю партитива;
- 3) GEN.PL *jokiloisen* от *joki* ‘река’ вместо ожидаемого *jokiloin* [Толстикова 2017: 52]. В последнем случае после показателя множественного числа *-loi-* выступает диминутивный суффикс *-se-*, что необычно для ПФЯ.

В глагольном словоизменении также отмечены случаи смешения различных парадигм. По данным А. В. Азаргаевой [Азаргаева 2016], в центральноингерманландских говорах выравнивание по гласной основе очень характерно для небольшого закрытого глагольного парадигматического класса с гласной основой на *-tse* и согласной основой на *-t*. Формы I инфинитива, IMP.2PL, активного и имперсонального причастий прошедшего времени у этих глаголов образуются от согласной основы на *-t*, однако у многих носителей они образуются и от гласной основы (в *Таблице 7* выделены полужирным шрифтом).

Таблица 7. Фрагменты парадигм двухосновных глаголов с гласной основой на *-tse* в центральноингерманландских говорах

Table 7. Fragments of the paradigms of two-stem verbs with a vowel stem in *-tse* in Central Ingrian Finnish dialects

	стричь	просыпаться	выбирать
гласная основа	<i>keritse-</i>	<i>havaitse-</i>	<i>valitse-</i>
согласная основа	<i>kerit-</i>	<i>havait-</i>	<i>valit-</i>
I инфинитив	<i>keritä, keritsi, keritsä</i>	<i>havaita, havaitsetta</i>	<i>valita, valitsi</i>
IMP.2PL	<i>keritkää</i>	<i>havaitkai</i>	<i>valitkaa, valitsetkaa</i>
активное причастие	<i>kerint</i>	<i>havaint, havaitsent</i>	<i>valinnut, valisent</i>
пассивное причастие	<i>kerittä, keritsetti</i>	<i>havaitsettu</i>	<i>valittu, valitsettu</i>
Примечание. Инновативные формы выделены полужирным. Они образованы от гласной основы глаголов.			

По нашим данным, аналогичные проблемы характерны и для глаголов с основой на *-ne*. В частности, большинство носителей финских диалектов Центральной и Северной Ингерманландии, как правило, затрудняются с образованием инфинитива глагола *puajeta* ‘убегать’ (основа презенса *pakene-*).

Подводя итоги, следует отметить, что большинство рассмотренных в этом разделе примеров можно интерпретировать как случаи

аттриции, поскольку они оказываются особенностями идиолекта или даже вариолекта (см. [Рожанский 2021]). Некоторые же изменения, например в парадигме прилагательного *lühüt* ‘короткий’, оказываются настолько распространенными, что для них можно уже говорить об изменениях в системе и возникновении дублетной парадигмы, характерной для идиолектов большинства носителей.

3. Именная морфология

3.1. Посессивные аффиксы

Одним из наиболее заметных изменений, происходящих в ПФЯ Ингерманландии, является постепенная утрата посессивных аффиксов имен. В финских диалектах Центральной и Северной Ингерманландии посессивная парадигма имеет следующий вид:

Таблица 8. Посессивные аффиксы в ингерманландском финском
Table 8. Possessive affixes in Ingrian Finnish

	SG	PL
1	<i>-in</i>	<i>-mmo/-mmö</i>
2	<i>-is</i>	<i>-nno/-nnö</i>
3	<i>-se(n), -V(n)</i>	<i>-se(n), -V(n)</i>

При этом посессивные показатели 1 и 2 лица множественного числа употребляются крайне редко, обычно только с рефлексивным местоимением *itse* ‘себя’, реципрокным местоимением *toine toise-* ‘друг друга’, с некоторыми наречиями и нефинитными формами (транслативом I инфинитива, инессивом II инфинитива, адессивом V инфинитива):

- (1) *Müö ost-i-mmo itse-lle-mmo omenii.*
 мы купить-IPF-1PL сам-ALL-P.1PL картофель.PL.PART
 ‘Мы купили себе картошки’.

При этом у существительных полная посессивная парадигма была зафиксирована нами только у одного информанта с сильным влиянием финского литературного языка. У наиболее компетентных носителей посессор 1PL и 2PL может быть выражен только генитивом соответствующего личного местоимения:

- (2) *koira-mmo, ^{ok}*mejjen koira*
'наша собака'

У таких носителей, тем не менее, посессивные показатели 1PL и 2PL могут встречаться в случаях, подобных (1).

У следующей группы носителей с достаточно высокой степенью владения языком посессивные показатели 1PL и 2PL вообще отсутствуют, а с местоимениями и нефинитными формами глаголов употребляется либо нулевой показатель, либо показатель 3 лица. При этом в финитных формах показатели 1PL и 2PL сохраняются.

У значительной части носителей посессивные показатели могут отсутствовать и в 3 лице, причем чаще в случаях с посессором множественного числа. В их идиолектах, таким образом, остаются только посессивные показатели 1SG и 2SG. Следующая группа носителей характеризуется тем, что в их идиолектах посессивные показатели 1SG и 2SG, очень редко 3SG, сочетаются только с местоимением *itse*, а существительные вообще не имеют посессивной парадигмы. И, наконец, для последней группы носителей, как правило более молодых, характерно полное отсутствие посессивных аффиксов.

Следует отметить, что к последней группе относятся и информанты с высокой степенью владения языком из Западной Ингерманландии, в частности носители нижнелужского ижорского и нижнелужского финского, где посессивные аффиксы исчезли еще до начала языкового сдвига [Laanest 1986: 122]. Применительно к Центральной и Северной Ингерманландии можно, однако, говорить как о влиянии самого процесса сдвига, приводящего к категориальному переключению, так и о влиянии русского языка, в котором посессор может быть выражен либо генитивом, либо притяжательным прилагательным.

3.2. Абессив и каритивные прилагательные

Судя по описаниям [Ariste 1948: 38; Laanest 1986: 105], абессив у существительных³ в середине XX века присутствовал как в ижорском, так и в водском языках. Однако к настоящему времени именной абессив в этих языках полностью исчез [Маркус, Рожанский 2011: 118; Markus, Rozhanskiy 2022: 314]. В ингерманландском финском абессив продолжает частично сохраняться. В настоящее время наиболее прочные позиции он занимает в диалектах приходов Келтто и Рьяпяювя, где он сохранился в большинстве идиолектов. В Центральной Ингерманландии абессив отсутствует в идиолектах примерно половины информантов, а в Западной Ингерманландии в наших материалах он отсутствует полностью. Как правило, абессив употребляется с предлогом *ilman* ‘без’ (в отличие от финского литературного языка). Во всех ПФЯ Ингерманландии, а также в финском литературном языке каритивная семантика может также быть выражена конструкцией *ilman*+партитив. Согласно [Kokko 2007: 80], в середине 90-х годов в Северной Ингерманландии обычно употреблялся абессив без предлога, в Центральной — абессив с предлогом, в Западной Ингерманландии также удалось зафиксировать редкие случаи употребления абессива с предлогом.

В тех идиолектах, где именной абессив сохраняется, по-видимому, существуют морфонологические ограничения на сочетаемость аффикса абессива с разными типами основ. Показатель абессива плохо сочетается с двухосновными именами на *-s* и на *-e*, хотя эти запреты носят скорее статистический, а не абсолютный характер. У односложных имен, а также в формах множественного числа некоторых парадигматических классов абессив с показателем *ta*, характерный для Центральной Ингерманландии, полностью совпадает с партитивом, см. *Таблицу 9* ниже. В говорах Северной Ингерманландии, однако, абессив имеет показатель *-tta*, и совпадение с формами партитива невозможно. В других парадигмах показатель *-ta* присоединяется

---

³ Абессив может употребляться также с 3 инфинитивом. Эта форма продолжает сохраняться во всех ПФЯ Ингерманландии.

к разным основам. Наибольшее число примеров на абессив в наших материалах представлено у двусложных одноосновных имен.

Таблица 9. Абессив в Центральной и Северной Ингерманландии

Table 9. The abessive in the dialects of Central and Northern Ingermanland

гlossa	номинатив	партитив	абессив, Северная Ингерманландия	абессив, Центральная Ингерманландия
нога	<i>jalka</i>	<i>jalkaa</i>	<i>jalatta</i>	<i>jalata</i>
ноги	<i>jalat</i>	<i>jalkoi</i>	<i>jaloitta</i>	<i>jaloita</i>
семья	<i>pere</i>	<i>perettä</i>	* <i>perreettä</i>	* <i>perreetä</i>
документы	<i>tokkeet</i>	<i>tokkeita</i>	* <i>tokkeitta</i>	<i>tokkeita</i>
голова	<i>piä</i>	<i>piätä</i>	* <i>piättä</i>	<i>piätä</i>
деревья	<i>puut</i>	<i>puita</i>	<i>puitta</i>	<i>puita</i>
рука	<i>käs'</i>	<i>kättä</i>	<i>kiäjettä</i>	* <i>kiäjettä</i>
руки	<i>kiäjet</i>	<i>kässii</i>	<i>käsittä</i>	* <i>käsitä</i>
лошадь	<i>hevone</i>	<i>hevosta</i>	* <i>hevosetta</i>	<i>hevoseta</i>
топор	<i>kirves</i>	<i>kirvestä</i>	<i>kirveettä</i>	* <i>kirveetä</i>

Существуют и синтаксические ограничения на употребление абессива. В частности, если есть согласуемое определение, то вместо абессива будет употребляться партитив:

- (3) *Tänäpäin hiä tul' ilman ommaa salkkuu.*
 сегодня он приходить.PRF.3SG без свой.PART сумка.PART
 ‘Сегодня он пришел без своей сумки’.

Иногда встречается оформление абессивом только вершины именной группы, определение в этом случае получает показатель партитива:

- (4) *Män-i-n metsää ilman suur-ta koira-ta.*
 идти-IPF-1SG лес.ILL без большой-ПАРТ собака-ABESS
 ‘Я пошел в лес без большой собаки’.

В двух случаях нам встретилась обратная ситуация, оформление определения абессивом и вершины ИГ партитивом:

- (5) *Ilman oma-tta koiraa hiä ei käy*
 без свой-ABESS собака.PART он NEG.3SG ходить.CN
metsä-s.
 лес-INESS
 ‘Без своей собаки он не ходит в лес’.

Следует отметить, что абессив может отсутствовать и в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком.

Кроме абессива, в ПФЯ Ингерманландии существуют и каритивные прилагательные на *-toin*. Продуктивность этой модели очень сильно варьирует у разных информантов. Как правило, всем информантам известно прилагательное *onneton ~ onnetoin* ‘несчастный’. Однако такие прилагательные, как *työtöin* ‘безработный’ или *suolatoin* ‘несоленый’ известны далеко не всем опрошенным нами информантам, а, например, прилагательные **kualitoin* ‘без капусты’ или **sokuritoin* ‘без сахара’ были отвергнуты всеми информантами. В целом каритивные прилагательные у большинства информантов представлены довольно скудно, причем чаще отсутствуют те прилагательные, у которых отсутствуют в качестве эквивалентов русские прилагательные на *без-* или *не-*.

В позиции определения и предиката с каритивными прилагательными конкурируют конструкции с абессивом и партитивом. При этом каритивные прилагательные используются для указания на постоянный характер отсутствия чего-либо, а абессивная / партитивная конструкция — на временный:

- (6) *Tapa-si-n Maria-n ilman laps-ii.*
 встретить-IPF-1SG Мария-GEN без ребенок-PL.PART
 ‘Я встретил Марию без детей (дети у нее есть)’.
- (7) *Eilen haastel-i-n lapse-ttoma-n naise-n kans.*
 вчера разговаривать-IPF-1SG ребенок-CAR-GEN женщина-GEN с
 ‘Вчера я разговаривал с бездетной женщиной’.

Если же в конкретном идиолекте отсутствует конкретное каритивное прилагательное, то вместо него будет употребляться абессивная или чаще партитивная конструкция.

Тенденцию к замене конструкции с абессивом на конструкцию с партитивом вряд ли можно считать проявлением изменений в ходе языкового сдвига, поскольку аналогичный процесс происходит и в литературном финском языке Финляндии [Nakulinen et al. 2008], и центрально- и североингерманландские диалекты в этом отношении в целом являются даже более консервативными. Интересно отметить, что сильнее всего эта тенденция проявляется в идиомах Западной Ингерманландии, в то время как в эстонском языке позиции абессива достаточно прочны. Поэтому тенденцию утраты абессива в Западной Ингерманландии нельзя связать с влиянием эстонского языка.

С другой стороны, сокращение числа каритивных прилагательных может быть одним из проявлений изменений в ходе языкового сдвига, когда из двух конструкций с близким значением сохраняется только одна, т. е. происходит категориальное выравнивание. При этом больше шансов сохраниться у тех каритивных прилагательных, которые имеют близкие соответствия в русском языке.

3.3. Эссив и транслатив

Эссив в ПФЯ Ингерманландии употреблялся в основном для передачи временного состояния (постоянное состояние маркируется номинативом), а с существительными, обозначающими временные промежутки, — для указания на время действия. Транслатив имел более широкий спектр функций, одна из которых — переход в новое состояние. В настоящее время эссив употребляется довольно редко.

В отличие от почти всех косвенных падежей, аффиксы которых присоединяются к основе генитива (которая в зависимости от парадигматического класса может быть как слабоступенной, так и сильноступенной), показатель эссива *-n(na)* первоначально присоединялся только к сильноступенной основе [Лаанест 1966: 102; Laanest 1986: 104]. Однако в настоящее время даже у носителей

с высокой степенью владения языком наблюдаются колебания в выборе основы. В полевых материалах П. С. Толстиковой зафиксированы случаи как сильноступенной основы (*repo-n* ‘лиса-ESS’), так и слабоступенной основы (*suve-na* ‘волк-ESS’), и даже основы с геминацией (*matto-na* ‘змея-ESS’). Как правило, носители испытывают затруднения с образованием форм множественного числа эссива [Маркус, Рожанский 2011: 118; Толстикова 2017: 65]. Кроме того, эссив довольно часто заменяется на номинатив в тех контекстах, где он маркирует временное состояние, и на адессив — в темпоральном значении, например в (8) вместо номинатива *seppä* ожидалось бы *seppän(nä)* или *sepän(nä)* ‘кузнец.ESS’

- (8) *Ennempää hiä ol’ seppä.*
 раньше он быть.IPF.3SG кузнец.НОМ
 ‘Раньше он был кузнецом’

Транслатив, в свою очередь, может заменяться на иллатив или аллатив [Толстикова 2017: 67], однако в целом он гораздо лучше сохраняется, чем эссив.

Ослабление эссива, уже зашедшее довольно далеко во всех ПФЯ Ингерманландии, по-видимому, следует считать одним из изменений в системе в процессе языкового сдвига — категориальным выравниванием. Следует отметить, что в русском языке временное и постоянное состояние могут маркироваться противопоставлением творительного и именительного падежа (ср. *Он работает учителем* и *Он учитель*). Однако это не мешает употреблению номинатива вместо эссива современными носителями ПФЯ Ингерманландии даже при переводе русских стимулов с творительным падежом. Таким образом, как и для каритивных конструкций, в этом случае действует тенденция к исчезновению одной из двух близких по значению конструкций.

Что касается транслатива, то эпизодические случаи замены его на иллатив, адессив или аллатив, по-видимому, следует считать проявлениями аттриции в отдельных идиолектах. В (9) вместо адессива *hyväl ihmisel* ‘хороший.ADESS человек.ADESS’ ожидался бы транслатив *hyväks ihmiseks* ‘хороший.TRANSL человек.TRANSL’:

- (9) *Hiä kasvo-i hyvä-l ihmise-l.*
 он расти-IPF.3SG хороший-ADESS человек-ADESS
 ‘Он вырос хорошим человеком’.

В полевых материалах П. С. Толстиковой встретился также пример замены эссива на транслатив:

- (10) а. *Heikko olla suve-ks.*
 плохой быть.1INF волк-TRANSL
 ‘Плохо быть волком’.

(10а) отражает также пропуск связки *on* ‘быть IPF.3SG’ под влиянием русского языка. Вместо (10а) ожидалось (10б):

- (10) б. *Heikko on olla suve-n(na)/sute-n(na).*
 плохой быть.IPF.3SG быть.1INF волк-ESS
 ‘Плохо быть волком’.

Колебания между эссивом, транслативом и адессивом могут объясняться тем, что в аналогичных русских предложениях им всем будет соответствовать русский творительный падеж.

3.4. Согласование прилагательных и причастий

Хотя в идиолектах подавляющего числа информантов согласование прилагательных по падежу сохраняется, в полевых материалах П. С. Толстиковой (ингерманландский финский) встретилось несколько случаев отсутствия согласования:

- (11) *takja-n riiomena-s*
 сладкий-GEN яблоко-INESS
 ‘в сладком яблоке’

Во всех этих случаях прилагательное стояло в форме генитива единственного числа [Толстикова 2017: 68–69]. Поскольку подобное явление не отмечалось в текстах, записанных в середине XX века [Mullonen 2004], то это явление следует считать проявлением аттриции.

С другой стороны, имперсональное причастие прошедшего времени гораздо чаще остается несогласованным, причем даже в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком. Приведем пример из ингерманландского финского говора прихода Губаницы:

- (12) *Ost-i-n ommel-tu pajja-n.*
 купить-IPF-1SG шить-PTCP-IPS рубашка-GEN
 ‘Я купил сшитую рубашку’.

В то же время в том же говоре встречаются и случаи согласования причастия:

- (13) *Tuum-a-si-n luve-tu-st kirja-st.*
 думать-IPF-1SG читать-PTCP-IPS-EL книга-EL
 ‘Я думал о прочитанной книге’.

Непоследовательное согласование причастий прошедшего времени отмечается также и в современном водском языке [Маркус, Рожанский 2011: 265]. В данном случае можно скорее говорить об изменении в ходе языкового сдвига. Следует отметить, что данное причастие утратило возможность согласования также в эстонском языке [Erelt et al. 1995: 68].

4. Глагольная морфология

4.1. Имперфект

В современных ПФЯ Ингерманландии имперфект употребляется чаще, чем в финском или эстонском литературных языках, распространив свою сферу употребления за счет аналитических форм — перфекта и плюсквамперфекта. При этом в некоторых идиолектах парадигма имперфекта подвергается перестройке.

В идиолектах некоторых носителей нижнелужского ижорского и финского из дер. Ванакюля, Дальняя Поляна, Лужицы отмечены такие формы 3SG имперфекта, как *küsiüs* ‘спрашивать-IPF.3SG’. Такого же

рода формы отмечает Рийонхеймо [Riionheimo 1998, 2013a, 2013b] в идиолектах ингерманландских финнов Эстонии. В их возникновении могло сыграть роль как влияние эстонского языка, так и аналогическое выравнивание по парадигме имперфекта стяженных глаголов. В этих идиолектах показатель имперфекта *-si* представлен не только в 3 лице, но и в 1 и 2 лицах, его могут принимать не только стяженные и рефлексивные глаголы, но и глаголы других парадигматических классов. С другой стороны, в южных говорах нижнелужского ижорского также можно заметить экспансию этого показателя, но не затрагивающую 3 лицо. Как будет показано ниже, эти два явления, несмотря на внешнее сходство, вероятнее всего были вызваны разными причинами. Рассмотрим фрагменты парадигм глагола *küssö / küssüä* ‘спрашивать’ в разных нижнелужских ижорских и финских идиолектах и эстонском языке, см. *Таблицу 10*.

Таблица 10. Глагол *küssö / küssüä* ‘спрашивать’ в нижнелужских идиолектахTable 10. The verb *küssö / küssüä* ‘ask’ in the Lower Luga idiolects

	глаголы с основной на лабиальный гласный или <i>i</i> , южный нижнелужский ижорский	глаголы с основной на лабиальный гласный или <i>i</i> , северный нижнелужский ижорский и финский	стяженные глаголы, северный нижнелужский ижорский и финский	глаголы с основной на лабиальный гласный или <i>i</i> , эстонский язык	глаголы с основной на лабиальный гласный или <i>i</i> , нижнелужский ижорский, идиолекты с аттрицией
	‘спрашивать’	‘спрашивать’	‘спать’	‘спрашивать’	‘спрашивать’
PRES.1SG	<i>küsün</i>	<i>küsün</i>	<i>makkaan</i>	<i>küsin</i>	<i>küsün</i>
IPF.1SG	<i>küsüsin</i>	<i>küsüin</i>	<i>makasin</i>	<i>küsüsin</i>	<i>küsüsin</i>
IPF.3SG	<i>küsü(i)</i>	<i>küsü(i)</i>	<i>makas</i>	<i>küsis</i>	<i>küsü</i>
Примечание. В таблице для сравнения даны также формы глагола <i>maata</i> .					

Показатель *-si* имперфекта от одноосновных глаголов с основной на лабиальный гласный или *i* в формах 1 и 2, но не 3 лица — это

особенность нижнелужского ижорского диалекта, общая с водским языком. Помимо уже упомянутого глагола *küssö*, к этому классу относятся глаголы *vässö* ‘устать’, *öksö* ‘заблудиться’, *rippo* ‘висеть’, *takko* ‘отбивать (молотком)’, *kutto* ‘ткать’, *süntö* ‘родиться’, *repe* ‘рвать’, *torro* ‘ругать’, *ampo*⁴ ‘стрелять’ (IPF.1SG соответственно *väsüsin*, *öksüsin*, *rippusin*, *takosin*, *kutosin*, *süntüsin*, *repisin*, *torusin*, *ampusin*). Идиолекты разных информантов могут весьма сильно отличаться по тому, какие глаголы имеют *si*-имперфект и какие *i*-имперфект, причем в некоторых случаях у одного и того же информанта могут встречаться оба варианта для одного и того же глагола. Однако в идиолектах информантов с высокой степенью владения языком форма IPF.3SG имперфекта не получает показатель *-s*, в то время как в 1 и 2 лицах возможны колебания с преобладанием показателя *-si*. С другой стороны, формы IPF.3SG получают показатель *-s* у менее компетентных носителей. Следует отметить, что дистрибуция данного показателя в идиолектах самых компетентных носителей очень напоминает дистрибуцию данного показателя в водском языке [Ariste 1948: 77–78].

Рийонхеймо отмечает формы с показателем *-si* и в ингерманландских финских идиолектах, причем как в 1 и 2, так и 3 лице: *tek-is* (вместо ожидаемого *tek*) ‘делать-IPF.3SG’, *pitä-si-n* (вместо *pi-i-n*) ‘держать-IPF-1SG’, *luke-si-n* (вместо *luv-i-n*) ‘читать-IPF-1SG’ [Riionheimo 2013a]. Такого рода формы встречаются у глаголов всех парадигматических классов, а не только у одноосновных глаголов с основой на лабиальный гласный. При этом данные аномальные формы зафиксированы почти исключительно в идиолектах тех ингерманландских финнов, которые проживают в Эстонии [Riionheimo 2013b: 657].

Имперфект на *-si* у глаголов, не относящихся к стяженным и одноосновным на лабиальный гласный, встречается и в наших материалах, причем как в финских идиолектах (*luke-si-n* ‘читать-IPF-1SG’ и *osta-si-n* ‘купить-IPF-1SG’), так и в ижорских (*luk-i-zi-n* ‘читать-IPF-IPF-1SG’), см. *Таблицу 11*.

⁴ Мы даем варианты, характерные для южных нижнелужских ижорских говоров.

Таблица 11. Имперфект на *-si* в разных идиолектахTable 11. The imperfect in *-si* in different idiolects

		глаголы с основой на лабиальный гласный и <i>i</i>	глаголы с основой на <i>e</i>	прочие глаголы (кроме стяженных)	стяженные глаголы
нижнелужский ижорский	1 и 2 лица	<i>küsüsin</i> ; компетентные носители южных говоров	<i>lukizin</i> ; отдельные менее компетентные носители		<i>makasin</i> ; все носители
	3Sg	<i>küsüs</i> ; отдельные менее компетентные носители			<i>maka(i)s</i> ; все носители
ингерманландский финский	все лица	<i>tekis, pitüsin, lukesin</i> ; спорадически у носителей, проживающих в Эстонии			<i>maka(i)s</i> ; все носители
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным					

Обсуждаемые формы имперфекта можно интерпретировать по-разному. Такие формы, зафиксированные у финноязычных информантов из Эстонии, следует интерпретировать скорее как результат влияния эстонского языка. Это влияние было поддержано и внутривидовой тенденцией распространения данного показателя по аналогии со стяженными глаголами [Riionheimo 2013b].

Употребление данного показателя только в 1 и 2 лицах и только у односложных глаголов с основой на лабиальный гласный и *i* в нижнелужском ижорском (далее будем называть такую дистрибуцию этого показателя «нижнелужским имперфектом») сложнее интерпретировать. С одной стороны, для этой же группы глаголов возможны и формы без показателя *-si*. Поэтому формы с этим показателем можно было бы интерпретировать как внутривидовое

изменение, результат которого стал частью языковой системы. При этом данное изменение не обязательно связано с языковым сдвигом, так как в других ижорских диалектах у данной группы глаголов показатель *-si* отсутствует. С другой стороны, поскольку дистрибуция показателя *-si* у компетентных нижнелужских носителей практически совпадает с водской, то формы с этим показателем можно было бы считать не инновацией, а водскими субстратными формами (ср. также [Муслимов 2020: 352–353]), а формы без показателя *-si* — инновацией, возникшей под влиянием соседних финских нижнелужских говоров.

Н. В. Кузнецова, анализируя «нижнелужский имперфект» в нижнелужском ижорском идиолекте Н. Д. Пыдера (дер. Ванакюля), связывает это явление не только с влиянием одного парадигматического класса на другой, но и с возможным заимствованием из эстонского языка, а также с влиянием форм кондиционала на имперфект [Кузнецова 2020: 206–208]. На наш взгляд, в постулировании этих дополнительных факторов нет необходимости. Рассмотрим их подробнее.

Употребление показателя *-si* только в 1 и 2 лицах и только у глаголов с основой на лабиальный гласный и *i* характерно не только для говора дер. Ванакюля, которая до 1940 года принадлежала Эстонии, оно встречается и в других нижнелужских ижорских деревнях, в том числе и у тех носителей, которые не проживали в Эстонии. Кроме того, «нижнелужский имперфект» в наших материалах не встретился ни в одном нижнелужском финском идиолекте, это особенность только ижорских говоров, кроме самых северных (дер. Остров, Малое Куземкино, Новая, Липово). С другой стороны, в идиолектах ингерманландских финнов, проживающих в Эстонии, показатель *-si* может встречаться и в формах 3SG, а также в глаголах всех парадигматических классов, см. выше *Таблицу 11*. Такая дистрибуция характерна именно для тех идиолектов, которые подверглись влиянию эстонского языка, и совершенно нехарактерна для «нижнелужского имперфекта».

Мог ли на возникновение «нижнелужского имперфекта» повлиять кондиционал? Лаанест приводит следующие формы кондиционала

в южных нижнелужских ижорских говорах: *laulaiZin*⁵, *laulaZin* ‘петь.COND.1SG’, *tahtoiZin* ‘хотеть.COND.1SG’ [Laanest 1986: 133]. Как видно из этих примеров, в формах кондиционала перед показателем *si* может выступать не только краткий гласный, но и дифтонг, что отличает формы кондиционала от «нижнелужского имперфекта», в котором дифтонг невозможен. Другое отличие заключается в том, что «нижнелужский имперфект» не встречается у одноосновных глаголов с основой на *a*, в то время как показатель кондиционала не имеет такого ограничения. Кроме того, в некоторых южных нижнелужских ижорских идиолектах синтетический кондиционал образуется только от части глаголов, подробнее см. *Раздел 4.2*.

Эти факты заставляют нас отвергнуть оба вышеупомянутых предположения. Почти полное совпадение «нижнелужского имперфекта» с дистрибуцией показателя *-zi* в водском языке, на наш взгляд, свидетельствует о том, что это не «явление, находящееся в стадии формирования» [Кузнецова 2020: 206], а субстратное явление, унаследованное от водского языка.

Наконец, спорадическое употребление этого показателя в 3 лице и у глаголов с основой на *-e* в некоторых нижнелужских ижорских идиолектах может быть вызвано аттрицией. Моделью для выравнивания по аналогии могли послужить глаголы с основой на *i*, см. *Таблицу 12*.

Таблица 12. Влияние глаголов с основой на *-i* на глаголы с основой на *-e*

Table 12. The influence of verbs with stems in *-i* on verbs with stems in *-e*

	‘читать’	‘рвать, дергать’	‘читать’, идиолекты с аттрицией
PRES.1SG	<i>luen</i>	<i>revin</i>	<i>luen</i>
IPF.1SG	<i>luin</i>	<i>repisin</i>	<i>lukizin</i>
IPF.3SG	<i>luki</i>	<i>repi</i>	<i>luki</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным			

⁵ Z используется для передачи полуживого сибиланта.

4.2. Кондиционал

Еще одним интересным случаем изменений является кондиционал. В финских и ижорских говорах, в отличие от водского языка, кондиционал имеет два основных алломорфа: *-isi/-si-*, сочетающийся с основами большинства глагольных типов, и *-jäisi/-jaisi-*, сочетающийся с основами стяженных и рефлексивных глаголов. В водском ситуация более сложная. В исчезнувших к настоящему времени водских говорах прихода Каттила все типы глаголов имели кондиционал на *isi/-izi-* [Аристе 1948: 80], однако в сохранившихся до настоящего времени говорах дер. Краколье, Пески и Лужицы были представлены оба варианта (а также комбинированные варианты *-iseizi-* и *-jäiseizi-*) с довольно сложной дистрибуцией этих вариантов по типам и наличием дублетных форм (подробнее см. [Маркус, Рожанский 2011: 151–152]). Поскольку эти формы отмечались еще в водской грамматике Цветкова, то их появление скорее всего связано с влиянием ижорского языка [Маркус 2006: 101–104].

Рассмотрим сначала ситуацию в ингерманландском финском. Во многих идиолектах представлено распространение показателя

Таблица 13. Аналогическое выравнивание форм кондиционала в ингерманландском финском

Table 13. Analogical levelling of conditionals in Ingrian Finnish

парадигматический класс	двухосновные глаголы с согласной основой на сонорный	одноосновные глаголы с основой на краткий гласный	стяженные глаголы	рефлексивные глаголы
	быть	дать	спать	мыться
PRES. 1SG	<i>olen, uon</i>	<i>annan</i>	<i>makkaan</i>	<i>pesiin</i>
IPF. 1SG	<i>olin</i>	<i>annoin</i>	<i>makasin</i>	<i>pes(s)isin</i>
COND. 1SG	<i>oisin</i>	<i>antasin</i>	<i>makajaisin</i>	<i>pes(s)ijäisin</i>
COND. 1SG, новые формы	<i>olijaisin</i>	<i>antajaisin</i>		

jaisi, характерного для стяженных и рефлексивных глаголов, на другие парадигматические классы, ср. *Таблицу 13* (с. 114).

Такие формы могут быть образованы от глаголов разных парадигматических классов. При этом в речи многих носителей эти формы могут конкурировать со старыми, однако в некоторых идиолектах выбор «нового» или «старого» алломорфа зависит от числа слогов — основа с четным числом слогов присоединяет *-jaisi*, с нечетным числом слогов *-isi*, см. *Таблицу 14*.

Таблица 14. Кондиционал в говоре дер. Малые Озертицы (молосковицкие ингерманландские финские говоры)

Table 14. Conditionals in the dialect of Pieni Osertitsa (Moloskovitsa Ingrian Finnish)

	PRES.1SG	COND.1SG
чинить	<i>rakenna-n</i>	<i>rakenta-isi-n</i>
дать	<i>anna-n</i>	<i>anta-jaisi-n</i>
прийти	<i>tule-n</i>	<i>tuli-jaisi-n</i>
ждать	<i>uottele-n</i>	<i>uottel-isi-n</i>
пить	<i>juo-n</i>	<i>jo-isi-n,</i> <i>jo-isi-jaisi-n</i>
ответить	<i>vastaa-n</i>	<i>vasta-jaisi-n</i>
стричь	<i>keritse-n</i>	<i>keri-jäisi-n</i>
делать	<i>tie-n</i>	<i>teki-jäisi-n</i>

Рассматриваемые формы чаще встречаются в финских говорах приходов Молосковицы, Губаницы, а также в нижнелужском финском, хотя не чужды и другим говорам. Географически идиолекты с выравниванием не образуют сплошного ареала, причем в одной и той же деревне могут встречаться идиолекты как с выравниванием, так и без выравнивания (дер. Пежевицы, Греблово). Следует иметь в виду, что даже в идиолекте одного информанта могут наблюдаться колебания, и выровненные по аналогии формы могут конкурировать с исконными. В целом для более компетентных информантов выравнивание малохарактерно, однако спорадически оно может

встречаться и у носителей с высокой степенью владения языком. Поскольку эти формы чаще встречаются в речи менее компетентных носителей, то их возникновение можно интерпретировать как внутривидовые изменения, которые ускорил языковой сдвиг.

В нижнелужском ижорском ситуация более сложная. Для части носителей, представляющих говоры, распространенные в смешанных ижорско-финских деревнях или же в соседних с финскими деревнями, характерно такое же распространение показателя *-jaisi*, как и для ингерманландского финского. Однако в идиолектах другой части носителей этот показатель отсутствует даже у рефлексивных и стяженных глаголов.

Таблица 15. Кондиционал в ижорском и водском

Table 15. Conditionals in Ingrian and Votic

	быть	дать	спать	мыться
PRES. 1SG весь нижнелужский диалект	<i>oon, uon</i>	<i>annən</i>	<i>makkan</i>	<i>pessin</i>
IPF. 1SG весь нижнелужский диалект	<i>olin</i>	<i>annoin</i>	<i>makasin</i>	<i>pessisin</i>
COND. 1SG сойкинский диалект	<i>ollüizin</i>	<i>ant'aižin</i>	<i>magajaiššiin</i>	<i>peššijäiššiin</i>
COND. 1SG только южные нижнелужские говоры	<i>ollisin</i>	<i>antasin</i>	<i>makka(i)sin</i>	<i>pessisin</i>
COND. 1SG центральноводские говоры	<i>õldizin</i>	<i>antaizin</i>	<i>makaizin</i>	<i>peseüizin</i>

Поскольку такое же положение вещей характерно для большей части водских говоров, то можно предположить, что отсутствие показателя *-jaisi* в ряде нижнелужских ижорских говоров, преимущественно в южной части ареала, также является субстратной водской

чертой, которая была утрачена в других нижнелужских говорах под влиянием соседних финских говоров.

В некоторых нижнелужских ижорских идиолектах без показателя *-jaisi* форма кондиционала может употребляться с заимствованным из русского языка показателем *бы*. Это могло быть вызвано фонетической близостью имперфекта и кондиционала, особенно в случае редукции дифтонгов: *maka-si-n* ‘спать-IPF-1SG’, *makka-si-n* ‘спать-COND-1SG’, *hüppä-si-n* ‘прыгнуть-IPF-1SG’, ‘прыгнуть-COND-1SG’. Такая близость облегчала калькирование русской модели, в которой кондиционал = прошедшее + *бы*.

В других нижнелужских ижорских идиолектах от многих глаголов образуется только аналитический перфект кондиционала, который в консервативных идиолектах выражает условие, относящееся к прошлому. При этом противопоставление презенса (синтетического) и перфекта (аналитического) кондиционала нейтрализуется:

- (14) *Miä oll-isi-n pëssis-t,*
я быть-COND-1SG мыться-PTCP.ACT
ko oll-iz vett.
если быть-COND вода.PART
‘Я бы помылся, если бы была вода’.

Обычно в таких идиолектах синтетический кондиционал образуется от глагола *ollä* ‘быть’, из других глаголов в наших материалах встречались *männä* ‘идти’, *pannä* курсив ‘положить’, *tullä* ‘приходить’, *tehä* ‘делать’, *nähä* ‘видеть’, *anta* ‘дать’. Следует отметить, что для первых пяти глаголов формы кондиционала имеют вид *männisin*, *pannisin*, *tullisin*, *tekkisin*, *näkkisin*, т. е. напоминают кондиционал вспомогательного глагола *ollä*, *oll-isi-n* ‘быть-COND-1SG’.

Таким образом, в части идиолектов морфонологические проблемы при образовании кондиционала привели либо к категориальному переключению (имперфект + *бы*), либо к категориальному выравниванию (нейтрализация противопоставления презенса и перфекта по крайней мере у части глаголов). Интересно отметить, что в последнем случае разные глаголы имеют разный объем парадигм, поскольку большая часть глаголов не имеет синтетических форм

кондиционала. Типологически сходная ситуация наблюдается в баскском языке. В этом языке только 24 глагола имеют синтетические финитные формы. Финитные формы остальных глаголов являются аналитическими, состоящими из финитных форм вспомогательного глагола и нефинитных форм смыслового глагола [de Rijk 2008: 116].

4.3. Императив 3 лица

Данные формы образуются однотипно почти во всех ПФЯ Ингерманландии, за исключением сойкинского и хэвасского диалектов ижорского языка по состоянию на середину XX века [Лаанест 1966: 168]. Показатели 2PL, 3SG, 3PL приведены в *Таблице 16*.

Таблица 16. Императив в ПФЯ Ингерманландии

Table 16. Imperatives in the Baltic-Finnic languages of Ingermanland

	основной ареал⁶, все ПФЯ Ингерманландии кроме сойкинского и хэвасского ижорского	сойкинский ижорский	хэвасский ижорский
2PL	<i>-kaa, -kai, -kaat</i>	<i>-kaa</i>	<i>-kaan, -kain</i>
3SG	<i>-koo</i>	<i>-kaa</i>	<i>-kaan</i>
3PL	<i>-koot</i>	<i>-kasse</i>	<i>-kasseG</i>

Наряду с этими формами, существует и аналитическая конструкция *la(h)a* + презенс 3 лица (или кондиционал), которая по крайней мере в ижорском фиксируется уже в некоторых народных песнях, записанных в XIX веке [SKVR III2, 1450; SKVR III1, 844].

⁶ Эти показатели могут также иметь алломорфы, начинающиеся на *g* или на геминату *kk*, в таблице они не указаны. Выбор алломорфа зависит от конкретного языка или диалекта, а также от парадигматического класса. Детальное описание дистрибуции алломорфов по языкам / диалектам и парадигматическим классам выходит за рамки данной статьи.

В современном сойкинском диалекте императив 3 лица полностью вышел из употребления, вместо него употребляется только аналитическая конструкция [Markus, Rozhansky 2022: 318]. В остальных идиомах ПФЯ эти две конструкции конкурируют между собой. В нижнелужском ижорском при элицитации информанты употребляют обычно аналитическую конструкцию, однако синтетический императив 3 лица одобряется ими и может встречаться в спонтанной речи. В данном случае еще до начала языкового сдвига возникла аналитическая форма, вероятно, как калька русской конструкции *пусть*+презенс 3 лица, позиции которой постепенно укрепились в ходе языкового сдвига, а в сойкинском диалекте синтетическая форма затем полностью исчезла. Следует отметить, что в синтетическом императиве 3 лица гораздо чаще встречаются аномальные с точки зрения морфонологии формы, чем в императиве 2 лица (регулярная словоформа *havaitkaa* ‘просыпаться.имр.2PL’ и аномальная *havaitsekko* ‘просыпаться.имр.3SG’ вместо ожидаемого *havaitkoo* в одном из центрально-ингерманландских идиолектов [Азаргаева 2016]), что свидетельствует об определенных затруднениях носителей при порождении данной формы.

4.4. Отрицательные формы глаголов

Отрицательные формы глаголов в ПФЯ Ингерманландии образуются с помощью отрицательного глагола, который имеет формы индикатива и императива и изменяется по лицам и числам. Основной глагол при этом получает неизменяемую по лицам и числам форму коннегатива, которая имеет формы индикатива презенса, кондиционала и императива, однако в отрицательной форме имперфекта вместо несуществующего коннегатива имперфекта употребляется причастие прошедшего времени. В *Таблице 17* приведена схема образования отрицательных форм.

У отдельных информантов с невысокой степенью владения языком наблюдается полный распад этой системы. В их идиолектах отрицательный глагол имеет застывшую форму 3SG *ei*, а основной

Таблица 17. Отрицательные формы глагола в ПФЯ Ингерманландии

Table 17. Negative verb forms in the Baltic-Finnic languages of Ingermanland

ТАМ-форма	Схема образования ТАМ-формы	пример ⁷
презент	индикатив отрицательного глагола + коннегатив индикатива	<i>e-n lue</i> NEG-1SG читать.CN
имперфект	индикатив отрицательного глагола + причастие	<i>e-n luke-nt</i> NEG-1SG читать-PTCP.ACT
кондиционал	индикатив отрицательного глагола + коннегатив кондиционала	<i>e-n luk-is</i> NEG-1SG читать-COND.CN
императив 2SG	императив отрицательного глагола 2SG + коннегатив индикатива	<i>älä lue</i> NEG.IMP.2SG читать.CN
императив 2PL, 3SG, 3PL, центрально- и североингерманландские говоры	императив отрицательного глагола + коннегатив императива	<i>äl-käi luke-ko</i> NEG-IMP.2PL читать-IMP.CN
императив 2PL, 3SG, 3PL, нижнелужский ижорский и финский, водский язык	императив отрицательного глагола + императив, лицо / число выражено дважды	<i>el-kä luke-ka</i> NEG-IMP.2PL читать-IMP.2PL
императив 2PL, 3SG, 3PL, сойкинский ижорский	императив отрицательного глагола + инфинитив	<i>el-kää lukki-a</i> NEG-IMP.2PL читать-1INF

глагол стоит в обычной утвердительной форме, т. е. происходит полное калькирование русской конструкции, например *ei muissan* ‘NEG помнить-1SG’ вместо ожидаемого *e-n muissa* ‘NEG-1SG помнить.CN’.

Встречается также anomальное образование отрицательного имперфекта при помощи формы коннегатива имперфекта, не существующей в идиолектах носителей с высокой степенью владения языком.

⁷ В качестве примеров из центрально- и североингерманландских говоров даются варианты, характерные для говоров приходов Келтто, Ярвисаари и Лиссиля.

Таблица 18. Формы 1Sg презенса и имперфекта в некоторых нижнелужских ижорских идиолектах, глагол *maatä* ‘спать’

Table 18. The 1sg Present and the 1sg Imperfect in some idiolects of Lower Luga Ingrian. The verb *maatä* ‘sleep’

	регулярный презенс	регулярный имперфект	аномальный имперфект
положительная форма	<i>makka-n</i>	<i>maka-si-n</i>	<i>makka-zi-n</i>
отрицательная форма	<i>e-n makka</i>	<i>e-n maa-nnud</i>	<i>e-n makka-zi</i>
Примечание. Аномальные формы выделены полужирным.			

Однако чаще всего встречаются аномальные отрицательные формы императива 2PL, 3SG и 3PL. По данным Азаргаевой [Азаргаева 2016], обычно такие формы встречались у тех глаголов, у которых образование и положительных форм императива вызывало затруднения. Для форм 2PL у некоторых носителей центральноингерманландских диалектов встречалось образование отрицательной формы по нижнелужскому типу, т. е. без коннегатива императива. В формах 3 лица коннегатив императива мог заменяться на коннегатив индикатива презенса (*äl-kö keritse* ‘NEG-IMP.3SG стричь.CN / пусть не стрижет’ вместо ожидаемого *äl-köö kerit-kö* ‘NEG-IMP.3SG стричь-IMP.CN’), на положительную форму императива (*äl-köt havaitse-kkot*⁸ ‘NEG-IMP.3PL просыпаться-IMP.3PL / пусть не просыпаются’ вместо ожидаемого *äl-kööt havait-ko* ‘NEG-IMP.3PL просыпаться-IMP.CN’). В одном случае была употреблена аномальная форма отрицательного глагола — индикатив вместо императива (*ei šuvaitse-ko* ‘NEG.3SG любить-IMP.CN / пусть не любит’ вместо ожидаемого *äl-köö šuvait-ko* ‘NEG-IMP.3PL любить-IMP.CN’). В некоторых случаях коннегатив императива в отрицательной форме 3 лица образовывался от аномальной основы, в отличие от регулярной формы императива 2PL (*äl-kö valitse-kko* ‘NEG-IMP.3SG выбирать-IMP.CN / пусть не выбирает’ при *äl-kä valit-ko* ‘NEG-IMP.2PL выбирать-IMP.CN / не выбирайте’).

⁸ Компоненты аналитических форм, которые сами являются аномальными с точки зрения морфонологии, выделены полужирным.

4.5. Имперсонал

В большинстве ПФЯ существуют особые формы имперсонала, употребляющиеся в тех случаях, когда субъект не может быть выражен, как в (15a). Если субъект выражен, то употребляется обычная форма ЗРЛ, см. (15b). Приведем примеры из ингерманландского финского говора прихода Губаницы:

- (15) a. *Lapse-lle-in anne-ttii kirja*
 ребенок-ALL-P1SG дать-IPF.IPS книга
 ‘Моему ребенку дали книгу’.
- b. *Opettaja-t anto-it lapse-lle-in kirja-n*
 учитель-PL дать-IPF.3PL ребенок-ALL-P1SG книга-GEN
 ‘Учителя дали моему ребенку книгу’.

В карельском языке имперсонал вытеснил формы ЗРЛ [Зайков 2000: 80–81; Sarhimaa 2022: 284]. В ПФЯ Ингерманландии также есть тенденция к смешению этих форм, которым в русском языке соответствует одна (ЗРЛ), однако в разных ареалах эта тенденция проявляется по-разному. В нижнелужском ареале и на Сойкинском полуострове, как и в карельском языке, имперсонал вытесняет формы ЗРЛ, в то время как в Центральной Ингерманландии формы ЗРЛ могут употребляться вместо имперсонала. В данном случае мы имеем дело с категориальным выравниванием, обусловленным вероятнее всего влиянием русского языка. Однако вытеснение форм ЗРЛ имперсоналом отмечалось в ижорском языке уже в 30-е годы XX века [Junus 1936: 115], поэтому это скорее всего не связано с языковым движом.

4.6. Инфинитивы

Согласно работе [Гринеvская 2018], в идиолектах наиболее компетентных носителей ингерманландского финского сохраняются

5 инфинитивных форм. Их свойства даны в *Таблице 19*⁹. Курсивом выделены формы, представленные не у всех носителей ингерманландского финского.

Таблица 19. Инфинитивы в ингерманландском финском

Table 19. Infinitives in Ingrian Finnish

	с какими падежными аффиксами может сочетаться	возможно ли присоединение посессивных аффиксов	функция
I инфинитив	исходная форма	нет	сочетается с модальными глаголами
	<i>транслатив</i>	да	цель
II инфинитив	<i>инессив</i>	да	обозначает побочное действие; функционирует как конверб
III инфинитив (МА-инфинитив, супин)	иллатив	нет	при глаголах движения
	инессив	нет	обозначает процесс; может выступать как форма, синонимичная инессиву II инфинитива
	элатив	нет	при некоторых конкретных глаголах
	абессив	да	функционирует как отрицательное соответствие инессиву II инфинитива, отрицательный конверб
	<i>транслатив</i>	нет	обозначает цель; синонимичен транслативу I инфинитива

⁹ В качестве примеров из центрально- и североингерманландских говоров даются варианты, характерные для говоров приходов Келтто, Ярвисаари и Лииссиля.

	с какими падежными аффиксами может сочетаться	возможно ли присоединение посессивных аффиксов	функция
IV инфинитив	<i>элатив</i>	нет	синонимичен элативу III инфинитива
	<i>транслатив</i>	нет	обозначает цель; синонимичен транслативу I инфинитива
V инфинитив	<i>адессив</i>	да	входит в состав проспективной конструкции

В водском и ижорском языках в их современном состоянии представлены только исходная форма I инфинитива и формы III инфинитива (кроме транслатива). При этом в старых народных песнях представлен транслатив I инфинитива [SKVR III1, 584; SKVR IV2, 1821; Ariste 1986: 30]. Приведем пример из ижорского языка [SKVR III1, 1140]:

- (16) *Ets-i maa-ta maata-kse-e.*
искать-IPF.3SG земля-PART спать.1INF-TRANSL-P3
'Искала землю, чтобы поспать'.

В грамматике ижорского языка В. И. Юнуса [Junus 1936: 120] упоминаются формы инессива II инфинитива:

- (17) *Kottii männee-s möö kuul-i-mma amtukki-a.*
дом.ILL идти.2INF-INNESS мы слышать-IPF-1PL выстрел-PART
'Идя домой, мы слышали выстрел'.

П. Аристе в своей грамматике водского языка [Ariste 1948: 85–88] упоминает инессив II инфинитива (18) и V инфинитива (19)

- (18) *Laula-a-za men-tii kotoo-sõõ.*
петь-2INF-INNESS идти-IPF.IPS дом.ILL-ILL
'Распевая, пошли домой'.

- (19) *Staruha on koolõ-miizõ-lla-a.*
 старуха быть.3SG умирать-5INF-ADESS-P3
 ‘Старуха при смерти’.

С другой стороны, те формы, которые сохранились к настоящему времени в водском и ижорском языках, сохраняются и в ингерманландском финском. Таким образом, можно говорить о «ядре» инвентаря инфинитивов, представленном во всех ПФЯ Ингерманландии.

Рассмотрим теперь те формы, которые присутствуют в идиолектах только части носителей ингерманландского финского.

1) Транслатив I инфинитива. Зафиксирован в нескольких идиолектах, причем в основном от глагола *süvvä* ‘есть’, без посессивных аффиксов [Гринеvская 2018: 41]:

- (20) *Hiä ost’ leipää siu-l süvvä-ks.*
 он покупать.IPF.3SG хлеб.PART ты-ALL есть.1INF-TRANSL
 ‘Он купил хлеба тебе поесть’.

В двух идиолектах эта форма, однако, встретилась с посессивными аффиксами [Гринеvская 2018: 41]:

- (21) *Siin on penkki istuu-kse-nno.*
 здесь быть.3SG скамейка сидеть.1INF-TRANSL-P2PL
 ‘Здесь есть скамейка, чтобы вам посидеть’.

Хотя данная форма встречается в народных песнях в собрании *Suomen kansan vanhat runot*, записанных еще в конце XIX века, почти всеми современными носителями она не употребляется. Некоторые информанты употребляли в соответствующих контекстах транслатив III инфинитива ((22), [Гринеvская 2018: 59]) или IV инфинитива ((23), [Гринеvская 2018: 63]), однако большинство информантов использовали зависимую клаузу, вводимую союзом цели.

- (22) *Täs on penkki tei-l’ istu-ma-ks.*
 здесь быть.3SG скамейка вы-ALL сидеть-3INF-TRANSL.
 ‘Здесь есть скамейка, чтобы вам посидеть’.

- (23) *Tuo vet-tä naapuri-l' juo-mise-ks.*
 нести.IMP.2SG вода-PART сосед-ALL пить-4INF-TRANSL
 ‘Принеси воды соседу попить’.

2) Инессив II инфинитива. По данным Гриневской (личное сообщение), эту форму используют примерно половина опрошенных ею информантов. Продуктивность этой формы варьирует в зависимости от идиолекта, причем в ряде случаев информанты испытывают затруднения в образовании этой формы от глаголов некоторых парадигматических классов, например, от глагола *juvva* ‘пить’ — *juvves* или *juojes*. Часть информантов одобряли сконструированные формы, однако при элицитации использовали инессив III инфинитива [Гринеvская 2018: 46]:

- (24) a. *Miä luve-n kirjaa istu-ma-s divani-l.*
 я читать-1SG книга.PART сидеть-3INF-INESS диван-ADESS
 ‘Я читаю книгу, сидя на диване’.

Вместо (24a) ожидался (24b):

- (24) b. *Miä luve-n kirjaa istu-je-s divani-l.*
 я читать-1SG книга.PART сидеть-2INF-INESS диван-ADESS
 ‘Я читаю книгу, сидя на диване’.

Другие информанты в подобных контекстах использовали зависимые придаточные, вводимые союзами, или сочинение двух финитных глаголов [Гринеvская 2018: 45–46]. При этом абессив III инфинитива, функционирующий как отрицательный конверб, употребляется всеми информантами:

- (25) *Hiä läks pois sano-ma-tta miu-l*
 он уйти.IPF.3SG прочь сказать-3INF-ABESS я-ALL
sanna-a-kaa.
 слово.PART-NEGP
 ‘Он ушел, не сказав мне ни слова’.

Обращает на себя внимание то, что, хотя и для инессива II инфинитива, и для абессива III инфинитива существуют русские

эквиваленты (деепричастие и деепричастие с отрицанием соответственно), только инессив II инфинитива находится в процессе исчезновения. Возможным объяснением для этого могут быть морфонологические проблемы. В тех идиолектах ингерманландского финского, в которых вообще представлен инессив II инфинитива, он регулярно образуется от двух основных глаголов на сонорный при помощи замены *a/ä* на *e*, например от *männä* ‘идти.1INF’ образуется *männe-s* ‘идти.2INF-INESS’. С другой стороны, от носителей таких консервативных идиолектов не всегда удавалось зафиксировать инессив II инфинитива *istujes* от глагола *istuu* ‘сидеть.1INF’. Вероятной причиной такого рода затруднений может быть неприменимость к одноосновным глаголам на краткий гласный простого морфонологического правила, согласно которому при образовании основы II инфинитива *a/ä* в конце словоформы I инфинитива меняется на *e*. Это правило приложимо ко всем прочим парадигматическим классам глаголов, однако в формах I инфинитива одноосновных глаголов на краткий гласный показатель *a/ä* ассимилируется с конечным гласным основы (*istuu* < *istu-a), и применение этого правила для порождения основы II инфинитива становится невозможным. В пользу такой гипотезы говорит и замена инессива II инфинитива на инессив III инфинитива, который образуется регулярно от присутствующей во всех идиолектах формы иллатива III инфинитива.

Идиолекты тех носителей, у которых сохраняется инессив II инфинитива, различаются между собой еще и по степени сохранности посессивных показателей, присоединяющихся к данной форме и маркирующих субъект инфинитивной клаузы. Полная парадигма зафиксирована только у трех информантов [Гриневская 2018: 43–45]. В большинстве случаев посессивный показатель либо вообще отсутствует, либо для всех лиц употребляется посессивный показатель 3 лица.

3) Транслатив III инфинитива, элатив и транслатив IV инфинитива. Эти формы употреблялись некоторыми информантами в качестве замены транслатива I инфинитива и элатива III инфинитива [Гриневская 2018: 61–65], см. выше (20), (21), (22), (23). Вероятно, в данном случае мы имеем дело с инновациями в отдельных

идиолектах. С точки зрения диахронии инфинитивы представляют собой отглагольные имена с дефектной парадигмой, у каждого из которых есть своя сфера употребления. Однако в ходе языкового сдвига происходит нейтрализация противопоставления разных инфинитивных показателей, и функция конкретной инфинитивной формы начинает маркироваться только падежным показателем. Приведем примеры на употребление элативных форм III инфинитива (26) и IV инфинитива (27):

(26) *Äjjä tul' kalasta-ma-st.*
 дедушка прийти.1PF.3SG рыбачить-3INF-ELAT
 ‘Дедушка пришел с рыбалки’.

(27) *Äjjä tul' күntä-mise-st.*
 дедушка прийти.1PF.3SG пахать-4INF-ELAT
 ‘Дедушка пришел с пахоты’.

4) Адессив V инфинитива. Эта форма, как правило, одобряется информантами, однако при элицитации она была порождена только одним информантом [Гриневская 2018: 66–70]. Она передает действие, которое произойдет в ближайшем будущем и уже на грани осуществления:

(28) *Mari on itke-mäis-i-llä.*
 Мария быть.3SG плакать-5INF-PL-ADESS.P3
 ‘Мария вот-вот заплачет’.

Около трети опрошенных Гриневской информантов отметили, что, хотя данная форма им знакома, в их деревне и на их диалекте так не говорили. С другой стороны, подобная форма существует в литературном финском языке, что может поддерживать существование такой формы и в ингерманландском финском.

В литературном финском языке данная форма обязательно получает посессивный показатель, кореферентный подлежащему. Однако в идиолектах большинства информантов, которые одобрили эту форму, данная форма для всех лиц принимает посессивный показатель 3 лица. В отдельных идиолектах сохраняется дефектная

посессивная парадигма (1SG, 2SG, и общая форма исторического 3SG для всех остальных лиц и чисел).

5. Заключение

Как соотносятся изменения, характерные для отдельных идиолектов, и изменения, затрагивающие конкретный идиом? Подводя итоги, можно отметить, что для морфонологии ПФЯ Ингерманландии более частотны случаи аттриции, которые характерны только для конкретного идиолекта. С другой стороны, исчезновение целых грамматических категорий в результате категориального выравнивания или категориального переключения чаще охватывает целые локальные идиомы и даже ареалы, как например, исчезновение абессива. При этом наличие в русском языке грамматической категории, являющейся достаточно точным соответствием прибалтийско-финской, обычно способствует устойчивости этой грамматической категории и в ПФЯ. Однако, как показывает ситуация с инессивом II инфинитива, наличие нетривиальных морфонологических правил, действующих при порождении подобных форм, может способствовать разрушению грамматической категории даже при наличии адекватного русского соответствия.

Список условных сокращений

ABESS — абессив, ADESS — адессив, ALL — аллатив, CAR — каритивное прилагательное, CN — коннегатив, COND — кондиционал, EL — элатив, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — императив, INESS — инессив, 1INF, 2INF, 3INF, 4INF, 5INF — I, II, III, IV, V инфинитивы, IPF — имперфект, IPS — имперсонал, NEG — отрицательный глагол, NEGP — отрицательная эмфатическая клитика, NOM — номинатив, PART — партитив, PL — множественное число, SG — единственное число, PTCP.IPS — имперсональное причастие прошедшего времени, P1SG — посессивный показатель 1 лица единственного числа, P1PL — посессивный показатель 1 лица множественного числа, P3 — посессивный показатель 3 лица, TRANSL — транслатив,

1SG, 2SG, 3SG — 1, 2, 3 лицо единственного числа, 1PL, 2PL, 3PL — 1, 2, 3 лицо множественного числа.

Литература

- Азаргаева 2016 — А. В. Азаргаева. Особенности глагольной морфологии в ингерманландском диалекте финского языка. Экспедиционный отчет. СПб., 2016.
- Галахова 2021 — Л. Я. Галахова. Основные особенности консонантизма в финских говорах Ленинградской области. СПб.: КАРО, 2021.
- Гриневская 2018 — А. Н. Гриневская. Функционирование инфинитивных форм в ингерманландских диалектах финского языка. Дисс. ... бак. филологии. СПб.: СПбГУ, 2018.
- Доброва 2014 — А. Е. Доброва. Морфология возвратных и стяжённых глаголов ингерманландского языка (на примере северных приходов Ингерманландии Токсово, Вуоле, Лемболово). Дисс. ... маг. филологии. СПб.: СПбГУ, 2014.
- Зайков 2000 — П. М. Зайков. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000.
- Кузнецова 2020 — Н. В. Кузнецова. Рукописи Н. Д. Пыдера на нижнелужском диалекте ижорского языка (р. Россонь) с комментариями // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 184–288.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. 2. Грамматический очерк и библиография. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Лаанест 1966 — А. Лаанест. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус, 1966.
- Маркус 2006 — Е. Б. Маркус. Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2006.
- Мусаев 2004 — В. И. Мусаев. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004.
- Муслимов 2007 — М. З. Муслимов. Языковой сдвиг и изменения в прибалтийско-финских языках и диалектах Западной Ингерманландии // Н. Б. Вахтин (отв. ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 225–251.
- Муслимов 2009 — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.

- Муслимов 2019 — М. З. Муслимов. Заметки о финском диалекте дер. Дубровка / Suokylä // Е. В. Головкин, А. М. Певнов, М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева (ред.). Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935–2017). СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 256–288.
- Муслимов 2020 — М. З. Муслимов. Об идиоме дер. Куровицы (Kukkõsi / Kukkuzi) // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 330–376.
- Рожанский 2021 — Ф. И. Рожанский. О водско-ижорской конвергенции и внутридиалектном континууме (на примере одной кумулятивной руны) // *Ural-Altaic studies*. 2021. № 1. С. 61–76.
- Толстикова 2017 — П. С. Толстикова. Проявление языковой аттриции в центральноингерманландских диалектах. Дисс. ... маг. филологии. СПб.: СПбГУ, 2017.
- Ariste 1948 — P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik Kirjandus, 1948.
- Ariste 1986 — P. Ariste. *Vadja rahvalaulud ja nende keel*. Tallinn: Valgus, 1986.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. *Standard Basque: a progressive grammar*. Vol. 1. (Current studies in linguistics; 44). Cambridge: The MIT Press, 2008. DOI: 10.7551/mitpress/7444.001.0001.
- Dorian 1981 — N. C. Dorian. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Dorian 1992 — N. C. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death*. Oxford: Oxford University Press, 1992. DOI: 10.1515/humaff-1992-020114.
- Dressler 1991 — W. U. Dressler. The sociolinguistic and patholinguistic attrition of Breton phonology, morphology, and morphonology // H. Seliger, R. Vago (eds.). *First language attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 99–111.
- Erelt et al. 1995 — M. Erelt, R. Käsik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995.
- Hakulinen et al. 2008 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi (VISK). Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008 (электронный ресурс). URL: <http://scripta.kotus.fi/visk> (дата обращения: 1.06.2024).
- Junus 1936 — V. I. Junus. *Izoran keelen grammatika*. Moskova; Leningrad: Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdateljstva, 1936.
- Kokko 2007 — O. Kokko. Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana. (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, 48). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2007.
- Laanest 1986 — A. Laanest. *Isuri keele ajalooline fonetika ja morfoloogia*. Tallinn: Valgus, 1986.

- Markus, Rozhanskiy 2022 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Ingrian // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 308–329.
- Mullonen 2004 — M. Mullonen. M. Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalasista murteista. *Petroskoi: Periodika*, 2004.
- Riionheimo 1998 — H. Riionheimo. Morphological attrition and interference in language contact: sketching a framework // J. Niemi, J. Heikkinen (eds.). *Language Contact, Variation, and Change*. (Studia Carelica Humanistica 32). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1998. P. 246–268.
- Riionheimo 2013a — H. Riionheimo. Inkerinsuomen paradigmaattisen kompleksisuuden säilyminen kielikontaktissa ja attritiossa // *Lahivordlusi / Lahivertailuja*. 2013. № 23. S. 285–314. DOI: 10.5128/LV23.12.
- Riionheimo 2013b — H. Riionheimo. Multiple roots of innovations in language contact. Evidence from morphological intermingling in contact between Ingrian Finnish and Estonian // *Studies in Language*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 645–674. DOI: 10.1075/sl.37.3.07rii.
- Sarhimaa 2022 — A. Sarhimaa. Karelian // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 269–290.
- Seliger, Vago — H. W. Seliger, R. M. Vago. The study of language attrition: an overview // H. Seliger, R. Vago (eds.). *First Language Attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 3–16.

Источники

SKVR — Suomen kansan vanhat runot (электронный ресурс). URL: <https://skvr.fi/> (дата обращения: 1.06.2024)

References

- Ariste 1948 — P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik Kirjandus, 1948.
- Ariste 1986 — P. Ariste. *Vadja rahvalaulud ja nende keel*. Tallinn: Valgus, 1986.
- Azargaeva 2016 — A. V. Azargaeva. *Osobennosti glagolnoy morfonologii v ingermanskom dialekte finskogo yazyka* [Features of Ingrian Finnish verbal morphology]. Expedition report. St. Petersburg, 2016.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. *Standard Basque: a progressive grammar. Vol. 1*. (Current studies in linguistics; 44). Cambridge: The MIT Press, 2008. DOI: 10.7551/mitpress/7444.001.0001.

- Dobrova 2014 — A. Ye. Dobrova. *Morfonologia vozvratnykh i styazhennykh glagolov ingermanlandskogo yazyka (na primere severnykh prikhodov Ingermanlandii Toksovo, Vuole, Lempola)* [Morphology of reflexive and contracted verbs in Ingrian Finnish (on examples drawn from northern parishes of Ingria such as Toksova, Vuole, Lempola)]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2014.
- Dorian 1981 — N. C. Dorian. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Dorian 1992 — N. C. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death*. Oxford: Oxford University Press, 1992. DOI: 10.1515/humaff-1992-020114.
- Dressler 1991 — W. U. Dressler. The sociolinguistic and patholinguistic attrition of Breton phonology, morphology, and morphonology. H. Seliger, R. Vago (eds.). *First language attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 99–111.
- Erelt et al. 1995 — M. Erelt, R. Käsik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995.
- Galahova 2021 — L. Ya. Galahova. *Osnovnyye osobennosti konsonantizma v finskikh govorkh Leningradskoy oblasti* [Main features of consonantism in the Finnish dialects of Leningrad Oblast]. St. Petersburg: KARO, 2021.
- Grinevskaya 2018 — A. N. Grinevskaya. *Funktsionirovanie infinitivnykh form v ingermanlandskikh dialektakh finskogo yazyka* [Functioning of infinitive forms in Ingrian Finnish]. Bachelor's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2018.
- Hakulinen et al. 2008 — A. Hakulinen, M. Vilkkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi (VISK). Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu 5, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk> (accessed on 1.06.2024).
- Junus 1936 — V. I. Junus. *Izoran keelen grammatika*. Moskova; Leningrad: Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdatel'stva, 1936.
- Kokko 2007 — O. Kokko. Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana. (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, 48). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2007.
- Kuznetsova 2020 — N. V. Kuznetsova. Rukopisi N. D. Pödera na nizhneluzhskom dialekte izhorskogo yazyka (r. Rosson) s kommentariyami [Manuscripts by N. D. Pöder in the Lower Luga dialect of Ingrian (Rosona river) with comments]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 3. P. 184–288.
- Laanest 1966 — A. Laanest. *Izhorskiye dialekty. Lingvogeograficheskoye issledovaniye* [Ingrian dialects. Linguistic-geographic study]. Tallinn: Valgus, 1966.

- Laanest 1986 — A. Laanest. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn: Valgus, 1986.
- Markus 2006 — Ye. B. Markus. Tipologiya morfemnogo varyirovaniya (na materiale morfonologicheskikh sistem govorov vodskogo yazyka) [Typology of morpheme variation (based on the morphonological systems of the Votic dialects)]. Candidate thesis. Moscow: Institute of Linguistics, 2006.
- Markus, Rozhanskiy 2011 — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic language. Texts and a grammar sketch]. Vol. 2. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Markus, Rozhanskiy 2022 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Ingrian. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 308–329.
- Mullonen 2004 — M. Mullonen. *Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisista murteista*. Petroskoi: Periodika, 2004.
- Musaeu 2004 — V. I. Musaeu. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX—XX veke* [Political history of Ingria at the end of the 19th—20th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004.
- Muslimov 2007 — M. Z. Muslimov. Yazykovoy sdvig i izmeneniya v pribaltiysko-finskikh yazykakh i dialektakh Zapadnoy Ingermanlandii [Language shift and changes in the Baltic-Finnic languages and dialects of Western Ingria]. N. B. Vahtin (ed.). *Yazykovyye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga* [Language changes in the context of language shift]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 225–251.
- Muslimov 2009 — M. Z. Muslimov. K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii [Towards a classification of the Finnish dialects of Ingria]. S. A. Myznikov (ed.). *Voprosy uralistiki 2009. Nauchnyy almanakh* [Topics in Uralistics 2009. Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Muslimov 2019 — M. Z. Muslimov. Zаметki o finskom dialekte der. Dubrovka / Suokylä [On the Finnish dialect of the village of Dubrovka / Suokylä]. Ye. V. Golovko, A. M. Pevnov, M. Yu. Pupylnina, A. A. Syuryun, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Lingvistika i drugie vazhnye veshchi. Pamyati Aleksandra Pavlovicha Volodina (1935–2017)* [Linguistics and other important things. In memoriam Aleksandr P. Volodin]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2019. P. 256–288.
- Muslimov 2020 — M. Z. Muslimov. Ob idiome der. Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) [On the Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) linguistic variety]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. XVI. Pt. 3. P. 330–376.
- Riionheimo 1998 — H. Riionheimo. Morphological attrition and interference in language contact: sketching a framework. J. Niemi, J. Heikkinen (eds.). *Language Contact, Variation, and Change*. (Studia Carelica Humanistica 32). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1998. P. 246–268.

- Riionheimo 2013a — H. Riionheimo. Inkerinsuomen paradigmaattisen kompleksisuuden säilyminen kielikontaktissa ja attritiossa. *Lahivordlusi / Lahivertailuja*. 2013. No. 23. S. 285–314. DOI: 10.5128/LV23.12.
- Riionheimo 2013b — H. Riionheimo. Multiple roots of innovations in language contact. Evidence from morphological intermingling in contact between Ingrian Finnish and Estonian. *Studies in Language*. 2013. Vol. 37. № 3. P. 645–674. DOI: 10.1075/sl.37.3.07rii.
- Rozhanskiy 2021 — F. I. Rozhanskiy. O vodsko-izhorskoy konvergensii i vnutriidiolektnom kontinuumе (na primere odnoy kumulyativnoy runy [Votic-Ingrian convergence and intra-idiolectal continuum (a case study of a chain rune)]. *Ural-Altaic studies*. 2021. № 1. P. 61–76.
- Sarhimaа 2022 — A. Sarhimaа. Karelian. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 269–290.
- Seliger, Vago — H. W. Seliger, R. M. Vago. The study of language attrition: an overview. H. Seliger, R. Vago (eds.). *First Language Attrition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 3–16.
- Tolstikova 2017 — P. S. Tolstikova. *Proyavleniye yazykovoy attritsii v tsentralnoingermanlandskikh dialektakh* [Manifestation of linguistic attrition in the Central Ingrian Finnish dialects]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2017.
- Zaykov 2000 — P. M. Zaykov. *Glagol v karelskom yazyke* [Verb in Karelian]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2000.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 20.05.2024

Особенности употребления субъектных местоимений в ингерманландском финском языке

Е. В. Буденная

Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
Институт языкознания РАН (Москва, Россия); jane.sdrv@gmail.com; ORCID:
0000-0002-1502-2750

Аннотация. В статье анализируются особенности употребления субъектных местоимений в ингерманландском финском языке на материале устных нарративов и художественных текстов. Согласно полученным данным, ингерманландский финский язык в большинстве случаев использует модель с эксплицитно выраженным субъектным местоимением. Однако в устных нарративах носители обычно эксплицируют местоимения 1-го и 2-го лица (возможно, в связи с использованием более длинных предикаций, а также за счет общей прагматики ситуации), которые в художественной прозе преимущественно опускаются.

Ключевые слова: ингерманландский финский язык, личное местоимение, субъектное местоимение, субъектная референция, восточно-гатчинский диалект, западно-гатчинский диалект.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-29-09097 «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России». Автор сердечно благодарит М. З. Муслимова за помощь и советы при подготовке и сборе материала, информантов — носителей языка за помощь и участие в исследовании, а также анонимных рецензентов за ценные замечания.

Subject pronouns in Ingrian Finnish

Evgeniya V. Budennaya

HSE University (Moscow, Russia); Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); jane.sdrv@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-1502-2750

Abstract. The article addresses the issue of use/omission of subject pronouns in Ingrian Finnish. The data comes from prose fiction by V. Valjakka and P. Mutanen, previously not used for any linguistic analysis, and from oral narratives recorded under the supervision of Irma Mullonen. Both fiction and oral narratives come from two different dialectal areas of Ingrian Finnish, the East and the West of the Gatchina District, respectively. The study relied on corpus analysis whereby fiction and oral narrative texts were compared to each other and to the dialects they come from.

The study revealed the following characteristic features of the Ingrian Finnish subject reference. First, subject pronouns in Ingrian Finnish tend to be explicitly expressed in all persons, which distinguishes it from Standard Finnish where the 1st and 2nd person subject pronouns are usually omitted. At the same time, the Ingrian Finnish pattern differs from Russian, where pronouns are omitted much less frequently. Some pronominal features of Ingrian Finnish, such as the omission of the 3rd person pronouns in independent foreground narrative clauses may result from contacts with Russian. Second, a set of Ingrian Finnish verbs of speech and thinking are mostly used without an additional subject pronoun, which distinguishes the Ingrian Finnish situation from Russian, where the pronoun is usually expressed in such contexts. Third, while in past clauses of Ingrian Finnish oral narratives the 1st and 2nd person subject pronouns are usually expressed, in fiction prose they tend to be omitted. This difference can be explained both by the general pragmatics of the recording (pronouns were used as a marker of politeness, necessary for correct interaction between the speaker and the listener) and by its design (unlike in fiction examples, language consultants used longer clauses to provide more detail).

Keywords: Ingrian Finnish, subject pronoun, personal pronoun, pronoun omission, East Gatchina dialect, West Gatchina dialect.

Acknowledgements. The study is supported by the RFBR grant № 17-29-09097 “Typology of mechanisms of interaction of the Russian language with the languages of the small peoples of Russia”. The author cordially thanks M. Z. Muslimov for his help and advice in preparing and collecting the material, as well as language consultants for their help and participation in the study, and the anonymous reviewers for their valuable comments.

1. Введение

В ходе полевых исследований 2019 г. было обнаружено, что ингерманландский финский язык — один из трех исчезающих¹ прибалтийско-финских языков России, наряду с ижорским и водским [Kusnetsova et al. 2015], — имеет схожую с русским языком стратегию маркирования референтного прономинального подлежащего. В частности, при предъявлении анкеты из 30 пар предложений, отличающихся наличием / отсутствием субъектного местоимения, 15 из 15 опрошенных носителей указали в качестве немаркированной местоименную модель. Однако для 1-го и 2-го лица модель с опущением местоимения также указывалась всеми носителями как грамматичная, хотя и более маркированная:

- (1) *Miä* / $\emptyset_{pro}$ ² *huasta-n* *inkeri-a*
 1SG говорить.PRS-1SG ингерманландский-PART
 ‘Я говорю по-ингерманландски’.
- (2) *Uamusil* *miä* / $\emptyset_{pro}$ *lämmit-i-n* *kiukaa-ta*
 утром 1SG топить-PST-1SG печь-PART
 ‘Утром я топила печь’.

В третьем лице опущение местоимения по умолчанию единогласно признавалось неграмматичным:

- (3) *Hiä* / $*\emptyset_{pro}$ *on* *opettaja*
 3SG быть.PRS.3SG учитель
 ‘Он учитель’.

¹ Менее 1000 носителей (2021 г., оценка М. З. Муслимова), средний возраст превышает 50 лет, на сегодняшний день все носители билингвальны и в качестве основного языка общения используют русский язык; социолингвистическую ситуацию в целом можно характеризовать как языковой сдвиг.

² Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие формально выраженного референтного подлежащего.

Также неграмматичным признавалось опущение бытийной связки при именном предикате и вспомогательного глагола при перфекте. Однако в отличие от опущения местоимений, которое оценивалось как неграмматичное только в 3-м лице, опущение вспомогательных глаголов и бытийных связок признавалось неграмматичным во всех лицах:

- (4) *Miä ole-n / *Ø_{cop}³ tohtori*
 1SG быть.PRS-1SG врач
 ‘Я врач’.
- (5) *Huö ovat / *Ø_{cop} sorj-ii*
 3PL быть.PRS.3PL красивый-PART.PL
 ‘Они красивые’.
- (6) *Miä ole-n / *Ø_{cop} käy-nt Viro-s*
 1SG быть.PRS.1SG ездить-PST.PTCP Эстония-IN
 ‘Я ездил в Эстонию’.
- (7) *Hiä on / *Ø_{cop} käy-nt Viro-s*
 3SG быть.PRS.3SG ездить-PST.PTCP Эстония-IN
 ‘Он ездил в Эстонию’.

Подобная модель маркирования референтного прономинального подлежащего, на первый взгляд, схожа с современной русской, где опущение подлежащего в 1-м и 2-м лицах также возможно, однако имеет и различия — в частности, в русском языке в именных клаузах и претерите вспомогательный глагол с личными окончаниями исторически был утрачен. Также она отличается и от литературного финского языка, где в 1-м и 2-м лицах опущение субъектных местоимений, наоборот, является моделью по умолчанию [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2005, 2016]. В этой связи изучение маркирования прономинального подлежащего в ингерманландском финском языке,

³ Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие формально выраженного вспомогательного глагола при перфекте или глагольной связки при именном предикате.

внешне отличающегося как от русского, так и от литературного финского, представляет большой интерес. Учитывая, что двойная модель маркирования субъектной референции с помощью личных местоимений и аффиксов в языках мира в целом крайне редка [Siewierska 2004: 268; Kibrik 2011: Ch. 5; Dryer 2013], а для большинства других финно-угорских языков характерна дефолтная модель с опущением местоимения (см. обзор на примере конкретных языков в [Kibrik 2013: 240; Буденная 2019: 37]), данные ингерманландского финского языка существенно дополняют общую типологическую картину.

Статья построена следующим образом. В *Разделе 2* будут более подробно представлены отличия ингерманландского финского от литературного и разговорного финского, а также отчасти русского языка. *Раздел 3* будет посвящен анализируемым источникам и методике сбора данных. В *Разделе 4* будут рассмотрены результаты исследования.

2. Основные отличия ингерманландской финской модели от литературного и разговорного финского языка

2.1. Финский язык (Финляндия)

В современном финском языке Финляндии выделяются два основных регистра — литературный и разговорный. Система субъектных местоимений и их употребление в этих регистрах отличаются — как друг от друга, так и от ингерманландского финского.

В литературном финском языке употребление местоимений 1-го и 2-го лица традиционно считается факультативным, в силу «дублирующих» личных глагольных аффиксов:

- (8) *(Minä) ole-n vielä kaukana*
 (1SG) быть.PRS-1SG еще далеко
 ‘Я еще далеко’.

- (9) (Me) *ole-mme valmii-t lähte-mä-än*
 (1PL) быть.PRS-1PL готовый-PL идти-3INF-ILL
 ‘Мы готовы идти’.
- (10) *Ehd-i-tte-kö (te) ajoissa*
 приехать-PST-2PL-Q (2PL) время.IN.PL
 ‘Вы вовремя приехали?’ [ISK 2004: §1267].

Однако различные исследования по литературному финскому языку отражают явное преобладание модели с опущением местоимений 1-го и 2-го лица, тогда как в 3-м лице аналогичное опущение, за исключением кореферентных придаточных предложений и ответных реплик, считается неграмматичным [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016]. Так, по данным корпуса писем [Heinonen 1995], в литературном финском языке местоимения 1-го и 2-го лица опускаются в 91 % случаев — что, очевидно, не совпадает с ингерманландским финским, где немаркированной моделью единогласно признавалась модель с выраженным местоимением. Немаркированная глагольная парадигма литературного финского языка представлена в *Таблице 1*.

Таблица 1. Литературный финский язык, спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в единственном числе

Table 1. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ (singular forms) in Standard Finnish

1SG	$\emptyset_{pro}$ <i>laula-n</i>	‘Я пою’
2SG	$\emptyset_{pro}$ <i>laula-t</i>	‘Ты поешь’
3SG	<i>Hän</i> / $*\emptyset_{pro}$ <i>laula-a</i>	‘Он / она поет’

В разговорном же финском местоименная модель доминирует во всех лицах [Vainikka, Levy 1999; Lappalainen 2004; Holmberg 2016]. Согласно корпусным данным [Heinonen 1995; Duvallon, Chalvin 2004], эллипсис местоимений в разговорном финском языке крайне маркирован, и характерен преимущественно для вопросно-ответных контекстов, автоисправлений и контекстов с с-командующим антецедентом (11)–(12). В 85 % остальных случаев в разговорном финском

языке представлена двойная модель маркирования референтного субъекта, сочетающая в себе эксплицитно выраженные личные местоимения и глагольные аффиксы.

- (11) a. *saa-n-ks mä soitta-a su-lle kohta uudestaan*
 мочь-1SG-Q 1SG звонить-1INF ты-ALL раз еще
 ‘Могу ли я тебе перезвонить?’

- b. *saa-t*
 мочь-2SG
 ‘Можешь’ [Duvallon, Chalvin 2004: 273].

- (12) *Leila ei sano-nut minne Ø_{pro}*
 Лейла NEG.3SG говорить-PST.PTCP куда
ol-i meno-ssa.
 быть-PST.3SG дорога-IN.SG
 ‘Лейла не говорила, куда она ходила’.

Помимо дистрибуции местоименно-аффиксальной и аффиксальной моделей, литературный и разговорный финский различаются собственно системой местоимений и некоторыми глагольными флексиями. Так, в разговорном финском языке местоимения 1-го и 2-го лица развили сокращенные формы (ср., в частности, примеры (8) и (12)), а неодушевленные местоимения 3-го лица периодически употребляются и в отношении одушевленных субъектов [Heinonen 1995; Vainikka, Levy 1999; ISK 2004: §716], см. *Таблицу 2* (с. 143). Соотношение полных и кратких форм местоимений в разных регистрах и диалектах финского языка на данный момент до конца не исследовано.

Наряду с развитием кратких местоименных форм, в разговорном финском языке наблюдается синкретизм презентной глагольной флексии 3-го лица в единственном и множественном числе, а также вытеснение литературных форм презенса первого лица множественного числа формами имперсонала [Vainikka, Levy 1999; Helasvuo 2006]. Последние, в свою очередь, расширили спектр возможных значений и на сегодняшний день, помимо исконного пассивного значения, в разговорном финском языке выступают в качестве заменителей литературных форм на *-mme*, см. *Таблицу 3* (с. 143).

Таблица 2. Система личных субъектных местоимений
в литературном и разговорном финском языке

Table 2. The system of personal subject pronouns
in Standard and Colloquial Finnish

	Литературный финский	Разговорный финский
1SG	<i>minä</i>	<i>mä</i>
2SG	<i>sinä</i>	<i>sä</i>
3SG, 3PL (для одушевленных)	<i>hän, he</i>	<i>hän/se, he/ne</i>
3SG, 3PL (для неодушевленных)	<i>se, ne</i>	<i>se, ne</i>

Таблица 3. Спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в литературном и разговорном финском языке

Table 3. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ in Standard and Colloquial Finnish

	SG	PL (литературный / разговорный)
1	<i>laula-n</i>	<i>laule-mme / laule-taan</i>
2	<i>laula-t</i>	<i>laule-tte</i>
3	<i>laula-a</i>	<i>laula-vat / laula-a</i>

Некоторые исследователи непосредственно связывают разницу в дистрибуции местоименных моделей с субъектом 1-го и 2-го лица в литературном и разговорном финском с глагольной парадигмой. В частности, А. Вайникка и Й. Леви [Vainikka, Levy 1999: 639] указывают на фонологическое сходство соответствующих местоимений с глагольными аффиксами, которые восходят к ним исторически⁴. Сочетание местоимений 1-го и 2-го лица с фонологически схожими аффиксами, осуществляющими аналогичную референциальную функцию,

⁴ Для множественного числа данное сходство очевидно (1PL *-mme* < *me*; 2PL *-tte* < *te*), для единственного числа оно реконструируется диахронически (1SG *-n* < **-m* < *minä*, 2SG *-t* < **tinä* (архаичная форма современного

усиливает восприятие подобной модели как избыточной и способствует опущению местоимений, тогда как отсутствие подобного сходства в 3-м лице — равно как и вытеснение в разговорном финском литературной формы на *-mme* формой *-taan*⁵, никак к местоимению не восходящей и омонимичной имперсоналу в своем прямом значении, вызывает необходимость в дополнительном употреблении местоимения [Vainikka, Levy 1999: 663]. Данная закономерность, впрочем, не является абсолютной, и ряд работ указывает на комплекс дополнительных синтаксических и дискурсивных факторов, непосредственно влияющих на референциальный выбор в финском языке [Duvallon, Chalvin 2004; Holmberg 2005, 2016]. Однако имеющиеся данные литературного и разговорного финского языка Финляндии однозначно позволяют констатировать различия с ингерманландским финским, где модель с опущением местоимения хоть и не является выбором по умолчанию, однако, учитывая признаваемую всеми носителями допустимость контекстов (1)–(7) с эллипсисом местоимений 1-го и 2-го лица, очевидно не является маркированной в той же степени, как это имеет место в разговорном финском языке. Более подробно эти и другие особенности ингерманландского финского языка будут описаны ниже.

2.2. Ингерманландский финский язык (Россия, совр. Ленинградская область)

В ингерманландском финском языке (север, юг и запад современной Ленинградской области) наблюдаются следующие отличительные особенности:

местоимения *sinä*) и в определенный хронологический период несомненно осознавалось как таковое [Nakulinen 1979: 87].

⁵ Следует отметить, что имперсональные формы на *-taan* все же не всегда взаимозаменяемы с формами на *-mme* — в частности, в контексте настоящего абстрактного употребление форм на *-taan* затруднено (*laulamme / ?lauletaan aina tämän laulun* ‘Мы всегда поем эту песню’). Мы оставляем изучение дистрибуции форм на *-mme* и на *-taan* в финском языке за рамками данной работы.

- Нет бинарной системы местоимений, включающей в себя полные и краткие формы. И в письменных источниках (преимущественно рассказы), и в разговорной ингерманландской речи система местоимений содержит только одну возможную форму для каждого лица и числа (с поправкой на фонетическое диалектное варьирование). В фонетическом плане формы ингерманландских субъектных местоимений 1-го и 2-го лица занимают своего рода промежуточное положение между литературным и разговорным финским, см. *Таблицу 4*.

Таблица 4. Местоимения 1-го и 2-го лица в ингерманландском финском в сопоставлении с литературным и разговорным финским

Table 4. 1st and 2nd person pronouns in Ingrian Finnish compared to Standard and Colloquial Finnish

	Литературный финский	Разговорный финский	Ингерманландский финский (в зависимости от говора)
1	<i>minä</i>	<i>mä</i>	<i>mie / miä</i>
2	<i>sinä</i>	<i>sä</i>	<i>sie / siä</i>

- Как и в литературном финском языке, в ингерманландском финском не наблюдается синкретизма в 3-м лице; имперсональные формы на *-taan* употребляются вместо финитных форм 1PL только в некоторых диалектах северной Ингерманландии [Муслимов 2009: 193–194].
- По данным предварительного опроса носителей (выбор модели по умолчанию), субъектные местоимения 1-го и 2-го лица опускаются чаще, чем в разговорном, но реже, чем в литературном финском.

Эти особенности сближают ингерманландский финский язык с современным русским языком, где, в отличие от литературного финского, модель с употреблением местоимения также по умолчанию является основной во всех лицах [Grenoble 2001; Seo 2001; Zdorenko 2010]. Однако в русском языке в отличие от ингерманландского финского не сохранилось дифференцированной личной

флексии в претерите — что, в свою очередь, могло способствовать большему доминированию местоименной модели в соответствующих контекстах, с целью избежания омонимии [Kibrik 2013]:

Таблица 5. Ингерманландский финский язык, спряжение глагола *laulaa* ‘петь’ в претерите (единственное число), в сопоставлении с русским

Table 5. The conjugation of the verb *laulaa* ‘to sing’ in Ingrian past forms (singular), compared to Russian

	Ингерманландский финский	Русский
1SG	<i>mïä laulo-i-n</i>	‘Я пел’
2SG	<i>siä laulo-i-t</i>	‘Ты пел’
3SG	<i>hiä laulo-i, laulo</i>	‘Он(а) пел(а)’

Можно предполагать, что современная ингерманландская модель была сформирована под влиянием контактов с русским языком, существенно усилившихся в XX в. [Kuznetsova et al. 2015]. Для выяснения более детальных сходств и различий ингерманландской финской системы с русской было осуществлено корпусное исследование.

3. Данные и методика

3.1. Тексты

Прямой метод элицитации высказываний (перевод с русского) был отвергнут для детального исследования ингерманландской финской модели, поскольку непосредственно употребленная русская модель (с местоимением или без) могла очевидным образом влиять на ингерманландский перевод. После общего предварительного опроса носителей на предмет большей и меньшей маркированности различных прономинальных моделей было принято решение обратиться к корпусу текстов.

На сегодняшний день существуют две основные группы ингерманландских источников — художественные произведения (в основном

небольшие рассказы, написанные и опубликованные в середине XX века в различных тематических сборниках и журналах) и устные нарративы, содержащие записи различных ингерманландских говоров. Для комплексного исследования референции было решено использовать оба типа текстов. Из художественной прозы были выбраны рассказы двух ингерманландских авторов, Виктора Вальякки и Пекки Мутанена, опубликованные в Карелии в 1980-е гг. в составе тематических сборников “*Lehdenlähtö*” ‘Листопад’ и “*Läpi tuskien käy elontie*” ‘Трудные судьбы’, соответственно. В этих сборниках ингерманландские рассказы даны в конце в составе отдельного тематического раздела с диалектными текстами.

Материалы В. Вальякки и П. Мутанена отражают две основные группы ингерманландских диалектов — восточно- и западно-гачинский диалекты⁶, согласно классификации [Муслимов 2009: 196]. На данный момент описан ряд лексических, фонетических и морфологических изоглосс, различающих их между собой [Virtaranta 1953; Галахова 1977, 1990; Коппалева 1998, 2007; Муслимов 2009], однако дискурсивные особенности в них отдельно не изучались. Художественные тексты на ингерманландском языке также не привлекались ранее к научным исследованиям.

Помимо художественной литературы, к текстам были приобщены устные нарративы тех же говоров, записанные учеными Петрозаводского университета [Mullonen 2004]. В итоговую выборку вошли нарративы, отражающие говоры приходов Лииссиля (фин. Liissilä) и Венъёки (фин. Venjoki), отражающие восточно-гачинский диалект, и говоры приходов Губаницы (фин. Kuranitsa) и Шпаньково (фин. Spankkova), относящиеся к западно-гачинскому диалекту⁷, см. *Рис. 1*.

---

⁶ Данные диалекты вместе составляют т. н. Центральную Ингерманландию (фин. Keski-Inkeri), фигурирующую в ряде других работ по прибалтийско-финским языкам, наряду с Северной (фин. Pohjois-Inkeri), Восточной (фин. Itä-Inkeri) и Западной Ингерманландией (фин. Länsi-Inkeri) [Mustonen 1931; SKVR; Муслимов 2009]

⁷ Более детально о границах ингерманландских диалектов и взаимосвязи с говорами приходов см. [Муслимов 2009: 196–203]

Для перевода собственно ингерманландской лексики в текстах также активно использовался словарь [Оллыкайнен (сост.) 2003].

Рис. 1. Ингерманландские приходы 1930-х гг., приблизительно очерчивающие соответствующие группы говоров [Mustonen 1931], источник карты Jniemenmaa/Wikimedia Commons

Fig. 1. Ingrian Finnish parishes of the 1930s, roughly delineating the respective groups of dialects [Mustonen 1931], source: Jniemenmaa/Wikimedia Commons

3.2. Отбор данных

При отборе рассказов и устных нарративов для анализа учитывалось наличие релевантных финитных прономинальных моделей. Так, среди устных нарративов выбирались монологические тексты и тексты, содержащие крупные монологические куски, с целью избежания интерференции модели, употребленной в наводящих вопросах исследователя.

В итоговую выборку вошли следующие тексты:

1. Восточно-гатчинский диалект

1.1. Художественная проза: В. Вальякка, 6 рассказов из сборника “Lehdenlähto”:

— *Miten Simo hampaat hävitti* ‘Как Симо сломал зубы’

— *A hiä vua motkottaa...* ‘А он только жалуется...’

— *Ko virka män piähä* ‘Когда кончается работа’

— *Hampaankolotus* ‘Зубная боль’

— *Sie vie, a mie vikisen* ‘Тебе все, а мне ничего’

— *Luoja kiitos...* ‘Слава Создателю...’

1.2. Нарративы из материалов [Mullonen 2004]: записи Катри Кирппу (*Meil ol' tantsutupa* ‘У меня был дом танцев’) и Рудольфа Виркунена (*Elimmö kolhoosas* ‘Мы жили в колхозе’, *Puol' vuossattaa Karjalas* ‘Полвека в Карелии’) из Лииссиля, а также Катри Тухканен (*Miten valittii minjoi* ‘Как выбирали невесток’, *Tuvam pesu* ‘Мытье дома’, *Meil poltettii kokkoo* ‘У нас жгли костер на Иванову ночь’, *Lapsii lövvettii saunan lautasiin alt* ‘Детей доставали из-под банного дощатого пола’) из Веньёки.

2. Западно-гатчинский диалект

2.1. Художественная проза: П. Мутанен, 7 рассказов из сборника “Läpi tuskien käy elontie”:

— *Ko alkuu piäsöö, ni männöö* ‘Как в начало попадет, так и пойдет’

— *Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa* ‘Кого отец любит, того он тоже наказывает’

— *Oma tua mantsikka, muu tua mustikka* ‘Наш край — земляника, другая страна — черника’

— *Pttatorkku tuvan nostaa, uamutorkku tuvan hävittää* ‘Вечерний сон укрепляет дом, утренний сон разрушает дом’

— *Huvä kello kauvaks kuuluu, paha viel kauvemmaks* ‘Хороший колокол слышен долго, плохой — еще дольше’

— *Kopekast ne ruplat kasvaat* ‘От копейки те рубли растут’

— *Ei nii pienii pitoloi, jot ei kahta kolmee kuokkavierasta* ‘Не так мал пир, чтобы на нем не оказалось двух-трех незваных гостей’

2.2. Нарративы из материалов [Mullonen 2004]: записи Мари Яковлевой (*Olin päiväläisen* ‘Я занималась поденной работой’), Кэтри Саволайнен (*Karpalos käyt’ii* ‘Ходили по клюкву’, *Mein ämmä parans ihmisiä* ‘Наша бабушка лечила людей’) из Шпанькова, Анны Меронен (*Haukkeet käivät* ‘Пристала порча’) и Мари Шпеллер (*Meil piettiin pellovasta* ‘У нас носили лен’) из Губаниц.

На этапе предварительной обработки текстов отфильтровывались клаузы с эмфатическим и контрастивным употреблением местоимения — в частности, в сочетании с фокусной энклитикой *-kii* (15), после присоединительных и контрастивных союзов (13)–(15), а также при последующем уточнении (16). Фильтрация этих случаев обуславливалась тем, что опущение местоимения в подобных контекстах в принципе невозможно, даже в тех языках, где употребление местоимений по умолчанию маркировано [Rizzi 1997: 272; Frascarelli 2007: 694].

- (13) *A sie latk-i-t si-tä vodka-a*
 а 2SG лакать-PST-2SG этот-PART водка-PART
 ‘А ты лакаешь эту водку’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”]

- (14) *Ja hiä alko huuta-a*
 и 3SG начать.PST.3SG кричать-1INF
 ‘И он закричал’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”].

- (15) *Siel isä ol’ renki-n talo-s ja*
 там отец быть.PST.3SG работник-GEN дом-IN и
mie-kii alo-i-n ja auttaa työ-s.
 1SG-FOC начинать-PST-1SG тоже помогать работа-IN
 отец работал по хозяйству, и я тоже начал помогать [ему] в работе’ [R. Virkkunen, “Puol’ vuossattaa Karjalas”], цитируется по [Mullonen 2004: 165].

- (16) *Myö, lapse-t, nous-i-mmo yllää*
 1PL ребенок-PL подниматься-PST-1PL навверх
 ‘Мы, дети, поднимались навверх’ [P. Mutanen, “Iltatorkku tuvan nostaa, uamutorkku tuvan hävittää”].

Также отфильтровывались случаи сочинительного сокращения подлежащего при однородных членах предложения, представляющие собой типологически распространенный контекст для элиминации подлежащего во всех языках [Duvallon, Chalvin 2004: 275–276]. В частности, в примерах типа (17) для анализа бралась только первая клауза.

- (17) *Mie män-i-n häne-n luoks ja pyu-si-n*
 1SG идти-PST-1SG 3SG-GEN к и попросить-PST-1SG
piiri-i
 круг-ILL

‘Я подошел к ней и попросился в круг’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

Остальные релевантные финитные клаузы с выраженным и опущенным прономинальным субъектом были включены в исследуемую выборку и распределены по различным группам, в зависимости от следующих параметров:

- Лицо субъекта (1-е / 2-е vs 3-е)
- Наличие / отсутствие субъектного местоимения (+/- pronoun)
- Тип предиката (именной / глагольный)
- Время глагола⁸: презент vs претерит (PRS / PST).

Итоговый объем исследованного корпуса составил 524 вхождения.

4. Результаты

Сопоставительный анализ ингерманландских текстов выявил ряд особенностей, не описанных ранее. В этом разделе будут рассмотрены сначала общие, а затем более частные результаты по рассматриваемым модусам (письменный vs устный) и диалектам.

---

⁸ Данный параметр учитывался только для глагольных клауз. Для именных клауз подобное разбиение не применялось в силу малого количества данных.

Сводная таблица по дистрибуции различных моделей представлена ниже.

Таблица 6. Соотношение моделей с выраженным и опущенным референтным прономинальным субъектом в восточно- и западно-гатчинском диалектах ингерманландского финского языка

Table 6. Entries with expressed and elided referential pronominal subjects in East and West Gatchina dialects of Ingrian Finnish

	Восточно-гатчинский диалект		Западно-гатчинский диалект		Всего
	Худ. проза (Вальякка)	Устные нарративы	Худ. проза (Мутанен)	Устные нарративы	
1–2 PRS +pronoun	31	10	6	10	57
1–2 PRS –pronoun	19	4	8	3	34
3 PRS +pronoun	6	4	2	3	15
3 PRS –pronoun	3	0	1	0	4
1–2 PST +pronoun	28	27	41	29	125
1–2 PST –pronoun	65	18	67	3	153
3 PST +pronoun	18	13	17	19	67
3 PST –pronoun	1	4	6	3	14
1–2 NOM +pronoun	7	6	10	3	26
1–2 NOM –pronoun	1	2	9	2	14
3 NOM +pronoun	3	5	7	0	15
3 NOM –pronoun	0	0	0	0	0
Всего	182	93	176	75	524

Согласно совокупным данным исследованных нарративов, в ингерманландском финском языке местоимение употреблялось в 58 % случаев (305 вхождений из 524). В русском же языке модель с эксплицитно выраженным местоимением, согласно различным корпусным исследованиям, составляет от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех вхождений [Kibrik 1996; Grenoble 2001; Zdorenko 2010; Буденная 2018]. Таким образом, можно видеть, что, хотя в ингерманландском финском языке,

как и в русском, модель с эксплицитно выраженным местоимением является доминирующей (χ -квадрат, p -value<0,01) — возможностей для опущения местоимения в ингерманландском финском языке существенно больше, чем в русском. Общая дистрибуция, прослеженная по корпусу ингерманландских данных, полностью соответствует модели «на стыке» между русским языком и литературным финским. Ряд частных особенностей, характерных для литературного финского, имеет параллель и в ингерманландском — так, для 3-го лица в обоих идиомах характерен эксплицитно выраженный субъект. Различия между литературным финским, ингерманландским финским и русским языками пролегают главным образом в сфере прономинальных подлежащих 1-го и 2-го лица.

В силу нарративного характера всех исследуемых текстов наибольшее число извлеченных моделей (402 из 524) представляло собой претеритные клаузы. В силу этого все статистически выявленные особенности ингерманландского финского языка касались в первую очередь именно этого типа, а также различных соотношений претеритных клауз с презентными. Было обнаружено, что выбор конкретной прономинальной модели в большей степени зависит от модуса (художественная проза vs устный нарратив), чем от конкретного диалекта. Ниже эти и другие особенности будут рассмотрены более подробно.

4.1. Ингерманландский финский и русский: общие тенденции

В ингерманландском финском — как в художественной прозе, так и в устных нарративах — были выявлены следующие схожие с русским контексты, предопределяющие выбор конкретной субъектной модели (подробнее о них в связи с русским языком см., в частности, [McShane 2009; Madariaga 2018]):

1. При первом упоминании референта, а также при смене топика местоимение преимущественно выражалось эксплицитно (18). Однако в 1-м и 2-м лице периодически встречался эллипсис даже в этом контексте, в силу высокой активации референта в рабочей памяти и общей прагматики ситуации (19)–(20).

- (18) *Mie yrit-i-n riijellä vastaa*
 1SG пытаться-PST-1SG нагрубить.1INF напротив
 ‘Я попытался нагрубить в ответ’ [V. Valjakka, “A hiä vua motkottaa...”].
- (19) *Seiso-i-n siin vähä aika-a*
 стоять-PST-1SG там мало время-PART
 ‘Я стоял там некоторое время’ [P. Mutanen, “Hyvä kello kauvaks kuuluu, raha viel kauvemmaks”].
- (20) *Ol-i-n päivälaise-n*
 быть-PST-1SG поденщик-ESS
 ‘Я занималась поденной работой’ [M. Jakovleva, “Olin päiväläisen”], цитируется по [Mullonen 2004: 218].

2. В разговорно-ответных контекстах в ответных репликах отразилась тенденция к опущению местоимений 1-го и 2-го лица⁹:

- (21) *Nyt uso-n*
теперь верить.PRS-1SG
 ‘Теперь верю’ [V. Valjakka, “Miten Simo hampaat hävitti”].

3. В клаузах с субъектом 3-го лица опущение местоимения изредка встречалось в случае с-командующего antecedента.

- (22) *Kiitos sisare-lko nekkii*
 спасибо сестра-ALL потому что скипидар.PART
anto
 дать.PST.3SG
 ‘Спасибо сестре за то, что дала скипидар’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

В работах по литературному финскому [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016] контексты вида (22) отмечаются как фактически единственные случаи, при которых возможно опущение 3-го лица.

⁹ Контексты 2 и 3 также засвидетельствованы и в разговорном финском языке, однако в выборке основной процент вхождений занимают контексты типа 1.

Однако в нашем корпусе встретилось несколько вхождений с опущением местоимения 3-го лица в независимом предложении, при наличии эксплицитно выраженного antecedента в предыдущей клаузе и в контексте единой сквозной темы фрагмента (23)–(24), а также в конструциях с коррелятивом *ni* (25):

- (23) *Juha-veikko tul' sielt pol'nitsa-st*
 Юха-брат приходить.PST.3SG оттуда больница-EL
poikkee Ø_{pro} Tul' kot't'ii
 прочь Ø_{pro} приходить.PST.3SG домой

‘Юха-брат вернулся оттуда, из больницы. Пришел домой’. [A. Meronen, “Haukkeet käivät”], цитируется по [Mullonen 2004: 223].

- (24) *...ni Juones jo sano Mari-lle —*
 тогда Юонес уже сказать.PST.3SG Мария-ALL
Pane-ha samavara kiehu-ma-a...
 поставить.IMP.2SG-PART самовар кипятить-3INF-ILL
Ø_{pro} itse¹⁰ nous penki-lt
 сам встать.PST.3SG лавка-ABL

‘...Тогда Юонес уже сказал Марии: «Ставь-ка самовар...» Сам [он] встал с лавки’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

- (25) *Hiä ko katso miu-n suu-ta-in,*
 3SG когда смотреть.PST.3SG 1SG-GEN рот-PART-POSS.1SG
ni sano...
 то сказать.PST.3SG

‘Он, когда посмотрел мне в рот, сказал...’ [V. Valjakka, “Hampaankolotus”].

Контексты вида (23)–(25) лицензируют опущение местоимения в русском языке. В силу редкости аналогичных вхождений в ингерманландском финском языке нельзя однозначно сказать, являются ли

¹⁰ В данном примере не исключено дополнительное влияние местоимения *itse* ‘сам’, однако в выборке встретились модели с одновременным присутствием и личного местоимения, и местоимения *itse*, например *a miten sie itse jaksat* ‘А как ты сам поживаешь?’ [V. Valjakka, “Hampaankolotus”].

они калькой с русского или же маркированным контекстно-обусловленным вариантом, теоретически возможным и в литературном финском. Имеющиеся исследования свидетельствуют о возможности подобного опущения в 1-м и 2-м лице [Duvallon, Chalvin 2004: 277]; несколько опрошенных носителей финского языка оценили фразы вида (23)–(25) как сомнительные. А. Хольмберг [Holmberg 2016: 8] утверждает, что нулевой референтный субъект 3-го лица в литературном финском возможен лишь в эхо-подобных ответных репликах и при связывании синтаксически вышестоящим антецедентом. Учитывая это, можно с осторожностью предположить, что редкие вхождения независимых предложений с нулевым субъектом 3-го лица в ингерманландском финском возникли в ходе контактного влияния русского языка, где подобное контекстное опущение возможно.

4.2. Ингерманландский финский: отличительные особенности

Основные отличительные признаки ингерманландской финской субъектной референции отразились в конструкциях с претеритом. Анализ показал, что в этих конструкциях ингерманландский финский язык, по сравнению с русским¹¹, значимо чаще использует модели с опущением субъектного местоимения 1-го лица и 2-го лица в претерите (χ -квадрат, p -value < 0,01). Доминирующей моделью в этих клаузах в ингерманландском финском языке является именно модель с опущением субъекта:

- (26) $\emptyset_{pro}$ *luul-i-n,* *jot hyö tulliiit*
 думать-PST-1SG что 3PL идти.PST.3PL
minnuu löylyttä-mä-ä.
 1SG.PART бить-3INF-ILL

‘Я подумал, что они пошли меня бить’ [V. Valjakka, “Sie vie, a mie vikisen”].

¹¹ В качестве русских данных привлекался корпус «Веселые истории из жизни», подготовленный коллективом исследователей под руководством А. А. Кибрика (<http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>).

(27) *O_{pro}* *Kutsu-i-n* *lapse-t* *kokko-o*
звать-PST-1SG ребенок-PL костер-ILL

‘Я позвал ребят [прыгать] в костер’ [P. Mutanen, “Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa”].

Однако данная особенность ингерманландского финского языка реализуется за счет художественной прозы (см. *Таблицу 6*) — именно данные рассказов В. Вальякки и П. Мутанена демонстрируют существенное преимущество безместоименных претеритных моделей над местоименными. В устных же нарративах никакого подобного приоритета безместоименных моделей нет. По данным *Таблицы 6* можно видеть, что как в восточно-, так и в западно-гатчинском диалекте приоритет моделей с эллипсисом местоимений 1-го и 2-го лица в претерите характерен для художественной прозы — и нехарактерен для устных нарративов. При этом в западно-гатчинских нарративах эллипсис соответствующего местоименного субъекта в целом встречается реже, чем в восточно-гатчинских, однако на данный момент нельзя однозначно утверждать, что это именно особенность диалекта, а не конкретных носителей, принимая во внимание, что данные художественной прозы подобной разницы между диалектами не показывают. В целом можно предположить, что устный модус в сочетании с жанром нарратива в ингерманландском финском языке в большей степени способствует выбору рассказчиком местоименной модели, тогда как художественная проза, вне зависимости от диалекта, больше ориентирована на эллипсис референтного подлежащего 1-го и 2-го лица.

В качестве предварительного объяснения, сопоставляя данные художественной прозы, ориентированной на эллипсис местоимений, и устных нарративов, преимущественно неэллиптических, можно выделить следующие основные параметры, способствующие выбору конкретной модели.

1. Длина предикации: для более коротких предикаций более вероятно опущение субъектного местоимения. Подавляющее большинство клауз с опущенным подлежащим 1-го и 2-го лица содержало не более трех слов и встречалось в большей степени в художественной прозе. Большую развернутость устных предложений

по сравнению с прозаическими текстами можно объяснить дизайном исследования: в отличие от писателей, опрашиваемые носители стремились как можно подробнее изложить исследователям подробности своей жизни, тогда как перед писателями и героями их рассказов такой задачи изначально не стояло.

2. Приоритетность конкретных лексем: большинство эллиптических предикаций в ингерманландской художественной прозе описывают короткие базовые действия, обозначенные глаголами речи и мыслительной деятельности: *sannoo* ‘сказать’, *kyssyy* ‘спрашивать’, *vastata* ‘отвечать’, *luulla*¹², *ajatella* ‘думать, полагать’, см. (28)–(31):

(28) — *Miten se Pekon Anttu ellää?* — *Ø_{pro} kysyin toisilt nuapurloit.*
 ‘Как живет этот Антту, сын Пекко? — **спросил я** у других соседей’ [V. Valjakka, “Ko virka män piähä”].

(29) — *Oletko sie tosissais?*
 — *No, Ø_{pro} sanoin, — tosissain olen.*
 ‘Ты всерьез? — Ну, — **сказал я**, — всерьез’. [P. Mutanen, “Ko alkuu piäsöö, ni männöö”].

(30) — *Oletko sie läsivä?*
 — *Olen terve, Ø_{pro} vastasin joka kerta.*
 ‘Ты болен? — Я здоров, — **отвечал я** каждый раз’ [P. Mutanen, “Ketä isä rakastaa, sitä hiä myös kurittaa”].

(31) *Ø_{pro} Luulin, jot mitälie huonoo on tapahtunt.*
 ‘**Я подумал**, что случилось что-то плохое’ [V. Valjakka, “Luojan kiitos...”].

Можно видеть, что в русском языке в подобных формулах используется, как правило, местоименная модель, тогда как в ингерманландском финском — эллиптическая. Отчасти это можно объяснить тем, что в русском языке в прошедшем времени не сохранилось личной глагольной флексии, в отличие от ингерманландского финского, и опущение подлежащего в подобном контексте может повлечь

¹² Этот глагол встретился только в рассказах В. Вальякки.

референциальный конфликт. Тем не менее данный тезис не объясняет того, почему эллиптическая модель в ингерманландском финском чаще всего используется именно с этими глаголами. Можно предположить, что дополнительным фактором здесь служит большая семантическая бедность этих глаголов в сочетании с их структурирующей ролью в тексте, отчасти объединяющая их с дискурсивными маркерами. Известно, что в русском языке [Grenoble 2001; Zdorenko 2010] некогда полнозначные глаголы, со временем приобретшие семантику дискурсивных маркеров (*знаешь*, *понимаешь*, *видишь*), по умолчанию употребляются без субъектного местоимения. В ингерманландском финском языке эта категория более обширна и распространяется также на базовые глаголы речи и мышления.

3. Прагматика ситуации и/или возможное калькирование: при непосредственном взаимодействии носителя языка с исследователем употребление местоименной модели может выступать как элемент сближения говорящего со слушателем и своего рода маркер вежливости [Фужерон, Брейар 2004: 164]. Данная особенность была выявлена ранее на корпусных данных русского языка [Буденная 2020], и можно полагать ее справедливостью и для ингерманландского финского, учитывая схожий дизайн ситуации.

5. Заключение

В статье была исследована прономинальная референция в отношении субъектов 1-го и 2-го vs 3-го лица в ингерманландском финском языке, в сопоставлении с литературным финским и русским языками. Работа велась с помощью корпусного метода, путем сопоставления художественной прозы с устными нарративами как между собой непосредственно, так и с помощью сравнения данных двух разных диалектов — восточно- (говоры Лииссиля и Венъёки) и западно-гатчинского (говоры Губаниц и Шпанькова). Данные художественных произведений привлекались к научным исследованиям ингерманландского языка впервые.

Анализ выявил следующие характерные черты ингерманландской финской модели:

1. В ингерманландском финском языке доминирующей моделью является модель с эксплицитно выраженным местоимением во всех лицах, что отличает ингерманландский финский язык от литературного финского. При этом ингерманландская модель отличается и от русской, где местоимение опускается значительно реже. Общая ситуация в ингерманландском языке с точки зрения дистрибуции эксплицитно выраженных субъектных местоимений соответствует промежуточной модели на стыке между русским и литературным финским.

2. В ингерманландском финском языке присутствуют определенные особенности, которые могут быть результатом контактного влияния русского языка. Таковыми, в частности, являются контексты с опущением местоимений 3-го лица в независимых предложениях в контексте единой сквозной темы.

3. В ингерманландском финском языке существует группа базовых глаголов речи и мышления с достаточно бедным семантическим содержанием. По функции они приближаются к дискурсивным маркерам, обозначающим прямую речь, и употребляются преимущественно без дополнительного субъектного местоимения — что отличает ингерманландскую ситуацию от русской, где в подобных контекстах местоимение обычно не опускается.

4. Ингерманландские художественные тексты и устные нарративы как восточно-, так и западно-гатчинского диалекта существенным образом различаются в плане дистрибуции субъектных местоимений 1-го и 2-го лица с претеритом. Если в устных нарративах носители преимущественно употребляют местоименную модель, то в художественной прозе — эллиптическую. Данное различие может объясняться общей прагматикой ситуации (местоимения как маркер вежливости, необходимый для корректного взаимодействия со слушателем-исследователем) и исходной задачей (устные предикации носителей обычно более развернутые, по сравнению с предложениями в рассказах П. Вальякки и П. Мутанена).

Наблюдаемая картина позволяет уточнить типологию контактных грамматических явлений [Matras, Sakel 2007] и привлекает данные

нового, малоисследованного языка для дальнейшего дополнения уже известных уральских данных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 1INF — I инфинитив; 3INF — III инфинитив; ALL — аллатив; EL — элатив; FOC — фокус; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; NEG — отрицательный глагол; PART — партитив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; PST.PTCP — активное причастие прошедшего времени; Q — вопросительный маркер; SG — единственное число.

Литература

- Буденная 2019 — Е. В. Буденная. Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования // Урало-алтайские исследования. 2019. Т. 4. Вып. 35. С. 36–52.
- Буденная 2020 — Е. В. Буденная. Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах // А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. ВАПрсы языкознания: Мегасборник наностатей. М.: Буки-Веди, 2020. С. 648–653.
- Галахова 1977 — Л. Я. Галахова. Согласные в конце слова в финских говорах Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. 1977. Т. 3. С. 16–34.
- Галахова 1990 — Л. Я. Галахова. Личные и временные формы глагола в финских говорах Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. 1990. Т. 5. С. 16–34.
- Коппалева 1998 — Ю. Э. Коппалева. Финские говоры Ингерманландии // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: История, культура, судьбы. Сборник статей. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 88–94.
- Коппалева 2007 — Ю. Э. Коппалева. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007.
- Муслимов 2009 — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (отв. ред.). Вопросы уральстики. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.

- Оллыкайнен (сост.) 2003 — В. М. Оллыкайнен (сост.). Словарь северноингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский). (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003.
- Фужерон, Брейар 2004 — И. Фужерон, Ж. Брейар. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Т. М. Николаева (отв. ред.). Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 147–166.
- Duvallon, Chalvin 2004 — O. Duvallon, A. Chalvin. 2004. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // *Linguistica Uralica*. 2004. Vol. XL. Iss. 4. P. 270–286. DOI:10.3176/lu.2004.4.04.
- Frascarelli 2007 — M. Frascarelli. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. P. 691–734. DOI: 10.1007/s11049-007-9025-x.
- Grenoble 2001 — L. Grenoble. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian // *Glossos 1*. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys [The structure and development of the Finnish language]. Keuruu: Otavan korkeakoulukirjasto, 1979.
- ISK 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomen kirjallisuuden seura, 2004. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения: 01.11.2024).
- Heinonen 1995 — T. Heinonen. Null Subjects in Finnish: From Either-Or to More-Or-Less. Unpublished manuscript. Research Institute for the Languages of Finland, 1995.
- Helasvuo 2006 — M.-L. Helasvuo. Passive: personal or impersonal? A Finnish perspective // M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). *Grammar from the human perspective: case, space and person in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 233–255. DOI: 10.1075/cilt.277.16hel.
- Holmberg 2005 — A. Holmberg. Is there a little pro? Evidence from Finnish // *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. Iss. 4. P. 533–564. DOI: 10.1162/002438905774464322.
- Holmberg 2016 — A. Holmberg. Null subjects in Finnish and the typology of pro-drop // A. Tamm, A. Vainikka (eds.). *Uralic syntax*. Cambridge: Cambridge University Press (to appear). URL: <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account // B. A. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 255–304.

- Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system // D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 227–263. DOI: 10.1515/9783110331127.227.
- Kuznetsova et al. 2015 — N. Kuznetsova, E. Markus, M. Muslimov. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union*. (Multilingual Education. Vol. 13: Comparative studies on equality and diversity). Berlin: Springer, 2015. P. 127–167. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3_6.
- Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian // J. Casalicchio, F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 171–198. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0007.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. The borrowability of grammatical categories // Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74. DOI: 10.1515/9783110199192.31.
- McShane 2009 — M. McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish // *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. Iss. 1. P. 98–132. DOI: 10.1111/j.1467-9582.2008.01155.x.
- Mustonen 1931 — J. Mustonen. *Inkerin suomalaiset saurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931.
- Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 501–557.
- Seo 2001 — S. Seo. The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments. PhD thesis. Bloomington: Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511812729.
- Vainikka, Levy — A. Vainikka, Y. Levy. Empty subjects in Finnish and Hebrew // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. Vol. 17. P. 613–671.
- Virtaranta 1953 — P. Virtaranta. Näytteitä Inkerin murteista // *Virittäjä*. 1953. Vol. 57. Iss. 3. P. 384–405.
- Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus // S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 119–133. DOI: 10.1163/9789042028012_009.

Источники

- Mullonen 2004 — M. Mullonen (toim.). Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerin-suomalaisista murteista. Petroskoi: Periodika, 2004.
- Valjakka 1988 — V. Valjakka. Sie vie, a mie vikisen. Huvittavia tositapauksia inkerin murteella // V. Valjakka. Lehdenlähtö. Petroskoi: Periodika, 1988. S. 101–117.
- Mutanen 1989 — P. Mutanen. Niitä näitä inkeriksi // P. Mutanen. Läpi tuskien käy elontie. Petroskoi: Periodika, 1989. S. 125–150.

References

- Budennaya 2019 — E. V. Budennaya. Subyektynaya referentsiya v izhorskom i vodskom yazykakh: iz istorii odnogo zaimstvovaniya [Subject reference in Ingrian and Votic: from the history of one borrowing of pattern]. *Ural-Altai Studies*. 2019. Vol. 4. Iss. 35. P. 36–52.
- Budennaya 2020 — E. V. Budennaya. Subyekt nastoyashchego vremeni v ustnykh i pismennykh narrativakh [The present subject in oral and written narratives]. A. A. Kibrik, X. P. Semionova, D. V. Sitchinava, S. G. Tatevosov, A. Ju. Urmanchieva. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatey* [VAProsy yazykoznaniya: megacollection of nanopapers]. Moscow: Buki-Vedi, 2020. P. 648–653.
- Duvallon, Chalvin 2004 — O. Duvallon, A. Chalvin. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés. *Linguistica Uralica*. 2004. Vol. XL. Iss. 4. P. 270–286. DOI:10.3176/lu.2004.4.04.
- Frascarelli 2007 — M. Frascarelli. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. P. 691–734. DOI: 10.1007/s11049-007-9025-x.
- Fougeron, Breuillard 2004 — I. Fougeron, J. Breuillard. Mestoimenie “ya” I postroenie diskursivnykh svyazey v sovremennom russskom yazyke [The pronoun “ja” and the construction of discourse links in Modern Russian]. T. M. Nikolaeva (ed.). *Verbalnaya i neverbalnaya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazey* [Verbal and nonverbal support of interphrase connections]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 147–166.
- Galakhova 1977 — L. Ja. Galakhova. Soglasnyye v kontse slova v finskikh govorkakh Leningradskoy oblasti [End consonants at the end of words in Finnish dialects of the Leningrad Region]. *Voprosy finno-ugorskoj filologii*. 1977. Vol. 3. P. 16–34.

- Galakhova 1990 — L. Ja. Galakhova. Lichnyye i vremennyye formy glagola v finskikh govorkakh Leningradskoy oblasti [Personal and tense forms of the verb in Finnish dialects of the Leningrad Region]. *Voprosy finno-ugorskoj filologii*. 1990. Vol. 5. P. 16–34.
- Grenoble 2001 — L. Grenoble. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos 1*. 2001. Available at: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf> (accessed on 1.11.2024).
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. *Suomen kielen rakenne ja kehitys* [The structure and development of the Finnish language]. Keuruu: Otavan korkeakoulukirjasto, 1979.
- ISK 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomen kirjallisuuden seura, 2004. Available at: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed on 1.11.2024).
- Heinonen 1995 — T. Heinonen. *Null Subjects in Finnish: From Either-Or to More-Or-Less*. Unpublished manuscript. Research Institute for the Languages of Finland, 1995.
- Helasvuo 2006 — M.-L. Helasvuo. Passive: personal or impersonal? A Finnish perspective. M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). *Grammar from the human perspective: case, space and person in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 233–255. DOI: 10.1075/cilt.277.16hel.
- Holmberg 2005 — A. Holmberg. Is there a little pro? Evidence from Finnish. *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. Iss. 4. P. 533–564. DOI: 10.1162/002438905774464322.
- Holmberg 2016 — A. Holmberg. Null subjects in Finnish and the typology of pro-drop. A. Tamm, A. Vainikka (eds.). *Uralic syntax*. Oxford: Oxford University Press (to appear). Available at: <https://andersholmberg92428242.files.wordpress.com/2020/04/holmberg-to-appear.-null-subjects-in-finnish-and-the-typology-of-pro-drop.pdf> (accessed on 1.11.2024).
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. B. A. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 255–304.
- Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system. D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 227–263. DOI: 10.1515/9783110331127.227.
- Koppaleva 1998 — Yu. E. Koppaleva. Finskie govory Ingermanlandii [Finnish subdialects in Ingria]. *Finny v Rossii: Istorija, kultura, sudby* [Finns in Russia: History, culture, fate]. Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk University, 1998. P. 88–94.
- Koppaleva 2007 — Yu. E. Koppaleva. *Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funkcionirovanie)* [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)].

- Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2007.
- Kuznetsova et al. 2015 — N. Kuznetsova, E. Markus, M. Muslimov. Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background. H. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union*. (Multilingual Education. Vol. 13: Comparative studies on equality and diversity.) Berlin: Springer, 2015. P. 127–167. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3_6.
- Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian. J. Casalicchio, F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 171–198. DOI: 10.1093/oso/9780198815853.003.0007.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. The borrowability of grammatical categories. Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74. DOI: 10.1515/9783110199192.31.
- McShane 2009 — McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. Iss. 1 (Special Issue on Partial Pro-Drop). P. 98–132. DOI: 10.1111/j.1467-9582.2008.01155.x.
- Muslimov 2009 — M. Z. Muslimov. K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii [On the classification of Finnish dialects of Ingria]. S. A. Myznikov (ed.). *Vo-prosy uralistiki 2009. Nauchnyy almanakh* [Topics in Uralistics 2009. Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Mustonen 1931 — J. Mustonen. *Inkerin suomalaiset saurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931.
- Ollikainen 2003 — V. M. Ollikainen (comp.). *Slovar severno-ingermanlandskikh gov-oro-rov finskogo yazyka (govory vuole i koltushskiy)* [Dictionary of North Ingrian Finnish varieties (Vuole and Koltushi varieties)]. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; Institute of Language and Literature of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Press, 2003.
- Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the theory of pro. *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 501–557.
- Seo 2001 — S. Seo. *The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments*. PhD thesis. Bloomington: Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511812729.
- Vainikka, Levy 1999 — A. Vainikka, Y. Levy. Empty subjects in Finnish and Hebrew. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. Vol. 17. P. 613–671.

- Virtaranta 1953 — P. Virtaranta. Näytteitä Inkerin murteista. *Virttäjä*. 1953. Vol. 57. Iss. 3. P. 384–405
- Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus. S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 119–133. DOI: 10.1163/9789042028012_009.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 20.05.2024

Языковой сдвиг и грамматика: падежи в удэгейском языке

Е. В. Перехвальская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
elenap96@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3976-8661

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ употребления падежей в двух диахронических разновидностях удэгейского языка: в традиционном удэгейском, не испытавшем влияния доминирующего русского языка, и в современном удэгейском, прошедшем все этапы языкового сдвига: от аттриции до почти полной утраты языка.

Рассматриваются функции падежей в традиционном варианте удэгейского. Особое внимание уделяется разграничению значений падежей, близких по значению. Анализируется употребление падежей в современных вариантах удэгейского языка. Показано, что употребление падежей в современном удэгейском во многом копирует употребление падежей в русском языке.

Ключевые слова: удэгейский язык; падежная система; функции падежей; языковой сдвиг; калькирование.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Language shift and grammar: Cases in Udihe

Elena V. Perekhvalskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); elenap96@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3976-8661

Abstract. The article presents a comparative analysis of case use in two diachronic varieties of the Udihe language: in the traditional Udihe before it had experienced significant influence of the dominant Russian language, and in modern Udihe

which has gone through all stages of language shift from attrition to an almost complete loss of the language.

The first section considers in detail the functions of cases in the traditional Udihe. An attempt is made to identify the invariant meaning for most of the cases, and an overview of the types of original case meaning expansion is provided. Particular attention is paid to the distinction between the three Udihe cases that express closely related spatial meanings (the Directive, Locative and Dative cases).

In the second section, the use of cases in modern Udihe variants is considered. Written texts, including translations from Russian, are analysed. It is shown that in modern Udihe the traditional Udihe cases have been brought into line with Russian cases or, in separate instances, with a specific function of a particular case. The result is that the use of cases in modern Udihe largely copies the use of cases in Russian.

The analysis was conducted on the basis of a representative Udihe corpus of over 53 000 words. The bulk of the corpus were texts recorded in the 1920s–1960s that provided a snapshot of the traditional Udihe.

The article addresses the functions of grammatical cases in Udihe and identifies what specific cases are most frequently found with certain verbs. At the next stage, the study compares the use of cases in the traditional vs. modern Udihe, taking into account that the latter has experienced strong Russian influence. It is shown that the modern Udihe differs significantly from its old version as documented in the 1920s–1960s, with the differences pervading all linguistic levels from grammar to lexical semantics.

Keywords: Udihe; Language contact; case system; functions of cases; language shift.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

Грамматический падеж — это сложная грамматическая категория, которая сочетает в себе синтаксическую функцию и /или указание на семантическую роль слова в предложении. Современная лингвистика отказалась от некогда существовавшего деления падежей на функциональные и пространственные или синтаксические и семантические, поскольку большинство падежей многих языков

объединяют эти функции [Butt 2008]. Однако традиционные названия падежей (например, дательный, местный и т. д.) навязывают исследователю некоторые предвзятые представления о функциях конкретного падежа, что часто помогает получить общее представление о функциях падежной формы, но иногда может вводить в заблуждение.

В последнее время в русле лингвистической типологии были выявлены кластеры значений, типичных для определенных падежей, а также типичные тенденции расширения значения падежей, см. [Heine 2008: 466–467]. Как будет показано далее, удэгейский язык не всегда следует этим типичным тенденциям. Стоит также упомянуть, что в тунгусо-маньчжурских языках, включая и удэгейский, имеются падежи, необычные по поведению и функциям [Malchukov 2008].

1.1. Методология и источники

В статье проанализировано использование падежей в аннотированном корпусе удэгейских текстов. Корпус содержит около 53 000 слов. Основная часть корпуса — тексты, записанные в 1920–1960-е годы и отражающие традиционный вариант удэгейского. Это:

- тексты на самаргинском диалекте (26 500 слов), записанные в 1936 году Е. Н. Баскаковой [Baskakova];
- сборники текстов на анюйском [Anuj] и хорском [Shneider] диалектах — 6700 слов, опубликованные Е. Р. Шнейдером;
- учебник удэгейского языка Minti oꞗofi [MO], подготовленный в начале 1930-х гг. при участии студентов-удэгейцев — 3500 слов;
- тексты, собранные в 1960-х годах в разных территориальных группах И. В. Кормушиным [Kormushin] — 10100 слов;
- тексты, опубликованные М. Д. Симоновым, В. Т. Кялундзюгой и М. М. Хасановой [Folklor], — 1200 слов;

— полевые материалы автора, собранные в 1982–2002 гг. в пос. Красный Яр [КҮ].

Меньшая часть корпуса содержит современные тексты: 1800 слов взяты из художественных текстов: из автобиографической повести А. А. Канчуга [Kanchuga], а также из переводов с русского языка на удэгейский, выполненных А. А. Канчуга [Канчуга.МП] и Н. И. Андреевой [Андреева].

Все тексты были отгlossированы в формате Toolbox, тексты Ба-скаковой также переведены на русский язык.

Были изучены функции падежей удэгейского языка, а также выяснено, с какими глаголами чаще всего сочетаются конкретные падежные формы. Следующим этапом исследования было сравнение использования падежей в «традиционном» удэгейском и в современных вариантах этого языка, который подвергся значительному влиянию со стороны русского.

1.2. Название, генетическая принадлежность, распространение

Официальное название — удэгейский язык. До 1920-х гг. удэгейцы не имели общего самоназвания, использовались родовые имена, происходящие обычно от названия реки, где жил тот или иной род. До 1920-х гг. в официальных документах удэгейцы и орочи именовались орочонами. Этимология этого этнонима является спорной. Ранее предполагалось, что он восходит к общетунгусскому *oron ‘домашний олень’, хотя ни удэгейцы, ни орочи не были оленеводами. А. М. Певнов и ряд других исследователей не поддерживают данную этимологию. С. М. Широкогоров [Shirokogoroff 1944: 210] предлагал возводить этноним *oročēn* (в русской адаптации орочон) к слову *oron* ‘место’ (представлено в маньчжурском и солонском): таким образом, данный этноним означает ‘житель данной местности’; эта этимология поддержана в [Певнов 2020].

Этноним *udihe*, возможно, восходит к старому маньчжурскому термину *weji aiman* ‘лесной народ’, который относился не только

к предкам удэгейцев, но, по-видимому, ко всему коренному населению, проживавшему в пограничной зоне севернее Кореи и Маньчжурии. Элемент *udi-* в *udi-hə*, возможно, является когнатом маньчжурского *weji* ‘лес’ [Perekhval'skaya, Janhunen 2024: 326]¹.

Удэгейский относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье. Традиционно его помещали в южную подгруппу тунгусской ветви вместе с ороцким, нанайским, ульчским и орокским (см., например, [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). Однако некоторые лингвистические особенности сближают удэгейский (и ороцкий) с северной подгруппой, в первую очередь с негидальским языком. По мнению И. В. Кормушина [Кормушин 1998: 12], удэгейский — это северный тунгусский язык, на который значительное влияние оказали языки южной группы, особенно нанайский и ульчский. Такого же мнения придерживается и Ю. Янхунен [Janhunen 2012].

Удэгейский язык распространен в Хабаровском и Приморском краях Дальнего Востока России. Диалекты удэгейского языка выделяются, в первую очередь, на географических основаниях — каждой территориальной группе приписывался свой диалект. Исторически выделялись: кур-урмийский, самаргинский, анойский, хунгарийский, хорский, бикинский, иманский, приморский диалекты. Диалектные различия касаются в первую очередь фонетики (состав гласных) и лексики, в меньшей степени морфологии.

В 1930-е годы полукочевые группы удэгейцев стали оседлыми, их разместили в специально построенных постоянных поселениях. В советское время у удэгейцев не было своего национального района, поэтому по существовавшим в то время правилам языковой политики они не имели права на часы радиовещания или на страницу в местной газете. В настоящее время крупнейшими местами компактного проживания удэгейцев являются следующие поселки: Агзу (Тернейский р-н Приморского края), где удэгейцы составляют около 80 % населения, Гвасюги (р-н им. Лазо, Хабаровский край) — 65 % населения и Красный Яр (Пожарский р-н, Приморский край) — 55 % населения поселка.

---

¹ Более подробно об истории данной этимологии см. в [Певнов 2022], где предлагается также альтернативная этимология.

1.3. Социолингвистическая ситуация, языковой сдвиг

Удэгейцы — одна из самых малочисленных этнических групп России. Согласно последним переписям населения (1989, 2002 и 2010 годы), численность удэгейцев постоянно сокращалась с 1902 человек в 1989 году до 1496 человек в 2010 году. Они составляют незначительную часть населения не только в Российской Федерации в целом, но и в местах их традиционного проживания. В удэгейских поселках русский язык полностью доминирует во всех сферах общественной жизни; в смешанных семьях языком общения всегда является русский. Единственная сфера употребления, которая по-прежнему обслуживается преимущественно удэгейским языком — это шаманские обряды (удэгейцы не были обращены в православие).

Сокращение численности удэгейцев сопровождается еще более резким упадком использования удэгейского языка: по данным переписи 1989 года, по-удэгейски говорили 462 человека, в 2002 году — 227 человек, а в 2010 году — всего 103 человека. Однако и эти цифры представляются значительно завышенными.

1.4. Лингвистическая информация

Фонетика и фонология. Удэгейский язык занимает особое положение в тунгусо-маньчжурской семье во многом благодаря особенностям фонетики и фонологии [Зиндер 1948; Радченко 1988; Симонов 1988; Nikolaeva 2000; Перехвальская 2010]. В хорском и анюйском диалектах (северных) различаются четыре ряда гласных фонем: краткие, длинные, ларингализованные (смычные) и фарингализованные² (придыхательные); бикинский и иманский (юж-

---

² В данной статье длинные гласные обозначаются удвоением буквы, фарингализованные гласные — последовательностью AhA; ларингализованные — последовательностью 'A.

ные диалекты) различают три ряда гласных фонем: краткие, длинные и ларингализованные (подробнее см. [Perekhval'skaya 2022]).

Морфология. Удэгейский язык характеризуется агглютинацией в сочетании с элементами фузии в парадигмах глаголов. Корень, как именной, так и глагольный, всегда занимает крайнее левое положение в слове; за ним следуют деривационные и словоизменительные суффиксы, которые образуют цепочку, способную насчитывать до пяти или шести суффиксов (в случае глагольных форм).

Система глагола включает финитные и нефинитные формы. Глагол обладает грамматическими категориями времени, вида, наклонения, залога, полярности, лица и числа. Нефинитные глагольные формы (причастия, конвербы и номинализованные формы) выражают различные типы зависимых предикатов; причастия часто используются в качестве матричных предикатов. Помимо синтетических форм глагольная система содержит аналитические конструкции со вспомогательными глаголами. Глагольное отрицание представляет собой аналитическую конструкцию с отрицательным глаголом *ə-*, который присоединяет словоизменительные суффиксы.

Система личных местоимений различает инклюзивные и эксклюзивные формы множественного числа первого лица.

Существительные изменяются по падежам. Выражение числа является необязательным. Суффиксы множественного числа *-ziga* и *gətu* сочетаются в основном с существительными, обозначающими людей (реже животных). Глаголы, как правило, используют формы 3 л. мн. ч. только в сочетании с существительными, обозначающими людей или животных. В сочетании с существительными, обозначающими предметы, растения, явления природы и т. д., выступают формы единственного числа. Множественное число не используется при наличии кванторов.

Синтаксис. Основной порядок слов S O V. В сложных предложениях предикат зависимого предложения выражается нефинитными глагольными формами. Независимые клаузы объединяются при помощи энклитических частиц. Притяжательные конструкции характеризуются вершинным маркированием.

Основной словарь удэгейского языка представлен исконной лексикой тунгусо-маньчжурского происхождения. Она отражает традиционную полукочевую жизнь удэгейцев, их основные занятия (охота и рыболовство), ремесла, верования. Имеется заметное количество заимствований из маньчжурского, монгольского, китайского и русского языков.

2. Система падежей удэгейского языка

2.1. Типы парадигм

Система падежей в удэгейском языке включает в себя 9 падежей; существует три типа парадигм: обычная, лично-притяжательная и возвратно-притяжательная. В личных притяжательных парадигмах существительные присоединяют личные притяжательные аффиксы; возвратно-притяжательные падежные формы присоединяют возвратные суффиксы: ед. ч. *-i*, *-mi* (назначительный падеж); мн. ч. *fəi* (*-fi*).

Таблица 1. Система падежей удэгейского языка

Table 1. The Udihe case system

Падеж	Обычная парадигма	Лично-притяжательная парадигма	Возвратно-притяжательная парадигма
Именительный	<i>tada</i> 'стрела'	<i>tada-ni</i> 'его стрела'	
Винительный	<i>tada-wa</i>	<i>tada-wa-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-i</i>
Дательный	<i>tada-du</i>	<i>tada-di-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-di-i</i>
Инструментальный (Творительный)	<i>tada-zi</i>	<i>tada-zi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-zi-i</i>
Местный	<i>tada-la</i>	<i>tada-la-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-la-i</i>
Отложительный	<i>tada-digi</i>	<i>tada-digi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-digi-i</i>

Падеж	Обычная парадигма	Лично-притяжательная парадигма	Возвратно-притяжательная парадигма
Направительный	<i>tada-tigi</i>	<i>tada-tigi-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-tigi-i</i>
Продольный	<i>tada-li</i>	<i>tada-li-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-li-i</i>
Назначительный		<i>tada-na-ni</i>	(<i>mənə</i>) <i>tada-na-mi</i>

2.2. Функциональные и пространственные падежи

В удэгейском, как и в большинстве языков мира, грамматические падежи сочетают в себе различные функции, в том числе синтаксическую и семантическую, см. *Таблицу 2*.

Таблица 2. Функции падежей удэгейского языка

Table 2. The functions of Udihe cases

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения ³	Другие семантические функции
Именительный	—	подлежащее; именная часть сказуемого; именная часть послеложной конструкции		

³ Подробнее о значении пространственных падежей в удэгейском языке см. в [Perekhval'skaya 2022a].

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения	Другие семантические функции
Винительный	<i>-wA</i> ⁴ <i>-mA</i>	прямое дополнение	место, где осуществляется направленное действие	с глаголами речи — передаваемая информация; бенефициант в конструкциях вспомоществования
Дательный	<i>-du (-di)</i>	агент в пассивных конструкциях; каузируемый при каузативных глаголах, производных от переходных	состояние покоя; точка во времени	реципиент; получатель в ситуации передачи; обладатель в конструкции владения; обстоятельство причины
Инструментальный (творительный)	<i>-zi</i>	участник совместного действия		орудие; материал; средство передвижения; обстоятельство
Местный	<i>-lA</i> <i>dulA</i> <i>(-dilA)</i>		локализация, движение до ориентира; точка во времени	источник информации, источник стимула при глаголе восприятия, с глаголами арифметических действий; причина.

⁴ Заглавная буква в суффиксах указывает на все сингармонические варианты данного суффикса: *-wA* → *-wa*, *-wə*, *-wo*.

Падеж	Суффикс	Синтаксическая функция	Пространственное и темпоральное значения	Другие семантические функции
Отложительный	-digi	стандарт сравнения в сравнительных конструкциях	движение от ориентира; начальная точка во времени	
Направительный	-tigi	адресат при глаголах речи и глаголах эмоциональной активности	направление, движения в сторону ориентира; конечная точка во времени	целое состояние при глаголах изменения
Продольный	-li (-duli)		движения вдоль или сквозь что-л.; через период времени	ориентир; инструкция
Назначительный	-nA			предмет, который появляется в результате произведения действия; будущий статус человека

2.3. Функции падежей в «традиционном» удэгейском языке

Именительный падеж

Именительный падеж не маркирован. Он используется как назывная форма существительного; кодирует субъект при переходных и непереходных глаголах; используется в предикативной функции

(обычно со связкой). В притяжательной и генитивной конструкциях обозначает обладателя или слово-определение:

- (1) *b'ata ŋala-zi-ni*
 мальчик рука-INSTR-2SG
 ‘рукой мальчика’

Именительный падеж используется в послеложных конструкциях (подкласс генитивных конструкций):

- (2) *zugdi doo-ni-ni*
 дом пространство.внутри-DAT-3SG
 ‘внутри дома, в доме’

Именительный падеж выступает также с глаголами *odo-* (*эдэ-*) ‘становиться’:

- (3) *Bua xiə-ni gaja-ni o-o-si*
 природа местность-3SG птица-3SG становиться-PP-PC.SS
bi-mi=lə, cind'a-wa, siŋə-wə diga-mi bagdi-təizə.
 быть-GER=FOC птичка-ACC мышь-ACC есть-GER жить-DEL
 ‘В таежную **птицу** превратившись, будешь жить, питаюсь птичками и мышами’ [Baskakova.V.17.027].

Винительный падеж

Винительный падеж маркирован суффиксами *-wA* (основа на гласный) или *-mA* (основа на *-n*) в простом и лично-притяжательном типе склонения. В возвратно-притяжательном типе склонения винительный падеж совпадает с именительным (см. *Таблицу 1*).

Винительный падеж прототипически кодирует прямой объект (пациенс, цель, стимул и т. д.).

- (4) *Amba miti xaiŋa-wa-fi zawa-ini giəni.*
 Амба 1PL.INCL душа-ACC-1PL.INCL брать-3SG EVID
 ‘Нашу **душу** забирает злой дух’ [Анцј.10.001].

Если прямой объект неспецифичен или не определен, винительный падеж морфологически не маркирован независимо от одушевленности существительного.

- (5) *Ogbüö-Ø waa-ha-si ətə-gi-hə-ni.*
 лось-ACC убить-PP-PC.SS прийти-Rev-Pst-3Sg
 ‘Лося добыв, возвращался’ [Baskakova I. 03.003].

Винительный падеж также употребляется с глаголами речи, указывая на передаваемую информацию:

- (6) *Budə-i-gətu kajə-wə-ni ə-zəjə-i təlujusi.*
 умирать-PPR-COLL слово-ACC-3SG VNEG-FUT-1SG сказать
 ‘Я не предам (досл.: «не скажу») слова умирающих людей’
 [Baskakova IV.18.064].

С глаголом *bələsi-* ‘помогать’ обозначает бенефицианта:

- (7) *Asasa, sitə-i, aziga, minə-wə bələsi-a-hu.*
 спасибо ребенок-1SG девочка 1SG-ACC помогать-PST-2PL
 ‘Спасибо, сынок, дочка, помогли вы мне’ [Kormushin.32.158].

С некоторыми глаголами направленного движения винительный падеж указывает на то, где осуществляется это движение:

- (8) *Uta-digi bu Uni-wə sol’o-gi-go-u.*
 этот-AVL 1PL.EXCL Анюй-ACC плыть.вверх-REV-PRF-1PL.EXCL
 ‘Затем мы поднялись вверх по Анюю’ [Ануй.14.067].

Дательный падеж

Дательный падеж маркируется суффиксом *-du*. Когда за ним следует или ему предшествует *-i*, этот суффикс реализуется как *-di*: *xunazi-di-i* [сестра-ДАТ-REFL] ‘к своей сестре’. В составе некоторых послелогов последовательность *-du-ni* реализуется как *-ni-ni*:

- (9) *dəktugə doo-ni-ni*
 коробка пространство.внутри-ДАТ-3SG
 ‘в коробке (внутри коробки)’

Название этого падежа весьма условно, поскольку он сочетает разнообразные синтаксические и семантические функции. Как семантический падеж дательный выражает роль реципиента при дитранзитивных глаголах, таких как ‘давать’, ср. (10), с чем и связано его традиционное наименование. Однако в качестве синтаксического этот падеж кодирует а) агенса в пассивных конструкциях (11); б) каузируемого в каузативных конструкциях с переходными глаголами (12).

- (10) *Min-du omo gaa-wa bu-jə.*
 1SG-DAT один ветка-ACC давать-IMP
 ‘Дай **мне** одну веточку (черемухи)’ [Baskakova.III.04.202].
- (11) *Maŋga bi-mi **Bua-du** imi uu-hi?*
 сильный быть-GER Бог-DAT почему быть.убитым-2SG
 ‘Раз ты сильный (букв. «будучи сильным»), почему Бог тебя убивает (ты убиваем **Богом**)?’ [Kormushin.15.031].
- (12) *Uti nada **lusa-ziga-du** sugala-wa təti-wəŋ-ki-ni.*
 этот семь русский-PL-DAT лыжи-ACC надеть-CAUS-PST-3SG
 ‘Она заставила семерых **русских** надеть лыжи’ [Anui.06.017].

В пространственной функции дательный падеж обозначает место, где реализуется состояние или действие, привязанное к определенному месту:

- (13) *Xula doo-ni-ni zominzi diga-si-ə-ni cu'ai-wə.*
 одеяло внутри-DAT-3SG тайком есть-DUR-PST-3SG черемуха-ACC
 ‘Они тайком ели черемуху **под одеялом**’ [Baskakova.III.04.198].

Темпоральное использование дательного падежа является расширением его пространственного значения: *ge'wan-du* «на рассвете»; *waikta-du* ‘со звездами (ночью)’. Примеры (14)–(15) демонстрируют кодирование дательным падежом других типов дополнений: обстоятельства (14), причины (15).

- (14) *Doktori-du oktosi-go-i.*
 доктор-DAT лечить-PRF-1SG
 ‘Я лечился **у врача**’ [Anuj.14.010].

- (15) *Si M maŋga bi-mi, suu-du imi calugo-hi?*
 2SG сильный быть-GER солнце-DAT почему таять-2SG
 ‘Если ты сильный, почему таяшь **на солнце**’ [Kormushin.15.008].

Дательный падеж в сочетании с глаголом *bi* ‘быть’ обозначает определенный тип владения (16):

- (16) *Mama-du ‘o-i bie.*
 бабушка-DAT домашняя.птица-SS быть.PR
 ‘У бабушки есть домашняя птица’ [Baskakova.I.02.040].

Причастия в дательном падеже выражают зависимую предикацию со значением обстоятельства:

- (17) *‘Ai-wa tənə b’a-han-di-fəi umi-məi*
 водка-ACC впервые найти-PST-DAT-SS.PL пить-GER.PL
sokto-ho-ti.
 опьянеть-PST-3PL
 ‘Так как они **пробовали** водку в первый раз, то пили и опьянели’ [Anuj.05.0540].

Непросто решить, какие значения дательного падежа в удэгейском языке следует считать исходными. Удэгейский дательный падеж можно рассматривать как синтаксический падеж наряду с именительным и винительным. С другой стороны, используемый термин «дательный падеж» указывает на семантическую функцию этого падежа как на главную. При этом он является и пространственным падежом, а пространственные значения с точки зрения теории обычно рассматриваются как первичные [Heine 2008; Kulikov 2008]. Делались попытки объяснять особый статус дательного падежа, который является частично «структурным», а частично «семантическим», тем, что его базовым значением является значение ‘sentient affected entity’ ‘затронутый разумный участник» [Næss 2008, 576].

Я выделяю два первичных значения данного падежа: 1) третий участник ситуации; 2) точка в пространстве. Каждое из значений демонстрирует следующие семантические расширения:

- 1) Третий участник: бенефициант, реципиент → каузируемый в каузативной конструкции.
- 2) Точка в пространстве → точка во времени;
→ обстоятельство → причина → агенс в пассиве;
→ обладатель.

Местный падеж

Местный падеж маркируется суффиксом *-lA* для основ на гласный или суффиксом *-dulA / -dilA* (для основ на *-n*). Это прежде всего пространственный падеж. «Наиболее обычной функцией этого падежа является выражение пространственного местоположения (местоположение *в/на/в/чем-то* и движение *во что-то*, в отличие от направительного падежа, который выражает скорее направление к объекту)» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 714]. По мнению Кормушина, «Местный падеж кодирует местоположение, место прибытия и место действия» [Кормушин 1998, 87]. В действительности многие употребления этого падежа выходят за рамки представленных определений. Местный падеж кодирует не просто местоположение, а достигнутую цель движения, которая может быть расположена по-разному: на чем-л. (18); снаружи чего-л. (19); может быть частью чего-л. (20), располагаться внутри чего-л. (21) (подробнее о соотношении местного, дательного и направительного падежей см. в [Perekhval'skaya 2022a]).

- (18) *Mənə aka-la-i sindagi-a-ni b'ata-wa əmugə*
сам спина-LOC-SS взвалить-PST-3SG мальчик-ACC колыбель
giə=də.
СОМП=ФОС

‘Она взвалила колыбель с ребенком **на спину**’ [KY 1991.2].

- (19) *Ni-tigi goala-ŋi-miə=də uli-lə taŋd'a*
человек-DIR поворачивать-REV-GER=ФОС река-LOC тащить.PRF
bələntə.
девочка

‘Превратившись в человека, он вытащил девочку **из реки**’ [KY.1991.5].

- (20) *Ñutə-lə iktəmə-hə-ni.*
смола-LOC кусать-PST-3SG
'(Он) откусил немного **от смолы**' [Baskakova.V.02.005].
- (21) *Bəliə diəli-kca-mi kuga-la lafa-a-ni.*
девушка лететь-PRO-GER дымоход-LOC застрять-PST-3SG
'Девушка, пытаясь улететь, застряла **в дымоходе**'
[Baskakova.I.03.080].

Таким образом, местный падеж в отличие от направительного (см. ниже) указывает на обязательное соприкосновение (контакт) с опорной точкой. Ср. еще примеры:

- (22) *Si əji matti-zi min-dulə sukia-jə.*
2SG эта веревка-INS 1SG-LOC связывать-IMP
'Привяжите эту веревку **ко мне** (букв. «привяжите этой веревкой ко мне»)» [Baskakova.I.03.145].
- (23) *Ləətigə-wə dili-lə-ni zawa-'a=də juktasi-li-ə-ti.*
Летиге-ACC голова-LOC-3SG взять-PRF=FOC тащить-INC-PST-3PL
'Они стали таскать Летиге **за голову (волосы)**'
[Baskakova.I.03.070].

Непространственные использования местного падежа являются расширением его пространственного значения. Словоформа *əxin-dilə-i* может быть переведена как 'к своей сестре / у своей сестры' и т. д. Перед нами случай метонимии ОБЪЕКТ = ПРОСТРАНСТВО, СВЯЗАННОЕ С ОБЪЕКТОМ; глагол *ηəni-ə-ni* 'вернулся' конкретизирует значение: 'туда, где была / жила его сестра'.

- (24) *Əxin-dilə-i ηəni-ə-ni.*
сестра-LOC-SS.SG идти-PST-3SG
'Он вернулся **к своей старшей сестре**' [Baskakova.III.04.118].

Расширением пространственного значения местного падежа является также обозначение стимула при глаголах восприятия (25), средства восприятия (26), а также потерпевшего при глаголе *zooti-* 'украсть (у кого-л.)':

- (25) *Baa-la* *jahi bagdi-ga.*
 пространство.снаружи-LOC шум найти-PRF
 ‘Снаружи слышался шум’ [Baskakova.III.05.165].
- (26) *Bua buini=bədə bi-hi-wə jaa-la saa-za-hi.*
 природа зверь=like быть-PRP-ACC глаз-LOC знать-OPT-2SG
 ‘Ты (своими) глазами увидишь, что он подобен дикому зверю’
 [KY.1998.11].

Направительный (лативный) падеж

Направительный падеж маркируется суффиксом *-tigi* и указывает на ориентир, в направлении которого осуществляется действие. «Грамматика удэгейского языка» дает следующее определение: «Прототипическая функция лативного падежа состоит в том, чтобы выразить направление (...) Его расширенная функция в качестве дополнения заключается в выражении конечной точки во времени и, на еще более абстрактном уровне, цели. Латив также обозначает адресата некоторых глаголов передачи информации» [Nikolaeva, Tolskaya 2002: 124]. Это описание соответствует определению, данному Кормушиным: «Направительный падеж кодирует точку, к которой направлено движение, а также адресата речи» [Кормушин 1998: 87].

Приведенные определения не проясняют проблему разграничения функций между сферами употребления местного и направительного падежей. Главной отличительной особенностью является наличие или отсутствие контакта с ориентиром / целью действия.

Направительный падеж используется для указания направления, в котором осуществляется движение; он появляется с такими глаголами как, например, *xətigə-* ‘прыгать’, *tukti-* ‘карабкаться’. Обстоятельства в направительном падеже сочетаются с глаголами деятельности, выполняемой в определенном направлении: это переходные глаголы, например, глагол *wəndə-* ‘бросать’, который употребляется преимущественно с направительным падежом. Основное различие между использованием местного и направительного падежей зависит от того, достигнута ли цель. Рассмотрим примеры (27) и (28):

- (27) *Sama zugdi-tigi ə-hi-ni ɲənə.*
 шаман дом-DIR VNEG-PR-3SG идти

‘Шаман не идет **в дом**’ [Anuj.09.061].

- (28) *Ot'osi=tənə zaŋgä zugdi-lə-ni iigi-hə-ti.*
 затем=и начальник дом-LOC-3SG войти-PST-3PL

‘И тогда они вошли **в дом** начальника’ [Anuj.05.083].

В (27) используется форма направительного падежа *zugditigi* ‘в дом, в направлении дома’, поскольку цель не достигнута; в (28) цель движения достигнута, и используется местный падеж.

Направительный падеж имеет важную непространственную функцию, указывая на адресата с глаголами речи, что составляет около $\frac{1}{5}$ всех случаев употребления этого падежа.

Основные непространственные значения направительного падежа являются расширениями его пространственной функции. Это адресат речи (29), адресат эмоциональной активности (30) и направление восприятия (31).

- (29) *Ñazakta-i bi-isi=də, ñazakta-tigi*
 младший.брат-2SG быть-PC.DS=FOC младший.брат-DIR
gələ-musə-i.
 просить-CONJ-1SG

‘Если бы у тебя был младший брат, я бы попросил **младшего брата** (о тебе)’ [Baskakova.III.05.004].

- (30) *Xuñazi-ni tagda-ha-ni mafa-tigi-ni.*
 сестра-3SG сердиться-PST-3SG муж-DIR-3SG

‘Ее сестра рассердилась **на ее мужа** (не на своего)’

[Baskakova.II.09.029].

- (31) *Xatala bogoli-hə-ni, dəgdi-tigi-ni isəsi-hə-i.*
 девушка испугаться-PST-3SG лицо-DIR-3SG смотреть-PST-PP

‘Девушка, посмотрев **ему в лицо**, испугалась’

[Baskakova.V.08.012].

Направительный падеж также используется с глаголами *gualan-* ‘превращаться во что-л.’; *mafala-* ‘выходить замуж за кого-л.’.

Продольный падеж

Продольный падеж выражается суффиксом *-li* (для основ на гласный) или суффиксом *-duli* (*-dili*) (для основ на *-n*). Этот падеж также является, в первую очередь, пространственным и в этом качестве указывает на место, через, сквозь, вдоль или поперек которого осуществляется движение:

- (32) *Xoŋto xokto-li ŋəni-i-ni.*
 другой дорога-PROL возвращаться-PRP-3SG
 ‘Он возвращается другой **дорогой**’ [Anuj.09.066].

- (33) *Kukci ada-li-ni wəli-hə-ti.*
 Кукчи перевал-PROL-3SG перевалить-PST-3PL
 ‘**Через перевал** Кукчи перевалили’ [Baskakova.IV.08.021].

Непространственные употребления продольного падежа являются расширением его первоначальной функции. Продольный падеж указывает место, через или сквозь которое осуществляется действие, не являющееся движением:

- (34) *A-wa je-li zepte-uji? Aŋma-li-i diga-taiza.*
 это-ACC что-PROL есть-PRP.PASS рот-PROL-SS есть-DEL
 ‘**Чем** это едят? **Ртом** (своим) ешь, конечно.’ [Anuj.20.115-116].

- (35) *Uz'a 'ai-ni saŋa-li siinda-ha-ni.*
 Уза старший.брат-3SG дыра-PROL подсматривать-PST-3SG
 ‘А старший брат Узы **в дырочку** подсматривал’
 [Baskakova.I.01.048].

Продольный падеж указывает также на ориентир, в соответствии с которым осуществляется действие: по следам, в направлении звука или света:

- (36) *Mafa xokto-li-ni nəni-hə-ti.*
 медведь след-PROL-3SG идти-PST-3PL
 ‘Они пошли **по** медвежьим **следам**’ [Kormushin.20.048].

- (36) *Kəku kəkui-li-ni ɲəni-hə-ni.*
 кукушка кукование-PROL-3SG идти-PST-3PL
 ‘На голос кукушки шел’ [Baskakova.IV.13.054].

Отложительный падеж

Отложительный падеж выражается суффиксом *-digi* для существительных всех классов. Его основная функция — это обозначение начальной точки движения:

- (37) *Bila-digi ɲən-’ə-i.*
 Бира-AVL пойти-PRF-1SG
 ‘Я отправился из **Бирь**’ [Ануж.13.001].
- (38) *Aiɲ’ai-digi aima diəli-hə-ni.*
 ельник-AVL рябчик лететь-PST-3SG
 ‘Из **еловой чащи** вылетел рябчик’ [Baskakova.V.05.021].
- (39) *Tokö-digi imaha ə-hi-ni imana, tigdə tigdəj-ni.*
 облако-AVL снег VNEG-PRP-3SG идти.снег дождь дождить-3SG
 ‘Из **облака** идет дождь, а не снег’ [МО.082].

Отложительный падеж может передавать временное значение: ср. наречия *odigi caixi* ‘отныне, с этих пор’ (букв. «отсюда дальше»), *utadigi* ‘потом’ (букв. «от этого»).

Расширением пространственного значения является обозначение источника получения чего-либо (41), происхождения из чего-либо, от кого-либо (41):

- (40) *Abuga-digi okto-wo gazu-gi-jə.*
 отец-AVL лекарство-ACC нести-REF-IMP
 ‘Принеси лекарство **от отца**’ [Baskakova.V.05.041].
- (41) *Mafa-digi səkə-hə-ti bisə.*
 Медведь-AVL вести.род-PST-3PL быть.PRF
 ‘Они ведут род **от медведя**’ [Ануж.02.004].

Отложительный падеж используется в сравнительных конструкциях: он указывает на объект сравнения:

- (42) *Od'o loho-ni bi loho-digi-i nic'a.*
 дед кинжал-3SG 1SG кинжал-ABL-1SG маленький
 'Шашка (кинжал) деда меньше **моей шашки**' [Baskakova. III.08.018].

Творительный падеж

Творительный (орудийный) падеж образуется путем прибавления суффикса *zi* для всех типов склонения. Это, главным образом, семантический падеж, кодирующий орудие совершения действия, средство передвижения, материал. Это довольно типичный кластер значений орудийного падежа. Х. Наррог предлагает считать инвариантом значения орудийного падежа значение «means» ('средство') [Narrog 2008].

В удэгейском языке представлены следующие значения творительного падежа: орудие совершения действия (43); часть тела, которой совершается действие (44); материал, из которого сделан предмет (45); средство передвижения (46):

- (43) *Mafa s'äü-zi-ni uytudə-ə-ni.*
 медведь лопатка-INST-3SG стучать.в.бубен-PST-3SG
 'Она стучала в бубен медвежьей **лопаткой**' [Kormushin.19.054].
- (44) *Moо pahi-wa-ni ŋala-zi zawa-ha-ni.*
 дерево кусок-ACC-3Sg рука-INSTR брать-PST-3SG
 'Он взял **рукой** кусок дерева' [Anuj.20.034].
- (45) *Bui gäāmaha-zi-ni tada-wa o-li-ho-ti.*
 зверь кость-INSTR-3SG стрела-ACC делать-INC-PST-3PL
 'Стали делать стрелы **из костей** животных' [Anuj.02.012].
- (46) *Bu gaha-zi xuli-u.*
 1PL.EXCL утка-INSTR ездить-1PL.EXCL
 'Мы **на утке** ездим' [Anuj.20.293].

Творительный падеж употребляется также в конструкциях совместного и взаимного действия. В таких конструкциях существительное в творительном падеже часто (но не всегда) выступает с наречием *gəjə* ‘вместе’:

- (47) *Utadigi zəŋgü-zi gəjə əjəŋ-kə-u.*
 затем начальник-INSTR вместе спускаться-PRF-1PL.EXCL
 ‘Затем вместе с начальником спустились вниз (по реке)’
 [Анцј.14.049].

Творительный падеж может выражать значения сопутствующих обстоятельств или образа действия (48):

- (48) *Kuliga-zi siŋə-zi əmdə-ni cul ŋənə-hə-ni.*
 змея-INSTR мышь-INSTR нора-3SG прямо.в идти-PST-3SG
 ‘Змеей, мышью прямо в нору нырнула’
 [Baskakova.III.06.071].

Присоединяясь к причастию прошедшего времени, творительный падеж оформляет зависимую предикацию, указывающую на способ совершения или цель действия:

- (49) *Minə-wə too-zi dagan-zi waa-laga-mi too-wə*
 1SG-ACC огонь-INSTR жечь.PP-INSTR убить-PURP-CV дрова-ACC
moolo-hi-jəu?
 заготовливать.дрова-2SG=Q
 ‘Ты дрова готовишь, чтобы меня убить, на огне сжечь?’
 [Baskakova.IV.18.014].

В примере (49) творительный падеж использован дважды: 1) с существительным *too* ‘огонь’ — *too-zi* ‘огнем, на огне’, где данный падеж маркирует средство действия (‘сжигать на огне’) и 2) с причастием от глагола *daga-* ‘жечь’, где кодируется цель действия (‘заготовливает дрова, чтобы сжечь’).

Некоторые глаголы эмоциональной активности также требуют творительного падежа: *ŋələ-* ‘бояться чего-л.’, *iŋə-* ‘смеяться над чем-либо’, *susa-* ‘спасаться от чего-л.’, *zoo-* ‘испытывать недостаток в чем-л.’:

- (50) *Od'o, sin-zi ηələ-mi ə-si-mi ii.*
 дед 2SG-INSTR бояться-GER VNEG-PST-1SG войти
 ‘Дедушка, я **тебя** боялась, вот и не зашла’ [Kormushin.30.245].

Назначительный падеж

Назначительный падеж образуется путем присоединения суффикса *-nA* и требует наличия притяжательного суффикса, личного или возвратного. Назначительный падеж маркирует предмет, который появляется в результате произведенного действия, при этом притяжательный суффикс указывает на будущего владельца предмета. Возвратный суффикс указывает на то, что производящий действие сам будет владельцем (51); личный притяжательный суффикс указывает на иное лицо (52):

- (51) *Bi sina-na-mi o-mi.*
 1SG котомка-DEST-SS делать-1SG
 ‘Я делаю себе **котомку**’ [MO.004].
- (52) *Vəfulə-du, sol'o-du ʒogʒo-no-ti cətəcət*
 королек-DAT поползень-DAT клюв-DEST-3PL острый
o-o-ni.
 делать-PST-3SG
 ‘Корольку и поползню, он сделал (им) острые **клювы**’
 [Folklor.03.006].

Если речь идет о человеке, назначительный падеж указывает на новую роль данного человека, а притяжательный суффикс — на то лицо или группу лиц, которые будут связаны с данным человеком в его новой роли, ср.:

- (53) *Od'o tata=da sitə-nə-ti bi-ʒəjə-hi.*
 старик старушка=и ребенок-DEST-3PL быть-FUT-2SG
 ‘Ты старику и старушке **ребенком** будешь’ [KY 1991].
- (54) *Bi tənə mafa-na-mi galakta-ʒə-mi*
 1SG REFL муж-DEST-SS искать-OPT-1SG
 ‘Я пойду **себе мужа** искать’ [Baskakova.IV.12.004].

Чаще всего назначительный падеж появляется с относительными существительными, обозначающими термины родства (53), (54), части тела (52), личные вещи (51). Если же этот падеж выступает с автосемантическими существительными, перед суффиксом падежа ставится показатель отчуждаемой принадлежности *-ji-*:

- (55) *Məna-məna səd-ni b'äsa-ji-na-fäi zawa-a-ti.*
 RECIP род-3SG река-AL-DEST-SS-REFL.PL брать-PST-3PL

‘Каждый из родов захватил **себе реку** (то, что станет его рекой)’.

3. Языковой сдвиг и падежи

3.1. «Традиционный» и современный удэгейский

На следующем этапе работы сравнивались данные: 1) традиционного удэгейского языка, который не испытал сколько-нибудь значительного влияния со стороны русского языка, и 2) современного удэгейского, в котором проявляются все признаки языкового сдвига. Следует заметить, что в настоящее время носителей традиционного удэгейского языка уже нет. Те, кто сейчас говорит по-удэгейски, принадлежат к самому старшему поколению в возрасте 80 лет и старше. Несмотря на то, что их родным (первым) языком был удэгейский, впоследствии возможность использовать его во взрослой жизни оказалась очень ограниченной. В результате русский язык стал доминирующим, а удэгейский подвергся значительному русскому влиянию, см. [Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001].

Были проанализированы устные рассказы современных носителей удэгейского языка, а также современные письменные источники.

Следует заметить, что во время записи устных рассказов и тем более при подготовке письменных текстов на удэгейском языке информанты, носители языка, старались по возможности избегать русских заимствований. Тем не менее их язык значительно отличается от языка, задокументированного в 1920–1960-е годы. Эти отличия

касаются всех языковых уровней, от грамматики до лексической семантики.

Проиллюстрирую сказанное следующим примером из автобиографической повести А. А. Канчуга «Багдисэ хокто тэлуцуни» ('Рассказ о жизненном пути'), пример (56).

- (56) *Min-du iliṅnti aṅani ṅəṅə-li-ə-ni.*
 1SG-DAT третий год идти-INC-PST-3SG
 'Мне шел третий год' [Канчуга].

Эта фраза является точной калькой русского «Мне шел третий год»; единственное различие состоит в порядке слов. Такая фраза была бы невозможна в традиционном удэгейском по целому ряду причин. В традиционном языке не существовало метафоры ВРЕМЯ = ДВИЖУЩИЙСЯ ПРЕДМЕТ, поэтому период времени не мог «идти». Существительное *aṅani* обозначало 'календарный год', для подсчета лет использовалось другое слово, а именно *səə* 'год (возраста)'. Дательный падеж не употреблялся в такого рода конструкциях.

Еще пример из сказки «Мауга Нэку» ('Храбрая Нэку'), переведенной с русского языка Н. И. Андреевой. Дается описание осени в тайге:

- (57) *Moṅ aṅala-ma zua-ma təgə-wə asukta-gi-i-ni,*
 дерево лучший-ADJ лето-ADJ одежда-ACC снимать-REF-PRP-3SG
aṅa bolo-pti təgə-wə tətī-gi-i-ti.
 хороший осень-ADJ одежда-ACC надевать-REF-PRP-3PL
 'Деревья снимают лучшую летнюю одежду, снова надевают хорошую осеннюю одежду' [Андреева].

Дополнительной сложностью перевода является то, что оригинал (в данном случае — русский) навязывает определенные значения, и перед переводчиком стоит задача создания новых языковых средств для передачи этих значений, которые традиционный удэгейский не передавал. К таким относится, например, красочное описание природы. Приведу оригинал: «Снимают деревья наряд летний,

надевают наряд осенний»⁵. Переводчик, учитель удэгейского языка, создает два неологизма *zua-ma* ‘летний’ и *bolo-pti* ‘осенний’, которые невозможны в традиционном удэгейском. Слова *zua* и *bolo* являются наречиями со значением ‘летом’ и ‘осенью’ и, соответственно, не могут присоединять словообразовательные суффиксы существительных. Для создания несуществующих в традиционном удэгейском прилагательных ‘летний’ и ‘осенний’ использованы отыменные суффиксы *-ma* и *-pti*. Первый имеет два основных значения: указывает на 1) материал, из которого сделан предмет (*səulə-mə təgə* ‘шелковый халат’, *taluga-ma ugda* ‘оморочка из бересты’) или 2) происхождение, природу живого существа (*b’ata-ma sitə* ‘ребенок-мальчик’, *əxi-mə tam’asa* ‘жена-лягушка’). Еще менее подходящим является суффикс *-pti*, в современном языке он непродуктивен и представлен, главным образом, в существительных: *wopti* ‘дверь’, *uṅapti* ‘кольцо’, и т. д. По-видимому, переводчик ориентировался на единственное в своем роде прилагательное *anapti* ‘прежний’, связанное с наречием *anana* ‘раньше, в старые времена’. Кроме того, в разбираемом предложении употреблен глагол в форме 3 л. мн. ч. *tətiḡiiti* ‘снова надевают’, хотя формы множественного числа в традиционном удэгейском могли относиться только к людям, но никак не к деревьям.

3.2. Падежи в современном удэгейском

В данном разделе рассматривается употребление падежей в современных вариантах удэгейского языка. Рассмотрены 1) употребление трех пространственных падежей; 2) изменение управления некоторых удэгейских глаголов.

При контакте языков, обладающих падежными системами, могут реализоваться различные типы языковой интерференции (см. [Jonason 2008]). Удэгейскому языку не свойственны прямые заимствования падежных суффиксов, речь идет о калькировании

---

⁵ Диана Слипецкая. Сказания земли Амурской. Храбрая Нэку. *Дальний Восток*. 2022. № 6. С. 219–229.

конструкций. Падежи удэгейского языка приводятся в соответствие с конкретными русскими падежами (или конкретными функциями какого-то падежа). Следует заметить, что падежные системы удэгейского и русского языков совпадают не полностью, но все же достаточно близки, если учесть, что в русском языке имеется не 6 традиционно выделяемых падежей, а, по крайней мере, 8, с учетом местного и «частичного» (партитив) падежей [Аркадьев 2009]. Эта ситуация значительно упрощает употребление удэгейских падежей по русской модели.

3.3. Пространственные падежи: дательный, местный, направительный

Выше было показано, что в традиционном удэгейском выбор одного из трех пространственных падежей подчиняется определенным правилам. Дательный падеж обозначает состояние покоя, чаще всего он сочетается с глаголом *bi-* ‘быть, жить’ (около 1/3 всех пространственных употреблений). Местный падеж выражает достигнутую цель. Местный падеж не указывает на точную локализацию действия, которая может быть уточнена при помощи пространственных послелогов. Различие между местным и направительным падежами зависит от того, достигнута ли цель. Выбор падежа может зависеть также и от того, воспринимается ли действие как законченное.

В современном удэгейском эти правила нарушаются. Однако использование трех рассматриваемых падежей не становится хаотичным, оно организовано по русскому образцу. Удэгейский дательный сопоставляется с русским дательным без предлога и утрачивает пространственную функцию, обозначая лишь «третьего участника». В современном удэгейском местный падеж соответствует русскому предложному в пространственной функции или русскому местному падежу. Направительный падеж приведен в соответствие с русским винительным падежом с предлогом в его пространственной функции (обозначение направления движения).

Таблица 3. Соответствие трех пространственных падежей удэгейского языка русским падежам в современных вариантах удэгейского

Table 3. Correspondencies between the three spatial cases in modern Udihe varieties and Russian cases

Современный удэгейский	Русская модель	Значение в современном удэгейском языке
Дательный	Дательный без предлога	третий участник ситуации
Местный	Местный Предложный в пространственной функции	место совершения действия
Направительный	Винительный с предлогом в пространственной функции	направление движения

В современном удэгейском направительный падеж указывает на направление движения, независимо от того, достигнута цель или нет, ср. пример (58).

- (58) *Əniḡ mina-wa naa-tigi tinda-ga.*
 мать 1SG-ACC земля-DIR опустить-PRF
 ‘Мать опустила меня **на землю**’ [Канчуга].

В (58) используется дополнение в направительном падеже *naa-tigi* ‘на землю’, хотя цель достигнута. В традиционном узусе здесь был бы употреблен местный падеж. Стоит отметить, что в корпусе удэгейского языка форма *naa-tigi* засвидетельствована только один раз: пример (59).

- (59) *Kindəkində naa-tigi xətigə-hə-ni.*
 кое.как земля-DIR прыгать-PST-3SG
 ‘Он кое-как спрыгнул **на землю** (прыгнул в сторону земли)’
 [Baskakova.III.10.006].

В (59) герой убегает из места заключения, расположенного высоко над землей: ночью он прыгнул «в сторону земли». Таким образом, использование направительного падежа здесь оправдано.

Пример (60) иллюстрирует использование местного падежа для кодирования действия, привязанного к определенному месту, которое в традиционном удэгейском должно передаваться дательным падежом.

- (60) *Doumi-lə əgdi ñaula sugzä-wa aki-si-ti*
 мост-LOC много мальчик рыба-ACC колотить-DUR-3PL
məimə-zi.
 острога-INS

‘На мосту много мальчиков кололи рыбу острогой’ [Канчуга].

В предложении (60) к тому же нарушен порядок слов: инструментальное дополнение *məimə-zi* ‘острогой’ должно занимать позицию перед прямым объектом.

В традиционном удэгейском глагол *ii(gi)-* ‘достигать’ требует местного падежа. В современном удэгейском этот глагол используется с направительным падежом, как в (61).

- (61) *Eta sələmə kuai zuk-tigi ii-ə-ni.*
 этот железный чудовище дом-DIR достигать-PST-3SG

‘Эта Железная Птица в дом вошла’ (КЯ 2011).

Под русским влиянием местный падеж в удэгейском языке стал употребляться с глаголом *bagdi-* ‘быть, жить’ (62), который требовал в традиционном удэгейском употребления дательного падежа.

- (62) *Uti zugdi-lə aziga, xatala bagdi-i-ni.*
 этот дом-LOC девочка девушка жить-PRP-3SG

‘В этом доме девочка, девушка живет’ [КЯ 2011].

Интересно, что в том же тексте (Сказка «Железная птица», рассказана Л. Б. Симанчук) песенная вставка (63) содержит употребление в той же функции дательного падежа (что соответствует прежнему узусу).

- (63) *Kanda mafə ηəi-ηəi* Старик Канда нэй-нэй
Sitaiaη ηəi-ηəi Его сын нэй-нэй
zukdu biηə ηəi-ηəi Дома находится нэй-нэй

Песенные вставки, как и ожидается, содержат более архаичные формы.

3.4. Изменение управления глаголов

В данном разделе рассмотрены случаи, когда традиционный удэгейский и русский языки значительно расходятся в управлении глаголов непространственной семантики. Это, прежде всего, касается глаголов речи и эмоциональной деятельности.

В традиционном удэгейском адресат речи при глаголах говорения *gunə-* ‘сказать’, *di(y)ana-* ‘говорить’, *təluŋusi-* ‘рассказывать’ кодировался направительным падежом; в современном удэгейском он всегда кодируется дательным по русскому образцу, ср. (64)

- (64) *Əmə-gi-ə-si,   təluŋusi-ə-mi   abugə-du.*
 прийти-REV-PP-PC.SS   рассказать-PST-1PL.EXCL   отец-DAT
 ‘Вернувшись, мы рассказали (об этом) отцу’ [Канчуга].

Глагол *xauntasi-* ‘спрашивать’ в традиционном узусе также требовал направительного падежа. В современном употреблении вслед за русским языком («спросить у кого-л.») употребляется местный падеж, ср. пример (65):

- (65) *Uta-wa   bi   xauntasi-ə-mi   abugə-lə   əniŋə-lə=də.*
 этот-ACC   1SG   спрашивать-PST-1SG   отец-LOC   мать-LOC=and
 ‘Я спросил об этом отца и мать’ [Канчуга].

Употребление дательного падежа с глаголами речи, по существу, является лакмусовой бумажкой наличия значительного влияния доминирующего русского языка на удэгейский. Кроме того, (64)–(65) демонстрируют и другие отклонения от грамматических правил традиционного удэгейского: нарушен порядок слов; вместо референтных терминов *ami-* ‘отец’ и *əni-* ‘мать’ используются апеллятивы *abuga* ‘папа’ и *əniŋə* ‘мама’.

Многие глаголы эмоциональной активности имели в традиционном удэгейском управление, не совпадающее с русским. Так, глаголы

ɲələ- ‘бояться чего-л.’, *iñə-* ‘смеяться над чем-либо’, *susa-* ‘спасаться от чего-л.’, *ʒoo-* ‘испытывать недостаток в чем-л.’ требовали дополнения в творительном падеже. В современных вариантах удэгейского языка такие глаголы часто меняют управление, калькируя русскую модель, либо подменяются калькой русской безличной конструкции с дательным субъекта: *mindu ñumzi* ‘мне интересно’, *mindu səuni* ‘мне страшно’, *mindu ug'ai* ‘мне тяжело’.

Для примера приведу отрывок из перевода книги А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» на удэгейский язык (перевел А. А. Канчуга):

- (66) *«Kuti-ʒigə min-du səuni əi biə, bi täsi*
тигр-PL 1SG-DAT страшный NEG быть 1SG полный
ɲələ-i-mi pogdo ədi-wə. Sun-dulə anči širmə?»
бояться-PRP-1SG пронзать ветер-ACC 2PL-LOC нету ширма
«Naa-digi bagdi-u-lə bi-miə, pogdo ədi-ʒi
земля-ABL расти-PASS-LOC быть-GER пронзать ветер-INSTR
ɲələ-ini... kutu səbu... muisi-ndə-ni Dica
бояться-3SG очень удивительный думать-SEM-3SG маленький
*princə. «Onofi ugui xahakterə-ni əi ila-la».*⁶
принц какой тяжелый характер-3SG этот цветок-LOC

«Тигры мне не страшны. Я очень боюсь пронизывающего ветра. У вас нет ширмы?» «Родившись из земли, боится пронизывающего ветра? Удивительно, — подумал Маленький принц. — Какой тяжелый характер у этого цветка». [Канчуга.МП].

В приведенном отрывке глагол *ɲələ-* ‘бояться’ употреблен дважды с одним и тем же дополнением *ədi* ‘ветер’, однако в первом случае это дополнение стоит в винительном падеже (*ədiwə*), а во втором случае — в творительном (*ədiʒi*). В русском языке глагол *бояться* требует

⁶ Перевод сделан через посредство русского языка: «Маленький принц» в переводе Норы Галь. Данный отрывок в русском переводе: «Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?» «Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

родительного падежа, аналогов которому в удэгейском нет. Можно считать, что в первом случае мы все же имеем дело с калькой с русской конструкции, использование же творительного падежа соответствует старому узусу. Заметим, что эти два употребления разделены лишь парой строк. Это показывает, что в современных вариантах удэгейского не выработался устойчивый узус.

Укажу на другие несоответствия традиционному узусу в данном отрывке. *Kuti-zigə* ‘тигры’ — употреблен суффикс множественности, который может относиться только к людям. *Mindu səuni* ‘мне страшно’ — калькируется безличная конструкция с субъектом в дательном падеже. В удэгейском языке дательный падеж не имел такой функции.

Русское слово *сквозняк* А. А. Канчуга переводит как *pogdo ədi*. Глагол *pogdo-* имеет значения ‘прокалывать, пронзать’. Мне представляется, что с грамматической точки зрения было бы лучше использовать причастие *pogdo-i ədi* ‘пронизывающий ветер’; что же касается лексической семантики, то это очевидная калька с русского «пронизывающий ветер» (а не сквозняк).

Sundulə anči širmə? — буквальный перевод «У вас нет ширмы?». В удэгейском не было вопросительных предложений такого типа со словом *anči* ‘нету, не имеется’. Данное предложение, скорее всего, было бы переведено как *Sindu širmə biə?* ‘У тебя есть ширма?’.

Глагольную форму *muisi-ndə-ni* с семельфактивным суффиксом *-ndə* можно приблизительно перевести как «думнул». В традиционном языке значение «подумал» передается формой *muisi-li-ə-ni* с инхоативным суффиксом.

Я ограничилась разбором одного небольшого отрывка из перевода, но подобным образом можно было бы разобрать и любой другой отрывок данного текста. Следует заметить, что язык книг А. А. Канчуга, которые не являются переводами с русского, в целом значительно ближе к традиционному удэгейскому, чем переводы, сделанные им же. Точно так же в тех частях автобиографической повести, где речь идет о семье, о традиционных занятиях удэгейцев, где слово дается старшим, которые рассказывают о событиях прошлого, практически нет русских заимствований и меньше калькирования.

В тех частях, где повествуется об обучении в интернате, о знакомстве с городским миром, заимствования неизбежно появляются и возрастает количество калек русских конструкций.

Таким образом, в употреблении падежей, как и в других областях грамматики, наблюдается тенденция к установлению одностороннего изоморфизма между единицами «угнетенного» языка и единицами доминирующего языка [Anderson 2001]. Несомненно, это одно из проявлений языковой аттриции.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; AVL — отложительный падеж; ACC — винительный падеж; AL — отчуждаемая принадлежность; AND — андатив; DAT — дательный падеж; DEST — назначительный падеж; DIR — направительный падеж; DUR — длительность; INCL — инклюзив; FOC — фокус; FUT — будущее время; GER — герундий; IMP — императив; INCL — инклюзивное местоимение; INC — инхоатив; INS — инструментальный падеж; LOC — местный падеж; OPT — оптатив; PC — конверб прошедшего времени; PL — множественное число; PP — причастие прошедшего времени; PRF — перфект; PRO — перспектив; PRP — причастие настоящего времени; PST — прошедшее время; REF — рефактив; REFL-рефлексив; REV — реверсив; SG — единственное число; SS — соотнесение с субъектом; SUBJ — сослагательное наклонение; VNEG — отрицательный глагол.

Литература

- Аркадьев 2009 — П. М. Аркадьев. Падежи в языках мира // Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманова (ред.). Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007 и 2008. М.: МЦНМО, 2009. С. 59–71.
- Зиндер 1948 — Л. Р. Зиндер. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 6. С. 579–581.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.

- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. М.: Наука, 2008.
- Певнов 2017 — А. М. Певнов. Этимология самоназвания ороков // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 886–892.
- Певнов 2020 — А. М. Певнов. О происхождении самоназваний эвенков // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 744–755.
- Певнов 2022 — А. М. Певнов. Этимология некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 2. С. 23–44.
- Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализированные гласные в диалектах удэгейского языка // *Вопросы языкознания*. 2010. № 6. С. 60–87.
- Радченко 1988 — Г. Л. Радченко. Спорные вопросы фонетики удэгейского языка // М. Д. Симонов (ред.). *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам*. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. С. 35–43.
- Симонов 1988 — М. Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // М. Д. Симонов (ред.). *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам*. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. С. 44–88.
- Anderson 2001 — G. Anderson. Language Contact and Macro-Areal Typological Change: Complex Sentence Structure in Siberia/Northern Eurasia. Presentation made on the 28th of February at the Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft, Leipzig.
- Butt 2008 — M. Butt. Modern approaches to case: an overview // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27–43. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. The case for case // E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. Pt. 2. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–25.
- Heine 2008 — B. Heine. Grammaticalization of Cases // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 458–469. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0030.
- Hölzl 2018 — A. Hölzl. Udi, Udihe, and the languages of the Kyakala // *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction*. 2018. № 15. P. 111–146. DOI: zora.uzh.ch/cgi/oai2.
- Janhunen 2012 — J. Janhunen. The expansion of Tungusic as an ethnic and linguistic process // A. Malchukov, L. J. Whaley (eds.). *Recent advances in Tungusic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 5–16.

- Jonason 2008 — L. Jonason. Case and contact linguistics // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 494–501. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0033.
- Kulikov 2008 — L. Kulikov. Evolution of case systems // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 439–457. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0029.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Rare and ‘exotic’ cases // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 635–648. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0045.
- Næss 2008 — Å. Næss. Varieties of Dative // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 573–580. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Narrog 2008 — H. Narrog. Varieties of Instrumental // A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 593–600. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0041.
- Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya. Udihe under Russian Influence: Effects of Endangerment on the Language Grammar. Presentation made on the 30 of August 2001 on the SKY Symposium “Linguistic Perspectives on Endangered Languages”, Helsinki. URL: <http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/el/endabs.htm> (дата обращения: 16.07.2020).
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *Grammar of Udihe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Nikolaeva 2000 — I. Nikolaeva. The Vocalic system of Udihe // *Eurasian Studies Yearbook*. 2000. № 72. P. 114–142.
- Perekhval'skaya 2022a — E. V. Perekhval'skaya. Spatial cases in Udihe. Corpus analysis // E. Dal Corso, S.-U. Kim (eds.). *Language Endangerment and Obsolescence in East Asia. China, Japan, Siberia, and Taiwan. (Languages of Asia. V. 27)*. Leiden: Brill, 2022. P. 58–84. DOI: 10.1163/9789004523944_004.
- Perekhval'skaya 2022b — E. V. Perekhval'skaya. From consonant to tone: Laryngealized and pharyngealized vowels in Udihe. // A. Hözl, T. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: Past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 227–262. DOI: 10.5281/zenodo.7025328.
- Perekhval'skaya, Janhunen 2024 — E. V. Perekhval'skaya, J. Janhunen. Udihe // A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. New York: Routledge, 2024. P. 326–363. DOI: 10.4324/9781315728391-13.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus*. Photogravured from the manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

Источники

- Андреева — Н. И. Андреева. Маңга Нэку. Перевод на удэгейский язык сказки Д. Слипецкой «Храбрая Нэку». Рукопись. 2022.
- Канчуга — А. А. Канчуга. Багдисэ хокто тэлунуни. Автобиографическая повесть. Ч. I. Детство. (Исследования по тунгусоведению 22). Саппоро: Nakanishi Co., 2003.
- Канчуга.МП — А. А. Канчуга. Ёица принцэ. Перевод на удэгейский язык книги А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц». (Исследования по тунгусоведению 46). Саппоро: Nakanishi Co., 2009.
- Anuj — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. И. Г. Смидовича. Вып. 11. М.; Л., 1937.
- Baskakova — Е. Н. Баскакова. Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Баскаковой Е. в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.
- Folklor — Фольклор удэгейцев: ниманку, тэунугу, эхэ (сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18. Новосибирск: Наука, 1998.
- Kormushin — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- KY — полевые материалы, собранные в пос. Красный Яр (Пожарский р-н).
- MO — Minti oŋofi. Наша грамота. Книга по обучению грамоте на языке удэ. Составил Е. Р. Шнейдер. Л.: Учпедгиз, 1932.
- Shneider — Е. Р. Шнейдер. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л.: Ленинградское отделение ОГИЗ, 1935.

References

- Anderson 2001 — G. Anderson. *Language Contact and Macro-Areal Typological Change: Complex Sentence Structure in Siberia / Northern Eurasia*. Presentation made on the 28th of February at the Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft, Leipzig.
- Arkadyev 2009 — P. M. Arkadyev. Padezhi v yazykakh mira [Cases in the languages of the world]. E. V. Muravenko, A. Ch. Piperski, O. Yu. Shemanaeva. *Lingvistika dlya vsekh: Letniye lingvisticheskiye shkoly 2007 i 2008* [Linguistics for everyone: The summer linguistic schools in 2007 and 2008]. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education, 2009. P. 59–71.

- Butt 2008 — M. Butt. Modern approaches to case: an overview. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27–43. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. The case for case. E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. Pt. 2. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–25.
- Heine 2008 — B. Heine. Grammaticalization of Cases. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 458–469. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0030.
- Hölzl 2018 — A. Hölzl. Udi, Udihe, and the languages of the Kyakala. *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction*. 2018. № 15. P. 111–146. DOI: zora.uzh.ch/cgi/oai2.
- Janhunen 2012 — J. Janhunen. The expansion of Tungusic as an ethnic and linguistic process. A. Malchukov, L. J. Whaley (eds.). *Recent advances in Tungusic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 5–16.
- Jonason 2008 — L. Jonason. Case and contact linguistics. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 494–501. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0033.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy yazyk* [The Udihe language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Kulikov 2008 — L. Kulikov. Evolution of case systems. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 439–457. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0029.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka. Strukturnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty*. [Syntax of the Even language. Structural, semantic, communicative aspects]. Moscow: Nauka, 2008.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Rare and ‘exotic’ cases. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 635–648. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0045.
- Næss 2008 — Å. Næss. Varieties of Dative. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 573–580. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0005.
- Narrog 2008 — H. Narrog. Varieties of Instrumental. A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 593–600. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0041.
- Nikolaeva 2000 — I. Nikolaeva. The Vocalic system of Udihe. *Eurasian Studies Yearbook*. 2000. № 72. P. 114–142.

- Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya. *Udihe under Russian Influence: Effects of Endangerment on the Language Grammar*. Presentation made on the 30 of August 2001 on the SKY Symposium “Linguistic Perspectives on Endangered Languages”, Helsinki. Available at: <http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/el/endabs.htm> (accessed on 16.07.2020).
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *Grammar of Udihe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Perekhval'skaya 2010 — E. V. Perekhval'skaya. Aspirirovannye i glottalizovannye glasnyye v dialektakh udegeyskogo yazyka [Aspirated and glottalized vowels in the dialects of the Udihe language]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2010. No. 6. P. 60–87.
- Perekhval'skaya 2022a — E. V. Perekhval'skaya. Spatial cases in Udihe. Corpus analysis. E. Dal Corso, S.-U. Kim (eds.). *Language Endangerment and Obsolescence in East Asia. China, Japan, Siberia, and Taiwan*. (Languages of Asia. V. 27). Leiden: Brill, 2022. P. 58–84. DOI: 10.1163/9789004523944_004.
- Perekhval'skaya 2022b — E. V. Perekhval'skaya. From consonant to tone: Laryngealized and pharyngealized vowels in Udihe. A. Hözl, T. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: Past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 227–262. DOI: 10.5281/zenodo.7025328.
- Perekhval'skaya, Janhunen 2024 — E. V. Perekhval'skaya, J. Janhunen. Udihe. A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. New York: Routledge, 2024. P. 326–363. DOI: 10.4324/9781315728391-13.
- Pevnov 2017 — A. M. Pevnov. Etimologiya samonazvaniya orokov [Etymology of the self-designation of the Oroks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 886–892.
- Pevnov 2020 — A. M. Pevnov. O proiskhozhdenii samonazvaniy evenkov [On the origin of the self-designations of the Evenks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 3. P. 744–755.
- Pevnov 2022 — A. M. Pevnov. Etimologiya nekotorykh nazvaniy narodov basseyna Amura i Sakhalina [Etymology of some names of the peoples of the Amur and Sakhalin basin]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2022. No. 2. P. 23–44.
- Radchenko 1988 — G. L. Radchenko. Spornyye voprosy fonetiki udegeyskogo yazyka [Controversial issues in Udihe phonetics]. M. D. Simonov (ed.). *Istoriko-tipologicheskyye issledovaniya po tunguso-manchzhurskim yazykam*. [Historical and typological studies on the Tungus-Manchu languages]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988. P. 35–43.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus*. Photogravured from the manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

- Simonov 1988 — M. D. Simonov. Fonologicheskaya sistema udegeyskogo yazyka [The Phonological system of the Udihe language]. M. D. Simonov (ed.). *Istoriko-tipologicheskiye issledovaniya po tunguso-manchzhurskim yazykam* [Historical and typological studies on the Tungus-Manchu languages]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988. P. 44–88.
- Zinder 1948 — L. R. Zinder. Eksperimentalnoye izucheniye fonetiki severnykh yazykov [Experimental study of the phonetics of Northern languages]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka*. 1948. Vol. VII. Iss. 6. P. 579–581.

Получено / received 06.03.2024

Принято / accepted 25.09.2024

Разные стратегии адаптации русских глаголов в двух близкородственных языках: нанайский и ульчский

С. А. Оскольская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
sonypolik@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8658-2133

Н. М. Стойнова

Университет Гамбурга (Гамбург, Германия); stoynova@yandex.ru, ORCID:
0000-0001-8979-3788

Аннотация. В статье анализируются стратегии морфологической адаптации русских глаголов в нанайском и ульчском языках. В двух этих близкородственных языках глаголы, заимствованные из русского, оформляются по-разному. В нанайском языке в качестве основной стратегии используется непрямая вставка русской основы с помощью вербализатора. В ульчском — прямая вставка. Предполагается, что наблюдаемые различия могут быть вызваны двумя факторами. Первый — ареальный: стратегия адаптации глагола, видимо, заимствуется из одного языка в другой. Второй фактор — морфонологический: различия в адаптации глаголов согласуются с различиями в том, насколько отчетливы в языке морфемные границы и насколько для него характерны морфонологические процессы на стыке основы и аффикса.

Ключевые слова: нанайский язык, ульчский язык, глагольные заимствования, языковые контакты.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Two similar languages borrow verbs in different ways: Russian verb loans in Nanai and Ulcha

Sofia A. Oskolskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); sonypolik@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8658-2133

Natalia M. Stoynova

University of Hamburg (Hamburg, Germany); stoynova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8979-3788

Abstract. The paper deals with the strategies of morphological accommodation of Russian verbs in two closely related Tungusic languages, Nanai and Ulcha. The study is based on examples taken from Nanai and Ulcha texts recorded in the 1970–2010s by various scholars. The data show that Nanai and Ulcha display a significant difference in the loan verb accommodation strategies. Nanai employs the so-called “indirect insertion” as a main strategy whereby a Russian verbal stem first takes a specific verbalizing affix and then the derived stem takes Nanai inflectional markers, whereas Ulcha prefers direct insertion, with Russian verbal stems taking Ulcha inflection without any additional marking. In addition, Nanai and Ulcha use different input forms of the Russian verbs to be accommodated. The languages also differ in the way they accommodate Russian reflexive verbs.

There seem to be two main factors behind such a great difference between Nanai and Ulcha, two closely related, both genealogically and grammatically, languages. One factor is areal, since Ulcha follows the accommodation strategy characteristic of some other neighboring Tungusic languages such as Negidal or Uilta (Orok). The other factor is morphophonological: the attested difference in the accommodation of Russian verbs in both languages accords with the difference in the morphophonological processes taking place on morpheme borders. Morpheme borders in Nanai are fairly clear-cut. This can prevent direct insertion of Russian stems that phonologically differ from typical Nanai stems. The use of Nanai verbalizers helps accommodate Russian stems to the Nanai grammar, since the verbalizers can attach to any vowel-ending stem (including Russian past-tense stems). Morpheme borders in Ulcha are fuzzy: this opens a way to accommodating any type of Russian stems to the Ulcha grammar. That is why Ulcha, in contrast to Nanai, seems to have no restrictions on the direct insertion strategy.

Keywords: Nanai language, Ulcha language, verbal borrowings, language contacts.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

В статье проанализированы стратегии морфологической адаптации русских глаголов в нанайском и ульчском языках. Нанайский и ульчский — близкородственные языки тунгусо-маньчжурской языковой семьи, распространенные в Хабаровском крае в бассейне р. Амур.

Стратегии адаптации заимствованных глаголов неоднократно описывались как для конкретных языков (см., например, [Баранова 2020] о монгольских языках), так и в типологической перспективе (см. [Moravcsik 1975; Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]). Отдельного внимания заслуживает статья [Forker 2021], представляющая результаты ареального исследования адаптации русских глаголов в языках коренных народов России.

В указанных работах, в частности, были сформулированы обобщения о предпочтении тех или иных стратегий в языках и контактных ситуациях того или иного типа. Однако это тенденции, а не жесткие закономерности, и встречаются случаи, когда в одном и том же языке конкурирует несколько стратегий или в языках, близких по всем параметрам, глагольные заимствования адаптируются по-разному.

Одну из таких ситуаций мы подробно рассмотрим в статье. Задача работы — предложить объяснения различиям в стратегиях адаптации глаголов, наблюдаемым между близкородственными языками, — апеллирующие не к общим, а, наоборот, к очень частным свойствам этих языков.

Несмотря на генетическую и структурную близость, а также сходство социолингвистических ситуаций, при адаптации русского глагола нанайский и ульчский языки используют принципиально разные стратегии. В нанайском языке зафиксирована стратегия непрямой

вставки (indirect insertion, см. [Wohlgemuth 2009]): к основе русского глагола присоединяется нанайский вербализатор *-la*, за которым следуют морфологические показатели, свойственные нанайским глаголам, см. пример (1). Для ульчского языка характерна прямая вставка (direct insertion): ульчские показатели присоединяются непосредственно к основе русского глагола, см. (2).

- НАНАЙСКИЙ
 (1) *pečem-bə-ni žari-la-go-o-ri*
 печень.R-ACC-3SG жарить.R-vblz-REP-IMPS-PRS
 ‘...печень жарят’ (Оскольская, Стойнова: gchk)¹.

- УЛЬЧСКИЙ
 (2) *malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni žaru-m*
 дельфин мясо-ACC-3SG жир-ACC-3SG жарить.R-CV.V.SIM.SG
 ‘Когда дельфинье мясо, жир жарят...’ (Оскольская, Стойнова: mkd).

В статье обе стратегии, а также возможные отступления от них будут рассмотрены более подробно на материале полевых коллекций устных текстов. Детально описав правила адаптации русских глаголов в нанайском и в ульчском языках, мы выскажем предположения о том, почему в каждом из языков в каждом конкретном случае выбирается именно эта стратегия. Одно из предположений связано с ареальным влиянием. Другое — с различиями в морфологической системе нанайского и ульчского языков, а именно с большей сложностью морфонологических процессов в ульчском.

Статья организована следующим образом. В *Разделе 2* приводится краткая вводная информация: о глагольных заимствованиях, об исследуемых языках, в частности об их глагольной морфологии, а также об анализируемой выборке примеров. В *Разделах 3 и 4*

¹ Здесь и в примерах ниже в скобках дано указание на источник примера в формате «коллекция текстов: код информанта». Для опубликованных коллекций ссылка дается в стандартном библиографическом формате. Об источниках примеров см. *Раздел 2.5*.

подробно описаны правила адаптации русских глаголов в ульчском и в нанайском языках соответственно. В частности, в типологических терминах охарактеризована основная стратегия адаптации, свойственная языку; описан выбор русской основы (вид, морфологический тип) и морфологические процессы, происходящие при присоединении тунгусо-маньчжурских аффиксов; отдельно описана адаптация рефлексивных глаголов (на *-ся*); перечислены случаи отступления от основной стратегии. В *Разделе 5* нанайская и ульчская системы сравниваются и обсуждается несколько предположений о причинах различий между ними. *Раздел 6* представляет собой краткое заключение.

2. Предварительная информация

2.1. Адаптация заимствованных глаголов

Разные версии типологически ориентированной классификации стратегий адаптации глагольных заимствований представлены в [Moravcsik 1975; Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]. Похожим образом классифицируются типы интеграции глагола при переключении кодов, см. [Muysken 2000: 184–220; Myers-Scotton, Jake 2014].

Ниже кратко описан вариант классификации из [Wohlgemuth 2009]: к ней мы будем апеллировать, описывая адаптацию русских глаголов в нанайском и ульчском языках. Я. Вольгемут классифицирует стратегии адаптации глагольных заимствований по двум основным параметрам.

1) Какая форма языка-донора выбирается. Вольгемут рассматривает четыре варианта, встречающихся в языках мира:

- абстрактная форма (*abstract form*), не представленная в языке-доноре без дополнительных словоизменяющих аффиксов;
- обобщенная форма (*general form*): одна из «дефолтных» форм (форм цитации), например императивная или инфинитивная;

- форма со словоизменительными показателями (inflected form): одна из форм, которая морфологически оказалась удобной для адаптации в язык-реципиент;
- полуглагольная форма (semi-verbal form), например причастие или масдар.

2) Каким образом глагол из языка-донора заимствуется в язык-реципиент. По этому параметру также выделяется четыре возможных стратегии:

- прямая вставка (direct insertion): словоизменительные показатели языка-реципиента присоединяются непосредственно к глагольной форме языка-донора;
- непрямая вставка (indirect insertion): к форме языка-донора присоединяется какой-либо специальный аффикс языка-реципиента (часто это бывают аффиксы, образующие глагол от других частей речи) и только затем словоизменительные показатели;
- стратегия легкого глагола (light verb insertion): глагольная форма языка-донора остается морфологически неизменной, а для словоизменения используется вспомогательный глагол языка-реципиента (часто это глагол 'быть' или 'делать');
- вставка парадигмы (paradigm insertion): глагольное заимствование интегрируется в язык-реципиент вместе со всеми словоизменительными показателями из языка-донора.

В статье мы рассмотрим также более частные параметры варьирования, связанные с адаптацией русского глагола, ср. их обзор на большой выборке языков России в [Forker 2020]:

- морфологический тип русской основы: если в язык-реципиент интегрируется не какая-либо существующая форма русского глагола, а глагольная основа («абстрактная форма»), то это может быть основа презенса (*тши-*) или основа прошедшего времени (*тиса-*);
- вид русского глагола: СВ или НСВ — часто выбор вида не зависит собственно от аспектуальной семантики, а регулируется

- какими-либо формальными правилами, может последовательно выбираться один из видов (например, НСВ);
- поведение возвратных глаголов: возвратные глаголы, у которых в русском языке за словоизменительными показателями следует постфикс *-ся*, могут при интеграции в язык-реципиент оформляться не так, как обычные глаголы; постфикс *-ся* может сохраняться или опускаться, иногда он дублируется или заменяется похожим по семантике аффиксом языка-реципиента.

2.2. Нанайский и ульчский языки: общая сопоставительная информация

Нанайский и ульчский относятся к небольшой подгруппе близкородственных языков тунгусо-маньчжурской языковой семьи (южно-тунгусской, или нанайской). До сер. XX века они считались диалектами одного языка. Нанайский и ульчский языки распространены на смежных территориях: нанайский язык — на большом пространстве вдоль по течению Амура, ульчский язык — значительно более компактно — в нижнем течении Амура (Ульчский район).

Грамматические системы нанайского и ульчского языков в целом очень похожи. Из различий, релевантных в контексте исследования, можно отметить морфонологические. В ульчском языке наблюдаются более сложные морфонологические явления, чем в нанайском, — чередования и другие процессы на стыках морфем (см. ниже *Раздел 2.3*).

Социолингвистические ситуации, в которых находятся ульчский и нанайский языки, сопоставимы. Оба языка находятся под угрозой исчезновения — ульчский в большей степени, чем нанайский. Нанайский язык превосходит ульчский по территории распространения и количеству носителей. По данным Переписи 2010, владение нанайским языком указали 1 347 человек, 11 % от этнической группы, владение ульчским — 154 человека, 6 % от этнической группы. Ни нанайский язык, ни ульчский не передается детям, свободно владеют им представители старшего поколения, все носители двуязычны, ульчский и нанайский язык на данный момент

используются большинством носителей значительно менее активно, чем русский. Подробнее см. [Герасимова 2002; Калинина, Оскольская 2016; Сумбатова, Гусев 2016].

2.3. Глагольная морфология нанайского и ульчского языков

Глагольная морфология нанайского и ульчского языков очень схожа. Мы дадим ее общий обзор — обращая внимание на особенности, важные для адаптации русских глаголов, — а потом остановимся на частных различиях между языками. В нанайском языке четыре словоизменительных класса глагольных основ:

- 1) основы на краткий гласный: *songo-* ‘плакать’;
- 2) основы на долгий гласный или дифтонг, в т. ч. на $V_i \sim V_j$: *sā-* ‘знать’, *xaj-* ‘что-то делать’;
- 3) основы на *-n* и небольшое число основ еще на несколько согласных: *un-* ‘говорить’;
- 4) закрытый список иррегулярных основ: *ga-* ‘собирать, покупать’.

В ульчском языке выделяются те же классы, небольшие отличия наблюдаются для маргинальных групп глаголов на *-p* и на *-si*.

Различия между классами наиболее ярко проявляются в формах настоящего и прошедшего времени — показатель настоящего / прошедшего времени выбирается в зависимости от класса, ср. (нанайский)²:

НАНАЙСКИЙ

- (3) а. *songo-j-ni* ‘плачет’, *songo-xa-ni* ‘плакал’
 б. *sā-re-ni* ‘знает’, *sā-xa-ni* ‘(у)знал’; *xaj-re-ni* ‘что-то делает’,
xaj-xa-ni ‘что-то сделал’

² Все сказанное в этом разделе касается как финитных форм настоящего и прошедшего времени, так и форм настоящего и прошедшего времени причастий, к которым диахронически восходят соответствующие финитные формы. Поскольку финитные формы и причастия морфологически полностью совпадают, а в некоторых случаях сложно однозначно определить форму, в статье они глоссируются одинаково.

- c. *un-ži-ni* ‘говорит’, *uŋ-ki-ni* ‘сказал’
 d. *ga-že-ni* ‘покупает’, *ga-če-ni* ‘купил’

Самый многочисленный и продуктивный класс — класс глаголов на краткий гласный.

При присоединении основных словоизменительных аффиксов в нанайском языке (по крайней мере, в наших материалах) заметных морфонологических процессов на стыках с основой обычно не происходит.

В ульчском языке самые заметные морфонологические процессы происходят в форме настоящего времени. Для основ на краткий гласный показатель настоящего времени — *i*. При его присоединении усекается либо гласный основы (а), либо, реже, сам показатель настоящего времени (б), для основ на *-i* происходит стяжение гласного основы и суффикса в единый гласный *i*³:

ульчский

- (4) a. *soŋgo + i + ni > soŋgini* ‘он плачет’
 b. *anžu + i + ni > anžuni* ‘он строит’
 c. *umi + i + ni > umini* ‘он пьет’

Похожие процессы происходят и на стыках с другими суффиксами, начинающимися на гласный (коннегативный суффикс, суффикс будущего времени, суффикс второго настоящего времени) или имеющими вариант на гласный (императив *-ru~u*, имперсонал *-wu~u*). Этим форм в наших данных встретилось очень мало, и далее мы их не обсуждаем.

В формах с показателями на согласный изменения претерпевает часть основ на краткий гласный, финальный гласный которых подвержен качественной и количественной редукции: для него наблюдается регулярное или факультативное чередование (5).

ульчский

- (5) *umi + xə + ni > utixəni* ‘он пил’ (PST)
umi + m > utim ‘выпивая’ (CVB.SIM)

³ Аналогичное стяжение гласного основы с суффиксом настоящего времени иногда фиксируется и в говорах нанайского языка, однако там это явление гораздо менее регулярное и частотное, чем в ульчском.

В беглой речи наблюдается сильная количественная редукция такого гласного, в некоторых контекстах может полностью выпадать: *xodi + xa + ni* > [xodxan] ‘он закончил’.

Глагольная морфология подчиняется упомянутой выше общей тенденции: в нанайском языке в целом более отчетливые морфемные швы, меньше морфонологических процессов на стыках морфем, ср.:

- НАНАЙСКИЙ ~ УЛЬЧСКИЙ
(6) *soŋgojni* ~ *soŋgini* ‘он плачет’
otemi ~ *utim* ‘выпивая’

Подробнее о нанайской глагольной морфологии см. [Аврорин 1961], особенно [Аврорин 1961: 11–15], об ульчской — [Петрова 1936: 48–69; Суник 1985: 42–50; Kazama 2024: 420–421].

2.4. Русская глагольная морфология

Каждый глагол русского языка однозначно охарактеризован как глагол совершенного вида, или перфективный (*прочитать*), vs не-совершенного вида, или имперфективный (*читать*); исключение составляет небольшая группа т. н. двувидовых глаголов (ср. *ранить*, *информировать*). Применительно к русскому виду часто говорят о системе видовых пар — пар глаголов СВ и НСВ с существенной общностью лексического значения (*читать* — *прочитать*, *перечитывать* — *перечитать*), см., например, [Зализняк и др. 2015]. Члены видовой пары могут находиться между собой в разных формальных отношениях:

- а) глагол НСВ морфологически проще глагола СВ: глагол СВ образован от глагола НСВ с помощью префикса (НСВ *портиться* → СВ *ис-портиться*);
- б) глагол НСВ морфологически сложнее глагола СВ: глагол НСВ образован от глагола СВ с помощью имперфективирующего суффикса (СВ *намотать* → НСВ *намат-ыва-ть*, СВ *продать* → НСВ *продавать*);

- в) глаголы НСВ и СВ равной морфологической сложности: к этой группе мы будем условно относить пары типа *ре-шить* — *решать*, *отправить* — *отправлять*, *клянуть* — *кля-вать*, применительно к ним или к части из них обычно говорят о производности глагола НСВ от глагола СВ с помощью имперфективного суффикса *-а-*, однако на поверхностном уровне, в отличие от образований с помощью имперфективного суффикса *-ыва* или *-ва* (как в б)), они не оказываются сложнее коррелята СВ.

Русский глагол имеет две формальные основы — основу презенса, или императива, (обычно оканчивается на согласный: *читај-*, *пиш-*) и основу прошедшего времени, или инфинитива (обычно оканчивается на гласный: *чита-*, *писа-*). От каждой основы образуется свой набор форм. От основы презенса — форма презенса (или настоящего времени НСВ, или будущее синтетическое для глаголов СВ: *читаю*, *прочитаю*), деепричастие на *-а* (*читая*), причастия настоящего времени (*читающий*, *читаемый*) и императив (*читай*): императив ед. ч. представляет собой чистую основу настоящего времени или с добавлением суффикса *-и*. От основы прошедшего времени — форма прошедшего времени (*читал*), инфинитив (*читать*), деепричастие на *-в* (*прочитав*), причастия прошедшего времени (*прочитавший*, *прочитанный*). Несколько огрубляя, можно сказать, что к основе презенса (на согласный) прибавляются словоизменительные аффиксы на гласный, а к основе прошедшего времени (на гласный) — аффиксы на согласный. У некоторых глаголов основы совпадают (ср. *нести*, *несла*, *несу*), или, наоборот, обнаруживаются дополнительные расхождения между основой, используемой в инфинитиве и в прошедшем времени (*печь* и *пекла*; *оглохнуть* и *оглохла*) или в презенсе и в императиве (*даю* и *давай*). Основа презенса может в разных формах подвергаться чередованиям (*берегу* — *бережет*, *люблю* — *любят*).

По соотношению основ выделяется несколько словоизменительных классов глаголов (разное количество в зависимости от дробности классификации, ср. варианты классификации

русских глаголов в [Зализняк 1977: 77–142; РГ 1980(1): §§1552–1574; Dressler, Gagarina 1999]). Мы перечислим несколько самых продуктивных, которые будут упоминаться в описании ниже (основа прош.вр. / основа наст.вр.):

- глаголы на *-a/-aj* (1 подкласс 1 класса в РГ 1980: *читал / читает*);
- глаголы на *-Ci/-C* (1 подкласс 10 класса в РГ 1980: *просил / просит*);
- глаголы на *-ova/-uj* (2 класс в РГ 1980: *рисовал / рисует*).

2.5. Материал исследования

Исследование проведено на материале нескольких полевых коллекций устных спонтанных текстов. Ульчские данные взяты из архива Л. И. Сем (1970-е гг. записи), текстов, собранных и опубликованных С. Кадзамой [Kazama 2002; 2008; 2010], текстов, собранных в 2005–2010 гг. Е. Ю. Калининой, В. Ю. Гусевым, Н. Р. Сумбатовой и С. Ю. Толдовой, и текстов, собранных нами в 2017–2019 гг. (тексты собраны в селах Булава, Богородское, Савинское и Монгол). Нанайские данные взяты из коллекции текстов, собранной нами в экспедициях 2011–2017 гг. в селах Синда (синдинский говор), Даерга, Найхин, Троицкое (найхинский говор), Ачан (ачанский говор), Джуен (джуенский говор), Кондон (горинский говор).

Выборка примеров содержит все русские глаголы, оформленные нанайскими / ульчскими аффиксами, которые были обнаружены в указанных коллекциях. В выборку не включены русские глаголы с русским словоизменением. В качестве особого случая, не вошедшего в основное рассмотрение, в выборку добавлены глаголы, образованные от русских имен, а также спорные случаи, когда не очевидно, образован ли глагол от глагола или имени. Всего в выборке 245 употреблений русских глаголов из ульчских текстов и 148 употреблений из нанайских текстов.

3. Русские глаголы в ульчском языке

3.1. Стратегия прямой вставки. Морфологический тип основы, процессы на стыке с основой

Основная стратегия адаптации русского глагола в ульчском языке — это стратегия прямой вставки, когда непосредственно к глаголу присоединяются ульчские словоизменительные показатели (49 русских основ, 187 употреблений).

3.1.1. Прямая вставка: вставка обобщенной vs абстрактной формы

Отдельный вопрос — к какой из форм русского глагола присоединяются ульчские аффиксы. Можно предположить, что мы имеем дело со «вставкой обобщенной формы» (general form по [Wohlgemuth 2009]), а именно формы императива ед. ч. Для большинства употреблений такая интерпретация, казалось бы, подходит: ср. *podnimaj-o-qso* [поднимать.R-IMP-IMP.PL] ‘поднимайте’ (императив *поднимай*), особенно если допустить возможность морфонологических процессов на границе с ульчскими показателями: ср. *otpuskaj-du-j* <?=otpuskaj-i-du-j> [отпускать.R-PRS-DAT-1SG] ‘когда я отпускаю’ (ожидается /j/ в русской форме императива и /i/~j/ показатель презенса); *priglašaj-a-xa-n* [приглашать.R-?EPENTH-PST-3SG] ‘он пригласил’ (эпентетический гласный). Однако для 8 употреблений из 187 эта интерпретация не подходит, даже если предположить морфонологические процессы на морфемной границе.

Например, в (7) ожидаемая форма императива — *popadaj*, ожидаемая ульчская форма прошедшего времени, соответственно, *popadajxan* или *popadajaxan*, а не *popadaxan*.

- ульчский
- (7) *žij žij pulja popada-xa-n čupal ti*
 прямо пуля.R попадать.R-PST-3SG весь так
 ‘Прямо-прямо пули попадали...’ (Калинина и др.: ок).

В (8) ожидаемая форма императива — *rabotaj*, ожидаемая форма одновременного деепричастия — *rabotajam*.

ульчский

(8) *lespromhoz-du rabotu-m*
леспромхоз. R-DAT **работать. R-CVB.SIM.SG**

‘Работая в леспромхозе...’ (Сем: mixailduvan).

Список всех встретившихся глаголов, для которых не подходит интерпретация о вставке русского императива, приведен в (9), все они встретились в форме прошедшего времени или одновременного деепричастия, как в (7) и (8), т. е. в форме с показателем на согласный (здесь и в списках глаголов ниже в скобках дано количество употреблений, если оно больше одного):

(9) *попадать, провожать* (2), *работать* (3), *советовать, привязывать*.

Поэтому ниже принимается альтернативное предположение — что происходит вставка абстрактной формы (abstract form), т. е. русской основы настоящего или прошедшего времени⁴. Посмотрим подробнее, какая из основ выбирается и какие процессы происходят на стыке основы с ульчскими аффиксами. Ниже мы разберем отдельно разные классы русских основ, встретившиеся в выборке (о типах основ см. выше *Раздел 2.4*):

- 1) глаголы на *-Ci/-C* (*просил / просит*): ведут себя по аналогии с ульчскими глаголами на *-i* (*Раздел 3.1.2*);
- 2) глаголы на *-a/-aj* (*читал / читает*): ведут себя особым образом (*Раздел 3.1.3*);
- 3) прочие классы глаголов: особенно интересны в контексте исследования, поскольку для некоторых из них более заметна разница между основой настоящего времени и прошедшего

---

⁴ Предположение о том, что иногда вставляется обобщенная форма, а иногда абстрактная, мы рассматривать не будем, как неоправданно более сложное (особенно учитывая, что обобщенная форма императива во многих случаях совпадает с одной из абстрактных форм — основой настоящего времени).

(например, *рисовал / рисует*), однако в выборке почти не представлены; по ним будут перечислены краткие наблюдения (Раздел 3.1.4). Отдельно мы будем говорить об образовании формы презенса (предполагающей в ульчском языке процессы на стыке гласного основы и гласного аффикса), отдельно — об образовании форм с суффиксами на согласный (см. Раздел 2.2).

В целом можно сказать, что русская основа тем или иным образом выравнивается по аналогии с ульчскими основами на краткий гласный (основной словоизменяемый класс), а именно с основами на чередующийся *-i*.

3.1.2. Глаголы на *-Ci/-C* (*просил / просит*)

Список встретившихся глаголов на *-Ci/-C* приведен в (10):

- (10) *готовить, дежурить, жарить* (2), *звонить* (16), *красить* (2), *окучить* (2), *оставить, отправить, охотить(ся)* (13), *портить(ся), рулить, рыбачить* (46), *солить, судить, чистить* (2), *шаманить* (3), *штукатурить* (2).

У глаголов этого класса есть прямая аналогия в ульчском языке — продуктивный класс основ на *-i*. Они ведут себя так же, как ульчские глаголы на чередующийся *-i*: в частности, конечный *-i* может подвергаться тем же чередованиям (11), что у исконных ульчских глаголов, см. (5) выше:

ульчский

- (11) а. *rybaŋu-mi* [рыбачить.R-CV.V.SIM.SG] ‘рыбача’ — *i > u*
 б. *krasu-xa* [красить.R-PST] ‘красил’ — *i > u*

Поскольку у этих русских глаголов очень небольшая разница между основой настоящего времени и основой прошедшего времени, сложно однозначно атрибутировать тип основы, опираясь только на этот материал. Это теоретически может быть:

- основа прошедшего времени (*čisti-* ‘чистить’) с редукцией в форме презенса (как у ульчских глаголов);
- основа прошедшего времени перед показателем на согласный (*čisti-rə* ‘почистив’) и настоящего времени перед показателем на гласный, т. е. показателем настоящего времени (*čist-i-n* ‘чистит’), как в русском;
- основа настоящего времени с добавлением эпентетического гласного (*-i* или другого, в соответствии с правилами ульчских чередований) перед показателем на согласный.

Единственное, что можно однозначно сказать: для глаголов, у которых основа настоящего времени имеет вариант с чередованием в 1 л. ед. ч. (*чист-* ~ *чищ-*, *готов-* ~ *готовл-*), см. Раздел 2.4, этот вариант никогда не выбирается, ср.:

ульчский

- (12) *gotovi-s* [готовить.R.PRS-2PL] ‘готовите’ (не *gotovlis)

3.1.3. Глаголы на *-a/-aj* (*читал / читает*)

Список встретившихся глаголов на *-a/-aj* показан в (13):

- (13) *выступить* (2), *гадать*, *гонять*, *гулять*, *занимать*, *копать* (4), *нападать*, *начинать(ся)*, *отправлять* (4), *отпускать*, *переписывать*, *плавать* (2), *поднимать*, *поймать* (3), *помогать*, *попадать*, *привязывать* (2), *приглашать*, *принимать* (3), *проводить* (3), *работать* (7), *решать* (9), *собирать(ся)* (7), *сочинять*, *трескать(ся)*, *черпать*.

Этот класс глаголов удобен для анализа: в нем основа прошедшего времени более отчетливо отличается от основы настоящего времени.

При присоединении ульчского суффикса презенса образуются формы типа (14):

ульчский

- (14) *napadaji-du-n* [нападать.R.PRS-DAT-3SG] ‘когда он нападает’

Если это основа прошедшего времени на *-a* (*napada-*) + ульчский суффикс презенса *-i*, то по ульчским правилам ожидалось бы усечение конечного гласного основы: *napadiduni*, таких форм в выборке нет⁵. Если это основа настоящего времени на *-aj*, то тоже возникает противоречие с ульчской системой. Ульчский глагол на *-aj* относился бы к классу на долгий гласный / дифтонг и принимал бы показатель презенса *-ri*, а не *-i*, т. е. было бы *napadajriduni*: таких форм не встретилось. Т. е., если это основа настоящего времени, то сочетание *-aj* в нем интерпретируется не как дифтонг, а как (нехарактерное для ульчского) сочетание *-a* с *-j* или с *-i*, что в контексте форм, обсуждаемых далее, вполне возможно.

При присоединении ульчских суффиксов на согласный основу прошедшего времени легко отличить от основы настоящего времени. Чаще всего (30 употреблений) это основа настоящего времени — на *-aj* или *-ai* (а)-(с), причем конечный *-i* подвергается тем же чередованиям, что и конечный чередующийся *-i* ульчских основ (d):

ульчский

- (15) a. *sobiraj-rə* [собирать.R-CVB.NSIM] ‘соберя’
 b. *zanimaj-xa-ni* [занимать.R-PST-3SG] ‘занял’
 c. *kopai-ŋda-m* [копать.R-MPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя копать’
 d. *čerpaju-m* [черпать.R-CVB.SIM.SG] ‘черпая’

Встретилось, однако, 8 употреблений, в которых использована основа прошедшего времени. Это следующие глаголы (16):

- (16) *попадать, привязывать, провожать* (2), *работать* (4).

Ср. примеры:

ульчский

- (17) a. *provoža-xa-ti* [провождать.R-PST-3PL] ‘провожали’
 b. *rabota-m* [работать-CVB.SIM.SG] ‘работая’
 c. *rabota-ŋda-m* [работать-MPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя работать’

⁵ Единственный похожий пример *raboti-i* [работать.R-PRS-1SG] из текстов С. Кадзамы [Kazama 2008], для которых нам доступна только расшифровка. В контексте показателя 1SG *-i* сложно определить, что перед нами — действительно форма *raboti-i* с усечением *-a* или форма *rabotai* со стяжением конечных *-i*.

Для глагола *привязывать* встретился и вариант с основой прошедшего времени, и вариант с основой настоящего:

ульчский

- (18) а. *privjazuvaj-žu-bd-i* [привязывать.R-REP-PURP-REFL.SG] ‘чтобы привязать’ — основа наст. вр.
 б. *privjazuva-xa-ti* [привязывать.R-PST-3PL] ‘привязали’ — основа прош. вр.

3.1.4. Прочие глаголы

Другие классы русских основ представлены единичными глаголами (19):

- (19) а. *арестовать*, *рисовать* (3), *советовать*, *танцевать*
 б. *сдавать* (10)
 с. *пахать* (9), *мазать* (3), *показать*
 д. *утонуть*

Встретилось несколько глаголов на *-ova/-uj*, для которых основа настоящего времени максимально отлична от основы прошедшего времени (а). Основы на *-uj* не встретилось ни разу: встретились формы на *-ovaj* и *-ova* (20).

ульчский

- (20) а. *arestovaj-xa-t* [арестовать.R-PST-3PL] ‘арестовали’
 б. *sovetova-mi* [советовать-CVB.SIM.SG] ‘советуясь’

Видимо, основы на *-ova/-uj* просто примыкают к более продуктивному классу на *-a/-aj* в местной разновидности русского языка (*арестовал* — *арестовает* вместо *арестовал* — *арестует*).

В выборке встретился глагол *сдавать* (б), интересный тем, что у него не единая основа настоящего времени, а две основы — *sdavaj-*, которая используется в форме императива и деепричастия, и *sdaj-*, которая используется в формах настоящего времени индикатива и причастия. Во всех случаях, когда с очевидностью использована основа на *-j* (5 употр.), это *sdavaj-*, а не *sdaj-* (21). Впрочем, возможно, что

и тут имеет место выравнивание в самой русской парадигме (*сдавает*, а не *сдает*).

ульчский

- (21) *sdavai-ŋda-m* [сдавать.R-IMPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя сдавать (экзамен)’

Три глагола в выборке (с) — глаголы на *-Ca/-C* с чередованием согласного (*показать* — *покажет*). Один из них (*пахать*) ведет себя как глагол на *-a/-aj*:

ульчский

- (22) *paخaja-xam* [пахать.R-PST.1SG] ‘я пахал’

Два других обнаруживают разное поведение. Для глагола *показать* зафиксирована форма имперсонала (на *-wi*) с согласным *ž*, как в основе настоящего времени (23а), для глагола *мазать* — формы настоящего времени с согласным *z*, как в основе прошедшего времени:

ульчский

- (23) а. *poкаžu-wi* [показать.R-IMPS] ‘показать?’
 б. *māz-i bi-či-ti* [мазать.R-PRS БЫТЬ-PST-3PL] ‘мазали’

Следует, однако, отметить, что русская речь носителя (информант ок), от которого получен пример (23б), имеет заметные фонетические отличия от литературного русского, поэтому тут возможно и просто произнесение [z] вместо ожидаемого [ž] (см. о таком произнесении русского [ž] в речи ульчей старшего поколения [Stoynova 2019: 13]).

Наконец, в выборке представлен один глагол на *-Cu /-C* — *утонуть*. Он использован в форме прошедшего времени с конечным *-i* (не *-u*, как можно было бы ожидать, если бы это был гласный основы прошедшего времени):

ульчский

- (24) *itoni-xa-ni* [утонуть.R-PST-3SG] ‘утонул’

3.1.5. Прямая вставка глаголов разных словоизменительных классов: обобщение

В *Таблице 1* дана сводная информация по адаптации русских глаголов всех встретившихся словоизменительных классов.

Таблица 1. Ульчские данные: адаптация русских основ разных словоизменительных классов

Table 1. Ulcha data: accommodation of Russian stems of different inflectional classes

	PRS	формы с показателями на согласный	примечания
-Ci/-C	-C(i)	-Ci	не основа 1SG, конечный <i>i</i> — чередующийся
-a/-aj	-a(i)	-aj/-ai, редко -a	PRS: -aj не ведет себя как основа на дифтонг
-ova/-uj	-ova(i)	-ovaj, -a	
сдавать	sdava(i)	sdavaj, sdava	
-Ca/-C	-CpCT(i) — ???	-CPRS-i — ?	
-Cu/-C	—	-C-i	

Максимально единообразно и непротиворечиво эти данные можно описать следующим образом. Для адаптации глаголов берется русская основа настоящего времени (не в форме 1SG). К ней присоединяется эпентетический *-i*. Получившаяся основа ведет себя по тем же правилам, что и ульчские основы на чередующийся *-i*.

Особым образом ведут себя глаголы на *-a/-aj*. Добавления конечного *-i* они не требуют: конечный *-j* основы реализуется как [j] или [i] по ульчским фонологическим правилам (при этом конечное *-aj* не реинтерпретируется как ульчский дифтонг [ai]). В редких случаях перед показателем на согласный конечного *-j/-i* может не быть, т. е. используется основа, формально тождественная основе прошедшего времени.

Если это так, то в целом ульчская стратегия адаптации такова, чтобы максимально унифицировать русские основы, во-первых, и сделать их максимально похожими на ульчские, во-вторых. В качестве ульчского прототипа выбирается основа на краткий гласный (самый частотный и продуктивный класс), а именно на чередующийся гласный (вставка именно такого, редуцированного, гласного в качестве эпентетического между исходной русской основой и ульчским суффиксом на согласный, тоже кажется естественной). Предсказуемо, что небольшие отступления наблюдаются для основ на *-aj*, т. е. в ульчской системе, для которой *-j* скорее полугласный, на два гласных подряд.

При этом, как видно из описания выше, это не единственная возможная трактовка выбора основы. Главное, что можно сказать: русская основа выбирается не вполне тривиальным образом и не всегда последовательно и претерпевает морфонологические изменения.

3.2. Перфективная vs имперфективная основа глагола

В выборке встретились как имперфективные (*решать*), так и перфективные (*поймать*) глаголы. Корреляции с аспектуальной семантикой, свойственной глаголу в русском языке, не наблюдается. Так, пример (25) иллюстрирует употребление глагола *портиться* с основой НСВ в перфективном (результативном) контексте. В (26), наоборот, глагол СВ *окучить* употреблен в имперфективном (хабитуальном) контексте.

ульчский
 (25) *ʒə-m*   *čək čək_čək*   *ujs-i-n*,
 есть-CVB.SIM.SG   ИДЕОМ   шуметь-PRS-3SG

porti-xa-n=də
 портиться.R-PST-3SG=EMPH

‘Когда ем, такой звук «чек, чек, чек» — испортился!’ (Сем: *angin*).

(26) *ti-wa okiču-j-i*
TOT-ACC окучить.R-PRS-1SG

‘{Когда немного подрастет} ее окучиваю’ (Оскольская, Стойнова: oab).

Чаще выбирается глагол НСВ. На выбор вида может дополнительно влиять два фактора: акциональная семантика глагола и морфологический тип основы. Распределение глаголов по виду с учетом этих двух факторов вкратце показано в *Таблице 2*⁶, см. полные списки глаголов в [Oskolskaya, Stoynova 2024b].

Из *Таблицы 2* следует, что если ситуация принадлежит к классу достижения (achievement, т. е. без длительной процессной фазы, как ‘оставлять’), то это повышает вероятность выбора глагола СВ (‘оставить’). При этом встретились и глаголы достижения (achievement) НСВ (*взрываться*), и глаголы СВ других акциональных классов (*окучить*).

Также из *Таблицы 2* видно, что глагол СВ с большей вероятностью будет выбран, если он морфологически проще своего видового коррелята НСВ (*показать*, а не *показывать*). Встретился всего 1 глагол СВ, который сложнее коррелята НСВ, — *утонуть*. Значительная часть глаголов, для которых выбрана основа НСВ, в свою очередь также морфологически проще своего видового коррелята СВ (*рисовать*, а не *нарисовать*). Отдельно в таблице показана группа видовых пар, в которых глагол НСВ оформлен имперфективом *-a*: в них глагол НСВ обычно считается производным от глагола СВ, однако на поверхностном уровне морфологическую сложность глаголов СВ и НСВ можно считать одинаковой (к этой же группе условно отнесены бесприставочные глаголы типа *решить* — *решать* и типа *клюнуть* — *клевать*). Эта группа оказывается промежуточной по доле выбранных глаголов СВ, и именно в ней встретилась вариативность в рамках одной видовой пары (*отправить* и *отправлять*). В целом в этом случае все же гораздо чаще выбирается глагол НСВ:

---

⁶ Глаголы с прямой вставкой и немногочисленные глаголы с непрямой вставкой (см. о них *Разделы 3.3, 3.4*) посчитаны вместе.

Таблица 2. Ульяновские данные: вид русской основы
 Table 2. Ulycha data: perfective vs. imperfective Russian stems

	НСВ				СВ			
	основ	употр.	примеры глаголов	основ	употр.	примеры глаголов	% СВ (основ)	% СВ (употр.)
семантика	21	144	<i>рыбачить</i>	1	1	<i>показывать</i>	4,55%	0,69%
	21	61	<i>сдавать</i> <экзамен>	1	2	<i>окучивать</i>	4,55%	3,17%
	13	18	<i>отправлять</i>	5	8	<i>поймать</i>	27,78% (sign, p=0,0182)	30,77% (sign, p<0,0001)
сложность основы	33	168	<i>рыбачить</i>	1	2	<i>утонуть</i>	2,94%	1,18%
	19	42	<i>решать</i>	2	2	<i>оставить</i>	9,52%	4,55%
Всего	3	13	<i>сдавать</i>	4	7	<i>поймать</i>	57,14% (sign, p= 0,0019)	35,00% (sign, p<0,0001)
	55	223		7	11		11,29%	4,70%

возможно, это дополнительно связано с его большей морфологической регулярностью (преимущественно тип на *a-aj*). Глаголов НСВ с вторичным имперфективом *-ыва* или *-ва*, которые морфологически заметно сложнее коррелята СВ, в выборке всего три: *переписывать*, *привязывать* и *сдавать*. Про *сдавать* можно предположить, что основа СВ *сда-* блокируется в т. ч. потому, что она слишком короткая и трудно опознаваемая.

Нужно отметить, что видимый перевес глаголов НСВ возникает в т. ч. потому, что в выборке достаточно много глаголов НСВ с семантикой неопределённого процесса, для которых нет очевидного коррелята СВ (типа *бороться*, *гулять* — всего 17 основ и 125 употреблений).

Семантический (акциональный класс) и морфологический (сложность основы) факторы логически не независимы: действительно ли они оба вносят отдельный вклад при выборе вида, следовало бы проверить на большем количестве данных.

3.3. Возвратные глаголы

Возвратные глаголы (глаголы на *-ся*) ведут себя особым образом. Некоторые из них следуют, как обычные глаголы, стратегии прямой вставки (27). При этом постфикс *-ся* просто усекается, никакое ульчское средство, которое бы функционально ему соответствовало, к глаголу не прибавляется.

- ульчский
 (27) *telo-ji*   *ələə*   *kaltažu-mi*
 тело.R-1SG   вот.вот   раскалываться-CVB.SIM.SG
treska-i=māči   *o-či-ni*   *bi-či-ni*
 трескать(ся).R-PRS=как   становиться-PST-3SG   быть-PST-3SG

‘Мое тело стало такое, что вот-вот треснет!’ (Kazama 2008: текст 10) — глагол *трескаться*.

Другие глаголы следуют стратегии не прямой вставки: к форме инфинитива (включающей постфикс *-ся*) прибавляется вербализатор *-la* (тот же, что в нанайском), далее следуют ульчские аффиксы (28).

ульчский

(28) *bī ańan-ańan ti molit'sja-l-i-pu*

мы год-год так молиться.R-VBLZ-PRS-1PL

‘Мы каждый год так молимся’ (Калинина и др.: ок) — глагол *молиться*.

Количественное распределение и списки глаголов, использующих стратегию прямой вставки vs стратегию непрямой вставки, даны в *Таблице 3*. Для одного глагола (*охотиться*) в выборке встретились обе стратегии.

Таблица 3. Ульчские данные: возвратные глаголы (на *-ся*)Table 3. Ulcha data: reflexive verbs (with *-s'a*)

	основ	употр.	список глаголов (кол-во употр.)
непрямая вставка (INF+ <i>-la</i>)	10	36	<i>бороться, взрываться, жаловаться, клеветаться, креститься, материться (2), молиться (25), охотиться, париться, собираться</i>
прямая вставка (без <i>-ся</i>)	5	17	<i>начинаться (?), охотиться (13), портиться, советоваться, трескаться</i>
Всего	15	53	

Из таблицы видно, что прямая вставка встречается заметно реже, причем 13 из 17 употреблений приходится на глагол *охотиться*.

Еще одна проблема, актуальная для всех возвратных глаголов с прямой вставкой, состоит в том, что не до конца понятно, осознаются ли они носителем как возвратные. В русской речи носителей ульчского языка старшего поколения встречается отсутствие ожидаемого возвратного постфикса (см. [Stoynova 2019: 17]), ср. (29):

(29) *Видимо, как-то она снасла* = ‘спаслась’ (Оскольская, Стойнова, коллекция русской речи ульчей: lpd).

3.4. Отступления от основной стратегии

В некоторых случаях вместо прямой вставки русской основы происходит непрямая, с вербализатором *-lA*, как в нанайском языке (см. *Раздел 4*). В основном своем употреблении суффикс *-lA* образует глагол от имени, и это главный способ вербализации имен. В частности, в текстах встречаются и глаголы, образованные с помощью *-lA* от русских существительных, ср. пример (30). Список таких глаголов приведен в (31). Среди них есть такие, для которых в русском языке есть глагольный коррелят (ср. *mitingala-* и *митинговать*), и такие, для которых нет (ср. *svad'bala-*).

ульчский

- (30) *əj isali operacija-la-xa tēs gnoitsja*
 этот глаз операция.R-VBLZ-PST очень гноиться.PRS.3SG.REFL.R
 ‘Эти прооперированные глаза очень гноятся’ (Калинина и др.: ok).

- (31) *cementala-* ‘цементировать’, *komandala-* ‘командовать’ (2), *mitingala-* ‘митинговать’, *operacijala-* ‘оперировать’, *počtala-* ‘возить почту’ (2), *repeticijalə-* ‘репетировать’, *šof'orla-* ‘шоферить’, *svad'bala-* (2) ‘справлять свадьбу’.

Основной случай использования непрямой вставки с вербализатором *-lA* для адаптации русского глагола был описан выше — так могут адаптироваться возвратные глаголы (см. *Раздел 3.3*). В случае возвратного глагола *-lA* присоединяется к форме инфинитива.

Очень редко вербализатором *-lA* оформляются и невозвратные глаголы (32), все встретившиеся употребления перечислены в *Таблице 4*. Как показывает (32), в отличие от возвратных глаголов, невозвратные присоединяют *-lA* к основе, а не к форме инфинитива.

ульчский

- (32) *mun am-bi=la ən-bi=lə=gdəli klub-du*
 наш отец-1SG=PTCL мать-1SG=PTCL=PTCL клуб.R-DAT

*pilisə-l-i*⁷

плясать.R-VBLZ-PRS

‘А наши родители в клубе танцуют’ (Оскольская, Стойнова: lpd).

Таблица 4. Ульчские данные: употребления невозвратных глаголов с непрямой вставкой

Table 4. Ulcha data: the use of non-reflexive verbs with indirect insertion

	непрямая вставка (-IA)	прямая вставка
<i>плясать</i>	9	0
<i>рыбачить</i>	1	46
<i>штукатурить</i>	1	2
Всего	11	48

С непрямой вставкой встретилось всего три глагола, и только для *плясать* это единственная или основная стратегия адаптации. Заметим, что *плясать* — старое устойчивое фонетически адаптированное заимствование (*pilisələ-*, а не *pl'asala-*, других глаголов с настолько очевидной фонетической адаптацией в выборке не встретилось); от старого заимствования можно ожидать особого поведения.

В *Таблице 5* приведены обобщающие данные по количеству основ и употреблений с прямой и непрямой вставкой во всей выборке.

Таким образом, стратегия непрямой вставки ограничена в ульчском языке возвратными глаголами, она же закономерно используется для образования глаголов от русских существительных (как и от ульчских), использование же стратегии непрямой вставки для

⁷ Лично-числовой показатель в этом примере и во многих других опущен. Это не связано с тем, что перед нами заимствованный глагол. Факультативное опущение лично-числовых показателей в финитных формах глагола в целом распространено и в ульчском, и в нанайском языке.

адаптации невозвратных глаголов можно характеризовать как исключение.

Таблица 5. Ульчские данные: употребления с прямой vs непрямой вставкой

Table 5. Ulcha data: the uses with direct vs. indirect insertion

	основ	употреблений	% основ	% употреблений
прямая вставка	49	187	70,00 %	76,33 %
непрямая вставка — возвратные: V-INF- <i>sja</i> + <i>lA</i>	10	36	14,29 %	14,69 %
непрямая вставка — прочие: V+ <i>lA</i>	3	11	4,29 %	4,49 %
непрямая вставка — отыменные: N+ <i>lA</i>	8	11	11,43 %	4,49 %
Всего	70	245	100,00 %	100,00 %

4. Русские глаголы в нанайском языке

4.1. Стратегия непрямой вставки: вербализатор *-lA*

Основная стратегия адаптации русских глаголов в нанайском языке — стратегия непрямой вставки: к основе русского глагола присоединяется нанайский вербализатор *-lA* (или, реже, вербализатор *-č'i*), за которым следуют нанайские глагольные морфологические показатели (57 русских основ, 105 употреблений).

Данная стратегия предполагает меньшее разнообразие морфологических процессов, чем стратегия прямой вставки, используемая в ульчском. Нанайский вербализатор во всех случаях присоединяется к основе прошедшего времени русского глагола. Это может быть связано как с высокой частотностью глагольных форм с основой прошедшего времени в русской речи, так и, главным образом, с тем, что основа прошедшего времени преимущественно заканчивается

на гласный. В наших материалах зафиксированы примеры на разные типы основ русских глаголов:

- 1) основа на *-Ci/-C*: *kruti-lə-j* [крутить.R-VBLZ-PRS] {кино} ‘крутили’;
- 2) основа на *-Ca/-C*: *maza-lə-j* [мазать.R-VBLZ-PRS] ‘мазали’;
- 3) основа на *-a/-aj*: *meša-la-j* [мешать.R-VBLZ-PRS] ‘мешали’;
- 4) основа на *-Vva/-uj*: *korčeva-la-xa-ni* [корчевать.R-VBLZ-PST-3SG] ‘корчевала’.

К сожалению, в наших данных отсутствуют примеры заимствования русских глаголов с основой на *-C/-C* (ср. глаголы *печь*, *нести*). Нельзя однозначно утверждать, каким образом происходила бы адаптация таких глаголов, учитывая, что нанайскому языку не свойственны сочетания согласных типа *kl*, *sl*, *čl*. Можно предположить, что в этих случаях к основе прошедшего времени добавляется эпентетический гласный по аналогии с образованием глаголов от русских имен, см. *Раздел 4.4*.

4.2. Перфективная vs имперфективная основа глагола

В нанайских данных, как и в ульчских, встречаются как перфективные, так и имперфективные основы русских глаголов. Имперфективные основы преобладают: 90 употреблений против 15 употреблений перфективных основ. Чаще всего вид основы соответствует аспектуальной семантике глагола в нанайском предложении. Однако иногда бывают исключения: в нашей выборке в 20 примерах использована основа другого вида, нежели ожидалось по контексту. Среди этих примеров в двух случаях использовалась перфективная основа вместо ожидаемой имперфективной:

- НАНАЙСКИЙ
- (33) *tuberkul'oz* ***prosty-la-j*** *bi-či-n'=goa*
 туберкулез.R **простыть.R-VBLZ-PRS** быть-PST-3SG=PTCL
 {Чем они болели?} ‘Туберкулезом, они простужались’ (Оскольская, Стойнова: anvs).

В остальных случаях была использована имперфективная основа вместо перфективной:

- НАНАЙСКИЙ
 (34) *tujtamia motorka-j nəwu-j*
 потом моторка.R-REFL.SG младший.брат-1SG

zavodi-la-xa
 заводить.R-VBLZ-PST

‘Потом мой младший брат завел моторку’ (Оскольская, Стойнова: jgd).

Как и в ульчском языке, в нанайском выбор вида основы коррелирует с акциональными характеристиками ситуации и с морфологической и фонологической простотой основы (подробнее эти параметры описаны выше, в *Разделе 3.2*), см. *Таблицу 6*, полные списки глаголов см. в [Oskolskaya, Stoynova 2024a].

Данные *Таблицы 6* показывают, что основы совершенного вида с большей вероятностью заимствуются в случае глаголов достижения (achievement) или свершения (accomplishment). Также основы совершенного вида не используются, если соответствующая основа несовершенного вида проще в морфологическом или фонологическом отношении. Помимо этого, можно допустить, что на выбор вида основы влияет также ее морфологический тип: если основа совершенного вида прошедшего времени заканчивается на согласный (ср. *лег-, отнес-ся*), то предпочтительной оказывается основа несовершенного вида (*лежа-, относи-*), поскольку ее легче встроить в словообразовательную модель. Однако таких примеров слишком мало, чтобы однозначно утверждать это.

4.3. Возвратные глаголы

В наших данных зафиксировано 8 возвратных глаголов, заимствованных из русского языка. Во всех случаях адаптация происходит по основной стратегии непрямой вставки: к основе прошедшего

Таблица 6. Нанайские данные: вид русской основы
 Table 6. Nanai data: aspect of Russian stems

	НСВ			СВ				
	основ	унотр.	примеры глаголов	основ	унотр.	примеры глаголов	% СВ (основ)	% СВ (унотр.)
семантика	1	2	<i>лежать</i>	0	0	0	0%	0%
	13	23	<i>рыбачить</i>	0	0	0	0%	0%
	32	61	<i>готовить</i>	4	6	<i>раскулачить</i>	11,11%	8,96%
	4	7	<i>тыкать</i>	3	3	<i>остановиться</i>	42,86%	30%
сложность основы	26	57	<i>таскать</i>	0	0	—	0%	0%
	12	17	<i>оживлять</i>	3	3	<i>возместить</i>	20%	15%
	13	18	<i>собирать</i>	4	6	<i>раскулачить</i>	23,53%	25,00%
Всего	51	92		7	9		12,07%	8,91%

времени присоединяется вербализатор, за которым следуют нанайские грамматические показатели. При этой стратегии рефлексивный суффикс опускается:

- НАНАЙСКИЙ
- (35) *xəm sobira-la-go-j ča-du=tani*
 все собирать.R-VBLZ-PURP-REFL.SG это-DAT=PTCL
 {Старики собирались в клубе}. ‘Все там собирались’ (Оскольская, Стойнова: pnv).

4.4. Отступления от основной стратегии

В нанайском языке также наблюдаются другие, менее частотные стратегии адаптации русских глаголов. Примечательно, что среди них нет стратегии прямой вставки — основной стратегии в ульчском языке.

Одна из стратегий отличается от основной только вербализатором. К основе глагола присоединяется не суффикс *-la*, а суффикс *-či*:

- НАНАЙСКИЙ
- (36) *əži-ži gəsə setkə prover'a-či*
 муж-INS вместе сеть.R проверять.R-IPFV.PRS
 ‘Мы с мужем проверяли сети’ (Оскольская, Стойнова: gak).

В нанайском языке этот суффикс имеет имперфективное значение (ср., *selko-* ‘вымывать’ — *selko-či-* ‘мыть’). Он же может употребляться как вербализатор, образуя глаголы от нанайских имен, имперфективное значение сохраняется и в этом случае (ср. *žəuntuku* ‘левша’ — *žəuntuku-la-* ‘ударить левой рукой’ — *žəuntuku-či-* ‘бить левой рукой’). Все русские глаголы, зафиксированные с *-či*, также употреблены в имперфективном контексте.

Помимо русских глаголов, нанайский язык может аналогичным образом адаптировать русские имена существительные для образования новых глаголов:

НАНАЙСКИЙ

(37) *čaj-la-j-čī*

чай.R-VBLZ-PRS-3PL

‘Они пили чай’ (Оскольская, Стойнова: vmk).

Всего обнаружено 39 примеров употребления таких глаголов, образованных от 15 русских имен существительных. Среди них есть имена, у которых нет однокоренных им глаголов (например, *karma-la-xa* [карман-VBLZ-PST] ‘клат в карман’). Однако наибольшее количество употреблений приходится на глаголы, образованные от имен, у которых есть однокоренные глаголы: *охота* vs *охотиться*, *рыбак*, *рыбалка* vs *рыбачить*. Вероятно, выбор имени или глагола в качестве источника заимствования связан с контекстом: там, где по-русски ожидается употребление глагола, используется нанайский глагол, образованный от русского глагола, пример (39); в тех случаях, когда по-русски употребляется конструкция с именем, в нанайской речи используется глагол, образованный от русского имени, пример (38):

НАНАЙСКИЙ

(38) *goj gurun-səl ənə-j... dujsi...*

другой люди-PL идти-PRS лес.DIR

oxota-la-nda-mari

охота.R-VBLZ-MPURP-CVB.SIM.PL

‘Другие люди идут в лес **на охоту**’ (Оскольская, Стойнова: gchk).(39) *gə oxoti-lə-j, oxoti-lə-j...*

вот охотиться.R-VBLZ-PRS охотиться.R-VBLZ-PRS

‘Он **охотился-охотился**’ {и вернулся домой} (Оскольская, Стойнова: gchk).

Морфологически глаголы от имен образуются так же, как и от глаголов: к основе присоединяется вербализатор *-la* или — реже — *-čī*. Если основа заканчивается на согласный, то перед вербализатором появляется эпентетический гласный, как в примере (38) *oxota-la-nda-mari*. Эпентетический гласный подчиняется законам гармонии гласных, ср. *trubkə-lə-mər* [трубка.R-VBLZ-CVB.SIM.PL] ‘куря трубку’.

5. Обсуждение данных

5.1. Нанайский vs ульчский язык: различия в адаптации русских глаголов

Сопоставительные данные по нанайскому и ульчскому языкам кратко суммируются в *Таблице 7*.

Таблица 7. Адаптация русских глаголов в нанайском и ульчском языках: сопоставление

Table 7. Accommodation of Russian verbs in Nanai and Ulcha: comparison

	ульчский	нанайский
прямая вставка	основная стратегия	не засвидетельствована
непрямая вставка	маргинально используется в особых контекстах	основная стратегия
русский глагол: вид	оба вида: НСВ чаще, чем СВ	
русский глагол: тип основы	настоящего времени + чередующийся <i>i</i> (возможны альтернативные интерпретации); для глаголов на <i>-a/-aj</i> в некоторых контекстах основа на <i>-a</i>	прошедшего времени (на гласный)
возвратные глаголы (на -ся)	непрямая вставка формы инфинитива: V-INF- <i>sja</i> -VBLZ- (маргинально также прямая вставка: V- <i>sja</i> -)	непрямая вставка основы, <i>-ся</i> опускается: V-VBLZ

Нанайский и ульчский языки используют разные основные стратегии адаптации русских глаголов: нанайский — непрямую вставку — с помощью вербализатора *-la*, а ульчский — прямую. В обоих языках

русский вид основы может быть несовершенным (чаще) или совершенным (реже) и с собственно аспектуальным контекстом употребления это не коррелирует. В обоих языках для вставки выбирается абстрактная форма, т. е. основа настоящего или прошедшего времени русского глагола, хотя для ульчского языка возможна трактовка, при которой в большинстве контекстов вставляется форма императива (обобщенная форма). В нанайском языке это основа прошедшего времени (основа на гласный), в ульчском языке правила выбора и адаптации основы более сложные: для большинства случаев можно считать, что выбирается основа настоящего времени не 1SG с наращением чередующегося гласного. И в нанайском языке, и в ульчском особым образом ведут себя возвратные глаголы. В нанайском языке усекается *-ся* и используется обычная для нанайского стратегия непрямой вставки. В ульчском языке тоже чаще всего используется стратегия непрямой вставки (для ульчского нехарактерная), но вербализатор присоединяется к форме инфинитива, постфикс *-ся* сохраняется.

Таким образом, различий в стратегиях адаптации русских глаголов между в целом очень близкими нанайским и ульчским языками действительно оказывается неожиданно много.

5.2. Возможные причины различий между нанайской и ульчской стратегиями

Ниже мы изложим несколько предположений о причинах различий в стратегиях адаптации русских глаголов.

Первое возможное предположение: причина различий в том, что нанайский и ульчский языки используют разные стратегии вербализации. Если в нанайском языке глаголы образуются от имен с помощью специального суффикса, а в ульчском — безаффиксальным способом (т. е. глагольные словоизменительные показатели присоединяются непосредственно к именной основе), то такое же различие в оформлении русских глаголов выглядит вполне естественно. Это, однако, не так. Вербализатор *-IA* используется как основное средство образования глаголов от имен и в нанайском языке (40a), и в ульчском (40b):

НАНАЙСКИЙ

(40) a. *geda* ‘копье’ ~ *geda-la-* ‘протыкать копьем’

УЛЬЧСКИЙ

b. *gida* ‘копье’ ~ *gida-la-* ‘протыкать копьем’

В ульчском языке действительно встречаются безаффиксальные пары «имя — глагол» (41b), но редко, и точно так же маргинально они представлены и в нанайском (41a).

НАНАЙСКИЙ

(41) a. *geol* ‘весло’ — *geoli-* ‘грести’

УЛЬЧСКИЙ

b. *giuli* ‘весло’ — *giuli-* ‘грести’

Другое предположение: использование стратегии прямой vs не-прямой вставки — это ареальная черта, характеризующая не только нанайский и ульчский, а более широко — целый ряд географически смежных тунгусо-маньчжурских идиомов. Подробное исследование выходит за рамки настоящей статьи, однако по предварительным наблюдениям, которые отражены на *Рисунке 1*, эта гипотеза кажется правдоподобной. Стратегия не-прямой вставки представлена только в нанайском языке. Стратегия прямой вставки используется, помимо ульчского языка, в географически близких к нему негидальском, эвенкийском⁸ (северно-тунгусские) и орокском (южно-тунгусские). Ср. пример (42) из негидальского:

НЕГИДАЛЬСКИЙ

(42) *albəs-sin-təa-n*   *omoročka*   *dostavaj-da-j*
плавать-ТАМ1-РСТ-3SG   оморочка.R   доставать.R-VS.PURP-REFL.SG

‘Он поплыл, чтобы достать свою оморочку’ (корпус текстов [Pakendorf, Aralova 2017]).

⁸ По крайней мере, об этом свидетельствуют данные корпусов эвенкийского языка [Казакевич и др.] и [Däbritz, Gusev 2021], в которых, впрочем, мало текстов на восточных диалектах, ареально наиболее близких к ульчскому и орокскому.

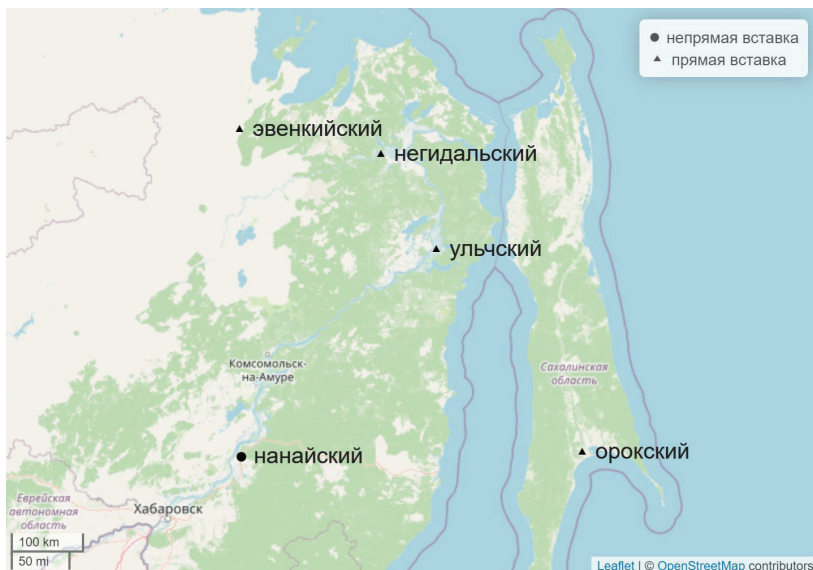

Рис. 1. Стратегия прямой vs непрямой вставки в нанайском и ульчском и в географически смежных тунгусо-маньчжурских идиомах

Fig. 1. Strategy of direct vs indirect insertion in Nanai, Ulcha and in geographically adjacent Tungusic lects

Вопрос о том, как именно возникает наблюдаемое ареальное распределение, выходит за рамки настоящей статьи и требует дальнейшего исследования. Можно, например, предположить, что стратегия прямой вставки развивается в ульчском и орокском языках под влиянием северных тунгусо-маньчжурских языков, однако имеющихся данных недостаточно для уверенных утверждений такого рода. Про орокский действительно известно, что он подвергался влиянию северно-тунгусских языков и что некоторые черты его грамматики (например, система отрицания) близки к северным. Про ульчский это менее очевидно: есть сведения о контактах ульчей с эвенками и негидальцами, в т. ч. о смешанных браках, однако не о влиянии северно-тунгусских языков на языковую систему. Примечательно также, что стратегии прямой вставки не обнаруживается в горинском говоре

нанайского языка (данные которого в т. ч. вошли в нашу выборку). Это говор этнической группы самагиров, носителей северно-тунгусского языка, перешедших на нанайский, и в нем естественно было бы ожидать северного влияния.

Наконец, последнее предположение: разница в стратегиях адаптации русских глаголов может быть связана с разницей в морфологии ульчского и нанайского языков. Как упоминалось выше (Разделы 2.2, 2.3), в нанайском языке очень отчетливые морфемные границы. Это может блокировать прямую вставку русских глагольных основ (которые не вполне похожи на нанайские). Вставка вербализатора (который, не вызывая морфонологических проблем, может быть присоединен к любой основе на гласный, в т. ч. к русской основе прошедшего времени) позволяет избежать нехарактерных для нанайской системы стечений фонем. В ульчском языке морфемные границы значительно менее отчетливые, больше чередований и других процессов на стыках морфем. В такой ситуации, видимо, проще подвергнуть тем или иным процессам и русскую основу, если она не встраивается удачным образом в ульчскую парадигму, т. е. стратегия прямой вставки оказывается доступнее, чем в нанайском языке.

Интересно, что похожую разницу в стратегиях адаптации можно наблюдать в именной системе. Русское существительное на согласный, заимствуясь в нанайский язык, в обязательном порядке получает конечный эпентетический гласный (43a). В ульчском языке возможна «прямая вставка» существительного, несмотря на образование нехарактерных для ульчской системы консонантных кластеров на стыке морфем (43b) и сложностей с выбором падежных алломорфов, см. более подробное описание и объяснение, апеллирующее, как и приведенное выше, к разнице в организации ульчской и нанайской морфонологии в [Стойнова 2020].

НАНАЙСКИЙ

(43) а. *klasa-du* [класс.R-ДАТ] ‘в классе’

УЛЬЧСКИЙ

б. *klas-du* [класс.R-ДАТ] ‘в классе’

6. Заключение

В этой статье мы рассмотрели вариативность в стратегиях морфологической адаптации глагола на примере близкородственных нанайского и ульчского языков. Оба языка содержат большое количество русских глагольных заимствований, но адаптируют их по-разному. В нанайском языке в качестве основной стратегии используется непрямая вставка русской основы с помощью вербализатора. В ульчском — прямая вставка. Сама русская основа, интегрируемая в глагольную парадигму, — разная для нанайского и ульчского. Есть и другие различия: например, по-разному ведут себя возвратные глаголы.

Морфологическая адаптация заимствованных глаголов достаточно хорошо исследована. В частности, есть работы, направленные на поиск межъязыковых закономерностей в этой области, выявление характерных типов / стратегий адаптации. Они неизбежно игнорируют небольшие различия, наблюдаемые между близкими языками, или вариативность в адаптации глагола в рамках одного языка. Эти различия могут регулироваться не столько некими универсально-типологическими тенденциями, сколько целым рядом очень частных факторов. Выявление и самих различий, и регулирующих их факторов оказывается не менее интересной задачей.

В случае нанайского и ульчского релевантными кажутся два фактора. Первый — ареальный: конкретная стратегия адаптации глагола, видимо, заимствуется из одного тунгусо-маньчжурского языка в другой. Второй фактор — морфонологический: различия в адаптации глаголов хорошо согласуются с различиями в том, насколько отчетливы в языке морфемные границы и насколько для него характерны те или иные морфонологические процессы на стыке основы и аффикса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIR — директив; EMPH — эмфаза; EPENTH — эпентетический гласный;

IDEOPH — идеофон; IMP — императив; IMPRS — имперсоналис; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; MPURP — движение с целью; NSIM — одновременность; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PURP — целевое деепричастие; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность; TAM1 — видо-временной показатель; VBLZ — вербализатор.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961.
- Баранова 2020 — В. В. Баранова. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.
- Герасимова 2002 — А. Н. Герасимова. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002. № 12. С. 246–257.
- Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- Калинина, Оскольская 2016 — Е. Ю. Калинина, С. А. Оскольская. Нанайский язык // В. Ю. Михальченко (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 293–296.
- Петрова 1936 — Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Стойнова 2020 — Н. М. Стойнова. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 92–110. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-92-110.
- Сумбатова, Гусев 2016 — Н. Р. Сумбатова, В. Ю. Гусев. Ульчский язык // В. Ю. Михальченко (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- РГ 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Dressler, Gagarina 1999 — W. U. Dressler, N. Gagarina. Basic questions in establishing the verb classes of contemporary Russian // А. А. Вигасин, Р. Вроон, М. Л. Гаспаров, А. А. Зализняк, Т. М. Николаева, А. Л. Осповат, В. Н. Топоров,

- Л. С. Флейшман (ред.). Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 754–760.
- Forker 2021 — D. Forker. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25. Iss. 1. P. 240–271. DOI: 10.1177/1367006920947168.
- Kazama 2002 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 2*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 20). Osaka: ELPR, 2002.
- Kazama 2006 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 3*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 30). Tokyo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2006.
- Kazama 2008 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 4*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 43). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Kazama 2010 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 5*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 49). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Kazama 2024 — Sh. Kazama. *Ulcha* // A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. London: Routledge, 2024. P. 407–435.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. Borrowed verbs // *Wiener Linguistische Gazette*. 1975. Iss. 8. P. 3–30.
- Muysken 2000 — P. Muysken. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton, Jake 2014 — C. Myers-Scotton, J. Jake. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model // *Bilingualism, Language and Cognition*. 2014. Vol. 17. Iss. 3. P. 511–525. DOI: 10.1017/S1366728913000758.
- Oskolskaya, Stoynova 2013 — S. Oskolskaya, N. Stoynova. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. Vol. 4. No. 2: Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99–116. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.05.
- Stoynova 2019 — N. Stoynova. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // *Slavica Helsingiensia*. 2019. Vol. 52. P. 9–36.
- Wichmann, Wohlgemuth 2008 — S. Wichmann, J. Wohlgemuth. Loan verbs in a typological perspective // T. Stolz, D. Bakker, R. S. Palomo (eds.). *Aspects of Language Contact*. Berlin; New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Источники

- Казакевич и др. — О. А. Казакевич, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофанова. Корпус эвенкийского языка (электронный ресурс). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki> (дата обращения: 18.10.2024).
- Däbritz, Gusev 2021 — Ch. L. Däbritz, V. Gusev. INEL Evenki Corpus (электронный ресурс). Версия 1.0, 2021. Дата публикации 31.12.2021. Архив института Гамбург. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>. (дата обращения: 10.18.2024).
- Oskolskaya, Stoynova 2024a — S. Oskolskaya, N. Stoynova. Видовая характеристика русских глагольных основ, заимствованных в нанайский язык [Data set]. Zenodo. 2024. DOI: 10.5281/zenodo.13984060.
- Oskolskaya, Stoynova 2024b — S. Oskolskaya, N. Stoynova. Видовая характеристика русских глагольных основ, заимствованных в ульчский язык [Data set]. Zenodo. 2024. DOI: 10.5281/zenodo.13983665.
- Pakendorf, Aralova 2017 — B. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur (электронный ресурс). London: SOAS, Endangered Languages Archive, 2017. URL: <https://clar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 16.08.2023).

References

- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka* [A grammar of Nanai]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR Publisher House, 1961.
- Baranova 2020 — V. V. Baranova. Adaptatsiya glagolnykh zaимstvovaniy v mongolskikh yazykakh [Adaptation of verbal borrowings in Mongolic]. *Ural-Altaiic Studies*. 2020. № 3 (38). P. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.
- Dressler, Gagarina 1999 — W. U. Dressler, N. Gagarina. Basic questions in establishing the verb classes of contemporary Russian. A. A. Vigasin, R. Vroon, M. L. Gasparov, A. A. Zaliznyak, T. M. Nikolaeva, A. L. Ospovat, V. N. Toporov, L. S. Flejshman (eds.). *Essays in Poetics, Literary History and Linguistics. Presented to Viacheslav Vsevolodovich Ivanov on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Moscow: OGI, 1999. P. 754–760.
- Forker 2021 — D. Forker. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union. *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25. No 1. P. 240–271. DOI: 10.1177/1367006920947168.

- Gerasimova 2002 — A. N. Gerasimova. Nanayskiy i ulchskiy yazyki v Rossii: sravnitel'naya kharakteristika sotsiolingvisticheskoy situatsii [The Nanai and Ulcha languages in Russia: a comparative description of the sociolinguistic situation]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 2002. № 12. P. 246–257.
- Kalinina, Oskolskaya 2016 — E. Yu. Kalinina, S. A. Oskolskaya. Nanayskiy yazyk [The Nanai language]. V. Yu. Mikhalchenko (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. An Encyclopaedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 293–296.
- Kazama 2002 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 2*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 20). Osaka: ELPR, 2002.
- Kazama 2006 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 3*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 30). Tokyo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2006.
- Kazama 2008 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 4*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 43). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Kazama 2010 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 5*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 49). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Kazama 2024 — Sh. Kazama, A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. London: Routledge, 2024. P. 407–435.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. Borrowed verbs. *Wiener Linguistische Gazette*. 1975. № 8. P. 3–30.
- Muysken 2000 — P. Muysken. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton, Jake 2014 — C. Myers-Scotton, J. Jake. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model. *Bilingualism, Language and Cognition*. 2014. Vol. 17. Iss. 3. P. 511–525. DOI: 10.1017/S1366728913000758.
- Oskolskaya, Stoynova 2013 — S. Oskolskaya, N. Stoynova. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. Vol. 4. No. 2: Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99–116. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.05.
- Petrova 1936 — T. I. Petrova. *Ulchskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulcha dialect of Nanai]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- RG 1980 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [A grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1980.
- Stoynova 2019 — N. Stoynova. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Helsingiensia*. 2019. Vol. 52. P. 9–36.
- Stoynova 2020 — N. M. Stoynova. Raznyye strategii adaptatsii zaimstvovaniy v pokhzhikh morfologicheskikh sistemakh: ruskiye sushchestvitelnyye v nanayskom

- i ulchskomazykakh [Different loanword integration strategies in similar morphological systems: Russian nouns in Nanai and Ulcha]. *Ural-Altai Studies*. 2020. No. 3 (38). P. 92–110. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-92-110.
- Sumbatova, Gusev 2016 — N. R. Sumbatova, V. Yu. Gusev. Ulchskiy yazyk [The language of Ulcha]. V. Yu. Mikhalchenko (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. An Encyclopaedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 513–515.
- Sunik 1985 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [Ulcha: Studies and materials]. Leningrad: Nauka, 1985.
- Wichmann, Wohlgemuth 2008 — S. Wichmann, J. Wohlgemuth. Loan verbs in a typological perspective. T. Stolz, D. Bakker, R. S. Palomo (eds.). *Aspects of Language Contact*. Berlin; New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
- Zaliznyak 1977 — A. A. Zaliznyak. *Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 23.04.2024

Географические подходы к изучению гидронимии: потамонимы Юго-Восточного Обонежья в сопоставлении со смежными ареалами

А. И. Соболев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия); kroikoi@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4261-7976

Аннотация. В статье продолжается поиск этимологий топонимов, подтверждаемых географическими реалиями [Соболев 2020]. Предмет рассмотрения — субстратные потамонимы Юго-Восточного Обонежья, оканчивающиеся на *-ega* и *-oï / -ей*, которые восходят к прибалтийско-финским (в данном случае — вепским и карельским) оригиналам на *-jogi* ‘река’ и *-oja* ‘ручей’. Сочетание микрорегионального и общерегионального подходов позволило выявить территории, на которых, судя по субстратной микротопонимии, имелось значительное прибалтийско-финское население (бассейн Пинеги и Мезени), а также пути его ранних миграций.

Ключевые слова: вепский язык; карельский язык; топонимия; языковые контакты; этническая история; языковой субстрат; этимология; Вологодская область; Карелия.

Благодарности. Исследование проведено в рамках темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний» (номер госрегистрации 124022000089-4) Карельского научного центра Российской академии наук.

Geographical approaches to the study of hydronymy: Potamonyms of Southeastern Lake Onega Region in comparison with adjacent areas

Anton I. Sobolev

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia); kroikoi@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4261-7976

Abstract. The article continues the search for exact etymologies of toponyms, in this case confirmed by geographical realities [Sobolev 2020]. The subject of consideration is the substrate potamonyms (names of watercourses) of the Southeastern Lake Onega Region (north of the Vytegra district of the Vologda Region and south of the Pudozh district of the Republic of Karelia), ending in *-ega* and *-oy/-ey*, which go back to the Baltic-Finnish originals in *-jogi* ‘river’ and *oja* ‘stream’. The determinant *-ega* in the toponyms of the subregion correlates with a Veps type source. The presence of topographic bases not only of the Veps, but also of the Karelian type (*Galent-*, *Novz-*, *Sharzh-*) makes it possible to correlate the determinants in the study area not only with Veps, but also with Karelian material. The combination of microregional and regional approaches made it possible to identify territories in which, judging by the substrate microtoponymy in *-oya/-uy* (variants of *-oy/-ey*), there was a significant Baltic-Finnish population (Pinega and Mezen basin). Massive cases of tracing of toponyms (*Kivoja* / *Kivruchey* / *Kamenny ruchey*, in Veps *kivi* ‘stone’, *oja* ‘brook’, in Russian *kamenny* ‘stony’, *ruchey* ‘brook’) are noted in the Oyat River basin — in the zone of living and recent Veps-Russian bilingualism. Signs of the relatively recent (late 18th–19th centuries) use of the Veps or Karelian languages are evident in the southern and Southeastern Lake Onega Region. In turn, place names in *-ega/-oga* are unique markers of early migrations from the Baltic Sea basin to the White Sea basin. The routes (in the case of Pinega, the end point) of the early eastern Baltic-Finnish routes to Zavolochye are marked with the following macrohydronyms: *Onega* (**Eneg* < **Enäjogi* ‘big river’) and *Pinega* (**P(i)en’eg* < **Pieniljogi* ‘small river’). At the same time, individual toponyms on *-ega/-oga* can ascend PF toponyms on *-eh/-eg*, not associated with *jogi* ‘river’ (*Ladoga* < **Alodeh* ‘lowland’).

Keywords: Veps language; Karelian language; toponymy; language contacts; ethnic history; language substratum; etymology; Vologda Region; Karelia.

Acknowledgements. This research was conducted as part of the project «Balto-Finnic Languages of North-West Russia in the Context of Digitalisation of Scientific Knowledge» (№ 124022000089-4) of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

1. Введение

Статья продолжает серию публикаций, посвященных географическому подтверждению топонимических этимологий Юго-Восточного Обонежья (далее — ЮВО) [Соболев 2020] и путям повышения достоверности этимологий топонимов [Соболев 2021]. Этимологии топонимов, подтверждаемые географическими реалиями, можно отнести к разряду «точных» наряду со случаями калькирования в топонимии (разумеется, не забывая о необходимости привлечения письменных источников и материала по смежным территориям, а также о возможном влиянии народной этимологии). Поиск точных этимологий позволяет верифицировать круг языков, послуживших основой для субстратной топонимии территории (в данном случае — ЮВО), а также использовать топонимические данные представителями других областей научного знания, в том числе историками и этнологами, которые нередко испытывают недоверие (порой обоснованное) к анализу топонимического материала.

В настоящей статье рассмотрены названия водотоков (потамонимы), этимология которых связана с типом объекта. В данном случае — оканчивающиеся на *-ега* и *-ой / -ей*, которые традиционно возводят к прибалтийско-финским оригиналам на *-jogi* ‘река’ и *-oja* ‘ручей’.

При этом в задачи, поставленные в данной статье, не входит рассмотрение всего ареала распространения топооснов потапонимов (например, *Сярж-*, *Таг-*), поскольку они не всегда имеют географическое подтверждение (за исключением основы *Новз-* ‘ключ, родник’). Мы ограничиваемся привлечением типологически схожего материала по другим территориям (в данном случае — потапонимов,

образованных по схожим топонимическим моделям). Это позволяет не только повысить достоверность этимологий топонимов, но также выявить территории, на которых возможно дальнейшее полноценное исследование субстратной топонимии ввиду наличия микротопонимии, свидетельствующей о значительном присутствии носителей субстратных языков.

Привлечение для рассмотрения только моделей прямой адаптации (*Кивой* < *Kivioja*), а не многочисленных полукалек (по типу *Кивручей*), исчисляемых в ЮВО несколькими десятками, обусловлено тем, что последние не содержат языкового указания субстратного происхождения на тип объекта. Вместе с тем они несомненно заслуживают отдельного рассмотрения в отдельных статьях, поскольку их топонимы могут иметь географическое подтверждение (например, *Сулларучей* < вепс., кар. *sula* ‘талый, незамерзающий’), а также являются ценным свидетельством постепенного массового перехода населения через период двуязычия с прибалтийско-финских языков на русский.

Исследуемая территория с точки зрения историко-культурного районирования является частью Обонежья — крупного историко-культурного региона, расположенного в бассейне Онежского озера.

Выбор данной территории обусловлен тем, что именно Обонежье является полигоном для изучения вопросов языкового взаимодействия и его частных случаев — славяно-финского (русско-вепского и русско-карельского) и карело-вепского языкового взаимодействия.

По результатам анализа верхнего пласта субстратной топонимии, проведенного И. И. Муллонен, Обонежье полностью входит в границы исторической вепской этнической территории [Муллонен 2012]. По результатам анализа этнонимии, антропонимии и письменных источников можно заключить, что неоднократные миграции карелов из Северо-Западного Приладожья были направлены в Обонежье, а русское население края сформировалось в значительной степени в результате перехода на русский язык местного прибалтийско-финского населения (см.: [Муллонен 2008в; Захарова 2015; Соболев 2015а, 2015б]).

Данные анализа лексики, в свою очередь, свидетельствуют, что именно говоры Обонежья из всех русских говоров наиболее

подверглись адстратному и субстратному прибалтийско-финскому влиянию. Здесь наблюдается самый большой удельный вес неисконной лексики среди всех русских говоров Северо-Запада Европейской части России (в Обонежье и в прилегающих районах зафиксировано более 1 тыс. лексем прибалтийско-финского происхождения, в основном карельско-вепского типа) [Мызников 2003: 7, 13]. Столь большое количество прибалтийско-финских слов, активно употребляющихся в настоящее время на Ояти, в Заонежье, в Пудожье и на Вытегре, согласно А. С. Герду, — итог скрещения восточнославянской и прибалтийско-финской этнолингвистических групп, последняя из которых постепенно перешла на русскую речь [Герд 1975: 193–194].

Предположения лингвоисторического характера, основанные на данных анализа лексики и топонимики, в целом подтверждаются и внеязыковыми (антропологическими) данными.

Антропологические (дерматоглифические) данные также свидетельствуют о вхождении в состав русских Карелии субстратного прибалтийско-финского (карельского и вепского) компонента, что является «свидетельством преобладания процессов культурной асимилиации над вытеснением местного населения русскими пришельцами» [Широбоков 2009: 291, 2010: 85, 87].

Впервые единство севера Вытегорского и юга Пудожского районов под общим названием ЮВО обозначил А. С. Герд, который осуществлял районирование Обонежья на основании археологических, этнографических, лингвистических, музыковедческих данных. Он рассматривал ЮВО как часть Южно-Онежской зоны Обонежья¹ и отмечал, что этот микроареал выделяется как по данным этномузыковедения, так и по данным лингвистики [Герд 2001: 410, 412].

При меньшей степени приближения ЮВО может рассматриваться как часть Южного Обонежья², Обонежья, Европейского (Русского)

---

¹ Всего в Обонежье А. С. Герд выделял 3 историко-культурных подзоны — Западно-Онежскую, Южно-Онежскую и Восточно-Онежскую.

² Под Южным Обонежьем с учетом административно-территориального деления XV–XVIII вв., отражающего в какой-то степени особенности освоения территории и закреплявшего местные языковые и культурные черты,

Севера³, Северо-Запада Европейской части России (далее — Северо-Запад).

Рассмотрение в настоящей работе не всего Южного, а только Юго-Восточного Обонежья обусловлено следующими обстоятельствами.

Современное население ЮВО — русское. Однако языковые данные (хорошая сохранность субстратной микропонимии, наличие субстратной лексики в местных говорах) свидетельствуют в пользу относительно недавнего обрусения прибалтийско-финского (прежде всего вепсского) населения Южного Обонежья (см.: [Рут 1982: 21; Герд 2001: 410; Муллонен 2001: 337]). При этом письменные источники XIX–XX вв. фиксируют вепское население лишь в Юго-Западном Обонежье, а в отношении ЮВО такие данные отсутствуют. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., карельский язык в качестве родного указали 9 человек

мы понимаем прилегающие к Онежскому озеру с юга (от с. Гакугса на востоке до с. Рыбрека на западе) земли, ограниченные бассейнами впадающих в него рек. В XV–XVIII вв. данную территорию занимали 4 погоста Заонежской половины Обонежской пятины — Никольский Андомский, Покровский Вытегорский, Рождественский Мегорский (Мегрежский) и Никольский Оштинский. В соответствии с современным административно-территориальным делением Южное Обонежье включено в Вытегорский район Вологодской области, южные части Пудожского и Прионежского районов Республики Карелия, восточную часть Подпорожского района Ленинградской области. Кроме указанных территорий А. С. Герд, основываясь на результатах комплексных междисциплинарных исследований, включал в Южное Обонежье (по терминологии А. С. Герда «Южно-Онежскую подзону») юго-запад Кондопожского района Республики Карелия [Герд 2001: 412].

³ Под Европейским Севером России обычно и в данной работе также понимается территория Республики Карелия и Республики Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Ненецкого автономного округа. В свою очередь, понятие Русский Север, которое может употребляться как равнозначное Европейскому Северу России, нередко обозначает менее обширную территорию — Архангельскую и Вологодскую области. Именно в последнем значении данное понятие используется, например, в топонимических работах А. К. Матвеева.

в Вытегорском уезде (далее — у.) и 7 человек в Пудожском у., чудский (здесь — вепский) — 5 человек в Вытегорском у. [ПНРИ], что, несомненно, не полностью отражает фактическое число носителей этих языков.

При этом ЮОВО располагается вблизи важных природных, историко-культурных границ между:

- 1) крупнейшими водосборными бассейнами Европы (бассейн Балтийского, Белого и Каспийского морей). Как известно, часть территории ЮОВО расположена на Андомской возвышенности — уникальном «водоразделе трех крупнейших водосборных бассейнов Европы: Балтийского (реки Андома, Колода и Сомба с притоками), Беломорского (реки Тихманьга и Ухта с притоками) и Каспийского (реки Сойда и Кема с притоками)» [ВAB: 5–6]. На Земле известны еще две подобные точки: одна из них находится на хребте Каргапазари (Турция), где сочленяются водосборные бассейны Атлантического и Индийского океанов и Каспийского моря. Другая — на хребте Льюис в Скалистых горах (США), где сочленяются водосборные бассейны Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов [ВAB: 5–6];
- 2) физико-географическими странами (Фенноскандией и Русской равниной) [ВAB: 6–8];
- 3) историко-культурными зонами (Обонежьем, Каргопольем, Белозерьем);
- 4) ареалами русского и прибалтийско-финских (вепского, карельского) языков.

Отметим, что диалектика границы заключается в том, что именно на границе разные среды, с одной стороны, разделяются (зачастую, достаточно условно), а с другой стороны, напротив, максимально сближаются.

Таким образом, прохождение вблизи ЮОВО указанных выше границ позволяет предполагать здесь наличие длительных языковых, этнических и культурных контактов.

ЮВО расположено на северо-западе Восточно-Европейской равнины в восточной части бассейна (далее также — бас.) Балтийского моря / Онежского озера.

Территориально ЮВО ограничено с запада Онежским озером, с севера и юго-запада — бассейнами рек Водлы и Мегры (бас. Онежского озера), с востока — бассейнами рек Тихманьги и Ухты (бас. Белого моря / р. Онеги), с юга и юго-востока — бассейнами рек Ковжи и Кемы (бас. Каспийского моря / р. Волги).

Нахождение у водораздела трех водных систем предопределило специфику освоения данной территории и ее историко-культурные особенности (встречающиеся и накладывающиеся друг на друга потоки прибалтийско-финского и древнерусского населения). Ведь, как известно, на Европейском (Русском) Севере «освоение территорий было жестко детерминировано конфигурацией речных систем и местоположениями волоков, определяющими направления колонизационных потоков» [Макаров 1997: 48].

А. С. Герд точно и образно назвал Обонежье «своеобразным котлом, который тысячелетиями втягивал в себя с юга и юго-востока различные племена и народы, пройдя через который, они шли дальше на Север, к Белому морю, и на Восток, к великим рекам Русского Севера» [Герд 2001: 416].

ЮВО длительное время — с конца XV в. по начало XX в. (до 1922 г.) — сохраняло определенное административно-территориальное единство в следующих рамках:

- часть Заонежской половины Обонежской пятины Новгородской земли (исторические территории Никольского Андомского и Покровского Вытегорского погостов, далее — пог.⁴);

---

⁴ При этом в отдельные периоды Андомский и Вытегорский погосты административно объединялись под руководством одного старосты (см.: [Доезд 1689]). В конце XV в. в этих двух погостах владельцами волосток и «вопчих» (разделенных на несколько собственников) деревень были одни и те же новгородские бояре. Поэтому возможно, что ранее земли в Андомском и Вытегорском погостах представляли собой единое владение (см.: [АИ 1971: 253]).

- подчиненность городам Олонцу и Петрозаводску (в следующей хронологической последовательности: Олонецкий у. > Олонецкая провинция > Олонецкая область > Олонецкая губерния (далее — губ.)).

Территориальное разобшение ЮВО произошло в 1922 г., когда в результате упразднения Олонецкой губ. часть Вытегорского у. была передана в состав Петроградской губ., а часть Пудожского у. — в Карельскую трудовую коммуну⁵, и продолжилось в связи с передачей в 1937 г. из Ленинградской в Вологодскую обл. Андомского (в составе 15 сельсоветов) и Вытегорского (в составе г. Вытегры и 16 сельсоветов) районов⁶.

Основными источниками топонимического материала послужили: 1) исторические письменные источники (издания писцовых и переписных книг XV–XVII вв., актов XV–XVII вв., архивные материалы); 2) топографические карты и планы XVIII–XX вв.; 3) данные научной топонимической картотеки Карельского научного центра РАН; 4) цифровые базы данных, размещенные в интернете (электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба»); 5) работы по геологии, географии, биологии, этнографии, истории, касающиеся ЮВО; 6) опубликованные археологические данные; 7) полевые материалы автора, собранные им в 1996–2008 гг. на территории Вытегорского района Вологодской области и Пудожского района Республики Карелия; 8) лингвистические словари. В качестве сравнительного материала привлекались исторические и современные топонимы из смежных с ЮВО территорий России, Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии. Поиск топонимов проводился по письменным источникам и общедоступным базам данных в интернете.

Активное привлечение исторических письменных источников также служит повышению достоверности топонимических этимологий. Их совокупность позволяет рассмотреть топонимы в развитии, исключить

⁵ Олонецкая губ. упразднена декретом ВЦИК РСФСР от 18.09.1922 г.

⁶ Постановление ЦИК СССР от 23.09.1937 г. «О разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области».

неверные варианты названий, возникшие из-за ошибок писцов или неправильного распознавания графем при публикации рукописного текста, а также выявить ранее неизвестные или незафиксированные при полевых сборах топонимы. Особенно это актуально для территорий, на которых в XX веке существенно уменьшилось количество населенных пунктов вследствие различных социально-демографических процессов (в частности, ликвидации «неперспективных» деревень).

Далее перейдем к рассмотрению непосредственно топонимического материала ЮВО — потамонимов с финалью *-ега* и *-ей/-ой* (Рис. 1).

Рисунок 1. Топонимы на *-ега* / *-еги* и *-ей* / *-ой* в Юго-Восточном Обонежье

Figure 1. Toponyms ending in *-ega* and *-ey/-oy* in the Southeastern Lake Onega Region

2. Анализ топонимического материала

2.1. Потамонимы с финалью *-ega*

В названиях водотоков Северо-Запада конечные элементы *Vga* восходят к термину, обозначающему реку в прибалтийско-финских (далее — ПФ), саамском (далее — саам.), волжско-финских и пермских языках (вепс., ливв., кар. *jogi*, люд. *d'ogi*, фин., кар., ижор. *joki*, эст. *jõgi*, лив. *jo '(i)g* ‘река, речка’, саам. *jokká* ‘то же’, мар. *joʒəˊ* ‘течение, поток’, к.-зыр. *ю* ‘река’⁷ < прауральское *joke ‘река’ [UEW: 99]).

Ареал потамонимов на *-Vga* очень широк. Он охватывает Архангельскую и Вологодскую обл., а также смежные территории Республики Коми, Ненецкого автономного округа, Республики Карелия и Мурманской обл.

В ЮВО к гидронимам на *-Vga* (*-ega*) относятся следующие:

Кольчега

Кольчега, руч. (Курж: Каньшино), он же *Кивизручей* (картогр.), ранее *Кирьвез ручей*, 1645–1676 гг. [Челобитная, 1645–1676] < вепс. **Kolč/eg*, где *Кольч-* доприбалтийско-финская (далее — доПФ) основа, сопоставимая с прасаам. *kōlsē ‘утка-крохаль (*Mergus*)’ [Матвеев 2007: 86].

Топоснова *Кольч-/Кольц-* отмечена в вепс. и субстратных (далее — субстр.) гидронимах в Южном, Восточном Обонежье и Белозерье:

- вепс. *Kol's 'arv'*, оз. (Выт: Шимозеро) [ПДА];
- *Кольчезеро / Кольцозеро* / вепс. *Kol's 'ar'*, оз. (бас. р. Иводы) (Баб) [СОГБ: 412];
- *Кольчозеро* (Пуд).

Следует отметить, что *Кольчозеро* (Пуд) соединено протокой с озерами *Лебяжьими*. В свою очередь оз. Большое *Лебяжье*

⁷ О происхождении детерминанта *-Vga* см.: [Матвеев 2001: 249–256, 2007].

соединено протокой с оз. *Кагача / Кагачозеро* [ПДА] (Сой), ранее *Гагач*, конец XVIII в. [ГП] (картогр. ошибочное *Косач*) < вепс. *kačač, gagač* ‘гагара (Gavia)’). Таким образом, топонимы *Гагач, Кольцозеро, Лебяжьи* образуют топонимическую микросистему.

Возможно, что в доприбалтийско-финский период лимнонимы содержали топоосновы прасаам. типа (*kōlsē ‘утка-крохаль’, *toktek ‘гагара’ и **n’ukce* ‘лебедь (Cygnus)’ (лексические данные даются по [YS]).

Такие топоосновы действительно встречаются в топонимии ЮОВО и на прилегающей территории:

- *Северная и Южная Тухта*, р., *Тухтозеро*, оз. в бас. р. Андомы; истор. *Тухта* (*Тутка*, совр. *Вербушка*), р., *Тухтозеро, оз. > истор. *Тутозеро* > *Тудозеро*;
- *Ньюкозеро / Ньюкша*, оз. (Выт) (бас. Кемы).

Возможно, что в период саамско-вепсского билингвизма доприбалтийско-финская топооснова *Kōlsē- спровоцировала появление топонимов с вепс. основами *Gagač- и *Joučēn- ‘лебедь’⁸. Но в любом случае мы имеем дело с редкой трехязычной топонимической микросистемой на современной моноязычной территории.

В гидронимии норвежской и финской Лапландии топонима отмечена в названиях потапонимов *Goalse/johka*, руч. (Fim: Berlevåg) [НК] (< саам. *goal’sē* ‘утка-крохаль’, *johka* ‘река’), *Kolsa/oja*, руч. (Lap: Kittilä) [ММЛ] (< фин. лапландское *kolsa* ‘утка-крохаль’ < саам. *goal’sē* ‘утка-крохаль’, фин. *oja* ‘ручей’)⁹.

Ноздрегя

Ноздрига / Ноздрекя (картогр.) [ГВР], р., прав. приток р. Андомы (АНС: Сергеево), она же *Ноз(д)рега* [ПДА], *Нозрега*, р., 1921 г. [Зильберминц 1921: 10], *Новзручей*, 1906 г. [СМПС 94: 430], *Ноздр*,

⁸ По материалам гидронимии Присвирья известно, что перевод вепс. топоосновы *juicen-, juisn-* ‘лебедь (Cygnus)’ достаточно обычен (*Juicen/järv* > *Лебяжье озеро) [Муллонен 2002: 111].

⁹ О направлении заимствования см.: [SSA 1: 409].

руч., конец XVIII в. [ГП], *Новза река*, р., 1699 г. [Челобитная 1699: 317], *Норзуба речка*, 1563, 1583 гг. [ПКОП: 191; ПКЗ: 246], рядом с рекой находилась д. *Нозручей* (АНС) [Зильберминц 1921: 13], ранее *Новздручей* (*Нóздручей*) [СНМ 1873: 51; ПДА], *Ноздручей*, конец XVIII в. [ГП], *Нозручей* (*Новздручей*), д., 1811 г. [РС 1811: 103], *Новзручей / Новздручей*, 1782 г. [РС 1782: 160]. Не следует путать с *Нóздручей*, руч., прав. приток р. Андомы (МакВ: Осюково), название фиксируется с конца XVIII в. [ГП; ПДА], он же *Новздручей* [СНМ 1873: 58], *Нозручей*, руч. [Зильберминц 1921: 10], рядом с ручьем находилась д. *Междуноздручей* (Ляд) [ПДА], ранее *Межь-Новзручей*, д., 1914 г. [МИЖ: 216], *Между Новздручьем и Минручьем* (*Лисины*), д., 1873 г. [СНМ 1873: 58], *Новопоселенная на лесопорослой земле между Новздручьем и Рындручьем*, д., 1782 г. [РС 1782: 160].

При всех отмечаемых фонетических вариациях основы и ошибочных написаниях, которыми, к сожалению, пестрят источники, опорной, на наш взгляд, следует считать форму *Новз-*, сопоставимую с кар. *nousta* (основа *nouze-*) ‘поднимать(ся) (в данном случае на поверхность)’ и его производным ливв. *nouzet(u)* ‘ключ, родник, источник’ (лексика дается по [ПФГЛК: 12]).

Эта этимологическая гипотеза подтверждается географическими реалиями: температура воды в Ноздреге ощутимо холоднее воды в принимающей ее Андоме, а холодные течения на р. Андоме в д. Михалёво (АНС) местные жители связывают с впадением р. Ноздреги. По мнению части местных жителей, р. Ноздрега и руч. Ноздручей берут начало из крупных родников [ПДА]. В отношении Ноздручья это верно, его исток — *Большой родник* [Карта 1924], он же *Зазон* [ПДА]. Однако исток Ноздреги — оз. *Ноздрозеро*. Данные о родниковом характере озера отсутствуют. Однако преобладание родникового питания самой реки и ручья очевидно.

Таким образом, изменение топонима, по-видимому, происходило следующим образом. На первом этапе карельская основа **Nouze* (**Nouze/jogi / *Nouze/oja* в результате закономерного выпадения гласного второго слога при первом закрытом адаптировалась в рус. *Новз-*, образовав полукальки **Новзрека* и *Новзручей*. Следующим этапом стало появление протетического [д] и утрата [в], вызванные

удобством произношения: *Новз-* > *Но(в)зд-* (*Но(в)здрекa / Но(в)здручей*)¹⁰. Третьим этапом стало озвончение в последнем слоге, спровоцированное звонким звучанием остальных согласных. Таким образом, здесь концовка *-ега* является результатом переогласовки рус. *-река*. То есть топоним *Ноздрекa* в действительности представляет собой полукальку (< *Ноздрекa*), «мимикрировавшую» под прямую адаптацию (как будто бы из некоего вепс. *Nozreg)¹¹.

Примеры аналогичных ПФ (кар., ливв., люд.) и рус. топонимов субстратного происхождения фиксируются в Приладожской Карелии и на востоке Обонежья:

- *Новзема*, р. (Олон: Видлица), ранее *Новзем ручей*, руч., 1563 г. (ОлП) [ПКОП: 58], *Новза*, рч., 1583 г. (ОлП) [ПКЗ: 61], ливв. *Ala-Nouzemi*, нижнее течение р. Новземы (Олон: Видлица), *Ülä-Nouzemi*, верхнее течение р. Новземы (Олон: Большие Горы);
- *Nouzemu/oja / Nouzem/oja*, руч. (Пряж: Хлевनावолок);
- *Новзиморучей*, руч., пр-к Водлы (Пуд), ранее *Новзем / Новзима*, р., 1583 г. [ПКЗ: 225, 226].

Сяржега

Сяржега, р. (МакВ: Подгородье), ранее *Шаржега ручей*, 1583 г. [ПКЗ: 254], *Шаржуга*, д., 1563 г. [ПКОП: 194]. Исторические

¹⁰ Появление протетического [д] на стыке элементов топонима отмечается и в других гидронимах ЮОВО, например: вепс. *Lahnjār 'v или кар. *Lahnajärvi, при вепс. *lahn*, кар. *lahna* 'лещ (Abramis brama)' > *Лайнозеро* > *Лайндозеро* (подробнее: [Соболев 2021: 16]).

¹¹ Подобный случай не единичен в топонимии ЮОВО. Еще один «мимикрирующий» гидроним-полукалька — *Торика / Торека* [ПДА] < *Торрека < вепс. **Tor(az)/jogi*, где доПФ *tor(az)* 'поперечный (относительно течения реки)', соотносимое с саам. *doares* 'поперек, поперечный' (подробнее об основе: [Муллонен 2002: 269]). Этимология подтверждается тем, что Торека впадает в р. Куржексу в месте, где последняя делает резкий поворот под прямым углом.

формы с начальным *ш* восходят к кар. **Šärg/legi* < **Šärgi/jogi* ‘плотвяная река’, где *šärgi* ‘плотва’, *jogi* ‘река’, с начальным *с* — к вепс. **Sär'g'leg* < **Sär'g'jogi*, где *sär'g* ‘плотва’. Русские варианты гидронима сложились в результате чередования *з/ж* (**Sär'g'leg* > *Сяргега > *Сяржега*).

Ялега

Ялега, р. (АнС: Сорочье Поле) < вепс. **Jal/eg* < **Jal'jogi* < **Jal/jogi*, где вепс. *jalo ‘большой’, *jogi* ‘река’. Река протекает через оз. *Большое* / *Большее* (АнС: Сорочье Поле). Как полагает И. И. Муллонен, название, очевидно, первоначально закрепилось за озером (оз. *Большое* < вепс. **Jal/jär'v*), действительно крупным на фоне остальных озер, а затем перешло на реку [Муллонен 2013: 133–134]. Таким образом, *Ялега* и *Большое* представляют пример метонимической кальки¹².

2.2. Потамонимы с финалью *-ей* / *-ой*

В названиях водотоков (небольших речек и ручьев) конечные элементы *-ей* / *-ой* восходят к ПФ (вепс., люд., ливв., кар., ижор., фин., эст. [SSA 2: 262; ПФГЛК: 67]) термину *oja* ‘ручей’, ‘канавы’.

Появление фонетических вариантов на *-ей* на территории ЮВО обусловлено характером финального звука топоосновы: это или палатализованный согласный, или гласный переднего ряда.

В ПФ топонимии гидронимы с детерминантом *-oja* ‘ручей’ активно используются в восточнофинском, эст., ижор., кар. и вепс. языковых ареалах (Эстония, восток Финляндии, Республика Карелия, Ленинградская обл., запад Вологодской обл.), фиксируясь в письменных источниках с XIV в.:

¹² Название *Сухая Ялега* получил также небольшой ручей, пр-к оз. Онежского (Сам: Титово), находящийся неподалеку от р. Ялеги, на плане конца XVIII в. — *Сухая Елига*, руч. [ГП]. От названия ручья, в свою очередь, образовано название близлежащего болота *Сухоялецкого*.

— *Сестрея*, р., 1323 г. [ГВНП: No. 38] < ижор. **Sestara/oja* или кар. **Sestri/oja*, совр. *Сестра*, р. (Санкт-Петербург)¹³.

В субстратной топонимии гидронимы на *-ей*, *-ой* (а также фонетические варианты — на *-ое*, *-оя*, *-ия*, *-уя*, *-уй* и др.), восходящие к ПФ *oja* ‘ручей’:

- часты в Присвирье (*Вехкой*, *Кузей* и др.), но единичны в Поволховье [Муллонен 2002: 126–136];
- отмечаются в Обонежье, включая Заонежье (*Калей*, *Толвуй*) [Муллонен 2008: 96, 97], Пудожье (*Рогой*, *Калой* и др.) [Захарова 2015: 55];
- имеются в Пошехонье (*Ангуи* и др.) [Матвеев 1996: 19];
- в Архангельской обл. выявлены на р. Устье (*Мягрои*, *Сулуй* и др.) [Матвеев 1996: 15], а также образуют плотный ареал в среднем течении р. Пинегы и в нижнем течении р. Мезени (*Каргой*, *Мурдой* и др.) [Матвеев 2004: 256–261].

Детерминант отмечается также в местах относительно поздних миграций носителей ПФ языков на север Мурманской обл., на восток Ленинградской обл. и на юго-восток Новгородской обл.:

- фин. *Pieca oja*, руч., 1902 г. (Коль: Белокаменка¹⁴) [СИМ: 223];
- кар. *Mušta/oja*, руч. (‘черный ручей’) и др. (Бокс) [Фишман 2011: 18];
- *Невуя*, д. < кар. **Neva/oja* ‘болотистый ручей’ (Демян) [Васильев 2018: 74].

На севере Норвегии (в фюльке Финнмарк) этимология фин. гидронимов на *-oja* хорошо подтверждается параллельными норв.¹⁵ и фин. или саам. названиями на *-bekk/-oja* ‘ручей, ручеек’, например: *Hilla/oja/*

---

¹³ Топооснова, очевидно, связана с обозначением смородины в ижор. яз. — *sestara* ‘смородина (черная и красная)’, ср. карел. тихв. *sästrikkä* ‘красная смородина (*Ribes rubrum*)’, вепс. *sestrikaine* ‘то же’ (источники лексики: [IMS: 522; СОСД: 40]).

¹⁴ Белокаменка возникла как финская колония в 1895 г. [ЭЛКС].

¹⁵ Данные норв. яз. даются по: [БНРС].

норв. *Moltebær/bekken* ('моршковый ручей', при фин. *hilla* 'морощка (*Rubus chamaemorus*)', норв. *moltebær* 'морощка (ягода)') (Fim: Vadsø), *Viini/oja* ('винный ручей', при фин. *viini* 'вино'), приток руч. *Brennevin/bekken* (норв. *brennevin* 'водка', 'самогон') (Fim: Vadsø) и др. [NK].

На севере Швеции также отмечаются фин. гидронимы на *-oja* (*Hanhi/oja* (Nbt: Gällivare) 'гусиный ручей', *Musta/oja* (Nbt: Gällivare) 'черный ручей' и др.) [ONR].

Таким образом, топонимы на *-оя / -oja* распространены главным образом в вост. части бас. Балтийского моря и в прилегающей к нему части бас. р. Волги (р. Ножема, оз. Белое, Пошехонье), единично — в бас. Белого и Баренцева морей (главным образом в бас. рек Пинеги и Мезени).

В ЮВО к гидронимам на *-ей / -ой* относятся следующие:

Гáлентей

Гáлентей / Гáлентручей, руч. и д. (Чекш) [ПДА], ранее *Галент*, руч., 1782 г. [РС 1782: 81], *Галентручей*, руч., 1795 г. [РС 1795: 127], *Голентей Ручей*, д., конец XVIII в. [ГП], *Галентье ручей*, д., 1834 г. [РС 1834: 85], *Галентручей*, д., *Галент-ручей*, руч. [СНМ 1873: 57], *Галентье*, д., 1892 г. [СНМ 1892: 477], *Галентъ ручей*, д., 1905 г. [СНМ 1905: 164], *Галентье ручей*, 1921 г. [Зильберминц 1921: 8]. Этимологию конечного элемента *-ей* подтверждает вторая часть параллельного топонима-полукальки — *-ручей*.

В отсутствие форм *Галентей*, *Галентье* полукалька *Галентручей* могла быть возведена к кар. **Hallant(o)/oja*, где **hallanto* 'место, подверженное заморозкам'.

Однако формы *Галентей*, *Галантье* предполагают, что основа оканчивалась не на [о] (суффикс *-nto*), а на [е] (суффикс *-nde, -ndeh*). Соответственно, оригинальную форму топонима можно реконструировать как кар. **Hallende(h)/oja*, где кар. **hallende(h)* 'расщелина', соответствующее фин. диал. *haljenne* (основа *haljente-*) 'расщелина, трещина' [SMS]¹⁶.

¹⁶ Благодарю И. И. Муллонен за помощь в реконструкции карельского географического термина **hallende(h)*.

Галентручей течет в узкой и длинной ложине между высокими холмами и впадает р. Андому перед началом высокого обрывистого берега (рус. диал. *креж*, *кряж* ‘обрыв’, *щелья* ‘выход скалистых пород’). На 0,5 км ниже по течению от устья Галентручья в Андому впадает руч. со схожим названием — *Калейручей* / *Кальручей* (*Каль* < вепс. *kal’l* ‘скала’). При этом в 1873 г. зафиксировано две деревни с официальным названием *Галентручей*. Показательно неофициальное название одной из них — *Кряжи* [СНМ 1873: 57], под которым она известна в более позднее время.

В топонимии других территорий географический термин **hal-lende(h)* непродуктивен.

Кивой

Кивой / *Кив-ручей*, руч. (Руб) [СГВО: 85] < вепс. или кар. **Kiv(i)/oja*, где *Кив-* означает ‘камень’ или ‘каменный’ (вепс., люд., ливв., кар., фин., ижор., эст. *kivi*, лив. *ki’v* [SSA 1: 378] < прафинно-угорское **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]).

Примеры аналогичных ПФ (вепс., ливв., кар., фин., эст.) и рус. топонимов субстратного происхождения фиксируются в Южном, Западном Обонежье, Заонежье, Южном Поонежье, Белозерье, Присвирье, Южном, Северном Приладожье, на Карельском перешейке, в Приладожской, Средней, Северной Карелии, Финляндии, Северной Швеции, Эстонии, а также на юго-востоке Новгородской обл.:

- ЮВО: *Кивручей* / *Кивручеёк* [ПДА], руч. в бас. р. Ноздриги, у руч. находилась д. *Кивручей* (Ляд) [СНМ 1892: 479]; *Кивручей*, руч. в бас. р. Нагажмы, у руч. располагалась одноименная д. (второе название — Корелы) (ПлН) [СНМ 1892: 471]; руч., 1885 г. (КЧП: Нижняя Кудома) [НАРК. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2/14. Л. 7], пок., 1913 г. (КЧП: Симонов Кряж) [НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 31/485. Л. 1], *Кивручей*, руч., *Кивручья*, ур., 1874 г. (КЧП: Нижняя Кудома) [ОГВ. 1874. № 95]; пок., 1913 г. (Таг: Сперово) [НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 31/485. Л. 127]; пок. (АнС: Сорочье Поле) [ПДА];

- остальное Обонежье: *Кив-ручей*, руч., упом. с 1563 г. (МегП) [ПКОП: 219]; д. вновь поселенная *Кивесельга*, что слывет *Каменный ручей*, 1782 г. (Выт: Кондушская вол.), а также находящаяся рядом д. вновь поселенная на лесу у *Кивручья*, 1782 г. (Выт: Кондушская вол.) [НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 7/42. Л. 153–154]; *Кивручей / Каменный*, руч. (Медв: Грязная Сельга); *Кивручей*, руч. (Медв: Софроновская) [СТЗ: 34, 104]; вепс. сев. *Kiv/oja*, руч.; *Kivoi/oja*, 2 руч.;
- Поонежье: *Кивручей*, руч. (Карг: Лекшмозерский с/с) [Захарова 2015: 57];
- бас. оз. Белого и р. Ножемы (р. Ножема → р. Суда → Рыбинское водохранилище, ранее р. Суда → р. Шексна → р. Волга): *Кивой-ручей / Кив-ручей*, руч. (Баб); *Киуй*, р. (Ваш), ранее *Киувуй*, 1448 г., у р. находится с. *Киуй* [СГВО: 85];
- Присвирье: *Кивуй ручей*, руч., 1496 г. (Волх: Загубье) [ПКНЗ 1: 304]; *Кивая*, руч.; *Кивое*, 2 руч.; *Кивоя*, 2 руч.; *Кивое / Кивой*, руч.; *Кивой / Кивуй*, руч.; *Кивоя / Кивуя*, руч.; *Кивуй / Кивуй-ручей / Каменный*, руч.; *Кивручей / Каменный*, руч.; *Кивручей*, 4 руч.; люд. *Kivi/oja*, 2 руч., люд. *Kivoi/oja / Kiv/oja* / рус. *Кива-ручей / Каменный*, руч.; вепс. *Kivi/oja*, руч.; *Кивиручей / Kivil/oja*, руч.; *Кивая / Kiv/oja*, 2 руч.; *Кивручей / Kiv/oja*, руч.; *Kiv/oja / Каменный*, руч.; *Kiv/oja*, 2 руч. [СГЮВП: 2, 5, 10, 16, 19, 25, 28, 37, 38, 43, 44, 46, 51, 55, 59, 60, 70, 72, 77, 82, 86, 90, 101];
- Южное Приладожье: *Кивуя*, д. (Волх);
- Северо-Западное Приладожье и Карельский перешеек: *Kivi/oja*, 15 руч. [КК] (в исторических письм. источниках: *Kiwi/âia*, д., 1618 г. (Kurk) [KLM 1618: 299], позднее *Kiwi/âya by* / рус. *Кивия*, 1637 г. [ПККЛ 1637: 116, 520]);
- остальная территория Республики Карелия: ливв. *Kiv/oja*, *Kivi/oja*, *Kivi/ojaine* (-ojaine — dem. от *oja*) (не менее 16 руч.); кар. *Kiv/oja*, *Kivi/oja* (не менее 26 руч.) [КТК], *Кивоя / Каменная-Кивоя*, верх. течение р. Идель, р., 1906 г. (Сег) [СМПС 94: 463];
- Новгородская обл.: *Кив-руч* (< кар.), руч. (Валд: Селище) [Васильев 2018: 75]; *Кивиручей* (< кар.), руч. [Бландов 2014: 82];

- Финляндия: фин. *Kivi/oja*, 98 руч. [MML];
- Швеция: *Kivi/oja*, руч. (неоднократно) (Nbt) [ONR];
- Эстония: эст. *Kivi/oja*, 2 руч. (Hr; Vð) [KNAB].

Коржей

Коржей, р., 1583 г. (Курж) [ПКЗ: 274] < вепс. **Kurž/oja*, современное *Куржеска*, где **Kurž-* сопоставимо с кар. *kurži ‘сырая низина, заросшая кустарником или низкорослыми деревьями’, ‘бурелом’ < саам. *guršo*, *gorsá*, *korša* ‘глубокий овраг, узкая глубокая ложбина, по дну которой может протекать река’, ‘ручей’ [Кузьмин 2020: 87; Соболев 2020: 673–675]).

Примеры аналогичных ПФ (вепс., ливв., кар., фин.), саам. и рус. топонимов субстратного происхождения фиксируются в Юго-Восточном Присвирье, Приладожской, Северной Карелии, северных частях Архангельской обл., Финляндии, Швеции и Норвегии:

- Присвирье: вепс. *Kurž/oja* / рус. *Куржручей*, руч. (бас. р. Ояти); рус. *Куржуй*, руч. (бас. р. Паши) [СГЮВП: 40, 73];
- Республика Карелия: люд. *Kuržu/d’ogi*, р. (Пряж: Пелдожи); ливв. *Kuržun/d’ogi*, р. (Пряж: Топорное Озеро); кар. *Kuršumal/joki*, р. (Калев: Войница); *Куржа*, р. (Конд: Линдозеро) [ПФГЛК: 47; Кузьмин 2020: 87];
- Архангельская область: *Курженка* / *Курженица*, р. (Прим: Летняя Золотица) [Кабинина 2011: 142].

Пажей

Пажарека / *Пажея* / *Пажий* [Матвеев 2004: 238] / *Пажей* / *Пажия* / *Пажьи* / *Пажья*, р. (Сам: Успажье) [ПДА], ранее *Пажай*, *Пажей ручей*, *Пажеев ручей*, 1563 г. [ПКОП: 190], *Пажеев ручей*, 1583 г. [ПКЗ: 248]¹⁷, *Пажя* [СНМ 1905: 134], *Пажея* [Карта 1924]. Возле

¹⁷ На плане конца XVIII в. р. Пажия обозначена как *Полежаев ручей* (так же, как и одна из деревень на ее берегу [ГП], позднее известная как *Полежаев ручей*

устья реки находилась д. *Успажъе* (Сам) < *Устье Пажъе, ранее *Успожся*, д., конец XVIII в. [ГП] < *Устье Пажея, На Самини реке у Спажей, д., 1782 г. [РС 1782: 119], *У Спажей на Самине*, д., 1873 г. < *Усть-Пажей [СНМ 1873: 52]; *У Пажея*, ур., 1877 г. (Сам: Мишино) < *Пажей [ОГВ. 1877. № 58].

С учетом того, что быстрая и порожистая *Пажня* перед впадением в Самину расширяется, тем самым образуя в своем устье залив, гидроним, очевидно, восходит к вепс. **Raiž/oja* (здесь в соответствии с присущей вепс. фонетике утрате [i] в позиции перед шипящим [Tunkelo 1946: 587–589] **raiž-* ‘разлив’¹⁸ закономерно переходит в **paž-*)¹⁹.

Топооснову *Па(й)ж-* содержат вепс. и рус. топонимы субстратного происхождения в Южном, Восточном Обонежье, Южном Присвирье и в бас. р. Ножемы:

- Обонежье: *Пажаручей*, 1882 г. (Выт: Куштозеро) [НАРК. Ф. 24. Оп. 5. Д. 1/10. Л. 12], *Пажручей*, руч., пр. р. Юнги (Пуд); *Пажа*, р., пр-к р. Немины (Медв);
- Присвирье: *Пайжес / Пайжов*, руч., исток — *Пайжево / Пажевские Мхи*, бол. (Лод, бас. р. Оять) [Муллонен 2023: 35; СГЮВП: 43, 95];
- бас. р. Ножемы: *Пажинручей*, руч., вытекает из оз. *Пажозеро* (Баб) [СГВО: 155].

(Пнева) [СНМ 1873: 52]). Названия восходят к одной из форм названия ручья — *Полежаев*, 1563 г. [ПКОП: 190], продублированной в следующем описании 1583 г. [ПКЗ: 248]. Указанная форма топонима, очевидно, является продуктом народной этимологии — сближения неясной основы с рус. антропонимом *Полежай* (ср. Павел *Полежаев*, голова андомского кружечного двора, 1666 г. [АЮ 2: 763]).

¹⁸ Лексема восстановлена И. И. Муллонен [Муллонен 2023: 35–36].

¹⁹ Топооснова *Паж-* гетерогенна и в части случаев может восходить также к вепс. **pad'ž-* < ПФ *patsi ‘грязное болотистое место, лужа, окруженная болотом ламбушка’. Аналогичный термин *patsi, passi, patti* известен также в фин. языке в значении ‘грязное болотистое место, лужа, окруженная болотом, ламбушка’ (см.: [Муллонен 2002: 289]). Иные истоки топоосновы *Паж-* предполагал А. К. Матвеев — он соотносил ее с саам. материалом: прасаам. *pesē, саам. Инари *rase* ‘святой’, но отмечал, что возникает проблема соотношения топоосновы *Паи-/Паж-* с топоосновой *Пыи-* с аналогичным значением [Матвеев 2004: 238–240].

Тáгой

Тáгой, руч. (Маль) [ПДА] < вепс., кар. **Tag(a)/oja*, где вепс., кар. *taga-* ‘задний’ (топооснова характеризует нахождение ручья относительно селения).

Примеры аналогичных ПФ (люд., ливв, кар., фин.) и рус. топонимов субстратного происхождения фиксируются в Восточном Обонежье, в Приладожской, Северной Карелии, Южном Приладожье, Финляндии и Северной Швеции:

- Обонежье: рус. *Тагоручей* (Пуд: Авдеево), люд. *Taga/oja* (Конд: Койкары) [КТК];
- остальная территория Республики Карелия: ливв. *Taga/oja* (Пряж: Гетчула); кар. *Taka/oja* (Калев: Суопассалми) [КТК];
- Южное Приладожье: *Тагуя*, д. (Лоп) [ПОК 1851: 260];
- Финляндия: фин. *Taka/oja*, 9 руч. [ММЛ];
- Швеция: *Taka/oja*, руч. (Nbt: Korpilombolo) [ONR].

В указанных топонимах топооснова восходит к люд., ливв. *taga-*, кар., фин. *taka-* ‘задний’ (топооснова известна также в вепс. топонимии; см.: [Муллонен 1994: 37]).

Шíдрой

Шíдрой [ПДА] / *Шидрый* (картогр.) / *Шíдра* (картогр.) и [ПДА], руч., ранее *Шидрой-ручей* (на ручье — ур. *Шидрой*), 1886 г. [НАРК. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3/34. Л. 10] (Туд) < вепс., кар. **Šidr/oja*, где *šidr-* < доПФ основа, соотносимая с саам. *sèuter, sieuter, sievter, sōtr* ‘белый (торфяной) мох (Sphagnum)’²⁰.

Примеры аналогичных ПФ (вепс., люд.) и рус. топонимов субстратного происхождения фиксируются в Заонежье, Северном и Юго-Восточном Присвирье:

²⁰ Этимология топоосновы *Шидр-* предложена А. К. Матвеевым [Матвеев 2007: 159], для руч. *Шидроя* — А. В. Кузнецовым [СГВО: 246].

- Обонежье: *Шидроручей*, руч., впадает в губу Святуху, 1619–1620 гг. (Медв) [Витов 1962: 176];
- Присвирье: люд. *Šidr/oja*, руч. (бас. р. Усланки); вепс. *Šidr/oja*, руч. / рус. *Шид(ро)ручей*, руч. (бас. р. Верхней Курбы в бас. р. Ояти); вепс. *Šidr/oja*, 2 руч. (бас. р. Ояти); *Шидрое / Шидоров*, руч. (бас. р. Савины в бас. р. Ояти); *Шидрое*, руч. (бас. р. Шапши в бас. р. Ояти) [СГЮВП: 22, 36, 42, 57, 59, 65].

3. Заключение. Выводы

Ареал потамонимов на *-Vga* с семантикой ‘река’ очень широк. При этом в западной части ареала преобладают потамонимы на *-ega*, очевидно, восходящие к форманту ПФ типа **jog(V)* [Матвеев 2007: 45, 47–48]. Имеющие ПФ происхождение потамонимы на *-ega* распространены на запад до среднего течения р. Мсты (Новг) и на юг до басс. р. Сяси (Новг) [Васильев 2011: 9]. В Присвирье и Обонежье речные названия данного типа смыкаются с современными вепс. речными названиями на *-eg* < вепс. *jogi* ‘река, речка’:

- *Hab/eg* (Присвирье) < **Hab/jogi*, где *hab* ‘осина (*Populus tremula*)’ [Муллонен 2002: 273];
- *Kal’eg* / рус. *Рыбрека* (Прион) < **Kalajogi*, где *kala* ‘рыба’;
- *Toiž/eg* / рус. *Другая* (Прион) < **Toiž/jogi*, где *Toiž-* < *toine* ‘второй’, ‘другой’;
- *Базега* (Выт, Белз) < **Paiz/eg* < **Paiz/jogi* (эта же основа, по-видимому, содержится в наименовании ее притока — *Бязей*, руч. < **Paizoja*), где вепс. **paiz* ‘разлив’, ср. также *Пажаручей*, фиксируемый в с. Куштозеро — см. *Пажей*). Показательно, что фактическим истоком Базеги является периодически исчезающее оз. *Куштозеро* (Выт). При этом ранняя финно-угорская основа *Кушт-*, родственная ПФ *kosta-* ‘повернуть, вернуться назад’, маркирует периодически затопляемые территории [Муллонен 2023: 36–41];

- *Линдега*, 2 р. (Лод) < **Lind/eg* < **Lind/jogi*, где *lind* ‘птица’ [Муллонен 2002: 273; СГЮВП: 104, 31];
- *Мегрега, совр. *Мегра* (Выт), ср. погост *Мегрежской*, 1563 г. < **Mägr/eg*, где вепс. *mägr* ‘барсук (*Meles meles*)’ (см.: [Чайкина 1993: 207–208]).

В данном случае ЮВО с гидронимами на *-ега* (*Кольчега*, *Ноздрег*, *Сяржега*, *Турнега*, *Ялега*) служит одной из точек на маршруте, связывающем Поволховье и Заволочье.

Ранние ПФ пути (а в случае с Пинегой — одна из конечных точек движения) в Заволочье маркируются следующими макрогидронимами²¹:

- *Онега*, р. < ПФ **En/eg* < **Enä/jogi* ‘большая река’. При этом в оз. Лача вблизи истока Онеги впадает руч. *Ена*, в названии которого могла сохраниться изначальная форма гидронима, поздно попавшая в рус. речь. В случае же с топонимом *Онега* мы видим закономерную передачу приб.-фин. [e] через др.-рус. [o]: *Eneg > *Онега*;
- *Пинега*, р., ранее также *Пенега*, *Пънега* < ПФ **P(i)en'/eg* < **Pienil/jogi* букв. ‘маленькая река’. Однако здесь Пинега «малая» не по сравнению с Северной Двиной. Как показывают исследования И. И. Муллонен, «топоним *Пинега* присваивался рекам, являющимся участками водных (водно-волоковых) путей и служивших для сокращения дороги, для продвижения «напрямую» [Муллонен 2013: 141].

При этом в начале маршрута — в Присвирье (бассейн реки Паши) на вепсском топонимическом ареале отмечаются две речки *Пинег*

---

²¹ Аналогичные этимологии в отношении *Онеги* и *Пинег* приводились еще в XIX в. (М. А. Кастрен, М. П. Веске и др.) Однако фонетические изменения при адаптации русским языком не объяснялись, а мотивация наименований была не ясна. Переход ПФ **En-* > рус. *Он-* известен в топонимии Присвирья: вепс. *Epaŋv* > *Онозерко*, XVI в., что объясняется адаптацией несвойственного для русской фонетики на раннем этапе начального [e] как огубленного [o] [Муллонен 2002: 56].

[Муллеронен 2013: 140], а также есть аналог Онеги — *Eno/jogi*, р. [СГЮВП: 81].

Это не единственные параллели в топонимии Присвирья и Обо-нежья с северо-восточной частью Заволочья. Так, например, на Ме-зени и Пинеге отмечаются гидронимы на *-оя* (< ПФ *oja* ‘ручей’), име-ющие аналоги в Присвирье и Обонежье:

- *Маткоя*, руч. (Пин: Веркола) — вепс. *Matkoja / Маткручей* (бас. р. Ояти) [СГЮВП: 33], где вепс. *matk*, кар. *matka* ‘путь, дорога’, раннее значение ‘волок’;
- **Хяргой / Хярга*, руч. < ПФ *Här'g/oja*, ср. истор. *Хяргойская мельница*, 1743 г. [АСЗЯ: 33] (Пин: Веркола) — люд. *Härg/oja* (бас. р. Усланки), вепс. *Härg/oja*, 2 руч. (бас. р. Ояти) (парал-лельное название одного из руч. — *Быкручей*) [СГЮВП: 22, 33, 56], где вепс. *härg* ‘бык’;
- *Ялоя*, руч. (Пин: Веркола), *Ялой*, руч. (Леш: Едома), *Ялоя*, руч. (Леш: Ценогора) — вепс. *G'aloja* (бас. р. Ошты) < *Jaloja ‘большой ручей’, *Ялойское*, бол. (Выт: Прокшино).

Еще более показательное движение на восток довольно редкого тер-мина *poizeti* ‘родник, ключ’ (*Рис. 2*). Термин ярко представлен в ливв. и люд. топонимии Олонецкого перешейка (смежные территории исто-рических волостей Олонецкого и Важинского погостов — Сямозерской, Видлицкой и Святозерской), отдельные топонимы встречаются на тер-ритории Андомского и Пудожского погостов, через которые проходил путь в Заволочье. И наконец в нижнем течении р. Пинеге он проявля-ется в рус. диалектном *ножемине* ‘родник, ключ’ [Кузьмин 2020: 135].

Это соотносится с введенным Д. В. Бубрихом понятием волхов-ской чуди — прибалтийско-финской группы, представляющей «пе-строе скопление выходцев из разных прибалтийско-финских пле-мен, привлеченное на нижнее течение Волхова, к Ладоге, движением по «пути из варяг в греки» [Бубрих 1947: 22–23]. Он полагал, что в среде волховской чуди, тесно взаимодействовавшей с варягами, зна-чительную роль играли выходцы из веси (ПФ *vepsä*). Бубрих отмечал, что весь (под которой он понимал прибалтийско-финское племя) от-тягивалась на восток и через волоки из Онежского и Кубенского озер

проникала в Заволочье, где образовала островки прибалтийско-финского населения в бассейне Сев. Двины (в районе ее устья, где располагалась Биармия скандинавских саг, а также на Ваге и Пинеге) [Бубрих 1947: 23, 27, 28].

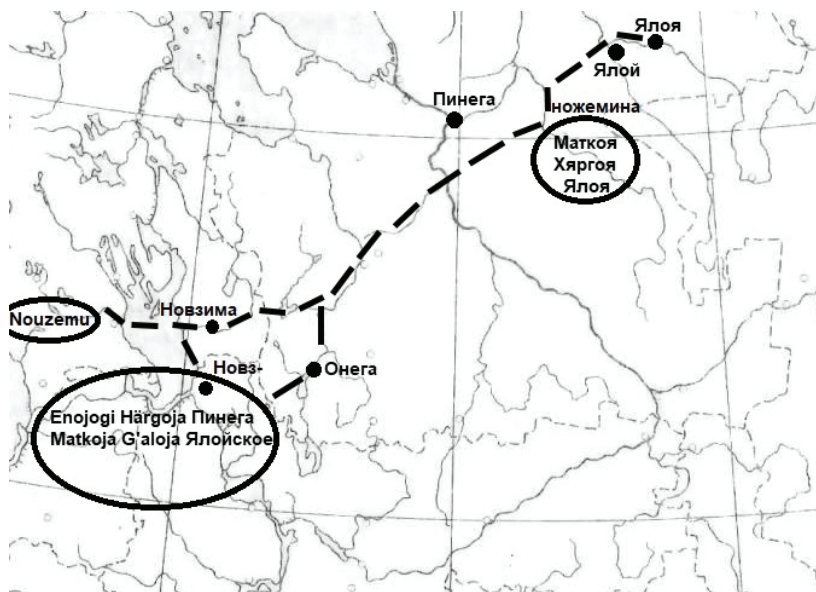

Рис. 2. Ранние пути прибалтийско-финского населения в Заволочье по данным анализа гидронимов Обонежья и Присвирья

Figure 2. Early routes of the Baltic-Finnish people to Zavolochye based on the analysis of the hydronyms of Lake Onega Region and Svir' Region

В свою очередь, А. С. Герд отмечал, что данные топонимики, археологии и этнографии свидетельствуют о необходимости выделения единой ладого-белозерско-беломорской историко-культурной зоны. Эта зона, начинаясь на юге от Приладожья южнее Свири, широким поясом к востоку от Северной Двины огибает Онежское озеро и захватывает юг Беломорья. «Различные рубежи диалектных границ и микрозон (слова, известные не севернее Каргополя, Пудожья, низовьев Онеги и т. д.) отражают, по-видимому, какие-то глубокие

этноисторические процессы продвижения древних племен на север. Возможно, что уже на рубеже I тысячелетия н. э. в период, непосредственно предшествовавший появлению славян, это была уже общая историко-культурная зона веси» [Герд 1989].

Все это свидетельствует в пользу возможности возведения (по крайней мере, части топонимов) на *-ega* на территории Русского Севера к «чудскому» языку восточного прибалтийско-финского типа, наиболее близкого современному вепсскому, а также южным наречиям карельского языка.

Основным «входом» в Заволочье из Обонежья (судя по наличию хорошо выраженной субстратной топонимии вепсского типа) для прибалтийско-финской чуди был Кенский волок (из бассейна Водлы в бассейн Онеги), а также волок с Андомы на Тихманьгу и Ухту (притоки оз. Лача).

Вместе с тем следует отметить, что отдельные потамонимы на *-ega* / *-oga* могут восходить к ПФ производным топоосновам на *-eh* / *-eg*, утратившим «речной» детерминант *-eg* вследствие гаплогонии, то есть выпадения одного из двух следующих друг за другом одинаковых (или сходных) слогов. Например:

— *Lutega* (Сок) < ПФ **lëtteg(e)* ‘песок’²²;

— *Rozmega*, р. и руч. (Лод) < ПФ **rozteg* ‘ржавчина (на воде)’ [СГЮВП: 104].

Происхождение от топоосновы на *-eh* возможно и для топонима *Ладога* — названия крепости и древнерусского города (Волх), который неоднократно попадал в поле зрения исследователей. Он, по-видимому, восходит к ПФ **Alodeh* ‘низинная местность’.

На название оз. *Aloe* или *Alue*, *Aluenjärvi*, известное в восточно-финских и карельских эпических песнях (сюжет о рождении ветра), обратил внимание Д. В. Бубрих. Он реконструировал его в виде ПФ **Alodeh*, **Aludeh* ‘низинная местность’ и убедительно сопоставил с **Aldoga* [Бубрих 1950: 149] (ранняя прибалтийско-финская форма

²² Ранее потамоним реконструировался как ПФ **L(i)et/eg* < **L(i)etel/jogi* ‘песчаная река’ (ср. вепс. *lete* [Чайкина 1993: 195], кар. *liete* ‘песок’).

стала источником севернорусского *алодь* ‘поляна, обширная и ровная местность’, при фин. *alue* ‘однородный и обширный земельный участок’, кар. *aloveh* ‘земельный участок’; ср. также известное еще со времен Н. М. Карамзина сопоставление др.-рус. *Ладога* и скандинавского *Aldejuguborg* (ок. 1190 г.) [Джаксон 2001: 105].

Если исследователь прав, то руны донесли до нас древний облик названия Ладожского озера и подтверждают истинность этимологии *Aldeju-* — *Ладога*. К сожалению, находка Бубриха оказалась вне поля лингвистической дискуссии. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в Словаре языка «Калевалы» Аймо Турунена [Turunen 1979] топоним *Aluenjärvi* оставлен без этимологии [Муллонен, Сойни 2015: 17].

При этом переход *-eh / -eg > -ega > -oga* в *Alodeh > Ладога* имеет аналоги в рус. обонежских топонимах вепс. происхождения (в данном случае приводятся наименования покосов и урочищ):

- **kolteg* ‘склон, косогор’ > *Колтега* > *Колтога*;
- **palteg* ‘склон, косогор’ > *Палтега* > *Палтога*;
- **rozmeq* ‘ржавчина (на воде)’ > *Розмега* > *Розмога*.

Относительно способов адаптации субстратных потапонимов ЮВО отметим, что большинство названий рек при интеграции в русскую топонимическую систему адаптировались напрямую (*Андома*, *Вытегра*, *Игинжа*, *Инжа*, *Лундожма*, *Нагажма*, *Нюдала*, *Пелька* < кар. **Pielekkä* ‘расположенная сбоку’, *Саменжа*, *Сарожа*, *Сорма*, *Тагажма*, *Северная и Южная Тухта*, *Чёлма*, *Шима*). По-видимому, данные гидронимы вообще не содержали детерминанта *-jogi* (большинство приведенных названий — доприбалтийско-финские по происхождению, за исключением *Пельки*, *Саменжи* и *Сарожи*). В оставшейся части гидронимов (за исключением *Илексы*, *Кукареки* и *Торики*, а также «темной» основы у потапонима *Турнега*), имеющих по преимуществу прибалтийско-финское происхождение, детерминант *-jogi / -eg*:

- исчезал (*Гакукса* < **Hakus / *Hakuksen/jogi*; *Илекса* < **I'us, I'uksen/jogi*; *Куржекса* < **Kuržus, *Kuržuksen/jogi*, *Суя* < **Suvil jogi* ‘южная река’);

- исчезал, а топооснова адаптировалась способом суффиксации (*Муромка* < вепс. **Murt/jogi* ‘морощечная река’, *Самина* < вепс. **Saum/jogi* ‘река с проливом’);
- калькировался в форме *-река* / *-речка* (*Кортречка*, *Кукарека*, *Ноздрекa*, *Торика*);
- адаптировался напрямую как *-ега* (с согласованием по роду с *река*) (*Кольчега*, *Сяржега*, *Турнега*, *Ялега*, *Сухая Ялега*).

При этом один из гидронимов — *Лобеги* < вепс. **Lop/eg*, **Lop/jogi*, букв. ‘конечная река’ (по-видимому, первоначально относящийся к верховью р. Черной) путем метонимического переноса перешел в название стоявшей у реки деревни (*Лобега*, *Лобеги*).

Относительно интеграции прибалтийско-финских потамонимов в русскую топонимическую систему следует отметить, что большая часть (несколько десятков) названий ручьев ЮВО представлена полукальками (*Габручей*, *Кивручей*, *Лепручей* и др.), а названия ручьев, адаптированные напрямую (на *-ой* / *-ей*), единичны. По-видимому, они сохранились в такой форме благодаря ойконимам (*Галентей*, *Усть-Пажей*), названиям урочищ (*Шидрой*) или фиксации в письменных источниках (*Коржей*).

Действительно, в ЮВО часть гидронимов на *-ой* были перенесены на названия урочищ и покосов (*Кивуй*, *Лепой*, *Лепоя*). Гидронимы и другие микропонимы на *-ой* / *-оя* / *-уй* в целом приурочены к местам более раннего освоения (к району сел Андомский Погост и Цимино). Оба села возникли перед порогами Андомы, то есть в местах вынужденного выхода на берег, перетаскивания и переноса груза.

Более того, в Цимино (ввиду невозможности преодоления череды порогов) от берега Андомы отходила старая дорога, соединявшая Андомский и Вытегорский погосты. Она шла не через Тудозерский погост, как более поздний Вытегорско-Пудожский тракт, а через деревни Клёново и Саражу [ГП]. Важная росстань в Цимино по традиции маркировалась крестом, о чем свидетельствует топоним *Кресная гора*, 1563 г. («Д. на *Кресной* же *горе* словет Цымино» [ПКОП: 194]), позднее *Крестовая гора* (Цамина), с., 1873 г. (в XIX в. на *Крестовой горе* располагалась церковь) [СНМ 1873: 55].

Такие места, как район сел Андома и Цимино, закономерно становились территориями оседания русского населения и раннего использования русского языка. В частности, это проявилось в редком для ЮВО способе адаптации гидронима — в утрате (элипсе) детерминанта:

- *Федора*, руч. в центре с. Андомский Погост (при сохранении полукалек в других деревнях округи; ср. также руч. *Вянг* в г. Вытегре < *Вянгручей*).

Массовые случаи калькирования топонимов выявляются в бассейне реки Ояти (*Kivoja / Кивручей / Каменный ручей*, при вепс. *kivi* ‘камень’), то есть в зоне живого или недавнего вепско-русского двуязычия.

Признаки относительно недавнего (конец XVIII–XIX вв.) использования вепского или карельского языков проявляются в Южном и Юго-Восточном Обонежье:

- синхронная калька *Каменный ручей / Кивручей* (Кондушская вол.);
- синхронные формы названий *Галентей / Галентручей* (Чекш), свидетельствующие о знании местным населением сложной структуры топонима и, следовательно, об относительно недавнем (судя по изменению названия, еще в конце XIX в.) использовании карельского или вепского языка.

Список условных сокращений

В названиях языков и диалектов

вепс. — вепский язык; вепс. сев. — северный диалект вепского языка; доПФ — доприбалтийско-финские языки (условное наименование финно-угорских языков, распространенных в Южном Обонежье к моменту появления в субрегионе носителей прибалтийско-финских языков, аналогичное понятию довепских языков); ижор. — ижорский язык; кар. — карельский язык (собственно-карельское наречие); к.-зыр. — коми-зырянский (коми) язык; лив. — ливский язык; ливв. — ливвиковское наречие карельского языка; люд. — людиковское наречие карельского языка; мар. — марийский язык; норв. — норвежский язык;

прасаам. — прасаамский язык; ПФ — прибалтийско-финские языки; рус. — русский язык; саам. — саамский язык; фин. — финский язык; эст. — эстонский язык

В географических и административно-территориальных терминах и объектах

бас. — бассейн; верх. — верхний; вол. — волость; вост. — восточный; губ. — губерния; д. — деревня; картогр. — картографический; картографическая форма топонима; обл. — область; оз. — озеро; пок. — покос; пог. — погост; прав. — правый; пр-к — приток; р. — река; рч. — речка (в письменных источниках); руч. — ручей; с. — село; у. — уезд; ур. — урочище

Прочие термины и сокращения

диал. — диалектный; истор. — исторический / историческая форма; субстр. — субстратный; упом. — упоминается; деп. — диминутивная (уменьшительно-ласкательная) форма

В названиях городов, регионов и районов

В названиях групп и гнезд поселений Юго-Восточного Обонежья (по состоянию на конец XIX — начало XX в.)

Историческая территория Андомского погоста-округа: Айн — Айнозеро; АнС — Андома (село); Курж — Куржекса; Ляд — Лядины; МакВ — Макачёво и Верховье; Маль — Мальян; Осин — Осиновец; Сам — Самино; Soy — Сойдозеро; Туд — Тудозеро; Чекш — Чекша-речка; историческая территория Вытегорского погоста-округа: КЧП — Кудома, Чекша, Палозеро; ПлН — Плоские Нивы; Руб — Рубеж; Таг — Тагажма

В исторических названиях погостов Новгородской земли

Заонежские погосты Обонежской пятины: МегП — Мегорский; ОлП — Олонецкий; Корельский уезд Водской пятины / Кексгольмский лен: Курк — Кирьяжский / фин. Kurkijoki; Ореховский уезд Водской пятины; Лоп — Лопский

В названиях городов, регионов и районов Российской Федерации

Республика Карелия: Калев — Калевальский район, Конд — Кондопожский район, Медв — Медвежьегорский район, Олон — Олонецкий район, Прион — Прионежский район, Пряж — Пряжинский район, Пуд — Пудожский район, Сег — Сегежский район; Архангельская область: Карг — Каргопольский район, Леш — Лешуконский район, Пин — Пинежский район, Прим — Приморский район; Вологодская область: Баб — Бабаевский район, Белз — Белозерский район, Ваш — Вашкинский район, Выт — Вытегорский район, Сок — Сокольский

район; Ленинградская область: Бокс — Бокситогорский район, Волх — Волховский район, Лод — Лодейнопольский район; Мурманская область: Коль — Кольский район; Новгородская область: Валд — Валдайский район, Демян — Демянский район

В названиях зарубежных регионов

Fim — Финнмарк, фюльке (провинция) Норвегии; Lap — Лапландия, область Финляндии; Nbt — Норрботтен, лен (губерния) Швеции; Hr — Харьюмаа, Võ — Вырумаа, мааконды (уезды) Эстонии

Условные обозначения

* — реконструированная форма; < — возникло из ... (заимствовано из ...); > — перешло в ... (заимствовано в ...); → — впадает в ...

Литература

- АСЗЯ — Т. В. Симашко, Н. В. Осколкова, Н. В. Хохлова, Н. С. Морозова, И. А. Дьяконова. Архангельский Север в зеркале языка: региональный аспект языковой картины мира. Архангельск: Б. и., 2010.
- Бландов 2014 — А. А. Бландов. «Нас всё карелякам звали, а мы карельского языка не знаем...»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4 (21). С. 78–83.
- Бубрих 1947 — Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947.
- Бубрих 1950 — Д. В. Бубрих. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // В. Г. Базанов (ред.). Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Б. и., 1950. С. 142–151.
- ВAB — В. С. Куликов (ред.). Великий Андомский водораздел. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000.
- Васильев 2011 — В. Л. Васильев. Названия на -га в обратном словаре гидронимии Русского Северо-Запада // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10). С. 5–20.
- Васильев 2018 — В. Л. Васильев. О влиянии языка карельских переселенцев XVII века на топонимию Новгородской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). С. 69–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.212.

- Витов 1962 — М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М.: Издательство Московского университета, 1962.
- Герд 1989 — А. С. Герд. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры. 1989. № 5. С. 146–172.
- Герд 2001 — А. С. Герд. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // А. С. Герд, Г. С. Лебедев (ред.). Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. С. 409–416.
- Джаксон 2001 — Т. Н. Джаксон. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Захарова 2015 — Е. В. Захарова. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2015.
- Кабинина 2011 — Н. В. Кабинина. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.
- Кузьмин 2020 — Д. В. Кузьмин. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020.
- Макаров 1997 — Н. А. Макаров. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997.
- Матвеев 1996 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев 2001 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001.
- Матвеев 2004 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.
- Матвеев 2007 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007.
- Муллонен 1994 — И. И. Муллонен. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.
- Муллонен 2001 — И. И. Муллонен. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. С. Герд, Г. С. Лебедев (ред.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. С. 332–348.
- Муллонен 2002 — И. И. Муллонен. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2002.

- Муллонен 2008 — И. И. Муллонен. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008.
- Муллонен 2012 — И. И. Муллонен. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 3. С. 13–24.
- Муллонен 2013 — И. И. Муллонен. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников (ред.). Вепсские ареальные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 130–144.
- Муллонен 2023 — И. И. Муллонен. «Финско»-саамское половодье в топонимии Карелии и Русского Севера // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 31–48. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.030.
- Муллонен, Сойни 2015 — И. И. Муллонен, Е. Г. Сойни, Д. В. Бубрих и «Калевала» // Н. Г. Зайцева (ред.). Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1–2 октября 2015 года. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 14–22.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.
- ПФГЛК — Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991.
- Рут 1982 — М. Э. Рут. Вепсские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Г. М. Керг, Н. Н. Мамонтова (ред.). Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1982. С. 21–23.
- СГВО — А. В. Кузнецов. Словарь гидронимов Вологодской области: обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озер. Тотма; Грязовец: Б. и., 2010.
- Соболев 2015а — А. И. Соболев. Вепсское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики // А. С. Герд (ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 438–508.
- Соболев 2015б — А. И. Соболев. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.003.
- Соболев 2020 — А. И. Соболев. Географические особенности объекта как ключ к этимологии его названия (особенности литогенной основы и рельефа) // С. А. Мызников (ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 657–711.

- Соболев 2021 — А. И. Соболев. О повышении достоверности ономастических этимологий (на материале Юго-Восточного Обонежья) // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 9–40. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.031.
- СОГБ — А. А. Макарова. Словарь озерной гидронимии Белозерья // А. А. Макарова. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2012. С. 315–763.
- Фишман 2011 — О. М. Фишман. Факторы формирования природно-хозяйственного пространства микролокальной группы (тихвинские карелы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1 (114). С. 15–21.
- Чайкина 1993 — Ю. И. Чайкина. Словарь географических названий Вологодской области: населенные пункты. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1993.
- Широбоков 2009 — И. Г. Широбоков. Антропологический состав карел по данным дерматоглифики // А. В. Громов (ред.). Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 268–293.
- Широбоков 2010 — И. Г. Широбоков. Проблема формирования антропологического состава населения севера Европейской части России по данным дерматоглифики // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2010. Вып. 2. С. 77–88.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äänehistoria. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.

Источники

- АИ 1971 — Г. В. Абрамович, Т. И. Осьминский, А. Л. Шапиро. Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV в. — начало XVI в. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971.
- АЮ 2 — Н. Калачов (ред.). Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. Т. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1864.
- БНРС — Аракин В. Д. Большой норвежско-русский словарь = Stor norsk-russisk ordbok: в 2 т. М.: Живой язык, 1998.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М.; Л.: АН СССР, 1949.
- ГВР — Поиск по данным государственного водного реестра (электронный ресурс). URL: <http://textual.ru/gvr> (дата обращения: 01.03.2024).

- ГП—Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3262–3271.
- Доезд 1689—Доезд, данный старостой Андомского и Вытегорского погостов пятидесятинику Олонецких стрельцов. 1689, 23 декабря // Н. Калачов (ред.). Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1857. Столбцы 541–542.
- Зильберминц 1921—В. А. Зильберминц. Месторождения глин в Вытегорском уезде Олонецкой губернии // Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 55. Пг.: Военная тип. штаба РККА, 1921.
- Карта 1924—Топографическая карта (лист Р-37-98). 1:100 000. Л.: Высшее геодезическое управление, 1924.
- КТК—Топонимическая картотека КарНЦ РАН (г. Петрозаводск).
- МИЖ—В. И. Бузин, С. А. Виноградов. Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Олонецкое губернское земство, 1914.
- НАРК—Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Олонецкая казенная палата (1765–1921). Оп. 18. Д. 7/42; Ф. 24. Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие (1861–1909). Оп. 5. Д. 1/10, 2/14. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет (1765–1925). Оп. 2. Д. 31/485.
- ОГВ—Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 95. 1877. № 58.
- ПДА—полевые данные автора.
- ПКЗ—Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // И. А. Чернякова, К. Катаяла (ред.). История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3. Петрозаводск; Йоэнсуу: Б. и., 1993. С. 35–341.
- ПККЛ 1637—Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. // К. Катаяла, С. Хирвонен (ред.). История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 2. Йоэнсуу: Б. и., 1991. С. 43–734.
- ПKNЗ 1—К. В. Баранов (сост.). Писцовые книги Новгородской земли. Т. I: Новгородские писцовые книжи 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пожен Новгородского дворца 1530-х. М.: Археографический центр; Древлехранилище, 1999.
- ПКОП—Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // М. Н. Покровский (ред.). Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Л.: АН СССР, 1930.
- ПНРИ—Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России // Демоскоп Weekly (электронный ресурс). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php (дата обращения: 01.03.2024).

- ПОК 1851 — Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1851. Кн. 11. С. 1–464.
- РС 1782 — Перечень (межфондовый указатель) ревизских сказок 4-й ревизии 1782 г. Петрозаводск: Национальный архив Республики Карелия, 2009 // Национальный архив Республики Карелия (электронный ресурс). URL: http://www.rkna.ru/images/nsa/Revizskie_skazki/1782.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
- РС 1795 — Перечень (межфондовый указатель) ревизских сказок 5-й ревизии 1795 г. Петрозаводск: Национальный архив Республики Карелия, 2010 // Национальный архив Республики Карелия (электронный ресурс). URL: http://www.rkna.ru/images/nsa/Revizskie_skazki/1795.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
- РС 1811 — Перечень (межфондовый указатель) ревизских сказок 6-й ревизии 1811 г. Петрозаводск: Национальный архив Республики Карелия, 2012 // Национальный архив Республики Карелия: (электронный ресурс). URL: http://www.rkna.ru/images/nsa/Revizskie_skazki/1811.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
- РС 1834 — Перечень (межфондовый указатель) ревизских сказок 8-й ревизии 1834 г. Петрозаводск: Национальный архив Республики Карелия, 2014 // Национальный архив Республики Карелия (электронный ресурс). URL: http://www.rkna.ru/images/nsa/Revizskie_skazki/1834.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
- СГЮВП — И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997.
- СИМ — Статистическое исследование Мурмана. Т. 2. Вып. 1. СПб.: типография Исидора Гольдберга, 1902.
- СМПС 94 — Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 94. СПб: издание Министерства путей сообщения, 1907.
- СНМ 1873 — Е. Огородников (ст. ред.). Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 27: Олонецкая губерния: по сведениям 1873 года. СПб.: Типография МВД, 1879.
- СНМ 1892 — Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей [по сведениям 1892 г.] // И. Благовещенский (сост.). Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск: Типография губернского правления, 1894. С. 427–522.

- СНМ 1905 — И. И. Благовещенский (сост.). Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907.
- СОСД — Ю. С. Елисеев, Н. Г. Зайцева (ред.). Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007.
- СТЗ — И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд. Свод топонимов Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013.
- Челобитная 1645–1676 — Челобитная крестьянина Андомского Никольского погоста Савки Андреева об отводе сенных покосов — 1645–1676 гг. // Полнотекстовая электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба» (электронный ресурс). Ф. 1. К. 1. Д. 21. URL: http://illmik.petsru.ru/Archive/Izba/izba1/Izba1_01/D21-34/Pages/1_021.html (дата обращения: 01.03.2024).
- Челобитная 1699 — Челобитная посадского человека Андомского погоста Аники Филиппова о привлечении к суду Филата Поликарпова с братьями, завладевшими его долей мельницы. 1699 г., не позднее мая 5 // Р. Б. Мюллер (сост.), А. И. Андреев (ред.). Карельская деревня в XVII веке: сборник документов. Петрозаводск: Государственное издательство КФССР, 1941. С. 317.
- ЭЛКС — Энциклопедический лексикон «Кольский Север» (электронный ресурс). URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/Заглавная_страница (дата обращения: 01.03.2024).
- IMS — Inkeröismurteiden sanakirja / toimittaja R. E. Nirvi. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1971 (Lexica societatis Fenno-ugricae; XVIII).
- КК — Karjalan kartat (электронный ресурс). URL: <http://www.karjalankartat.fi> (дата обращения: 01.03.2024).
- КЛМ 1618 — Käkisalmen läänin maakirja 1618 = Переписная книга Корельского уезда 1618 г. // А. И. Копанев, А. Г. Маньков (н. ред.). История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja karjalan historiasta 1500-ja 1600 luvuilta. Т. 1. Петрозаводск; Йоэнуу: Б. и., 1987. С. 284–387.
- KNAB — Eesti Keele Instituudi kohanimeandmebaas // Eesti Keele Instituut (электронный ресурс). URL: http://www.eki.ee/knab/p_ee_ru.htm (дата обращения: 01.03.2024).
- MML — Karttapaiikka // Maanmittauslaitos (электронный ресурс). URL: www.maanmittauslaitos.fi/kartat/ (дата обращения: 01.03.2024).
- NK — Norgeskart (электронный ресурс). URL: www.norgeskart.no (дата обращения: 01.03.2024).
- ONR — Gamla Ortnamnsregistret // Institutet för språk och folkminnen (электронный ресурс). URL: <http://www.sprakochfolkminnen.se/sprak/namn/ortnamn/ortnamnsregistret/sok-i-registret.html> (дата обращения: 01.03.2024).

- SMS — Suomen murteiden sanakirja // Kotimaisten kielten keskus (электронный ресурс). URL: <https://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения: 01.03.2024).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. O. 1–3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1992–2000.
- Turunen 1979 — A. Turunen. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappenranta: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, 1979.
- UEW — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- YS — J. Lehtiranta, Yhteissaamalainen sanasto. SUST 2000. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.

References

- ASZYA — T. V. Simashko, N. V. Oskolkova, N. V. Khokhlova, N. S. Morozova, I. A. Dyakonova. *Arkhangelskiy Sever v zerkale yazyka: regionalnyy aspekt yazykovoy kartiny mira* [Arkhangelsk North in the mirror of language: a regional aspect of the linguistic picture of the world]. Arkhangelsk: S. n., 2010.
- Blandov 2014 — A. A. Blandov. «Nas vse korelyakam zvali, a my karelskogo yazyka ne znayem...»: subetnicheskaya gruppa valdayskikh karel v XX i nachale XXI v. [“Everyone called us Korelyaks, but we do not know Karelian...”: Sub-ethnic group of the Valdai Karelians in the XX century and the beginning of the XXI century]. *Finno-ugorskiy mir*. 2014. No. 4 (21). P. 78–83.
- Bubrich 1947 — D. V. Bubrich. *Proiskhozhdeniye karelskogo naroda: povest o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe* [The origin of the Karelian people: a tale about an ally and friend of the Russian people in the North]. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR, 1947.
- Bubrich 1950 — D. V. Bubrich. K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti run «Kalevaly» [On the issue of ethnicity of the Kalevala songs]. V. G. Bazanov (ed.). *Trudy yubileyной nauchnoy sessii, posvyashchennoy 100-letiyu polnogo izdaniya «Kalevaly»* [Proceedings of the jubilee scientific session dedicated to the centenary of the full edition of «Kalevala»]. Petrozavodsk: S. n., 1950. P. 142–151.
- Chaykina 1993 — Yu. I. Chaykina. *Slovar geograficheskikh nazvaniy Vologodskoy oblasti: naseleennyye punkty* [Dictionary of geographical names of Vologda Region. Settlements]. Vologda: Vologda Institute of Advanced Training and Retraining of Teaching Staff, 1993.
- Fishman 2011 — O. M. Fishman. Faktory formirovaniya prirodno-khozyaystvennogo prostranstva mikrolokalnoy gruppy (tikhvinskiye karely) [Factors in the formation of the natural-economic space of a microlocal group (Tikhvin Karelians)].

- Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 1 (114). P. 15–21.
- Gerd 1989 — A. S. Gerd. K istorii obrazovaniya govorov Povolkhovya i yuzhnogo Priladozhya [On the history of the formation of dialects in the Volkhov and southern Ladoga Regions]. *Severnorusskiye govory*. 1989. No. 5. P. 146–172.
- Gerd 2001 — A. S. Gerd. Istoricheskiye granitsy i arealy Obonezhya po dannym raznykh gumanitarnykh nauk [Historical borders and areas of Lake Onega Region according to evidence from various humanities]. A. S. Gerd, G. S. Lebedev (eds.). *Ocherki istoricheskoy geografii = Historiallisen maantieteen tutkielmia: Severo-Zapad Rossii: Slavyane i finny* [Essays on Historical Geography: Slavs and Finns]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2001. P. 409–416.
- Jackson 2001 — T. N. Jackson. *AUSTR Í GÖRÐUM: Drevnerusskiye toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh* [Old Russian place names in Old Scandinavian sources]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2001.
- Kabinina 2011 — N. V. Kabinina. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomorya* [Substrate toponymy of Arkhangel'sk Pomorye]. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2011.
- Kuzmin 2020 — D. V. Kuzmin. *Slovar karelskoy narodnoy geograficheskoy terminologii* [Dictionary of Karelian folk geographical terminology]. Petrozavodsk: Periodika, 2020.
- Makarov 1997 — N. A. Makarov. *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozerya i Poonezhya* [Colonization of the northern borderlands of Ancient Rus' in the 11th–13th centuries: Based on evidence from archaeological sites on the portages of Belozerye and River Onega Region]. Moscow: Scientific and publishing center «Skriptoriy», 1997.
- Matveyev 1996 — A. K. Matveyev. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa i meryanskaya problema [Substrate toponymy of the Russian North and the Merya problem]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1996. No. 1. P. 3–23.
- Matveyev 2001 — A. K. Matveyev. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [The substrate toponymy of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2001.
- Matveyev 2004 — A. K. Matveyev. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [The substrate toponymy of the Russian North]. Vol. 2. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2004.
- Matveyev 2007 — A. K. Matveyev. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [The substrate toponymy of the Russian North]. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2007.

- Mullonen 1994 — I. I. Mullonen. *Ocherki vepsskoy toponimii* [Essays on the Vepsian toponymy]. St. Petersburg: Nauka, 1994.
- Mullonen 2001 — I. I. Mullonen. Etnolingvisticheskaya istoriya Obonezhya [Ethnolinguistic history of the Lake Onega Region]. A. S. Gerd, G. S. Lebedev (eds.). *Ocherki istoricheskoy geografii = Historiallisen maantieteen tutkielmia: Severo-Zapad Rossii: Slavyane i finny* [Essays on historical geography: Slavs and Finns]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2001. P. 332–348.
- Mullonen 2002 — I. I. Mullonen. *Toponimiya Prisivriya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The Svir' Region toponymy. Ethnic and language contacts problems]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2002.
- Mullonen 2008 — I. I. Mullonen. *Toponimiya Zaonezhya: slovar s istoriko-kulturnymi kommentariyami* [Toponymy of the Trans-Lake Onega Region. A dictionary with a historic and cultural commentary]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 2008.
- Mullonen 2012 — I. I. Mullonen. Prirodnyye i kulturnyye faktory formirovaniya vepsskoy etnicheskoy territorii [Natural and cultural factors in the formation of the Veps ethnic territory]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2012. No. 4. *Seriya «Gumanitarnyye issledovaniya»*. Iss. 3. P. 13–24.
- Mullonen 2013 — I. I. Mullonen. Bolshiye ozera malenkogo naroda: identifikatsiya po razmeru v vepsskoy toponimii [Big lakes of a small people: identification by size in Veps toponymy]. N. G. Zaitseva, S. A. Myznikov (eds.). *Vepsskiye arealnyye issledovaniya* [Vepsian areal studies]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 2013. P. 130–144.
- Mullonen 2023 — I. I. Mullonen. «Finsko»-saamskoye polovodye v toponimii Karelii i Russkogo Severa [«Finnish»-Saami flood in the toponymy of Karelia and Russian North]. *Voprosy onomastiki*. 2023. Vol. 20. No. 3. P. 31–48. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.030.
- Mullonen, Soyni 2015 — I. I. Mullonen, E. G. Soini, D. V. Bubrikh i «Kalevala» [D. V. Bubrich and «Kalevala»]. N. G. Zaitseva (ed.). *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskiyeh chteniya: humanitarnyye nauki na Yevropeyskom Severe»*. Petrozavodsk, 1-2 oktyabrya 2015 goda [Proceedings of the scientific conference “Bubrich’s readings: humanities in the European North”. Petrozavodsk, October 1–2, 2015]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 2015. P. 14–22.
- Myznikov 2003 — S. A. Myznikov. *Russkiye govory Obonezhya: arealno-etimologicheskoye issledovaniye leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [The Russian dialects of the Lake Onega area. An areal and etymological study of the vocabulary of Balto-Finnic origin]. St. Petersburg: Nauka, 2003.
- PFGLK — N. N. Mamontova, I. I. Mullonen. *Pribaltiysko-finskaya geograficheskaya leksika Karelii* [A Balto-Finnic geographic vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 1991.

- Rut 1982 — M. E. Rut. Vepsskiye geograficheskiye terminy v russkoy apellyativnoy leksike i toponimii Vytegorskogo rayona Vologodskoy oblasti [Veps geographical terms in the Russian appellative vocabulary and toponymy of the Vytegorsky district of the Vologda Region]. G. M. Kert, N. N. Mamontova (eds.). *Onomastika Yevropeyskogo Severa SSSR* [Onomastics of the European North of the USSR]. Murmansk: Murmansk Publishing House, 1982. P. 21–23.
- SGVO — A. V. Kuznetsov. *Slovar gidronimov Vologodskoy oblasti: obzor etimologiy russkikh i finno-ugorskikh nazvaniy rek i ozer* [A dictionary of hydronyms of the Vologda Region. Reviewing the etymology of Russian and Finno-Ugric names for rivers and lakes]. Totma; Gryazovets: S. n., 2010.
- Shirobokov 2009 — I. G. Shirobokov. Antropologicheskiy sostav karel po dannym dermatoglifiki [Anthropological composition of Karelians according to dermatoglyphics]. A. V. Gromov (ed.). *Mikroevolyutsionnye protsessy v chelovecheskikh populyatsiyakh* [Microevolutionary processes in human populations]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 268–293.
- Shirobokov 2010 — I. G. Shirobokov. Problema formirovaniya antropologicheskogo sostava naseleniya severa Yevropeyskoy chasti Rossii po dannym dermatoglifiki [The problem of the formation of the anthropological composition of the population of the north of the European part of Russia according to dermatoglyphics]. *Vestnik MGU. Seriya XXIII. Antropologiya*. 2010. Iss. 2. P. 77–88.
- Sobolev 2015a — A. I. Sobolev. Vepsskoye proshloye Yugo-Vostochnogo Obonezhya po dannym onomastiki [Veps heritage of the Southeastern Lake Onega Region according to onomastic data]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015* [Lexical atlas of Russian dialects (materials and research) 2015]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. P. 438–508.
- Sobolev 2015b — A. I. Sobolev. Karelskoye naslediyе v toponimii Yugo-Vostochnogo Obonezhya [Karelian heritage in the toponymy of the Southeastern Lake Onega Region]. *Voprosy onomastiki*. 2015. No. 1 (18). P. 47–68. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.003.
- Sobolev 2020 — A. I. Sobolev. Geograficheskiye osobennosti obyekta kak klyuch k etimologii yego nazvaniya (osobennosti litogennoy osnovy i relyefa) [Geographical features of an object as a key to its name etymology (features of the lithogenic base and landscape)]. S. A. Myznikov (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020* [Lexical atlas of Russian dialects (materials and research) 2020]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2020. P. 657–711.
- Sobolev 2021 — A. I. Sobolev. O povyshenii dostovernosti onomasticheskikh etimologiy (na materiale Yugo-Vostochnogo Obonezhya) [Improving reliability

- of onomastic etymology (with Reference to the Southeastern Lake Onega Region)]. *Voprosy onomastiki*. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 9–40. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.031.
- SOGB — A. A. Makarova. Slovar ozernoy gidronimii Belozerya [Dictionary of lake hydronymy of Belozerye]. A. A. Makarova. *Russkaya ozernaya gidronimiya Belozerya: sistemno-funktsionalnyy aspekt* [The Russian lake hydronymy of Belozerye: systematic and functional aspects]. A candidate thesis. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2012. P. 315–763.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äänehistoria [Vepsian language sound history]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.
- Vasilyev 2011 — V. L. Vasilyev. Nazvaniya na -ga v obratnom slovare gidronimii Russkogo Severo-Zapada [Hydronyms ending in -ga in the reverse hydronymy dictionary of the Russian Northwest]. *Voprosy onomastiki*. 2011. No. 1 (10). P. 5–20.
- Vasilyev 2018 — V. L. Vasilyev. O vliyaniyazyky karelskikh pereselentsev XVII veka na toponimiyu Novgorodskoy oblasti [Influence of the 17th century Karelian settlers' language on the Novgorod Region's toponymy]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 6 (175). P. 69–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.212.
- VAV — V. S. Kulikov (ed.). *Velikiy Andomskiy vodorazdel* [The Great Andoma ridge]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 2000.
- Vitov 1962 — M. V. Vitov. *Istoriko-geograficheskiye ocherki Zaonezhya XVI–XVII vv.: Iz istorii selskikh poseleniy* [Historical and geographical studies on the 16th–17th centuries Trans-Lake Onega Region. Glimpses of the history of rural settlements]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1962.
- Zakharova 2015 — E. V. Zakharova. *Integratsiya substratnykh pribaltiysko-finskikh toponimov v russkuyu toposistemu Vostochnogo Obonezhya* [Integration of substrate Baltic Finnic toponyms into the Russian toponymic system of the Eastern Onega Lake area]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2015.

Получено / received 26.04.2024

Принято / accepted 16.09.2024

Лексика игр в классики в марийском языке

М. А. Ключева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия); Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия);
keymachine@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7518-1649

Аннотация. В статье исследуется лексика игр в классики в марийском языке: названия игры в разных диалектах, битки в игре, элементов разметки пространства и др.; реплики, звучащие в игре, а также глаголы в нарративах об игре в классики. Выявлено два основных канала формирования лексикона игры: 1) из общего словарного фонда языка; 2) из контактного языка вместе с заимствованием игры. В марийской лексике игр в классики есть заимствования из русского и тюркских языков. Наиболее консервативна глагольная лексика, где преобладают исконные слова финно-угорского происхождения.

Ключевые слова: марийский язык, финно-угорские языки, тюркские языки, диалектизмы, заимствования, Урало-Поволжье, народные игры, классики (игра), игровой фольклор, глаголы движения, этимология, языковые контакты.

Vocabulary for hopscotch in the Mari language

Maria A. Klyucheva

Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History (Yoshkar-Ola, Russia); Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); keymachine@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7518-1649

Abstract. Hopscotch, a game where players hop through a pattern of rectangles outlined on the ground, is known all over the world. In Russia, the first recording of the game dates back to 1863. Among the Mari people, hopscotch games spread no later than the 1920s–1930s. The subject of the article is the semantics and genesis of the hopscotch vocabulary in the Mari language. The research is based on a wide

range of sources, mainly field recordings, both archival and contemporary. The article documents and analyzes the names of the game in different dialects of the Mari language, the names for markers (stones etc.) used in the game, for elements of the pattern (spaces) drawn on the ground, etc., as well as the players' formulaic remarks. The system of Mari verbal vocabulary in narratives about the game of hopscotch is also explored. Two main sources for the formation of the game lexicon have been identified; these are 1) the general Mari vocabulary and 2) the contact language as it existed at the time of the borrowing of the game. The Mari vocabulary of hopscotch includes quite a lot of Russian loanwords and somewhat fewer words from the contact Turkic languages — Tatar and Chuvash. The verbal vocabulary appears to be the most conservative part of the lexis, since in the system of Mari verbs associated with outdoor games, loanwords are in the distinct minority, while the native vocabulary of the Finno-Ugric origin definitely predominates. Specific semantics of a borrowed lexeme may undergo significant changes in the course of the borrowing when, as a rule, the borrowed word both undergoes phonetic changes and takes subordination to the grammatical norms of the recipient language. Bilingualism and “code-switching” are observed, including in narrative memoirs about children's games recorded from older consultants. Thus, the linguistic processes that accompany cultural borrowing such as the game of hopscotch, are represented in the Mari gaming folklore in a fairly wide spectrum and in all their complex multi-vector nature, characteristic of such multi-ethnic regions as the Ural-Volga Region.

Keywords: Mari language, Finno-Ugric languages, Turkic languages, dialectisms, loanwords, Ural-Volga Region, folk games, hopscotch, gaming folklore, verbs of motion, etymology, language contacts.

1. Введение

Игра в классики, в которой прыгают по расчерченным на земле клеточкам, распространена по всему миру. Считается, что она была известна еще в античности и в Средние века¹, а смысл ее (на мифологическом уровне) представлялся как испытания души при переходе

---

¹ По сведениям [Hopscotch], игра в классики была известна в Древней Индии, зафиксирована в перечне игр, в которые не стал бы играть Будда (середина

из земного мира в небесный, полное опасностей путешествие по «тому свету» [Sebeok, Brewster 1958: 24–26]. На территории бывшей Российской империи первые фиксации игры относятся ко второй половине XIX — началу XX в. под названиями *Классы* (Олон.) [Петров 1863: 1109–1110], *В академию* [О детских играх в Западной Сибири 1886], *В пекло* (Херс.) [Ястребов 1894: 106], *Цари* (Влад., Тул., Кубан.), *Царства* (Перм.), *Котлы* (Вят., Астрах.), *Классы* («школьное название») [Покровский 1895: 125–127], *Классы* (Белорус.) [Никифоровский 1897: 28], *Классы* (Поморье) [Цейтлин 1911: 13] и др. В ранних публикациях отмечается, что это игра школьная, играют в нее мальчики. В первой публикации на русском языке в журнале «Учитель» (1863) сообщается: «Игра эта, как показывает ее название, составлена учениками, появилась в Петрозаводске недавно, но за то и сделалась употребительною, так что редко пройдешь какую-нибудь улицу, где не видел бы игроков в классы» [Петров 1863: 1109]. Там же содержится примечание редактора: «У нас в Петербурге эта игра называется игрою в „котлы“, что явно показывает, что она изобретена не учениками. Играется же она тут уже лет 30». Сама разметка клеточек, по которым прыгают с камнем, называется в данной публикации 1863 года «городком». На протяжении XX века игра была очень популярна в СССР, при этом из репертуара мальчиков она перешла к девочкам [Борисов 2002: 26–28], а самым распространенным и литературным названием игры на русском языке стало *Классики*.

У мари, как и у других народов Урало-Поволжья, игра в классики также хорошо известна, однако в большинстве изданий, посвященных народным играм, описаний ее, как правило, не содержится. См., например, сборники марийских игр [Китиков 1990, 1993;

I тысячелетия до н. э.). В Древнем Риме в классики играли дети, солдаты. Игра в классики под названием *franc du quaqueau* упоминается в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», в 22 главе, в перечне игр, в которые играл Гаргантюа (1534). При этом на знаменитой картине Питера Брейгеля «Детские игры» (1560), являющейся своего рода визуальной энциклопедией игр той эпохи, изображение игры в классики отсутствует.

Марий калык модыш-влак 2012]², удмуртских, мордовских, чувашских, татарских [Долганова, Морозов 2002; Ягодова, Махалова 2005; Брыжинский 2009; Народные жемчужины 2002; Коми ворсӧм да гаж 2007] и др. Вероятно, игра в классики не воспринималась как народная, считалась заимствованной из репертуара русских детей, возможно, относящейся к субкультуре, не заслуживающей внимания. В последнее время ситуация меняется. Следует отметить книгу А. Н. Рассыхаева «Детский фольклор коми: игры» (2023), в которой содержится более десяти описаний этой игры (№ 676–688) с соответствующей коми терминологией. В частности, среди локативных терминов³, от которых происходят названия игры в коми языке — *гижста* ‘черта’, *дзу* ‘кон, луза, лунка, островок, очаг’, *черта*, *клетка*, *крест*, *городок*, *котёл*. Отдельные секторы в разметке называются *би* ‘огонь’, *юр* ‘голова’, *ки* ‘руки’, *кок* ‘ноги’, *шойччанін* ‘место отдыха’. А качестве битки чаще всего в игре используются битые стекляшки (фарфор), называемые *клянича*, *стекляшка*, *склянка*, *сьтеклӧ*, *стеклӧ*, *битла* ‘бита’. Игра могла происходить с кусочком чугуна, камнем (коми *из*), щепкой (*чаг*). Ошибка в игре (если нога попадает на линию) называется *брак* [Детский фольклор коми 2023: 363–369]. Описания трех башкирских игр в классики на башкирском и русском языке — *Өй алыш* ‘Классики’ (букв. ‘захват дома’), *Гызык* ‘Черта’ и *Ишэк* ‘Осел’ — содержатся в книге И. Г. Галяутдинова [Галяутдинов 2002: 218–223]. Из этого источника известно, что у башкир игры в классики происходят с плоским камушком (*таш*), полукруг в разметке пространства называет *утлык* ‘огонь’, есть также локативные термины *өй* ‘дом’ и *оя* ‘гнездо’. Проигравший должен кричать «ослом» (*ишэк*). О татарских классиках наиболее информативным источником оказалась татарская «Википедия», в которой есть отдельная страница, посвященная этой игре. Варианты названий игры по-татарски: *Тыркын*

² Описания марийских игр в классики содержатся в издании [Ключева 2014: 270–276], но они даны на русском языке и отражают лишь отдельные марийские игровые термины.

³ Локативные термины — это наименования элементов разметки игрового пространства.

‘Бег на одной ноге (прыжками)’, *Класслар* ‘Классы’, *Сигез чыек* ‘Восемь линий’⁴ (Тюмен.), *Чэкэн* ‘Бита’, *Өй салу* ‘Закладка дома’ [Тыркин (уен)]. Как и в башкирских играх, элементы разметки пространства называются *ут* ‘огонь’, *өй* ‘дом’; игра происходит с камнем — тат. *таш*. Отдельные названия игры в классики содержатся в современных словарях татарского языка, например: *Тыракай* ‘игра в классы’, ‘бег на одной ноге (прыжками)’, *Тырак-Тырак* ‘на одной ноге’, ‘игра в прыжки’ (*тырак-тырак уйныйкмы?* ‘будем играть в классы’), *Тыркин* ‘то же’, *Сызыклы уены* ‘Игра в черту’ [СЭФ], *Сызыкташ* ‘Черта-камень’, *Тырак-тырак* [БДСТЯ: 673]. В чувашской «Википедии» название игры в классики — *Каччамйш*⁵ [Каччамйш]; там же содержится отсылка к стихотворению чувашского поэта Геннадия Айги (1953), в котором игра в классики называется *Кётес ваййи* ‘Игра в угол’ и *Класла вялясçё* ‘Игра в классы’; битка в игре — *тетте* ‘игрушка’ [Кётес ваййи / Г. Айги]. В целом сведения об игре в классики у народов Урало-Поволжья достаточно разрозненные и фрагментарные. Нам практически не удалось выяснить названия игры в классики в финно-угорских и тюркских языках Урало-Поволжья по основным словарям этих языков (за исключением татарских). В изданиях марийских словарей имеется лишь два упоминания игры в классики:

---

⁴ Слово *чыек* — несловарное (< *чыйык* ~ *цыйык*), от тат. *чый-у* ‘писать (острым предметом), чертить, проводить борозду, царапать’ < диал. *чый* ‘черта, рез (нанесенный острым предметом)’ < кит. *цый* ‘иероглиф’ [Ахметьянов 2015: 467]. Благодарим за помощь в переводах с татарского и башкирского научного сотрудника отдела прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН Р. Н. Каримову, которая также указала на соответствующее название игры в классики у сибирских татар — *Сигез цыйык* ‘Восемь линий’.

⁵ Буквальный перевод с чувашского этой несловарной лексемы затруднителен. Возможно, в его основе чув. *качка* ‘жених’ или диал. *качка* ‘коза’ (~ литер. *кача*). Поскольку в игре прыгают, ее название могло быть ‘козел’, ‘в козла’. По словам лингвиста-тюрколога А. В. Савельева (ИЯз РАН), к которому мы обратились за консультацией, «можно этимологизировать через *качч* *амйш* > *каччамйш*, как бы игра ‘в сватью’, но мотивация неясна, либо же через диал. *кача* ‘коза’, что прозрачно семантически, но удовлетворительного объяснения с т.зр. формы не находит» (из личной переписки, 1.03.2024).

— *Цикля мадаш* ‘играть в классики’ (мар. Г) в «Словаре горного наречия марийского языка» (1981) и в последующем переиздании 2008 года [Саваткова 1981: 185, 2008: 315], а также в десятитомном «Словаре марийского языка» в словарной статье *чек* ~ мар. Г *цик* ‘граница’: *Мбiнь изиэм годым цикля мадаш яратем ылыы*. МДЭ. Я в детстве любила играть в классики [СМЯ VIII: 342];

— *Черта* — детская игра в классы (классики). *Ялыште йоча-шамыч уремыште черта дене модыт*. В деревне на улице дети играют в классы. *Изи удыр асфальтышке чертам суретла, вара йолташыже-влакым черта дене модаш уژهеш*. Маленькая девочка начертит на асфальте клетки (букв. ‘черту’), затем приглашает своих друзей играть в классики [СМЯ, доп. том 2019: 490].

Цель нашей статьи — исследовать с точки зрения генезиса и семантики марийскую лексику игр в классики. Прежде всего это названия игры, битки в игре, элементов разметки пространства (клетки, линии); реплики, которые звучат в игре, и т. п. Будет сделан также обзор марийской глагольной лексики в нарративах об игре в классики. Материал исследования — преимущественно полевые записи, архивные и современные⁶, а также редкие публикации по марийскому языку и этнографии, в которых содержатся упоминания или некоторые сведения об игре в классики у марийских детей. Поиск материалов по игре в классики осуществлялся также в трех крупнейших онлайн-корпусах марийского языка (Марийского научно-исследовательского института [Корпус марийского языка], университетов Вены и Тромсё [KORP. Hill Mari texts; KORP. Meadow Mari texts], Высшей школы экономики [Корпус лугомарийского языка]), но дал скромные результаты.

⁶ В статье при ссылках на полевые материалы указываются имена собирателей; записи автора статьи дополнительно не маркируются. При ссылках на горномарийские материалы указываются только названия деревень — все они административно относятся к Горномарийскому р-ну Республики Марий Эл.

В архивных марийских текстах, языковых примерах, приводимых в статье, сохраняется орфография и пунктуация источников. Переводы на русский язык — автора статьи.

В *Разделе 2* представлена основная лексика игр в классики по диалектам марийского языка⁷: восточное наречие (*Раздел 2.1*), луговое (*Раздел 2.2*) и горное (*2.3*). *Раздел 3* посвящен глагольной лексике в рассказах об игре в классики. В *Разделе 4* содержатся выводы исследования.

2. Лексика игры в классики в марийском языке (названия игры, предметов игры, элементов разметки пространства, реплики игроков и др.)

2.1. Восточное наречие

Впервые описание игры в классики у мари было опубликовано в 1958 году на английском языке в книге *Studies in Cheremis. Vol. 6 Games* [Sebeok, Brewster 1958: 21–24, № 28; МНИ, № 1613]. Информантом американских ученых был Иван Евский, 1919 г. р., из восточных мари, уроженец с. Баймурзино (ныне Башкортостан). Записи производились в Университете Индианы (США) в 1952–1954 гг. Игра происходит с камушком по разметке следующего вида (цифры, как сообщается в источнике, в оригинальной игре не ставились):

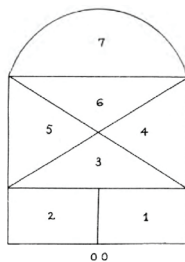

Рис. 1. Разметка пространства в игре в классики у восточных мари [Sebeok, Brewster 1958: 23]

Fig. 1. Diagram for hopscotch game, Eastern Mari [Sebeok, Brewster 1958: 23]

⁷ Наиболее обстоятельные обзоры системы диалектов марийского языка представлены в книгах И. Г. Иванова [Иванов 1981] и Габора Берецки [Bereczki 1994].

К сожалению, марийская лексика в этой публикации отсутствует. Но о полукруге в разметке игры сказано, что его называют «крышей» (англ. roof): «Then he casts the stone under the last roof— they call it “roof;” he first jumps in with both feet»⁸. На марийском это могло быть слово *пёртвуй* ‘крыша’ (букв. ‘голова дома’). Возможно, камень, с которым играли (англ. stone), назывался по-марийски соответственно *ку* ‘камень’ (?). По фразе «If he steps on a line, or if he pitches the stone past a space, he burns (=loses), they say»⁹ можно также реконструировать мар. *йўлаш* ‘сгореть’ как вероятный термин в марийской игре при ошибке, проигрыше. В наказании проигравшего, как следует из описания игры в данном источнике, использовалась голосожанка 3-3-3: «Thus the players finishing come out in a row. They say “zzzz” to the man remaining last»¹⁰. Такого типа голосожанки обычно связаны с бегом на выдохе при проигрыше в игру в чижа и распространены у народов Средней Азии [Ключева 2015: 38]. Вероятно, что-то подобное было и у восточных мари, т. к. в восточном наречии марийского языка зафиксировано *вызлыктен модаш* ‘играть в догонялки’ (перевод в источнике) < *вызлаш* ‘бежать’ (от мошкарны, комаров — о скоте) < *выз* — звукоподражание гудению, жужжанию насекомого [Вершинин 2011: 70–71].

Следующая по времени фиксация игры в классики также была сделана у восточных мари, в с. Старобедеево Нуримановского р-на Башкирской АССР, во время фольклорной экспедиции Марийского научно-исследовательского института в 1973 году. Фольклористы А. Е. Китиков и С. С. Сабитов записали только название игры — *пенашка* (*пинажка*) [МФЭ-73 № 73, л. 25, № 29.8, № 74, л. 50, № 31.31; МНИ, № 1620], от рус. *пинашка* (как называют битку в игре в классики)¹¹ < *пинать*.

⁸ Затем он бросает камень на последнюю «крышу» — они называют это «крышей» [полукруг с цифрой 7]; сначала он прыгает сразу обеими ногами.

⁹ Если он наступает на линию или попадает камнем мимо клетки, он, как они выражаются, «сгорает» (=проигрывает).

¹⁰ Таким образом, игроки, закончив, выходят по очереди. Они говорят «3-3-3» человеку, оставшемуся последним.

¹¹ Слово *пинашка* (рус.) отсутствует в диалектологических источниках, таких как «Словарь русских народных говоров», однако достаточно часто встречается

У восточных мари игра в классики называется также *Черта*, как у луговых мари (с. Нижняя Татъя Краснокамского р-на Республики Башкортостан, инф. 1972 г. р., зап. 2.04.2024) и по-русски — классики: *Ўдырляк обычно тожо классикым* ‘Девочки — обычно тоже в классики’ (д. Азиково Кильмезского р-на Кировской обл., инф. 1952 г. р., зап. в 2017 г.) [МНИ, № 2231].

2.2. Луговое наречие и соответствия в других диалектах

В репертуаре луговых мари первой фиксацией игры в классики является архивная запись 1974 года на марийском языке (д. Кожлаер Моркинского р-на Марийской АССР, зап. А. С. Сергеев) [НРФ, оп. 1, д. 889, л. 54, № 3; МНИ, № 1614]. Игра называется по-русски — *Рай*, битка, с которой проходят по клеточкам, называется по-марийски — *панга* (мар. ЛВ). Игра происходит в следующей разметке (*тыге 5 клеткым чертитлат* ‘так чертят пять клеток’):

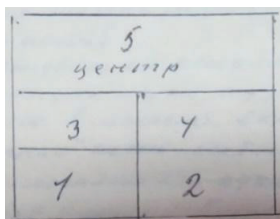

Рис. 2. Разметка в игре в классики у луговых мари, 1974 г. [МНИ, № 1614]

Fig. 2. Diagram for hopscotch game among the Meadow Mari, 1974 [МНИ, № 1614]

Как видим, пятая клеточка в разметке называется по-русски «центром» (< нем. < лат.).

в разного рода меморатах о детстве, об играх, публикуемых в социальных сетях в интернете (как правило, без указания места). Пример подобного источника — запись 2007 г. об игре в классики в «Живом журнале» жительницы Новосибирска, доступная по ссылке: <https://inna-jv.livejournal.com/418929.html> (дата обращения: 07.03.2024).

Спустя 50 лет после первой записи игры в классики у луговых мари, информант из того же населенного пункта сообщила, что игра в классики в ее детстве называлась уже не *Рай*, как в первой записи игры в 1974 г., а *Калай банке дене модаш* ‘играть в жестяную банку’, и термин *панга* по отношению к битке в игре в классики не применялся, но использовался в других играх (преимущественно в играх со сбиванием предмета брошенной в него палкой) (д. Кожлаер, инф. 1985 г. р., зап. 2.04.2024 г.).

Однако имеются и другие фиксации термина *рай* в марийских классиках. В д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ (мар. Л) словом *рай* называли не саму игру, а ее этап, когда прыжки надо делать не по порядку (с первой клеточки на вторую, потом третью и т. д.), а по диагонали. Т. е. при разметке, аналогичной той, что изображена на *Рис. 3* ниже, с первой клеточки прыгают на седьмую, потом на третью, пятую, потом на четвертую, шестую, вторую, восьмую (инф. 1952 г. р., зап. в 2002 г.) [Ключева 2014: 277; МНИ, № 1624]¹².

Русские мифонимы *рай*, *ад* используются как наименование отдельных элементов в разметке пространства в классики у горных мари, например:

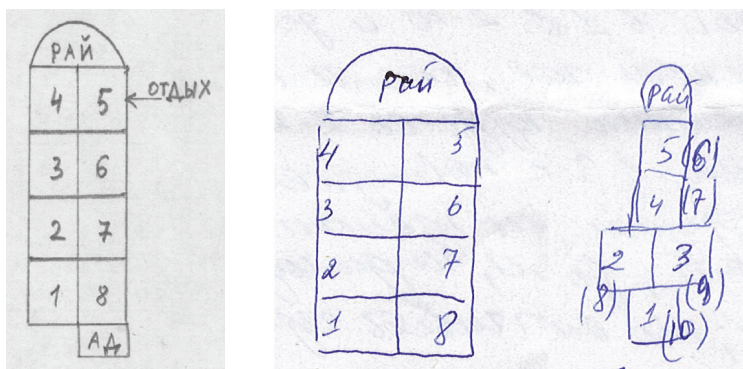

Рис. 3. Варианты разметки в игре в классики у горных мари

Fig. 3. Diagrams for hopscotch game among the Hill Mari

¹² В той же игре (д. Малые Параты) еще один тип прыжков (зигзагом) называется по-русски «лягушкой». Прыгают по следующей траектории (см. *Рис. 3*): с первой клеточки на восьмую, далее на седьмую, вторую, третью, шестую, пятую и т. д.

Рисунок слева — из д. Сарлатово (*Когосола*), инф. 1948 г. р., зап. в 2017 г. [МНИ, № 1632]. Два рисунка справа — из с. Емангаши, инф. 1969 г. р., зап. 2 апреля 2024 г.

Аналогичные локативные игровые термины-мифонимы (*ад*, *рай*) есть в русских играх [Покровский 1895: 125–126], соответствия — в играх других европейских христианских народов, например, англ. Heaven, Paradise, Purgatory, Fire [Sebeok, Brewster 1958: 26]. При этом в марийском языке для понятий «рай» и «ад» есть другие слова: *узьмак* ‘рай’ (в литер. мар. ЛВ пришло из восточного наречия), *тамык* ‘ад’ (мар. ЛВ), *триспотня*, *триспотныы* ‘преисподняя’ (мар. Г). Но в играх в классики они не зафиксированы.

Рассмотрим наименования битки в игре. Как было выше сказано, битка, с которой проходят по клеточкам, называется в архивной записи 1974 г. [МНИ, № 1614] по-марийски — *панга* (мар. ЛВ). Видимо, она представляла собой что-то вроде деревянной шайбы. То же слово зафиксировано в 2018 г. в д. Шеменермучаш Параньгинского р-на РМЭ (инф. 1960 г. р.) [МНИ, № 1629]. Слово *панга* очень употребительно в луговом и восточном¹³ наречиях марийского языка как игровой термин. Оно означает самые разные предметы игры: палку, палочки, обрубки, чурки (городки), кольшкы, деревянные шары, кубики, костяшки домино, шашки, шахматные фигуры, игральные кости [МНИ]. Помимо наименования предметов игры значения лексемы *панга* в марийском языке: 1. комочек, например, *рок панга* ‘комочек земли’ 2. палочка, например, *тўмыр панга* ‘барабанные палочки’, *эгыр панга* ‘поплавок’ (*эгыр* ‘удочка’), *логар панга* ‘кадык’ (*логар* ‘горло’); 3. косточка, костяшка; кругляшка на счетах [СМЯ V: 32–33]. Также *ашыкпанга* ‘палочки для развешивания мата’ [СМЯ I: 124] (*ашык* ‘мат’), *телевизор панга* ‘включатель телевизора’ [СМЯ V: 33], *самбар панга* ‘чурбачки для самовара’, *шўртё панга* ‘шпулька’ > *панга шўртё* ‘(магазинная) нить в шпульках’ [Вершинин 2011: 416], *шур-панга* ‘мерзлые катышки конского навоза на дороге’ [Вершинин 2018: 399] и т. п. В переносном значении *панга* — ‘мальш, коротышка, малорослый’ (мар. В) [Вершинин 2011: 416].

---

¹³ В некоторых говорах восточного наречия (например, мензелинском) произносится как *пāngā* [Вершинин 2011: 422].

Этимология мар. слова *панга* неясна. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев сопоставляют его с коми *паг* ‘пришивка, планка, скрепка, доска’ [Лыткин, Гуляев 1999: 419], В. И. Вершинин указывает на эрз. *пенге* ‘полена’, нен. *paŋg* ‘колода; обрубок’ [Вершинин 2018: 400]. В основных базах финно-угорской лексики, таких как [Rédei 1988; Bereczki 2013], марийское *панга* отсутствует. См., например, ФУ **punka (ponka)* ‘комок, желвак, волдырь, неровность’ [Rédei 1988: 404]¹⁴. По мнению марийского лингвиста А. Н. Куклина, высказанному в личной беседе (2013 г.), *панга* — собственно марийское слово, ономастопозитическое по своей природе, связанное со звукоподражанием удару. Также представляется важным, что в горном и северо-западном наречиях марийского языка слово *панга* (**näŋgä, *näŋgä*) отсутствует. Его не общемарийский характер и вокализм первого слога, не характерный для исконной лексики мар. Л *a*, косвенно указывают на то, что это заимствование. При этом от мар. *панга*, видимо, происходит чув. *панккă* чушка; *панккăла* — название игры в чушки (д. Чинеры Октябрьского р-на Чувашской АССР (ныне Мариинско-Посадский р-н Чувашии, Бичуринское с/п)) [Ашмарин IX: 92–93]. Ср. также рус. диал. *бонка* — мяч (шар) в игре типа ярки (Казан.) [Нечаев 1894: 505], рус. диал. *панки* и *панок*, *паночек* ‘игральная кость, бабка, бита в игре’, рус. диал. *понки* — ‘лодыжки, щиколотки (у человека)’ (Сверд., 1983) [СРНГ XXIX: 265]; ОТю *баканак* ‘копыта; козон’ [Севортян 1978: 42–45].

Зачастую информанты затрудняются подобрать слово для наименования битки в игре, тем более что деревянную шайбу со временем вытесняет баночка из-под обувного крема и т. п., наполненная землей, например:

- (1) *Налат тыгай — ме пу гычын ыштена иле, тыгай момак ыштена, тыгай штукам ыштена иле, пу гычын тыгай лэхкийым (она манына иле, кеже кругам тыгайым ышта иле),*

¹⁴ См. также созвучные финские слова в «Этимологическом словаре финского языка» (*pankka* и др.) [Itkonen, Joki 1962: 481–483]. Марийское *панга* в связи с ними в данном источнике не приводится.

мыланем дак дедушка ыштен пуа тыге йытыран гына. (Тудо икта лу сантиметр кутышан, парня кўжгўт.)

‘Берешь такую — мы делали из дерева, такую это делали, такую штуку делали, из дерева, такую легкую (мы называли ее доской (*она*), некоторые делали такую круглую), мне дедушка делал из дерева аккуратно. (Она примерно 10 сантиметров длиной, толщиной с палец)’ (д. Папанино Моркинского р-на РМЭ, инф. 1948 г. р., зап. в 2019 г.) [МНИ, № 1630].

- (2) *Вара вот тыге тўргўштыл кает, тўрштен, тиде мозтым, чумен тыгай панга гайым, тышке, вара луктын шуэт тушко. <...> Ондак вет крем атым налына ыле. Кемыр [<кемым] шўрмў крем атым, тушко ошмам оптена, штоб неле лиже, и тыге модын кайна вара, лектына.*

‘Потом вот так проходишь-прыгаешь, эту самую, пинаю такую, как панга, сюда, потом выводешь туда. <...> Раньше ведь брали баночку от крема. Баночку из-под крема для обуви, туда кладем песок, чтоб была тяжелой, и так потом идем, играем, проходим’ (д. Шиньшедур Моркинского р-на РМЭ, инф. 1959 г. р., зап. в 2016 г.) [МНИ, № 1631].

Крем ате ‘баночка из-под крема’ — в этом наименовании битки (пример (2)) слово *крем* — из русского языка (< франц. < лат. < др.-греч.), а слово *ате* ‘посудина, чашка, миска’ < чув. *атй* ‘сосуд’ при изначальном значении ‘сапог’ в чувашском и других тюркских языках [Федотов II: 69]. Аналогичное название битки — *консерве ате* (д. Шурга Моркинского р-на РМЭ, инф. 1987 г. р., зап. в 2024 г.).

В горномарийских классиках соответствием последнему наименованию является *атйи*, например, в оригинальной орфографии участников опроса в 2024 г.: *керемят* (д. Шерекей, инф. 1967 г. р.), *кремат* (*канцервйи атйи*) ‘консервная банка’ (д. Коптяково, инф. 1960 г. р.), *канцервйи аты* с пометой «из-под конфет-драже» (д. Тетьяново, инф. 1970 г. р.); *консервйатйи* ‘консервная банка’ (д. Большой Серманангер, д. Апшак-Пеляк, с. Кузнецово, инф. 1968 г. р., зап. А. А. Сибирёва) [ГЭ МГУ; МНИ, № 1634]. Также:

- (3) *шайбы ган'е техеньй йьйргешкй äтй <...> техень äтйжсьм ьшитеннй ландрин ьлын молнам техень äтйшитй* ‘как шайба, такая круглая посудинка <...> такую посудинку делали, был раньше ландрин в такой посудинке’ (д. Токари, инф. 1962 г. р., зап. А. Н. Закирова) [ГЭ МГУ; МНИ, № 1636];
- (4) *äтй техеньй, йьйргешкй äтй* ‘такая посудинка, круглая посудинка’; *крем äтй* (д. Сарлатово, инф. 1948 г. р.) [МНИ, № 1632].

В описании игры на русском языке:

- (5) *Ногами пинали кремовой банку* (д. Ванюково, инф. 1949 г. р., зап. К. И. Ситников в 2016 г.) [МНИ, № 1635].

Данное название битки функционирует и как наименование игры в классики — *Керемäтлй* ‘В классики’, букв. ‘в крем-банку’ (д. Шерекей, инф. 1967 г. р., зап. в 2022 г.) [МНИ, № 1618]. (Здесь *керем* < *крем*, не путать с мар. *керем* ‘веревка’.) Аналогично *Крематла* ‘В классики’ (д. Коптяково, инф. 1960 г. р., анкетный опрос в 2024 г., сохранена оригинальная орфография).

Подбирая слово для наименования битки, луговые мари говорят также *ластик*, *шайбе*, *банычке* (д. Куршембал Волжского р-на РМЭ, инф. 1963 г. р., зап. в 2016 г.) [МНИ, № 1621], *калай банке* ‘жестяная банка’ (д. Кожлаер Моркинского р-на, инф. 1985 г. р., зап. в 2024 г.); горные — соответственно *шайбы*, *банычкы*, *банкы* [МНИ, № 1632], *консервы банкы* ‘консервная банка’, *драже оптымь банычкы* ‘баночка, в которую кладут драже’, *ляпцйкй консервы банкы* ‘плоская консервная банка’ [МНИ, № 1634], *консервнйй банкы* [МНИ, № 1618] и т. п. От наименования битки *калай банке* ‘жестяная банка’ происходит, как было сказано выше, название игры в классики *Калай банке дене модаш* ‘играть в жестяную банку’. Слово *калай* ‘жесть’ является в марийском языке заимствованием из татарского [Исанбаев 1994: 64].

Игра могла происходить и с кусочком битого фарфора. Отсюда одно из названий игры у луговых мари — *Талинга пудырго дене* ‘В осколки от цветных блюдец’ (перевод информанта, 1937 г. р.,

д. Верхний Регеж Куженерского р-на РМЭ, самозапись в 2013 г.) [МНИ, № 2562]. Слово *талинга* ‘блюдец’ восходит к рус. *тарелка* (< нем. < итал.), но в марийском языке является заимствованием из татарского [Исанбаев 1994: 142]. Ср. тат. *тэлинкэ* ‘тарелка, блюдо’, удм. диал. *талинка*. Слово *пудырго* ‘осколок’ — от мар. *пудыргаиш* ‘разбиваться’.

В 1980-е годы игра в классики систематически фиксируется А. Е. Китиковым в разных районах Марийской АССР, причем самым употребительным ее названием у луговых мари является *Черта* (*Чертала* ‘В черту’ — в Звениговском, Советском р-нах [МНИ, № 1615, 1616], *Черта дене* ‘Чертою’ — в Сернурском р-не) [МНИ, № 1617)]¹⁵. В более поздних наших полевых записях наименования *Чертала*, *Черта дене* игры в классики встречаются в Волжском, Моркинском, Куженерском, Ново-Торъяльском, Параньгинском, Сернурском р-нах РМЭ (инф. 1948–1990-х гг. р.) [Ключева 2014: 270–276; МНИ, № 1623, 1624, 1626–1931]. В одном случае наряду с *Чертала* информант произнесла название игры как *Чертитла* (д. Куршембал Волжского р-на РМЭ, инф. 1963 г. р., зап. в 2016 г.) [МНИ, № 1621]. Выше упоминалась также единственная фиксация наименования *Черта* игры в классики в словаре — [СМЯ, доп. том 2019: 490]. В крупных онлайн-корпусах марийского языка *Черта* встретилось только в корпусе Тимофея Архангельского (ВШЭ), источник — марийская молодежная газета «Кугарня» (‘Пятница’) от 15 июня 2017 года:

- (6) *Провой вел Нуктуж ялем, мый тыйым йӧратем, тыйын нергенет кугешнен муралтем. Ачам-авамын суртишо, ужар иудан изи урем — Метри арка, пошкудем-влак, чарайолын куржталме, чертала модын тӧршитълмӧ... Чыла тиде шарнаш веле кодын. ‘Моя деревня Нуктуж Звениговского района, я тебя люблю, о тебе с гордостью пою. Родительский дом, мой переулочок с зеленой травой — Дмитриев холм, мои соседи, беганье босиком, прыганье при игре в черту... Все это только вспоминать осталось’ [Корпус луговомарийского языка].*

---

¹⁵ О диалектных различиях в названиях марийских игр на уровне морфологии (*черта дене* ~ *чертала*) см. [Ключева 2023].

Таким образом, наименование *Черта* игры в классики можно считать общим для всего лугового наречия марийского языка¹⁶, а пришло оно, очевидно, из соседних русских диалектов: «В черту́. Игра в классы» [ЯОС 1982: 43]. Ср. упомянутые во вводной части статьи аналогичные наименования игр в классики в других языках Урало-Поволжья: коми *Черта*, *Чертаэн* ‘В черту’, *Чертан* ‘В черту’, *Гижтаён* ‘В черту’, тат. *Сызыклы* ‘В черту’, *Сызыкташ* ‘Черта-камень’, башк. *Гызык* ‘Черта’, мар. Г *Цикля* ‘В границу’ (о последнем подробнее ниже, в *Разделе 2.3*).

Достаточно необычными названиями игры в классики у луговых мари являются:

- *Окшак тага* ‘Хромой баран’, которое используется наряду с русским названием *Классики* (д. Шурга Моркинского р-на РМЭ, инф. 1987 г. р., зап. в 2024 г.); оба слова в марийском языке — тюркские заимствования, от чув. *уксак* и *така* с аналогичным значением [Федотов II: 273, 164];
- *Крапала* ‘В крапу’ (д. Большой Шургумбал Советского р-на РМЭ, инф. 1991 г. р., самозапись в 2013 г.) от слова *крапа* «так назывались квадраты, из которых состояла фигура» [МНИ, № 1622]. Вероятно, это слово происходит от рус. *крапать* ‘помечать или покрывать крапинами’ [Даль II: 508]. Ср. диал. (Нижегор. ~ Горьк.) *крапка* ‘расписывание деревянных ложек рисунками’, *крапить* ‘расписывать деревянные ложки’ [СРНГ XV: 170];
- *Тракла* ‘В трак’ (д. Мари-Шои Куженерского р-на Марийской АССР, зап. А. Е. Китиков в 1990 г.) [МНИ, № 1619].

Что же такое *трак*? В самом описании игры указывается, что *трак* — это баночка из-под зубного порошка, которую используют в качестве битки, т. е. это наименование предмета игры:

- (7) *Шошым мланде кошкен шумек тракым чумаш тўнгалына.*
Трак — зубной порошок, крем атыш рокым пыштыман банке.
Мландеш тоя дене квадратым ыштат, тудым лужашлан пайлат.

¹⁶ В *Разделе 2.1* также отмечено его бытование у восточных мари.

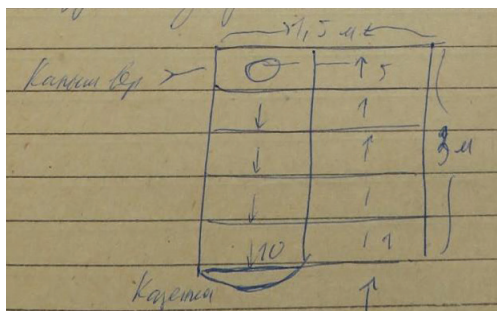

Рис. 4. Разметка классиков в д. Мари-Шои [МНИ, № 1619]

Fig. 4. Diagrams for hopscotch game, the village of Mari-Shoi [МНИ, № 1619]

Тракым, эркын чумен[,] 10-шо квадрат гыч луктыт. Ончыч 1-ше квадрат гыч, вара кокымшо гыч, вара — кумшо, нылымше... лумшо гыч. Вара, 1-ше квадрат вокте тупела шогалын, тракшым вуй гоч шуэн колта. Могой квадратыш логалеш — тудо модшын пörтийö лиеш. Вес модшылан тракшым тиде пörт гоч чумал колтыман. Тушко тракше логалеш гын, черетишым йомдара.

Примечаний: Модмо годым трак казенка манмашке (лумшо клетка мучаште) логалеш, мо модын налалтын — чыла йомеш. Моло верлаште тиде модшыын классла модмаш, чертала модмаш маныт.

‘Весной, когда земля обсохнет, начинаем пинать трак. Трак — банка от зубного порошка, крема, в которую надо насыпать землю. На земле палкой делают квадрат [прямоугольник], его делят на десять частей.

Тихонько пиная [по всей разметке], трак выпинывают из десятого квадратика. Сначала из первого, потом из второго, потом из третьего, четвертого... десятого. Потом, встав спиной около первого квадрата, кидают трак через голову. В какой квадрат попадет — тот становится домом игрока. Другому игроку нужно пропинывать трак через эту клетку. Если трак попадет туда, он теряет ход.

Примечание: Если во время игры трак попадет в т. н. казенку (в конце десятой клетки), что выиграли — все пропадает [сгорает].

В других местах эту игру называют «в классы», «в черту»'. (Зап. А. Е. Китиков в 1990 г.) [МФЭ-90 № 172, л. 26–27, № 20.2; МНИ, № 1619].

Источник лексемы *трак* в марийской игре — очевидно, татарский, учитывая приведенные выше, во *Введении*, наименования игры в классики на татарском языке: *Тырак-тырак*, *Тырак-тырак*, *Тыракай*, *Тыркын*¹⁷. Этим словам соответствуют татарские глаголы *тыраклау*, *тыракайлау* [СЭФ], *тыракларга* [Ганиев (ред.) 2002: 338], означающие ‘прыгать на одной ноге’, ‘припадать на одну ногу, ковылять’. Считается, что эти слова имеют звукоподражательный характер, ср. тат. *тыр*, *тыр-р* ‘имитатив шуму трещотки, моторов, а также быстрому бегу мелкими шагами’ [Ахметьянов 2015: 334].

В приведенном выше описании марийской игры *Тракла* содержатся также локативные термины *пöрт* ‘дом’, *каныш вер* ‘место отдыха’ (клеточка, на которой можно отдохнуть)¹⁸ и *казенка* (<рус. *казёнка*¹⁹). Ср. коми *шойччанін* ‘место отдыха’ [Детский фольклор коми 2023: 364, № 677]. В горномарийских классиках отдельные клеточки также могут называться *пöрт* [МНИ, № 1637а] или *тома* ‘дом’

¹⁷ Расстояние от д. Мари-Шои, где игра называется *Трак*, до ближайших деревень с традиционно татарским населением в Параньгинском районе РМЭ (Портягур, Ирнур) — не более 15 км по дороге.

¹⁸ Слово *пöрт* ‘дом’ считается балтским (литов. *pirtis*) либо древнерусским (*пѣрть* ‘баня’) заимствованием в финно-угорских языках [Вершинин 2018: 427], *вер* ‘место’ — исконное слово финно-угорского происхождения [Rédei 1988: 569]; *каныш* ‘отдых’ от *канаиш* ‘отдыхать’ < чув. *кан* [Федотов I: 222].

¹⁹ «Казенка — каморка, клетушка; перегородка в избе, где нет топки, а иногда и в горенке, в летней половине; деревянный пристрой к печи, служащий приступом для лазанья на печь или лежанку и помещением для птицы и мелкого скота зимою; большой прилавок у дверей, при входе в избу (Нижегородская губерния)» [Брокгауз, Ефрон (изд.) 1894: 925].

[МНИ, № 1634]. Ср. *өй* ‘дом’ в классиках у татар и башкир. Это один из универсальных локативных терминов в классиках, например, в турецком ему соответствует *hâne* ‘дома’²⁰ [Brewster, Sebeok 1957: 24], в английском — *home* ‘дом’, *rest* ‘отдых’ [Hopscotch]. В марийских играх используются и наименования локусов на русском языке: *дом* (п. Мари-Турек) [Ключева 2014: 274; МНИ, № 1628], *отдых* (д. Малые Параты) [Ключева 2014: 277; МНИ, № 1624]; *огонь* (д. Большой Шургумбал) [МНИ, № 1622]. Ср. в башкирских классиках *утлык* ‘огонь’ [Гиляутдинов 2002: 219–221], в татарских — *ут* ‘огонь’ [Тыркын (уен)], в коми — *би* ‘огонь’ [Детский фольклор коми 2023: 364]. В п. Новый Торъял РМЭ «последний девятый этап в классиках называется *Москва*» [Ключева 2014: 276; МНИ, № 1625]. В д. Нижний Кугенер Новоторьяльского р-на РМЭ верхний (дальний) полукруг в разметке называется «солнцем» [Ключева 2014: 274; МНИ, № 1626]. Аналогичное название этого полукруга в классиках — *солнышко* (на русском языке) — зафиксировано в Эстонии, г. Кохтла-Ярве (инф. 1976 г. р., зап. в 2002 г.) [Ключева 2008: 354]. В стенограммах рассказов об игре в классики на марийском языке, как у луговых, так и у горных мари для наименования различных элементов разметки пространства используются также русские слова, выражающие геометрические фигуры: *квадрат*, *квадратный*, *күгä* ‘круг’, *полукруг* (и мар. Г *пелкүгä*), *прямоугольник* (также по-марийски *ныдугылан* ‘четырёхугольный’), *клетке* ~ мар. Г *клеткä* ‘клетка’, *угол* ~ *огöl* и т. п.

В [МНИ, № 1619] также упоминается наименование игры *Классла* ‘В классы’. У более молодого поколения луговых мари (1990-х г. р.) широко распространено и собственно русское наименование игры — *Классики* (не только на территории РМЭ, но и, например, в марийской д. Ешпаево Уржумского р-на Кировской обл.), а также с искажением (без плентизации) — *Классика* (д. Чодраял (Кабак-сола) Волжского р-на РМЭ; п. Мари-Турек РМЭ) [Ключева 2014: 274; МНИ, № 1623].

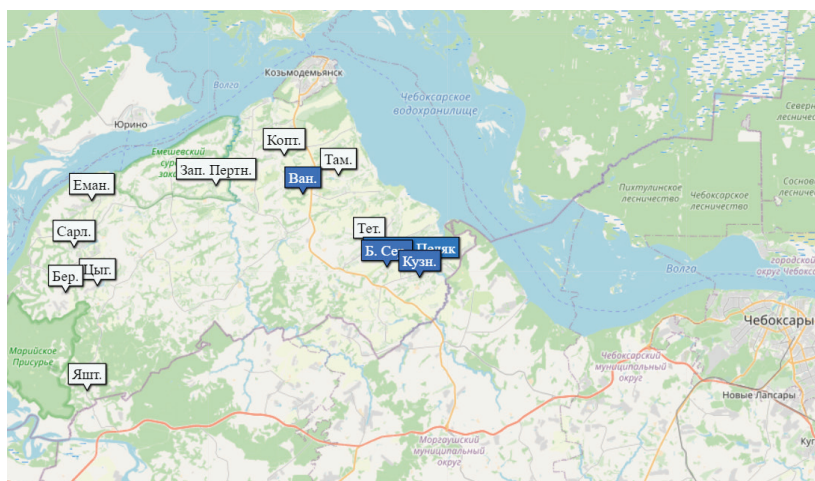
²⁰ Здесь сохранена орфография и перевод источника («houses») [Brewster, Sebeok 1957: 24], хотя, по современным словарям турецкого языка, точнее будет тур. *hane* ‘дом’.

Русское название *Классы*, *Классики* известно и восточным, и горным мари. Ср. чув. *Класла* ‘вылясэ’ ‘Игра в классы’ [Кётеc ваййи / Г. Айхи].

2.3. Горное наречие

Достаточно своеобразна терминология игры в классики у **горных мари**. В единственном словарном мар. Г наименовании игры в классики — *Цикля* ‘В черту’ [Саваткова 1981: 185, 2008: 315; СМЯ VIII: 342; МНИ, 1633] — слово *цик* ‘предел, граница, пограничная черта’ происходит от чув. *чик / чике / чикё* ‘граница; рубеж; черта; межа; край’ (~ мар. Л *чек*, тат. *чик*, башк. *сик*) [Федотов II: 419]. Автор словаря, зафиксировавшего слово, Анна Андреевна Саваткова, сама является уроженкой д. Яштуга, 1925 г. р. Функционирование наименования *Цик* (*Цикля*) игры в классики у горных мари подтверждается нашими полевыми записями (д. Сарлатово (*Когосола*), Березово (*Кугилансола*), Цыганово (*Цигансола*), инф. 1948, 1957 и 1974 г. р. соответственно) [МНИ, № 1632, 1633, 1637а], данными анкетного опроса 2 апреля 2024 г. (д. Коптыково, инф. 1960 г. р., с. Емангаши, инф. 1969 г. р.; д. Тетяново, инф. 1970 г. р.; д. Тамарайкино, инф. 1975 г. р.; д. Запольные Пергнуры, инф. 1993 г. р.), а также данными горномарийского корпуса Джереми Бредли, где содержится следующая запись (без указания места): *Пӓленӓ, шукынжок изинӓ годым цикля мадынна*. ‘Знаем, когда мы были маленькими, больше всего играли в классики (*цикля*)’ [KORP. Hill Mari texts]. Перечисленные населенные пункты, где, по имеющимся данным, игра в классики называется *Цикля*, отражены на *Карте 1* (с. 315). Здесь же указаны деревни, в которых игра называется *Тӓргӓм цикля* (в восточной части Горномарийского р-на, названия в темной цветовой рамке). Рассредоточенность этого игрового термина по всей территории Горномарийского р-на позволяет считать его общегорномарийским.

Хотя слово *цик* ‘граница’ является исходно локативным термином (от названия линий, через которые прыгают в игре), один информант из с. Емангаши указал, что словом *цик* они называли битку в игре, а по данным информанта из д. Тетяново, «*цик* — пинки».

Карта 1. Циклә
Map 1. Tsiklä

У горных мари зафиксированы также названия игры в классики от глаголов (номинализированных причастий), выражающих прыганье:

- *Тёргём циклә* ‘В классики’ (д. Ванюково, инф. 1949 г. р., зап. К. И. Ситников в 2016 г. [МНИ, № 1635], д. Большой Серманангер, д. Апшак-Пеляк, с. Кузнецово, инф. 1968 г. р., зап. А. А. Сибирёва в 2017 г. [ГЭ МГУ; МНИ, № 1634], снова д. Апшак-Пеляк, другой инф. 1968 г. р., зап. в 2024 г.) < мар. Г *тёргәш* ‘скакать, прыгать’ ~ мар. ЛВ *төргаиш*;
- *Чымомла* (*Чымымла*) ‘В классики’ (д. Токари, инф. 1962 г. р., зап. А. Н. Закирова в 2017 г.) [ГЭ МГУ; МНИ, 1636] < мар. Г *чымаиш* ‘пинать’ ~ мар. ЛВ *чумаиш*.

Оба эти глагола (*тёргәш*, *чымаиш*) относятся к пласту собственно марийской лексики (не входят ни в фонд лексики марийского языка финно-угорского происхождения, ни в пласт заимствований из контактных языков) [Вершинин 2018: 620, 532].

В д. Коптяково (инф. 1960 г. р., зап. в 2024 г.) наряду с *Циклә*, *Классла*, *Кремадла* игра в классики называлась также *Пёрткутан*

< *nöрт* ‘дом’ + *кутан* ‘зад’²¹ ~ *nöртгутан* ‘место перед домом’, ‘палисадник’ [Саваткова 2008: 210]. Т. е. это наименование игры происходит от названия места, где происходила игра.

Несколько наименований игры в классики у горных мари происходит от названия битки, с которой прыгают:

- *Керемätлä* (об этой лексеме сказано выше, в *Разделе 2.2*);
- *Охоницäлä мадаш* ‘играть в классики (букв. в стеклышко)’ (д. Цыганово, инф. 1974 г. р., зап. в 2017 г.) < мар. Г *охоницä* ‘стекло’ < рус. разг. *оконница* ‘оконная рама со стеклами’ [МНИ, № 1637а, 2543];
- *Цäцик* ‘Классики’ (д. Наумово, Мямикеево, Цыганово; инф. 1992, 1982, 1974 г. р., зап. в 2012, 2022 и 2024 г. [МНИ, № 1637]; с. Виловатово, инф. 1970 г. р., зап. в 2024 г.; д. Малый Серманангер, инф. 1979 г. р., зап. в 2024 г.); *Цäцилä* ‘В классики’ (д. Цыганово, инф. 1974 г. р., зап. в 2017 г.) [МНИ, № 1637а]. Наименования игры *Цäцилä* и *Цäциклä*, наряду с *Циклä*, известны и в д. Березово (инф. 1957 г. р., зап. в 2024 г.);
- *Касилä* ‘В классики’ < *каси* ‘битка в игре’ (д. Эсяново, инф. 1969 г. р., зап. в 2024 г.). В словарях марийского языка слова *каси* нет, кроме «Словаря марийских личных имен», где *Касе*, *Каси*, *Касы* — мужское имя [Черных 1995: 202], ср. чув. имя *Каçси* [Ашмарин VI: 151 (163)]. Возможно, слово *каси* в марийских прятках — это какое-то чувашское заимствование, ср. чув. *суха касси*, *ака касси* ‘борозда, полоса’ < *кас-* ‘резать, пилить’ [Федотов I: 234]. Нельзя исключать и того, что *каси* — некое детское искажение от *цäци* или от *классы*.

Лексемы *цäци*, *цäцик* в названии игры и битки, с которой происходит игра — несловарные, по-видимому, являются уменьшительно-ласкательными формами от мар. Г дет. *цäцä* ‘все красивое, яркое’ [Саваткова 2008: 314] ~ *цäцä* ‘игрушка; вещь, служащая для игры; красивая вещь, что-л. красивое’ (дет.), ‘красивый, нарядный’ (дет.)

²¹ Мар. *кутан* < чув. *кут* ‘зад’, *кутана* ‘прямая кишка’ [Федотов I: 316].

[СМЯ VIII: 334]. Возможна также контаминация с *цик* ‘черта’. Соответствия к *цӱцӱ* в других марийских диалектах: мар. СЗ *цӱцӱ* ‘цветок’, ‘игрушка’, *цӱзӱ* ‘игрушки’ (дет.) [Иванов, Тужаров 1971: 258, 257; МНИ, № 2268, 2269] ~ мар. ЛВ *чача* ‘игрушка’, ‘цветок’ (дет.) [СМЯ VIII: 334], морк.-серн. *чача* ‘игрушка’ ~ волж. *чайзя* ~ йошк. *цаза* ~ урж. *чаза* ~ мар. Л и мар. В *чачай*, *чӱчӱй* ~ мар. В *тата(й)*, *тӱтӱ(й)* [Веке IV₉: 3047; Веке IV₈: 2703 и др.; МНИ, № 2264, 2265, 2266, 2267]. Известно это слово и во всех других языках Урало-Поволжья, причем наблюдается смешение регионального детского слова ‘игрушка’ и созвучного с ним слова тюркского происхождения со значением ‘цветок’ (> ‘оспа’), например: удм. *чача* ‘игрушка’, ‘цветок’, ‘оспа’, диал. ‘корюшка’ [БУРС]; коми *чача* ‘игрушка’, ‘безделушка’, ‘штучка’, ‘цветок’ [Лыткин, Гуляев 1999: 303], мокш. и эрз. *цеця* ‘цветок’ [Мокшанско-русский словарь 1949: 296; Кортатано эрзякс 2015: 135]), чув. *чечче*, *тетте*, *тетти* ‘игрушка’ (дет.) [Федотов II: 409], чув. *чече*, *чечче*, *чечек* ‘цветок’ и *чечек*, *чечче*, *чеччи* ‘оспа’ [Федотов II: 408], тат. *чӱчӱк* ‘цветок’, ‘оспа’ [Ганиев (ред.) 2002: 396], тат. *тӱтӱ* ‘нарядный, красивый, яркий, цветастый; разукрашенный; чистенький; хорошенький’ (дет.), *тӱтӱ*, диал. *тӱтӱй* ‘игрушка; безделушка, побрякушка, погремушка и т. п. (для игры детей)’, тат. диал. *тӱтӱй* ‘цветок, цветочек’ [СЭФ], тат. *тӱтӱ* ‘осколок фарфоровой посуды’ [Ганиев (ред.) 2002: 344], рус. *цаца*, *цяця*, *цацка* ‘детская игрушка’ (юж., зап., Калуж, Тамбов.), *цацки* — *цек* ‘обломки посуды’ (Смол.) [Даль IV: 1253], рус. диал. *чеча*, *чечя*, *чечка* (Волог., Перм., Сиб.), *чоча* (Оренб.) ‘детская игрушка’, *цаца*, *цацка* (юж.) ‘потешка, хорошенькая вещичка’ [Даль IV: 1335]. Таким образом, это слово входит в фонд общей игровой и детской лексики Волго-Камского языкового союза, есть в венгерском (венг. *csecse*, *csécs* ‘игрушка’ [Лыткин, Гуляев 1999: 303]), распространено и в славянских языках (рус. и белорус. *цаца* ‘игрушка’ ~ укр. *цяця* и др. [Фасмер 1987: 292]). В коми игровом фольклоре слово *чача* широко употребительно, используется в том числе и как наименование обломка керамической или стеклянной посуды — биты в играх в кости [Детский фольклор коми 2023: 136, № 225]. Ср. выше тат. *тӱтӱ* ‘осколок фарфоровой посуды’, рус. *цацки* — *цек* ‘обломки

посуды' и чув. *tette* 'игрушка' как наименование битки в игре в классики [Кётес вэйи / Г. Айхи]. Известно также, что в Ленинграде в 1940-е гг. битку в игре в классики русскоязычные дети называли (локально) *чечкой* [Ключева 2014: 275].

В качестве битки в игре *Цяцук* мог использоваться камень (*күэр*) или деревяшка (*пумаклака*) (с. Виловатово, инф. 1970 г. р., зап. в 2024 г.)²². Ряд наименований битки и элементов разметки пространства в игре у горных мари приведен выше, в *Разделе 2.2 (керемät, консервы банки, рай* и т. п.). Здесь же дополним список локативных терминов, зафиксированных в горномарийских классиках.

В д. Тамарайкино (инф. 1975 г. р., зап. в 2024 г.) дальний полукруг в разметке, который обычно называется «раем», имеет оригинальное и очень поэтичное марийское название *Йылымбал* < *Йыл* 'Волга' + *ымбал* 'даль', что значит 'заволжская сторона (левый берег Волги)', 'север' [Саваткова 2008: 69]. Ср. у луговых мари, как указано выше, этот полукруг может называться по-русски — *Москва, солнце*. «Географические» наименования (*Йылымбал, Москва*), как и *рай, солнце* указывают на то, что этот сектор разметки наиболее удален от исходной позиции игрока.

В играх в классики, отмечая свой «дом», девочки рисуют особые знаки на отдельных клеточках. У горных мари это может быть *пелдыш* 'цветок'²³ [МНИ, № 1634].

В имеющихся описаниях марийских классиков практически отсутствуют какие-либо тексты, приговорки, которые могли звучать в игре (например, заговоры, чтобы соперница ошиблась, заговоры, чтобы битка не упала на запретный сектор разметки, черту и т. п.)²⁴.

²² Слова *кү* 'камень' и *пу* 'дерево' финно-угорского происхождения [Bereczki 2013: 98, 198], *маклака* ~ мар. Л *моклака*, видимо, собственно марийское [Вершинин 2017: 327] > чув. *моклака* 'круглый чурбан' [Федотов I: 360].

²³ Слово *пелдыш* ~ мар. Л *пелдыш* — собственно марийское, не относится ни к фонду слов финно-угорского происхождения, ни к заимствованиям [Вершинин 2018: 407].

²⁴ В коми материалах любопытен заговор, который произносят во время игры девочки, «чтобы у товарища стекло в клетку не попало»: *Шыр молитва рака*

Записаны лишь слова «Тут» — «Пырцут» (мар. Г), которые, как вопрос и ответ, говорят во время «экзамена», когда играющая шагает по клеточкам с закрытыми глазами до «рая» и обратно, стараясь не наступить на черту:

- (8) «Сделав шаг, „слепая“ говорит: „Тут?“ Если она не задела черту, ей отвечают: „Тут“, и она делает следующий шаг и снова спрашивает: „Тут?“ и т. д. Когда дойдет до отдыха, играющая может открыть глаза и осмотреться, после чего по клеточкам 6–10 так же вслепую возвращается назад с тем же вопросом: „Тут?“ на каждом шаге. Если же при слепом шагании играющая наступит на черту, ей на вопрос „Тут?“ отвечают: „Пырцут“, и играющая понимает, что сгорела» (д. Сарлатово, инф. 1948 г. р.) [Ключева 2014: 276; МНИ, № 1632].

Аналогично в Йошкар-Оле в начале 1980-х гг. русскоязычные дети при игре в классики вели диалог: «Мак? — Мак. — Мак? — Дурак» [Ключева 2014: 273]. Слова *тут* и *пырцут*, по словам информанта, рассказавшего об этой игре, «ничего не значат», используются только в игре. Вместе с тем мар. Г *пырцут* — звукоподражание выстрелу из ружья [СМЯ V: 479], мар. Г *пырцот* — подражание удару, например ладонью [СМЯ V: 478]. Слово *тут* отсутствует в марийских словарях; видимо, подобрано в рифму к *пырцут* из русского языка (рус. *тут* — наречие со значением места). Такова версия информанта, рассказавшего об игре. Вместе с тем не исключено, что *тут* — это модификация, вариант звукоподражания глухому стуку шагов: мар. Г *туп-туп* ‘с глухим топотом’, *туп-туп* — о глухих шагах проходящего по дороге человека, *тупке* — подражание глухому звуку удара, топота и т. д. [СМЯ VII: 268]; ср. также чув. *тут* — подражание бою в барабан [Ашмарин XIV: 181]. Таким образом, слова *тут* и *пырцут*, звучащие в виде диалога во время «экзамена» в игре в классики, можно считать звукоподражаниями.

крест, карсьыд локтігад эн пыр! ‘Мышь, молитва, ворона, крест! Возвращаясь с города, не попади!’ (зап. в 1935 г.) [Детский фольклор коми 2023: 363].

В заключение *Раздела 2.3* приведем одно из описаний игры в классики на горном наречии марийского языка (из наших полевых материалов 2017 года, инф. 1974 г. р., д. Цыганово):

- (9) *Охоницӓлә мадаш. Охоницӓ лаштыкым мо^ват, эче изирӓк-влӓжсӓ цӓцилӓ мадаш маньт, цӓцилӓ, циклӓ мадаш, потому што клеткӓвлӓэтишым рисуен шӓиндет и чертажы цик лиэш, э, границӓ манмет. Тӓйшкӓ вӓрештеш г^сбӓньбӓ — охоницӓм шуэн колтет, тӓйшкӓ вӓрештеш г^сбӓньбӓ, вара ходым пропускает. Шке клеткӓшкет шуашлык ылат. И тӓйргештӓл геет. Махань клеткӓш шуэт, тӓйшецӓын тӓйргӓш тӓнгӓлӓт ик ял доно. Вара кынам цилӓ ваиш, цилӓ клеткӓм эртет, уже кок яла моло шагалаш лиэш, тӓйргӓымбӓ годым, ато гбӓнь, тенгежсӓ ик яла веле (...).*

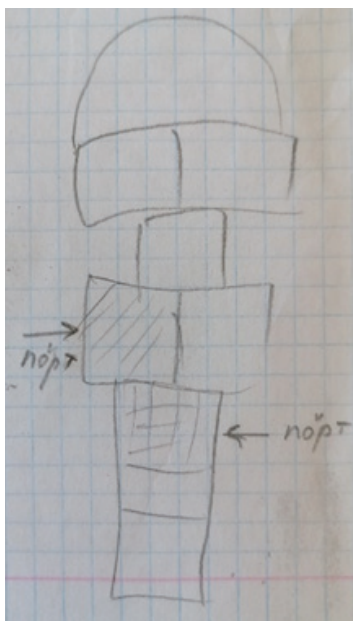

Рис. 5. Разметка классиков в д. Цыганово [МНИ, № 1637а]

Fig. 5. Diagrams for hopscotch game, the village of Tsyganovo [МНИ, № 1637а]

Вара эче мам, пöртöм ёшитет ылыы. Кынам цилä лäк-тäйт, охоницäэтиём нälät и шайыкыла шуэт. Махань клеткäш вäрешитеш, тидби тынбын пöртет. Тынь тышкби пырет, шагал кердмät. А весбйвлä ты клеткäшкби^е ташкал ак кердмен.

[рисует] *Ик клеткä, кок клеткä, пйтäри кым клеткä, вара кок клеткä, вара ик клеткä, вара кок клеткä. <...> А, тбйрген кеет, каждый клеткäшкби, тишитби ик ял дон тбйрген кеет, тишитби кок ял дон шагалат, тбйргет, öпять кок ял дон шагалат и разворачиваешься, и тишкби шагалат. И мбйнгеш тбйрген толат, тбйрген толмет годым, ти охоницäэтишбйм нälät. Махань клеткäшитби ылеш. А если иктäжбйн тишитби мол(ы), например, пöрт лиэш, вара тишкби ик ял дон вел шагал к^еердät. А если, например, тишитби иктäжбйн пöрт, или тишитби, вара ти клеткävлäшкби шагал ат керд, вопше.*

<...> Охоницä — стёклышко. Охоницä — стекло. Охоницä лаштык. Даже вот не обязательно стекло ведь, да, иктаж-могай²⁵ битый посудын лин к^еердеш фарфоровый или ман.

‘Играть в классики. Найдешь кусочек стекла, еще те, кто помладше, говорят «играть в цацку, в цацку, в черту», потому что нарисуешь клетки — и будет черта-граница, э, так сказать, граница. Если туда попадет — бросишь стеклышко, если туда попадет, потом пропускаешь ход. Ты должен бросать в свою клетку. И идешь-прыгаешь. В какую клетку бросишь, с той клетки начинаешь прыгать на одной ноге. Потом, когда все полностью, все клетки пройдешь, уже на две ноги и т. п. вставать можно, а то если, когда прыгаешь, так-то только на одной ноге <...>.

Потом еще это, делали дом. Когда все пройдешь, берешь стеклышко и бросаешь назад. В какую клетку попадет, это будет

²⁵ Слово *иктаж-могай* ‘какой-нибудь’ информант случайно произнесла на луговом наречии ~ мар. Г *иктä-махань(ы)*.

твой дом. Ты тудаходишь, можешь вставать. А другие в твою клетку наступать не могут.

[рисует] Одна клетка, две клетки, сначала три клетки, потом две клетки, потом одна клетка, потом две клетки. <...> Прыгаешь в каждую клетку, сюда одной ногой прыгаешь, здесь двумя ногами встаешь, прыгаешь, опять встаешь двумя ногами и разворачиваешься, и сюда встаешь. И обратно возвращаешься-прыгаешь, когда допрыгаешь, берешь это стеклышко. На какой клетке находится. А если у кого-то здесь, например, дом, то сюда можешь вставать только одной ногой. А если, например, тут у кого-то дом, или здесь, то в эту клетку вставать не можешь вообще.

<...> Охони́ца — стёклышко. Охони́ца — стекло. Кусочек стекла. Даже вот не обязательно стекло ведь, да, может быть от какой-нибудь битой посуды, фарфоровой и т. п.' [МНИ, № 1637а].

Рассмотренная в *Разделе 2* лексика игры в классики сведена в следующую таблицу.

Табл. 1. Марийская именная лексика в играх в классики (мар. В, мар. Л, мар. Г)

Table 1. Mari nouns in hopscotch games (Eastern Mari, Meadow Mari, Hill Mari)

	мар. В	мар. Л	мар. Г
название игры	Пенашка (Пинажка) Черта Классики	Рай	Цикля
		Черта дене	Тыргым цикля
		Чертала	Цацिला
		Чертитла	Цацикля
		Крапала	Касила
		Тракла	Керематля (Кремагла)
		Калай банкы дене	Охоницала
		Окшак тага	Порткутан
		Талинга пудырго дене	Чымомла (Чымымла)
		Классики	Классла
Классика			

название битки	*кү	кү падраш панга она трак калай банке крем ате консерве ате шайбе банычке талинга пудырго	күэр әли пумаклака цик цәци цәцик каси керемәт (кремат) охоницә канцервѝ әтѝ (канцервы әты, консервәтѝ) шайбы банкы, банычкы консервы банкы консервный банкы драже опыто банычкы ляпцәкә консервы банкы
название локуса	*пөртвуй	центр крапа казенка пөрт каныш вер дом отдых огонь солнце *Москва клетке угол (огөл) квадрат квадратный полукрут прямоугольник (нылугылан)	рай ад пөрт тома отдых цик Йылымбал клеткә крүгә пелкрүгә
прочее	«3-3» в наказании	этапы игры: лягушка рай экзамен Москва	«Тут — Пурцут» на экзамене цик — пинки пеледѝш — знак на клетке

3. Глагольная лексика игр в классики в марийском языке

Обзор в *Разделе 2* марийской лексики игры в классики (названий игры, битки, элементов разметки пространства) показал значительное преобладание в этом пласте лексики заимствований и проникновений из русского языка, в меньшей степени — из татарского и чувашского. Зато все числительные и большая часть глаголов в марийских описаниях игры в классики являются словами исконными.

В *Табл. 2* представлены глаголы, которые присутствуют в рассказе с описаниями игр в классики на марийском языке — «карандашных» записях фольклористов прошлого и в современных стенографированных аудиозаписях [МНИ, № 1614–1636]. Большая часть этих глаголов выражает совершаемые в игре движения, действия («прыгать», «бросать», «проходить» и т. п., № 1–35 в *Табл. 2*); часть из них отражает подготовительные действия к игре, например, «чертить» (глагольные леммы № 36–40); часть — самые частотные в марийском языке глаголы, которые употребительны в текстах любого содержания, например, «быть», «мочь», служебные глаголы и т. п. (№ 41–49)²⁶.

Табл. 2. Марийская глагольная лексика в нарративах с описаниями игры в классики (мар. Л, мар. Г)

Table 2. Mari verbs in hopscotch narratives (Meadow Mari, Hill Mari)

N	рус.	мар. Л	мар. Г	Этимология
1	прыгать	(тӱргаш)	тӱргӱш	мар.
2	прыгать	тӱргӱштылаш, тӱргештылаш	тӱргештӱлӱш	мар.
3	прыгнуть	тӱргешташ, диал. тӱргӱшташ	(тӱргештӱш, тӱргештӱш)	мар.

²⁶ Слова, данные в таблице в скобках, — это взаимные соответствия в диалектах, не встретившиеся непосредственно в корпусе текстов с описаниями классиков в [МНИ].

4	пинать	чумаш, чўмаш	чымаш	мар.
5	пнуть	(чумалаш)	чымалаш	мар.
6	бросать	шуаш	шуаш	ФУ
7	бросать	кышкаш	(кб̄шк̄аш)	?ФУ, ср. коми <i>киськавны</i> , удм. <i>киськаны</i> [Лыткин, Гуляев 1999: 124]
8	попадать	логалаш	—	мар.
9	попадать	(верешташ)	в̄арешт̄аш	ФУ
10	попадать	—	попазаш	рус.
11	попадать	—	чучаш	ФУ
12	задевать	(тўкнаш)	т̄б̄кн̄аш	ФУ
13	толкать	(шўкаш)	ш̄б̄к̄аш	от чув. <i>сёк</i> [Федотов II: 40]
14	толкнуть	(шўкалаш)	ш̄б̄к̄ал̄аш	чув.
15	выносить	(лукташ)	лыкташ	мар.
16	идти	каяш	кеяш	ФУ
17	ходить	кошташ	(кашташ)	мар.
18	выходить	лекташ	л̄акт̄аш	ФУ
19	входить	(пураш)	пыраш	ФУ
20	проходить	эрташ	эрташ	тат.
21	приходить	(толаш)	толаш	ФУ
22	переходить	вончаш	(ванжаш)	ФУ
23	встать	шогалаш	шагалаш	ФУ
24	стоять	шогаш	(шалгаш)	ФУ
25	наступить	тошкалаш	ташкалаш	?мар., ср. коми <i>тэчкасьны</i> , мокш. <i>токитыемс</i> [Лыткин, Гуляев 1999: 294]
26	поворачиваться	(савырнаш)	с̄арн̄ал̄аш	чув.

27	отдыхать	канаш	кәнәш	чув.
28	класть (землю в банку для игры)	опташ	опташ	?ФУ [Rédei 1988: 5]
29	класть (землю в банку для игры)	пышташ	(пѣштәш)	ФУ
30	играть	модаш	мадаш	мар.
31	пропадать	йомаш	(ямаш)	ФУ
32	терять	йомдараш	(ямдаш)	ФУ
33	кончатся	пыташ	(пѣтәш)	таг.
34	держать (экзамен)	кучаш	(кычаш)	ФУ
35	прибавляться (об очках)	—	приваялташ	рус.
36	чертить	чертитлаш	чертәш	рус.
37	чертить	кораш	—	ФУ
38	делить	пайлаш	(пайылаш)	таг.
39	рисовать	—	рисуяш	рус.
40	находить (баночку для игры)	(муаш)	моаш	ФУ
41	быть	улаш	ылаш	ФУ
42	становиться	лияш	лиәш	ФУ
43	мочь	керташ	кердәш	ФУ
44	начинать	түналаш	түнгәләш	ФУ
45	делать	ышташ	ѣштәш	ФУ
46	называть	манаш	манаш	ФУ
47	называться	(маналташ)	маналташ	ФУ
48	посылать	колташ	(колташ)	ФУ
49	достигать	шуаш	(шоаш)	ФУ

Этимология глаголов, указанная в последнем столбце таблицы в виде кратких помет, основывается на фундаментальных источниках [Rédei 1988; Bereczki 2013; Räsänen 1920, 1923], с учетом данных [Лыткин, Гуляев 1999; Федотов 1996], на которые в таблице есть дополнительные ссылки. Помета «мар.» в столбце этимологий (8 случаев и 1–2 под вопросом) указывает, что слово отсутствует в базах финно-угорской лексики и не имеет когнатов в контактных языках, т. е. не считается заимствованием. Этот пласт лексики можно считать «собственно марийским» (по определению А. Н. Куклина).

Как видим, доля заимствований в пласте игровой глагольной лексики в рассказах о классиках незначительная. Из 49 глагольных лемм 26 — надежно финно-угорские²⁷, 78 — тюркского происхождения; 4 — заимствования из русского. Последние — все в горном наречии, и лишь одно слово имеет соответствие в луговом наречии (мар. Л *чертитлаш* ‘чертить’ ~ мар. Г *чертйиш*). Таким образом, данные нарративов на марийском языке о классиках и — шире — о народных подвижных играх²⁸ подтверждают известный факт, что глаголы в языке более консервативны и устойчивы к заимствованиям, чем имена [Haspelmath, Tadmor 2009: 61]. Вместе с тем нельзя не отметить, что, по данным современных полевых аудиозаписей, в речи носителей языка (билингвов) достаточно часто происходит т. н. переключение кодов — некоторые слова, в том числе глаголы, произносятся по-русски, хотя часто с марийскими

---

²⁷ Дифференциация по пластам финно-угорской лексики (уральский, финно-пермский, финно-волжский и т. п.) в данной статье не проводится.

²⁸ Ранее в статье «Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость» были рассмотрены сто самых частотных глаголов в корпусе нарративов о народных подвижных играх на марийском языке [Ключева 2024: 26–27]. В представленном там списке абсолютно преобладает исконная лексика, совершенно незначительна доля тюркизмов, и единственный глагол является заимствованием из русского языка — *шотлалташ* ‘считаться’ < *шотлаш* ‘считать’ < *шот* ‘счет’, хотя не исключено, что и это слово пришло в марийский через посредство чувашского языка. Ср. чув. *иутла* ‘считать’ (< рус. *счет*).

окончаниями, например, *ходым пропускает* ‘пропускаешь ход’, *разворачиваешься* [МНИ, № 1637а], *украшаен шб̄нден̄* ‘украсим’ [МНИ, № 1634] и т. п.

4. Выводы

По рассмотренным источникам, игры в классики появились в марийской деревне не позднее 1920–1930-х гг. Вероятно, эта игра является относительно поздним привнесением в марийскую игровую культуру. На примере игры в классики наблюдаются определенные языковые процессы — как язык реагирует на некую инновацию в традиционной культуре и как формируется связанный с нею специфический лексикон. Естественна ситуация, когда язык игровой субкультуры пополняется из общего фонда языка или диалекта, например, для наименования битки в «новой» игре используется традиционный игровой предметный термин *панга* (мар. Л) либо буквальное наименование предмета игры — *кү* ‘камень’, *охоница* ‘стеклышко’ (мар. Г), *крем ате* ~ *керем äтi* ‘посудинка из-под крема’ и т. п. Вне зависимости от генезиса этих слов в языке, важно, что в игру они «спускаются» именно из общего лексикона марийского языка, а не напрямую из русской (татарской, чувашской) игровой субкультуры вместе с заимствованием игры. Закономерно, что наиболее сохранным пластом игровой лексики оказались глаголы. В системе марийских глаголов, связанных с подвижными играми, меньше всего заимствований и безусловно преобладает исконная лексика финно-угорского происхождения. О хорошей сохранности языка говорит и имеющее место калькирование игровой терминологии из языка-донора в язык-реципиент, например, мар. Г название *Цикля* ‘В границу’ игры в классики является переводом из рус. диал. *В черту*, локативный термин *пöрт* ‘дом’ соответствует русскому «дом», татарскому *өй* ‘дом’. Но игровые субкультуры соседних народов характеризуются и весьма развитыми «горизонтальными» связями, когда при заимствовании игры из другого языка наследуется и ее лексика, причем узко локально,

не попадая в общий словарный фонд языка-реципиента, что создает дополнительные трудности для обнаружения и фиксации языкового материала. Конкретная семантика заимствованной лексемы может претерпеть существенные изменения. Так, татарское название игры в классики *Тырак*, денотативное значение которого — звукоподражание прыжкам на одной ноге, в марийской игре становится названием битки в игре (баночки из-под зубного порошка). Как правило, при заимствовании происходят и фонетические изменения в слове, и подчинение его грамматическим нормам языка-реципиента. На протяжении XX — первых десятилетий XXI века усиливаются процессы проникновения русской лексики в марийский язык. При наличии собственной соответствующей лексики в игре используются русские слова, например, сектор в классиках называется по-русски *огонь*, но не *тул* ~ *тыл* ‘огонь’ (мар.), *ад* — но не *тамык*. Подобные явления — маркеры билингвизма и «переключения кода» как симптомов языковой ассимиляции. Таким образом, языковые процессы, сопровождающие культурные заимствования, представлены в марийском игровом фольклоре в достаточно широком спектре и во всей сложной многовекторности, характерной для полиэтнических регионов, таких как Урало-Поволжье.

Список условных сокращений

англ. — английский; АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика; Астрах. — Астраханская губ.; башк. — башкирский; Белорус. — Белоруссия; букв. — буквально; венг. — венгерский; Влад. — Владимирская губ.; Волог. — Вологодская губ. (обл.); Вят. — Вятская губ.; г. — год/город; г. р. — год рождения; Горьк. — Горьковская обл.; губ. — губерния; д. — деревня; диал. — диалектное; др.-греч. — древнегреческий; зап. — западный/записал; инф. — информант; итал. — итальянский; Казан. — Казанская губ.; Калуж. — Калужская губ. (обл.); Кубан. — Кубанская обл.; Курган. — Курганский уезд (обл.); лат. — латинский; литер. — литературное, мн. — множественное число; мар. — марийский; мар. В — восточное наречие; мар. Г — горное наречие; мар. Л — луговое наречие, мар. СЗ — северо-западное наречие мар. языка; мокш. — мокшанский; нем. — немецкий; нен. — ненецкий; Нижегород. — Нижегородская губ. (обл.);

обл. — область; Олон. — Олонецкая губ.; Оренб. — Оренбургская губ.; ОЮо — общетюркский; п. — поселок; Перм. — Пермская губ. (обл.); разг. — разговорное; рис. — рисунок; РМЭ — Республика Марий Эл; р-н — район; рус. — русский; с. — село; с/п — сельское поселение; Сверд. — Свердловская обл.; Сиб. — Сибирь; см. — смотри(те); Смол. — Смоленская обл.; ср. — сравни(те); СССР — Союз Советских Социалистических Республик; Тамб. — Тамбовская губ. (обл.); тат. — татарский; Тул. — Тульская губ.; тур. — турецкий; Тюмен. — Тюменская обл.; удм. — удмуртский; укр. — украинский; франц. — французский; ФУ — финно-угорский; Херс. — Херсонская губ.; чув. — чувашский, эрз. — эрзянский; юж. — южный.

Литература

- Ахметьянов 2015 — Р. Г. Ахметьянов. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 2. Казань: Магариф — Вақыт, 2015.
- Борисов 2002 — С. Б. Борисов. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. М.: Ладомир, 2002.
- Вершинин 2018 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2018.
- Иванов 1981 — И. Г. Иванов. Марий диалектологий. Университетысе студент-влаклан тунемме книга = Марийская диалектология. Учебник для студентов университета. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1981.
- Исанбаев 1994 — Н. И. Исанбаев. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994.
- Ключева 2015 — М. А. Ключева. К этимологии марийской игры митули // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37–59.
- Ключева 2023 — М. А. Ключева. Морфологические модели названий игр в марийском языке // Финно-угроведение. 2023. № 64. С. 12–30. DOI: 10.51254/2312-0312-2023-64-12-30.
- Ключева 2024 — М. А. Ключева. Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость // Финно-угроведение. 2024. № 1 (65). С. 21–51. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-65(1)-21-51.
- Лыткин, Гуляев 1999 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1999.

- Севортян 1978 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. (Т—Я). М.: Прогресс, 1987.
- Федотов I — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Федотов II — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Bereczki 1994 — G. Bereczki. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. (Studia Uralo-Altaica, 35). Szeged: Attila József University, 1994.
- Bereczki 2013 — G. Bereczki. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.
- Itkonen, Joki 1962 — E. Itkonen, A. J. Joki. Suomen kielen etymologinen sanakirja. III. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1962.
- Räsänen 1920 — M. Räsänen. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Bd. XLVIII). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1920.
- Räsänen 1923 — M. Räsänen. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Bd. L). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923.
- Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
- Sebeok, Brewster 1958 — T. A. Sebeok, P. G. Brewster. Studies in Cheremis: Games. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1958.

Источники

- Ашмарин VI — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. (Репринт издания 1928–1950). Т. 6. Чебоксары: Руссика, 1994.
- Ашмарин IX–X — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. (Репринт издания 1928–1950). Т. 9–10. Чебоксары: Руссика, 1999.
- Ашмарин XIII–XIV — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. (Репринт издания 1928–1950). Т. 13–14. Чебоксары: Руссика, 2000.
- БДСТЯ — Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова (сост.). Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар

- теленез зур диалектологик сүзлеге. Казань: Татарское книжное издательство, 2009.
- Брокгауз, Ефрон (изд.) 1895 — Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (изд.). Энциклопедический словарь. Том XIII^A. СПб.: Типолиграфия И. А. Ефрона, 1894.
- Брыжинский 2009 — В. С. Брыжинский. Мордовские народные игры. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009.
- БУРС — Большой удмуртско-русский словарь (электронный ресурс). URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=129449> (дата обращения: 27.02.2024).
- Вершинин 2011 — В. И. Вершинин. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.
- Ганиев (ред.) 2002 — Ф. А. Ганиев (ред.). Татарско-русский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.
- Галаяудинов 2022 — И. Г. Галаяудинов. Башкирские народные детские игры (на русском и башкирском языках). Книга первая. Уфа: Китап, 2002.
- ГЭ МГУ — Горномарийская экспедиция МГУ. Корпус (электронный ресурс). URL: <https://cloud.ruslang.ru/s/XcPQKM5NKXEZAtj> (дата обращения 4.03.2024).
- Даль II — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И—О. СПб.; М.: Издание т-ва М. О. Вольфа, 1905.
- Даль IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. С—У. СПб.; М.: Издание т-ва М. О. Вольфа, 1909.
- Детский фольклор коми 2023 — А. Н. Рассыхаев (авт.-сост.). Детский фольклор коми: игры. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023.
- Долганова, Морозов 2002 — Л. С. Долганова, И. А. Морозов. Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002.
- Иванов, Тужаров 1971 — И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971.
- Каччамаш — Каччамаш = Классики // Википеди. Ирёлкэ энциклопеди = Википедия. Свободная энциклопедия (электронный ресурс). URL: <https://sv.wikipedia.org/wiki/Каччамаш> (дата обращения: 20.02.2024).
- Кётес ваййи /Г. Айхи — Кётес ваййи /Г. Айхи = Игра в угол /Г. Айги // Электронлă вулавăш = Электронная библиотека (электронный ресурс). URL: <https://ru.chuvash.org/lib/haylav/6601.html> (дата обращения: 20.02.2024).
- Китиков 1990 — А. Е. Китиков (сост.). Марий калык модыш = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990.
- Китиков 1993 — А. Е. Китиков. Модыш — уш погыш: марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.

- Ключева 2008 — М. А. Ключева. Словарь русской игровой лексики (Приложение № 3) // Народные подвижные игры: опыт типологии. Дисс. ... канд. искусств. СПб.: РИИИ, 2008. С. 315–364.
- Ключева 2014 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2014.
- Коми ворсӧм да гаж 2007 — Л. Н. Камбалова, А. Н. Рассыхаев (сост.). Коми ворсӧм да гаж: тӧрыт да талун = Коми игры и веселье: вчера и сегодня. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007.
- Корпус марийского языка — А. В. Чемышев; МарНИИЯЛИ. Корпус марийского языка (электронный ресурс). URL: <https://corp.marnii.ru> (дата обращения: 17.02.2023).
- Корпус луговомарийского языка — Т. А. Архангельский; ВШЭ. Корпус луговомарийского языка (электронный ресурс). URL: <http://meadow-mari.webcorpora.net> (дата обращения: 17.02.2023).
- Кортатано эрзякс 2015 — Кортатано эрзякс. Поговорим по-эрзянски: учебное пособие. Тарту: Tartu ülikooli Paul Ariste Soome-ugri põlisrahvaste keskus, 2015.
- Марий калык модыш-влак 2012 — С. Д. Архипова (сост.). Марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Сельские вести, 2012.
- МНИ — М. А. Ключева (автор-сост.). Марийские народные игры = Марий калык модыш. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2024 // Архив МарНИИЯЛИ, оп. 3, д. 449.
- Мокшанско-русский словарь 1949 — С. Г. Потапкин, А. К. Имяреков (сост.), Д. В. Бубрих (ред.). Мокшанско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
- МФЭ — Материалы фольклорных экспедиций // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).
- Народные жемчужины 2002 — Р. Ф. Ягафаров (сост.) Народные жемчужины: татарские народные игры. Казань: Магариф, 2002.
- Нечаев 1894 — И. В. Нечаев. Игры деревенских детей Лаишевского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1893. Т. XI. Вып. 1–6. С. 495–510.
- Никифоровский 1897 — Н. Я. Никифоровский. Очерки Витебской Белоруссии. Ч. 4. Игры и игроки // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 21–66.
- НРФ — Научный рукописный фонд // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).
- О детских играх в Западной Сибири 1886 — О детских играх в Западной Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1886. № 3.
- Петров 1863 — К. Петров. Детские игры в Олонцевой губернии // Учитель. 1863. №№ 1–24 (Смесь). С. 241–244, 395–398, 732–734, 785–786, 1109–1110.

- Покровский 1895 — Е. А. Покровский. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типолитография В. Ф. Рихтер, 1895 = Репринт. СПб.: Историческое наследие, 1994.
- Саваткова 1981 — А. А. Саваткова. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- СМЯ I — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990.
- СМЯ V — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. V. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2000.
- СМЯ VII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2002.
- СМЯ VIII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VIII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003.
- СМЯ, доп. том — С. С. Сибатрова (гл. ред.). Словарь марийского языка. Дополнительный том: А—Я. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019.
- СРНГ XV — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л.: Наука, 1979.
- СРНГ XXIX — Ф. П. Сороколетов (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб.: Наука, 1995.
- СЭФ — Сүзлекләрнең электрон фонды = Электронный фонд словарей (электронный ресурс). URL: <https://suzlek.antat.ru/index.php> (дата обращения: 5.03.2024).
- Тыркин (уен) — Тыркин (уен) = Классики (игра) // Википедия. Ирекле энциклопедия = Википедия. Свободная энциклопедия (электронный ресурс). URL: [https://tt.wikipedia.org/wiki/Тыркин_\(уен\)](https://tt.wikipedia.org/wiki/Тыркин_(уен)) (дата обращения: 5.03.2024).
- Цейтлин 1911 — Г. Цейтлин. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 13. С. 7–20.
- Черных 1995 — С. Я. Черных. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995.
- Ягодова, Махалова 2005 — Л. Г. Ягодова, И. В. Махалова. Чувашские детские игры: методическое пособие для воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Чебоксары: Новое время, 2005.
- ЯОС 1982 — Г. Г. Мельниченко (отв. ред.). Ярославский областной словарь. Бововки — вертушок. Учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ, 1982.
- Ястребов 1894 — В. Н. Ястребов. Материалы для этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии. Одесса: Тип. шт. Одесского военного округа, 1894.

- Beke IV₈ — Ö. Веке. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₈. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001.
- Beke IV₉ — Ö. Веке. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₉. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001.
- Hopscotch — Hopscotch // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Hopscotch> (дата обращения: 11.03.2024).
- KORP. Hill Mari texts — KORP. Hill Mari texts / J. Bredly; University of Vienna, University of Tromsø — The Arctic University of Norway (electronic resource). URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mrj#?lang=en&stats_reduce=word&сqr=%5B%5D (дата обращения: 17.02.2023).
- KORP. Meadow Mari texts — KORP. Meadow Mari texts / J. Bredly; University of Vienna, University of Tromsø — The Arctic University of Norway (electronic resource). URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en&stats_reduce=word&сqr=%5B%5D (дата обращения: 17.02.2023).

References

- Akhmetyanov 2015 — R. G. Akhmetyanov. *Tatar telenej etimologik syzlege*. V 2 t. T. 2 [Etymological dictionary of the Tatar language]. In 2 vol. Vol. 2. Kazan: Magarif — Vakyt, 2015.
- Bereczki 1994 — G. Bereczki. *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I*. (Studia Uralo-Altaica, 35). Szeged: Attila József University, 1994.
- Bereczki 2013 — G. Bereczki. *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013.
- Borisov 2002 — S. B. Borisov. *Mir russkogo devichestva: 70–90 gody XX veka* [The world of Russian girlhood: 70-90s of the 20th century]. Moscow: Lodomir, 2002.
- Fedotov I — M. R. Fedotov. *Etimologicheskij slovar chuvashskogo yazyka*. V 2 t. T. 1 [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 1]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.
- Fedotov II — M. R. Fedotov. *Etimologicheskij slovar chuvashskogo yazyka*. V 2 t. T. 2 [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 2]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.
- Isanbayev 1994 — N. I. Isanbayev. *Mariysko-tyurkskiye yazykovyye kontakty. Ch. 2. Slovar tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Pt. 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1994.

- Ivanov 1981 — I. G. Ivanov. *Mariy dialektologiy. Universitetiyse student-vlaklan tunemme kniga = Mariyskaya dialektologiya. Uchebnik dlya studentov universiteta* [Mari dialectology. Textbook for university students]. Yoshkar-Ola: Mari State University Press, 1981.
- Klyucheva 2015 — M. A. Klyucheva. K etimologii mariyskoy igry mituli [To wards the etymology of a Mari game mituli]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2015. No. 4. P. 37–59.
- Klyucheva 2023 — M. A. Klyucheva. Morfologicheskiye modeli nazvaniy igr v mariyskom yazyke [Morphological models of game names in Mari]. *Finno-Ugrovedeniye*. 2023. Vol. 64. P. 12–30. DOI: 10.51254/2312-0312-2023-64-12-30.
- Klyucheva 2024 — M. A. Klyucheva. Korpusnoye issledovaniye glagolnoy leksiki v mariyskikh narodnykh igrakh: chastotnost, klyuchevost [A corpus-based analysis of the verb vocabulary in Mari folk games: frequency, keyness]. *Finno-Ugrovedeniye*. 2024. No 1 (65). P. 21–51. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-65(1)-21-51.
- Lytkin, Gulyaev 1999 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskiy slovar komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.
- Räsänen 1920 — M. Räsänen. *Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen*. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Bd. XLVIII). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1920.
- Räsänen 1923 — M. Räsänen. *Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen*. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia Bd. L). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923.
- Rédei 1988 — K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
- Sebeok, Brewster 1958 — T. A. Sebeok, P. G. Brewster. *Studies in Cheremis: Games*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1958.
- Sevortyan 1978 — E. V. Sevortyan. *Etimologicheskiy slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvu «B»* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”]. Moscow: Nauka, 1978.
- Vasmer IV — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka*. V 4 t. T. 4. (T—Я) [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 4. (T—Ya)]. Moscow: Progress, 1987.
- Vershinin 2018 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozheniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskiy slovar)*. V 2 t. T. 2. [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: String, 2018.

«Так сказать» и «как сказать»: грамматика и просодия конструкций с прагматикализированным глаголом речи

В. И. Подлеская

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); podlesskaya@iling-ran.ru;

ORCID: 0000-0002-6783-5315

Аннотация. На материале мультимедийного подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка мы исследовали два дискурсивных маркера, представляющих собой результат прагматикализации базового глагола речи *сказать*: *так сказать* и *как сказать*. Выявлено, что несмотря на очевидную структурную близость и почти полное сегментное совпадение, семантика, грамматика, просодия, а также частотность этих маркеров существенно различаются. Маркер *так сказать* является маркером автомониторинга говорящего: его функция — сигнализировать о том, что говорящий снимает с себя ответственность за точность выбранной номинации и что он опирается на речевой опыт других говорящих, употреблявших эту номинацию в подобной ситуации. Маркер *как сказать* является маркером поиска: его функция — сигнализировать о том, что говорящий испытывает трудности с подбором адекватной номинации.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, устная речь, просодия, русский язык.

‘Tak skazat’ and ‘kak skazat’: Grammar and prosody of constructions with pragmaticized verbs of speech

Vera I. Podlesskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
podlesskaya@iling-ran.ru; ORCID: 0000-0002-6783-5315

Abstract. Basing on the data from the multimedia subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, we examined two discourse markers, which are the result of pragmaticization of the basic verb of speech *skazat’* ‘to say’: *tak skazat’* ‘lit. ‘so [to] say’ and *kak skazat’* ‘how [to] say’. It was revealed that despite the obvious structural similarity and almost complete segmental coincidence, the semantics, grammar and prosody of these markers differ significantly. *Tak skazat’* is a marker of the speaker’s self-monitoring: its function is to signal that the speaker disclaims responsibility for the accuracy of the chosen nomination and that he relies on the speech experience of other speakers who have used this nomination in a similar situation. It can be used in pre-, and post-position in relation to its scope. *Kak skazat’* is a marker of word searching: its function is to signal that the speaker is having difficulty finding an adequate nomination. Due to its main function, it cannot be used in postposition to its scope and is usually accompanied by such typical signals of speech dysfluency as repetitions, self-corrections, filled pauses, etc. Prosodically, both markers tend to be used parenthetically — atonically, with an accelerated tempo in a narrow tonal range, but can also be used prosodically autonomously — while maintaining phrasal accent. In such cases, in *tak skazat’*, the phrasal accent is placed on the verb, and in *kak skazat’* — on the pronoun. The marker *kak skazat’* can also be used as a speech formula, i.e. can form a separate turn in dialogue. Two formulas *kak skazat’* were discovered: the first is a reaction to a question, namely, a signal about the absence of an exact answer, the second is a signal about disagreement with the interlocutor’s statement. The formulas have a clear prosodic difference — in the first, the phrasal accent is on *kak*, in the second — on *skazat’*. Markers also differ significantly in their frequency: *kak skazat’* is twenty times less frequent than *tak skazat’*. The results obtained show, firstly, that the same lexeme in an almost identical environment can follow different paths of pragmaticization; and secondly, that data from electronic corpora of oral texts available for prosodic analysis makes it possible to describe these paths in more detail and completeness.

Keywords: discourse marker, spoken discourse, prosody, Russian language.

Да-с, *так сказать*, речист, а больно не хитер,
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!

А. С. Грибоедов. Горе от ума:
«Светает!... Ах! как скоро ночь минула!...» (1824)]

1. Постановка задачи

Данное исследование посвящено феномену прагматикализации глаголов речи. В ходе прагматикализации глагол частично или полностью утрачивает способность к словоизменению — по существу, консервируется одна из словоформ парадигмы. Вместе с утратой «морфологических свобод» происходят сдвиги в значении и синтактике. Значение сдвигается от пропозиционального (для глаголов речи — это обозначение и описание речевого события) к прагматическому — выражение эпистемической и других типов модальности, обеспечение когерентности, регулирование процесса коммуникации и проч.; в терминах У. Чейфа единица приобретает статус регуляторной (Chafe 1994: 63–69). Изменения в синтактике могут быть описаны термином «кооптация» (ср. cooptation — термин, внедренный в работах [Kaltenböck et al. 2011; Heine et al. 2021] и других публикациях этой группы авторов): единица выпадает из жесткой клаузальной структуры и приобретает статус оператора, сферой действия которого являются сегменты дискурса различной (потенциально — любой) протяженности. Все перечисленные изменения сопровождаются и заметными сдвигами в просодии, которые до настоящего времени ускользали от внимания исследователей. Мы постараемся частично восполнить этот пробел. В центре нашего внимания будут прагматикализованные употребления инфинитива глагола речи *сказать* в сочетании с местоименными наречиями *так* и *как*: *так сказать* и *как сказать*, проиллюстрированные в (1) и (2).

- (1) *Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием Хамелеонистики, остроумного*

сбора статей, в коих выводятся, **так сказать**, на чистую воду некоторые, **так сказать**, литературные плутни. [А. С. Пушкин. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем]

- (2) *Меня допрашивал жандарм. Я только одного боялся, как бы не выдать кого. После допроса меня отправили в часть с годовым. Вот тут в первый раз я испытал тяжелое чувство, как сказать — чувство обиды.* [Л. Н. Толстой. Воскресение [Пятая редакция] (1899)]

В таких употреблении сочетания *так сказать* и *как сказать* могут квалифицироваться как дискурсивные маркеры, которые используются для выражения так называемой «нечеткой номинации», или хеджирования, т. е. в тех случаях, когда говорящий снимает с себя ответственность за точность сказанного. В частности, они могут указывать на проблему с поиском нужной номинации и/или осознанную говорящим возможную неточность уже выбранной номинации применительно к пропозициональному содержанию, которое говорящий хочет транслировать.

Синтактику и просодию *так сказать* и *как сказать* мы исследовали на материале Мультимедийного подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка. Звуковые файлы были извлечены из видеоклипов и проанализированы инструментально (с использованием компьютерного анализатора речи PRAAT (Voersma, Weenink 2021) и перцептивно с опорой на интроспекцию слушающего — носителя языка. Дальнейшее изложение будет строиться следующим образом. В *Разделе 2* будет рассмотрен дискурсивный маркер *так сказать*. Мы покажем, что этот маркер (а) употребляется говорящим, чтобы продемонстрировать некоторую отстраненность от выбранной номинации, признание ее цитатности; (б) линейно может располагаться слева, справа или внутри своей сферы действия; (в) с просодической точки зрения демонстрирует типичные признаки парентезы. В *Разделе 3* обсуждается дискурсивный маркер *как сказать*. Мы продемонстрируем, что, в отличие от *так сказать*, этот маркер (а) употребляется, чтобы обозначить текущую проблему с поиском адекватной номинации, и поэтому (б) он не употребляется в постпозиции

к своей сфере действия; и (в) регулярно сопровождается такими симптомами речевых затруднений, как самоисpravления, повторы, лексические и долексические маркеры хезитации. *Раздел 4* посвящен двум употреблением *как сказать* не в качестве дискурсивного маркера, а в качестве речевых формул, которые выступают как клишированные реакции на ту или иную речевую ситуацию и могут самостоятельно формировать реплику в диалоге [Рахилина и др. 2021]. Первая формула — это реакция на вопрос, а именно, сигнал об отсутствии точного ответа ([*Ну,*] *как сказать...*). Вторая — это сигнал о несогласии с утверждением собеседника ([*Это ещё*] *как сказать!*). В *Разделе 5* будут подведены итоги.

2. Дискурсивный маркер *так сказать*

По своей функции маркер *так сказать* можно отнести к маркерам нечеткой номинации или хеджирования [Lakoff 1972; Prince et al. 1982], т. е. к единицам, указывающим, что говорящий снимает с себя ответственность за точность выбранной номинации. Специфика *так сказать* состоит в том, что благодаря сохраняющейся лексической связи с базовым глаголом речи *сказать*, этот маркер позволяет подключить слушающего к «речевой лаборатории» говорящего. Говорящий дает понять, что есть ряд способов выразить нужное пропозициональное содержание, но он выбирает данный — возможно, не самый точный, но позволяющий выразить дополнительные смыслы, потому что за выбранным выражением тянется шлейф иных контекстов, где это выражение бывало или могло быть употреблено. Приведем в качестве иллюстрации пример (3) ниже, где *так сказать* предвывает выбранную номинацию *лицо*: номинация неточная, поскольку речь идет о внешней демонстрации агрессии в животном мире, но намеренная — чтобы подчеркнуть единство агрессивной мимики у человека и у представителей других видов. Пример (3) демонстрирует и один из наиболее типичных просодических паттернов реализации *так сказать* — атоническое, ускоренное, сильно редуцированное

произнесение. Интонограмма в формате PRAAT этого [тк скзть] просто «не видит»:

- (3)¹ *И там рыба растопыривает плавники/ или там жаба поднимается на лапах и надувается/ вот/ там птицы топорщат перья/ там кот изгибает спину/ опять же тоже/ значит/ шерсть у него дыбом. Вот/ ну и/ кроме того/ довольно часто показывается/ что называется «оружие»/ то есть когти/ зубы. Ну и/ соответственно/ человеческая мимика агрессии/ она тоже связана с оскаленными зубами. Вот. Ну и это очень характерное выражение/ **так сказать**/ нашего лица. И/ соответственно/ агрессивная мимика/ она относится к разряду базовых мимических выражений/ таких как улыбка или гримаса боли/ гримаса плача. [Вячеслав Дубынин. Мозг и агрессия (2017)]*

^Ну-у,

и-и это очень \характерное выражение *так сказать* нашего /лица,

¹ Примеры приводятся в полной графической форме, как она дана в МУРКО, при необходимости приводится также просодическая транскрипция части примера с разметкой движения тонов и локализацией фразовых акцентов, а также осциллограмма и интонограмма в формате анализатора PRAAT. Для указания на направление движения тона иконически используются знаки «/», «\» и «-». Ударный слог слова — носителя рематического акцента подчеркивается. Длина пауз в секундах указывается в круглых скобках; пауза может быть абсолютной или вокализованной: *υ*, *?*, *э* и др. Внутри фигурных скобок приводятся обозначения неречевых вокальных действий: *gp* — сглатывание, *hm* — хмыканье и др. Сильная редукция отмечается серым цветом шрифта, ускоренное произнесение — курсивом. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. [Кибрик, Подлесская 2009]. Напомним, что в той версии примера, которая дается по МУРКО, знак «/» имеет другую интерпретацию — там он используется для членения речевого потока. В сегментное наполнение в просодической транскрипции вносятся при необходимости уточнения по сравнению с графическим вариантом МУРКО.

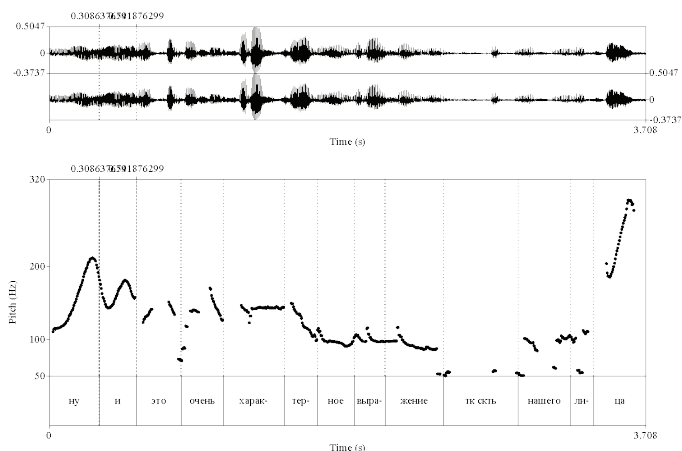

Рисунок 1. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (3)
 Figure 1. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (3)

Сходным образом в (4) говорящий дистанцируется от выбранной им номинации *содержательный* применительно к ошибкам, которые генерирует бот. Здесь *так сказать* позволяет говорящему подчеркнуть, что он понимает разницу между человеческой речью и продуктом искусственного интеллекта, но намеренно использует метафорический сдвиг. С просодической точки зрения, так же как и в (3), маркер лишен фразового акцента и произносится в очень узком тональном диапазоне, но не так радикально редуцирован, как в (3):

- (4) *Вот/ значит/ его команда сделала прекрасного такого бота/ который/ по легенде он приехал из Одессы/ и он четырнадцатилетний. То есть для него английский язык не родной/ и он/ в общем/ не очень хорошо ориентируется в этой действительности. Поэтому некоторые сбои/ так сказать/ содержательные/ ему вроде можно простить — поэтому это здесь такой понятный ход. [Илья Утехин. Как устроен диалог? Лекция Полит.Ру (2017)]*

Поэтому некоторые /сбои —
 так сказать /содержательные,
 — ему вроде можно /простить.

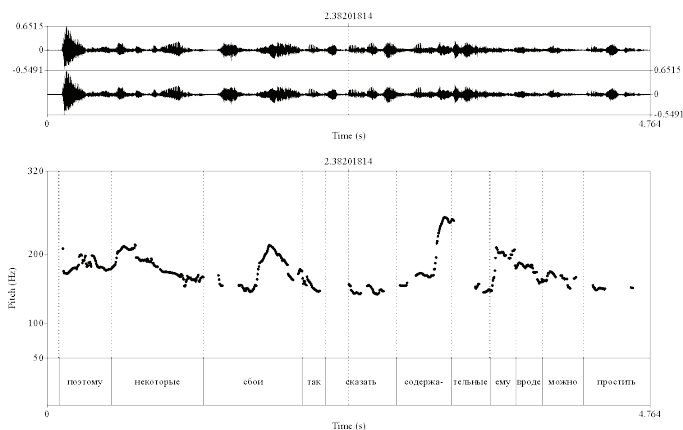

Рисунок 2. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (4)
 Figure 2. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (4)

Как и многие другие дискурсивные маркеры, *так сказать* может встраиваться линейно между единицами, связанными сколь угодно сильными грамматическими отношениями. Так в (3) он размещается между именем и его дополнением (*выражение так сказать (нашего) лица*), в (4) — между именем и его согласованным определением (*сбои так сказать содержательные*). Ниже, в примере (5), маркер располагается внутри аналитической формы будущего времени между вспомогательным и смысловым глаголом (*будут так сказать проявлять себя*). С просодической точки зрения (5) отличается от (3) и (4): примеры (3) и (4) демонстрируют полную просодическую интеграцию маркера *так сказать* с окружающим контекстом, а в (5) маркер формирует отдельную коммуникативно-просодическую составляющую. Здесь маркер имеет собственный фразовый акцент и заметные просодические швы² слева и справа. В случаях типа (5), где *так сказать* формирует отдельную коммуникативно-просодическую

² Термин «просодический шов» как удачный аналог английского *prosodic break* был введен в работах О. Ф. Кривновой и ее коллег, см., например, [Князев и др. 2016].

составляющую, фразовый акцент регулярно располагается именно на *сказать*, а не на *так*:

- (5) *Вот это вот очень важное уточнение. Для того чтобы представить себе президента/ кандидата в президенты женщину/ нужно представить себе сначала политическую конкурентную борьбу/ в которой какие-то там новые или/ может быть/ известные/ но не столь пока влиятельные фигуры будут/ **так сказать**/ проявлять себя. Прежде чем женщина на полном серьезе стала рассматриваться как кандидат в президенты в США/ там несколько так сказать инвесттур подряд были женщины/ руководительницы Госдепартамента / кем была собственно Хиллари Клинтон. [Ирина Гартаковская, Екатерина Дементьева. Как меняются гендерные роли (2016)]*

не столь пока влиятельные / фигуры будут —

(ц 0.50)

так /—сказать,,,

(ц 0.52)

— /—проявлять \себя.

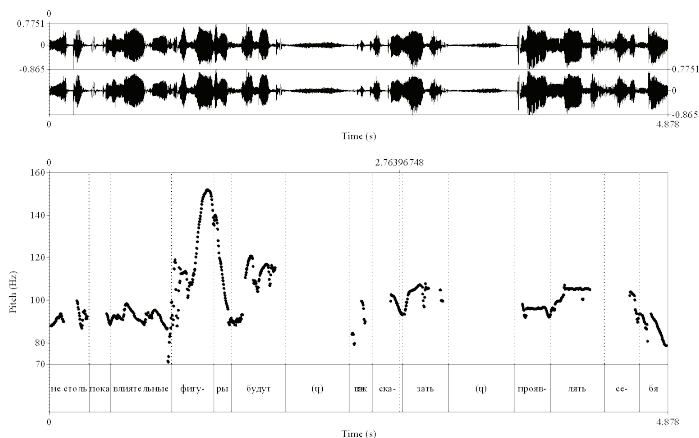

Рисунок 3. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (5)
Figure 3. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (5)

С семантической точки зрения, *так сказать* употреблено в (5) (так же как и в (3)–(4)) в качестве средства отстранения от выбранной номинации: говорящий подчеркивает цитатность выражения *показать себя* — это штамп применительно к общественной деятельности, нацеленной на карьерный рост.

Важной особенностью дискурсивного маркера *так сказать* является его способность располагаться в постпозиции к своей сфере действия. Это связано с тем, что прагматическая функция этого маркера — зафиксировать определенное отношение говорящего к уже выбранной номинации. Если маркер в препозиции к выбранной номинации, то, значит, эта номинация уже выбрана, хотя пока и не артикулирована, и говорящий предвещает номинацию необходимым с его точки зрения хеджингом. Если же маркер в постпозиции, то хеджинг тем более уместен — сначала следует номинация, а потом необходимый комментарий к ней. Так, в следующем примере говорящий нарочито дублирует первоначально использованный глагол — добавляет синоним из иного речевого регистра (*похоронили / погребли*), а затем добавляет *так сказать* — чтобы подчеркнуть нарочитость этого заимствования из несвойственного говорящему лексикона:

(6) [Зубова (Амалия Карлсон) (Надежда Борская, жен, 59, 1885)] ...*Могу вам только сказать/ что я еще ни разу не умирала и пока делать этого не собираюсь.*

[Ларцев (Сергей Лукьянов, муж, 34, 1910)] *К сожалению/ никак не могу с вами согласиться/ гражданка. Ибо установлен факт не только вашей смерти/ но даже и место/ где вас похоронили. Погребли/ так сказать.* [Владимир Легошин, Петр Рыжей, Леонид Тубельский, Лев Шейнин. Поединок, к/ф (1944)]

Ибо установлен факт не /только вашей \смерти,
(0.58)

но даже и ^место где вас похоронили!
(0.84)

\Погребли так сказать.

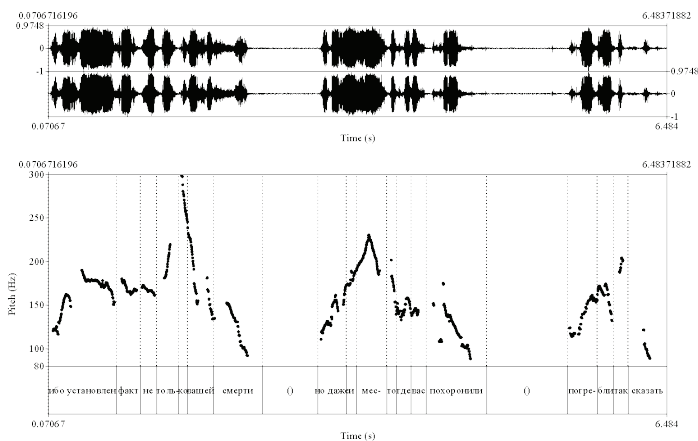

Рисунок 4. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (6)
 Figure 4. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (6)

Способность употребляться в постпозиции к своей сфере действия отличает *так сказать* от почти омонимичного *как сказать*. В следующем разделе мы покажем, что у этих двух маркеров есть и иные различия в дистрибуции и просодии.

3. Дискурсивный маркер *как сказать*

В отличие от маркера *так сказать*, функция которого — комментировать уже выбранную говорящим номинацию, *как сказать* — это маркер поиска: его задача показать, что в текущей точке дискурса говорящий испытывает трудности с поиском языкового выражения, адекватного имеющемуся замыслу. Отсюда главное отличие: *как сказать* — в отличие от *так сказать* — не может употребляться в постпозиции к своей сфере действия. В качестве иллюстрации приведем два примера: (2'), который показывает, что в (2) *как сказать* нельзя переместить из препозиции в поспозицию, и пример (6'), который показывает, что в (6) нельзя заменить постпозитивное *так сказать* на *как сказать*:

- (2') *Меня допрашивал жандарм. Я только одного боялся, как бы не выдать кого. После допроса меня отправили в часть с городовым. Вот тут в первый раз я испытал тяжелое чувство, как сказать — чувство обиды >> * Вот тут в первый раз я испытал тяжелое чувство — чувство обиды, как сказать*
- (6') *Ибо установлен факт не только вашей смерти, но даже и место, где вас похоронили. Погребли так сказать >> Ибо установлен факт не только вашей смерти, но даже и место, где вас похоронили. *Погребли как сказать.*

Между двумя маркерами есть и просодическое различие. Как мы видели выше, с тех случаев, когда *так сказать* формирует отдельную коммуникативно-просодическую составляющую, фразовый акцент в ней располагается на глаголе, см. пример (5). В маркере *как сказать* в таких случаях акцент располагается на местоимении, см. (7) и (8)³:

- (7) *Но каждый день энтомологи — это те/ кто занимается насекомыми/ или те/ которые занимаются/ скажем/ ну вот простейшими там организмами или ниж... ниж... ну как сказать/ водорослями* [Биологическое разнообразие. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)]
- ... \простейшими там /организмами,,,
или {gr 0.28} (0.24) (шэ 0.58) ниж= || ниж= || (0.1) ниж = —
^н-ну,
\как сказать,
— \—водорослями,
- (8) *На земле существует миллиард китайцев. Этим китайцам/ вообще-то/ всё равно/ существую ли я/ или нет. И даже они не знают того/ что... ну/ как сказать... э... ну/ в принципе/ самое-то главное/ что мне не наплевать на этих самых китайцев.* [Александр Баширов. Железная пята олигархии, к/ф (1998)]

³ Как известно, интонаграмма не очень помогает верифицировать расположение фразового акцента, поэтому в значительной степени приходится полагаться на экспертный перцептивный анализ.

И даже они не \знают /того,
 что ==
 (0.42)
 ну \как сказать,
 (ə 0.17) (0.88) ну в ^принципе,
 \самое-то главное,
 что /мне не наплевать на этих \самых || (0.16) \китайцев!

Примеры (7) и (8) демонстрируют еще одно важное свойство *как сказать*, подтверждающее его статус маркера поиска: *как сказать* регулярно сопровождается такими симптомами речевых затруднений, как самоисправления, повторы, лексические маркеры — хезитации и реформулирования, долексические маркеры хезитации (мэкания, нефонологические удлинения звуков и т. п.), неречевые вокальные явления (сглатывание, хмыкание, чмокание и проч.). Так, в (7) говорящий испытывает трудности с адекватным именованнием объекта исследования. Останавливается в конце концов на «водорослях» — как представителях низших (споровых) растений (колебания «простейшие» / «низшие»). Симптомы этих трудностей — маркер *как сказать* и сопровождающие его неоднократные обрывы слов, обеспокоенное сглатывание (нотировано как {gp} в транскрипте), частица *ну* с удлинённой вокализацией, частица *там*, мэkanie. В (8) говорящий пытается сформулировать непростую жизненную установку; ему приходится в момент затруднения прервать исполнение сентенциального актанта уже после того, как он артикулировал комплементаризер *что*, и вернуться к актанту после *как сказать*; этот разрыв сопровождается частицами *ну* до и после *как сказать*, а также эканием.

Покажем теперь, что *как сказать* — в отличие от *так сказать*! — может формировать самостоятельную реплику в диалоге.

4. Как сказать в функции речевой формулы

Последовательность *как сказать* может употребляться не только как собственно дискурсивный маркер, но и в качестве речевой

формулы — клишированной реакции на ту или иную речевую ситуацию [Рахилина и др. 2021]. В этой функции *как сказать* формирует отдельную реплику в диалоге. В реальном дискурсе имеется две омографичных формулы *как сказать*, которые при этом не являются омонимами: они различаются просодически, а именно — местом фразового ударения.

Первая формула *как сказать* имеет фразовый акцент на *как*; это реакция на вопрос, а именно, сигнал об отсутствии точного ответа, см. (9), (10):

- (9) [Гудионов (Олег Борисов, муж, 59, 1929)] *Ты ведь холост?*
 [Клюев (Юрий Беляев, муж, 41, 1947)] *Да как сказать? И да/и нет.*
 [Гудионов (Олег Борисов, муж, 59, 1929)] *Ну так и скажи. Расписаны?*
 [Вадим Абдрашитов, Александров Миндадзе. Слуга, к/ф (1988)]

Ты ведь \холост?

(1.45)

Да /как \сказать...

(0.76)

И ^да-а и-и /нет...

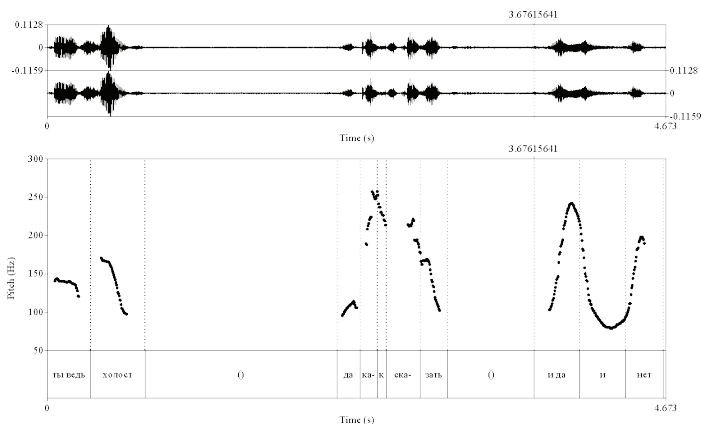

Рисунок 5. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (9)
 Figure 5. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (9)

- (10) *Кожухаров (Марк Бернес) Ты лучше скажи/ как там летают.*
 [Мельников (Владимир Дашенко, муж, 23, 1916)] *Летали.*
 [Кожухаров (Марк Бернес, муж, 28, 1911)] *Ну и что?*
 [Мельников (Владимир Дашенко, муж, 23, 1916)] *Да как сказать. Ничего.*

[Эдуард Пенцлин, Федор Кнорре. Истребители, к/ф (1939)]

М: Ты /лучше скажи как там \летают;

(0.66)

К: —↑Летали...

М: /Ну и —что?

(0.83)

К: Да \как сказать...

√Ничего!

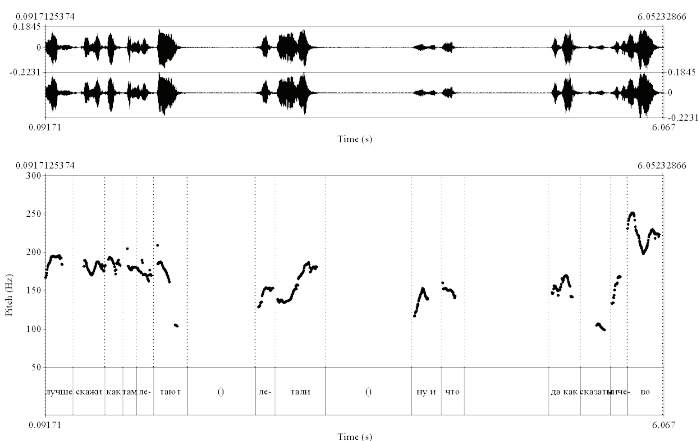

Рисунок 6. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (10)
 Figure 6. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (10)

Вторая формула [*это*] как *сказать* имеет фразовый акцент на *сказать* и реализуется с выраженной эмфазой — это эмоциональный сигнал о несогласии с утверждением собеседника⁴, см. (11), (12):

⁴ Только эта вторая формула (несогласия), но не первая (отсутствие точного ответа) способна формировать предикативную конструкцию с *это*.

- (11) [Максим (Владимир Ушаков, муж, 33, 1920)] *В «Искре» на-оборот. Женщины командуют.*
 [Мишка (Борис Рунге, муж, 28, 1925)] *Ну это как сказать!*
 [Татьяна Лукашевич, Борис Ровенских, Николай Дьяконов. Свадьба с приданым, к/ф (1953)]

В «Искре» \наоборот,

(0.33)

/—женщины командуют!

(0.69)

/Ну,

это как \сказать!

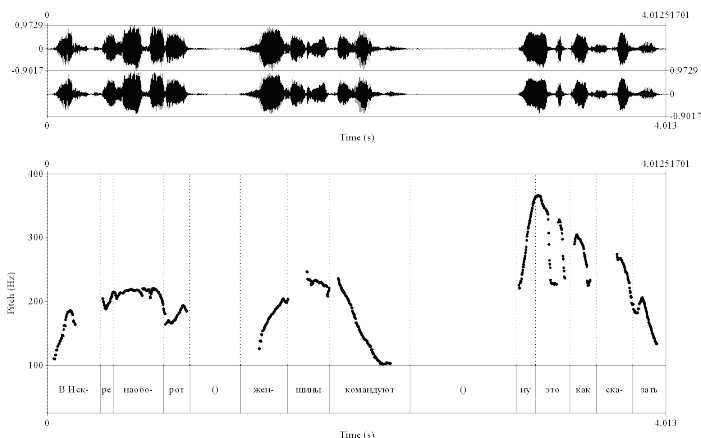

Рисунок 7. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (11)

Figure 7. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (11)

- (12) [Алексей Сергеевич (Регимантас Адомайтис, муж, 43, 1937)] *Счастливчик Вы/ Аркадий Палыч/ по заграницам разъезжаете.*
 [Аркадий Павлович (Георгий Бурков, муж, 47, 1933)] *Ну/ это как сказать.*
 [Николай Губенко. Из жизни отдыхающих, к/ф (1980)]
 \Счастливчик вы Аркадий Палыч!

(0.87)
 По /—заграницам разъезжаете...
 (1.59)
 /Ну,
 это как ↓—сказать!

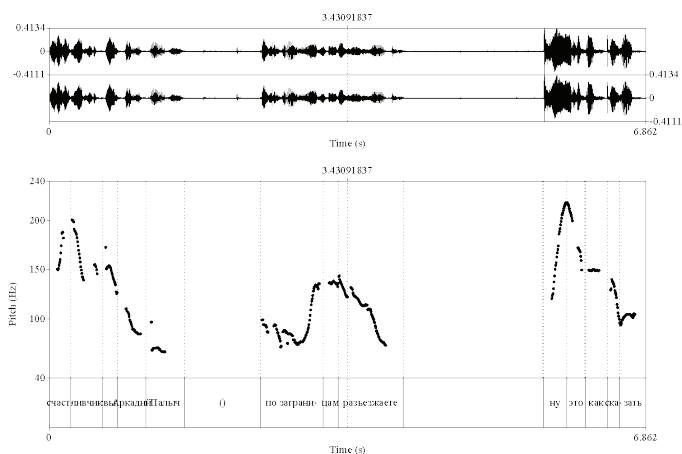

Рисунок 8. Осциллограмма и интонограмма фрагмента примера (12)
 Figure 8. Oscillogram and intonogram of a fragment from example (12)

С некоторой долей условности можно сказать, что две речевых формулы *как сказать* просодически восходят к разным употреблениям полнозначного *сказать*. Первая формула (отсутствие точного ответа) наследует один из возможных просодических паттернов специального вопроса — с акцентом на вопросительном слове (*КАК сказать?*). Вторая формула (эмоциональное несогласие) наследует один из паттернов сентенциального актанта — с акцентом на глагольной вершине придаточного (*Это зависит от того, как СКАЗАТЬ*). Разумеется, словоупотребления «наследуют» и «восходят» являются метафорическими, поскольку нам недоступны данные об эволюции просодии, которая могла бы сопровождать сдвиг от полнозначного употребления глагола речи к прагматикализованному.

5. Заключение

На материале мультимедийного подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка мы исследовали два дискурсивных маркера, представляющих собой результат прагматикализации базового глагола речи *сказать*: *так сказать* и *как сказать*. Выявлено, что несмотря на очевидную структурную близость и почти полное сегментное совпадение, семантика, грамматика и просодия этих маркеров существенно различается.

Маркер *так сказать* является маркером автomonиторинга говорящего: его функция — сигнализировать о том, что говорящий снимает с себя ответственность за точность выбранной номинации и что он опирается на речевой опыт других говорящих, употреблявших эту номинацию в подобной ситуации. Маркер может употребляться и в пре-, и в постпозиции по отношению к своей сфере действия.

Маркер *как сказать* является маркером поиска: его функция — сигнализировать о том, что говорящий испытывает трудности с подбором адекватной номинации. В силу своей основной функции маркер не может употребляться в постпозиции к своей сфере действия. Обычно сопровождается такими типичными сигналами речевого затруднения, как повторы, обрывы, самоисправления, заполненные паузы и проч.

Просодически оба маркера тяготеют к парентетическому употреблению — атоническому, с ускоренным темпом в узком тональном диапазоне, но могут употребляться и просодически автономно — с сохранением фразового акцента. В таких случаях акцент в маркере *так сказать* размещается на глаголе, а в маркере *как сказать* — на местоименном наречии.

Маркер *как сказать* может употребляться и как речевая формула, т. е. формировать самостоятельную ответную реплику в диалоге. Было обнаружено две формулы *как сказать*: первая — реакция на вопрос, а именно, сигнал об отсутствии точного ответа, вторая — сигнал о несогласии с утверждением собеседника. Формулы имеют четкое просодическое отличие — в первой фразовый

акцент располагается на *как*, во второй — на *сказать*. Формула несогласия *как сказать* отличается от формулы отсутствия точного ответа еще и синтактикой — она способна формировать предикативную конструкцию с *это*⁵.

Добавим также, что маркеры существенно различаются по частотности. В корпусе МУРКО (объем 5 763 881 слово) по запросу *так сказать* выдается 2546 примеров, а по запросу *как сказать* — 123 примера, т. е. примерно в двадцать раз меньше.

Полученные результаты показывают, во-первых, что одна и та же полнозначная лексема в почти идентичном окружении может следовать различным траекториями прагматикализации; и во-вторых, что привлечение материала электронных корпусов устных текстов, доступных для просодического анализа, позволяет описывать эти траектории более детально и полно.

Литература

- Кибрик, Подлеская 2009 — А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Князев и др. 2016 — С. В. Князев, О. Ф. Кривнова, Е. В. Моисеева. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 17–44.
- Рахилина и др. 2021 — Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.
- Boersma, Weenink 2021 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer. Computer program. Version 6.1.38. (retrieved 2 January 2021 from <http://www.praat.org/>)

---

⁵ Проницательный рецензент обратил внимание на то, что просодическими и сочетаемостными свойствами, близкими к *как сказать*, обладают и построенные по той же схеме формулы несогласия (*это как посмотреть*, *это как считать* и им подобные).

- Chafe 1994 — W. Chafe. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.
- Heine et al. 2021 — B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long. *The Rise of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Kaltenböck et al. 2011 — G. Kaltenböck, B. Heine, B. T. Kuteva. On thetical grammar // *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. № 4. P. 852–897.
- Lakoff 1972 — G. Lakoff. Hedges. A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Chicago Linguistic Society Papers*. 1972. № 8. P. 183–228.
- Prince et al. 1982 — E. F. Prince, J. Frader, C. Bosk. On hedging in physician-physician discourse // R. J. Pietro (ed.) *Linguistics and the professions*. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 83–97.

References

- Boersma, Weenink 2021 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer. Computer program. Version 6.1.38 (retrieved 2 January 2021 from <http://www.praat.org/>)
- Chafe 1994 — W. Chafe. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.
- Heine et al. 2021 — B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long. *The Rise of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Kaltenböck et al. 2011 — G. Kaltenböck, B. Heine, T. Kuteva. On thetical grammar. *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. No. 4. P. 852–897.
- Kibrik, Podlesskaya 2009 — A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (eds.). *Rasskazy o snovidenyakh: korpusnoe issledovaniye ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009.
- Knyazev et al. 2016 — S. V. Knyazev, O. F. Krivnova, E. V. Moiseeva. Issledovaniya prosodicheskogo chleneniya zvuchashchego teksta na materiale russkogo yazyka [Prosodic breaking of oral text: data from Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya. 2016. No. 4. P. 17–44]
- Lakoff 1972 — G. Lakoff. Hedges. A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Chicago Linguistic Society Papers*. 1972. No. 8. P. 183–228.
- Prince et al. 1982 — E. F. Prince, J. Frader, C. Bosk. On hedging in physician-physician discourse. R. J. Pietro (ed.) *Linguistics and the professions*. Proceedings

---

of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 83–97.

Rakhilina et al. 2021 — E. V. Rakhilina, P. A. Bychkova, S. Yu. Zhukova. Rechevyye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly [Speech acts as discourse category: discourse formulae]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2021. No. 2. P. 7–27.

Получено / received 22.05.2024

Принято / accepted 27.06.2024

Factive islands in Russian: An experimental study of relative clause dependencies

Mikhail Yu. Knyazev

HSE University (St. Petersburg, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); misha.knyazev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4652-4144

Abstract. It is generally assumed that complements of factive predicates are less transparent for extraction compared to nonfactive predicates. It is also assumed that the violation produced by such extraction is relatively weak, at least for certain types of elements such as (object) arguments, as opposed to other types of elements such as adjuncts. This has led to the notion that complements of factive predicates are weak, or selective, islands. This paper compares complements of factive and nonfactive predicates with respect to argument and adjunct extraction in relative clause dependencies. The question is investigated in two acceptability rating studies, testing DP argument (Experiment 1) and PP adjunct (Experiment 2) extraction. An important feature of the design is that it tests both bare (*čto*) clauses and nominalized (*to*, *čto*) clauses (in oblique/object-of-P positions) with both classes of predicates using the nominalized clauses as a benchmark for strong islandhood. The results showed that factivity of the predicate is associated with a decrease in acceptability for both argument and adjunct extraction, whereas adjunct extraction did not show any degradation relative to argument extraction. Nominalization also lowered the acceptability of extraction but, surprisingly, not for adjunct extraction, which is tentatively explained as the result of processing facilitation (adjunct processing advantage). The results are best explained by two additively combining gradient constraints (penalizing extraction from complements of factive predicates and extraction from nominalized clauses). The paper ends with a brief discussion of the experimental results in the light of different approaches to weak islands, focusing on featural Relativized Minimality.

Keywords: factivity, weak islands, nominalized clauses, argument-adjunct asymmetry, gradience in grammar

Acknowledgments. I wish to thank the audiences of *Readings in the Memory of A. V. Bondarko* (St. Petersburg, 2023) and especially of *Experimental Studies of Language (ExpLing)* (Moscow, 2024), where this material was presented. I also

express my heartfelt thanks to E. A. Lyutikova for carefully reading the first version of this paper and for her insightful comments.

This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>.

Фактивный остров в русском языке: экспериментальные данные относительного выноса

М. Ю. Князев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); misha.knjazev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4652-4144

Аннотация. Сентенциальный актант фактивных предикатов обычно считается менее «прозрачным» для выноса по сравнению с нефактивными предикатами. При этом считается, что вынос из такого актанта связан со сравнительно слабым нарушением, по крайней мере для некоторых типов выносимых элементов, как, например, (неподлежащие) аргументы, в отличие от адьюнктов. Исходя из такого рода контрастов сентенциальный актант фактивных предикатов традиционно классифицируется как «слабый» (селективный) остров. В статье сравниваются сентенциальные актанты фактивных и нефактивных предикатов с точки зрения выноса относительного местоимения *который* из позиции аргумента или адьюнкта. Приводятся результаты двух экспериментов на оценку приемлемости, в которых проверялся относительный вынос DP-аргумента (Эксперимент 1) и PP-адьюнкта (Эксперимент 2). Особенностью экспериментального дизайна было использование как простых клауз со *что*, так и номинализованных клауз с *то, что* (в позиции косвенного падежа или при предложении) с обоими классами предикатов; последние служили для контроля неприемлемости выноса из сильного острова. Результаты показали, что фактивность предиката связана с понижением приемлемости как для выноса аргумента, так и для выноса адьюнкта, при этом вынос аргумента, вопреки ожиданиям, не был связан с понижением приемлемости относительно выноса аргумента. Наличие *то, что* также понижало приемлемость выноса, но по не вполне ясным причинам не для выноса адьюнкта. Предлагается предварительное объяснение этому факту, основанное на меньшей нагрузке

на рабочую память при обработке адьюнктного выноса по сравнению с аргументным. Основные результаты указывают на наличие двух независимых (аддитивных) градуальных ограничений: на вынос из сентенциального актанта фактивных предикатов и на вынос из номинализованной клаузы. В заключении дается краткое обсуждение результатов экспериментов в свете различных подходов к слабым островам с акцентом на теории признаковой относительной минимальности.

Ключевые слова: фактивность, слабые острова, номинализованные клаузы, асимметрия аргумент — адьюнкт, градуальность в грамматике.

Благодарности. Я хочу поблагодарить слушателей «Чтений памяти А. В. Бондарко. Актуальные проблемы функциональной грамматики» (Санкт-Петербург, 2023 г.) и в особенности слушателей конференции «Экспериментальные исследования языка (ExpLing)» (Москва, 2024 г.), где были представлены основные результаты данного исследования. Также выражаю искреннюю благодарность Е. А. Лютиковой за внимательное прочтение первой версии статьи и за очень ценные замечания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ им. М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

1. Introduction

1.1. Factive clauses as weak islands

Factive clauses¹ are often taken to differ from nonfactive clauses not only in terms of their semantic/pragmatic properties (i.e., the truth of the former being presupposed) but also in terms of their syntactic properties [Kiparsky, Kiparsky 1971; Kastner 2015]². One of the distinguishing

---

¹ Throughout the paper, the term “factive clauses” is used descriptively to refer to clausal arguments of factive predicates with no commitment to their analysis or theoretical status.

² For example, according to [Kastner 2015], factive clauses typically allow (or require) overt nominal complements; can be replaced by nominal proforms; and disallow

features of factive clauses is that they are standardly assumed to be less transparent for certain types of syntactic dependencies such as *wh*-interrogative and relative clause formation, represented as movement, or extraction, in syntactic theory (the dependency occurring between the position where the *wh*-word/relative pronoun is pronounced and the position where it is interpreted, i.e. from which it is extracted). Since Ross's [1967] seminal dissertation, such less transparent syntactic domains are called "islands". More specifically, factive clauses are usually classified as weak islands (a.o., [Hegarty 1992; Haegeman, Ürögdi 2010; Haegeman 2012; Kastner 2015]), as opposed to strong islands. The term "weak islands" refers to domains that in contrast to strong islands, the more prototypical case of islands that disallow any extraction, allow extraction of some phrases, while disallowing extraction of other phrases (see [Szabolcsi, Lohndal 2017] for a recent review). The traditional and perhaps most well-known (e.g., [Chomsky 1986]) contrast in extractability is between arguments (or, more precisely, objects) and adjuncts, the latter being more difficult to extract.

This contrast can be illustrated in (1b)–(1c), where extraction of the object *wh*-word *what* from the complement of the cognitive factive *notice*, as in (1c), is more acceptable than the corresponding extraction of the adjunct *how* in (1b), although it is still not fully acceptable (cf. the baseline case with a nonfactive clause in (1a)).

- (1) a. *How_i do you suppose [that Mary had fixed the car ____i]?³*
 b. **How_i did you notice [that Mary had fixed the car ____i]?⁴*
 c. *??What_i did you notice [that Mary had fixed ____i]?[?]*

[Haegeman, Ürögdi 2010: 120]

---

main clause phenomena such as argument fronting inside the embedded clause.

³ Here and below, I indicate extraction with an underscore co-indexed (by "i") with the *wh*-word, instead of using *t*(race), adapting the original examples where necessary. I also add brackets to the original examples where necessary in order to more transparently indicate that the *wh*-word originates in the embedded clause (see also next footnote).

⁴ The sentence is acceptable on the irrelevant reading where the manner adverb modifies the matrix clause.

Since the early work on asymmetries in extractability (based on the ECP principle) [Huang 1982; Lasnik, Saito 1984; Chomsky 1986], which focused on the argument/adjunct distinction, a wide range of subtle syntactic, semantic and pragmatic factors have been identified that can lead to the differential effect of extraction from weak islands [Szabolcsi, Lohndal 2017]. Nevertheless, in this paper I will keep to this most basic contrast between argument and adjunct extraction, which looks like a good starting point in view of the fact that there is very little work on Russian factive islands.

Factive islands have received a number of different accounts in the literature, including syntactic and semantic ones (a.o., [Haegeman, Ürögdi 2010; Kastner 2015; Abruśán 2014]). I will not attempt to review them here, nor decide among them (but see *Section 4* for some discussion). Instead, I will mostly focus on whether there is experimental evidence for factive islands in Russian, which turns out to be a nontrivial question.

1.2. Challenges of factive islands in Russian

Russian data pose methodological problems for the traditional understanding of factive clauses as weak islands. First, as is well-known, extraction from *čto*-clauses in Russian is independently degraded, as compared to English [Khomitsevich 2007; Lyutikova, Gerasimova 2021], as illustrated in (2).

- (2) ^{??}*Komu, Ira skazala, [čto vy otdali kotjat ___i]?
 ‘Who did Ira say that you gave kittens to?’ [Morgunova 2021b: 80]*

As a result, extraction from factive clauses should at best be of intermediate quality. This makes it more difficult to detect a contrast between “good” and “bad” extractions (necessary for establishing the weak island status) and calls for using formal methodology of collecting acceptability judgments (see, e.g., [Sprouse et al. 2016]).

A second problem is similar in kind but more severe. It is sometimes argued that *čto*-clauses in Russian are in general weak islands [Bailyn 2020: 648]. For example, according to [Bailyn 2020], they show

argument/adjunct asymmetry characteristic of weak islands at least for wh-interrogative extraction, as in (3), cf. (2) (but see [Demina 2021] for experimental results that do not support this claim).

- (3) **Kak_i ty dumaeš', [čto Petr počinil mašinu ____i]?
 'How do you think that Peter fixed the car?' [Bailyn 2020: 648]*

If Bailyn's characterization is correct, establishing factive islands in Russian becomes more difficult because it can no longer be based on argument/adjunct asymmetry as such but must rely on the contrast **between** factive and nonfactive clauses in the **degree** of (un)acceptability of extraction for arguments, adjuncts or both. Thus, one must presuppose either at least two levels of "mild" unacceptability (e.g., "??" vs. "?*") — if the relevant diagnostic is based on argument extraction, or at least two levels of "severe" unacceptability (e.g., "*" vs. "**") — if it is based on adjunct extraction. While these assumptions are not problematic in themselves, they present a departure from the standard way of diagnosing factive islands, as they rely on finer-grained contrasts not accessible to introspection. Furthermore, by assuming more levels of acceptability, they make the standard binary conception of grammaticality extremely unlikely (see [Villata et al. 2016; Rizzi 2018] for discussion).

A third problem is not a problem *per se* but a particular aspect of the grammatical pattern in Russian not observed in languages like English, namely the presence of **nominalized clauses** introduced by the distal demonstrative *to* (i.e., *to*, *čto*-clauses), which systematically alternate with bare *čto*-clauses (a.o., [Kobozeva 2013; Knyazev 2016; Bondarenko 2022]). The relevance of nominalized clauses lies in the fact that they are standardly taken to be strong islands [Khomitsevich 2007; Bondarenko 2022], as illustrated in (4).

- (4) **Kogo_i Lena dobilas' [togo, čto oni pozvali ____i na prazdnik]?
 'Who did Lena succeed in ensuring that they invited to the party?'
 [Bondarenko 2022: 328]*

On the binary grammaticality model (or at least where levels of ungrammaticality are not distinguished), this may suggest that the

acceptability of extractions from nominalized clauses cannot be further aggravated by the factivity of the complement and by the adjunct status of the extracted element. However, if one assumes that “full” ungrammaticality allows for gradations, one may allow for more theoretical possibilities. For example, it could be that degradation due to extraction from a nominalized clause is compounded with (i) extraction from a factive clause; or (ii) extraction of an adjunct from a *čto*-clause in case it is a weak island; or (iii) extraction of an adjunct from a factive clause in case it is a weak island.

To summarize, although the task of establishing factive islands in Russian does not directly depend on acceptability data for nominalized clauses (as long as there is a contrast for bare clauses), the relevant data can give a better understanding of the extraction properties of factive clauses, justifying inclusion of nominalized clauses in the experimental design.

1.3. The present study

The aim of this paper is to experimentally compare relative extractions from factive and nonfactive clauses in Russian in order to test whether extractions from factive clauses are generally worse than extractions from nonfactive clauses (Question 1 in (5a)) and whether the former show a contrast between argument and adjunct extractions (Question 2 in (5b)). Thus, the primary goal is to test whether Russian factive clauses show characteristic properties of weak islands. Two further questions are addressed. First, the paper tests whether the contrast between argument and adjunct extractions is also shown by nonfactive clauses (Question 3 in (5c)). Second, it tests whether nominalized clauses are indeed strong islands in the sense of leading to strong ungrammaticality for any type of extraction and whether there is any further degradation due to factivity and/or the adjunct status of the extracted element (Question 4 in (5d)), as explained above (see *Table 1*).

- (5) a. **Question 1:** Are extractions from factive clauses worse than extractions from nonfactive clauses and if yes, in what ways?

- b. **Question 2:** Do extractions from factive clauses show argument/adjunct asymmetry characteristic of weak islands?
- c. **Question 3:** Do extractions from nonfactive clauses show argument/adjunct asymmetry characteristic of weak islands?
- d. **Question 4:** Are nominalized clauses indeed strong islands, and if yes, do they still show any further contrasts?

To answer these questions, two acceptability rating studies were conducted, Experiment 1 testing argument extraction and Experiment 2 testing adjunct extraction. Both experiments manipulated the factivity of the matrix predicate (as a between-items variable), as well as the presence of clausal nominalization. Sentences with extractions were also systematically compared with baseline sentences without extraction in order to take into account independent (dis)preference for nominalized clauses. Otherwise, the design of the two studies was very similar.

Two important features of the design require comment. First, the experiment used **relative extraction** with *kotoryj* ‘which’, as opposed to more commonly studied wh-interrogative extraction (see [Lyu-tikova 2009] for an overview of syntactic properties of relative clauses with *kotoryj* ‘which’, including movement properties)⁵. Relative extraction is assumed to be more permissive compared to wh-interrogative extraction, at least for some island types [Lyu-tikova 2009: 467–471; Morgunova 2021a: 54–55], which may be beneficial for avoiding overall too low ratings for extraction sentences, which may prohibit detecting contrasts among different kinds of extraction. In addition, sentences with relative extraction usually sound more natural in a zero context, whereas interrogative sentences may require a supporting context, at least for naive participants.

Second, only predicates alternating between bare *čto*-clauses and nominalized *to*, *čto*-clauses **in the oblique case** or **inside a PP** (but disallowing complements in the accusative), such as *nadejat'sja* ‘hope’ and *žalet* ‘regret’, were tested. This resulted in the exclusion of some

---

⁵ This may also be a potential drawback, as I discuss in *Section 4*.

of the prototypical factive and nonfactive verbs like ‘know’, ‘realize’ or ‘think’. The reason for this is that (exclusively) accusative-taking verbs such as *predpolagat* ‘suppose’ and *ponimat* ‘realize’ normally disallow or resist nominalized clauses, at least outside special contexts [Khomitsevich 2007; Knyazev 2016], and thus cannot provide appropriate baselines for extraction data, in contrast to oblique/PP-taking verbs, which systematically allow nominalized clauses. As for accusative-taking verbs that alternate with *about*-PP complements, such as *skazat* ‘say’ and *znat* ‘know’, although these allow nominalized clauses inside PPs, it is unclear whether the latter bear the same thematic relation to the verb as bare clauses.

In previous research, neither extraction from factive clauses nor extraction from nominalized clauses in Russian has been experimentally tested, with the exception of [Knyazev 2023]⁶. However, the latter study only tested argument extraction and thus does not provide direct evidence regarding the weak island status of factive (and nonfactive) clauses, which is central to the present research.

The main goal of this study is to fill the descriptive gap concerning the status of factive islands in Russian. The study aims to provide a detailed empirical picture, which can serve as a basis for evaluating existing theories of weak islands, a topic I will only briefly touch on in *Section 4*. Finally, the results of the study bear on a more general question regarding the categorical (binary) vs. gradient model of grammaticality, an important theoretical issue, which I have little to say about in this paper.

The structure of the paper is as follows. *Section 2* discusses Experiment 1 testing argument extractions. *Section 3* discusses Experiment 2 testing adjunct extractions. *Section 4* contains a general discussion of the results of the two experiments, including their theoretical implications, as well as a brief conclusion.

---

⁶ Another exception is [Rygaev (to appear)], which was brought to my attention after this paper was completed. I leave the discussion of Rygaev’s study to future work.

2. Experiment 1: Argument extraction

2.1. Remarks on the experimental design

While the present study addressed several research questions involving multiple points of comparison, as in (5) above, the experiments most directly focused on Question 1 in (5a), concerning the comparison between extractions from factive and nonfactive clauses. Thus, Experiment 1 tested whether argument extractions from factive clauses (for both bare and nominalized clauses) are less acceptable compared to nonfactive clauses and Experiment 2 did the same for adjunct extractions.

By contrast, the difference between argument and adjunct extraction (for both factive and nonfactive clauses) (see Questions 2–3 in (5b)–(5c)), was addressed only indirectly, by comparing them with the corresponding extraction from nominalized clauses (as well as with unacceptable fillers). The underlying assumption was that if nominalized clauses are strong islands whereas bare *čto*-clauses (whether factive or nonfactive) are weak islands, we should expect a contrast between bare and nominalized clauses for argument extractions (i.e., extractions being more acceptable for bare clauses) but no such contrast for adjunct extractions, assuming that adjunct extractions from weak islands should amount to extractions from strong islands.

Since nominalized clauses were included in the design, the study was also able to address Question 4 in (5d), concerning their strong island status, which was achieved by comparing the corresponding argument and adjunct extractions from factive and nonfactive predicates (and also by comparing them with unacceptable fillers).

As was mentioned earlier, in order to control for an independent (dis)preference for nominalized clauses baseline/no extraction conditions were also included so that all comparisons involving extractions were relative to the baseline.

Note that the present design gives logical priority to the factive/nonfactive asymmetry over the argument/adjunct asymmetry. Thereby it assumes

that ascertaining that factive clauses are less transparent for extraction than nonfactive clauses (at least in some conditions) is a precondition for establishing the (weak) island status of factive clauses. This seems reasonable as it is only after we have established that factive clauses have their own extraction profile as distinct from nonfactive clauses, i.e., that factive island exists as a separate constraint, that we should ask whether it conforms to standard weak island diagnostics (argument/adjunct asymmetry).

2.2. Design and materials

2.2.1. Experimental sentences

The experiment had a $2 \times 2 \times 2$ design with factors PREDICATE CLASS (non-factive vs. factive), SENTENCE TYPE (no extraction vs. extraction) and COMPLEMENT TYPE (bare vs. nominalized). The non-factive conditions are illustrated in (6a)–(6d) and the factive conditions in (7a)–(7d).

- (6) a. *On nadejalsja, čto Maša polučit posylku čerez nedelju.*
 ‘He hoped that Masha would get the package in a week.’
 [NON-FACTIVE | NO EXTRACTION | BARE]
- b. *On nadejalsja na to, čto Maša polučit posylku čerez nedelju.*
 ‘He hoped that Masha would get the package in a week.’
 [NON-FACTIVE | NO EXTRACTION | NOMINALIZED]
- c. *Posylka, kotoruju_i on nadejalsja, čto Maša polučit ___; čerez nedelju, poterjalas’ na počte.*
 ‘The package that he hoped that Masha would get in a week was lost in the post.’
 [NON-FACTIVE | EXTRACTION | BARE]
- d. *Posylka, kotoruju_i on nadejalsja na to, čto Maša polučit ___; čerez nedelju, poterjalas’ na počte.*
 ‘The package that he hoped that Masha would get in a week was lost in the post.’
 [NON-FACTIVE | EXTRACTION | NOMINALIZED]

- (7) a. *Ona žalela, što žurnal ne prinjal k publikaciji ètu stat'ju.*
 ‘She regretted that the journal had not accepted this article for publication.’
 [FACTIVE | NO EXTRACTION | BARE]
- b. *Ona žalela o tom, što žurnal ne prinjal k publikaciji ètu stat'ju.*
 ‘She regretted that the journal had not accepted this article for publication.’
 [FACTIVE | NO EXTRACTION | NOMINALIZED]
- c. *Stat'ja, kotoruju_i ona žalela, što žurnal ne prinjal ____i k publikaciji, byla dejstvitel'no neudačnoj.*
 ‘The article that she regretted that the journal had not accepted for publication was indeed a failure.’
 [FACTIVE | EXTRACTION | BARE]
- d. *Stat'ja, kotoruju_i ona žalela o tom, što žurnal ne prinjal ____i k publikaciji, byla dejstvitel'no neudačnoj.*
 ‘The article that she regretted that the journal had not accepted for publication was indeed a failure.’
 [FACTIVE | EXTRACTION | NOMINALIZED]

Four nonfactive and four factive predicates were tested, as in (8a)–(8b).

- (8) a. **Nonfactive predicates**
nadejat'sja (*na*+ACC) ‘hope’, *uveren* (*v*+PREP) ‘certain’, *rasčityvat'* (*na*+ACC) ‘count on’, *namekat'* (*na*+ACC) ‘hint’
- b. **Factive predicates**
žalet' ‘regret’ (*o*+PREP), *rad* (*DAT*) ‘glad’, *udivljat'sja* (*DAT*) ‘be surprised’, *gordit'sja* (*INS*) ‘be proud’

With the exception of the speech verb *namekat'* ‘hint’, the nonfactive class was represented by various propositional attitude predicates. The factive class was represented by emotive factives. Each group had one adjectival (*uveren* ‘certain’ and *rad* ‘glad’) and three verbal predicates. All nonfactives and one factive (*žalet'* ‘regret’) selected for a PP complement, with the remaining factives selecting for an oblique complement. The

category of the selected complement (PP vs. oblique) was not matched or controlled for as it was assumed that this should not influence the results given that nominalized clauses sound equally natural in both oblique and PP positions (see, e.g., [Khomitsevich 2007] and also *Section 1*), although the results for individual predicates were also inspected.

With each predicate, two sentence sets of four conditions as in (6)–(7) were constructed. The relative clause modified the matrix subject in one half of the sentences (cf. (6)–(7)) and the oblique or direct object in the other half⁷. (The full list of materials, with mean ratings, is given in the Appendix.) This was done to ensure some variety, as well as to make the experimental manipulation less apparent. All relative clauses involved relativization of the direct object. With one exception, the head of the relative clause was always singular.

The experimental sentences were distributed in a Latin Square design among four participant lists such that each participant judged only one sentence in each four-condition set such as (6) or (7) and the same number of sentences (i.e., two) per each of the four between-item conditions for both predicate classes, e.g., two sentences with extraction from bare nonfactive clauses, hence jointly 16 experimental sentences.

2.2.2. Fillers

There were also 18 filler sentences. (See Appendix for the full list.) There were six unacceptable fillers that involved sentences with selectional violations. In half of the sentences, the obligatory nominalizer *to* was missing, as in (9a); in the other half, the case marking of the nominalizer *to* violated the selectional restriction of the matrix predicate, as in (9b). In addition, half of the sentences had subjunctive and the other half indicative complements, to ensure some variety.

⁷ And example of the latter kind of items is provided in (i).

(i) *Ivan otložil den'gi na operaciju, kotoruju on nadejalsja (na to), čto vrači sdelajut emu v sledujuščem godu.*

‘Ivan saved money for the surgery that he hoped the doctors would give him next year.’

- (9) a. **Uspex firmy byl vyzvan, čto ona èksperimentirovala s formatom magazinov.*
 Intended: ‘The success of the firm was caused by the fact that it experimented with the format of the stores.’
- b. **Putešestvenniki nuždalis’ tem, čtoby ix kto-to prijutil.*
 Intended: ‘The travellers needed someone to host them.’

There were also six acceptable sentences, all of which involved complement clauses with further embedding of the relative clause modifying the non-subject argument of the complement clause, as in (10). Similarly to acceptable fillers, half of the sentences had nominalized clauses and the other half bare clauses; half of the sentences had subjunctive and the other half indicative complements.

- (10) *Futbolisty verili v to, čto smogut pobedit’ klub, kotoryj v prošlom godu vyigral Ligu čempionov.*
 ‘Soccer players believed that they would be able to beat the team that won the Champions League last year.’

The aim of acceptable fillers was to provide a baseline for long-distance extraction sentences in the experimental conditions (cf. (6c)–(6d) and (7c)–(7d)) that would be roughly matched in length and (surface) syntactic complexity so that one could ensure that the degradation associated with the long-distance extraction conditions was specifically due to an island constraint rather than syntactic complexity in general.

An additional six fillers involved sentences with long-distance relative extractions. Two sentences involved complex NP violations, as in (11), and served as baselines for unacceptable extraction from an island.

- (11) **Kontrakt, kotoryj napadajuščij otverg [predloženie o tom, čtoby klub prodлил na sledujuščij god], soderžal semiznačnuju summu.*
 Intended: ‘The contract that the striker rejected the offer for the team to prolong for the next year had a 7-digit number in it.’

Two further sentences involved extractions from complement clauses with *čtoby* (with verbs *xotet’* ‘want’ and *prosit’* ‘ask’), as in (12a), which are usually considered fully acceptable [Khomitsevich 2007; Demina 2021].

They served as baselines for acceptable long-distance extractions. Finally, two sentences involved extractions from complement clauses with *čto* with more prototypical/frequent nonfactive verbs *dumat* ‘think’ and *predpolagat* ‘suppose’, as in (12b) (recall that the experimental sentences used rather nonprototypical nonfactive predicates). They were included to provide an acceptable baseline specifically for extraction from *čto*-clauses, assuming that complements of more common nonfactive predicates may be more transparent for extraction [Dąbrowska 2008; Liu et al. 2022].

- (12) a. *Vino, kotoroe_i ona xotela, čtoby muž prines ___i k užinu, bylo raskupleno.*
 ‘The wine that she wanted her husband to bring for dinner was sold out.’
- b. *Lera sostavila spisok produktov, kotorye_i ona dumala, čto Kolja kupil ___i na èti den’gi.*
 ‘Lera composed the list of groceries that she thought Kolya bought for this sum of money.’

Apart from diverting attention of participants away from the experimental manipulation, fillers (specifically, unambiguously acceptable and unacceptable ones) were used to exclude participants who were not paying attention to the task (or had nonstandard grammar). In addition, as was mentioned above, fillers were used as (un)acceptability baselines for experimental sentences.

2.3. Procedure and participants

The fillers were combined with the experimental sentences into 34-item lists in an automatically randomized order (for each participant). Each list started with two additional warm-up sentences—one acceptable and one unacceptable (with a *čto*-clause-taking predicate followed by a *čtoby*-clause)—that were not marked as such. Participants had to judge the acceptability of each sentence on a 1–7 scale. The use of the scale was illustrated by one unacceptable sentence (with a *čtoby*-clause-taking predicate

followed by a *čto*-clause) with the recommended rating of 1–2, and two acceptable sentences, including one with a relative clause, rated as 7. Participants completed the task at their own pace, which took on average 8 minutes.

The experiment was hosted on PCIBex Farm (<https://farm.pcibex.net/>), with the participants recruited via Toloka (<https://toloka.ai/>; formerly Yandex.Toloka) for a modest fee of \$0.125⁸. Fifty seven tolokers submitted the results; of these results of 49 participants were included in the statistical analysis (see below)⁹.

2.4. Analysis

The results of 8 participants were excluded based on the following criterion: the mean rating of both acceptable fillers and sentences with long-distance extraction from *čtoby*-clauses (cf. (12a)) had to be larger than the mean rating of both unacceptable fillers with selectional violations and sentences with extraction from complex NPs (cf. (11)).

As is standard practice, prior to the analysis the ratings were z-score transformed (by subtracting the participant's mean from the participant's raw rating and dividing it by the participant's standard deviation), which reduces biases in the use of the rating scale [Sprouse et al. 2016]. But whenever possible, raw ratings are also reported.

The z-score transformed ratings were analyzed using linear-mixed effects models with maximal random effects structure justified by the design and allowing for convergence [Barr et al. 2013]. Predicate class, sentence type and complement type (treatment-coded with NONFACTIVE, NO EXTRACTION and *ČTO*-CLAUSE as reference levels), as well as all their interactions were included in the model as fixed effects¹⁰. Simpler models

---

⁸ The criteria for participation included Russian as a native language, as well as Russia-based IP and phone number.

⁹ Due to a technical error, the age of participants was not recorded.

¹⁰ The formula for the main model was: $rating.zscore \sim sentence.type * complement.type * predicate.class + (1 + complement.type | item) + (1 + sentence.type + predicate.class | subject)$.

with two factors and their interaction were also fit where necessary, as well as models with one factor for pairwise comparisons. The analysis was implemented using the *lmerTest* package for R (version 4.2.3) [Kuznetsova et al. 2017].

2.5. Results

2.5.1. Fillers

The results for the fillers are given in *Table 1*.

Table 1. Mean raw and z-score rating with standard error by filler type (Experiment 1)

filler type	mean raw rating (SE)	mean z-score rating (SE)
acceptable	6.45 (0.03)	0.85 (0.03)
extraction: <i>čtoby</i> -clauses	5.18 (0.09)	0.35 (0.07)
extraction: <i>čto</i> -clauses	3.15 (0.12)	-0.45 (0.07)
unacceptable: selection	2.69 (0.07)	-0.65 (0.04)
unacceptable: complex NP	1.98 (0.12)	-0.92 (0.05)

As can be seen, participants clearly distinguished acceptable from unacceptable fillers. As expected, fillers with long-distance extraction from *čtoby*-clauses received fairly high ratings, close to acceptable fillers, while extraction from *čto*-clauses was rated slightly below the midpoint of the scale but above unacceptable fillers with selectional violations¹¹. Sentences with complex NP violations were rated lowest, which

¹¹ One of the unacceptable fillers with selectional violations given in (i) received a relatively high rating of 3.73 (z-score -0.22) compared to others ranging from 2.27 (-0.85) to 2.84 (-0.59). Excluding this filler, the mean rating of this category is 2.49 (-0.74), which is likely a better estimate of acceptability of selectional violations.

(i) *Meroprijatija byli napravleny, čtoby čelovek osvoilsja v kollektive.*

‘The activities were aimed at the person getting familiarized with the group.’

may be due to the additional complexity of the sentence (apart from the island violation).

Overall, the results of the fillers indicate that participants were able to distinguish various degrees of acceptability roughly in accordance with theoretical expectations.

2.5.2. Experimental sentences

The means for the experimental conditions are given in *Table 2* and *Figure 1* (p. 376).

Table 2. Mean raw and z-score rating by predicate class, sentence type and complement type (Experiment 1)

predicate class	sentence type	complement type	mean raw rating (SE)	mean z-score rating (SE)
nonfactive	no extraction	bare	6.62 (0.05)	0.92 (0.04)
		nominalized	6.76 (0.03)	0.97 (0.04)
	extraction	bare	3.32 (0.12)	-0.40 (0.07)
		nominalized	2.48 (0.13)	-0.71 (0.06)
factive	no extraction	bare	6.69 (0.03)	0.94 (0.04)
		nominalized	6.76 (0.03)	0.98 (0.04)
	extraction	bare	2.26 (0.13)	-0.82 (0.06)
		nominalized	1.76 (0.10)	-1.06 (0.05)

Starting from the reference level, i.e., nonfactive *čto*-clauses, we see a clear effect of extraction ($\beta = -1.33$, $SE = 0.08$, $p < 0.001$), confirming the view that extraction from nonfactive *čto*-clauses (with the z-score rating of -0.40) is mildly unacceptable. Note that this rating is similar to the result for the fillers that involved extraction from *čto*-clauses with prototypical nonfactive predicates *dumat* ‘think’ and *predpolagat* ‘suppose’ (-0.45) but is higher than that of selectional violations (-0.65).

Moving on to factive *čto*-clauses, the effect of extraction (with the mean rating of -0.82) is visually stronger compared to nonfactive

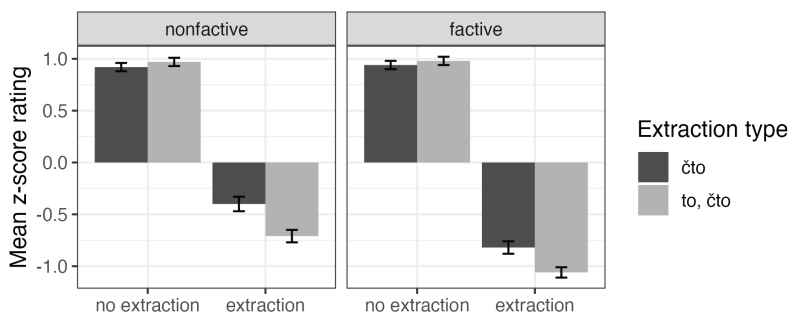

Figure 1. Mean raw and z-score rating by condition (Experiment 1)

čto-clauses and is lower than selectional violations and is only slightly higher than complex NP violations (-0.92), suggesting that argument extraction from (emotive) factive clauses is generally unacceptable. This is confirmed by a significant interaction between factivity and extraction ($\beta = -0.43$, $SE = 0.10$, $p < 0.001$). Pairwise comparison of extraction from bare factive vs. nonfactive clauses showed a reliable effect of factivity ($\beta = -0.41$, $SE = 0.15$, $p = 0.015$), suggesting that the above interaction was driven by the difference in the extraction (rather than base-line) conditions.

Turning to nominalized clauses, extraction from nominalized nonfactive clauses (with the mean rating of -0.71) was rated lower compared to bare clauses, in line with their status as unacceptable in the literature. This was confirmed by a significant interaction between nominalization and extraction ($\beta = -0.36$, $SE = 0.10$, $p < 0.001$). Pairwise comparison of extraction from bare vs. nominalized nonfactive clauses also showed a marginal effect of nominalization ($\beta = -0.31$, $SE = 0.16$, $p = 0.09$).

Nominalization also affected extraction from factive clauses (with the mean rating of -1.06), making it less acceptable compared to bare factive clauses. This is confirmed by the lack of three-way interaction between nominalization, extraction and predicate class ($\beta = 0.08$, $SE = 0.14$, $p = 0.56$), suggesting that nominalization reduced acceptability of extraction similarly for both factive and nonfactive predicates. This was confirmed by the interaction between nominalization and extraction

in a model for factive clauses ($\beta = -0.28$, $SE = 0.09$, $p = 0.001$). Pairwise comparison of extraction from bare vs. nominalized factive clauses showed an effect of nominalization ($\beta = -0.25$, $SE = 0.08$, $p = 0.002$), suggesting that the interaction was driven by the extraction condition. In addition, pairwise comparison of extraction from nominalized nonfactive vs. factive clauses ($\beta = -0.35$, $SE = 0.11$, $p = 0.008$) showed an effect of factivity, suggesting that extraction from nominalized clauses is less acceptable with factive predicates¹². Overall, these contrasts suggest that factivity and nominalization additively combine to exacerbate extraction from complement clauses.

2.5.3. Results for the individual predicates

The results for the individual predicates, shown in *Table 3*, largely conform to the general pattern, despite some variability among predicates of the same class.

Table 3. Mean z-score rating by predicate, sentence type and complement type (Experiment 1)

predicate class	predicate	no extraction		extraction	
		<i>čto</i>	<i>to, čto</i>	<i>čto</i>	<i>to, čto</i>
nonfactive	<i>nadejat'sja</i> 'hope'	0.95	1.00	-0.10	-0.64
	<i>uveren</i> 'certain'	1.00	0.86	-0.13	-0.92
	<i>rasčityvat</i> 'count on'	0.99	1.07	-0.51	-0.58
	<i>namekat</i> 'hint'	0.76	0.96	-0.87	-0.72
factive	<i>žalet</i> 'regret'	0.97	0.95	-0.72	-0.88
	<i>rad</i> 'glad'	0.94	1.02	-0.75	-1.01
	<i>udivit'sja</i> 'be surprised'	1.11	1.05	-1.00	-1.36
	<i>gordit'sja</i> 'be glad'	0.76	0.89	-0.80	-1.00

¹² Other effects were not significant, including the effect of nominalization (in the baseline nonfactive condition), the effect of factivity (in the baseline bare condition) and the interaction between factivity and nominalization (in the baseline condition).

The only clear outlier is the nonfactive verb *namekat* ‘hint’, which received a rather low rating in the bare extraction condition (-0.87), which was lower than the corresponding rating for three of the factive predicates. In addition, it is the only predicate with which extraction from nominalized clauses was more, rather than less, acceptable compared to bare clauses. However, we may also note that in contrast to other nonfactive predicates, *namekat* ‘hint’ showed a more pronounced dispreference for *čto*-clauses in the baseline condition, which may perhaps partly explain the unexpectedly low rating of the bare extraction condition.

2.6. Discussion

The results confirm the characterization of nonfactive extraction in Russian, which received the mean rating below the midpoint of the scale, as mildly unacceptable. The results are also in line with the status of nominalized clauses as strong islands since their mean rating in the two extraction conditions was consistently below the corresponding bare clauses and was in absolute terms close to or below selectional violations (see Question 4 in (5d)).

Turning to the contrast between extraction from factive and nonfactive clauses, which was the main point of Experiment 1 (see Question 1 in (5a)), the results showed that factive clauses were less transparent for argument extraction compared to nonfactive clauses. This is line with the reported (mild) effect of argument extraction from factive clauses in languages like English [Ambridge, Goldberg 2008; Haegeman, Ürögdi 2010; Kastner 2015] and thus provides support for the special status of extraction from factive complements. One difference is that in Russian argument extraction from factive clauses is **in absolute terms** strongly degraded, with the acceptability level at the low end of the scale, which is unsurprising given that extraction from nonfactive clauses was rated almost 0.40 pts below the midpoint (which is considerable since the majority of z-score ratings were located in the interval $[-1; 1]$). Importantly, however, **in relative terms** extraction from bare factive clauses still did not reach the lowest level of unacceptability and was more acceptable compared to extraction from the corresponding nominalized clauses.

Perhaps, the most unexpected result is that the contrast in extraction from factive and nonfactive complements was also observed for nominalized clauses. That is, while extraction from nominalized nonfactive clauses was in absolute terms strongly degraded, just like extraction from bare factive clauses, it was still significantly more acceptable compared to extraction from nominalized factive clauses. Incidentally, this implies that participants were able to systematically distinguish at least two levels of acceptability at the low end of the scale, defying the categorical (binary) notion of a strong island (cf. Question 4 in (5d)).

To summarize, the fact that argument extraction from factive, compared to nonfactive, clauses was reliably degraded despite a relatively low rating of the latter, provides supporting evidence for the existence of a factive island in Russian¹³. Yet, to probe into the nature of this island, specifically to test whether it observes characteristic properties of weak islands (as factive islands are generally understood), we need adjunct extraction data. This is the purpose of Experiment 2.

3. Experiment 2: Adjunct extraction

3.1. The goal of the experiment

The goal of the experiment was twofold. First, it tested whether factive and nonfactive clauses differ with respect to adjunct extraction, which provides the clearest case for the islandhood of factive clauses, according to the literature (e.g., [Hegarty 1992; Haegeman 2012]).

---

¹³ Interestingly, while [Knyazev 2023] also found a significant effect of nominalization for both predicate classes, the difference between argument extraction from bare nonfactive vs. factive clauses did not reach significance in that study, despite the numerical trend, and also the fact that three out of four factive predicates showed a clear contrast from nonfactive predicates with respect to extraction from bare clauses. Note, however, that [Knyazev 2023] had only one sentence set per predicate, as opposed to two in the present study. Therefore, it is possible that the null result in that study reflects lack of power to detect the true effect.

As in Experiment 1, both bare and nominalized clauses were compared. This addresses Question 1 in (5a) and Question 4 in (5d).

The second goal was to compare argument extraction and adjunct extraction. As was discussed in *Section 2.1*, this was done mainly indirectly, by comparing extraction from bare and nominalized clauses. If factive clauses are weak islands, adjunct extraction from them should lead to a more severe violation compared to argument extraction. In relative terms, this may result in the disappearance of the contrast between extraction from bare and nominalized clauses (observed in Experiment 1) due to the additional cost of adjunct extraction for weak islands. There is a similar prediction for nonfactive clauses provided they too are weak islands in Russian. This addresses Questions 2–3 in (5b)–(5c).

3.2. Design and materials

The design of the experiment was similar to Experiment 1 except that the extraction conditions involved extraction of the PP adjunct of the embedded verb, as shown in (13c)–(13d) for nonfactive predicates and in (14c)–(14d) for factive predicates (cf. baseline/no extraction conditions in (13a)–(13b) and (14a)–(14b), respectively).

- (13) a. *Ona nadeetsja, čto ee muž budet lečit' zuby v ètoj klinike.*
 'She hopes that her husband will be treating his teeth in this clinic.'
 [NON-FACTIVE | NO EXTRACTION | BARE]
- b. *Ona nadeetsja na to, čto ee muž budet lečit' zuby v ètoj klinike.*
 'She hopes that her husband will be treating his teeth in this clinic.'
 [NON-FACTIVE | NO EXTRACTION | NOMINALIZED]
- c. *Klinika, [v kotoroj]_i ona nadeetsja, čto ee muž budet lečit' zuby ___j, naxoditsja v drugom rajone.*
 'The clinic in which she hopes that her husband will be treating his teeth is located in a different district.'
 [NON-FACTIVE | EXTRACTION | BARE]

- d. *Klinika*, [v *kotoroj*]_i; *ona nadeetsja na to, što ee muž budet lečit' zuby* ___i; *naxoditsja v drugom rajone*.
 'The clinic in which she hopes that her husband will be treating his teeth is located in a different district.'
 [NON-FACTIVE | EXTRACTION | NOMINALIZED]
- (14) a. *Mat' žaleet, što v blanke dlja otvetov rebenok pereputal polja*.
 'The mother regrets that her child has mixed up the answer fields in the answer sheet.'
 [FACTIVE | NO EXTRACTION | BARE]
- b. *Mat' žaleet o tom, što v blanke dlja otvetov rebenok pereputal polja*.
 'The mother regrets that her child has mixed up the answer fields in the answer sheet.'
 [FACTIVE | NO EXTRACTION | NOMINALIZED]
- c. *Blank dlja otvetov*, [v *kotorom*]_i; *mat' žaleet, što rebenok pereputal polja* ___i; *vydavalsja v odnom èkzempljare*.
 'The answer sheet in which the mother regrets that her child has mixed up the answer fields was handed out in one copy.'
 [FACTIVE | EXTRACTION | BARE]
- d. *Blank dlja otvetov*, [v *kotorom*]_i; *mat' žaleet o tom, što rebenok pereputal polja* ___i; *vydavalsja v odnom èkzempljare*.
 'The answer sheet in which the mother regrets that her child has mixed up the answer fields was handed out in one copy.'
 [FACTIVE | EXTRACTION | NOMINALIZED]

As in Experiment 1, in half of the sentences with extraction the head of the relative clause was the matrix subject, as in (13)–(14), and in the other half a non-subject argument¹⁴. (See the full list in the Appendix.)

¹⁴ An example with a non-subject head is given is (i).

- (i) *On razbil mašinu*, [na *kotoroj*]_i; *ona byla uverena (v tom), što oni poedut* ___i; *v otpusk*.
 'He smashed up the car in which she was certain that they will go on vacation.'

When constructing the experimental sentences, a special care was taken to ensure that the matrix construal of the adjunct phrase was implausible and the embedded construal was highly preferred (at least in a zero context). For example, a matrix construal in (13c) would involve a paraphrase such as ‘she is hoping inside some clinic that her husband will treat his teeth’, which is clearly less likely than the intended construal.

The experiment used the same four factive and four nonfactive predicates as in (8). The construction of experimental materials and the composition of experimental lists followed the same procedure as Experiment 1, with the same number of experimental sentences and fillers.

The only difference was that all fillers with extraction used sentences with extraction of verbal PP adjuncts to match those in the experimental sentences, as shown in (15a) for extraction from a complex NP and in (15b)–(15c) for extraction from a *čtoby*-clause and a *čo*-clause with *dumat* ‘think’ / *predpolagat* ‘suppose’, which served as acceptable baselines for long-distance extraction.

- (15) a. **Žurnalist nazval summu*, [*na kotoruju*]_i, *napadajuščij otverg predloženie o tom, čtoby klub povysil ego zarplatu* ___i.
Intended: ‘The journalist named the amount by which the striker rejected a suggestion that the club should increase his wages’
- b. *Rjukzak*, [*s kotorym*]_i, *ona xočet, čtoby muž vstretil ee na vokzale* ___i, *dyrjavjy*.
‘The backpack with which she wants her husband to meet her at the station has a hole in it.’
- c. *Park*, [*v kotorom*]_i, *ona dumaet, čo oni budut igrat’ v nastol’nyj tennis* ___i, *sejčas zakryt*.
‘The park in which she thinks they will play table-tennis is closed now.’

3.3. Procedure, participants and analysis

The procedure and analysis was the same, as in Experiment 1. Fifty two participants submitted the results; of these the results of 44

participants were analyzed whose average rating of acceptable fillers was larger than the average of both unacceptable fillers with selectional violations and sentences with extraction from complex NPs¹⁵. The mean of the participants was 36.6 with the standard deviation of 8.2 (the gender information was not collected).

3.4. Results

3.4.1. Fillers

The results for the fillers, given below in *Table 4*, were fairly similar to Experiment 1, with participants clearly distinguishing acceptable and unacceptable fillers¹⁶.

Table 4. Mean raw and z-score rating with standard error by filler type (Experiment 2)

filler type	mean raw rating (SE)	mean z-score rating (SE)
acceptable	5.85 (0.04)	0.69 (0.04)
extraction: <i>čtoby</i> -clauses	3.76 (0.11)	-0.27 (0.08)
extraction: <i>čto</i> -clauses	4.41 (0.10)	0.05 (0.08)
unacceptable: selection	2.89 (0.07)	-0.66 (0.05)
unacceptable: complex NP	2.61 (0.12)	-0.77 (0.07)

But there were also two differences. First, sentences with extraction from a complex NP (cf. (15a)) received a slightly higher rating compared

¹⁵ Sentences with extraction from *čtoby*-clauses such as (15b) were not used to exclude participants (unlike in Experiment 1) because that would have excluded too many participants given that such sentences, for unclear reasons, received ratings below the midpoint (see next section).

¹⁶ One problematic filler with a selectional violation (see footnote 11) had the mean raw rating of 4.36 (z-score: 0.01), which was again considerably higher compared to others, ranging from 2.16 (-0.99) to 2.95 (-0.63). Excluding this filler, the mean rating of the unacceptable fillers becomes 2.60 (-0.79).

to Experiment 1, close to selectional violations (see footnote 16). Second and more importantly, sentences with extraction from *čtoby*-clauses (cf. (15b)) received a lower rating than expected, below the midpoint, and were also on average rated lower than fillers with extraction from *čto*-clauses (cf. (15c)), although this contrast was not consistent across all the items (see Appendix for the by-item mean ratings). Although the reasons for this divergence are not fully clear, I suggest that it does not invalidate the results of the experiment but instead can be attributed to item-specific effects. Consider the filler in (19), which received an unexpectedly low rating (raw: 3.22; z-score: -0.51), largely accounting for the lowering of the average rating of the relevant condition.

- (16) *Ona ne moţet najti magazin, [v kotorom]_i on prosit, čtoby ona kupila ovoŗi ___i.*
 ‘She cannot find the shop where he asks her to buy vegetables.’

It is plausible that this filler may have induced a “garden path” effect despite the fact that it was constructed in such a way as to favor the embedded interpretation. That is, participants may have originally attached the PP to the matrix verb but later backtracked to the intended interpretation (or perhaps stuck with this implausible interpretation), which would be reflected in the decreased rating. Assuming that plausibility considerations in constructing the materials were unable to fully eliminate the possibility of matrix attachment and further assuming that such possibility was modulated by some unknown property P of the items, it is possible that P has obscured the expected contrast between *čto*- and *čtoby*-clauses. The same concern of course arises for the experimental sentences. However, because there were more items per condition (i.e., 8 instead of 2), it becomes less likely that P was disproportionately present with factives or nonfactives (assuming that P is independent of factivity), suggesting that it should not have distorted the results.

3.4.2. Experimental sentences

The results for the experimental sentences are given in *Table 5* and *Figure 2*.

Table 5. Mean raw and z-score rating by predicate class, sentence type and complement type (Experiment 2)

predicate class	sentence type	complement type	mean raw rating (SE)	mean z-score rating (SE)
nonfactive	no extraction	bare	6.49 (0.05)	0.98 (0.07)
		nominalized	6.53 (0.05)	1.01 (0.05)
	extraction	bare	3.98 (0.11)	-0.17 (0.09)
		nominalized	3.92 (0.11)	-0.16 (0.08)
factive	no extraction	bare	5.95 (0.08)	0.73 (0.07)
		nominalized	6.23 (0.06)	0.87 (0.06)
	extraction	bare	2.35 (0.11)	-0.91 (0.07)
		nominalized	2.32 (0.12)	-0.93 (0.07)

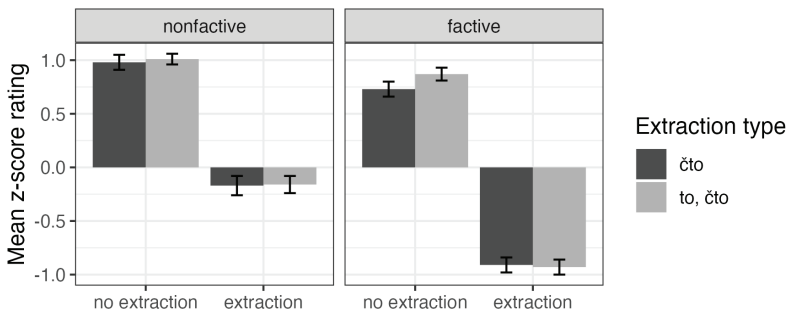

Figure 2. Mean raw and z-score rating by condition (Experiment 2)

We can immediately see that there is no contrast between extraction from bare and nominalized clauses, irrespective of factivity. At the same time, there is a strong contrast between extraction from factive and nonfactive clauses, such that the latter are close to the midpoint (-0.17 and -0.16, for bare and nominalized clauses respectively), whereas the former are clearly unacceptable (-0.91; -0.93).

This result is supported by the statistical analysis. The model showed a significant effect of extraction ($\beta = -1.14$, $SE = 0.15$, $p < 0.001$), as expected.

It also showed a significant effect of factivity such that in the baseline condition (bare) factive clauses were rated as slightly less acceptable compared to nonfactive clauses ($\beta = -0.24$, $SE = 0.09$, $p = 0.009$). The latter effect mostly likely arises due to somewhat lower ratings for certain experimental items (cf. the by-verb results in *Table 6* below) and is not particularly meaningful, especially given that it was not observed in Experiment 1¹⁷.

Crucially, there was an interaction between factivity and extraction such that extraction from (bare) factive clauses was rated lower compared to nonfactive clauses ($\beta = -0.50$, $SE = 0.21$, $p = 0.03$). Note that this interaction takes into account the difference between the baseline conditions, i.e., it shows that the contrast in extraction was driven by the extraction conditions. The interaction between nominalization and extraction ($\beta = -0.05$, $SE = 0.09$, $p = 0.70$) was not significant. And neither was the interaction between factivity, nominalization and extraction ($\beta = -0.10$, $SE = 0.19$, $p = 0.60$). The lack of the three-way interaction suggests that the interaction between factivity and extraction was observed for both bare and nominalized clauses, which was confirmed by the latter interaction in a simpler model for nominalized clauses ($\beta = -0.60$, $SE = 0.22$, $p = 0.02$). It also suggests that nominalization did not interact with extraction for factive clauses, which was confirmed by the lack of interaction in a simpler model for factive clauses ($\beta = -0.15$, $SE = 0.13$, $p = 0.27$).

3.4.3. Results for the individual predicates

The results broken down by the predicate are shown in *Table 6* (p. 387).

The by-predicate results largely conform to the general pattern. Thus, extraction from nominalized clauses does not show clear degradation

---

¹⁷ Specifically, the effect was presumably driven by items 9 (with *žalet* ‘regret’) and 14 (with *udivljat’sja* ‘be surprised’), which received ratings of 5.17 (z-score: 0.39) and 5.08 (0.46) in the baseline condition (see the Appendix). Why these particular sentences were rated relatively lower is unclear. The text suggestion that the effect is accidental is supported by the fact that once the relevant sentences are removed, the effect loses statistical significance ($\beta = -0.13$, $SE = 0.1$, $p = 0.20$). I thank the reviewer for drawing my attention to this effect.

Table 6. Mean z-score rating by predicate, sentence type and complement type (Experiment 2)

predicate class	Predicate	no extraction		extraction	
		<i>čto</i>	<i>to, čto</i>	<i>čto</i>	<i>to, čto</i>
nonfactive	<i>nadejat'sja</i> 'hope'	1.04	1.11	0.03	-0.01
	<i>uveren</i> 'certain'	0.98	1.07	-0.07	-0.22
	<i>rasčityvat</i> 'count on'	0.88	0.99	-0.27	-0.21
	<i>namekat</i> 'hint'	1.01	0.89	-0.34	-0.19
factive	<i>žalet</i> 'regret'	0.62	0.82	-0.61	-0.43
	<i>rad</i> 'glad'	0.80	0.82	-0.96	-1.02
	<i>udivljat'sja</i> 'be surprised'	0.67	0.98	-1.26	-1.19
	<i>gordit'sja</i> 'be glad'	0.88	0.84	-0.83	-1.07

relative to bare clauses, with the possible exception of *gordit'sja* 'be glad' and to a lesser extent *uveren* 'certain' (cf. Experiment 1 in *Table 4*). As for the contrast between predicate classes, extraction from bare clauses with all 4 factive predicates was clearly lower compared to nonfactive predicates.

3.5. Discussion

The experiment replicated the contrast between extraction from factive and nonfactive clauses with respect to adjunct extraction that was observed with argument extraction in Experiment 1. As in Experiment 1, the contrast was replicated for both bare and nominalized clauses. The main difference from Experiment 1 is that there was no contrast between extraction from bare and nominalized clauses, for both predicate classes. In view of the logic of the experimental test (see *Section 3.1*), this may give the impression of supporting the notion that adjunct extraction is less acceptable than argument extraction, which would result in the leveling of the difference between bare and nominalized clauses with respect to extraction. However, this interpretation is not supported by the data.

Adjunct extraction from nonfactive clauses was rated slightly below the midpoint of the scale (bare/nominalized: $-0.17 / -0.16$), suggesting that such extraction is at best only mildly degraded, which would be unexpected if adjunct extraction were qualitatively worse compared to argument extraction. In fact, if we compare this with the results of Experiment 1 adjunct extraction was rated **higher** than argument extraction ($-0.40 / -0.71$). This suggests that the levelling of the contrast between adjunct extraction from bare and nominalized clauses was due to **amelioration** for adjunct extraction from nominalized clauses rather than a disadvantage of adjunct extraction from bare clauses (I develop this idea below). Note that the higher rating for adjunct compared to argument extraction (with nonfactive) cannot be simply dismissed as the result of an unintended parse whereby the adjunct is attached to the matrix clause as that would leave unexplained why adjunct extraction from factive clauses was strongly degraded (under the natural view that the possibility of a matrix parse should not depend on factivity)¹⁸.

As for factive clauses, although the results in principle do not exclude the possibility that adjunct extraction is worse compared to argument extraction the difference for the bare conditions was rather weak (-0.91 vs. -0.82) and may well be driven by the slight dispreference for bare factive clauses in the baseline condition (see *Figure 2*), whereas in the nominalized conditions adjunct extraction was, again, rated higher, rather than lower, compared to argument extraction (-0.93 vs. -1.06).

The reviewer raises an important question whether it is appropriate to compare the results of the two experiments given that they had different sets of participants, as well as nonidentical, albeit structurally and lexically similar, fillers (except for 6 fillers with selectional violations and 2 practice

---

¹⁸ This is not to say that the possibility of matrix attachment does not play a role. Instead, I conjecture that comprehenders always or nearly always entertain such a parse initially but later backtrack from it in favor of the embedded attachment, provided the complement allows it (to some extent). (See also the discussion at the end of *Section 3.4.1*). These issues no doubt require further study.

items)¹⁹. I believe this is not a serious concern and the comparison is justified. First, the participants were drawn from the same population of speakers using the same criteria (workers of Toloka based in Russia, etc.), with a rather small interval between the two experiments (2.5 months). Second, the overall procedure of the two experiments (including presentation of the items, instructions, etc.) was the same. Third, and most importantly, we see a very high correlation between the ratings of the fillers across the two experiments ($r(18) = 0.92$, $p < 0.001$), which is not surprising given the overall similarity between the fillers across the two experiments (see *Section 3.2*). This suggests that the fillers were perceived in roughly the same way across the experiments and thus should not have influenced the results (e.g., by causing participants to systematically shift their ratings of the experimental items towards the upper or lower end of the scale).

To make the comparison between argument and adjunct extraction more obvious, I present the results of the two experiments side by side, as in *Figure 3* (p. 390). As we can see, there is no clear disadvantage for adjunct extraction in any of the four conditions. Instead, we see a surprising advantage with nominalized nonfactive clauses and, to a lesser extent, with bare nonfactive condition, whereas factive clauses do not show a clear advantage for either type of extraction.

To further examine the difference between the two experiments, I analyzed the pooled data, separately for each predicate class. The pooled model involved an additional factor (experiment/extraction type, with argument extraction as baseline), besides complement type (bare vs. nominalized) and sentence type (no extraction vs. extraction).

The model for nonfactive clauses showed an effect of (argument) extraction ($\beta = -1.33$, $SE = 0.09$, $p < 0.001$) and also an interaction between nominalization and (argument) extraction ($\beta = -0.36$, $SE = 0.12$, $p = 0.002$), which simply replicates what we observed in the analysis of Experiment 1²⁰. What is more important is that there was a marginally

---

¹⁹ Specifically, the nonidentical fillers had the same combination of the matrix predicate and complement type, as well as partially overlapping lexical content (see *Section 3.2*).

²⁰ This model had item, subject, by-item slopes for experiment type and complement type, as well as by-subject slope for sentence type as random effects.

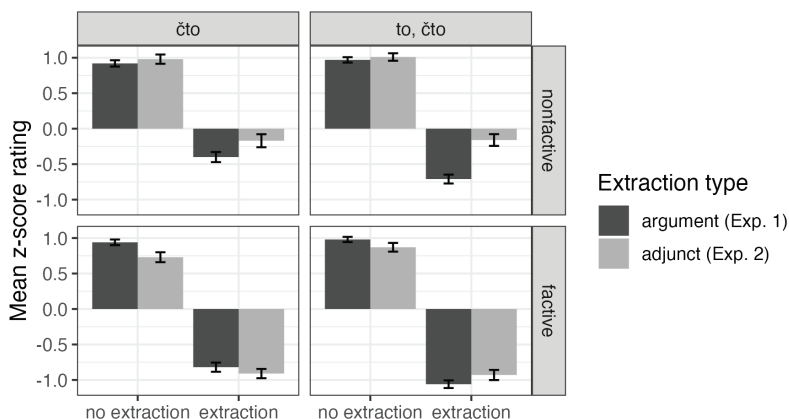

Figure 3. The condition means (and standard errors) from Experiments 1 and 2 together

significant interaction between experiment type, nominalization and extraction ($\beta = 0.31$, $SE = 0.17$, $p = 0.07$), suggesting that the effect of nominalization (observed in the argument extraction condition) was largely cancelled in the adjunct extraction condition, presumably due to the amelioration effect mentioned above (note the positive coefficient for the interaction term)²¹. This interaction is visually reflected in the fact that while the downward-looking dark bar on the left is lower than the one on the right in the upper panels of *Figure 3*, the contrast is not observed for the corresponding light bars. Interestingly, the same model did not show an interaction between experiment type and extraction ($\beta = 0.19$, $SE = 0.14$, $p = 0.17$), suggesting that while adjunct extraction from bare clauses was numerically more acceptable compared to argument extraction (cf. the dark downward-looking bar being slightly lower than the corresponding

²¹ A simpler model for extraction (from nonfactive clauses) showed a similar effect of nominalization ($\beta = -0.31$, $SE = 0.12$, $p = 0.02$) and a marginally significant interaction between adjunct extraction and nominalization ($\beta = 0.30$, $SE = 0.17$, $p = 0.09$). The effect of adjunct extraction (from bare clauses) was not significant ($\beta = 0.24$, $SE = 0.20$, $p = 0.24$).

light one in the left upper panel of *Figure 3*), this difference was not statistically significant²².

The model for factive clauses showed an effect of (argument) extraction ($\beta = -1.76$, $SE = 0.08$, $p < 0.001$) and an interaction between nominalization and (argument) extraction ($\beta = -0.27$, $SE = 0.11$, $p = 0.01$), which replicates the analysis of Experiment 1²³. There was also a marginally significant effect of experiment type ($\beta = -0.20$, $SE = 0.11$, $p = 0.06$) such that baseline sentences with bare clauses in the adjunct extraction experiment were rated lower compared to the argument extraction experiment. The effect is difficult to interpret and may be an artefact or reflect specific features of the experimental items (see *Section 3.2*). More importantly, just like with nonfactive clauses, there was no interaction between experiment type and extraction ($\beta = 0.11$, $SE = 0.12$, $p = 0.36$), suggesting that adjunct extraction (from bare clauses) was rated similarly to argument extraction, in fact, there was a numerical trend in the opposite direction, as shown by the positive coefficient. (This trend arises because of the larger contrast in the baseline condition since in the extraction conditions adjuncts show slightly lower acceptability, as can be seen from left lower panel of *Figure 3*.) The interaction between experiment type, nominalization and extraction was not significant ($\beta = -0.14$, $SE = 0.16$, $p = 0.38$). This might look as if nominalization interacted with extraction similarly for both adjunct and argument extraction. However, as we know from the analysis of Experiment 2 (see *Section 3.4.2*), nominalization did not modulate adjunct extraction, which indicates that the combined model simply failed to find a true difference.

How can we interpret the results of Experiment 2 in light of the results of the pooled analysis? The most important conclusion is that there was no evidence of adjunct extraction leading to a more severe violation. If anything, there was an opposite trend for adjunct extraction to be more acceptable compared to argument extraction. Interestingly, a similar advantage for adjunct over argument extraction was observed by [Demina 2021]

---

²² Other effects and interactions were not significant.

²³ The model had item, subject, by-item slope for complement type as well as by-subject slope for sentence type as random effects.

in experiments testing extraction from *wh*-questions, which are also usually considered weak islands²⁴.

The trend towards advantage for adjunct extraction was most pronounced with nominalized nonfactive clauses, as we saw in the (marginally significant) positive coefficient of the three-way interaction in the model above, which had the effect of cancelling the aggravating effect of nominalization with adjuncts. It is further reflected in a significant interaction between experiment type and extraction in a separate model for nominalized nonfactive clauses ($\beta = 0.50$, $SE = 0.11$, $p < 0.001$). We can see this clearly in the large contrast between the dark and the light downward-looking bars in the upper left panel of *Figure 3*. The same numerical trend is observed in the other three conditions (cf. the positive, though not significant, coefficient of the interaction between experiment type and extraction in the models for nonfactive and factive clauses above; and a similar, and even larger, trend in a separate model for nominalized factive clauses: $\beta = 0.25$, $SE = 0.18$, $p = 0.19$). Although this trend did not reach significance in these three conditions, in view of its significance for nominalized nonfactive clauses, as well as its consistency across all the conditions, I interpret it as non-accidental and tentatively attribute the non-significant results to independent factors, as will be explained below.

What is the nature of this trend towards higher acceptability of adjunct, compared to argument, extraction, and why was it more pronounced with nominalized nonfactive clauses? I would like to suggest the following processing explanation (see also [Demina 2021] for a sketch of a syntactic explanation). It is well-known (e.g. [Cinque 1990; Rizzi 1990]) that extraction is more acceptable for complex *wh*-phrases (sometimes called D-linked) such as *which student* as opposed to bare *wh*-phrases such as *who*. This effect is often thought of as ameliorating specifically weak island violations (e.g., by way of adding some discourse-related feature

---

²⁴ Interestingly, [Demina 2021] did not observe the adjunct over argument advantage with extraction from (bare nonfactive) *čto*-clauses. Note, however, that it is difficult to directly compare the present results with those of Demina as she tested *wh*-interrogative, as opposed to relative clause dependencies, and also used only prototypical nonfactive predicates *sčitat* ‘believe’ and *dumat* ‘think’ in the respective condition.

to the filler and thereby avoiding intervention for Relativized Minimality; see below). However, there is also experimental evidence that it facilitates processing of filler-gap dependencies in general, including extraction from non-islands [Hofmeister, Sag 2010; Goodall 2015], the idea being that by virtue of having richer content more complex fillers lead to more activation in memory and are thereby easier to retrieve at the gap position.

What I wish to suggest is that PPs with locative, temporal, comitative and other adverbial meanings that were used in Experiment 2, e.g., *na kotoroj* ‘on which (FEM.SG)’, also have richer semantic content (for the purposes of maintaining the filler-gap dependency) compared to accusative-marked relative pronouns such as *kotoruju* ‘which_{ACC} (FEM.SG)’ used in Experiment 1. As a consequence, they should be easier to process, which would account for the facilitation effect for adjunct extraction.

The fact that this facilitation effect was stronger in the presence of nominalization also makes sense from processing considerations. It has been noted in the literature that referential processing (i.e., processing of referents that are specific) inside filler-gap dependencies may create additional difficulty for comprehenders, the reason being that identification of such referents in working memory (e.g., *the girl*) may diminish the activation of the filler [Kluender 1992; Hofmeister, Sag 2010]. This idea has been used to explain, e.g., why definiteness reduces acceptability of extraction from picture-NPs, as in (17a), cf. (17b), and also from complex NPs, as in (18a), cf. (18b).

- (17) a. *Who_i did you see [pictures of ___i]? >*
 b. *Who_i did you see [**the pictures** of ___i]? >*

- (18) a. *This is the paper_i that we really need to find [someone [who understands ___i]]. >*
 b. *This is the paper_i that we really need to find [**the linguist** [who understands ___i]].*

[Kluender 1992: 238]

Given that processing of filler-gap dependencies across referential expressions has an extra cost (above and beyond the cost of referential processing as such), in statistical terms leading to the interaction between

the presence of such expressions and extraction, this implies that weakening of one of the factors (i.e., the cost of maintaining/retrieving the filler) by amount x should result in an overall effect greater than x [Goodall 2015: 3]. This, the facilitating effect of semantic complexity will be stronger in the presence of an intervening referential structure.

Now, assuming that Russian *to*, *čto*-clauses are, at least in some of their uses, (familiar) definite expressions referring to a proposition given in the discourse we expect that they should also cause additional processing difficulty and thus, given the logic above, will lead to a larger amelioration effect from nominalized clauses compared to bare clauses. (Note that this is independent of whether *to*, *čto*-clauses are associated with a separate island constraint, although it would be in the spirit of this account not to posit such a constraint; see *Section 4*.)

To account for why the amelioration effect was weaker with factive clauses, we may assume that amelioration is diminished when the difficulty of constructing the dependency becomes too high [Phillips 2013: 71–72]. As we saw, argument extraction from factive clauses is considerably degraded and while in absolute terms extraction from bare factive clauses does not differ from argument extraction from nominalized nonfactive clauses, the latter sentences may have an extra benefit provided by the fact that they are synonymous with sentences with extraction from bare nonfactive clauses, which is only mildly degraded. To the extent that this should render extraction from nominalized nonfactive clauses more comprehensible and thereby facilitate processing (see, e.g., [Beltrama, Xiang 2016]), we should expect nonfactive clauses to show a stronger amelioration effect compared to factive clauses.

To summarize, the adjunct effect was strongest for nominalized nonfactive clauses where it was able to cancel the effect of nominalization and led to a visible advantage of adjunct over argument extraction. In the two bare conditions, especially with factive clauses, adjunct advantage was not sufficiently strong to lead to a significant effect. In the nominalized factive condition the effect was also not strong enough to lead to a significant adjunct advantage. However, importantly, it may have been sufficient to eliminate the effect of nominalization. Indeed, on the basis of argument extraction we can estimate the effect of nominalization

for factive clauses as -0.25 , whereas the observed nominalization effect for adjunct extraction was -0.15 (see *Section 3.4.2*). Now, given that adjunct advantage for nominalized factive clauses was $+0.25$ and so the acceptability of extraction from nominalized factive clauses was increased by that amount, by reasoning counterfactually, we can conclude that if adjunct advantage had not been present, then the acceptability of the latter condition would be decreased by -0.25 , rendering the effect of nominalization -0.40 ($= -0.15 + (-0.25)$), which should have been sufficient for a significant interaction between nominalization and extraction.

To conclude this section, the experiments showed that factive clauses are less transparent for extraction compared to nonfactive clauses, replicating the results of Experiment 1. At the same time, there was no evidence of adjunct extraction being less acceptable compared to argument extraction, which is characteristic of weak islands. Instead, the results of the pooled analysis showed a numerical (and in the case of nominalized nonfactive clauses significant) advantage for adjunct over argument extraction, partially replicating previous findings [Demina 2021]. It was hypothesized that this advantage may have completely eliminated the aggravating effect of nominalization (which was observed with argument extraction) in the case of adjunct extraction, accounting for an otherwise puzzling difference between the two experiments.

4. General discussion and conclusion

The main question this study addressed was whether factive clauses behave as islands in Russian, as distinct from nonfactive clauses. It also tested the dominant view that factive islands are weak islands in the sense of disallowing some types of extractions but allowing others (or perhaps disallowing them to a lesser extent), with reference to the argument/adjunct distinction. The latter question was also investigated with respect to nonfactive *čto*-clauses, which are sometimes described as weak islands in Russian [Bailyn 2020]. Finally, it tested whether nominalized clauses in Russian are indeed strong islands, as standardly assumed, and whether

the strength of the violation incurred by them depends on factivity and on the extracted element being an adjunct (in case factive or nonfactive bare clauses are independently weak islands).

The main positive result of the experiments is a systematic effect of factivity such that factive clauses on average lead to less acceptable extractions. The effect was found with both bare and nominalized clauses, as well as with both argument and adjunct extractions. In this sense, the study supports the existence of the factive island in Russian. It is important to emphasize, however, that this effect of factivity is rather a strong tendency as we saw some variation among predicates²⁵.

The second positive result is that there was an effect of nominalization reducing the acceptability of extraction, both with nonfactive and factive clauses alike. We saw it directly with argument extraction in Experiment 1. I also hypothesized that nominalization similarly affects adjunct extraction despite the fact we cannot directly observe this. To reiterate, the argument was as follows: if there had been no advantage for adjunct, compared to argument, extraction with nominalized clauses (especially with nonfactive clauses), we would have observed the effect of nominalization with adjunct extraction, just like in the case of argument extraction.

I will not attempt here to provide an explanation for the aggravating effect of clausal nominalization on extraction in Russian. It may be due to definite DPs being islands in general, whether strong or weak [Pereltsvaig 2007; Lyutikova 2010; Kastner 2005]. Alternatively, it could be due to some general principle such as Anti-Locality banning extraction specifically from DP-CP structures [Bondarenko 2022]. It could also be a processing effect [Kluender 1992; Hofmeister, Sag 2010], as was alluded to above.

The two positive results above are best captured, in a rather descriptive fashion, by two gradient (soft) constraints (a.o., [Sorace, Keller 2005]) interacting cumulatively, given in (19)²⁶.

---

²⁵ For more on some problematic aspects of factive predicates as a uniform class with respect to presuppositionality-related diagnostics see [Degen, Tonhauser 2022].

²⁶ There are also “hard” constraints such as violations of subject-verb agreement and perhaps selectional violations, each of which is supposed to be sufficient to lead to full unacceptability [Sorace, Keller 2005].

- (19) a. *FACT-EXTR: Extraction from factive clauses is disallowed.
b. *NOM-EXTR: Extraction from nominalized clauses is disallowed.

This implies that each constraint reduces the acceptability of the sentence by some measure (depending on the strength of the constraint) and also that the cost of violations additively combines to yield the observed acceptability. As a consequence of this view, the simplistic characterization of nominalized clauses as “strong” islands in the sense of categorically blocking extraction should be rejected in favor of a more nuanced view where extraction from nominalized clauses can be modulated by factivity (and potentially other factors).

The most important negative result is that there was no evidence for argument/adjunct asymmetry, which is a traditional diagnostic for weak islandhood, neither for factive nor nonfactive clauses. Instead, there was an advantage for adjunct extraction, especially with nominalized nonfactive clauses, which, as I have argued, is a processing facilitation effect. Because this effect played an important role, I formulate it separately in (20).

(20) **Adjunct extraction advantage**

PP adjunct fillers are easier to process compared to (accusative) argument fillers due to their richer semantic content.

The question arises: in view of the lack of argument/adjunct asymmetry, can the weak island analysis of factive clauses be upheld for Russian and what theories of weak islands are compatible with it? I will not provide a comprehensive discussion of theories of weak islands in this paper. Instead, I will limit myself to a brief overview of one prominent syntactic approach (and especially relevant as it is used by [Bailyn 2020] in his discussion of *čto*-clauses), namely featural Relativized Minimality, and make only passing remarks about formal semantic approaches, as well as “functionalist” approaches (discourse- and frequency-based).

Under featural Relativized Minimality (fRM) [Rizzi 2004; Villata et al. 2016], the paradigm case of a weak island is a *wh*-island created by an indirect question, as schematically represented in (21).

- (21) $C_{[+Q(wh)]}$ [$YP_{[+Q(wh)]}$ [$\dots XP_{[+Q(wh)]} \dots$]] [Bailyn 2020: 651]
- (feature block)
 $\times$

The crucial property of wh-islands (YP) is that they carry the [+wh] feature. The island violation arises as an intervention effect due to the fact that the [+wh] feature on the wh-island disrupts the wh-dependency between the C-head attracting the wh-phrase from its gap position to [Spec,CP]. More precisely, the intervention is caused by the fact that the relevant [+wh] feature belongs to the class of quantificational features [+Q]. (This explains why non-wh elements like focus, measure phrases, etc., which may be viewed as quantificational also cause intervention effects; see [Rizzi 2004, Abels 2012] for details.)

This general idea was extended to factive islands in English in [Haegeman, Ürögdi 2010], who argue that factive clauses also carry quantificational features by virtue of having the null event operator in the embedded [Spec,CP], as shown in (22), the idea being that such clauses involve relativization of the event variable corresponding to the operator (Op) and located in some functional projection (FP) above the TP.

- (22) [$_{CP}$ Op_i C . . . [$_{FP}$ t_i [$_{TP}$ . . .]]] [Haegeman, Ürögdi 2010:115]

This explains why factive clauses normally disallow wh-interrogative extraction, as we saw in (1b). To explain “exceptional” extraction with argumental wh-phrases (1c) and especially with complex argumental wh-phrases as in (23), Haegeman and Ürögdi capitalize on the idea that argumental phrases carry an additional discourse-related feature (δ) (or at least are more easily construed as carrying this feature), which renders intervention partial, as represented in (24) (see [Cinque 1990; Rizzi 1990] for the role of referentiality/D(iscourse)-linking in facilitating extraction from weak islands)²⁷.

²⁷ In other accounts, e.g., [Villata et al. 2016], the special status of complex wh-phrases such as *which student* has to do with an additional [+N] feature (due to the presence of a nominal restriction).

- (27) [*the book*]_i *which the journalist doesn't remember who wrote* ____i
[Bailyn 2020: 657]
- (28) ... *no te devuški, kotoryx ja ljublju, vse pogolovno v takoj kolossal'noj bede, [iz kotorj]_i, ja ne znaju, kto mozet ix vytaščit'* ____i.
'... but the girls I love are all in such colossal trouble that I don't know who can get them out of it'
[Ljutikova 2019: 25]

Both Haegeman and Ürögdi's and Bailyn's approaches predict no argument/adjunct asymmetry for relative extraction, as was indeed observed in the experiments. At the same time, Haegeman and Ürögdi's approach may fit the results of the experiments better. This is because Bailyn's approach does not predict any additional degradation for relative (or interrogative) extraction from factive compared to nonfactive clauses, which was in fact observed, whereas Haegeman and Ürögdi **does** potentially predict this difference for relative extraction, if combined with the view that **partial** intervention (caused by the match between the extracted element and the potential intervener in the feature [+Q(wh)]; see (24)) translates into (partially) reduced acceptability [Villata et al. 2016]²⁹.

At the same time, Haegeman and Ürögdi do not predict any degradation for extraction from nonfactive clauses in Russian as compared to English (unlike Bailyn, who predicts it at least for wh-interrogative extraction). However, whether fRM-based accounts of the factive island succeed ultimately depends on the existence of **positive** evidence from argument/adjunct asymmetry (i.e., argument over adjunct advantage), as supposedly found in wh-interrogative extraction (but see [Demina 2021],

²⁹ It is not clear to me whether the system in [Bailyn 2020] is compatible with partial intervention (in the sense above) for relative extraction with other potential weak islands, e.g., wh-islands, given his feature geometry (see [Abels 2012; Ljutikova 2019] for further discussion). Note also that, unlike [Villata et al. 2016], neither of the fRM-based accounts cited above, including [Haegeman, Ürögdi 2010], make a theoretical distinction between cases where the features of the extracted element *properly include* the features of the potential intervener (i.e., cases of partial intervention for [Villata et al. 2016]) and cases where the relevant features are *disjoint* and no intervention is caused.

which did not find such evidence). Because the present experiments did not test *wh*-interrogative extraction, the results are at best compatible with such accounts but do not provide supporting evidence for them.

I cannot discuss semantic approaches to weak islands here (e.g., [Abrusán 2014]; see also [Szabolcsi, Lohndal 2017] for an overview), the main problem with such approaches is that they are usually designed to capture the ban on extraction for very specific types of adjuncts such as manner *wh*-words like *how* or degree expressions like *how many*, building on their special semantic properties, more precisely, the logical structure of the corresponding domains in which they denote (i.e., the domain of manners, degrees, etc.), as opposed to more usual individual-denoting *wh*-phrases such as *what* or *who*³⁰. Thus, it is not immediately clear how such approaches can account for the degradation of extraction with the latter kind of phrases, which we observed in the experimental results³¹. More recent semantic approaches to factive islands such as [Schwarz, Simonenko 2018] may be more promising as they link the semantic anomaly arising with extraction from factive islands to the uniqueness/non-iterability of the extracted element, regardless of whether it denotes in the domain of individuals or some other domain. While discussion of this and related approaches is beyond the scope of this paper, it must be pointed out that they are focused on *wh*-interrogative extraction and therefore it remains to be seen whether they carry over to relative extraction.

In recent years, there have also been a number of discourse-based [Ambridge, Goldberg 2008] (see also [Goldberg 2013]) and frequency-based

---

³⁰ For example, according to [Abrusán 2014: 41–43], extraction of *how* from factive clauses like *Mary regrets that John fixed the car* is semantically anomalous because factive clauses presuppose that for every manner the attitude holder believes that the embedded proposition holds of that manner. Crucially, since the domain of manners always includes contraries (e.g., ‘fast’ and ‘slowly’), such extraction presupposes a contradictory set of beliefs. The problem does not arise with extraction of *what* (or *who*) because one can presuppose that Mary believes of every individual *x* in the given domain that John fixed *x*.

³¹ Incidentally, a similar criticism also applies to syntactic approaches, as noted by the reviewer.

[Liu et al. 2022] approaches to factive islands that set themselves in opposition to syntactic approaches. They are especially relevant in the present context as they use experimental evidence to support their claims. Discourse-based approaches explain the degradation of extraction from factive clauses by a special discourse function of factive verbs (i.e., backgrounding), which clashes with the discourse function of the *wh*-construction as a whole. Usage- or frequency-based approaches explain factive islands by the additive effect of (i) the tendency of factive predicates and their associated clauses to have lower (baseline) frequency and hence naturalness (in comparison to nonfactive clauses) and (ii) the lower frequency of the *wh*-construction. An important feature of both types of approaches is that they take lexical variation among predicates seriously, trying to predict the degree of acceptability of extraction with each individual predicate based on its degree of backgrounding or frequency.

While this is not a place to discuss these approaches, the fact that the experimental results showed a rather consistent effect of factivity seems to fit better with discourse-based approaches because they stress the inherent connection between factivity and backgrounding, as opposed to a mere accidental correlation between factivity and lower frequency, as in frequency-based approaches; see also [Richter, Chaves 2020] for a criticism of frequency-based approaches). At the same time, a potential problem with approaches such as [Goldberg 2013] is that they are built around the idea that backgroundedness clashes with the focus function of the “extracted” *wh*-word in questions. However, it is not clear whether the “extracted” relative pronoun in relative clauses has the same function. In fact, some discourse-based approaches [Abeillé et al. 2020] have proposed that relative pronouns have a **different** function, thus predicting no degradation for relative extraction, at least for the subject island. Note also that the above approaches mainly discuss argument extraction, so it is not clear what their predictions would be for adjunct extraction.

To conclude the paper, I have presented experimental evidence that factivity plays a role in extraction from complement clauses in Russian. Contra established views, I have shown that this effect is not limited to adjunct extraction and is just as reliable, if not more so, with argument extraction, at least for relative clause dependencies. The study

also confirmed the island status of nominalized clauses. However, unlike in other approaches, it was shown that nominalization is not an absolute barrier for extraction but instead should be viewed as a gradient constraint which may additively combine with factivity, thus supporting a theory of grammar with gradient grammaticality and cumulative constraint violation [Keller, Sorace 2005; Haegeman et al. 2014; Villata et al. 2016]³².

The main limitation of the present study is arguably that it looked at relative (as opposed to *wh*-interrogative) extractions, which are known to be less sensitive to weak/selective islands (see, e.g., [Abels 2012]), although testing the selectivity of extraction, i.e., argument/adjunct asymmetry, was not the only or primary aim of this study, which had an emphasis on nonfactive/factive asymmetry (see *Section 1.3*). Thus, the logical next step would be to compare extraction from factive and nonfactive clauses in questions but also other *wh*-constructions, e.g., scrambling, topicalization, etc. The other important limitation is that argument and adjunct extractions were compared **across** experiments. As suggested by the reviewer, it would be desirable to compare them **within** the same experiment, and further, by comparing not only DP arguments but also PP arguments with PP adjuncts. In future work, a wider range of predicates should also be tested with more attention to lexical variation. Finally, the adjunct advantage effect proposed to explain the results of Experiment 2 should be further investigated.

Appendix

Here is a link to the folder with the experimental materials: <https://osf.io/nxjdu/>.

---

³² The reviewer suggests that the graded islandhood of nominalized clauses may have to do with the emergence of the “new complementizer” *to čto* in colloquial varieties of Russian [Korotaev 2016], which is accompanied by the reanalysis of *to* as part of the C-layer, the assumption supported by the possible “doubling” of *to*.

References

- Abeillé et al. 2020 — A. Abeillé, B. Hemforth, E. Winckel, E. Gibson. Extraction from subject: Differences in acceptability depend on the discourse function of the construction. *Cognition*. 2020. No. 204. P. 11–22. DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104293.
- Abels 2012 — K. Abels. The Italian left periphery: A view from locality. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. No. 2. P. 229–254. DOI: 10.1162/LING_a_00084.
- Abrusán 2014 — M. Abrusán. *Weak island semantics*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Ambridge, Goldberg 2008 — B. Ambridge, A. E. Goldberg. The island status of clausal complements: Evidence in favor of an information structure explanation. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. No. 3. DOI: 10.1515/COGL.2008.014.
- Bailyn 2020 — J. Bailyn. The scrambling paradox. *Linguistic Inquiry*. 2020. Vol. 51. No. 4. P. 635–669. DOI: 10.1162/ling_a_00361.
- Barr et al. 2013 — D. J. Barr, R. Levy, C. Scheepers, H. J. Tily. Random effects structure for confirmatory hypothesis testing: Keep it maximal. *Journal of Memory and Language*. 2013. Vol. 68. No. 3. P. 255–278. DOI: 10.1016/j.jml.2012.11.001.
- Beltrama, Xiang 2016 — A. Beltrama, M. Xiang. Unacceptable but comprehensible: the facilitation effect of resumptive pronouns. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.5334/gjgl.24.
- Bondarenko 2022 — T. Bondarenko. *Anatomy of an attitude*. PhD thesis. Cambridge, MA: MIT, 2022.
- Chomsky 1986 — N. Chomsky. *Barriers*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Cinque 1990 — G. Cinque. *Types of A'-Dependencies*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Dąbrowska 2008 — E. Dąbrowska. Questions with long-distance dependencies: A usage-based perspective. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. No. 3. P. 391–425. DOI: 10.1515/COGL.2008.015.
- Degen, Tonhauser 2022 — J. Degen, J. Tonhauser. Are there factive predicates? An empirical investigation. *Language*. 2022. Vol. 98. No. 3. P. 552–591. DOI: 10.1353/lan.0.0271.
- Demina 2021 — Asimmetrii vydvizheniya argumentov i adyunktov [Argument-adjunct asymmetry in Russian wh-questions]. E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova (eds.). *Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Joint monograph. Moscow: Buki-Vedi, 2021. P. 132–169.
- Goldberg 2013 — A. E. Goldberg. Backgrounded constituents cannot be “extracted”. J. Sprouse, N. Hornstein (eds.). *Experimental syntax and island effects*.

- Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2013. P. 221–238. DOI: 10.1017/CBO9781139035309.012.
- Goodall 2015 — G. Goodall. The D-linking effect on extraction from islands and non-islands. *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 5. P. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01493.
- Haegeman et al. 2014 — L. Haegeman, Á. L. Jiménez-Fernández, A. Radford. Deconstructing the subject condition in terms of cumulative constraint violation. *The Linguistic Review*. 2014. Vol. 31. No. 1. P. 73–150. DOI: 10.1515/tlr-2013-0022.
- Haegeman, Ürögdi 2010 — L. Haegeman, B. Ürögdi. Referential CPs and DPs: An operator movement account. *Theoretical Linguistics*. 2010. Vol. 36. P. 111–152. DOI: 10.1515/thli.2010.011.
- Haegeman 2012 — L. Haegeman. *Adverbial clauses, main clause phenomena, and composition of the left periphery: The cartography of syntactic structures*. New York: Oxford University Press, 2012.
- Hegarty 1992 — M. Hegarty. *Adjunct extraction and chain configurations*. PhD thesis. Cambridge, MA: MIT, 1992.
- Hofmeister, Sag 2010 — P. Hofmeister, I. A. Sag. Cognitive constraints and island effects. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 2. P. 366–415. DOI: 10.1353/lan.0.0223.
- Huang 1982 — C.-T. J. Huang. *Logical Relations in Chinese and the Theory of Grammar*. PhD thesis. Cambridge, MA: MIT, 1982.
- Kastner 2015 — I. Kastner. Factivity mirrors interpretation: The selectional requirements of presuppositional verbs. *Lingua*. Vol. 164. P. 156–188. DOI: 10.1016/j.lingua.2015.06.004.
- Khomitsevich 2007 — O. Khomitsevich. *Dependencies across Phases: From sequence of tense to restrictions on movement*. PhD thesis. Utrecht: Utrecht University, 2007.
- Kiparsky, Kiparsky 1971 — C. Kiparsky, P. Kiparsky. Fact. M. Bierwisch, K. E. Heiderich (eds.). *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1970. P. 143–173.
- Kluender 1992 — R. Kluender. Deriving islands constraints from principles of predication. H. Goodluck, M. Rochemont (eds.). *Island constraints: Theory, acquisition and processing*. Dordrecht: Kluwer, 1992. P. 223–258. DOI: 10.1007/978-94-017-1980-3_8.
- Knyazev 2016 — M. Knyazev. *Licensing clausal complements. The case of Russian čto-clauses*. PhD thesis. Utrecht: Utrecht University, 2016.
- Knyazev 2023 — M. Yu. Knyazev. Protiv analiza russkikh presuppozitsionalnykh klauz v kosvennoobyektnoy pozitsii kak skrytykh nominalizatsiy: dannyye vynosa [Against the analysis of Russian presuppositional clauses in oblique positions as covertly nominalized: Evidence from extraction]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 27–69. DOI: 10.37632/PI.2023.36.61.002.

- Kobozeva 2013 — I. M. Kobozeva. Usloviya upotrebleniya «to» pered pridatochnym izyasnitelnyim s soyuzom «chto» [Conditions of use of to before the complement clause with conjunction *chto*]. O. Inkova (éd.). *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Bern: Peter Lang, 2013. P. 129–148.
- Korotaev 2016 — N. A. Korotaev. Soyuz *to chto* v ustnoy russkoy rechi [The conjunction to čto in spoken Russian]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 1. P. 101–106.
- Kuznetsova et al. 2017 — A. Kuznetsova, P. B. Brockhoff, R. H. B. Christensen. lmerTest Package: Tests in Linear Mixed Effects Models. *Journal of Statistical Software*. 2017. Vol. 82. No. 13. P. 1–26. DOI: 10.18637/jss.v082.i13.
- Lasnik, Saito 1984 — H. Lasnik, M. Saito. On the Nature of Proper Government. *Linguistic Inquiry*. 1984. Vol. 15. No. 2. P. 235–289.
- Liu et al. 2022 — Y. Liu, R. Ryskin, R. Futrell, E. Gibson. A verb-frame frequency account of constraints on long-distance dependencies in English. *Cognition*. 2022. No. 222. P. 1–17. DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104902.
- Ljutikova 2009 — E. A. Lyutikova. Otnositelnyye predlozheniya s soyuznym slovom *kotoryj*: obshchaya kharakteristika i svoystva peredvzheniya [Relative clauses with *kotoryj*: general characterization and movement properties]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus studies on Russian grammar]. Moscow: Probel, 2009. P. 436–511.
- Ljutikova 2010 — E. A. Lyutikova. K voprosu o kategorialnom statuse imennykh grupp v russkom yazyke [Towards the categorial status of noun phrases in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2010. No. 6. P. 36–76.
- Ljutikova 2019 — E. A. Lyutikova. Kommunikativnaya struktura v sintaksicheskoy derivatsii [Information structure in syntactic derivation]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 1. P. 7–29. DOI: 10.31857/S0373658X0003592-0.
- Ljutikova, Gerasimova 2021 — E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova (eds.). *Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Joint monograph. Moscow: Buki-Vedi, 2021.
- Morgunova 2021a — E. V. Morgunova. Ostrovnyye konstruksii v russkom yazyke [Island constructions in Russian]. E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova (eds.). *Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Joint monograph. Moscow: Buki-Vedi, 2021. P. 35–55.
- Morgunova 2021b — E. V. Morgunova. Ostrovnyye svoystva pridatochnykh izyasnitelnykh s soyuzom *chto* [Island properties of finite embedded clauses with the complementizer *chto*]. E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova (eds.). *Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Joint monograph. Moscow: Buki-Vedi, 2021. P. 79–99.

- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 59–94. DOI: 10.1111/j.1467-9582.2007.00129.x.
- Phillips 2013 — C. Phillips. On the nature of island constraints I: Language processing and reductionist accounts. J. Sprouse, N. Hornstein (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2013. P. 64–108. DOI: 10.1017/CBO9781139035309.005.
- Richter, Chaves 2020 — S. Richter, R. Chaves. Investigating the role of verb frequency in factive and manner-of-speaking islands. *Proceedings of the 42nd annual meeting of the cognitive science society*. Toronto, ON: Cognitive Science Society, 2020. P. 1771–1777.
- Rizzi 1990 — L. Rizzi. *Relativized Minimality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Rizzi 2004 — L. Rizzi. Locality and left periphery. A. Belletti (ed.). *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 223–251. DOI: 10.1093/oso/9780195171976.003.0008.
- Rizzi 2018 — L. Rizzi. Intervention effects in grammar and language acquisition. *Probus*. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 339–367. DOI: 10.1515/probus-2018-0006.
- Rygaev (to appear) — I. Rygaev. Syntactic islands and focality in Russian. *Proceedings ExLing 2023: 14th International Conference of Experimental Linguistics*. To appear.
- Schwarz, Simonenko 2018 — B. Schwarz, A. Simonenko. Factive islands and meaning-driven unacceptability. *Natural Language Semantics*. 2018. Vol. 26. P. 253–279. DOI: 10.1007/s11050-018-9146-2.
- Sorace, Keller 2005 — A. Sorace, F. Keller. Gradience in linguistic data. *Lingua*. 2005. No. 115. P. 1497–1524. DOI: 10.1016/j.lingua.2004.07.002.
- Sprouse et al. 2016 — Experimental syntax and the cross-linguistic variation of island effects in English and Italian. J. Sprouse, I. Caponigro, C. Greco, C. Cecchetto. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2016. No. 34. P. 307–344. DOI: 10.1007/s11049-015-9293-9.
- Szabolcsi, Lohndal 2017 — A. Szabolcsi, T. Lohndal. Strong vs. weak islands. M. Everaert, H. C. Riemsdijk (eds.). *The Wiley Blackwell Companion to Syntax, Second Edition*. Malden, MA: John Wiley & Sons, 2017. P. 1–51. DOI: 10.1002/9781118358733.wbsyncom008.
- Villata et al. 2016 — S. Villata, L. Rizzi, J. Franck. Intervention effects and relativized minimality: New experimental evidence from graded judgments. *Lingua*. 2016. No. 179. P. 76–96. DOI: 10.1016/j.lingua.2016.03.004.

Verb-verb compounds: Delimiting the concept and approaching the study of ordering principles

Alexey I. Vinyar

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia);
alexvinyar@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8577-9150

Abstract. This study is devoted to verb-verb compounds or monoclausal complex predicates with two or more verbal stems integrated in a single grammatical word. I critically assess earlier approaches to these constructions in terms of their relations to serial verb constructions, a broader family of monoclausal complex predicates. First, I provide a framework to analyze verb-verb compounds and a comparative concept for cross-linguistic study of these structures. Second, based on a small cross-linguistic sample of 12 languages from 6 macro-areas, I present a pilot study of Head-Modifier relations and their ordering principles in three semantic types of these constructions: Manner-of-Motion, Directional and Mental Process Constructions. The findings show that there is no single principle for deriving the component ordering of stems in verb-verb compounds: in Mental Process Verb-Verb Compound Constructions, the ordering follows the general principles of Head-Modifier ordering standard for the morphology and syntax of a given language, while the ordering in Manner-of-Motion and Directional Verb-Verb Compound Constructions the Path Verb is heavily attracted to the position in the end of compound sequence, for which I provide provisional cognitive and diachronic explanations. Different principles governing the Head-Modifier ordering in different types of verb-verb compounds suggest that these compounds do not represent a universal framework. Moreover, a comparison with the principles formulated for Head-Modifier ordering in serial verb constructions in earlier studies suggests a functional affinity of some types of verb-verb compounds and some types of serial verb constructions with less close-knit components.

Keywords: verb-verb compounds, serial verb constructions, heads and modifiers, motion verbs, compounds, incorporation.

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325). This paper follows my BA thesis on which

I was lucky to work under the supervision of Marine Vuillermet. I express my gratitude to Prof. Vuillermet, to Antoine Guillaume, and to Mikhail Alexandrovich Daniel as well to other colleagues in Laboratoire Dynamique du Langage who made my study and stay in Lyon in 2021 both beneficial and pleasant. My special thanks also go to my colleagues from the HSE University: Tatiana Kazakova, Daria Ignatenko, and Ekaterina Vladimirovna Rakhilina, as well as to the anonymous reviewers who made this publication possible.

Глагольно-глагольные компаунды: границы понятия и пилотное исследование порядка компонентов

А. И. Виняр

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); alexvinyar@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8577-9150

Аннотация. Исследование посвящено глагольно-глагольным компаундам, а именно моноклаузальным сложным предикатам, в которых две или более основ глагола объединены в пределах морфосинтаксического слова. В статье приводится обзор предыдущих подходов к схожим конструкциям, а также рассматривается отношение между глагольно-глагольными компаундами с сериальными глагольными конструкциями. На основании предложенного сравнительного понятия я провёл пилотное типологическое исследование принципов, влияющих на порядок компонентов в глагольно-глагольных компаундах. На материале небольшой типологической выборки (12 языков из 6 макроареалов) удалось показать, что порядок компонентов в конструкциях с глаголами перемещения не зависит от линеаризации вершин и зависимых в морфологии и синтаксисе языка, в то время как порядок компонентов в компаундах с глаголами ментальной активности гармонирует с порядком вершины и зависимого в других конструкциях. В конструкциях с глаголами перемещения порядок компонентов в свою очередь определяется тенденцией глагола перемещения занимать последнюю позицию. Принципы, влияющие на порядок компонентов в рассмотренных типах компаундов, схожи с принципами, влияющими на порядок глаголов в менее тесно связанных сериальных глагольных конструкциях.

Ключевые слова: глагольно-глагольные компаунды, сериальные глагольные конструкции, вершины и зависимые, глаголы перемещения, инкорпорация.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-325). Эта статья излагает некоторые из результатов моего бакалаврского диплома, который мне посчастливилось писать под руководством Марины Вуйэрмэ во время стажировки в Laboratoire Dynamique du Langage в Лионе. Я благодарен моей научной руководительнице, профессору Вуйэрмэ, а также Антуану Гийому и Михаилу Александровичу Даниэлю за возможность проводить эту научную работу в 2021 году. Кроме того, я хочу поблагодарить Татьяну Казакову, Дарью Игнатенко и Екатерину Владимировну Рахилину, моих коллег из НИУ ВШЭ, помогавших мне на разных этапах подготовки статьи. Наконец, я благодарен анонимным рецензентам и редакторам статьи за их терпение и внимательность.

1. Verb-verb compounds: Comparative concept and a relation to serial verb constructions

In this paper I discuss verb-verb compounds (hereafter, VVCs, see (3), (4) below), a subtype of Serial Verb Constructions (hereafter, SVCs, see (i)–(iii) below), in which two verbal stems form a close-knit unity treated as a single grammatical word. The study has two aims. In terms of methodology, it offers some principles for formulation of comparative concepts needed to study VVCs in light of other types of SVCs and complex predicates. The second aim is to study the ordering principles in the three subtypes of VVCs using the framework distinguishing VVCs on semantic basis. For this purpose, I undertake a pilot study based on a small sample of 12 languages from 6 macro-areas.

The paper is structured as follows. *Section 1* is devoted to the problem of distinguishing VVCs from other SVCs; this section also lists the comparative concepts I use and provides a general outline of the pilot study. *Section 1.2* specifically addresses the problematic question of single-wordhood of a construction and its elements' verbhood, while *Section 1.3* addresses the notion of headedness in SVCs and VVCs. *Section 1.4* presents the language sample used in this pilot study. *Section 2*

discusses the semantic types of VVCs addressed: Manner-of-Motion (*Section 2.1*), Directional (*Section 2.2*), and Mental Process (*Section 2.3*) constructions. In *Section 3*, I discuss the component order in the constructions under study and propose some principles which may lie behind their ordering patterns. I summarize my findings and suggest a further discussion in *Section 4*.

A serial verb construction, illustrated in (1), (2) below, is a construction with two verbal elements functioning as a single predicate:

EASTERN KAYAH, SINO-TIBETAN FAMILY

- (1) *ʔa de the dʻ plò kū dʻ phrè khu*
 3 put go.up at:U box in at:U shelf on
 ‘They put it (up) in a box on a shelf’ [Solnit 1997: 73].

HOAN, KXA FAMILY (AFRICA)

- (2) *lma llkœ na ka lhoam-lhoam ča*
 1SG still ITIN SUB jog come
 ‘While I still was coming jogging’ [Collins, Gruber 2014: 169].

Serial verb constructions (SVCs) have received much attention in the last forty years. Although SVCs were initially described and analyzed for certain African [Stewart 1963] and East Asian [Li, Thompson 1973] languages with little or no morphology, cross-linguistic studies of SVCs in typologically-diverse languages followed these as well; see [Foley, Olson 1985; Durie 1997; Aikhenvald, Dixon 2006]. These studies acknowledged the existence of SVCs as a family of constructions with multiple variation parameters and subtypes. Among others, the latter feature verb-verb compounds, i.e. constructions in which two verbal stems both function as a single clause and form a single verbal word, see [Foley, Olson 1985; Durie 1997]. Consider examples of verb-verb compound constructions in (3)–(4):

CHUKCHI, CHUKOTKO-KAMCHATKAN FAMILY

- (3) *tə-kəlawə-pker-yʔa-k ramaj-etə*
 1SG.S/A-run.slowly-arrive-TH-1SG.S village-DAT
 ‘I came to the village (e.g. from tundra) running slowly’ (personal fieldnotes).

SALIBA, AUSTRONESIAN FAMILY

(4) *ye-tu-dobi-ei-∅*

3SG-throw-go.down-APP-3SG.O

'He threw it down' [Margetts 1999: 126].

There exist two main definitions of serial verb constructions: an inclusive, prototype-based definition proposed in [Durie 1997: 289–292], summarized in [Aikhenvald, Dixon 2006] and presented in (i) below; and a restrictive comparative concept proposed in [Haspelmath 2016] and cited in (ii). For the comparative concept notion, see [Haspelmath 2010] among others.

- (i) “*Serial verb construction is a sequence of verbs which act together as a single predicate, without any marker of coordination, subordination or syntactic dependency of any other sort*” [Aikhenvald, Dixon 2006: 1].
- (ii) “*A serial verb construction is a monoclausal construction consisting of multiple independent verbs with no elements linking them and with no predicate-argument relation between the verbs*” [Haspelmath 2016].

Under both approaches, the wordhood of SVC¹ components is viewed as a parameter of variation between languages or between constructions within a single language. Hence, VVCs are treated as a subtype of contiguous SVCs in which two verbal components constitute a single wordform, see [Aikhenvald 2006a]. Consider examples (5), (6) from two closely-related Gunwinyguan languages: Dalabon and Bininj Gun-Wok (Kune dialect). In the Kune dialect of Bininj Gun-Wok, the combination of Manner and Motion verbs is expressed via a contiguous SVC (5), while in Dalabon a VVC is used in the same function (6), see [Evans 2003: 547].

---

¹ Haspelmath [2016] does not view the degree of phonological and morphosyntactic boundedness between the components of SVCs as an important typological parameter because of the current lack of universally applicable criterion for wordhood, see [Haspelmath 2011].

KUNE DIALECT OF BININJ KUN-WOK (GUNWINYGUAN, AUSTRALIA)

- (5) *kun-dulk nakkanj ka-warme ka-re*
 IV-stick that 3-float.NP 3-go.NP

‘A stick is floating along (down the river)’ [Evans 2003: 659].

DALABON (GUNWINYGUAN, AUSTRALIA)

- (6) *dulh djakih kah-warme-ye-bo-n*
 stick that 3-float-IVF-go-PR

‘A stick is floating along (down the river)’ [Evans 2003: 547].

The functional similarity between VVCs and multi-word SVCs, illustrated for two closely related languages in (5) and (6), was also highlighted for some other languages: e.g., for Yimas (Lower Sepik-Ramu family, Papunesia), see [Foley, Olson 1985], or for Alambalak (Sepik family, Papua area) and Igbo (Niger-Congo, Africa), see [Durie 1997]. Moreover, multi-verb SVCs were demonstrated to be a diachronic source of VVCs for some languages, see [Aikhenvald 1999] for Tariana (Arawak family, South America).

In my study, I also treat VVCs as a subtype of SVCs. However, I propose my own comparative concept for SVCs (v) and VVCs (i) which combines definitions from [Haspelmath 2016] with insights from [Aikhenvald, Dixon 2006]:

- (iii) my definition of the SVC:

A serial verb construction is a monoclausal construction consisting of multiple verbs with no marker of coordination or subordination between them.

- (iv) my definition of the VVC:

A verb-verb compound construction is a serial verb construction whose elements can be separated only by non-word-class-changing derivational elements.

In the following subsections, I provide a more detailed discussion of the features differentiating VVCs from other SVCs (*Section 1.1*) and of the types of VVC components (Heads and Modifiers, *Section 1.2*).

1.1. Serial verb constructions and verb-verb compounds: A problem of verbhood and single-wordhood

To study verbal compounds separately from other types of SVCs, I need a universally applicable criterion for wordhood. Unfortunately, the existing studies on compounding assume that there is no universal way to differentiate between compounds and phrases: the phonological, morphosyntactic and semantic criteria proposed are often language-specific and do not converge even within a single language (e.g., see [Lieber, Štekauer 2009]). Moreover, typologists currently lack a universally applicable comparative concept for the notion of word [Haspelmath 2011]. Because a cross-linguistic analysis of wordhood is beyond the aims of my research, the proposed VVC definition is rather restrictive and based on a single criterion of contiguity and separability.

Considering that my study focuses on VVCs, I can make Martin Haspelmath's definition of SVC [Haspelmath 2016] less restrictive: Haspelmath introduces "no linking element" and "no predicate-argument" relation to exclude multi-verb constructions that can be potentially analyzed either as bi-clausal or as SVCs if no additional information is provided (7). However, constructions like (7) can be excluded from SVCs by the criterion of monoclausality.

(7) *She helped me solve the problem* [Haspelmath 2016].

This restrictiveness is redundant for my purposes: members of contiguous compounds (VVCs) cannot in general be analyzed as belonging to different clauses.² Making this comparative concept more inclusive has its benefits: in some languages, members of VVCs have to be linked by a 'dummy' morpheme because of morphophonological considerations.

To specify my definition of a 'dummy' morpheme and a 'derivational' element, a given morpheme is considered here as dummy if it only occurs between the components of compounds and hence cannot be treated as a marker of coordination or subordination. According to this approach,

---

² Such an analysis, however, is by no way impossible (see the discussion of various cases in [Panova 2017 ms]). However, the majority of such spurious cases can be analyzed by direct application of Haspelmath's criterion of monoclausality [Haspelmath 2016].

I classify linking morphemes in Dalabon (see the morphemes glossed as ‘TVF’ (incorporated verb form) in (6) above) and Bininj Kun-Wok as dummy rather than as subordination/coordination markers. At the same time, I do not regard sequential multi-verb constructions in Yimas (Lower Sepik-Ramu family, Papunesia) as SVCs (and, consequently, as VVCs). According to Foley (1991: 325–326), verbal components of these constructions can be separated by the suffix *-mpi* (8) which also marks dependent verbs.

- (8) *arm-n kay i-ka-ak-mpi-wul*
 water-OBL canoe.VIII.SG VIII.SG.O-1SG.A-push-SEQ-put.down
 ‘I pushed the canoe down in the water’ [Foley 1991: 326].

By derivational elements, I understand non-inflectional bound morphemes. To identify inflectional morphemes, I follow [Bickel, Nichols 2007] and [Bickel, Zúñiga 2017]. Informally speaking, an inflectional morpheme is a morpheme whose presence is required by a stem of a particular class to be used in a particular context.

Consider two types of SVCs in Tlachichilco Tepehua (Totonak family, North America) — Level I and Level II SVCs as they are named in [Watters 1988]. The constructions differ in two ways, see [Watters 1988: 87–91]. First, in Level II SVCs, an epenthetic *-h-* is inserted between the components of a VVC if the first component ends in a vowel or /n/ consonant (9). In Level I SVCs, an epenthetic *-h-* is inserted only if the first element ends in an Antipassive suffix; compare (10) and (11). Second, in Level II SVCs, an inflectional prefix can occur between the SVC components, see (12) [Watters 1988: 91], while in Level I SVCs, an inflectional prefix can only precede both components, see (13) [Watters 1988: 90–91].

- Level II SVC, TLACHICILCO TEPEHUA
 (9) *milpa-h-wi:t*
 sing-EPHEN-sit
 ‘Sit singing’ [Watters 1988: 88].

- Level I SVC, TLACHICILCO TEPEHUA
 (10) *st'a-la: 'an-ta*
 sell-take-PF
 ‘X goes selling Y’ [Watters 1988: 88].

Level I SVC, TLACHICHLCO TEPEHUA

- (11) *'oq-nuh-min-ta*

drink-AP-come-PF

'X is coming, drinking' [Watters 1988: 95].

Level II SVC, TLACHICHLCO TEPEHUA

- (12) *miłpa:-h-lak-tawla-ni-y*

sing-EPHEN-3PL.OBJ-sit.down-DAT-IMPFV

'X sits by them (his younger siblings) singing' [Watters 1988: 91].

Level I SVC, TLACHICHLCO TEPEHUA

- (13) a. *lak-st'a:-li:.min-ta pu:laqli*

3PL.OBJ-sell-come-PF tamales

'X comes selling tamales' [Watters 1988: 90].

- b. **st'a:-lak-li:.min-ta pu:laqli*

sell-3PL.OBJ-come-PF tamales

Expected: 'X comes selling tamales' [Watters 1988: 90].

In consistence with my definition, I do not treat Level II SVCs in Tlachichilco Tepehua as VVCs, because they can be separated by an inflectional morpheme. I consider Level I SVCs as an instance of VVCs in this language, because the components of these VVCs can only be separated by means of derivational morphology; cf. (11) and (13).

Finally, a note about monoclausality is needed here. Following [Bohn-meyer et al. 2007] and [Haspelmath 2016], I regard the absence of independent negation of construction components as a criterion for monoclausality. In many cases, this criterion is concordant with my criterion of non-separability, whereby components of strictly contiguous VVCs cannot be negated independently. However, some languages can use derivation as a means of expressing negation. For example, in Kwaza (unclassified, South America), the negative morpheme *-he* can occur without any host [van der Voort 2004: 527–530] and hence can be regarded as derivational. While multi-verb constructions in Kwaza appear to instantiate a single grammatical and phonological word [van der Voort 2004: 567–568], the negation can be applied to each component of a multi-verb construction independently (14), see [van der Voort 2004: 531–532].

KWAZA, UNCLASSIFIED (SOUTH AMERICA)

(14) *ja-'he-kui-'he-tse*

eat-NEG-drink-NEG-DEC

‘He didn’t eat and didn’t drink’ [van der Voort 2004: 532].

To be defined as an SVC or VVC, a given construction should consist of verbs. For [Aikhenvald, Dixon 2006], it is sufficient that a component of a given construction can appear in the same form functioning as a predicate of an independent clause. However, as noted by [Enfield 2009], the verbal status of some SVC components can be questioned: even if a SVC component can appear in the same form as a single predicate, its semantic contribution to the meaning of the SVC can differ drastically from its meaning outside the SVC. The same puzzle holds for VVCs as well. Consider examples (15), (16) from Mapudugun (Araucanian, South America).

(15) *küpa-ülkantu-n*

come-sing-1SG.IND

‘I want to sing’ [Zúñiga 2017: 706].

(16) *küpa-nu-a-fu-lu rangi antü amá*

come-NEG-NRLD-IPD-SVN mid day part

‘Wasn’t he supposed to come at noon’ [(Smeets 2007: 338)].

In (16), *küpa* ‘to come’ is used as an independent verb describing the event of coming. However, in (15) it occurs in the VVC as V1 with a drastically different, grammaticalized desiderative meaning. This case shows that the independent occurrence criterion is not sufficient: it is probably better to regard *küpa* not as a V1 in the VVC, but as a grammaticalized derivational desiderative morpheme (homophonous to the *küpa* verbal root), attached to another verbal root³. Otherwise, many cases of construction-specific grammaticalization of verbal stems in which *küpa* has

---

³ This consideration is purely typologically-comparative: the suffixing grammar of Mapudugun language makes it difficult to postulate a verbal derivational prefix here. However, it is hardly desirable to incorporate such language-specific criteria into typological research.

lost any transparent semantic relation with the verbal lexeme would have to be defined as a type of VVC. Though the latter approach is not entirely scientifically impossible, it might be more relevant for a study addressing non-compositional VVCs as well.

Haspelmath [2016] excludes grammaticalized SVCs such as (15) from his SVC concept by introducing the ‘independent verb’ and ‘construction’ notions in his comparative concept (ii). According to Haspelmath, the independent verb must be able to ‘...*express a dynamic event without any special coding in predication function <...> and can occur in a non-elliptical utterance without another verb*’. For a given construction to be considered as SVC, Haspelmath requires that ‘...*(it) must be a productive schematic (construction)*’ and that ‘...*the meaning of a concrete construct can be determined based on the meanings of its parts and the construction meaning...*’.

The approach advocated in [Haspelmath 2016] makes it possible to exclude cases such as (15) from the list of SVCs. However, it will also exclude the majority of asymmetrical constructions in the sense of [Aikhenvald 2006]. Moreover, as noted in [Enfield 2009], it is often difficult to distinguish between the construction meaning and the meaning of each of its components. Consider Directional VVCs (17)–(20) from Mapudungun [Zúñiga 2017: 706–707]:

- (17) *anü-püra-i*
sit-ascend-IND
‘He sat up’.
- (18) *anü-nag-i*
sit-descend-IND
‘He sat down’.
- (19) *rüngkü-tripa-i*
jump-exit-IND
‘He jumped out’.
- (20) *rüngkü-kon-i*
jump-enter-IND
‘He jumped in’.

In these VVCs, the Motion verb which occupies the V2 slot indicates the Direction of the action expressed by the verb in the V1 slot. Now consider these Motion verbs used as independent verbs in (21)–(24):

- (21) *püra-püra-künu-w-nge!*
 go.up-go.up-SFR-PRPS-REF-IMP2S
 ‘Get upstairs quickly’⁴ [Smeets 2008: 307].
- (22) *epé kon-ün antü...*
 almost enter-PVN sun
 ‘When the sun had almost set...’ [Smeets 2008: 403].
- (23) *tripa-ke-y-ng-ün pun...*
 leave-CF-IND-3NS-P night
 ‘They go out at night...’ [Smeets 2008: 352].
- (24) *ella naq-ün antü...*
 a.bit go.down-PVN sun
 ‘When the sun went down a bit...’ [Smeets 2008].

Do these verbs in (17)–(20) mean the same as in (21)–(24)? To what extent is the event of Motion present when these Motion verbs are used as V2s in VVCs? If we state that the Motion verbs lose the Motion component of their semantics in Directional VVCs, then we should not consider (17)–(20) as VVCs. However, Directional VVCs in Mapudungun differ from the case of the grammaticalized verb *küpa* ‘come’ used as a Desiderative marker.

To solve the problem of possible mismatches between the meaning of a verb in its independent and constructional usage, I suggest the following concept of a verb in SVC/VVC constructions, partly based on [Haspelmath 2016]:

- (v) *To count as a verb, the verbal element must make at least some lexical contribution to the semantics of the whole construction. Moreover, a verbal element in an SVC/VVC can be considered a lexical verb only if it contributes either more or less semantic content*

---

⁴ Reduplication indicates that the action is performed quickly [Smeets 2008: 307].

(compared to its meaning as a single predicate) to the meaning of the whole construction, though not more AND less simultaneously.

While this definition excludes fully grammaticalized VVCs like the one in (15), it still treats as VVCs cases of construction-dependent behavior of verbs in certain VVCs like those in (17)–(20).

Finally, I would like to discuss the formal mismatch between verbs used as VVC components and those used as independent verbs. Apart from the general phonological rules of a given language, specific morphophonological rules can apply to VVCs. Where the mismatches emerging due to such rules are at least partially predictable, in my study I still consider the verbal elements that can occur both as VVC components and as independent predicate roots to represent the same verbal entities. This is the case of the ‘incorporated verb forms’ in Dalabon, see (6) and the corresponding reference. In some languages, however, independent verbs and VVC components sharing the same meaning can drastically differ phonologically. Consider (25) from Tiwi (isolate, Australia):

(25) *ji-məni-marikuəŋəpi-ŋa*
HE-ME-dancing-grab

‘He grabbed me while I was dancing’ [Osborne 1974: 47].

The form *marikuəŋəpi* describing the dancing event is only found in VVCs, while its free-verb synonym is *joi* ‘to dance’ [Osborne 1974: 47–48]. All verb-headed compounds in Tiwi exhibit such strong and unpredictable suppletive patterns (see the list of forms in [Osborne 1974: 48–49]). In my study, I do not treat such compounds as VVCs. The same holds for “affixal predicates” which can be hosted by verbal stems in Wakashan languages: see [Wojdak 2008: 159–169] for Nuu-chah-nulth.

1.2. Heads and Modifiers in SVCs/VVCs

With regard to Head-Modifier relations in SVCs, Aikhenvald [2006] establishes two broad classes of SVCs defined by the compositional and semantic properties of their components [Aikhenvald 2006: 22–23].

Verbal components in *symmetrical SVCs* come from an open class, have the same impact on the semantics and morphosyntax of the whole construction and tend to lexicalize [Aikhenvald 2006: 28–36]. By contrast, components of *asymmetrical SVCs* differ in this respect: “minor” verbs come from a closed class and can only modify the “major” (open class) verb meanings. “Minor” verbs tend to be semantically bleached and are prone to grammaticalization [Aikhenvald 2006: 30–36]. All asymmetrical SVCs are semantically headed by the major verb, while only some symmetrical SVCs are semantically headed. The mutual Head—Modifier ordering in semantically headed constructions is construction-specific.

VVCs with verbs *hipāh* ‘know how to’ and *tuk* ‘want to’ in Hup (Nadahup family, South America) can be viewed as typical instances of asymmetrical VVCs, see [Epps 2008: 420–421]. Hereafter, I define such structures as ‘Mental Process VVCs’. These and several other event-argument-taking verbs (viewed on the semantic, but not on the syntactic plain) can directly follow their verbal arguments in VVCs as in (26), (27). Hence, we can conclude that the V2 slot in the Mental Process VVC in Hup is ‘closed’, while the V1 slot is ‘open’.

HUP, NADAHUP FAMILY

- (26) *yít=mah tih [yo-d’oʔ]-hipāh-nih*
 thus-REP 3SG [hang.from.above-take]-know-NEG

g’ǎh-g’et-g’óʔ-op=b’ay
 be-stand-go.about-DEP-AGAIN

‘So he was standing around, not knowing how to carry (the fish)’
 [Epps 2008: 420].

HUP, NADAHUP FAMILY

- (27) *ʔin-án [bi-hitam]-tuk-yóʔ...*
 1PL-OBJ [work-cooperate]-want-SEQ

‘Having wanted to help us’ [Epps 2008: 420].

Hup shows an example of a typical symmetrical VVC as well. According to Epps [2008: 415–416], an unrestricted set of verbs can directly precede another verb to express an action performed simultaneously with

that of the second verb as in (28), (29). This construction exhibits no evidence of semantic bleaching of any of its members.

(28) *ʔǎh ʔǎg-g'óʔ-óy*
 1SG drink-go.about-DYNM
 'I would go around drinking' [Epps 2008: 411].

(29) *tih yamhidɔʔ-g'óp-śh*
 3sg sing-serve-DECL
 'I was singing while serving beer' [Epps 2008: 416].

Aikhenvald's [2006] approach is prototype-based, and she is aware that her proposed classification is not universally applicable [Aikhenvald 2006: 36]. As noted by [Enfield 2009], a class can be closed or open only compared to another class. Consider the VVC in Ese Ejja (Takanan family, South America) in (30), (31). In this VVC, the first verb expresses the Caused Motion event, while the second specifies its Direction; see *Section 2* for definitions of the constructions addressed.

(30) *ye-kwaya-ka-a=kwana=pwa*
 bring-put.out-3A-RPAS=3PL-RPAS
 'We went out (by river Natawa) (*lit.* The river brought us...)' [Vuillermet 2013: 420].

(31) *iñawewa=pi'ai kwiji-kwiji-ani*
 dog=ALSO bark-RED-PRS
ojaya owa=zapato jya-sowa-ka=jo
 3GEN 3ERG=shoe(Sp) throw-go.up.TR-3A=TMP.DS
 'The dog barks when he lifts his shoe' [Vuillermet 2013: 579].

The V1 slot is restricted to Caused Motion verbs and the V2 slot is restricted to several Path verbs. Both slots in this construction should be considered as closed according to [Aikhenvald 2006]. However, it is unclear whether the Directional VVC in Ese Ejja and the Mental Process VVC in Hup are asymmetrical in the same sense.

Moreover, the symmetrical/asymmetrical distinction is based on heterogeneous parameters (semantic and morpho-syntactic headedness and compositional restrictions on each component). If we consider

again the Mental Process VVC in Hup, we can conclude that the semantic head is located in the V2 slot. However, the list of verbs which can enter the V2 slot is more restricted than the list of verbs that can enter the V1 slot.

Despite the shortcomings discussed above, it is tempting to preserve and test the generalizations established in the framework of [Aikhenvald 2006]. To make symmetrical/asymmetrical distinction more universally applicable and fine-grained, I propose to study semantic headedness independently of compositional properties of elements. As noted in [Croft 2001], the relationship between Heads and Modifiers can only be studied cross-linguistically by employing a universally applicable semantics-based definition of a Head. Such a definition was provided by [Zwicky 1985: 4] and elaborated in [Croft 2001: 257] in his concept of *Profile equivalent* (vi):

- (vi) In a combination $X + Y$, X is the *profile equivalent* if X profiles/describes a kind of thing profiled/described by $X + Y$.

I use Croft's definition of profile equivalent as a definition of Head in VVCs. At the same time, while, according to this definition, Head cannot be established in every construction, in my analysis, I consider only those VVCs that have an identifiable semantic Head (see *Section 2*).

1.4. A pilot sample

I use a sample of 12 languages (*Table 1*, p. 424), the language and family names taken from Glottolog, except for =!Hoan which is indicated as Amkoe in Glottolog.

Though small, this sample is genetically and areally balanced, see [Hammarström, Donohue 2014]. The only aspect where it can be considered unbalanced is that this study is focused on three VVCs: the Manner-of-Motion VVC, the Directional VVC, and the Mental Process VVC (see *Section 2*), with the latter VVC being not only the least frequent of them but also absent from languages from 3 macroareas: Multinesia, Australia, and Africa (see *Table 2*, p. 424).

Table 1. Language sample

Language	Family	Macroarea
Hup	Nadahup	South America
Mapudungun	Araucanian	South America
Ese Ejja	Takanan	South America
Tlachichilco Tepehua	Totonac	North America
Kiowa	Kiowa-Tanoan	North America
Chimalapa Zoque	Mixe-Zoque	North America
Eastern Kayah	Sino-Tibetan	Eurasia
Chukchi	Chukotko-Kamchatkan	Eurasia
Saliba	Austronesian	Multinesia
Imonda	Border	Multinesia
Bininj Kun-Wok	Gunwinyguan	Australia
= Hoan	Kxa	Africa

Table 2. VVCs and macroareas

Language	Manner-of-Motion	Directional	Mental Process	Macroarea
Hup	+	+	+	South America
Mapudungun	-	+	+	South America
Ese Ejja	-	+	-	South America
Tlachichilco Tepehua	+	-	-	North America
Kiowa	-	-	+	North America
Chimalapa Zoque	-	+	+	North America
Eastern Kayah	+	+	+	Eurasia
Chukchi	+	-	-	Eurasia
Saliba	+	+	-	Multinesia
Imonda	+	+	-	Multinesia
Bininj Kun-Wok	+	+	-	Australia
= Hoan	+	+	-	Africa

The data for each language is taken from reference grammars and, where possible, from publications on this specific topic. The data for the Chukchi language was partially acquired during my fieldwork in 2016–2017. For Tlachichilco Tepehua and Bininj Kun-Wok, data from sister languages was additionally used for comparative purposes (these sources are also indicated in *Table 3*). The data sources I used are represented in *Table 3*.

Table 3. Reference data

Language	Sources
Hup	Epps 2008
Mapudungun	Zúñiga 2006; 2017; Baker et al. 2005; Smeets 2008
Ese Ejja	Vuillermet 2012; Vuillermet 2017
Tlachichilco Tepehua	Watters 1988; Kung 2007
Kiowa	Watkins 1984
Chimalapa Zoque	Johnson 2000
Eastern Kayah	Solnit 1997; 2006
Chukchi	Dunn 1999; Muravyova et al. 2000
Saliba	Margetts 1999
Imonda	Seiler 1985
Bininj Kun-Wok	McKay 1975; Evans 2003; Evans 2017
= Hoan	Collins, Gruber 2014; Berthold, Gerlach 2017

2. Constructions studied

2.1. The Manner-of-Motion VVC

(vii) The Manner-of-Motion VVC

The Manner-of-Motion VVC is a VVC in which one component indicates a Motion event, while another (the other?) component describes the Manner the Motion is performed or, optionally, an Action performed simultaneously with the Motion event.

I follow Talmy [2000] in his definitions of Manner and Motion. In my study, I do not differentiate between Motion verbs that additionally lexicalize Path and those that do not. Hereafter, I do not use the label “Motion verb” for Manner-of-Motion verbs.

The last component of my definition (vii) needs a special note. Consider the following VVCs from Bininj Kun-Wok (Gunwinyguan, Australia) in (32), (33):

- (32) *nahnane* $\emptyset$ -*wage-yihmi-re-i*
 MA:DEM 3P-crawl-IVF-go-PI

(pointing to the tracks left by a Dreamtime being) ‘This is where he came crawling along’ [Evans 2003: 543].

- (33) *ga-ganj-ngu-nihmi-re*
 3-meat-eat-IVF-go.NP

‘He goes along eating meat’ [Evans 2003: 536].

The last verb in both VVCs is a Motion verb. Notably, however, the semantic class of the verbs occupying the V1 slot is less evident. In (32) it is a Manner verb, and the semantic Head of this construction is clearly a Motion verb. The situation is different in (33). Normally, one does not classify verbs like ‘eat meat’⁵ with those of the Manner of Motion. How-

⁵ The V1 in this VCC is itself a complex verb stem with an incorporated nominal stem (the morphological structure and noun incorporation process in Bininj Kun-Wok is described in detail in [Evans 2003]).

ever, in several languages of my sample (Hup, Tlachichilco Tepehua, Saliba, Bininj Kun-Wok and =Hoan), these evidently non-Manner verbs describing simultaneous co-events can occur in the same slot with Manner verbs. This makes the distinction between Manner and non-Manner verbs in such languages less clear.

Considering that for many languages the distinction between “Manner co-event” and “Simultaneous Action co-event” is obscure, I regard all the VVCs presented in (32)–(33) as instances of Manner-of-Motion VVCs. For my study, the ability of “genuine” Manner verbs (e.g., ‘run’, ‘jump’, ‘swim’, etc.) to participate in VVCs is crucial. Hence, if a language only shows VVCs structured like ‘eat-go’ (go while eating), ‘sing-come’ (come singing) but no VVCs like ‘run-go’ (go running), ‘swim-come’ (come swimming), I do not treat VVCs in this language as Manner-of-Motion VVCs.

The semantic Head status of the Motion verb in these constructions is not always evident. Some grammars note that a Motion verb is always(??) a semantic Head (e.g., see [Epps 2008]) for Hup) and reflect this correspondingly in translations (e.g., (32), (33) from Bininj Kun-Wok above). In other cases, the Head-Modifier structure of these VVCs is less clear. Consider (34), (35) from Eastern Kayah (Sino-Tibetan, Eurasia):

- (34) *pípè jo cwá rá*
 butterfly fly go Ø

‘They (butterflies) flew away’ [Solnit 1997: 77].

- (35) *jε cwá rá síε*
 carry.on.shoulder go PART gun

‘(They) went carrying guns on their shoulders’ [Solnit 1997: 73].

The question arises if there are any semantic Heads in these constructions or, in other words, if (34) primarily describes an event of ‘flying’ or an event of ‘going’? According to the English translation in [Solnit 1997: 73], at least the verb ‘go’ in (35) is the semantic Head. At the same time, Solnit [2006: 150] adds an alternative translation to this example: ‘(they) carried away guns on their shoulders’. This translation indicates that the verb *jε* ‘carry.on.shoulder’ is a possible Head and the whole

construction may instantiate a Directional VVC but not a Manner-of-Motion VVC. I address this problem in the following section.

Among the languages included in my sample, Manner-of-Motion VVCs are present in Hup, Tlachichilco Tepehua, Eastern Kayah, Chukchi, Saliba, Imonda, Bininj Kun-Wok and =Hoan.

2.2. The Directional VVC

(viii) The Directional VVC

The Directional VVC is a VVC in which one component indicates an Event and the other component indicates the Direction in which this Event evolves.

The term Direction I use here roughly corresponds to Talmy's [2000] notion of Path. However, unlike Path, Direction can be specified even for an event with no Motion component. Consider Directional VVCs in Saliba (Austronesian, Papunesia):

(36) *ye-tu-dobi-ei-∅*
3SG-throw-go.down-APP-3SG.O

'He threw it down' [Margetts 1999: 126].

(37) *ye-hedede-dobi i-wane "Eey Tau Mekemekeya..."*
3SG-tell-go.down 3SG-say INTRJ man Name

'He called/spoke down and said "Eey, Tau Mekemekeya"' [Margetts 1999: 122].

In (36), the Motion verb *dobi* 'go down' specifies the Direction of a Caused Motion event expressed by the verb *tu* 'throw'. In (37), however, there is no Motion event—the verb *dobi* only indicates the downward orientation of the participant.

For ambiguous cases, I classify constructions as either a Manner-of-Motion VVC or a Directional VVC depending on the translation provided by the grammar's author. Some cases, however, are not ambiguous: I did not classify as Directional those VVCs where only Manner verbs can combine with Motion verbs. Instead, such VVCs are classified

here as Manner-of-Motion VVCs. Constructions with no motion component cannot be classified as Manner-of-Motion VVCs either.

Consider (38)–(40) from Imonda (Border family, Multinesia):

- (38) *tetoad paiha-i-pia-n*
 bird fly-LINK⁶-come-PST
 ‘The bird came flying’ [Seiler 1985: 108].
- (39) *lōl-peha-na-f*
 talk-go.down-BEN-PRS
 ‘Go down, talking to him’ [Seiler 1985: 109].
- (40) *lol-peha fe-na-f*
 talk-go.down do-BEN-PRS
 ‘Talk down to someone’ [Seiler 1985: 109].

Examples (38) and (39) illustrate a Manner-of-Motion VVC and example (40), a Directional VVC. The semantic difference between (39) and (40) is a key to distinguish between the two VVCs in Imonda.

Among the languages in my sample, Directional VVCs are found in Hup, Mapudungun, Chimalapa Zoque, Eastern Kayah, Saliba, Imonda, Bininj Kun-Wok, and =Hoan.

To conclude this discussion, the distinction between Heads and Modifiers in Directional and Manner-of-Motion VVCs turns out to be virtually irrelevant for their formal properties. As discussed below in *Section 3.2*, the order of components in these VVCs seems to be influenced by features orthogonal to the Head-Modifier distinction.

---

⁶ According to Seiler [1985: 108; 119–132], the only function the linker *-i-* has in the modern Imonda is that of a morphological link between members of certain VVCs and between the classifier prefix and the verbal root. Notably, classifiers show a historical link with some verbs occurring in VVCs; see [Seiler 1985: 119–130].

2.3. The Mental Process VVC

(ix) The Mental Process VVC

A Mental Process VVC is a VVC in which mental process verbs combine with verbs denoting arguments of the events described.

The only ‘mental process verbs’ considered in this study are: ‘to want’ (41), ‘to know/ understand’ (42) and ‘to learn’ (43). All the three can be found in VVCs in Chimalapa Zoque (Mixe-Zoquean, North America):

- (41) *piceŋho?* *dəš* *də=****min-tə?****-ke?t-pa*
 thus 1PRN 1A=come-want-REPET-INC

‘That’s why I want to come back again’ [Johnson 2000: 237].

- (42) *ney* *komo* *ʔune=dəkka* *kwandu* *ʔotoŋ-ʔaŋ.may-šuk-wə*
 same like child=NPL when speak-learn-3PL-COM

‘Just like children when they learn to speak’⁷ [Johnson 2000: 237].

- (43) *pwes* *ʔaber* *hunaŋ* *bi* *kopak* *si* *yoš-muš-pa*
 well let’s.see how DEF head if work-know-INC

‘Well, let’s see how he thinks, if he knows how to work’ [Johnson 2000: 311].

Among the languages in my sample, Mental Process VVCs are present in Hup, Mapudungun, Kiowa, Chimalapa Zoque and Eastern Kayah.

3. Component ordering and its governing principles

Alexandra Aikhenvald [Aikhenvald 2006] assumes that the order of components in semantically-headed SVCs is language- and

---

⁷ There is probably a misprint in the translation line in [Johnson 2000: 237]: this sentence is translated as ‘Just like children when they learn to walk’. However, no points about (non)compositionality are made. Throughout the grammar, V1 *ʔotoŋ* is invariably translated as ‘speak’.

construction-specific. This conclusion is at odds with [Foley, Olson 1986] who note that Motion and Posture verbs tend to occur as final members of SVCs. Moreover, it was argued by Givón [2009] that SVCs (and, consequently, VVCs) arise from multiclausal structures (e.g., see [Rose 2009] for a study of this process in Emerillon). Hence, it can be expected that the Head and Modifier ordering in VVCs would correlate with that in other constructions. Finally, even if the order of components in a given construction is language-specific, it does not necessarily mean that this order is random cross-linguistically. In my pilot study, I investigate potential correlations between the order of Heads and Modifiers in VVCs and the features listed below in (viii). The correlations are addressed independently for 3 types of VVCs.

- (ix) Features that possibly correlate with the component order in VVCs:
- The dominant verb — object order.
  - The order of clauses in semantically correlative analytical constructions (if any).
  - The Head — Modifier order in other verb-headed compounds (hereafter, incorporation) as, e.g., in noun incorporation constructions (where other compound constructions exist).

I use Matthew Dryer's [Dryer 2013] principles of determining the dominant object — verb order in a language. Where the order is flexible, this is indicated in the corresponding section of Table 4 below.

Recall that I take into account here not only the object and verb ordering but also the ordering in multi-verb syntactic structures that are (quasi)synonymous to the VVCs addressed. It should be noted that only Manner-of-Motion and Mental Process VVCs have semantically obvious corresponding syntactic structures while multi-verb syntactic structures that express (roughly) the same meaning as Directional VVCs are difficult to find.

Manner-of-Motion VVCs can be (quasi)synonymous with a wider range of syntactic structures. The closest equivalent for Manner-of-Motion VVCs in Bininj Kun-Wok (Gunwinyguan) is a multi-word SVC. At the same time, Manner-of-Motion VVCs correspond to combinations of finite verb and converb clauses in Hup (Hupde) and Chukchi

(Chukotko-Kamchatkan). To avoid methodological opportunism, I did not compare the order of components in Manner-of-Motion VVCs with that in structures (quasi)synonymous with these VVCs.

This paper takes the biclausal structure of [_{MATRIX} Mental Process verb [_{EMBEDDED} Complement verb]] to be corresponding to that of Mental Process VVCs. Compare a Mental Process VVC in (44) and, presumably, a (quasi) synonymous syntactic structure in (45) from Chimalapa Zoque (Mixe-Zoquean, North America):

(44) *piceŋhoʔ dəʃ də=miŋ-təʔ-keʔt-pa*
 Thus 1PRN 1A=come-want-REPET-INC
 ‘That’s why I want to come back again’ [Johnson 2000: 237].

(45) *dəʃ ʔən=təʔ-pa yak-cən-wə kastro lo cruz*
 1PRN 1E=want-INC CAUS-sit-COM castro lo cruz
 ‘I want Castro lo Cruz to be elected’ [Johnson 2000: 308].

In this study, I compare the order of components in VVCs both to that of Object — Verb, Head — Complement Verbs, and to the ordering of components in noun incorporation (NI) constructions, see [Mithun 1984].

In general, NI is considered to be an optional construction, see [Mithun 1986]. Building on its definition in [Caballero et al. 2008], I propose another definition in (x) below. Note that my definition applies to languages that lack verbal inflection and excludes cases of ‘obligatory incorporation’.

(x) A definition of NI constructions.

NI is an OPTIONAL construction used to express a particular semantic relation between the predicate and one of its participants. A NI construction combines the verb (which expresses the predicate) and the nominal element (which expresses a participant) in a single NI construct. The incorporated nominal element (hereafter, IN) cannot perform more discourse functions than those it performs in alternative constructions. Only derivational elements can separate the IN from the verb. No inflectional elements pertaining to the nominal component or its modifiers can occur inside the verbal construct.

To specify my definition of an *optional construction*, *optional* means here that a given NI construction is not the only one a given language can use to express a given relation between the Verb and its Patient, the Verb and its Instrument, etc.

Of course, this definition has its limitations. In consistence with (x), Lakhota (Siouan, North America) and some Athapaskan languages like Koyukon (Na-Dene, North America) should lack NI constructions altogether. However, these and other methodological contraversions fall outside the scope of my VVC pilot study.

Presented below is data on the Head-Modifier ordering in the three VVCs under study and in comparable constructions found in all the languages of my sample (*Table 4*). The subsequent subsections discuss the findings of the comparison and provide some generalizations with likely explanations.

Table 4. Ordering in core sample

Language	Manner-of-Motion	Directional	Mental Process	OV/VO	Incorporation
Hup	M-H	M-H	M-H	OV	N-V
Mapudungun		H-M	H-M	VO	V-N
Ese Ejja		H-M		OV	N-V
Tlachichilco Tepehua	M-H			VO	N-V
Kiowa			M-H	OV	N-V
Chimalapa Zoque		H-M	M-H	VO	N-V
Eastern Kayah	M-H	H-M	M-H	VO	V-N
Chukchi	M-H			OV	N-V
Saliba	M-H	H-M		OV	V-N; N-V
Imonda	M-H	H-M			
Bininj Kun-Wok	M-H	M-H		OV	N-V
= Hoan	M-H	H-M		VO	

3.1. Mental Process VVCs

Mental Process VVCs are found in 5 languages of my sample, with 2 OV and 3 VO languages among them. My observation shows the Mental Process VVC to be the only VVC exhibiting strong correlation between the order of Head and Modifier components and the order of constituents in other constructions (*Table 5*).

Table 5. Mental Process VVCs ordering

	H-M order	OV/VO	Inc	Complement
Hup	M-H	OV	NV	C-H?
Kiowa	M-H	OV	NV	no data
Mapudungun	H-M	VO	VN	H-C
Chimalapa Zoque	M-H	VO	NV; AdvV	C-H?
Eastern Kayah	H-M	VO	VN	C-H

Chimalapa Zoque is the only language in which the order of Heads and Modifiers in this VVC does not agree with the order of verb-and-object and head-and-complement clauses. At the same time, the Head-and-Modifier ordering in Chimalapa Zoque Mental Process VVCs is harmonic with that of Heads and Modifiers in incorporation constructions. While it is difficult to make any generalizations on the basis of a single language, I argue that Chimalapa Zoque represents a telling case. According to Campbell, Kaufman, Smith-Stark [1986: 54], Mixe–Zoquean languages are likely to have displayed the OV order before their shift to the VO order under the influence of the Mesoamerican linguistic area. Hence it is possible to regard the Modifier-Head order in Chimalapa Zoque Mental Process VVCs (together with the N–V and Adv–V order in incorporation constructions) as a relic of its historical OV order.

I argue that the correspondence between the order of Heads and Modifiers in Mental Process VVCs and the order of Heads and Modifiers in incorporation constructions is of a diachronic nature. The order of components in the Mental Process VVC reflects the order

of head-and- complement clauses in these languages that existed at the time this VVC arose; (see similar considerations for nominal compounds in [Comrie 1980: 85] and [Gaeta 2008: 122].

3.2. Manner-of-Motion and Directional VVCs

Manner-of-Motion VVCs are found in 9 languages of my sample, with 6 of these exhibiting the dominant OV order and 3, the VO order. Manner verbs precede Motion verbs in all the languages addressed (*Table 6*). Hence, the order of Head and Modifier in Manner-of-Motion VVCs does not agree with the object and verb ordering in all three VO languages. If, however, the ordering in incorporation constructions is also taken into account, this disharmony is only true for Eastern Kayah (|=Hoan lacks incorporation). Recall that Saliba displays both N-V and V-N ordering in incorporation construction.

Table 6. Ordering in Manner-of-Motion VVCs

	VVC	OV/VO	Inc
Hup	M-H	OV	N-V
Ese Ejja	M-H	OV	N-V
Chukchi	M-H	OV	N-V; Adv-V
Saliba	M-H	OV	N-V; V-N
Imonda	M-H	OV	—
Bininj Kun-Wok	M-H	OV	N-V; Adv-V
Tlachichilco Tepehua	M-H	VO	Adv-V
Eastern Kayah	M-H	VO	V-N
=Hoan	M-H	VO	—

Directional VVCs are found in 9 languages of my sample. Except for two OV languages (Hup and Bininj Kun-Wok), this VVC exhibits the Head-Modifier ordering. Hence, 3 OV languages demonstrate disharmony between the VVC and the in-clause ordering (as shown in bold in *Table 7*).

Table 7. Directional VVCs

	H-M order	OV/VO	Inc
Hup	M-H	OV	NV
Bininj Kun-Wok	M-H	OV	NV; AdvV
Ese Ejja	H-M	OV	NV
Saliba	H-M	OV	NV; VN
Imonda	H-M	OV	—
Mapudungun	H-M	VO	VN
Chimalapa Zoque	H-M	VO	NV; AdvV
Eastern Kayah	H-M	VO	VN
=Hoan	H-M	VO	—

Unlike in Mental Process VVCs, the order of components in Directional and Manner-of-Motion VVCs does not seem to strongly correlate with the ordering of Heads and Modifiers in other constructions addressed. Discussed below are some speculative considerations, to be elaborated in forthcoming studies, on the factors restricting the component ordering in these VVCs.

Recall that the Head and Modifier status of components in Manner-of-Motion VVCs is problematic. Moreover, the difference between Manner-of-Motion VVCs and Directional VVCs is not obvious for languages where both constructions are present. Hence, it is probably safer to discuss the ordering of Path-encoding verbs (which function as Directional verbs⁸ in Directional VVCs and as Motion verbs in Manner-of-Motion VVCs) vs. non-Path-encoding verbs in VVCs. Non-Path-encoding verbs in Manner-of-Motion VVCs function as either Manner-of-Motion verbs or verbs linking simultaneous co-events to Motion events. **Path verbs tend to follow non-Path verbs** in Manner-of-Motion and/or Directional VVCs.

SVCs are frequently discussed with respect to the iconicity of their components' ordering and the sequential relation between the (sub)events

⁸ Recall that Motion verbs in Directional VVCs are not necessarily Path verbs in Talmy's [2000] sense; according to my definition, they can also function as Deictic verbs.

they express; see [Durie 1997; Bril 2004; Aikhenvald 2006]. One of the issues addressed is whether it is possible to directly attribute the [non-Path verb]–[Path verb] preferred order to any cognitive factor. My answer is ‘no’: no cognitive explanation can be directly applied to the order preference observed in my sample.

The most obvious argument against cognitive motivation of the [Manner]–[Motion] and [Action]–[Direction] ordering is that the latter seems to be preferred in only SVCs and VVCs. As regards bound Direction/Path morphemes, one can find languages with prefixal Path expression and Manner following Motion in verb-framed languages; see the languages addressed(?) in [Slobin 2004]. I am unaware of any studies claiming the existence of any preferences in the Path and Manner morpheme ordering.

The second argument against a direct cognitive-functional explanation is that it is not clear what cognitive factors can ‘force’ Path/Deixis verbs to occur VVC-finally.

Instead, I suppose that a combination of cognitively and diachronically motivated factors are responsible for the strong tendency for Path verbs to follow non-Path verbs in VVCs.

I argue that the order of components in Manner-of-Motion and Directional VVCs can be attributed to iconicity principles. At the same time, iconicity has nothing to do with the VVCs themselves, since it is rather observed in constructions underlying these VVCs. To be precise, I hypothesize that Directional VVCs and Manner-of-Motion VVCs are likely to arise from mono- and multi-clausal constructions which combine the causally-related subevents.

Consider the following VVCs from Saliba (46a–c); Eastern Kayah (47a–b) and =IHoan (48a–b). For each language, the first example is a Manner-of-Motion VVC, the second is the Directional VVC, and the third example is a Cause-Result VVC (this VVC was not in the focus of my study).

SALIBA

(46) a. *ye-sobu-lage*

3SG-dance-arrive

‘He came dancing’ [Margetts 1999: 119].

b. *ye-tu-dobi-ei-∅*
 3SG-throw-go.down-APP-3SG.O
 ‘He threw it down’ [Margetts 1999: 126].

c. *ye-sikwa-he-beku-∅*
 3SG-poke/hit-CAUS-fall-3SG.O
 ‘He poked it to make it fall’ [Margetts 1999: 118].

EASTERN KAYAH

(47) a. *pípè jo cwá rá*
 butterfly fly go R∅
 ‘They (butterflies) flew away’ [Solnit 1997: 77].

b. *ʔa de the dʒ plò kū dʒ phrè khu*
 3 put go.up at:U box in at:U shelf on
 ‘They put it (up) in a box on a shelf’ (Solnit 1997: 73).

c. *ʔa chū sāl lū né ʔiθhoə...*
 3 stab die 3OBV OBL knife
 ‘They stabbed him to death with a knife’ [Solnit 2006: 150].

HOAN

(48) a. *mā tyāqò !”ūū sò kì lōà nā*
 1SG walk enter OBL house inside
 ‘I walk into the house’ [Berthold, Gerlach 2017: 168].

b. *mā yā !ánē súi...*
 1SG PROG carry descend/lower
 ‘I take something down...’ [Berthold, Gerlach 2017: 169].

c. *ma I |qǎě Okoa cì*
 1SG PST beat kill 3PL
 ‘I beat them dead’ [Collins 2002: 56].

The semantic similarity between Manner-of-Motion, Directional and Cause-Result VVCs was acknowledged by various authors for Saliba [Margetts 1999: 117] and Eastern Kayah [Solnit 2006: 150].

Indeed, the *telic Path*⁹ expression in the VVCs is similar to the expression of Result in Cause-Result VVCs: in (48a) the Result of ‘walking’ is ‘entering’; in (47b), the Result of ‘putting’ is the ‘going up’ of the entity ‘put’.

The fact that Cause subevents are similar to Manner subevents (see the discussion about the distinction between Manner and Cause in [Talmy 2000: 27–29]) corroborates my hypothesis that Manner-of-Motion VVCs can originate from Cause-Result constructions. Similarity between Cause and Manner can be illustrated by (48) from =Hoan VVC above. The VVC in (48c) can be understood as ‘I killed them by beating’ or ‘I beat them, and this killed them’. Another fact to additionally support this hypothesis of ‘Cause → Manner development’ is that at least some languages have Cause-Result constructions acknowledged as a possible source of classificatory causative prefixes indicating the Manner of causation events; see [Bradshaw 1982: 23–24] for Papuan Tip languages and [Margetts 1999: 114–117] for Saliba.

My hypothesis is that Manner-of-Motion VVCs can develop from the sequence [Manner subevent]-[Path/Deixis-expressing Motion subevent], where the Manner subevent has Cause-like interpretation and the Motion subevent has Result-like interpretation of the type ‘The butterflies flew (and) went away’ → ‘The butterflies fly-went away’. Cause-Result event sequences are known to be expressed iconically; see [Durie 1997; Aikhenvald 2006]. The iconic order is thus preserved in Manner-of-Motion VVCs that are not temporally sequential themselves.

A similar development pathway can be proposed for Directional VVCs. Constructions expressing Cause events and Motion events (caused by preceding events) are reinterpreted as [Action]-[Path/Orientation of a participant of the Action] complex events. Hence, I hypothesize that (46) from Saliba arose from something like ‘I throw it, (it) goes down’.

---

⁹ The Path of a Motion event is *telic* if the boundary of the Ground is reached or crossed (e.g., in (48a)). The Path of a Motion event is *atelic* if the boundary of the Ground is not crossed (e.g., *The girl ran toward the fence*). For further discussion of Path telicity, see [Imbert 2014].

4. Discussion. Ordering principles in verb-verb compounds and parallels with serial verb constructions

To begin with, my study demonstrates that the ordering of Head and Modifier components in VVCs is not random. While the order of components is language-specific, it is still influenced by various, though heterogeneous, factors.

The order of verbs in Mental Process VVCs correlates with the order of syntactic constituents and the order of Heads and Modifiers in incorporation constructions. As for Manner-of-Motion and Directional VVCs, their component ordering is better attributed to other principles (seems to abide by other principles??). I argue that the Head and Modifier asymmetry does not influence the component ordering in Manner-of-Motion and Directional VVCs: the ordering preference in these constructions can be better explained by the distinction between Path and non-Path Motion verbs. I argue for *source-oriented factors* [Cristofaro 2017] as a possible explanation of the [non-Path]-[Path] component order preference in Manner-of-Motion and Directional VVCs. I hypothesize that the order of components in these VVCs reflects the order of constituents in less close-knit constructions from which these VVCs have (presumably) developed. This hypothesis needs more testing in further studies.

Additionally, in terms of component order, some types of VVCs are more similar to semantically corresponding less close-knit SVCs than to VVCs with different semantics. Speaking of the Path-second tendency I have observed for Manner-of-Motion and Directional VVCs (*Section 3.2*), I have not encountered any counterexamples in earlier SVC studies such as [Foley, Olson 1985; Givón 1991; Durie 1997; or Aikhenvald, Dixon 2006]. To highlight this point, I briefly discuss some Manner-of-Motion SVCs/VVCs in VO languages and Directional SVCs/VVCs in OV languages.

Thai Manner-of-Motion VVCs (Thai-Kadai family, Eurasia, see [Diller 2006: 164–165]) and Tetun Dili Manner-of-Motion SVCs (Austroasiatic family, Eurasia, see [Hajek 2006: 242–244]) exhibit the [Manner]-[Path] component order. Both languages exhibit the VO dominant order, see [Diller 2006; Hajek 2006].

Taiwan Sign Language¹⁰ employs several means of Motion event expression [Tai, Su 2013]. When a Manner and a Path verb combine in an SVC, the Manner verb precedes the Path verb as in (49) [Tai, Su 2013: 90–93]. It is worth noting that Taiwan Sign Language displays a VO dominant order [Smith 2005: 197].

- (49) *FROG CRAWL JAR*_{pro}+*FROG*_{pro}-*move.out*¹¹
 Figure Motion.Manner Ground.pro+Figure.pro-Motion.Path
 ‘The frog crawled out of the jar’ [Tai, Su 2013: 93].

Path and Deictic verbs also tend to follow non-Path verbs in Directional SVCs in other languages than those in my sample such as Tariana (Arawak language, South America), see [Aikhenvald 2006: 185–188]. The Khwe language¹² (Khoe-Kwadi family, Africa) shows the same order of components in Directional VVCs, see [Kilian-Hatz 2006: 115–116]. Both Tariana and Khwe exhibit the OV dominant order, see [Aikhenvald 2003; Kilian-Hatz 2006].

Thus, the distinction between ‘one-word’ SVCs (VVCs) and ‘multi-word’ SVCs may not be directly manifested in their syntax: given that different factors of both cognitive and diachronic, source-oriented nature shape the morpho-syntax of different semantic types of SVCs, it is the semantics and functions of a particular type of SVC that shape its syntax, rather than the mere level of morphological integration of SVC components.

---

¹⁰ I especially wish to thank Elena Alexandrovna Pasal’skaya for information about Taiwan Sign Language, Motion in Sign Languages in general and the fruitful discussion of these and many other issues.

¹¹ A note about transcription should be made. Tai, Su [2013] use the abbreviation *pro* for ‘proform’ (a replaced form for preceding argument). The + sign indicates that two components are signed simultaneously by both hands. The — sign means that the proform(s) and the Motion/Path verb are expressed as a unit by moving hand. (a hand movement??)

¹² This language name is provided in [Kilian-Hatz 2006]. I could not find this name in Glottolog.

Abbreviations

For Hup

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; ART — Article; CF — Constant feature; EDO — External direct obj; HAB — Habitual; HH — Hither; IMP — Imperative; IND — Indicative; LOC — Locative; NEG — Negation; NS — Non-singular; P — Plural; PART — Particle; PO — Primary obj; PFPS — Perfect persistent; PVN — Perfect verb noun; REF — Reflexive; s — Subject/single argument; SFR — Stem formative; TH — Thither; TU — back

For Mapudungun

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; ART — Article; CF — Constant feature; EDO — External direct obj; HAB — Habitual; HH — Hither; IMP — Imperative; IND — Indicative; LOC — Locative; NEG — Negation; NS — Non-singular; P — Plural; PART — Particle; PO — Primary obj; PFPS — Perfect persistent; PVN — Perfect verb noun; REF — Reflexive; s — Subject/single argument; SFR — Stem formative; TH — Thither; TU — Back

For Ese Ejja

1 — 1st person; 3 — 3rd person; A — Agent-like argument; ABS — Absolutive; ALL — Allative; DS — Different subject; ERG — Ergative; GEN — Genitive; NPF — Noun prefix; PAS — Past; PERL — Perlativ; PL — Plural; PRS — Present; RES — Resultative; RED — Reduplication; RPAS — Remote past; SG — Singular; SS — Same subject; TEL — Telic; TMP — Temporal subordinate; TR — Transitive

For Tlachichilco Tepehua

1 — 1st person; 3 — 3rd person; ALD — Already; AP — Antipassive; ART — Article; DAT — Dative applicative; DIR — Directive; DIST — Distal; FUT — Future; IMPFV — Imperfective; IRR — Irrealis; NEG — Negation; OBJ — Object; PFV — Perfective; REP — Repetitive; PL — Plural; POSS — Possessive; PREP — Preposition; SUB — Subject

For Chimalapa Zoque

1 — 1st person; 1>2 — 1st person Subject, 2nd person Object; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; A — Absolutive; ANTIP — Antipassive; APPL — Applicative; CAUS — Causative; COM — Completive; D — Dependent; DEF — Definite article; E — Ergative; IMPV — Imperative; INC — Incompletive; N — Negative aspect; NEG — Negative; NOM3 — Nominalizer; NPL — Plural marker (nominal); NPL2 — Plural marker (pronominal); PL — Plural; PRN — Pronoun; REL — Relative; REPET — Repetitive; VERS — Versive

References

- Aikhenvald 1999 — A. Y. Aikhenvald. Serial constructions and verb compounding evidence from Tariana (North Arawak). *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation “Foundations of Language”*. 1999. Vol. 23. Iss. 3. P. 469–497. DOI: 10.1075/sl.23.3.02aik.
- Aikhenvald 2003 — A. Y. Aikhenvald. *A grammar of Tariana, from northwest Amazonia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Aikhenvald 2006 — A. Y. Aikhenvald. Serial verb constructions in Tariana. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: OUP, 2006. Vol. 2. P. 178–200.
- Aikhenvald 2006 — A. Y. Aikhenvald. Serial verb constructions in typological perspective. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: OUP, 2006. Vol. 2. P. 1–68. DOI: 10.1093/oso/9780199279159.003.0001.
- Aikhenvald, Dixon 2006 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Vol. 2. Oxford: OUP, 2006.
- Baker et al. 2005 — M. C. Baker, R. Aranovich, L. Golluscio. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*. 2005. Vol. 81. No. 1. P. 138–176. DOI:10.1353/lan.2005.0003.
- Berthold, Gerlach 2017 — F. Berthold, L. Gerlach. Serial verb constructions in N!aqriaxe. *Khoisan Languages and Linguistics: Proceedings of the 4th International Symposium July 10-14, 2011, Riezlern/Kleinwalsertal*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2017.
- Bickel, Zúñiga 2017 — B. Bickel, F. Zúñiga. The ‘Word’ in Polysynthetic Languages: Phonological and Syntactic Challenges. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Oxford: OUP, 2017. P. 158–185. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199683208.013.52.
- Bickel, Nichols 2007 — B. Bickel, J. Nichols. Inflectional morphology. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 3. P. 169–240.
- Bohnenmeyer et al. 2007 — J. Bohnemeyer, N. J. Enfield, J. Essegbey, I. Ibarretxe-Antuñano, S. Kita, F. Lüpke, F. K. Ameka. Principles of event segmentation in language: The case of motion events. *Language*. 2007. Vol. 83. No. 3. P. 495–532.
- Bradshaw 1982 — M. J. Bradshaw. *Word order change in Papua New Guinea Austro-nesian languages*. Doctoral thesis. Hawaii: University of Hawaii, 1982.
- Bril 2004 — I. Brill. Complex nuclei in Oceanic languages: Contribution to an areal typology. I. Brill, F. Ozane (eds.). *Complex predicates in Oceanic languages:*

- Studies in the dynamics of binding and boundness*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2004. P. 1–48.
- Campbell et al. 1986 — L. Campbell, T. Kaufman, T. C. Smith-Stark. Meso-America as a linguistic area. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 3. P. 530–570.
- Caballero et al. 2008 — G. Caballero, M. J. Houser, N. Marcus, T. McFarland, A. Pycha, M. Toosarvandani, J. Nichols. Nonsyntactic ordering effects in noun incorporation. *Linguistic Typology*. 2008. Vol. 12. No. 3. P. 383–421. DOI: 10.1515/LITY.2008.042.
- Collins 2002 — C. Collins. Multiple verb movement in |Hoan. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. No. 1. P. 1–29.
- Collins, Gruber 2014 — C. Collins, J. S. Gruber. *A Grammar of ꞤHõã*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2014.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Morphology and word order reconstruction: Problems and prospects. J. Fisiak (ed.), *Historical morphology*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1980. P. 83–96. DOI: 10.1515/9783110823127.83.
- Cristofaro 2017 — S. Cristofaro. Implicational universals and dependencies. N. J. Enfield (ed.), *Dependencies in language: On the causal ontology of linguistic systems*. Berlin: Language Science Press, 2017. No. 2. P. 9–22.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Diller 2006 — A. V. Diller. Thai serial verbs: Cohesion and culture. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.), *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: OUP, 2006. Ch. 7. P. 160–177. DOI: 10.1093/oso/9780199279159.003.0007.
- Durie 1997 — M. Durie. Grammatical structures in verb serialization. A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells (eds.), *Complex predicates*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1997. P. 289–354.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999. DOI: 10.25911/5D77842288837.
- Dryer 2013 — M. S. Dryer. Determining Dominant Word Order. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.), *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/s6> (accessed on 24.05.2018).
- Enfield 2009 — N. J. Enfield. Review of the book *Serial verb constructions: A cross-linguistic typology* ed. by Alexandra Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. *Language*. 2009. Vol. 85. P. 445–451. DOI: 10.1353/lan.0.0124.
- Epps 2008 — P. Epps. *A grammar of Hup*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2008.
- Evans 2003 — N. Evans. *Bininj Gun-wok: a pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. (Pacific Linguistics 541). Canberra: Pacific Linguistics;

- Research School of Pacific and Asian Studies; Australian National University, 2003.
- Evans 2017 — N. Evans. Polysynthesis in Dalabon. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Oxford: OUP, 2017. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199683208.013.43.
- Foley 1991 — W. A. Foley. *The Yimas language of New Guinea*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Foley, Olson 1985 — W. A. Foley, M. Olson. Clausehood and verb serialization. J. Nichols (ed.). *Grammar inside and outside the clause*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 17–60.
- Gaeta 2008 — L. Gaeta. Constituent order in compounds and syntax: typology and diachrony. *Morphology*. 2008. Vol. 18. P. 117–141. DOI: 10.1007/s11525-009-9125-x.
- Givón 1991 — T. Givón. Serial verbs and the mental reality of ‘event’: Grammatical vs. cognitive packaging. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. Vol. I. P. 81–127. DOI:10.1075/tsl.19.1.06giv.
- Givón 2009 — T. Givón. Multiple routes to clause union: The diachrony of complex verb phrases. T. Givón, M. Shibatani (eds.). *Syntactic complexity: Diachrony, acquisition, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 81–118. DOI: 10.1075/tsl.85.04mul.
- Hajek 2005 — J. Hajek. Serial verbs in Tetun Dili. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: OUP, 2005. P. 239–253. DOI: 10.1093/oso/9780199279159.003.0011.
- Hammarström, Donohue 2014 — H. Hammarström, M. Donohue. Some principles on the use of macro-areas in typological comparison. *Language Dynamics and Change*. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 167–187. DOI: 10.1163/22105832-00401001.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 3. P. 663–687.
- Haspelmath 2011 — M. Haspelmath. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia linguistica*. 2011. Vol. 45. No. 1. P. 31–80. DOI: 10.1515/flin.2011.002.
- Haspelmath 2016 — M. Haspelmath. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. Pt. 3. P. 291–319. DOI: 10.1177/2397002215626895.
- Imbert 2013 — C. Imbert. Morpheme Order Constraints Upside Down: Verticality and Other Directions. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2013. Vol. 39. Pt. 1. P. 396–411. DOI: 10.3765/bls.v39i1.3895.
- Johnson 2000 — H. A. Johnson. *A grammar of San Miguel Chimalapa Zoque*. Doctoral thesis. Austin: University of Texas, 2000.

- Kilian-Hatz 2005 — C. Kilian-Hatz. Serial verb constructions in Khwe (Central-Khoisan). A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Vol. 2. Oxford: OUP, 2006. P. 108–123. DOI: 10.1093/oso/9780199279159.003.0004.
- Kung 2007 — S. S. Kung. *A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua*. PhD thesis. Austin: University of Texas, 2007.
- Li, Thompson 1973 — C. N. Li, S. A. Thompson. Serial Verb Constructions in Mandarin Chinese: Coordination or Subordination? *Papers from the Comparative Syntax Festival, Chicago Linguistics Society*. 1973. Vol. 9. P. 96–103.
- Lieber, Stekauer 2009 — R. Lieber, P. Stekauer (eds.). *The Oxford handbook of compounding*. Oxford: OUP, 2009.
- Margetts 1999 — A. Margetts. *Valence and transitivity in Saliba: An Oceanic language of Papua New Guinea*. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University Nijmegen, 1999. DOI: 10.17617/2.2057646.
- McKay 1975 — G. R. McKay. *Rembarrnga: a language of central Arnhem land*. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1975.
- Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation. *Language*. 1984. Vol. 60. No. 4. P. 847–894. DOI: 10.2307/413800.
- Mithun 1986 — M. Mithun. On the nature of noun incorporation. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 32–37. DOI: 10.2307/415599.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. J. Zhdanova. Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz. *Moscow: A RSS/OS-SF report (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No 584/1999)*. 2001.
- Osborne 1974 — C. R. Osborne. The Tiwi Language. *Australian Aboriginal Studies*. No. 55. (Linguistic Series. No. 21). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1974.
- Panova 2017 — N. Panova. *Morfologicheski svyazannyye konstruksii s sententsialnymi aktantami v abazinskom yazyke i v tipologicheskoy perspektive* [Morphologically bound constructions expressing sentential arguments in Abaza and in a typological perspective]. Unpublished term paper. HSE, 2017.
- Rose 2009 — F. Rose. The origin of serialization: The case of Emerillon. *Studies in Language*. 2009. Vol. 33. No. 3. P. 644–684. DOI: 10.1075/sl.33.3.05ros.
- Slobin 2004 — D. I. Slobin. The many ways to search for a frog: Linguistic Typology and the Expression of Motion Events. S. Strömquist, L. Verhoeven (eds.). *Relating events in narrative. Vol. 2. Typological and contextual perspectives*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. P. 219–257.
- Solnit 1997 — D. B. Solnit. *Eastern Kayah Li: grammar, texts, glossary*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.

- Solnit 2006 — D. B. Solnit. Verb serialization in Eastern Kayah Li. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*. Vol. 2. Oxford: OUP, 2006. P. 144–159. DOI: 10.1093/oso/9780199279159.003.0006.
- Seiler 1985 — W. Seiler. *Imonda, a Papuan language*. Canberra: The Australian National University, 1985. DOI: 10.21256/zhaw-4756.
- Smeets 2008 — I. Smeets. *A grammar of Mapuche*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2008. DOI: 10.1515/9783110211795.
- Smith 2005 — W. H. Smith. Taiwan Sign Language research: an historical overview. *Language and Linguistics*. 2005. Vol. 6. P. 187–215.
- Stewart 1963 — J. M. Stewart. Some restrictions on objects in Twi. *Journal of African Languages*. 1963. Vol. 2. Pt. 2. P. 145–149.
- Tai, Su 2013 — J. H. Tai, S. Su. Encoding motion events in Taiwan Sign Language and Mandarin Chinese: Some typological implications. G. Cao, H. Chappell, R. Djamouri, T. Wiebusch (eds.). *Breaking down the barriers: interdisciplinary studies in Chinese linguistics and beyond*. Taipei: Institute of Linguistics; Academia Sinica, 2013. P. 79–98.
- Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a cognitive semantics*. Vol. II. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- Voort 2004 — H. van der Voort. *A grammar of Kwaza*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2004. DOI: 10.1515/9783110197280.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. *A grammar of Ese Eja, a Takanan language of the Bolivian Amazon*. PhD thesis. Lyon: Université Lumière Lyon 2, 2012.
- Vuillermet 2017 — M. Vuillermet. Verb compounding in Ese'eja (Takanan). *Amerindia*. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 175–210.
- Watkins 1984 — L. J. Watkins. *A Grammar of Kiowa*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1984.
- Watters 1988 — J. Watters. *Topics in Tepehua grammar*. PhD thesis. Berkeley: University of California, 1988.
- Wojdak 2005 — R. Wojdak. *The linearization of affixes: Evidence from Nuu-chah-nulth*. Doctoral thesis. Vancouver: University of British Columbia Library, 2005.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. *Mapudungun*. (Languages of the World / Materials, 376). München: Lincom, 2006.
- Zúñiga 2017 — F. Zúñiga. Mapudungun. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Oxford: OUP, 2017. P. 696–720.
- Zwicky 1985 — A. M. Zwicky. Heads. *Journal of linguistics*. 1985. Vol. 21. No. 1. P. 1–29.

Принцип дистинктивных контекстов при анализе оппозиции имен и глаголов в качестве предикатов на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн» I в. н. э.

А. Д. Дурыманова

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); durymanova.a.d@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1634-4233

Аннотация. В статье анализируются синтаксические вариации употребления предположительно именных и глагольных лексем в позиции предиката на материале текста I в. н. э. «Луньхэн». Основными методами анализа являются дистрибутивный и дистинктивный (разработанная нами система разметки вхождений заданных лексем). Результаты показывают, что именные лексемы гораздо реже употребляются в позиции предиката, также существуют ограничения на сочетаемость лексем с дистинктивными контекстами.

Ключевые слова: лексические категории, глагол, имя, «Луньхэн», дистинктивный контекст, предикат, части речи.

A distinctive-context criterion applied for an analysis of predicate verb / noun oppositions on the evidence of “Lunheng”, a Late Classical Chinese text from the I A. D.

Anastasia D. Durymanova

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); HSE University
(Moscow, Russia); durymanova.a.d@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1634-4233

Abstract. The article analyzes syntactic variations of presumably noun and verbal lexemes functioning as predicates on the evidence of “Lunheng”, a Late Classical

Chinese text from the I A. D. One of the basic criteria for differentiating the predicate position is syntactic distribution, the other being the distinction context (DCon) approach we have developed for this purpose. This approach relies on several DCon criteria (special text components whose location near the targeted lexeme allows determining its syntactic function within the context). Employing the DCon criteria we have parsed over twenty-five thousand instances of certain targeted lexeme uses. Their syntactic interpretation shows a critical difference in the total number of verb and noun uses in the predicate position (93,68 % and 29,72 % respectively). Our analysis also came up with a list of limitations on the compatibility of nouns and verbs with certain DCon groups. This may indirectly indicate that the system of lexical categories in Old Chinese cannot be characterized as exceptionally flexible. The meaning of the lexeme also plays an important role. In particular, it was found that the lexemes of some semantic classes (social roles, objects of nature, etc.) gradually lose their ability to be used in a predicate position and in modern Chinese as they do not occur in contexts that we have marked as predicate. Our statistical analysis indicates a possibility of occasional intra-category shift. DCon statistics provide a broad picture of the possible functions of nouns and verbs and reveal some critical differences in their functioning in the Old Chinese language. Such statistical analysis can be extended by analyses of other DCons with taking into consideration the historical processes of grammaticalization, homonymy, as well as the processes of sign transformation and replacement.

Keywords: lexical categories, verb, noun, Lunheng, distinction context, predicate, parts of speech.

1. Проблемы и задачи

Хорошо известно, что выделение частей речи в древнекитайском языке представляет собой сложную и многоаспектную проблему, которая обсуждалась и обсуждается в большом числе лингвистических работ [Лю 1985; Го 2002; Юэ 2010; Zadrava 2011; Sun 2020; Bisang 2008a, 2008b; Дурьманова 2021]. Части речи в древнекитайском не могут быть выделены на основании морфологических критериев, так как эксплицитно выраженная на письме

словоизменительная морфология в древнекитайском языке отсутствует. В таком случае дистрибутивный анализ является основным методом детерминации синтаксической позиции лексемы и, исходя из этого, важным критерием исследования ее частеречных свойств.

Наиболее изученными периодами можно считать современный китайский и ранний классический китайский (V–III вв. до н. э.) [Крюков, Хуан Шуин 1978: 7]¹. Язык памятника «Луныхэн» I в. н. э., представителя конца позднеклассического этапа китайского языка, является ценным объектом для изучения, так как частеречный вопрос на срезе текстов I в. н. э. изучен не столь тщательно.

Далее для каждого иероглифического знака мы употребляем термин «лексема», так как не можем игнорировать в древнекитайском факт наличия скрытой морфологии (фонетико-грамматическое чередование в пределах одного слова, не отражающееся на письме) [Haudricourt 1972: 58–86; Jacques 2016: 205–217]. Поэтому о полном отсутствии морфологии в древнекитайском говорить было бы неправильно, соответственно, часто используемый для описания единиц древнекитайского термин «словоформа» в данном исследовании мы считаем не самым удачным.

Задача данного исследования — проанализировать синтаксические особенности лексем, способных занимать позицию предиката, на материале памятника раннеханьского периода древнекитайского языка «Луныхэн».

Для того чтобы исследовать лексемы на серьезных объективных основаниях, необходимо выработать критерии отбора класса лексем, потенциально принадлежащих к именам или глаголам. Было бы

¹ Периодизация по [Крюков, Хуан Шуин 1978: 7]:

- Архаичный язык XIV–XI вв. до н. э.
- Ранний доклассический X–VIII вв. до н. э.
- Поздний доклассический VIII–VI вв. до н. э.
- Ранний классический V–III вв. до н. э.
- Поздний классический II в. до н. э. — II в. н. э.
- Постклассический III–V вв. н. э.

неправильным привлекать интуитивный перевод лексем ввиду отсутствия каких-либо грамматических показателей, указывающих на принадлежность лексем к именам или глаголам (как, например, частицы *to* в сочетании с инфинитивами в английском языке). Иероглифическое письмо и отсутствие эксплицитной морфологии (напомним, что скрытая морфология вида фонетико-грамматического чередования не отражается на письме) не позволяют использовать этот очевидный и эффективный метод в рамках анализа древнекитайского языка. Одним из критериев анализа может стать классификация лексем в зависимости от их употребления в дистинктивных контекстах (далее ДКон / DCon), метод алгоритмического дистрибутивного анализа, предлагаемый в данной работе.

Дистинктивные контексты — элементы, стоящие в предложении рядом с лексемой, которые позволяют определять синтаксическую функцию этой лексемой как аргумента или предиката в пределах контекста. Фактически ДКон помогает идентифицировать позицию, занимаемую лексемой справа или слева от него, как предикативную (1) или аргументную (2), дистинктивными контекстами в таком случае будут модальный глагол 能 *néng* ‘мочь’ и отрицание имени 非 *fēi* ‘не [быть]’ соответственно:

(1) 有 姊 能 鼓 瑟
yǒu zǐ néng gǔ sè
 иметь женщина MOD.мочь хлопать (играть) сэ
 ‘есть [такая] женщина, [которая] может играть на сэ’.

(2) 非 利 不 動
fēi lì bù dòng
 NEG выгода NEG двигаться
 ‘не двинуться, пока не [будет] выгоды’.

Один и тот же ДКон не может идентифицировать позицию и аргумента, и предиката одновременно (на базе исследуемого материала). Это также поясняется в *Разделе 2.1*.

В процессе выбора лексем, способных задавать ДКон, следует учитывать ту функцию, которую они выполняли в момент создания

текста, а именно, в I веке н. э., то есть принимать во внимание исторические процессы грамматикализации, омонимию, процессы замещения и вытеснения одного знака другим и др. [Haspelmath 1990: 25–74]. Так, например, показатель пассива 被 *bèi* на этапе позднедревнекитайского пока еще не употребляется в предложениях с пассивом, но играет роль переходного глагола, что дает нам возможность использовать его как ДКон предикативного контекста [Дурыманова 2022: 114–127].

Всего в «Луньхэн» 3182 лексемы, включая имена, глаголы, прилагательные, местоимения, служебные частицы, эмфатические частицы и т. д. Для чистоты анализа были отобраны знаменательные лексемы, обозначающие действия и понятия (как физические, так и абстрактные), всего 243 лексемы. На основании данных, представленных в Большом китайском словаре [Ханьюй да цыдянь 1993] все 243 лексемы были разделены на две группы: предположительно именные (148 лексем) и предположительно глагольные (95 лексем). В данном исследовании мы учитывали толкования первых словарных статей для каждой лексемы. Словарные статьи, дающие пояснение той или иной лексеме (то есть в нашем случае действия, объекты, предметы, понятия — глагольное или именное толкование), расположены авторами-составителями по частотному признаку. Наиболее употребительные и ранее встреченные варианты использования будут даны в первой словарной статье. Именно эти две группы далее и будут сравниваться с целью выявить различия в их синтаксических функциях. После обработки 84 241 вхождения лексем из списка были получены численные данные по употреблению предположительно именных и предположительно глагольных лексем в аргументных и предикативных позициях. Оказалось, что не всегда предположительно именные лексемы бывают размечены в позиции аргумента, как и предположительно глагольные — в позиции предиката, что может свидетельствовать о потенциале лексемы к синтаксическому сдвигу.

Для идентификации предикативной позиции были отобраны 10 групп ДКон. При помощи ДКон 9810 вхождений анализируемых лексем были размечены как занимающие позицию предиката

(11,64%), 15 965 — как занимающие позицию аргумента (18,95%), 58 186 вхождений остались неразмеченными ввиду отсутствия ДКон в клаузе. При этом каждую из 243 лексем удалось разметить хотя бы в некоторых случаях.

Задачей данного исследования является сравнительный анализ предположительно именных лексем в позиции предиката и предположительно глагольных лексем в позиции предиката.

2. Анализ позиции предиката

2.1. Предикативные дистинктивные контексты

Для анализа предикативной позиции использовалось 10 групп ДКон. Их описание дано ниже.

2.1.1. Глагольный союз 則 *zé*; 抑 *yì* (позиция после глагольного союза — предикат)

則 *zé* ‘следовательно...; значит...; оказалось, что...’ управляет рематической частью высказывания. Ввиду общей структуры предложения SVO начальная позиция субъекта высказывания не помещает его в фокус. Маркирование фокуса возможно при помощи глагольного союза 則 *zé*, который в данном случае оказывается связан с демонстративом 茲 *zī* или 此 *cǐ*. То есть постройка 則 *zé* перед рематической частью обусловлена необходимостью поместить в фокус тему, именную фразу. Впервые появляется в текстах раннего доклассического периода, восходит к знаменательному 則 *zé* ‘закон, правило; следовать, подражать, уподобляться’.

抑 *yì* ‘или’ — показатель синтаксических отношений в клаузе, в частности показатель разделительной связи между предикатами, так же, как и 則 *zé*, не способен выступать в качестве значимого члена предложения, то есть в качестве аргументов, атрибутов, предикатов.

2.1.2. Местоимение третьего лица 之 *zhī* (позиция перед местоимением — предикат)

Синтаксис простого предложения в древнекитайском языке отличается отсутствием предложных дополнений (в случае необходимости такое дополнение вводится посредством вспомогательного глагола). Однако ограниченное количество глаголов способно сочетаться с двумя беспредложными дополнениями, в том числе выраженными местоимением. Местоимение 之 *zhī* не способно употребляться в позиции субъекта, поэтому объектная позиция видится единственно возможной ввиду структуры предложения SVO. Вследствие этого появляется необходимость употребления объектного местоимения 3-го л. 之 *zhī*. В большинстве случаев речь идет о бенефактивных глаголах. При этом логический пациенс ситуации — дополнение, которое нельзя опустить, а в роли бенефактива выступает косвенный адресат, пропуск которого допускается. Подобные конструкции являются источником синтаксической омонимии, вследствие чего встречаются довольно редко. Один из способов избежать омонимии — использование анафорического местоимения 3-го л. в качестве бенефактива:

- (3) a. 子   告   孟懿   聞
zǐ   *gào*   *Mèng Yì*   *wén*
 учитель   сообщать   Мэн И   новость
 ‘учитель сообщил Мэн И новости’.

В связи с отсутствием каких-либо атрибутивных показателей, постановка которых в данном предложении тоже возможна, но не является обязательной, данная фраза может быть также истолкована как ‘Учитель сообщил новости о Мэн И’, то есть Мэн И + (ATR) + новость.

- (3) b. 子   告   之   聞
zǐ   *gào*   *zhī*   *wén*
 учитель   сообщил   3.PRON   новость
 ‘учитель сообщил ему новость’.

Атрибутивный показатель 之 *zhī* в древнекитайском является омофоном и омографом местоимения 3-го л. 之 *zhī*. Но предложение (3b) не может быть истолковано никак кроме ‘сообщать ему новость’. В случае, если 之 *zhī* здесь было в качестве атрибутивного показателя, то предложение истолковывалось бы как словосочетание с атрибутивной связью ‘новость, которую сообщил учитель’. Учитывая окружающий контекст, следует делать выбор: является ли анализируемая фраза предложением с анафорическим местоимением 3-го л. 之 *zhī* или словосочетанием с атрибутивной частью 之 *zhī*. Поэтому такого рода конструкции снимают синтаксическую омонимию в предложениях с бенефактивными глаголами. В примере (3b) очевидно, что 之 *zhī* является местоимением.

В конструкциях с глаголами, выражающими идею помещения или перемещения кого.-л./чего-л. на какое-л. место (‘ставить’, ‘класть’, ‘бросать’ и т. п.), перемещаемый объект часто заменяется местоимением 3-го л. [Старостин 1994: 93–126]. Логический объект, подвергаемый изменению, перемещению, — обязательный аргумент, который нельзя опустить, локатив же, финальную точку приложения действия, ситуация позволяет опустить.

2.1.3. Служебный глагол времени 嘗 *cháng*; 將 *jiāng*; 已 *yǐ*; 既 *jì* (позиция после служебного глагола времени — предикат)

Данные глаголы способны управлять только глагольной группой и являются показателями времени:

嘗 *cháng* — показатель давно прошедшего времени, восходит к 嘗 *cháng* ‘пытаться, пробовать’;

將 *jiāng* — показатель будущего времени, намерения или ожидания; восходит к глаголу ‘собираться, намереваться’;

既 *jì*, 已 *yǐ* — показатели завершенности действия. В период классического языка, распространенный в архаичный период 既 *jì* постепенно вытесняется более частотным 已 *yǐ*, но продолжает встречаться в текстах как плюсквамперфект ‘после того, как...; раз (уж), поскольку...’.

- (4) 既 庶 矣 又 何 加 焉
jì shù yǐ yòu hé jiā yān
 раз уж множество EXCL ADV.еще Q.что добавлять PTCL
 ‘раз [их] так много, что еще можно сделать?’

2.1.4. Утвердительное служебное наречие 且 *qiě*; 乃 *nǎi*; 亦 *yì*;
 便 *biàn*; 即 *jí*; 又 *yòu*; 尚 *shàng*; 徒 *tú*; 皆 *jiē*; 苟 *gǒu*
 (позиция после утвердительного служебного наречия — предикат)

Данные служебные наречия употребляются в препозиции к предикату, стоят строго после субъекта в соответствии с фиксированной позицией наречий [Старостин 1994: 93–126]:

且 *qiě* ‘к тому же, кроме того’ связывает однородные предикаты;
 乃 *nǎi* ‘тогда; после этого; оказалось, что...’ соединяет хронологически последовательные действия. В поздних классических текстах иногда заменяется на 即 *jí* ‘после того, как...; раз (уж), поскольку...’. В постклассическом языке практически вытесняется более частотным 便 *biàn* ‘тогда, после этого’;

亦 *yì* ‘тоже, также; опять-таки’;

又 *yòu* ‘к тому же, кроме того, опять’;

尚 *shàng* ‘более того, даже’;

徒 *tú* ‘только’;

皆 *jiē* ‘весь, все’;

苟 *gǒu* ‘любым способом, лишь бы только’, может переводиться как ‘если (бы)’.

Данный класс ДКон было решено разграничить с классом отрицательных служебных наречий. Синтаксические функции того и другого класса ДКон совпадают, но по причине обращения с большими данными, разграничение видится удовлетворительной идеей. Данное решение помогло избежать статистически значимого увеличения процента сочетаемости с анализируемыми лексемами, что могло бы повлечь искаженное толкование зависимостей и связей.

2.1.5. Отрицательное служебное наречие 勿 *wù*; 否 *fǒu*; 弗 *fú*; 未 *wèi* (позиция после отрицательного служебного наречия — предикат)

Данные служебные наречия встречаются исключительно в позиции перед предикатом, стоят строго после субъекта [Старостин 1994: 93–126]:

勿 **mət / wù* является фонетическим стяжением запретительного 無 **mə / wú* ‘не’ и местоимения 3-го л. 之 **tə / zhī* (**mət + *tə = *mət*). 無 *wú* не используется в качестве ДКон, так как также способно толковаться как переходный глагол ‘не иметь’;

否 *fǒu* является производным от отрицания 不 *bù* ‘не’, также способно использоваться в качестве самостоятельного отрицательного предложения ‘нет’;

弗 **pət / fú* является фонетическим стяжением отрицания 不 **pə / bù* с последующим объектным местоимением 3-го л. 之 **tə / zhī* (**pə + *tə = *pət*);

未 **məc / wèi* ‘еще не...; никогда не...’ является фонетическим стяжением запретительного 無 **mə / wú* ‘не’ и 既 **kəc / jì* показателя завершенности действия (**mə + *kəc = *məc*).

Что касается 勿 **mət / wù* и 未 **məc / wèi*, то их часто относят к другой группе отрицательных служебных наречий по фонетическому принципу: инициали² m/w, f [Pulleyblank 1995: 103]. 勿 **mət / wù* связывают такие же зависимые отношения с 毋 *wú* (запретительное), какие связывают 弗 **pət / fú* и 不 *bù* соответственно. Мы не включали 毋 *wú* в список ДКон по соображениям крайне малой частотности в тексте и, как следствие, малой репрезентативности. 勿 **mət / wù* может использоваться в косвенном придаточном предложении даже в постпозиции модального глагола (где употребление 不 *bù* крайне ограничено):

- (5) 人 皆 有 之 賢 者
rén jiē yǒu zhī xián zhě
 человек весь иметь 3.PRON мудрец TOP

² Начальная консонантная группа.

能	勿	喪	耳
<i>néng</i>	<i>wù</i>	<i>sāng</i>	<i>ěr</i>
MOD	NEG	терять	PTCL

‘его имеют все люди; разница только в том, что мудрецы могут не потерять его’.

未 **mǎc / wèi* ‘еще не...; можно расценивать также как аспектуальное отрицание. По семантической причине на употребление 未 **mǎc / wèi* накладываются ограничения: например, в таких предложениях не может употребляться конечная частица 矣 *yǐ*, подчеркивающая изменение состояния, то есть завершение одной ситуации или начало другой [Pulleyblank 1995: 109]. Подобных ограничений на употребление 不 *bù* не накладывается.

2.1.6. Отрицание 不 *bù*

Следует оговорить причину вынесения 不 *bù* ‘не’ в отдельную категорию ДКон, за рамки схожей по семантике группы «Отрицательное служебное наречие». Изначально 不 *bù* ‘не’, 否 *fǒu*, 弗 *fú* могут быть объединены в одну группу по фонетическому критерию, косвенно указывающему на их созависимые позиции: инциали p/f [Pulleyblank 1995: 103]. Так, раннесреднекитайское (early middle Chinese) чтение 不 *bù* ‘не’ будет соответственно **fou*. Такое же чтение соответствует и 否 *fǒu* (**fou*). Знак 否 *fǒu* изначально в ранних текстах (преимущественно доциньской эпохи) записывался как 不 *bù*. Позднее в период классического китайского часто заменял конструкцию 不 *bù* + глагол, где глагол опускался, тем самым обозначая краткий ответ ‘нет’ 否 *fǒu*. Возвращаясь к 不 *bù* ‘не’: если его оригинальным чтением было **fou*, то откуда развивается *bù*? Очевидно, что оно формируется благодаря другой зависимой от 不 *bù* лексеме 弗 **pət / fú*, чье чтение на этапе раннедревнекитайского соответствовало **puw* или **put*. Развившаяся 不 **pət* обнаруживается в южных диалектах китайского (минь-нань, юэ и пр.). Таким образом, можно заметить, что 否 *fǒu* и 弗 *fú* (стяжение 不 **pə / bù* и объектного местоимения 3-го л. 之 **tə / zhī*) являются образованными и зависимыми от 不 *bù* отрицательными служебными наречиями.

Таким образом видим, что 勿 **mət/wù* и 未 **məc/wèi* не только относятся к иной фонетической группе, нежели 不 *bù*, но и употребление первых двух в предложениях требует некоторых грамматических ограничений.

Исходя из всего вышеуказанного, было решено выделить 不 *bù* ‘не’ в отдельный пункт ДКон по фонетическим, семантическим, грамматическим, историческим и частотным причинам (так как из всех вышеуказанных ДКон 不 *bù* является наиболее продуктивной и частотной в тексте «Луньхэн»).

2.1.7. Наречие степени 易 *yì*; 難 *nán* (позиция после наречия степени — предикат)

Данную группу ДКон можно выделить специально для текста «Луньхэн» с учетом его языковых особенностей, так как 易 *yì* ‘легко’ и 難 *nán* ‘сложно’ являются далеко не единственными возможными ДКон, которые можно было бы отнести к наречиям степени. Но ввиду их большой частотности в этом тексте (ср. 易 *yì* число употреблений в «Луньхэн» 227 раз, 難 *nán* 284 раза, а, например, 快 *kuài* ‘быстро’ 9 раз) было принято решение использовать для обработки и анализа лексем из текста именно 易 *yì* ‘быть легким, легко’, 難 *nán* ‘быть трудным, трудно’.

Мы понимаем, что при анализе полученных при вхождении с 易 *yì* ‘легко’ и 難 *nán* ‘сложно’ сочетаний могут возникнуть разночтения из-за их многозначности. Но ввиду ограничений самого анализируемого материала (значимые лексемы, предположительно именные и глагольные, то есть действия, предметы, события и пр.), выбранные для анализа лексемы изначально не могут быть обнаружены в коллокации с 易 *yì* ‘быть легким’ и 難 *nán* ‘быть трудным’, так как последние уже занимают предикативную позицию, обнаруживая признаки нулевой валентности.

Возможные разночтения при предикативном трактовании типа ‘изменить’ или ‘усложнить’ маловероятны из-за их низкой частоты, а также клишированности их употребления на этапе поздне-

древнекитайского и текста «Луньхэн» в частности. Например, наиболее частой в этом тексте будет фраза:

- (6) a. 易其形 *yì qí xíng*
(изменять-3.PRON.его-форма),

либо при употреблении в конце клаузы:

- (6) b. 月不易 *yuè bù yì*
(луна-NEG-меняться).

Все возможные разночтения также были подвергнуты ручной проверке.

2.1.8. Модальный глагол 可 *kě*; 能 *néng*; 足 *zú* (позиция после модельного глагола — предикат)

В эту группу входят несколько лексем с модальным значением: 可 *kě* ‘быть возможным’, 足 *zú* ‘быть достаточным, стоящим’ в сочетании с объектом X, который может быть выражен только словом с глагольным значением, они приобретают значение ‘делать X возможным’ = ‘давать возможность X’ и т. п.;

能 *néng* ‘мочь, быть в состоянии’ обычно употребляется с дополнением, обозначающим действие или состояние.

2.1.9. Показатель рефлексива 自 *zì* (позиция после рефлексива — предикат)

Местоименное наречие 自 *zì* ‘самостоятельно; себя’ выступает в функции определения к предикату, стоит строго после субъекта перед предикатом [Pulleyblank 1995: 136]. Оно обычно кореферентно субъекту определяемого предиката.

При таком употреблении 自 *zì* ‘самостоятельно; себя’ может указывать на то, что действие переходного глагола обращено на субъект:

- (7) 王自殺 *wáng zì shā*
(правитель-REFL-убивать)
‘правитель наложил на себя руки’.

Либо, если глагол непереходный или имеется другой объект при переходном глаголе, оно подчеркивает единоличное и самостоятельное участие субъекта в совершении действия:

- (8) 王自殺之 *wáng zì shā zhī*
(правитель-REFL-убивать-3.PRON)
‘правитель собственлично убил его’.

2.1.10. Показатель реципрока 相 *xiāng* (позиция после реципрока — предикат)

Показатель реципрока 相 *xiāng* ‘взаимно, друг друга’ употребляется строго перед предикатом, часто заменяет опущенный объект, подразумеваемый переходным глаголом [Pulleyblank 1995: 136]:

- (9) 獸相食 *shòu xiāng shí*
(зверь-RCP-есть)
‘звери поедают друг друга’.

Начиная с эпохи Хань слово регулярно употребляется также в функции показателя направленности действия на объект. Оно, так же, как и 自 *zì* ‘самостоятельно; себя’, может рассматриваться как местоимение или показатель залога [Старостин 1994: 93–126].

2.2. Частотный анализ отдельных лексем в позиции предиката в тексте «Луньхэн» и в современных текстах и семантическая составляющая

Результаты автоматического парсинга текста «Луньхэн» (извлечения структурированной информации из неструктурированных или полуструктурированных данных) показывают, что все 95 предположительно глагольных лексем оказались размечены как предикат хотя бы в одной клаузе (то есть все анализируемые лексемы хотя бы раз функционировали как предикат предложения), 139 именных лексем также хотя бы один раз были размечены как глагол, 9 именных

лексем из выборки не встретились с ДКон предикативной позиции ни разу, что может косвенно указывать на их неспособность употребляться в позиции предиката при наличии ДКон, свойственных предикативной позиции. Отнюдь не каждая глагольная лексема может быть обнаружена в позиции предиката в тексте «Луньхэн». Мы полагаем, что немалую роль играют и семантические свойства. Так, например, именные лексемы, относимые к социальным ролям и классам, наиболее часто обнаруживают способность к деривации имя — деноминативный глагол. Так, например, 9 лексем ни разу не были обнаружены в предикативных ДКон. Большинство из них могут быть отнесены к категории имен (согласно древнекитайским лексикографическим источникам):

- 夜 *yè* ‘ночь’ (абсолютное количество 99 употреблений);
- 宅 *zhái* ‘жилище’ (абсолютное количество 127 употреблений);
- 家 *jiā* ‘семья’ (абсолютное количество 314 употреблений);
- 氏 *shì* ‘род’ (абсолютное количество 107 употреблений);
- 獸 *shòu* ‘зверь’ (абсолютное количество 117 употреблений);
- 石 *shí* ‘камень’ (абсолютное количество 188 употреблений);
- 福 *fú* ‘счастье’ (абсолютное количество 130 употреблений);
- 術 *shù* ‘искусство’ (абсолютное количество 127 употреблений);
- 路 *lù* ‘дорога’ (абсолютное количество 105 употреблений).

Чтобы проверить целесообразность предположения о том, что семантическая составляющая может влиять на способность лексем попадать в предикативный контекст (а точнее, ее неспособность ввиду семантических причин), было решено провести краткий сравнительный анализ сочетаемости выбранных 243 лексем с предикативными ДКон на материале «Луньхэн» и на материале современного русско-китайского корпуса. Чтобы получить более четкую картину возможных различий или сходств критериев категориальной принадлежности исследуемых 250 лексем из «Луньхэн» (предположительно именных и глагольных), мы проанализировали данный список на материале параллельного

русско-китайского корпуса современных текстов³. Ограничения по выборке текстов: не ранее 1950-х годов, тексты научно-технического жанра исключаются.

Мы сопоставили частотность заданных лексем в аргументных и предикативных контекстах в «Луньхэн» и частотность аналогичных лексем в соответствующих контекстах в корпусе.

В целях уравнивания полученных результатов в некоторые группы контекстов для анализа по корпусу были внесены изменения:

- показатели по частоте встречаемости практически во всех предикативных (демонстратив, кванторное местоимение, обстоятельство времени, переходный глагол, определение без атрибутивного показателя, число) и аргументных (глагольный союз, служебное наречие времени, утвердительное служебное наречие, отрицательное служебное наречие, наречие степени, модальный глагол) контекстах были объединены, т. к. для исследования нецелесообразно разделять результаты для каждого отдельного контекста;
- атрибутивный показатель (аргументный дистинктивный контекст) 之 *zhī* для анализа по корпусу был заменен на современный 的 *de*, т. к. первый вышел из широкого употребления, оставшись архаизмом в некоторых идиоматических выражениях, речи высокого стиля и некоторых художественных приемах. Однако анализ по сочетаемости в корпусе лексем с 之 *zhī* также был проведен.

В количественном измерении мы получили соизмеримые результаты частотности и в «Луньхэн», и в корпусе. Вследствие чего мы можем заключить, что проведение подобного сравнения не будет искаженным в виду сильного различия в показателях частотности (Табл. 1, с. 464).

---

³ <http://ruzhcorp.ruscorpora.ru/>

Таблица 1. Сравнительные количественные данные предикативных дистинктивных контекстов в «Луньхэн» и в русско-китайском корпусе

Table 1. Comparative quantitative data of predicative distinctive contexts in “Lunheng” and in the Russian-Chinese corpus

	РК корпус	«Луньхэн»
Отрицание		
Абсолютное количество употреблений с заданными лексемами	3548	3196
Доля общего числа употреблений с заданными лексемами	4,9 %	4,2 %
Абсолютное количество лексем в данном контексте	76	159
Доля общего числа лексем в данном контексте	30,5 %	63,9 %
Модальный глагол		
Абсолютное количество употреблений с заданными лексемами	3784	1186
Доля общего числа употреблений с заданными лексемами	5,3 %	1,6 %
Абсолютное количество лексем в данном контексте	53	122
Доля общего числа лексем в данном контексте	21,3 %	49,0 %
Утвердительное служебное наречие		
Абсолютное количество употреблений с заданными лексемами	972	1272
Доля общего числа употреблений с заданными лексемами	1,4 %	1,7 %
Абсолютное количество лексем в данном контексте	71	191
Доля общего числа лексем в данном контексте	28,5 %	76,7 %
Наречие степени		
Абсолютное количество употреблений с заданными лексемами	69	164
Доля общего числа употреблений с заданными лексемами	0,1 %	0,2 %
Абсолютное количество лексем в данном контексте	14	48
Доля общего числа лексем в данном контексте	5,6 %	19,3 %

После проведенного анализа мы исключили из списка сравниваемых лексем 15 ни разу не встретившихся ни в одном контексте в корпусе:

- 帝 *dì* ‘император’;
- 儒 *rú* ‘конфуцианец’;
- 吏 *lì* ‘чиновник, писец’;
- 吉 *jí* ‘удача, хорошая примета’;
- 益 *yì* ‘выгода’;
- 居 *jū* ‘жить, жилье’;
- 祖 *zǔ* ‘предок’;
- 侯 *hóu* ‘феодальный властитель’;
- 瑞 *ruì* ‘яшмовая платина’;
- 祀 *sì* ‘жертвоприношение, приносить жертву’;
- 宅 *zhái* ‘жилище’;
- 稟 *bǐng* ‘докладывать, ходатайство’;
- 適 *shì* ‘соответствовать’;
- 徙 *xǐ* ‘перемещаться, переселяться’;
- 誅 *zhū* ‘кара, карать’.

В рамках исследования предикативной позиции мы уделили внимание 29 лексемам, ни разу не встретившимся в предикативных контекстах в современном корпусе, но более одного раза встретившимся в аналогичных контекстах в «Луньхэн»:

- 天 *tiān* ‘небо’;
- 書 *shū* ‘книга’;
- 極 *jí* ‘предел’;
- 類 *lèi* ‘вид’;
- 草 *cǎo* ‘трава’;
- 魚 *yú* ‘рыба’;
- 東 *dōng* ‘восток’;
- 欲 *yù* ‘желать’;
- 金 *jīn* ‘металл’;
- 雨 *yǔ* ‘дождь’;
- 西 *xī* ‘запад’;

- 北 *běi* ‘север’;
- 公 *gōng* ‘князь’;
- 南 *nán* ‘юг’;
- 龍 *lóng* ‘дракон’;
- 性 *xìng* ‘пол (ж/м)’;
- 度 *dù* ‘расщелина’;
- 雲 *yún* ‘говорить’;
- 法 *fǎ* ‘закон, метод’;
- 政 *zhèng* ‘правление’;
- 富 *fù* ‘богатство’;
- 射 *shè* ‘стрелять из лука’;
- 升 *shēng* ‘повышать’;
- 官 *guān* ‘чиновник’;
- 論 *lùn* ‘рассуждать’;
- 尊 *zūn* ‘уважать’;
- 葬 *zàng* ‘хоронить’;
- 目 *mù* ‘глаз’;
- 體 *tǐ* ‘тело’.

Лексемы из списка можно условно разделить на разные семантические классы, в зависимости от того, обозначают ли они объект или действие.

Наше деление на семантические классы опирается на более ранние работы по анализу частей речи разных периодов древнего китайского языка, в частности [Sun 2020: 154–155], в работе которой предлагается 11 семантических классов. Само же исследование Сунь опирается на работу Бизанга [Bisang 2008a: 568–589].

Лексемы, обозначающие объект, из вышеприведенного списка распадаются на несколько семантических классов. Их возможные предикативные функции, переходные и непереходные (П и НП), предложил Бизанг [Bisang 2008b: 55–88]:

Социальные роли: 公 *gōng* ‘князь’, 官 *guān* ‘чиновник’.

Возможные предикативные функции:

непереходные

быть / являться КЕМ-ТО;

вести себя так, как КТО-ТО

переходные

S1 действует в отношении OBJ как КТО-ТО;

S1 делает так, что OBJ становится КЕМ-ТО;

S1 думает о OBJ как о КОМ-ТО

Флора и фауна: 草 *cǎo* ‘трава’, 魚 *yú* ‘рыба’, 龍 *lóng* ‘дракон’

Возможные предикативные функции:

непереходные

S делает то, что обычно делают с КЕМ-ТО

Становиться КЕМ-ТО

S претерпевает или испытывает то, что обычно совершает КТО-ТО

переходные

S1 действует в отношении OBJ так, как обычно действуют в отношении КОГО-ТО

Инструмент: 書 *shū* ‘книга’

Возможные предикативные функции:

непереходные

S делает то, что обычно делают, используя ЧТО-ТО;
использовать ЧТО-ТО так, как это стандартно используют.

переходные

S1 действует в отношении OBJ так, как обычно действуют, используя ЧТО-ТО;

S1 использует OBJ как ЧТО-ТО;

S1 делает так, что OBJ обладает ЧЕМ-ТО

Элементы природы: 天 *tiān* ‘небо’, 度 *dù* ‘расщелина’, 金 *jīn* ‘металл’, 雨 *yǔ* ‘дождь’

Возможные предикативные функции:

непереходные

ЧТО-ТО происходит

S претерпевает или испытывает ЧТО-ТО

переходные

S1 использует ЧТО-ТО как инструмент в отношении OBJ

Мораль, нравственность и закон: 法 *fǎ* ‘закон, метод’, 政 *zhèng* ‘правление’, 富 *fù* ‘богатство’

Возможные предикативные функции:

непереходные

S ведет себя в соответствии с ЧЕМ-ТО

переходные

S1 расценивает OBJ как ЧТО-ТО

S1 следует OBJ как ЧЕМУ-ТО

S1 расценивает OBJ в соответствии с ЧЕМ-ТО

S1 применяет ЧТО-ТО в отношении OBJ

S1 относится к OBJ, используя ЧТО-ТО

Части тела: 目 *mù* ‘глаз’, 體 *tǐ* ‘тело’

Возможные предикативные функции:

непереходные

S делает то, что обычно делают с ЧЕМ-ТО

переходные

S1 делает с OBJ то, что обычно делают с ЧЕМ-ТО

Сверхъестественное: 極 *jí* ‘предел’ (Великий Предел)

Возможные предикативные функции:

непереходные

ЧТО-ТО происходит

S претерпевает или испытывает ЧТО-ТО

переходные

S1 использует ЧТО-ТО как инструмент в отношении OBJ

Направление: 東 *dōng* ‘восток’, 西 *xī* ‘запад’, 北 *běi* ‘север’, 南 *nán* ‘юг’

Данный семантический класс не проанализирован в вышеуказанных исследованиях, но, основываясь на наших данных, мы делаем вывод, что возможные предикативные функции:

непереходные

Направляться КУДА-ТО

Совершать действия по направлению КУДА-ТО.

Таким образом, лексемы, попадающие в один из предложенных восьми семантических классов в современном китайском (по данным анализа текстов корпуса при помощи предикативных ДКон), в абсолютном большинстве не склонны маркированно употребляться в предикативных позициях. Вопрос немаркированного употребления остается открытым. Полученные данные помогут привести косвенные аргументы в пользу прототипичности некоторых предположительно именных лексем. То есть если лексема потенциально попадает под критерии выделения восьми семантических классов, это говорит о том, что в результате глоттогенеза от позднедревнекитайского к современному китайскому ее способность быть использованной в предикативном контексте стремится более к нулю, чем сохраняется.

Если сравнивать текст «Луньхэн» и тексты корпуса, конечно, можно предположить, что частеречная система китайского I в. н. э. более гибкая. Но, на наш взгляд, было бы неверно рассматривать древнекитайский и современный китайский как одно явление, один язык. Стоит учитывать, рассматриваемая система синтаксических позиций сейчас в сравнении с современным языком видится как нечто более гибкое, на этапе I в. н. э. соответствовало языковым правилам того периода.

2.3. Общие данные по частотности

На основании результатов частотного анализа 9810 клауз можно построить гистограмму, наглядно демонстрирующую частоту встречаемости глагольных и именных лексем в предикативных и аргументных контекстах (*Табл. 1 и 2*). Абсолютное количество случаев употребления глагольных и именных лексем в предикативных контекстах также дается в соответствующих *Табл. 2 и 3*. Данные таблиц могут наглядно иллюстрировать продуктивность и эффективность взаимодействия разных групп ДКон с потенциально глагольными и потенциально именными лексемами. То есть можно наблюдать разницу в сочетаемости анализируемого материала с ДКонами, что

в свою очередь пока только в числовых выражениях косвенно указывает на разный приоритет выбора предикативных ДКон, в зависимости от того, попадает ли в его сферу влияния потенциально именная или потенциально глагольная лексема.

Таблица 2. Процентные и абсолютные числовые данные по встречаемости групп предикативных ДКон с предположительно глагольными лексемами

Table 2. Predicative DCons frequency (percentage and absolute numbers) for presumably verb lexemes

Группы предикативных контекстов	Абсолютное число	Частотность (%)
наречение степени	137	2 %
показатель реципрока	165	2 %
служебный глагол времени	200	3 %
показатель рефлексива	260	4 %
служебное наречие отрицательное	381	6 %
глагольный союз	393	6 %
местоимение 3-го л.	560	8 %
служебное наречие утвердительное	830	12 %
модальный глагол	1067	16 %
отрицание	2688	41 %

Таблица 3. Процентные и абсолютные числовые данные по встречаемости групп предикативных ДКон с предположительно именными лексемами

Table 3. Predicative DCons frequency (percentage and absolute numbers) for presumably noun lexemes

Группы предикативных контекстов	Абсолютное число	Частотность (%)
наречение степени	26	1 %
служебное наречие отрицательное	33	1 %
показатель реципрока	37	2 %
показатель рефлексива	77	4 %
служебный глагол времени	78	4 %

Группы предикативных контекстов	Абсолютное число	Частотность (%)
местоимение 3-го л.	192	9%
модальный глагол	303	15%
глагольный союз	385	19%
служебное наречие утвердительное	434	21%
Отрицание	489	24%

Если рассматривать наиболее частотные предикативные ДКон, то можно увидеть, что первые пять позиций в обеих гистограммах занимают одни и те же группы ДКон, различия только их частотность и позиция в соответствии с частотностью: отрицание, модальный глагол, утвердительное служебное наречие, объектное местоимение 3-го л. и глагольный союз. Внутри каждой из групп отдельные ДКон могут резко отличаться по частотности. Повышенный процент частотности, общий для всей группы ДКон, может обуславливаться высокой частотностью только лишь одного или нескольких ДКон из группы, в то время как другие ДКон той же группы могут быть крайне низкочастотными. Так, вторая по частотности группа — модальные глаголы (Табл. 1) содержит как самый частотный модальный глагол 能 *néng* ‘быть способным’, так и модальный 可 *kě* ‘быть способным’, занимающий лишь шестую позицию, а 足 *zú* ‘быть достаточным для’ оказывается одним из наименее частотных контекстов в принципе (Рус. 1, с. 472). Высокочастотный 能 *néng* ‘быть способным’ дает всей группе ДКон модальных глаголов повышенную частотность.

То же самое отличает и предикативные ДКон для именных лексем. Несмотря на то, что группа глагольного союза является третьей по частотности, один из глагольных союзов 则 *zé* на практике является наиболее частотным после отрицания 不 *bù*, а другой глагольный союз 抑 *yì* является наименее частотным (Рус. 2, с. 472).

Голые статистические факты не могут служить основанием для выводов о существовании функциональных синтаксических различий между именами и глаголами, однако могут помочь в более детальном анализе особых характеристик каждой лексемы.

Рис. 1. Частотность отдельных предикативных контекстов, в которых употребляются глагольные лексемы

Fig. 1. Specific predicative DCon frequency for verb lexemes

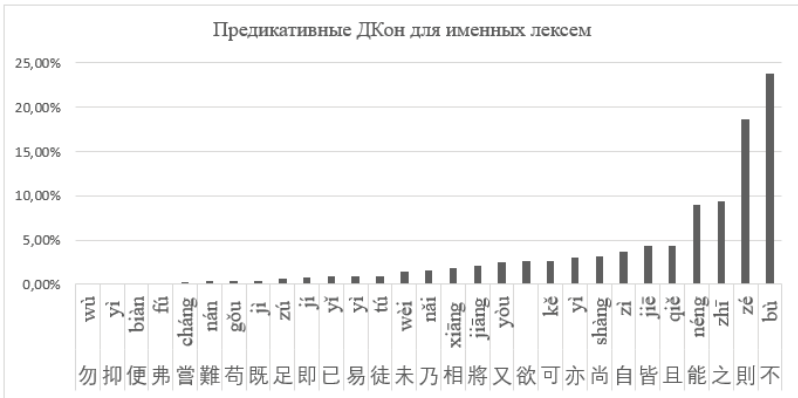

Рис. 2. Частотность отдельных предикативных контекстов, в которых употребляются именные лексемы

Fig. 2. Specific predicative DCon frequency for noun lexemes

2.4. Импликации предикативных контекстов

Следующим этапом анализа является разметка всех 243 лексем, вне зависимости от того, приписываются ли им именные или глагольные характеристики, по их сочетаемости с пятью наиболее частотными предикативными ДКон: отрицанием, модальными глаголами, утвердительными служебными наречиями, объектным местоимением 3-го л. и глагольным союзом.

В результате мы получили пять групп пересекающихся множеств, на основании анализа которых можем выявить некоторые импликации, то есть направление зависимостей и условия ограничения сочетаемости предположительно глагольных и предположительно именных лексем с предикативными ДКон (Рис. 3).

А. Те лексем, которым предшествует модальный глагол, могут быть оформлены и отрицанием в препозиции.

В. Те лексем, за которыми следует объектное местоимение 3-го л., могут быть оформлены и модальным глаголом в препозиции.

С. Те лексем, которым предшествует утвердительное служебное наречие, могут быть оформлены и отрицанием в препозиции.

Д. Те лексем, которым предшествует глагольный союз, могут быть оформлены и утвердительным служебным наречием в препозиции.

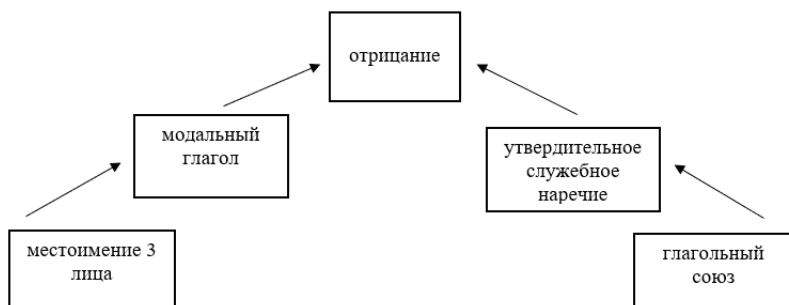

Рис. 3. Импликации предикативных контекстов

Fig. 3. Predicate DCon implication

Таким образом получаем некоторые связи, где все размеченные лексемы имеют потенциал сочетаемости либо с левой веткой импликации (местоимение 3-го л., модальный глагол), либо с правой веткой (глагольный союз, утвердительное служебное наречие). Чем выше уровень в импликации (например, второй уровень — модальный глагол и утвердительное наречие), тем выше шансы лексемы попасть в ДКон отрицание. Однако обратная зависимость неверна: попадание в предикативный ДКон отрицание не означает возможность продвижения лексемы по левой или правой веткам вниз (к местоимению 3-го л. или глагольному союзу соответственно). Это говорит о том, что чем выше у лексемы потенциал предикативности, тем вероятнее она сможет пройти от нижнего до верхнего уровня импликации. Если же потенциал предикативности невысок, то лексема наиболее вероятно будет удовлетворять только верхнему уровню импликации — предикативный ДКон отрицание в крайне малом количестве вхождений, без вариативности сочетаний типа отрицание+местоимение 3-го л. Предполагается, что потенциал предикативности скорее оценивается возможностью лексем удовлетворять критериям импликации, то есть способностью появляться в двух и более контекстах.

2.5. Некоторые условия и ограничения употребления лексем в предикативных контекстах

2.5.1. Глагольные лексемы и предикативные контексты

Все глагольные лексемы встретились хотя бы в одном из контекстов пяти групп импликаций (Рис. 3), за исключением шести лексем:

- 齊 *qí* ‘уравнивать’ (абсолютное количество употреблений в тексте 126)';
- 化 *huà* ‘изменяться’ (абсолютное количество употреблений в тексте 138)';
- 流 *liú* ‘течь’ (абсолютное количество употреблений в тексте 141)';

- 操 *cāo* ‘держать в руках’ (абсолютное количество употреблений в тексте 147)’;
- 始 *shǐ* ‘начинаться’ (абсолютное количество употреблений в тексте 137)’;
- 會 *huì* ‘быть способным на’ (абсолютное количество употреблений в тексте 104).

Вероятно, 齊 *qí* ‘уравнивать’ ни разу не встречается в предикативном контексте потому, что в данном памятнике употреблялся как имя собственное: 齊王 *Qí Wáng* ‘Ван (правитель) царства Ци’, 齊襄公 *Qí Xiāng gōng* ‘Сянгун (правитель Сян) из царства Ци’ и т. д. Интересный факт, что 始 *shǐ* ‘начинаться’ ни разу не встречается с ДКон предикативной позиции, в то время как антоним 終 *zhōng* ‘кончатся’ может быть оформлен отрицанием 不 *bù*:

- (10) 董仲舒 之 龍 說 不 終 也
Dǒng Zhòngshū zhī lóng shuō bù zhōng yě
 Дун Чжуншу ATR дракон говорить NEG конец PTCL
 ‘[так] речь дракона Дун Чжуншу не кончается’.

Среди всех глагольных лексем 59,55 % могут употребляться в двух и более контекстах, что соответствует условиям импликаций A–D, предваряющих *Рус. 3*. Так, например, в группе из 14 лексем, встретившихся в аргументных контекстах менее 15 %, 9 лексем встречаются в двух и более контекстах в соответствии с условиями импликаций A–D, предваряющих *Рус. 3* (Табл. 4, с. 476).

Таблица 4. Варианты предикативных контекстов для определенных глагольных лексем

Table 4. Variations of predicative DCon for certain verb lexemes

Перевод исследуемой лексемы	Иероглифический вариант и транскрипция пиньинь для искомой лексемы	Вариации предикативных контекстов для заданной лексемы
‘определять’	定 <i>dìng</i>	модальный глагол; отрицание
‘получать’	得 <i>dé</i>	модальный глагол; отрицание

Перевод исследуемой лексемы	Иероглифический вариант и транс- крипция пиньинь для искомой лексемы	Вариации предикативных контекстов для заданной лексемы
‘приказывать’	令 <i>lìng</i>	модальный глагол
‘преследовать’	遂 <i>sui</i>	отрицание
‘проходить’	通 <i>tōng</i>	модальный глагол; отрицание
‘называть’	謂 <i>wèi</i>	модальный глагол; отрицание; глагольный союз
‘слышать’	聞 <i>wén</i>	модальный глагол; отрицание; местоимение 3-го л.
‘гибнуть’	滅 <i>miè</i>	модальный глагол; отрицание; местоимение 3-го л.; утвердительное служебное наречие
‘объявлять’	告 <i>gào</i>	отрицание; местоимение 3-го л.
‘быть должным’	必 <i>bì</i>	глагольный союз
‘прерывать’	絕 <i>jué</i>	отрицание
‘просить’	求 <i>qiú</i>	модальный глагол; отрицание; местоимение 3-го л.
‘побеждать’	勝 <i>shèng</i>	модальный глагол; отрицание; утвердительное служебное наречие
‘входить’	入 <i>rù</i>	отрицание

Так, например, лексема 滅 *miè* ‘гибнуть, исчезать, уничтожать’ встретилась в контекстах, соответствующих условиям импликаций А, В, С (рядом с номером примера здесь и далее указываются условия импликации А, В, С или D, которые предваряют схему на Рис. 3):

- (11) А, В 不 能 滅 盜賊
bù néng miè dàozéi
 NEG MOD уничтожать разбойники
 ‘невозможно избавиться от разбойников’.

- (12) В 舉 兵 而 滅 之
jǔ bīng ér miè zhī
 собирать солдат CONJ уничтожать 3.PRON
 ‘собрал войско и уничтожил их [врагов]’.
- (13) А, С 文 聲 馳 而 不 滅
wén shēng chí ér bù miè
 письмена звук мчатся CONJ NEG исчезать
 ‘литературная слава не исчезает’.
- (14) С 死 而 精神 亦 滅
sǐ ér jīng shén yì miè
 умирать CONJ душа ADV исчезать
 ‘[когда] умираешь, душа тоже исчезает’.

Таким образом, 55,78 % всех глагольных лексем могут встречаться в двух и более контекстах, как в примере с 滅 *miè* ‘гибнуть’ (Табл. 5).

Таблица 5. Количество и процент множественных предикативных контекстов (глагольные лексем)

Table 5. Number and percentage of multiple predicate DCons (verb lexemes)

Контекст (2 и более)	Процент от общего числа вхождений 95 предположительно глагольных лексем	Абсолютное количество (для 95 предположительно глагольных лексем)
Отрицание и модальный глагол	32,63 %	31
Отрицание или модальный глагол	22,10 %	21
Отрицание и утвердительное служебное наречие	10,52 %	10
Утвердительное служебное наречие и/или глагольный союз	1,12 %	1

Остальная же часть глагольных лексем встретила только в одном контексте (Табл. 6). Наиболее частыми одиночными контекстами являются отрицание и модальный глагол — 28,42 %. Если учитывать

два вхождения, где единственным ДКон является объектное местоимение 3-го л. — 30,52 %, остальные 7,36 % всех вхождений приходятся на утвердительное служебное наречие или глагольный союз.

Таблица 6. Количество и процент одиночных предикативных контекстов (глагольные лексем)

Table 6. Number and percentage of single predicate DCons (verb lexemes)

Контекст	Процент от общего числа вхождений 95 предположительно глагольных лексем	Абсолютное количество (для 95 предположительно глагольных лексем)
Отрицание	25,26 %	24
Модальный глагол	3,15 %	3
Местоимение 3-го л.	2,10 %	2
Утвердительное служебное наречие	5,26 %	5
Глагольный союз	2,10 %	2

2.6. Именные лексем и предикативные контексты

В отличие от глагольных лексем, среди которых практически все хотя бы один раз встретились в предикативном контексте, именные лексем встретились всего в 29,72 % вхождений (от общего числа вхождений с предположительно именными лексемами).

Рассмотрим группу именных лексем, наиболее часто встречающихся в предикативных контекстах в принципе (более 50 % употреблений от общего числа). Данные 15 именных лексем, так же как и глагольные, могут встречаться в двух и более контекстах, которые соответствуют условиям импликации А—D, предваряющих *Рис. 3* (*Табл. 7*):

Таблица 7. Вариации предикативных контекстов для определенных именных лексем

Table 7. Variations of predicative DCons for certain noun lexemes

Перевод исследуемой лексемы	Иероглифический вариант и транскрипция пиньинь для искомой лексемы	Вариации предикативных контекстов для заданной лексемы
‘питье’	飲 <i>yǐn</i>	модальный глагол; отрицание
‘кровь’	血 <i>xiè</i>	отрицание
‘дождь’	雨 <i>yǔ</i>	отрицание; утвердительное служебное наречие
‘сыновняя почтительность’	孝 <i>xiào</i>	отрицание
‘жалованье’	稟 <i>bǐng</i>	утвердительное служебное наречие
‘ущерб’	害 <i>hài</i>	модальный глагол; отрицание
‘равновесие’	平 <i>píng</i>	модальный глагол
‘смерть’	死 <i>sǐ</i>	отрицание; утвердительное служебное наречие
‘кара’	誅 <i>zhū</i>	отрицание; местоимение 3-го л.
‘чиновник’	相 <i>xiāng</i>	модальный глагол; отрицание
‘рана’	傷 <i>shāng</i>	модальный глагол; отрицание
‘гармония’	和 <i>hé</i>	отрицание
‘еда’	食 <i>shí</i>	отрицание; местоимение 3-го л.
‘исследование’	察 <i>chá</i>	модальный глагол; отрицание; местоимение 3-го л.; глагольный союз
‘вера’	信 <i>xìn</i>	модальный глагол; отрицание; утвердительное служебное наречие; местоимение 3-го л.

Лексема 害 *hài* ‘ущерб’, например, встретилась в контекстах, соответствующих условию импликации А, предвещающей Рис. 3.

В (15) она следует за модальным глаголом, которому предшествует отрицание, в (16) — непосредственно за отрицанием.

(15) A 夢 之 精神 不 能 害 人
mèng zhī jīngshén bù néng hài rén
сон ATR дух NEG MOD вредить человек
‘духи, явившиеся во снах, не могут навредить человеку’.

(16) A 天 地 不 害 人
tiān dì bù hài rén
Небо Земля NEG вредить человек
‘Небо и Земля не вредят человеку’.

Большая часть именных лексем встречается только в одном контексте (Табл. 8).

Таблица 8. Количество и процент одиночных предикативных контекстов (именные лексемы)

Table 8. Number and percentage of single predicate DCons (noun lexemes)

Контекст	Процент от общего числа вхождений 148 предположительно именных лексем	Абсолютное количество (для 148 предположительно именных лексем)
Отрицание	5,40 %	8
Модальный глагол	2,02 %	3
Местоимение 3-го л.	0 %	0
Утвердительное служебное наречие	3,37 %	5
Глагольный союз	5,40 %	8

Только 13,51 % именных лексем способны употребляться в двух контекстах и более (независимо от вида контекста) (Табл. 9). Всего 10,81 % именных лексем встречаются в двух и более контекстах, один из которых либо модальный глагол, либо отрицание.

Таблица 9. Количество и процент множественных предикативных контекстов (именные лексемы)

Table 9. Number and percentage of multiple predicate DCons (noun lexemes)

Контекст (2 и более)	Процент от общего числа вхождений 148 предположительно именных лексем	Абсолютное количество (для 148 предположительно именных лексем)
Отрицание и модальный глагол	5,40 %	8
Отрицание или модальный глагол	4,05 %	6
Отрицание и утвердительное служебное наречие	2,70 %	4
Утвердительное служебное наречие и/или глагольный союз	3,37 %	5

3. Интерпретация результатов

На основании вышеприведенных данных можно сделать предварительные выводы об особенностях предикативной позиции и используемых дистинктивных контекстах.

Сведем вместе данные о количестве (%) именных и глагольных лексем, встречающихся в одиночных контекстах и в двух и более контекстах (Табл. 10, 11).

На основании полученных данных можно построить гистограммы для сравнения трендов и условий употребления глагольных и именных лексем в одиночных контекстах и в двух и более контекстах (Рис. 4, 5).

Таким образом, наблюдается не только критическая разница в общем количестве употреблений глагольных лексем и именных лексем

Таблица 10. Общие данные по количеству и процентам одиночных предикативных контекстов (глагольные и именные лексемы)

Table 10. Number and percentage of single predicate DCons (noun and verb lexemes)

Контекст	Глагольные лексемы		Именные лексемы	
	Процент от общего числа вхождений 95 предположительно глагольных лексем	Абсолютное количество (для 95 лексем)	Процент от общего числа вхождений 148 предположительно именных лексем	Абсолютное количество (для 148 лексем)
Отрицание	25,26 %	24	5,40 %	8
Модальный глагол	3,15 %	3	2,02 %	3
Местоимение 3-го л.	2,10 %	2	0 %	0
Утвердительное служебное наречие	5,26 %	5	3,37 %	5
Глагольный союз	2,10 %	2	5,40 %	8

в предикативных контекстах (93,68 % и 29,72 % соответственно), но также существуют различия условий употребления глагольных и именных лексем в предикативных контекстах.

Глагольные лексемы с большей вероятностью встречаются либо в одиночном контексте отрицания, либо в двух и более контекстах, один из ДКон обязательно отрицание, второй — также обязательно модальный глагол. С наименьшей вероятностью глагольная лексема встретится в одиночных контекстах глагольного союза, утвердительного служебного наречия, модального глагола, а также в двух и более контекстах, одним из которых также является глагольный союз или утвердительное служебное наречие.

Если мы говорим об именных лексемах в предикативных контекстах, то явных статистических сдвигов не наблюдается, в отличие

Таблица 11. Общие данные по количеству и процентам множественных предикативных контекстов (глагольные и именные лексем)

Table 11. Number and percentage of multiple predicate DCons (noun and verb lexemes)

Контекст (2 и более)	Глагольные лексем		Именные лексем	
	Процент от общего числа вхождений 95 предположительно глагольных лексем	Абсолютное количество (для 95 лексем)	Процент от общего числа вхождений 148 предположительно именных лексем	Абсолютное количество (для 148 лексем)
Отрицание и модальный глагол	32,63 %	31	5,40 %	8
Отрицание или модальный глагол	22,10 %	21	4,05 %	6
Отрицание и утвердительное служебное наречие	10,52 %	10	2,70 %	4
Утвердительное служебное наречие и/или глагольный союз	1,12 %	1	3,37 %	5

от глагольных лексем в предикативных контекстах. Употребление именной лексемы в двух и более контекстах, одним из которых также является глагольный союз или утвердительное служебное наречие, является практически равновероятным употреблению в одиночном контексте отрицания (обратное неверно: для глагольной лексемы употребление в данных контекстах не является равновероятным).

У именных лексем наблюдается небольшой статистический сдвиг в контекстах глагольных союзов, отрицания, отрицания или

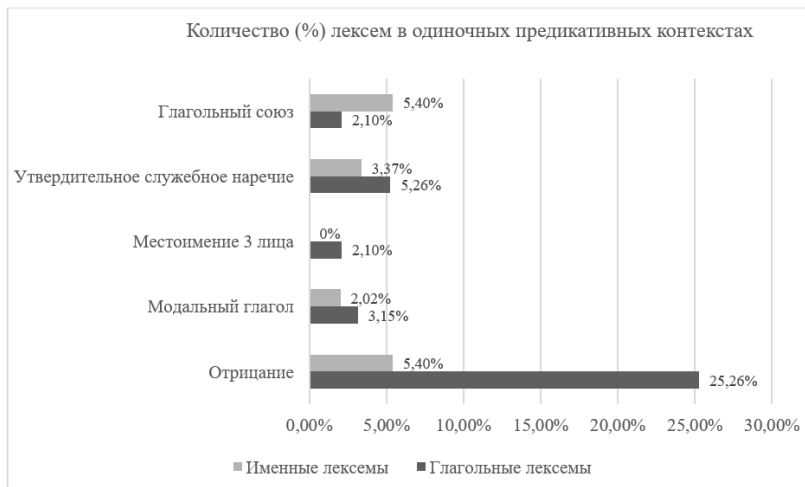

Рис. 4. Сравнительная гистограмма условий употребления именных и глагольных лексем в одиночных предикативных контекстах

Fig. 4. Comparative histogram: noun and verbal lexemes occurring in single predicate DCons

модального глагола, отрицания и модального глагола, отрицания и модального глагола. У глагольных же статистическое большинство приходится на контексты отрицания, отрицания или модального глагола, отрицания и модального глагола.

Можно предположить, что глагольные лексемы тяготеют к таким контекстам, как:

- отрицание;
- отрицание и модальный глагол;
- отрицание или модальный глагол;
- отрицание и модальный глагол.

Для именных лексем нет ярко выраженных предикативных контекстов, практически все являются равновероятными, включая и наименее вероятные для глагольных (как, например, глагольный союз или модальный глагол).

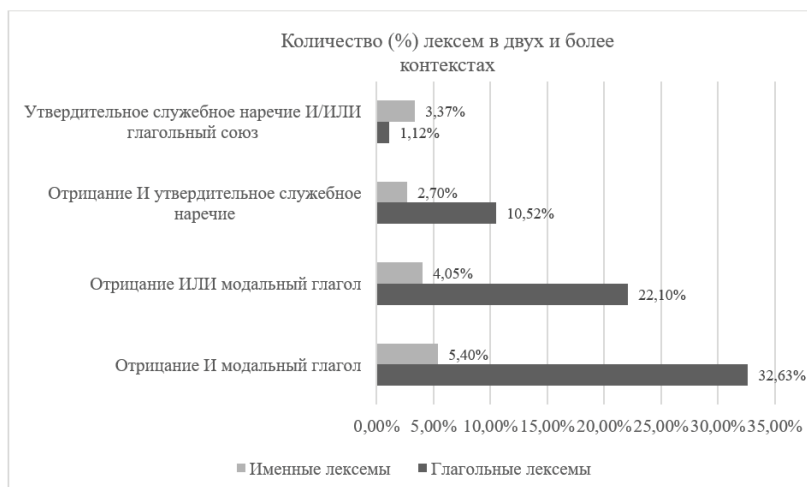

Рис. 5. Сравнительная гистограмма условий употребления именных и глагольных лексем в двух и более предикативных контекстах

Fig. 5. Comparative histogram: noun and verbal lexemes occurring in more than two predicate DCons

Примечательным является то, что предположительно именные лексемы ни разу не попали в ДКон местоимения 3-го л. В рамках данного текста «Луньхэн» это может свидетельствовать о низком потенциале предположительно именных лексем выступать в предикативной позиции в качестве переходного глагола. Косвенно говорит о том, что если именная лексема используется в позиции предиката, то скорее будет обладать нулевой валентностью.

Как было указано выше в *Разделе 2.4*: если потенциал предикативности невысок, то лексема наиболее вероятно будет удовлетворять только верхнему уровню импликации (*Рис. 3*) — предикативный ДКон отрицание в крайне малом количестве вхождений, без вариативности сочетаний типа отрицание+местоимение 3-го л. и пр. Предполагалось, что потенциал предикативности скорее оценивается возможностью лексем удовлетворять критериям импликации, то есть способностью появляться в двух и более контекстах. Подтверждением подобной теории служат данные *Рис. 7*, где виден

статистический частотный разрыв между потенциально глагольными лексемами в нескольких контекстах и потенциально именными лексемами в нескольких контекстах (из условий импликации *Рис. 3*).

ДКон отрицание является наиболее продуктивным контекстом как для предположительно глагольных, так и именных лексем (*Табл. 2, 3*). Но невозможно не отметить большое частотное превосходство глагольных лексем. Это может указывать на то, что хотя ДКон отрицания и является показательным для обозначения предикативной позиции, однако предположительно именные лексемы в целом менее активно занимают предикативные позиции, отмеченные любыми предикативными ДКон.

Также кратко отметим возможное влияние семантической составляющей на предикативный потенциал лексемы. Как было указано в *Разделе 2.2*, лексемы, попадающие в один из предложенных выше восьми семантических классов, в современном китайском (по данным анализа текстов корпуса) в абсолютном большинстве не употребляются в предикативных дистинктивных контекстах (то есть данные лексемы к этапу современного китайского утрачивают способность занимать позиции предиката, если тот попадает в предикативные контексты). Употребление в предикативной позиции в «Луньхэн» также не является частотным.

Таким образом, результаты могут указывать на то, что система лексических категорий древнекитайского языка не может считаться абсолютно гибкой. Предположительно именные и глагольные лексемы имеют ряд синтаксических ограничений на употребление, семантическая составляющая также играет немаловажную роль. Общие статистические подсчеты, когда предположительно именная лексема используется в предикативной позиции и предположительно глагольная лексема используется в предикативной позиции, говорят о том, что первые (предположительно именные) менее склонны к подобному синтаксическому переходу. Данные могут стать свидетельством лимитированного потенциала как синтаксического, так и кросс-категориального перехода предположительно именных и глагольных лексем периода позднеклассического китайского.

Список условных обозначений

3.PRON — объектное местоимение 3-го л.; NEG — отрицание; MOD — модальный глагол; CONJ — союз; REFL — показатель рефлексива; RCP — показатель реципрока; EXCL — воскл. частица; TOP — маркер топика; ADV — наречие; ATR — атрибутивный показатель; NUM — числительное; PTCL — конечная частица; DIR — директив (т. е. локатив, выражающий значение направления, но не местоположения); PRON.POSS — притяжательное местоимение 3-го л.

Литература

- Дурьманова 2022 — А. Д. Дурьманова. Функция аргументного дистинктивного контекста у 被 *bèi* (на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4. С. 114–127. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-4-114-127.
- Крюков, Хуан 1948 — М. В. Крюков, Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М.: ГРВЛ, 1978.
- Старостин 1994 — С. А. Старостин. Заметки о древнекитайском языке // В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, Н. В. Перцов (ред.). Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 93–125.
- Bisang 2008a — W. Bisang. Precategoriality and syntax-based parts of speech: The case of Late Archaic Chinese // *Studies in Language*. 2008. Vol. 32. P. 568–589.
- Bisang 2008b — W. Bisang. Precategoriality and argument structure in Late Archaic Chinese // Ja. Leino (ed.). *Constructional approaches to language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2008. P. 55–88. DOI: 10.1075/cal.5.04bis.
- Durymanova 2021 — A. D. Durymanova. Nouns and verbs' syntactic shift: some evidences against Old Chinese parts-of-speech system's flexibility (analysis of Lunheng I A. D) // R. Blin, L. Lena, X. Li, L. Xiao (eds.). 34th Paris Meeting on East Asian Linguistics. Paris: The Centre de recherches linguistiques sur l'Asie orientale CRLAO, 2021. P. 22.
- Haspelmath 1990 — M. Haspelmath. The Grammaticization of Passive Morphology // *Studies in Language*. 1990. Vol. 14 (1). P. 25–74. DOI: 10.1075/sl.14.1.03has.
- Haudricourt 1972 — A. G. Haudricourt. Two-way and Three-way Splitting of Tonal Systems in Some Far Eastern Languages // *Tai Phonetics and Phonology*. 1972. Vol. 56. P. 58–86.

- Jacques 2016 — G. Jacques. How Many *-s Suffixes in Old Chinese? // *Bulletin of Chinese Linguistics*. 2016. Vol. 9. P. 205–217. DOI: 10.1163/2405478X-00902014.
- Pulleyblank 1995 — E. Pulleyblank. *Outline of Classical Chinese Grammar*. Vancouver: UBC Press, 1995. DOI: 10.59962/9780774854603. 192 p.
- Sun 2020 — L. Sun. *Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. DOI: 10.1515/9783110660791.
- Zadrapa 2011 — L. Zadrapa. *Word-Class Flexibility in Classical Chinese*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011. DOI: 10.1163/ej.9789004206311.i-256.
- Го 2002 — Го Жуй. Исследования частей речи в современном китайском языке [郭锐. 现代汉语词类研究. 北京: 商务印书馆] Пекин: Шаньту иньшу гуань, 2002. DOI: 10.3969/j.issn.2095-0438.2015.12.049.
- Лю 1985 — Лю Найчжун. Тема «отсутствие категорий у слов-иероглифов» в «Грамматике Ма Цзяньчжуна» [刘乃仲. 《马氏文通》的“字无定类”// 汉语学习] // *Ханьюй сюэси*. 1985. Vol. 6. С. 28–30.
- Юэ 2010 — «Шо нань (*сложно сказать*)» это не Ху Юйчжи, а Чэнь Чэнцзэ [岳秀坤. “说难”不是胡愈之——兼议被遗忘的陈承泽 // 清华大学学报. 哲学社会科学版] // *Цинхуа дасюэ. Чжисюэ шэхуэй кэсюэ бань*. 2010. Vol. 4. С. 147–153. DOI: 10.16366/j.cnki.1000-2359.2020.04.012.

Источники

- БКС 1993 — Большой китайский словарь. Ханьюй да цыдянь [汉语大词典. 四川: 四川辞书出版社]. в 11 т. / Сычуань: Сычуань цышу чубаньшэ, 1993.
- РКПК — Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ (электронный ресурс). URL: <https://ruzhcorp.ruscorporga.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
- Ctext — Chinese Text Project. Цифровая библиотека древнекитайских текстов с открытым доступом. URL: <https://ctext.org/> (дата обращения: 05.06.2024).

References

- Bisang 2008a — W. Bisang. Precategoriality and syntax-based parts of speech: The case of Late Archaic Chinese. *Studies in Language*. 2008. Vol. 32. P. 568–589.
- Bisang 2008b — W. Bisang. Precategoriality and argument structure in Late Archaic Chinese. Ja. Leino (ed.). *Constructional approaches to language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin’s Publishing Company, 2008. P. 55–88. DOI: 10.1075/cal.5.04bis.
- Durymanova 2022 — A. D. Durymanova. Funktsiya argumentnogo distinktivnogo konteksta u 被 bei (na materiale kitayskogo pozdneklassicheskogo teksta

- «Lunheng») [Argument distinctive context functioning of 被 *bei* (Based on the material of the Late Classical Chinese text — “Lunheng”)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya I filologiiya. 2022. Vol. 21 (4). P. 114–127. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-4-114-127.
- Durymanova 2021 — A. D. Durymanova. Nouns and verbs’ syntactic shift: some evidences against Old Chinese parts-of-speech system’s flexibility (analysis of Lunheng I A. D). R. Blin, L. Lena, X. Li, L. Xiao (eds.). *34th Paris Meeting on East Asian Linguistics*. Paris: The Centre de recherches linguistiques sur l’Asie orientale CRLAO, 2021. P. 22.
- Guo 2002 — Guo Rui. *Research on parts of speech in modern Chinese*. [郭锐. 现代汉语词类研究. 北京: 商务印书馆]. Beijing: Shangwu yinshu guan, 2002. DOI: 10.3969/j.issn.2095-0438.2015.12.049.
- Kryukov, Huang 1978 — M. V. Kryukov, Huang Shuyin. *Drevnekitayskiy yazyk* [Ancient Chinese]. Moscow: Main Editorial Office For Oriental Literature, 1978.
- Liu 1985 — Liu Naizhong. The theme of “lack of categories in hieroglyphic words” in “Ma Jianzhong’s Grammar” [刘乃仲. 《马氏文通》的“字无定类”// 汉语学习]. *Hanyu xuexi*. 1985. Vol. 6. P. 28–30.
- Haspelmath 1990 — M. Haspelmath. The Grammaticization of Passive Morphology. *Studies in Language*. 1990. Vol. 14. No. 1. P. 25–74. DOI: 10.1075/sl.14.1.03has.
- Haudricourt 1972 — A. G. Haudricourt. Two-way and Three-way Splitting of Tonal Systems in Some Far Eastern Languages. *Tai Phonetics and Phonology*. 1972. Vol. 56. P. 58–86.
- Jacques 2016 — G. Jacques. How Many *-s Suffixes in Old Chinese? *Bulletin of Chinese Linguistics*. 2016. Vol. 9. P. 205–217. DOI: 10.1163/2405478X-00902014.
- Pulleyblank 1995 — E. Pulleyblank. *Outline of Classical Chinese Grammar*. Vancouver: UBC Press, 1995. DOI: 10.59962/9780774854603.
- Starostin 1994 — S. A. Starostin. Zаметки o drevnekitayskom yazyke [Notes on Old Chinese]. V. I. Belikov, Y. V. Muravenko, N. V. Pertsov (eds.). *Znak: Sbornik statey po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A. N. Zhurinskogo* [Sign: Collection of articles on linguistics, semiotics and poetics in memory of A. N. Zhurinsky]. Moscow: Russian Training Center MS, 1994. P. 93–125.
- Sun 2020 — L. Sun. *Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. DOI: 10.1515/9783110660791.
- Yue 2010 — Yue Xukun. «Shuo nan» it’s not Hu Yuzhi but Chen Chengze. [岳秀坤. “说难”不是胡愈之——兼议被遗忘的陈承泽 // 清华大学学报. 哲学社会科学版] *Qinghua daxue. Zhuxue shehui kexueban*. 2010. No. 4. P. 147–153.
- Zadrapa 2011 — L. Zadrapa. *Word-Class Flexibility in Classical Chinese*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011. DOI: 10.1163/ej.9789004206311.i-256.

Своеобразие сербского литературного языка в западных районах Республики Сербской

Д. Црняк

Банялукский университет (Баня-Лука, Босния и Герцеговина);
dijana.crnjak@flf.unibl.org; ORCID 0009-0003-9097-6815

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); jkatia@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0052-1338

Аннотация. Целью исследования является идентификация, дескрипция и анализ особенностей сербского литературного языка в западных областях его функционирования, в частности, на западе Республики Сербской. В статье анализируются расшифрованные записи спонтанной устной речи и материалы письменного анкетирования образованных носителей сербского литературного языка в указанном регионе. Путем сопоставления с чертами центральносербской (белградской) нормы в качестве характерных выделены такие особенности, как фонетическая редукция, соблюдение просодической нормы, некоторые особенности формообразования, широкое использование инфинитива, региональные лексемы. Сделан вывод о том, что язык западных областей Республики Сербской более архаичен, чем язык Сербии, и характеризуется чертами западносербских говоров.

Ключевые слова: сербский литературный язык, Республика Сербская, вариативность языковой нормы, редукция, просодия, инфинитив, регионализм.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Specific features of Standard Serbian in the Republic of Srpska

Dijana Crnjak

University of Banja Luka (Banja Luka, Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina);
dijana.crnjak@flf.unibl.org; ORCID 0009-0003-9097-6815

Ekaterina I. Yakushkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); jkatia@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-0052-1338

Abstract. The aim of the study is to describe and analyse the characteristic features of the Standard Serbian variety spoken in the west of the Republic of Srpska. Under analysis are records of spontaneous speech by educated speakers of Standard Serbian who have previously lived or currently live in Banja Luka, as well as lexical questionnaires filled out by educated residents of different towns of the Republic of Srpska. Aside from the “iekavian” orthoepic norm setting it apart from the Serbian spoken in Serbia, the Standard Serbian of the Republic of Srpska has other specific features, both at the normative and at the substandard level. The western Serbian regions of the country preserve the older prosodic norm to a higher degree than Serbia, including the four types of stress, post-stress long vowels and stress shifting to the proclitic (preposition). At the same time, under dialectal influence, vowel reduction is becoming widespread in the speech of educated Serbian speakers. At the morphological level, the local idiom retains formation of collective numerals with the suffix *-ero* as well as some features of nominal declension. The syntax is characterized by a wider use of the infinitive in comparison to the *da*-construction that predominates in the eastern Serbian language area and by a complete absence of the *da*-construction in the future tense. At the lexical level, a number of regional lexemes are officially recognized as Standard Serbian. Given that the frequency of common standard Serbian lexis in speech in the area is about the same as that of regionalisms, the standard Serbian of the Republic of Srpska may be characterised as an idiom with lexical duality. Regionalisms are more frequent in the western regions of the Republic of Srpska compared to the eastern areas of the country. The general conclusion is that the Standard Serbian of the Western Serbian areas shows more archaic features compared to the Balkanised version used in Serbia.

Keywords: Standard Serbian, Republic of Srpska, variability of language norms, reduction, prosody, infinitive, regionalism.

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

1. Введение

Сербский литературный язык (далее СЛЯ) сложился в середине XIX в. на основе восточногерцеговинских и шумадийско-воеводинских говоров, относящихся к новоштокавской группе штокавского диалекта. На восточногерцеговинской основе СЛЯ был кодифицирован В. Караджичем в «Сербском словаре» 1818 г., сопровождавшемся грамматическим описанием, и получил развитие в текстах этого автора в 1820–1860-е гг. Интенсивное влияние шумадийско-воеводинских говоров на формирование СЛЯ происходило в творчестве писателей 1860–70-х гг. — Дж. Якшича, Й. Йовановича Змая, Л. Костица и др. Двойственность диалектных баз изначально определила вариативность внутри СЛЯ (то есть литературного языка сербов на всей территории их проживания), для которого как в период его становления, так и в наше время характерно параллельное функционирование двух орфоэпических норм, связанных с произношением слов с рефлексом «ять»: «экавская» в Сербии и «иекавская» в Боснии и Герцеговине¹, Черногории и Хорватии. Наряду с разнородностью диалектной базы причина вариативности нормы заключается в разделенности сербской языковой территории (то есть территории проживания сербов) на регионы с разной культурно-исторической традицией, подвергавшиеся различным культурно-языковым влияниям и входившие в состав различных государств (в прошлом в Австро-Венгерскую империю и в Сербию, а в наше время в несколько независимых государств). Кроме этих двух факторов,

---

¹ Босния и Герцеговина — государство, включающее Федерацию Боснии и Герцеговины с преимущественно мусульманским и хорватским населением и Республику Сербскую с преобладающим сербским населением.

на вариативность внутри СЛЯ повлияла его открытость диалектному влиянию, несмотря на стандартизацию, кодификацию и нормативность. В устной (реже в письменной) речевой практике на сербской языковой территории существует постоянное взаимодействие между литературным сербским языком и лежащими в его основе диалектами: сербский язык заимствует «новые элементы и новые возможности развития из диалектной почвы, на которой он существует» [Симић, Јовановић 2002: 246], и эти элементы проникают в «ядро повседневногo языка, или разговорного стиля» [Симић, Јовановић 2002: 246], причем даже в (самую) грамотную устную и неофициальную письменную речь. Указанные факторы обусловили то, что в большинстве случаев у вариативных элементов / фрагментов структуры и единиц сербского языка имеются региональные характеристики, то есть вариативность носит территориальный, географический характер.

Кроме названного выше различия орфоэпической нормы, у СЛЯ на территории Республики Сербской (далее — РС)² существуют и другие особенности, выявляемые путем сопоставления с речевым узусом Сербии и связанные с неоднородностью диалектной базы СЛЯ. В сербской лингвистике до сих пор не предпринималось комплексного описания этих особенностей. Меньшая их часть (более широкое употребление инфинитива, некоторые морфологические черты и региональные лексемы) характерна для СЛЯ во всех его стилистических разновидностях, а бóльшая (разнообразные фонетические характеристики диалектного происхождения) — только для устного неформального общения. Поэтому своеобразие речи носителей СЛЯ в РС, которое является предметом данного исследования, определяется соответствующими норме (стандартными) и не соответствующими норме (субстандартными) характеристиками.

Проблема нормирования СЛЯ в целом и СЛЯ в РС в частности чрезвычайно актуальна для сербской лингвистики с момента распада сербскохорватского единства и выделения из него нескольких

---

² В соответствии с законом на территории РС в качестве административных языков (серб. *службени језици*) используются «язык сербского народа», «язык бошняцкого народа» и «язык хорватского народа» (Конституция РС, статья 7).

литературных языков и по сей день. С одной стороны, сербскими лингвистами высказываются мнения о желательности унификации нормы: «⟨...⟩ стечением обстоятельств столкновение тысячелетий сербы встречают с раздвоенным стандартным языком. Они в Европе, наряду с норвежцами, единственный народ, стандартный идиом которого характеризуется несогласованностью, двойственностью, которая совсем нежелательна и которой не должно быть» [Реметич 2000: 213], «после распада общего языка то, что сейчас называется сербским литературным языком, оказалось осчастливлено „богатством различий“ в виде многочисленных „исключений“ и „отступлений“, дублетов, триплетов ⟨...⟩ которые, возможно, и имеют подтверждения в сербских народных говорах, но своей многочисленностью ⟨...⟩ не только без нужды перегружают литературный язык, но и создают психологическое впечатление, что сербская литературная норма устроена по принципу ⟨...⟩ „можно и так, и так“» [Драгичевић 2012: 227]; сходная позиция изложена в [Брборић 2000]. Унификацию орфоэпической нормы СЛЯ в пользу экавского варианта поддерживал также Д. Петровић [Петровић]. С другой стороны, лингвисты призывают к необходимости сохранить региональное своеобразие: «необходимо ⟨...⟩ чтобы [в РС] в неофициальном и индивидуальном употреблении была абсолютно допустима реальная форма реализации сербского литературного языка (*стварно стање у српском стандардном језику*) (иекавско-экавская и алфавитная двойственность, дублеты и функциональные различия)» [Окука 2012: 102]. Разрешить проблемы нормирования призван созданный в 1997 г. Комитет по стандартизации сербского языка, основные вопросы и значимые результаты деятельности которого изложены в сборнике [Српски језик у нормативном огледалу 2006]. Важнейшим шагом на пути к языковой унификации на территории проживания сербского народа признается внедрение единого набора школьных учебников [Реметич 2000: 216].

Вопросы варьированности языка и его нормирования в странах современной Европы в первую очередь рассматриваются в контексте контактологии и связаны с проблемой билингвизма, переключения и смешения кодов, взаимоотношения доминирующего и дополнительных языков, в том числе литературного языка и диалекта,

миграции, глобализации и социального варьирования [Языковая ситуация 2015; Language Variation — European Perspectives VII; Nekvapil 2008; Kontra et al. 2023], языковой культуры (language cultivation), а также гендерного подхода [Nekvapil 2008; Kontra et al. 2023] и языковых изменений [Language Variation — European Perspectives II]. Становятся предметом исследования и региональные реализации элементов языковой структуры [Bergmann 2006; Kehrein 2006; Leeman 2009]. О повышенном интересе к этой проблеме свидетельствует то, что на последней конференции по языковому варьированию — International Conference on Language Variation in Europe-12, проходившей в 2024 г. в Вене, работала секция Morphological and Syntactic Variation across the DACH(L)³ Borders — Similarities and Differences, а кроме того, в прочих секциях был представлен ряд докладов, посвященных региональной вариативности в пределах немецкого литературного языка на других языковых уровнях [ICLAVE 12]. Актуальность этой темы организаторы объясняют появлением крупных международных проектов по исследованию варьирования немецкого языка в разных странах. В рамках этих проектов был собран большой материал, в том числе морфологический и синтаксический, что представляет собой новшество по сравнению с преобладанием исследований фонетического варьирования [Morphological and Syntactic Variation 2024]. Подобная работа ведется и в франкофонных странах [Чернышева 2015]. Отметим, что языковая ситуация в немецко- и франкоязычных странах типологически близка к сербской (диалектные региональные черты определяют облик немецкого и французского языка в той или иной стране его распространения), с той разницей, что в случае с сербским речь идет о языке одного, а не нескольких народов.

Вариативностью в пределах сербского (сербскохорватского) языка и становлением нормы СЛЯ много занимались классики российской сербистики и славистики В. П. Гудков [Гудков 1965] и Н. И. Толстой [Толстой 1988], настоящая статья продолжает традиции этих исследований.

---

³ DACH(L) — Германия, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн.

Далее мы рассмотрим два типа региональных характеристик СЛЯ, стандартные и субстандартные, по языковым уровням. Каждому языковому уровню посвящен отдельный раздел. Различия в языке и речи жителей Сербии и РС будут проанализированы на примере крупнейших городов сербских территорий к востоку и западу от реки Дрины: Белграда и Нови-Сада, с одной стороны, и Бая-Луки — с другой. Материалом для исследования фонетического, морфологического и синтаксического уровней послужили аудиоинтервью, опубликованные на платформе «Социальная история Бая-Луки» [Друштвена историја Бајалуке]⁴, и аудиоинтервью на разные темы, проведенные Д. Црняк⁵. Материалом для описания лексического уровня послужили устные и письменные тексты в СМИ, различные публикации в интернете и анкетирование носителей языка (подробнее см. в *Разделе 6*). Собранный авторами материал сопоставляется с данными по диалектологии западных сербских говоров⁶.

Разговорный язык⁷ сербского населения РС неоднороден и территориально варьируется, о чем применительно к лексическому уровню

---

⁴ Материал используется с разрешения участников проекта, за что авторы приносят им глубокую благодарность. Уровень образования информаторов платформы «Социальная история Бая-Луки», интервью которых используются в данной работе, следующий: три университетских преподавателя, трое людей с высшим образованием и двое со средним (годы рождения 1967–1976). Записи информантов со средним образованием были привлечены к исследованию, так как их речь носит вполне правильный характер с точки зрения соответствия литературной норме и даже более правильный, чем у университетских преподавателей. Всего было использовано 13 часов аудиозаписей платформы.

⁵ Пять часов аудиозаписей с тремя информантами, рожденными в Бая-Луке в 1970–1974 гг., двое из них филологи, один — врач. Кроме того, Д. Црняк записывала примеры, которые встречала в повседневных беседах с жителями Бая-Луки.

⁶ Под западными сербскими говорами мы вслед за М. Драгичевичем понимаем говоры к западу от реки Дрины, то есть на территории Боснии и Герцеговины.

⁷ Авторы, вслед за [Симић 1995: 5], используют термин «разговорный язык» применительно к форме литературного языка, употребляемой в быту, в семейном и дружеском кругу.

будет сказано ниже⁸, и, поскольку бóльшая часть фонетического, морфологического и синтаксического материала из РС записана от жителей Бая-Луки, предлагаемое описание является описанием СЛЯ в западных районах РС, репрезентантом которых можно считать Бая-Луку. Детального исследования фонетических, морфологических и синтаксических особенностей речи городов восточной части РС (например, Требиня) мы не проводили, однако исходя из наших наблюдений за речью жителей городов РС, расположенных вблизи сербской границы, можно считать, что в их речи присутствуют те же особенности, но, возможно, в менее выраженной форме⁹. Кроме того, представительность записей из Бая-Луки подкрепляет и столичный статус этого города, являющегося средоточием политической, культурной и научной жизни республики.

2. Фонетический уровень

2.1. Вокализм и редукция гласных

В СЛЯ шесть слогообразующих фонем (пять гласных: *и, е, а, о, у* и вибрант *р*), которые могут быть долгими и краткими.

Главная характеристика вокализма западных сербских говоров, а следовательно, и Бая-Луки, — это редукция безударных гласных. Это явление проникло и в разговорный стиль литературного языка в РС. Разговорный стиль отличается «повышенной скоростью речи, с чем связана и ослабленная артикуляция — редукция (выпадение

---

⁸ Здесь имеется в виду не собственно диалектная вариативность, которая хорошо описана [Ивић 2009: 17–39], а региональная вариативность речевых особенностей носителей СЛЯ.

⁹ Общая численность населения РС — 1,28 млн. В регионе Бая-Лука проживает 405 тыс. Кроме Баялуцкого региона, в западную часть РС входят регионы Добой (208 тыс.) и Приедор (148 тыс.). К восточным регионам относятся Требине (68 тыс.), Восточное Сараево (123 тыс.) и Биелина (276 тыс.).

некоторых звуков, произношение которых обязательно в официальном узусе)» [Katnić Bakaršić 2001: 96]. Это подтверждает и наш материал¹⁰:

- (1) Ја сам исто чак *писо* <писао>¹¹ за гимназију, за „Орфеј“ ‘Я даже то же самое писал для гимназии, для «Орфея»’.
 Ми смо га чак и *покрени* ‘Мы даже его устроили’.
 Сад сам баш *прошо* <прошао> поред гимназије па сам ушао унутра ‘Я сейчас как раз прошел мимо гимназии, вошел внутрь’.
 Видим да има и тај радио, ми смо *покрени* <покренили> тај радио ‘Вижу, что есть и радио, мы устроили это радио’...
 Нагласак је више био на музици и неким тако *ствар* ‘Наибольшее значение придавалось музыке и похожим вещам’.
 Нисмо се баж *занимал* <только> за *полит* ‘ку, *посл* ‘је-је тог можда више било ‘Политикой мы особенно не занимались, потому это больше распространилось’.
 Ја сам тад већ *от* ‘у *Амер* ‘ку ‘Я тогда уже уехал в Америку’.
 То је четврти разред, кат су се *ствар* већ почеле мало *м* ‘јењат’ ‘Это был четвертый класс, когда ситуация начала меняться’.
 То је била осамдесет осма, тако да већ се пуно ствари *пром* ‘је-н’ло до тада ‘Это был семьдесят восьмой, так что к тому времени уже много чего поменялось’.
 Био је „Полет“ и-Загреба, који сам ја *чито* <читао> редовно..., који *с* ‘писал’ мали *људ* и врло критички ‘Был и «Полет» из Загреба, я регулярно читал, там писали и маленькие люди, и очень критически’.
 Не *мог* се сад *сјет* ‘шта је било од новина ‘Не могу сейчас вспомнить, какие были газеты’¹².

Как можно заметить, изменению подвергаются все безударные гласные, при этом редукция может быть полной и частичной.

¹⁰ Записи устной речи в статье даются кириллицей по решению авторов.

¹¹ В угловых скобках приводится стандартная форма без редукции.

¹² Из разговора с университетским преподавателем из Баня-Луки, который с 1989 г. живет за границей [Друштвена историја Бањалуке].

Редукция гласного *a* характерна для быстрого темпа речи и, главным образом, происходит на стыке слов и морфем [ср. Дешић 1976: 57]:

- (2) *нек* <нека> погледају тај филм ‘пусть они посмотрят этот фильм’;
нек ми се јави у суботу ‘пусть он(а) мне позвонит в субботу’;
нишит <ништа> нисмо јели ‘мы ничего не ели’;
 ти баш *нишит* <ништа> не знаш ‘ты вообще ничего не знаешь’ и т. д.

Гласный *e* характеризуется стабильной артикуляцией, однако в безударной позиции в середине и в конце слова возможна его полная редукция [ср. Дешић 1976: 60–61; Петровић 1978: 37; Козомара 2016: 619]. В начале слова редукция нами не была зарегистрирована:

- (3) *хајд* <хајде> биће боље ‘ладно, будет лучше’;
 што *с-тиче* <што се тиче> владе ‘что касается правительства’;
осамдест <осамдесет> осме је би’о у војсц^и ‘в восемьдесят восьмом он был в армии’;
 а ви *хоћете* у Србију ‘а вы хотите в Сербию’;
 па *ћемо* се враг^ит за мјесец-два ‘мы вернемся через месяц-два’ и т. д.

На редукцию безударного гласного *и* во всех трех позициях в слове указывали многие сербские диалектологи ([Петровић 1973: 40–44, 1978: 39–41; Дешић 1976: 61–70; Драгичевић 1986: 69–72; Козомара 2016: 620–621; Цукот 2021: 33–38] и др.). Их исследования показывают, что редукция гласных намного чаще встречается в северо-западных говорах восточногерцеговинского диалекта, чем в юго-восточных [Драгичевић 2001: 85]. Как показывают наши наблюдения, редукция гласного *и* представлена в речи самых образованных жителей Баня-Луки (то есть тех, кто должен хорошо владеть нормой СЛЯ).

Полная редукция начального *и* встретилаь всего несколько раз в словах *Талијан* / *талијански* ‘итальянец / итальянский’¹³:

¹³ «*Талијан* — это стандартная форма, очень частотная в народных говорах» [Николић 1991: 203].

- (4) Било је наших филмова нешто, и можда неких тако француских, *талијанских* ‘были и наши фильмы, может, и французские, итальянские’;
ја сам слѣдеће године потписала уговор са једном *талијанском* породицом ‘я на следующий год подписала договор с одной итальянской семьей’;
њен муж је био *Талијан* ‘ее муж был итальянец’.

В медиалној позицији *и* редуцира се намного чашче, преже всего перед или после сонорного (приобретающего функцию слогаобразующего элемента), реже в соседстве с другими согласными, например:

- (5) па вам донесе ону *велџу* <велику> чоколаду ‘он вам принес большую шоколадку’;
на крају *велџа* <велика> туча ‘в конце большая драка’;
не волим *велџе* <велике> градове ‘я не люблю большие города’;
почела у *Клин*^нчком центру рад^нт ‘начала работать в клиническом центре’;
онако *тип*^нчна средња класа града Бањалуке ‘типичный средний класс Баня-Луки’.

Редукција может быть полной и частичной и происходит в следующих случаях:

— в именах существительных, содержащих суффикс:

- (6) а ми вучемо *приколиџу*¹⁴ <приколицу> с чамцима ‘а мы тащим прицеп с лодками’;
и спушта *слушадџу* <слушалицу> ‘и кладет трубку’;
и биле су *стоџце* <столице> напољу ‘на улице стояли стулья’;
исто је било кад смо прелазили *граџцу* <границу> ‘так же было, когда мы переходили границу’;
баба је ув^нјек нос^нла *плетџу* <плетеницу> ‘бабушка всегда носила косу’;

¹⁴ После утраты *и* сонанты *л*, *н*, *њ* и *р* иногда становятся слогаобразующими.

сутра је *Бадњаца* <Бадњица> ‘завтра Сочельник’;
 мама ми је оплела *сукњицу* <сукњицу> ‘мама мене связала юбочку’;
 кад *секретарца* <секретарица> каже ‘раз секретарша говорит’;
 фина *цурца* <цурица>, добро д’јете ‘симпатичная девушка, хо-
 роший ребенок’;
 рођен сам у Бањалуц седамдесет треће *годне* <године> ‘я ро-
 дился в Баня-Луке в 73 году’;
 ви *омладна* <омладина> сте овакви ‘вы, молодежь, такие’;
 био сам у *позадни* <позадини> ‘я был в стороне’;
 били су пука *сиротња* <сиротиња> ‘они были настоящая беднота’;
 видиш ове три *цртџе* <цртице> ‘видишь эти три черточки’;

— в окончании *-има* во мн. ч. суш. м. и ср. р.:

- (7) неки су долазали *колма* <колима>, а неки *аутобусма* <ауто-
 бусима> ‘кто-то приезжал на машине, а кто-то на автобусе’;
 најљепше је рад’т са младим здравим *људма* <људима>
 ‘лучше всего работать с молодыми здоровыми людьми’;
 неко је на *вратма* <вратима> ‘кто-то пришел’¹⁵;

— перед суффиксом *-тељ*:

- (8) *род’тељи* су ме могли послат ‘родители могли меня послать’;
род’тељи су били такви ‘родители были такие’;
 моји *род’тељи* причају како је то било ‘родители мне расска-
 зывали, как это было’;
 моји *род’тељи* су политички прилично неискусни ‘мои роди-
 тели достаточно неопытны в политике’;

— в местоименных формах *толики* ‘такой (по размеру, количе-
 ству)’, *толико* ‘столько’, *колико*¹⁶ ‘сколько’ и т. п.:

¹⁵ Окончание *-ма* в этих формах может трактоваться и как старое окончание *ма*, и как окончание *-има* с редуцированным *и* [Дешић 1976: 219–222], ср. [Петровић 1978: 99–101].

¹⁶ В слове *колико* звук *и* часто выпадает и в речи жителей центральной Сербии, в том числе Белграда.

- (9) није фер да ја то носим код тебе *толкога* <толикога> ‘нехорошо, что я это несу, при том, что ты сам такой большой’;
онолки <онолики> човјек, а ништа не ради ‘такой большой человек, а ничего не делает’;
 нисмо се баш^ж занимали *толко* <толико> за политику ‘мы особенно не интересовались политикой’;
толко <толико> пуно је направљено у том периоду ‘столько много сделано в тот период’;
неколко <неколико> сати касније и он долази ‘через несколько часов и он пришел’;
 знаш ли *колко* <колько> је сати ‘знаешь ли ты, который час’;
 прочитаћу *онолко колко* <онолико сколько> стигнем ‘я прочитаю столько, сколько успею’;
- в формах причастия на -л:
- (10) *борла* <борила> сам се с њима ‘я с ними боролась’;
 па су се Срби *вратли* <вратили> ‘и сербы вернулись’;
 људи који су *долазли* <долазили> ‘приезжавшие люди’;
долазли <долазили> да се прилагођавају ‘приезжали, чтобы приспособиться’;
 она је *доносла* <доносила> одлуке ‘она принимала решения’;
 ја сам *доседла* <доселила> ‘я переселилась’;
 све смо то *избацли* <избацили> напоље ‘все это мы выбросили на улицу’;
 жена која је јако *патла* <патила> због свега тога ‘женщина, которая очень страдала из-за всего этого’;
 ко да ме нешто *носло* <носило> ‘как будто меня что-то несло’;
 пуно људи се *запосло* <запослило> ‘много людей устроилось на работу’;
отворли <отворили> га и побјегли ‘открыли его и убежали’;
 сад^т смо ми *искочли* <искочили> ис-куће ‘мы выскочили из дома’;
 Македонци су је *направили* <направили> ‘македонцы ее сделали’;
 људи су се мало *шалили* <шалили> око тих ствари ‘народ шутил насчет этих вещей’;

они су *правили* <правили> пародију о-тог ‘делали из этого пародију’;

заљубила <заљубила> се у комшију ‘влюбила се в соседа’;

давно *рашчистили* <рашчистили> с вјером ‘давно разобрались с верой’;

онда смо нас двоје то *одлучили* <одлучили> ‘тогда мы вдвоем это решили’;

— в императиве:

(11) *Изволте*¹⁷ <изволите>, *дођте* на позив ‘пожалуйста, приходите по приглашению’;

сналасте <сналазите> се како знате ‘приспосабливайтесь, как знаете’;

спремте се брзо, па да идемо ‘быстро собирайтесь и пойдём’;

ево је, *бјежмо* <бјежимо> ‘вот она, бежим’;

ајд ви *правте* салату ‘давайте вы делаете салат’;

помозте јој да се обуче ‘помогите ей одеться’;

учте, дјецо, требаће вам ‘учитесь, дети, это пригодится’;

— в будущем времени:

(12) *Пустћу* ја теби ‘я тебе отправлю’;

— в аористе:

(13) и *завалише* <завалише> ме ‘и впутали меня’.

В конце слова *и* редуцируется практически регулярно, причем трудно оценить, имеет ли место полная редукция или частичная:

— в косвенных падежах суш.:

(14) дођем *кућ* <кући> ‘прихожу домой’;

у *Бањалуци* су немири ‘в Баня-Луке беспорядки’;

стари *другов* <другови> кад уђу ‘когда старые друзья придут’;

¹⁷ В форме *изволте* редукция частотна и в разговорной речи жителей Белграда.

усп^нјево (сам) да видим све те неке *опасност* <опасности> ‘мне удалось увидеть все опасности’;
он је трећи по *опасност* <опасности> ‘он на третьем месте по опасности’;

— в мест. *они*:

- (15) *он^н* с-легенде града ‘они — легенда города’;
он^н с-утврд^нл^н следеће ‘они установили следующее’;

— в формах мест. *мени, теби, себи*:

- (16) *мен^н* је оно страшно ‘по-моему, это страшно’;
мен^н је тако брзо прошло ‘для меня это быстро прошло’;
мен^н с-битнији људ^н ‘мне важнее люди’;
мен^н то није важно ‘мне это неважно’;
дошо *себ^н* и он *мен^н* каже ‘пришел в себя и он мне говорит’;
ја сам *теб^н* послала ‘я тебе послала’;

— в энклитических формах мест. *ми, ти*:

- (17) то *м^н* је баш оно поз^нтивно ‘для меня это как раз то, позитивное’;
виџа *м^н* испадне ‘у меня челюсть отпала’;
женски дио фамилије *м^н* је био см^нјешан ‘женская часть семьи вызывала у меня смех’;
овде *м^н* је било добро ‘мне здесь было хорошо’;
постаје *м^н* све кошмар ‘все для меня становится кошмаром’;
имо сам среће да *м^н* је он ту ‘мне повезло, что он был рядом со мной’;
то *м^н* је онако професионално најзначајнија ствар ‘професионально это для меня самое важное’;
маџе *м^н* је било важно колко траје дан ‘для меня было менее важно, сколько длится день’;
било *т^н* је само битно да не мрзе људи ‘тебе было важнее всего, чтобы люди не ненавидели’;
зашто *т^н* то говорим ‘зачем я тебе это говорю’;
шта да *т^н* кажем ‘что тебе сказать’;

то *m*^u је најопаснији град малтене у Амер^uц ‘это чуть ли не самый опасный город в Америке’;

ако *m*^u то нешто значи ‘если для тебя это имеет какое-то значение’;

дошо *m*^u је кум ‘к тебе приехал кум’;

неко *m*^u ради иза леђа ‘кто-то орудует у тебя за спиной’;

било *m*^u је и то важно ‘для тебя это было важно’;

— в инфинитиве:

- (18) мислим сад *ић* <ићи> кућ ‘думаю сейчас пойти домой’;
можеш и ти *сним^ut* <снимити> ако хоћеш, па м^u *послат* <послати> касније ‘можешь и ты заснять, если хочешь, а потом послать мне’;

и онда сам ја интензивније почео *фурат* <фурати>, *бјежат*, *бјежат* <бјежати> ‘и тогда я начал быстрее бежать’;

кремем мало *бјежуцкат* <бјежуцкати> ‘я начал потихоньку бежать’;

немојте ме *пеглат* <пеглати> ‘не нужно ко мне приставать’;
јес ти хтио *уписиват* <уписивати> факс ‘хотел ли ты поступать в институт?’;

да ми је кући мојој *отић* <отићи>, својој жени, *окупат* <окупати> се ‘чтобы мне сходить домой, к жене, помыться’;

мораш с-ти навече *покрит* <покрити> ‘вечером нужно накрыться’;

је л се имало *пон^ut* <попити> ‘было ли что пить’;

оће л^u рат *заври^ut* <завршити> ‘закончится ли война?’;

те бројке ће *прогутат* <прогутати> све то ‘эти цифры все проглотят’;

хај сад са мною па ћеш *видјет* <видјети> ‘пойдем со мной и увидишь’;

ако ћемо ми *пливат* <пливати> ‘если будем плавать’;

ако желиш нешто *направ^ut* <направити> са својим животом, можеш га *направ^ut* и овдје, исто ко да живиш у Америци ‘если ты хочешь что-то сделать со своей жизнью, можешь это сделать и здесь так же, как в Америке’;

само ћу мало *издинстат* <издинстати> лук, мркву ‘я только потушу лук, морковь’;

— в императиве:

- (19) де м^н *реџ* <реџи> је л снимаш ти ово ‘скажи, ты это записываешь?’;
реџ <реџи> ми како сад стојиш ‘скажи мне, как у тебя дела’;
дођ <дођи> са неким планом ‘приходи с каким-то планом’;
 ајде, *дођ* <дођи> у суботу код нас ‘давай приходи к нам в субботу’;
 каже — *дођ* <дођи> одмах ‘говорит, приходи сразу’;
 ај *пошалъ* <пошалъи> и мени ‘давай пошли и меня’;
 ај ти корупцију *истраж* <истражи> ‘давай расследуй коррупцию’;
укључ <укључи> се и ти ‘подключайся и ты’;
бјеж <бјежи> ми с очију ‘проваливай с моих глаз’;
вид <види> оно ‘посмотри туда’;
 дубоко *диш* <диши> и не бој се ‘дыши глубоко, не бойся’;
сјед <сједи> мирно ‘сиди спокойно’;
стан <стани> да поп^нјем кафу ‘вставай, выпьем кофе’;

— в причасти на -л:

- (20) *испретресал* <испретресали> нас људ^н наоружан^н ‘нас обыскали вооруженные люди’;
бил^н јако талентован^н, ал нису нешто *хтјел* <хтјели> да тренирају ‘они были очень одаренные, но не хотели заниматься спортом’;

— в формах глагола *бити* (*јеси* и *ниси*):

- (21) *јес* ти добро ‘у тебя все в порядке?’;
јес ти сигурна да се снима ‘ты уверена, что идет запись?’;
јес ти гладан ‘ты голоден?’;
јес ти свјесна тога ‘ты это понимаешь?’;
јес ти хтјела студират ‘ты хотела учиться?’;
јес ти био љут ‘ты рассердился?’;
јес икад чула за њега ‘ты когда-нибудь о нем слышала?’;

нис ти сад мого бит екстремно радикалан ‘ты сейчас не мог быть чрезмерно радикальным’;
нис мого тек тако отић ‘ты не мог просто так уйти’;
нис имо прилику да прекинеш то ‘у тебя не было возможности это прервать’;
 гдје *с^и* ти ‘где ты?’;
 ти *с^и* у Тенесију ‘ты в Теннесси?’;
 шта *с^и* јео за вр^ијеме рата ‘чем ты питался во время войны?’;
 мого *с^и* и то ако *с^и* хтио ‘ты мог и это сделать, если хотел’;

— в аористе глагола *бити*:

- (22) не знам шта *б^и* <бих> т^и рекла ‘не знаю, что тебе сказать’;
 ја *б^и* <бих> се игро ‘я бы играл’;
 не *б^и* <бих> ја ни у једну ‘я бы ни в одну’;
 ти *б^и* то моро урад^ит ‘ты бы должен был это сделать’;
 да *б^и* <бисмо> више новца уштед^или ‘чтобы сэкономить больше денег’;

— в деепричастии настоящего времени:

- (23) *трчећ* <трчећи>, вјеруј ми ‘бегом, поверь’;
 већину времена је мој супруг проводио *чекајућ* <чекајући>
 мене да се ја спремим и с мојим оцем *причајућ* <причајући>
 ‘большую часть времени мой супруг проводил, ожидая меня,
 пока я соберусь, и разговаривая с моим отцом’;
сједећ <сједећи> за машином ‘сидя за машинкой’;
 не *знајућ* <знајући> шта тебе сад^и стварно чека ‘не зная, что
 тебя сейчас в действительности ждет’;

— в числительном *четири*:

- (24) буде прва *четри* дана ‘первые четыре дня’;
 сва *четри* годишња доба имају ‘там есть все четыре времени
 года’;
 ми смо *четри* год^ине били заједно ‘мы были вместе четыре года’;
 забављали су се *четри*-пет^и година ‘они встречались четыре-
 пять лет’;

онда смо обав^нли три-*четри* разговора ‘тогда мы провели три-четыре беседы’;
он је од мене *четри* год^нне старији ‘он старше меня на четыре года’;

— в частице *ли*¹⁸:

- (25) Да *л* се сјећате ‘помните ли вы?’;
да *л* си осјећо насиље ‘чувствовал ли ты насилие?’;
је *л* преко пута ‘напротив?’;
пита ме је *л* идем ‘спросил меня, пойду ли я’;
је *л* било заједништва ‘было ли единство?’;
је *л* му рекла ‘сказала ли она ему?’;
шта *л* је са-доживио ‘что он пережил’;
зна *л* се ишта више ‘известно ли что-то еще?’;
хоће *л* и он доћ ‘придет ли он?’;
мисли *л* она путоват ‘собирается ли она ехать?’;

— в союзах *али*, *или* и *нити*¹⁹:

- (26) *ал* нећу ја намјерно ‘но специально не буду’;
ал то не изгледа тако ‘но это так не выглядит’;
ал неће бит лако ‘но не будет легко’;
не воли власт, *ал* не гласа ‘он не любит власть, но не голосует’;
ал ипак није било насиља ‘все-таки не было насилия’;
ал имам такав задатак ‘но у меня есть такое задание’;
ил је радио поштено *ил* је крао ‘или работал честно, или воровал’;
ил је побјего ‘или сбежал’;
ето ме вечерас *ил* сутра посл^нје посла ‘приду сегодня вечером или завтра после работы’;
да је луд *ил* дрогиран ‘он сошел с ума или находится под действием наркотиков’;

¹⁸ В этой позиции редукция регулярна и в разговорной речи жителей Белграда.

¹⁹ В этой позиции редукция частотна в сербской поэтической речи независимо от территориального происхождения текста. Встречается в разговорной речи жителей Белграда.

ту *ил* имаш шта појест *ил* немаш ‘тут или есть что поест, или нет’;
нит сам ја то хтјела, *нит* сам могла ‘я этого не хотела и не могла’;
нит причамо о томе *нит* о њему ‘не говорим ни о том, ни о нем’;
нит ти видиш ко је, *нит* разум²⁰јеш шта се догађа ‘не видно, кто он, и непонятно, что происходит’.

Може утрачивања гласный *о*:

— в начальной позиции в местоименных наречиях *овако*, *онако*, *овамо* и т. п. [ср. Петровић 1978: 39; Цукут 2021: 38]:

- (27) може још десет година *вако* ‘можно так еще десять лет’;
 он је *вако* старији, подебео момак био ‘он был такой постарше, полный парень’;
 и то *вако* прел²⁰јеће ‘и это так перелетает’;
 то је *вако* једна романтична геста мог мужа ‘это такой романтический жест моего мужа’;
 октобар мјесец, *вако* негдје ‘в октябре примерно’;
 а он њему *вако-нако* ‘а он ему туда-сюда’;
 била на радничким савјетима редовно и записничар и *вако*
 и *нако* ‘она на собраниях коллектива была всегда секретарем и так, и так’;
 изграђена је *нако* како се могло ‘построен так, как получилось’;
 дођи *вамо* ‘подойди сюда’;
 бјеж *вамо* ‘беги сюда’;
 да искористим *вам*²⁰ овај дио простора ‘использую здесь эту часть пространства’;

— в конечной позиции в союзах *ако* и *него* [ср. Дешић 1976: 59; Цукут 2021: 39]:

- (28) *ак* има потребе ‘если есть необходимость’;
ак она то зна ‘если она это знает’;

²⁰ В этом примере утрачивается и начальный, и конечный *о*.

радије ћу тебе запослит *нег* неког другог ‘я лучше тебя возьму на работу, чем кого-то другого’;
 знао сам више *нег^к* сада ‘я знал больше, чем сейчас’;
 не само то *нег* и све остало ‘не только это, но и все остальное’;
 прије *нег^к* што је она дошла ‘перед тем как она пришла’;
 прије *нег^к* што сам уписо факс ‘перед тем как я поступил в институт’;

— в мест. *свако*, *како*, наречии *онако*, *тако*, *тамо*, частице *само*:

- (29) као што је *свак* нормалан радио ‘как каждый нормальный, работал’;
свак је то пратио ‘каждый за этим следил’;
свак^к добије мало пара ‘каждый получает немного денег’;
свак свакога зна ‘все друг друга знают’;
свак се ухвати за то ‘каждый за это хватается’;
свак је мого да изађе ‘каждый мог выйти’;
как се зову ‘как их зовут’;
как се то каже ‘как это говорится’;
как^к да кажем ‘как сказать’;
как смо ми трчал ‘как мы бегали’;
 ја не знам *как* се ти зовеш ‘я не знаю, как тебя зовут’;
онак плутали ‘так блуждали’;
онак мало ‘так мало’;
сам кажем ти, ми смо бил релативно кратко ‘только я же говорю, мы были относительно коротко’;
 она је трчала *сам так* ‘она очень хорошо бегала’;
таг да је била збуњена ‘так что она была смущена’;
 ми смо бил *там* сеам-осам дана ‘мы там были семь-восемь дней’;
 да видим *там* ‘посмотрю там’.

У гласного у самая стабилная артикуляция. Иногда частичная и полная редукция у встречается в заударных слогах [Козомара 2016: 626–627]. Утрата начального у фиксируется очень редко, только в слове *уопште*:

- (30) ова држава, да б^и *опште* крен^{ла} напр^јед ‘это государство, чтобы вообще двинуться вперед’;
 нисам мого вјероват *опште* гдје сам ‘я вообще не мог поверить, где я нахожусь’;
 требало је једно два-три мјесеца да људи повјерују *опште* да је стао рат ‘должно было пройти два-три месяца, чтобы люди поверили, что война остановилась’.

Чаще всего изменения у происходят в глагольном суффиксе *-ну-* (> *ни-*):

- (31) и она се *брин^{ла}* <бринула> ‘и она беспокоилась’;
 била сам се *забрин^{ла}* <забринула> ‘я забеспокоилась’;
зовн^{ла} <зовнула> сам их ‘я их позвала’;
 само ће *зовн^т* <зовнути> ‘они только позвонят’;
изгин^{ло} <изгнуло> је много народа ‘погибло много людей’;
 већ је *крен^{ло}* <кренуло> лагано ‘уже потихоньку началось’;
 вако се *окрен^{ше}* <окренуше> ‘так обернулись’;
 ја сам се *окрен^{ла}* <окренула> и изашла ‘я повернулась и вышла’;
 ми смо *покрен^л* <покренули> тај ради^о ‘мы открыли это радио’;
 ал ми њега нисмо ни *помен^{ли}* <поменули> ‘но мы его даже не упомянули’;
 морам *спомен^{ти}* <споменути> и њу ‘я должна упомянуть и ее’;
 флашу *потегн^т* <потегнути> на некога ‘бутылкой замахнуться на кого-нибудь’;
 ми ћемо то *укин^т* <укинути> ‘мы это отменим’;
 не може ногу *стисн^т* <стиснути> ‘не может сжать ногу’;

а также в наречии *ујутру*:

- (32) крене бус *уј^тру* у пет сати ‘автобус отправился утром в пять часов’;
 и ја то *уј^тру* причам својим род^нтељма ‘и я утром рассказываю это своим родителям’;

па ћемо *ујутру* ић његовим родитељима ‘утром мы пойдем к его родителям’;
 до *ујутру* не знамо ‘до утра не знаем’;
 кад *ујутру* прођете ‘когда утром пойдете’;
 и то траје до једно пет *ујутру* ‘и это длится примерно до пяти утра’.

Редукция и выпадение гласного у чаще происходит на стыке слов в быстрой речи (ср. [Петровић 1978: 45, 58; Козомара 2016: 658]):

- (33) са-*ћ* <сад ћу> ја теби овако ‘сейчас я тебе вот так’;
 не *мог* <могу> да се одлучим на тај корак ‘не могу решиться на этот шаг’;
 не *мог* <могу> ја сад^т с неким се друшт чисто онако ‘не могу я с кем-то дружить просто так’;
 биће неки период кад *нећ* <нећу> моћ изаћ и-земље ‘будет какой-то период, когда я не смогу выехать из страны’;
 то ти *хоћ* <хоћу> рећ ‘это хочу тебе сказать’;
 онда сам био *год^н* <годину> дана у Амер^нц^н ‘потом я был год в Америке’;
 ајд сутра *ћ* <ћу>, сутра *ћ* ‘давай завтра сделаю, завтра’;
 ма *нећ* <нећу> ни ић ‘не хочу идти’;
 он^н *с-утврд^л* <су утврдили> сљедеће ‘они установили следующее’;
 сутрадан *с-дошл^н* <су дошли> ‘пришли на следующий день’;
 сви *с-имал* <су имали> те неке мале снове своје ‘у всех были свои маленькие мечты’;
нис-то <нису то> лак^н задац^н ‘это нелегкие задачи’ и т. д.

Интересные мнения об этом явлении высказывают сербские пользователи в соцсетях: «Које су то ријечи које имају два слова *н* једно поред другог? *Планна* и *сланна*»²¹ ‘В каких словах встречается два «н»: План<и>на (гора) и слан<и>на (сало)’; «Ми смо у основној

²¹ В СЛЯ отсутствуют двойные согласные, но в результате редукции двойной согласный может образовываться.

школи говорили *учтељца*, а то је ..., неком још чудноватијом гласовном промјеном од ове, прелазило у *уштељца*» ‘Мы в начальной школе произносили *уч<и>тељ<и>ца* (учительница), что в результате странного фонетического процесса превращалось в *уштељца*’; «Једем самогласнике *ко* кокице» (@МајаMoon14) ‘Глотаю гласные, как попкорн’; «Кад сам узбуђена, долази до изражаја моје босанско порекло, једем самогласнике и дерем се као луда» (@zoe_bg) ‘Когда я волнуюсь, дает о себе знать мое боснийское происхождение: глотаю гласные и ору, как ненормальная’.

2.2. Рефлексы «ять»

В Бانيا-Луке представлен иекавский тип произношения, то есть на месте древнесербского гласного «ять» здесь в зависимости от долготы произносится *ије* или *је*. Однако любой житель этого города время от времени употребляет экавизмы (слова, в которых рефлекс «ять» — *e* [э]), свойственные и другим иекавским говорам [Петровић 1973: 51, 55; Дешић 1976: 119; Козомара 2016: 631]:

- (34) да је *деда* звао да дођемо ‘дед приглашал нас приехать’;
деда је знао покојни ‘покойный дед знал’;
баба и *деда* су ту били ‘тут были бабушка и дедушка’;
јер су моје *деде* и баке живјели на селу ‘потому что мои дедушки и бабушки жили в деревне’;
овдје смо живјели у заједници с баком и *дедом* ‘здесь мы жили вместе с бабушкой и дедушкой’;
његов *деда* је држао хан ‘его дед держал гостиницу’;
она (је) као д^нјете одлазила тамо код баке и *деде* ‘она ребенком ездила туда к дедушке и бабушке’;
ја нисам имала баку и *деду* којим ћу ићи на село преко љета ‘у меня не было бабушки и дедушки, к которым можно было бы поехать на лето’;
недељом смо гледали породично *Недељно* поподне ‘по воскресеньям мы смотрели всей семьей «Воскресный вечер»’;

пошто је то *недеља*, прошеташ се по граду ‘в воскресенье можно прогуляться по городу’;

у *понедељак* негдје око једанест сати ме зове моја сестра ‘в понедељник около 11 ч. звонит мне моя сестра’;

слједеће *недеље* станарско право преноси на мајку ‘со следующей недели право на проживание передается матери’;

технички си мого ратоват с *обе* стране ‘технически ты мог воевать с обеих сторон’;

било је свега на *обе* стране ‘с обеих сторон было разное’;

обе те елите... које су владале ‘обе правящие элиты’;

да је било као у свим градовима *овде* ‘было, как во всех здешних городах’;

да се људи *овде* радикализују ‘чтобы люди здесь превратились в радикалов’;

да се једноставно ангажујем *овде*, да *овде* радим ‘чтобы просто устроиться здесь на работу’;

мора да се рјешава *овде* ‘нужно здесь решать’;

Ми такве феномене нисмо произвели *овде* ‘такие явления зародились не здесь, не у нас’;

нико није о рату причо *овде* никад ‘никто здесь никогда не рассказывал о войне’;

ако одлучим да останем *овде* ‘если я решу остаться здесь’;

нашли смо *овде* стварно добар мед ‘мы действительно нашли здесь хороший мед’;

овде опет је питомије ‘здесь все-таки культурнее’;

на пример у градовима у којима сам прије живио... *на пример* Штутгарт ‘например, в городах, в которых я до сих пор жил... например, Штутгарт’;

дјеца добијају сада неке друге просторе, *на пример* ‘сейчас у детей другое пространство, например’;

да буде запажена *на пример* у већим центрима ‘чтобы ее заметили, например, в больших центрах’;

на пример, оно што је било нешто незамисливо до прије два мјесеца ‘например, то, что было невозможно два месяца назад’;

на пример, избори деведесетих година ‘на пример, избори 90-х годов’;

на пример, не сјећам се сад некаквих инцидената ‘на пример, не помню сейчас никаких инцидентов’;

на пример, не говори о фолклору ‘на пример, не говорит о фольклоре’;

сарадња између универзитета, на пример ‘сотрудничество между университетами, например’;

она је била на две етаже ‘она была двухэтажная’;

он је од мене био две-три године старији ‘он был старше меня на два-три года’;

ишла две године на Машински факултет, две године ишла ‘я два года училась на факультете машиностроения’;

купиш неку кртију од две хиљаде марака ‘купишь какую-нибудь развалюху за две тысячи марок’;

супруг и ја само добили парфем и две јабуке ‘мы с супругом получили духи и два яблока’;

јер се види да је ту две-три хиљаде људи ‘потому что видно, что здесь две-три тысячи людей’;

ставио главу доле²² ‘он наклонил голову вниз’;

ишли би на југ доле ‘они бы поехали на юг’;

а доле радиш ‘на юге работаешь’;

опрему смо доле сачували ‘оборудование мы сохранили внизу’;

ја нисам веслао доле ниже ‘я не греб ниже’;

а доле имате дјечје игралиште ‘внизу есть детская площадка’;

доле је била некаква белетристика ‘внизу была какая-то беллетристика’;

ја сам био доле, и доле се у ствари, већ тада док сам био, доле се закухало ‘я был на юге и, по сути, уже тогда, когда я там был, там началась заваруха’;

услови су доле били сјајни ‘на юге условия были прекрасные’;

па као трчимо сад доле ‘вроде бы бежим сейчас вниз’;

већ је било пар људи доле ‘на юге уже была пара человек’;

---

²² Форма *доље* в материале встречается очень редко.

можемо *после* у град ‘мы потом можем в город’;
 да се и *следеће* године вратимо ‘чтобы и на следующий год
 вернуться’;
 посло ме тај да ја одем пробуд^т *следећу* смјену ‘он меня по-
 слал, чтобы разбудить следующую смену’;
 једно вече код нас па *следеће* вече ко-другог комшије ‘один ве-
 чер у нас, второй у другого соседа’.

У глаголов на *-ћи* в инфинитиве често встречается суффикс *и* [Дешић 1976: 125], причем этот *и* частично или полностью редуцируется:

- (35) ја би *вођла* да коначно и Босна и Херцеговина зна ‘я бы хотела,
 чтобы, наконец, и Босния и Герцеговина узнала’;
 Ја сам мого то *трп^т* ка-смо у клубу, кући не могу *трп^т* ‘я мог
 это терпеть, пока мы были в клубе, а дома я не мог это тер-
 петь’;
 ми смо супер *живли* ‘мы отлично жили’;
 сви смо *жив^{ли}* тако ‘мы все так жили’;
 нас је *бођла* брига за то ‘нас это не интересовало’;
 мене су само *бође* и дотицале су ме се само личне приче ‘меня
 расстраивали и трогали только личные истории’;
вид^{ћеш} и ти како то изгледа ‘увидишь и ты, как это выглядит’;
 то се могло *вид^т* ‘это можно было видеть’;
 нешто смо се ту *врт^{ли}* ‘мы тут вертелись’;
 да су сви у аутобусу *полуд^{ли}* ‘все в автобусе сошли с ума’;
 знали смо сатима *сјед^т* уз р^нјеку ‘мы часами могли сидеть у реки’.

Из икавизмов, карактерних для населения католического веро-
 исповедания, в обследованном материале мы обнаружили только лек-
 семы *дида* / *дидо*. Они встретились у информантки, рожденной в сме-
 шанном браке (мать — сербка, отец — хорват). Рассказывая о своей
 семье, она последовательно по-разному называет деда по матери
 и по отцу:

- (36) Мајка је из православне породице (<...> пошто мој *деда* је био
 у Другом свјетском рату носиоц Споменике и свашта нешто

‘мать из православной семьи (...) поскольку мой дед во Вторую мировую войну был удостоен награды и так далее’;
и онда бака мора алкохолом поскидат, да случајно негдје не остане боја од (васкршњих) јаја, да кад *деда* дође, да не види ‘и тогда бабушка должна все протереть спиртом, чтобы где-нибудь случайно не осталась краска от (пасхальных) яиц, чтобы когда дедушка придет, он не заметил’;
мамини су, *деда* кад се пензионисао, отишли за Београд, пошто ми је *деда* настрада у касарни овдје ‘мамины, когда дедушка ушел на пенсию, уехали в Белград, потому что дедушка пострадал здесь в казарме’;
каже мени мој отац — ето, каже, нашла с-исту бену ко што ти је *дида* био ‘говорит мне мой отец: ты нашла такого же ненормального, каким был твой дед’;
то су нас бака и *дидо* водили са својим пријатељима ‘бабушка и дедушка нас водили со своими друзьями’;
мој *дидо*, кад је отишао у пензију ‘мой дедушка, когда вышел на пенсию’;
онда њу *дидо* чека с посла ‘тогда дедушка ждал ее с работы’;
значи, радили су ми родитељи, бака, *дидо*, баба, *деда* (...) сви су радили ‘значит, родители работали, бабушка, дедушка, бабка, дед (...) все работали’.

2.3. Консонантизм

В речи жителей Баян-Луки, как и в большинстве сербских говоров, согласный *x* утрачивается во всех позициях (ср. [Дешић 1976: 131–138] и указанную в этой публикации литературу; [Петровић 1978: 64–65; Козомара 2016: 640–641; Цукут 2021: 53–56]):

- (37) *оћемо* <хоћемо> у Италију ‘поедем в Италию’;
мауне <махуне> баш и не волим ‘стручковую фасоль я не очень люблю’;

реко <рекох>, *одо* <одох> ја у Америку ‘я сказала, поеду я в Америку’;
није било чак тољко *некакви ти етнички* <некаквих тих етничких> трзавица ‘не было даже столько межнациональных трений’ и т. д.

Однако, в отличие от большинства сербских говоров, а также окрестностей Баня-Луки (то есть говоров пригорода и окрестных сел), коренные жители этого города, выросшие в нем до начала войны 1990-х гг., почти регулярно используют форму *кухати* ‘готовить, варить’, что может быть вызвано гиперкоррекцией:

- (38) ја ув"јек *кухам*, ув"јек гледам да *кухам* ‘я всегда готовлю, всегда стараюсь готовить’;
тад се почело *кухати* по Хрватској ‘тогда в Хорватии началась заваруха’;
долазе први избори и већ се *куха* ‘начинаются первые выборы и заваривается каша’ и т. д.

Група *xv* упрошчається в *v*:

- (39) ал онда сам *сватио* <схватио> ‘но тогда я понял’;
нико не може да *свати* <схвати> шта му је ‘никто не может понять, что с ним’;

или в *ϕ*:

- (40) али сам *фато* <хватао> кривину негдје ‘но я как-то выкручивался’ и т. д.

Это явление также обсуждается в соцсетях: «Креативна агенција за гутање слова „x“» (@senkasenka) ‘Творческое агентство по проглатыванию буквы «x»’; «Купујем сугласник X (@DamirSalopek) ‘покупаю согласный X’; «Од узбуђења титра десно око и гутам слово *x*» (@бубатара) ‘От волнения у меня дергается правый глаз, и я проглатываю букву *x*’; «Знам лика који неће да користи слово *x* јер сматра да је то губљење времена» (@koska_lizi) ‘Знаю одного типа, который не хочет произносить букву *x*, потому что считает это ненужной тратой времени’.

В Баня-Луке встречается нестабильная артикуляция согласного *v*, характерная для западной части иекавских говоров [Дешић 1976: 141–143; Козомара 2016: 649]:

- (41) Тако да ме *чо'ек* <човјек> убацио 'так что меня этот человек ввел в ту среду';
 ти с, *чо'ече*, посматрач 'ты, дружище, наблюдатель';
 и погине *чо'ек* 'и погиб человек';
 направе они правила још, *чо'ече* 'придумали они правила, ужас';
 идем на Мањачу, *чо'ече* 'еду на Манячу, дружище';
 нема ниједног *чо'ека* 'нет ни одного человека';
чо'е-га обновио 'человек его восстановил';
 па се *чо'ек* врати 'человек вернулся';
 оћеш ти *чо'ека* зал'јеч'т ил нећеш 'вылечишь ты человека или нет' и т. д.

Фиксируется утрата сонанта *m* в формах настоящего времени глагола *немати* [ср. Козомара 2016: 648; Цукут 2021: 52]:

- (42) не могу, *неа* <нема> шансе 'не могу, нереально';
неа <нема> шта нисам радио 'я все делал';
неа <нема> ниједног чо'ека 'нет ни одного человека';
неа <нема> пара за образовање 'нет денег на образование';
неа <нема> пара у буџету 'нет денег в бюджете';
неам <немам> ни ја више снаге 'и у меня больше нет сил';
неам <немам> ти шта причат 'мне нечего тебе рассказать';
неам <немам> ни пара 'у меня нет денег';
неамо <неамамо> појма, чо'ече 'понятия не имеем' и т. д.

Существуют многочисленные примеры утраты или изменения консонантно-вокалических групп и целых слогов. Часто это явление встречается в формах глаголов *моћи* 'мочь' и *хтјети* 'хотеть', но есть и другие примеры (ср. [Петровић 1978: 88; Цукут 2021: 58]):

- (43) је л ти *мош* <можеш> то вјероват 'можно ли в это поверить?';
 је л *неш* <нећеш> плат'т 'ты не будешь платить?';

ита-иш <шта ћеш> кад је тако ‘что же, раз так’;
ош — неш <оћеш — нећеш>, нико те не гони ‘хочешь не хочешь, никто тебя не заставляет’;
овд-је <овдје је> радња ‘здесь магазин’;
 сад морам ић, баш *беззе* <без везе > ‘сейчас мне нужно идти, очень жаль’;
 он^н ће *мис* <мислити> — ту је ‘они будут думать, что здесь’;
 ја *с-то* <сам то> сањо ‘я это видел во сне’;
 треба прећ ону *раскрс^нцу* <раскрсницу> ‘нужно проехать тот перекресток’;
 имала температуру *четре*-степени <четрдесет степени> ‘у нее была температура 40 градусов’;
 Ка-*с-ми* питал <кад смо ми питали> оца ‘когда мы спросили отца’.

В Бانيا-Луке често встречается замена *p > л* в союзе *јер* [ср. Козомара 2016: 647]:

- (44) покуцамо *јел* је било затворено ‘мы постучали, потому что было закрыто’;
 мен је добар *јел* знам није да се тако лако размути ‘по мне хорошо, потому что знаю, что трудно размешать’;
 тако је одлучио *јел* никат се не зна ‘он так решил, потому что никогда не известно’;
 знао сам да је љута *јел* се могло видјет ‘я знал, что она сердится, потому что это было видно’;
јел је она тад била д^нјете ‘потому что она тогда была ребенком’ и т. д.

Наряду с обычным *кажем — кажеш* ‘говорю — говоришь’ встречается:

- (45) *ка’е*, немам ја појма ‘он говорит, я не имею понятия’;
ка’е — теби нема ‘говорит — для тебя нет’;
 што ти *ка’еш* ‘как ты говоришь’ и т. д.
 (ср. [Козомара 2016: 647; Цукут 2021: 53]).

В наивном восприятии пользователей соцсетей это явление также нашло отражение: «Дођите ви у крајишке планине да чујете шта је гутање сугласника, самогласника, слогова, падежа, па и читавих ријечи» (@JuraPijandura) ‘Приезжайте в краинские горы и послушайте, что такое проглатывание гласных, согласных, слогов, падежей, да и целых слов’.

3. Ударения

Просодия в речи образованных носителей СЛЯ на территории РС соответствует литературной норме. Причем в РС классическая вуковско-даничичевская просодическая норма (четырёхакцентная система, наличие долгих гласных в заударных слогах, перенос ударения на проклитику) сохранилась лучше, чем в Сербии [Петровић, Гудурић 2010: 369–382]. Так, в литературной речи жителей Сербии практически полностью утрачены заударные долготы, а в Баня-Луке они хорошо сохранились во всех формах, в которых они обязательны согласно норме:

- в род. и тв. ед. ч. сущ. на *-a*: *нема струјѣ, вѡдѣ* ‘нет электричества, воды’;
- в род. мн. ч. сущ. всех трех родов: *осамдесетих гѡдѡна* ‘восьмьдесятые годы’; *педесетак мѣтѡра* ‘около пятидесяти метров’;
- в местоименном склонении прилагательных: *на наѡим старѡм личѡим картама писало је* ‘на наших старых паспортах было написано’;
- в формах настоящего времени: *идѣш ван!*, *излазиш* ‘ты идешь на улицу, выходишь’; *јакѡ вѡлим овај град* ‘я очень люблю этот город’;
- в деепричастиях настоящего времени: *шкѡлујући то своје једино дѡјете* ‘давая образование единственному ребенку’; *глѣдајући у мене* ‘смотря на меня’;

- в отглагольных сущ. на *-ање*: *глѣдѣње опере у Београду* ‘посещение оперы в Белграде’; *рајдовѣње животу* ‘радость жизни’;
- в им. и вин. ед. ч. сущ. на *-ост*: *посто’и нека млѣдѣст* ‘существует какая-то молодость’; *брзо дође старѣст* ‘быстро приходит старость’;
- в 3-м лице мн. ч. аориста: *млади ђдошѣ* ‘молодежь уехала’; *ђјеца одра’стошѣ* ‘дети выросли’.

В речи носителей иекавской произносительной нормы СЛЯ намного шире, чем у экавцев, представлен перенос ударений на проклитики (односложные и двусложные предлоги, союзы и частицы). Это связано с тем, что литературная акцентуация основана на восточногерцеговинских говорах, до сих пор сохранивших ее лучше прочих сербских говоров. В речи носителей экавской произносительной нормы такая акцентуация «распространена ограниченно и отчасти маркирована как архаичная» [Пипер, Клајн 2013: 28].

Исследования речи жителей городов на территории Сербии [Бошняковић 2007; Драгин 2005] показали, что у носителей литературной экавицы общеупотребительными являются только два случая переноса:

- перед местоименной формой *мном* (тв. от *ја* «я») происходит перенос ударения на предлог: *зѣ мнѣм, нѣда мнѣм, пѣда мнѣм, прѣда мнѣм, сѣ мнѣм* и т. п.;
- когда отрицательная частица *не* находится перед глагольной формой, на первом слоге которой стоит нисходящее ударение: *нѣ дѣм, нѣ падѣ, нѣ једѣ, нѣ чујѣ, нѣ нѣдѣј се, нѣ нѣтѣј-те* и т. д.

Однако классическая вуковско-даничичевская норма подразумевает и целый ряд других случаев переноса, очень частотных в Бая-Луке:

1) старый перенос (перенос старого циркумфлекса, выступающего в виде нынешнего нисходящего ударения, с начального слога

на проклитику, на которой произносится краткое нисходящее ударение):

- *око врата, у град, прѣко моста, прѣд мрак;*
- *у главу, на руке, под руку;*
- *од глади, под јесен, прѣко ноћи;*
- *у брду, од злата, без меса, на мору;*
- *за мноџм, са тобоџм, прѣт собоџм;*
- *за два дана, од три сата, по двоје;*
- *не рече, не уради;*
- *и горѣ, и даљѣ и т. д.;*

2) новый перенос (перенос нисходящего ударения, то есть нового циркумфлекса, развившегося из акута, на предыдущий слог, в результате чего на предлоге произносится восходящее ударение):

- *и брат, код брата, на прст, у рат;*
- *око куће, уз ограду, на улцу, преко шумѣ;*
- *без кола, на лето, на сунцу;*
- *и ти, испред њѣ, код њега, у себи;*
- *код моџ друга, на Мали Божѣ, по трећу пут;*
- *не бринѣм, не даџм, не идѣ;*
- *од онда, и прије, ни ту и т. д.*

Но в Бая-Луке, как и в Белграде и Нови-Саде, также существуют отступления от правила переноса. Так, на внутренних слогах возможно появление нисходящих ударений в словах иностранного происхождения и сложных словах (ср. [Дешић 1976: 208; Цукут 2021: 70]):

- (46) *Југославија* < *Југославија* > је била отворена ‘Југославија била отвореној’;
комадант < *командант* > Мањаче стари био прије рата ‘отец до войны был командующим Манячи’;
сједи у соби и гледа телевизор < *телевизор* > ‘сидит в комнате и смотрит телевизор’ и т. д.

Отметим также одну типично баялуцкую инновацию — развитее долгого восходящего ударения вместо краткого восходящего

и долготы в таких словах, как *хелáнке* ‘легинсы’, *балетáнке* ‘балетки’, *манекéнка* ‘модель’, *Словéнка* ‘словенка’, *Јапáнка* ‘японка’, *мотóрка* ‘электропила’, и т. п. вместо правильных форм *хелáнке*, *балетáнке*, *манекéнка*, *Слòвèнка*, *Јапáнка*, *мòтòрка*.

4. Морфологический уровень

4.1. Склонение мужских личных имен

Первую особенность представляет собой склонение мужских личных имен *Петар*, *Јован*, *Лазар* и т. п., у которых в иекавской среде есть уменьшительно-ласкательные формы на *-o* с долгим восходящим ударением *Пéро*, *Јóво*, *Лáзо*. В речи экавцев эти имена в именительном падеже оканчиваются на *-a* (то есть имеют окончание, характерное для женских имен: *Пера*, *Јова*, *Лаза*) и склоняются как существительные женского рода на *-a*: *Пера*, *од Пера* ‘от Перы’, *идем Пери* ‘иду к Пере’. В речи иекавцев в зависимости от территории эти имена могут склоняться по-разному. В Герцеговине и Черногории они склоняются по мужскому роду: *Перо*, *од Пера*, *идем Перу*, соответствующие притяжательные прилагательные заканчиваются на *-ов* (*Перов*, *Јовов*, *Лазов*), а образованные от них фамилии имеют форму *Перовић*, *Јововић*, *Лазовић*. В прочих иекавских регионах, в том числе в Баня-Луке, эти имена склоняются как существительные женского рода на *-a*: *Перо*, *од Пера*, *идем Пери*, притяжательные прилагательные заканчиваются на *-ин*: *Перин*, *Јовин*, *Лазин*, а соответствующие фамилии имеют вид *Перић*, *Јовић*, *Лазић*. Данный тип словоизменения обладает определенными недостатками (именительный падеж имеет форму мужского рода, а косвенные падежи — женского, что в некоторых случаях может вызвать коммуникативную ошибку), тогда как в герцеговинско-черногорском типе ошибка невозможна: *био сам код Саве*, *лијена је Савина кућа* ‘я был у Саввы, дом Саввы красивый’, когда речь идет о женщине, и *био сам код Сава*, *лијена је Савова кућа* — когда речь идет о мужчине. Несмотря на это, тип

Перо, Пере, Пери закреплена литературној нормом услед широког територијалног распрострањенија.

Од ових имена нужно отличати имена *Велько, Желько, Дарко, Данко* и т. п., које имају такву же форму и у речи екавца и склоњају се само по мушком роду: *Желько, од Желька, идем Жельку, Жельков капут* ‘палто Желько’). Иако под дејством имена првог типа у Бани-Луци често говоре и пишу: *од Желькѐ, идем Жельки, Желькин капут*, што неверно, согласно [Телебак 2004: 141–142], см. такође [Дешић 1976: 239; Петровић 1978: 91; Цукот 2021: 102–103].

Ево како ова особина се оцењује у соцсетима: «Докрајчиће ме људи из БЛ који говоре *Вельке / Жельке* уместо *Велька / Желька*» (@odgovornik) ‘Меня достали люди из Бани-Луки, које говоре Вельке / Жельке уместо Велька / Желька’; «Да ли кад кажеш за дечака: „Ајмо код *Вельке*“ можеш да се оправдаш тако што ћеш рећи да си из друге земље» (@Саосаосаоздраво) ‘Если ты говоришь, имея в виду мальчика, «Пойдем к Вельке», то в оправдание себе можешь сказать, что ты из другой страны’.

4.2. Образование собирательных числительных

На територији Србије употребљају се собиратељне числительне на *-оро*: *петоро, шесторо, седморо* и т. д. У Бани-Луци нареду са овим формама можемо чути исто тако правилне и нормиране форме на *-еро*: *петеро, шестеро, седмеро* и т. д. (сп. [Дешић 1976: 256–257; Петровић 1978: 103; Козомара 2016: 695; Цукот 2021: 110]):

- (47) било је нас *петеро* ‘нас било петеро’;
у Сигурној кући у Бањалуци збринуто је *петеро* жена и дјеца
‘у кризисном центру у Бани-Луци нашли приют петеро жена и деце’.

Приведемо примере оцене ове двојствености међу корисницима соцсети: «Тако неки кажу „петеро“ уместо *петоро*,... није архаизам, провинцијализам, локализам... него се тако каже на другом

„језицима“» (@DarMra1) ‘Некоторые говорят *петеро* вместо *петоро*... это не архаизм, провинциализм, локализм... но так говорится на других «языках»»; «Могу обје варијанте: *петоро* и *петеро*, *седморо* и *седмеро*» ‘Возможны оба варианта *петоро* и *петеро*, *седморо* и *седмеро*’ (@Aleks_aSavic)— То можда у РС ‘Это возможно в РС’ (@PartizanusV).

4.3. Глагол *спасити* ‘спасти’

Среди морфологических особенностей сербского языка в РС можно упомянуть вариативность глаголов *спасити* / *спасити* ‘спасти’²³. Для Сербии характерна первая форма, хотя все чаще можно услышать и вторую, которая распространилась из западных говоров и доминирует в Баня-Луке, что подтверждает проанализированный материал (см. [Дешић 1976: 263; Петровић 1978: 120, 122]):

- (48) да виде гдје су им дјеца, да *спашавају* дјецу ‘чтобы они увидели, где их дети, чтобы спасали детей’;
 немамо моћ да *спасимо* наш град ‘у нас нет сил спасти наш город’;
 мене је само *спасио* поглед на све то ‘меня спас только взгляд на все это’.

4.4. Образование существительных женского рода со значением профессии

Заслуживают внимания несколько существительных женского рода, обозначающих профессию. В Баня-Луке последовательно

²³ Глагол *спасити* имеет следующие формы: *спасем* (настоящее время, 1 лицо ед. ч.), *спасао сам* (перфект, 1 лицо ед. ч., м р.), *спасен* (страдательное причастие), *спасавати* (несовершенный вид); а глагол *спасити* — *спасим*, *спасио сам*, *спашен*, *спашавати* [Пипер, Клајн 2013: 198]. Глагол *спашавати* отсутствует в словаре СЛЯ, однако его широкое распространение подтверждается нормативной грамматикой [Пипер, Клајн 2013: 198].

употребляются формы: *директорица* ‘директор (о женщине)’, *докторица* ‘доктор (о женщине)’, *професорица* ‘преподавательница’ и т. п. В Сербии они также встречаются (чаще в Нови-Саде), но в целом для Сербии, особенно для Белграда, характерны формы *директорка*, *докторка*, *професорка* и т. п.

Вот что об этом явлении пишут пользователи соцсетей: «Ух колико ми пара уши кад чујем *професорица* / *директорица*, скоро као било шта кад чујем на косовско-ресавском. *Директорка* и *професорка* су ми скроз коректни» (@m4Pk0) ‘Как же мне режет ухо, когда я слышу *професорица* / *директорица*, почти так же, как косовско-ресавский диалект. *Директорка* и *професорка* — вот это правильные формы»; «Е да, мислим да можеш и овде да чујеш *директорица*, али *директорка* ипак звучи више „српски“» (@tafi_roberts) ‘Наверное, и здесь можно услышать *директорица*, но *директорка* звучит более «по-сербски»»; «*Професорка!* *Професорица* је на хрватском или тако нешто» (@_raponska) ‘*Професорка!* *Професорица* — это на хорватском или что-то вроде того»; «Зашто неки причају *професорица* уместо *професорка* и остале мистерије универзума» (@yorgaa_) ‘Почему некоторые говорят *професорица* вместо *професорка* и прочие тайны вселенной’.

Следующие тексты показывают, что формы на *-ка* в Сербии могут противопоставляться формам на *-ица* как формы, используемые при обращении (в звательном падеже): «Једном сам добио 5+ из латинског и *професорица* ме пита: „Небојша, може 3?“ Може, *професорка*, пиши» (@jedanvelikidrmr) ‘Однажды я получил 5+ по латыни и *професорица* меня спрашивает: «Небойша, можно 3?» Можно, *професорка*, пиши»; «Научи да причаш, *професорка*. Не можеш да у исто време будеш угледна *професорица* и користиш улични речник» (@TanjaLove7) ‘Научись говорить, *професорка*. Нельзя быть и уважаемой преподавательницей (*професорица*), и пользоваться уличным словарем»; «Каже *директорица*: „Имам једно лепо изненађење за тебе“. Рекох: „Већ знам, *директорка*, и изненађен сам одавно“» (@MladiFilozof) ‘Говорит наша директор (*директорица*): «У меня для тебя есть сюрприз». А я: «Знаю, *директорка*, я уже давно поражен’.

4.5. Глаголы *макнути* и *такнути*

Кроме выше перечисленных вариаций внутри литературного языка, назовем и одну яркую субстандартную особенность: вместо форм *макнути* ‘передвинуть’ и *такнути* ‘коснуться’ и их производных в проанализированных материалах часто встречаются формы *макети*, *помакети*, *примакети*, *смакети*, *домакети* и т. п.

Эта особенность также становится предметом обсуждения в соц-сетях: «Да поновимо градиво, инфинитив *истакети* не постоји? *Истакнути*, *истаћи*. Јел тако» (@Snejkicaa) — «Па, опет је у промету, од када се једна екс министарка *истакЕла*» (@dobrila_m) ‘Давайте повторим: инфинитив *истакети* не существует? *Истакнути*, *истаћи*. Разве не так? — Снова употребляется, с тех пор как одна экс-министр *истакЕла*’.

4.6. Глагол *требати*

В завершение этого раздела следует сказать об особенностях употребления в СЛЯ на территории РС глагола *требати*. В отличие от Сербии, где глагол *требати* в сочетании с полнозначным глаголом употребляется в безличной форме, в западной части сербской языковой территории, как показывает проанализированный материал, данный глагол в сочетании с другим глаголом нередко встречается в личной форме (см. [Петровић 1978: 119]):

- (49) *требам* ли нешто *пон^нјет^н* ‘нужно ли мне что-то взять’;
 ти *требаиш* сад *наћ^н* клинца који ће бити образован ‘тебе нужно найти образованного парня’;
 ми *смо требал^н* то вече *гледат^н* филм..., он *је требо* са нама *гледат^н* филм ‘в тот вечер мы должны были посмотреть фильм’;
 <...> он должен был с нами посмотреть фильм’;
 ви *сте* то *требал^н узет^н* ‘вы должны были это взять’, *требају се наћ^н* пред позориштем ‘они должны встретиться перед театром’.

5. Синтаксический уровень

5.1. Инфинитив

Как известно, в сербском языке инфинитив, вытесняемый балканской конструкцией *да* + настоящее время, или *да*-конструкцией, наиболее устойчив в двух случаях — после модальных и фазовых глаголов: *морам ићи / морам да идем* ‘я должен идти’, *не могу ући / не могу да уђем* ‘не могу войти’, *желим плесати / желим да плешем* ‘хочу танцевать’, *почела је трчати / почела је да трчи* ‘начала бегать’, *престала је јести / престала је да једе* ‘перестала есть’ и т. д.

М. Ивич подчеркивала, что «восточная территория распространения литературного языка ⟨...⟩ в целом считается „дакавской“: на этой территории употребление *да*-конструкции шире, чем на западе, но это не означает, что [на восточной территории] инфинитив исключается» (цит. по [Пипер 2005: 324]). Об этом пишет и И. Клайн: «В качестве дополнения к другим глаголам ⟨...⟩ во многих случаях параллельно и в одном значении могут употребляться и инфинитив, и конструкция *да* + настоящее время», добавляя, что инфинитив чаще встречается в западных областях (цит. по [Пипер 2005: 324]). П. Пипер делает вывод: «Частотность употребления инфинитива возрастает по мере продвижения от восточной к западной части сербского языкового пространства, однако много прекрасных примеров употребления инфинитива можно найти у лучших представителей „белградского стиля“, а позднее в текстах Слободана Йовановича, Милоша Джурича, Радована Самарджича и некоторых других образцовых стилистов» [Пипер 2005: 328].

Сербские лингвисты рекомендуют после модальных глаголов и выражений с модальным значением отдавать предпочтение инфинитиву [Пипер 2005: 325]: *могли сте се јавити* ‘вы могли позвонить’; тако *је морало бити* ‘так должно было быть’; *изволите сести* ‘пожалуйста, садитесь’; *треба телефонирати* ‘нужно позвонить’; *добро би било искористити* ту прилику ‘стоило бы воспользоваться этой возможностью’; *не вреди се бунити* ‘не стоит протестовать’ и т. п.

Ср. несколько примеров из авторов, считающихся образцовыми стилистами:

- (50) Сад је у тами наслућивао... како *ће* то једног дана *морати доћи* и везиру до ушију.
 ‘Он в темноте размышлял о том, <...> как однажды это должно прийти до визиря’ [И. Андрич. «Мост на Дрине»].
- (51) Данас *се* ни у једном књижевном тексту више *не може наћи* реч цакови, сви говоре и пишу *вреће*.
 ‘Сейчас ни в одном литературном тексте нельзя найти слово *цакови* (мешки), все говорят и пишут *вреће*’ [С. Велмар Янкович. «Мина»].
- (52) <...> *није могао* ни *замислити* да *се* скрипава немачка реч... *даде* без зазора *изговорити*.
 ‘<...> Он не мог и предположить, что скрипучее немецкое слово можно будет выговорить без стеснения’ [А. Тишма. «Употребление человека»].

Однако в современном разговорном языке Сербии преобладает *да*-конструкция, о чем свидетельствуют примеры из соцсетей: *морам сад да идем да берем јабуке* ‘мне нужно идти собирать яблоки’ (@SambaLjig); *желим да идем да играм кошарку* ‘хочу пойти поиграть в баскетбол’ (@paripovicka00), а также комментарии пользователей о том, что инфинитив — это, по их мнению, «хорватская» особенность²⁴.

В Баня-Луке, напротив, гораздо чаще используется инфинитив, характерный для западных сербских говоров (ср. [Дешић 1976:

²⁴ Широкое распространение *да*-конструкции в восточной части сербской языковой территории является относительно поздним явлением. М. Релич, изучавшая архив одной из старейших сербских семей г. Приштина, который включает документальные материалы конца XIX в. — 50-х гг. XX в. (три документа на турецком языке с переводом на сербский — свидетельства о праве собственности на дом, об использовании земельного участка и разрешение на выращивание винограда, а также другие документы семьи Хаџи Милић), отмечает более частое использование в них инфинитива и редкое употребление *да*-конструкции [Релић 2019: 746, 750].

292–302; Драгичевић 1986: 189–193; Петровић 1973: 173, 1978: 137, 151; Цукут 2021: 128–129].

Например, с модальными глаголами: *не можеш се опуштат* ‘не можешь расслабиться’; *морам опстат* ‘нужно выжить’; *то се не смије поменути* ‘нельзя это упомянуть’; *треба гласат* ‘нужно голосовать’; *жели’о се играт* ‘он хотел поиграть’; *не намјерава се враћат* ‘он не собирается возвращаться’; *покушава* то *ескивира*т ‘он пытается этого избежать’; *не зна ни читати ни писати* ‘он не умеет ни читать, ни писать’; с фазовыми глаголами: *почео сам зарађиват, путоват* ‘я начал зарабатывать, путешествовать’; *креном мало бјежуцкат* ‘я начал потихоньку бежать’; с безличными глаголами: *није лако* то *постићи* ‘нелегко этого достичь’; *било је занимљиво посматрати* то све ‘было интересно наблюдать за этим’; в функции придаточного цели: *идем студира*т у Загреб ‘я еду учиться в Загреб’; они *су ишли помагати* једни другима ‘они пошли помогать друг другу’.

Естественно, встречается и *да*-конструкция: *није могао да издржи* тај притисак ‘он не мог выдержать этого давления’; *морали су да изборе* улазак у другу лигу ‘они должны были завоевать право выхода во вторую лигу’; *нису хтјели* основне ствари *да сагледају* ‘они не хотели понять простых вещей’; *желим да живим* за сутра ‘я хочу жить для завтра’; *сви су покушавали да* Бањалуку *одрже* Бањалуком ‘все пытались, чтобы Баня-Лука осталась Баня-Лукой’; *почиње да се распади* ‘начинает распадаться’; онда *су кренули* људи *да траже* куће ‘потом люди пошли искать дома’; ми *смо ишли да спремамо* кревете и *да се* *полако спремамо* за спавање ‘мы пошли стелить постели и готовиться ко сну’.

Упомянем, что согласно рекомендациям хорватских лингвистов, вместо конструкции *да* + настоящее время (которая, как и частица *да ли*²⁵, чаще всего изгоняется как сербизм) следует использовать исключительно инфинитив. Писатель и журналист Анте Томич, упоминающая желание одного издателя переиздать произведения Крлежи,

---

²⁵ Корпусное исследование, однако, показало, что чаще употребляется частица *да ли* (453.662) по сравнению с рекомендованной *је ли* (373 963) [Classla], также ср. данные из другого корпуса: *да ли* (321.174), *је ли* (217.419) [HrWac].

потому что «этот Крлежа много „дадакает“», сообщает, что конструкцию *да* + настоящее время использовали и поэт Тин Уевич (тамо *да путујем* / тамо *да тугујем* ‘туда поехать, там тосковать’, стихотворение *Одлазак* «Отъезд»), писатель Иван Сламниг (*Одлучио сам да се зауставим* и *да се смирим* ‘Я решил остановиться и успокоиться’, первое предложение романа *Боља половина храбрости* «Лучшая половина храбрости») и многие другие [Tomić 2008].

5.2. Футуроид

В восточной части сербской языковой территории широко распространены так называемый футуроид, функционально маркированная форма первого будущего времени с конструкцией *да* + настоящее время, например, *ја ћу да дођем* у суботу ‘я приеду в субботу’; Марко *ће* то *да уради* ‘Марко это сделает’; ми *ћемо да* ти *јавимо* ‘мы тебе позвоним’ и т. д. Эта конструкция не является нормативной: согласно норме сербского языка, первое будущее время образуется от энклитической формы вспомогательного глагола *хт(ј)ети* ‘хотеть’ и инфинитива соответствующего глагола: *ја ћу доћи* у суботу ‘я приеду в субботу’; Марко *ће* то *урадити* ‘Марко это сделает’; ми *ћемо* ти *јавити* ‘мы тебе позвоним’ и т. п. Эти две формы отличаются и в семантическом отношении: отрицательные формы футуроида имеют значение волеизъявления:

- (53) *Нећу* сутра *ићи* на излет ‘Я завтра не поеду на экскурсию’;
Нећу да сутра *идем* на излет ‘Я не хочу завтра ехать на экскурсию’.

С. Танасич подчеркивает, что нужно избегать употребления будущего времени с конструкцией *да* + настоящее время, несмотря на то, что «так говорят и пишут министры и депутаты, премьер-министры и президенты, а возможно, и журналисты» [Танасић 2015]. Ср. следующие примеры из языка журналистов: о томе *ће да се побрине* Европска унија ‘об этом позаботится ЕС’ (НИН); Опоравак *ће* још дуго, дуго *да траје*, споро то иде, али, верујем *да ће све да буде*

у реду ‘восстановление продлится еще долго, очень долго, медленно это идет, но я верю, все будет хорошо’ («Политика»); из языка писателей: Једно време је правио трзаје као да *ће да устане* ‘Он какое-то время делал рывки, как будто собирался встать’ (Д. Ненадич, «Доротей»); Као да *ће да прокључа* ‘Как будто закипит’ (В. Кецманович, «Пушка была горячей»); из языка рок-поэзии: А ја *ћу да невам*, макар и промукло, а ја *ћу да невам*, куд пукло да пукло ‘Я буду петь, пусть и глухо, я буду петь, хоть тресни’; Комшије *ће да* ме *бију* због прегласног рокенрола ‘Соседи меня побьют за громкий рок-н-ролл’ (Рибља чорба); в языке политиков: Њихов статус *ћемо да поправимо* и побољшањем опреме... ‘Мы исправим их положение и совершенствованием оборудования’ (@avusic); нама су потребни људи који *ће* чврсто и тврдо *да чувају* наше државне и националне интересе ‘нам необходимы люди, которые будут твердо охранять наши национальные интересы’ (@avusic) и т. д.²⁶

В отличие от Сербии, в Баня-Луке почти без исключений используется первое будущее время с инфинитивом. Однако в последнее время, в основном в разговорном языке, можно услышать и примеры употребления футуроида: неко *ће да настрада* ‘кто-то пострадает’; он је би’о свјестан да *ћу* ја некад *да одем* из куће ‘он понимал, что я когда-нибудь уйду из дома’; одатле смо схватили да *нећемо* ништа *да видимо* ‘тогда мы поняли, что ничего не увидим’ и т. д.

Складывается впечатление, что это явление распространяется и что вскоре ситуация с употреблением футуроида в Баня-Луке в корне изменится.

---

²⁶ Л. Бренеселович, сравнивая Закон о судебной процедуре в редакции 2011 г. с вариантом 2004 г., показывает на примерах, как распространение футуроида привело к изменению смысла положений Закона: Суд *неће дозволити* располагања странака која су у супротности са принудним прописима... ‘Суд не разрешит сторонам выдвигать требования, противоречащие принудительным инструкциям’ (2004); Суд *неће да дозволи* располагања странака која су у супротности са принудним прописима... ‘Суд не захочет разрешить сторонам выдвигать требования, противоречащие принудительным инструкциям’ [Бренеселовић 2012: 145].

6. Лексический уровень

Та форма СЛЯ, на которой говорят в РС, содержит довольно много особенностей и на лексическом уровне. К наиболее частотным региональным лексемам можно отнести слова *жельезо* ‘железо’, *здјела* ‘миска’, *кино* ‘кино’, *мрква* ‘морковь’, *пунац* ‘тесть’, *рижа* ‘рис’, *спужва* ‘губка’, *цеста* ‘дорога’, которые практически без исключений употребляются в РС вместо слов, характерных для территории Сербии: *звожђе*, *чинија*, *биоскоп*, *шаргарена*, *таст*, *пиринач*, *сунђер*, *пут*. Если на фонетическом и морфологическом уровне особенности речи образованных жителей Баня-Луки мы признаем субстандартными или, по крайней мере, чертами разговорного языка, то в случае с перечисленными словами мы можем утверждать, что они действительно принадлежат к фонду литературной сербской лексики, что подтверждается их включением в однотомный толковый словарь сербского языка [РСЈ 2018], отражающий, согласно предисловию к этому словарю, богатство лексики СЛЯ [РСЈ 2018: 7]. Тем самым мы можем констатировать факт региональной вариативности лексики в пределах СЛЯ по принципу «восток — запад». Однако не вся стандартная лексика, употребляемая на территории РС, зафиксирована словарем РСЈ, например, *шпинат* ‘шпинат’ и *штрампле* ‘колготы’ в этом словаре отсутствуют, хотя употребляются образованными сербами в РС очень широко.

Заметить эти особенности, однако, не так просто, потому что в официальном узусе РС наблюдается очевидная ориентация на белградский узус. В СМИ РС региональные лексические особенности очень редки, они обнаруживаются только через поиск конкретных лексем в интернете. Вот, например, текст с новостного портала srpskainfo.com, найденный через поиск слова *рижа* ‘рис’:

- (54) *Smatra se da je mali rizik da će riža znatno poskupjeti, jer su njene količine velike — očekuje se da će u Indiji ovog ljeta biti dobra žetva.* ‘Считается маловероятным, что рис сильно подорожает, потому что запасы риса достаточно велики. Согласно прогнозам,

в Индии в этом году ожидается хороший урожай’ [<https://srpskainfo.com/proizvodnja-sve-skuplja-sljedeca-namirnica-ko-ja-bi-u-svijetu-mogla-poskupjeti-je-riza/>].

Также и в речи образованных сербов в официальной обстановке будет присутствовать тенденция к автокоррекции в пользу восточной нормы. Результаты проведенного анкетирования [Якушкина, Црняк 2023, 2024] показали, что люди, эмигрировавшие из Боснии и давно проживающие за ее пределами, используют больше слов западного типа, чем их сограждане, не менявшие место жительства, что свидетельствует о постепенном приближении боснийско-герцеговинского узуса к белградскому. С точки зрения многих информантов, некоторые региональные слова употребляются только в семейном кругу.

Помимо неофициальной устной речи, региональную лексику можно единично встретить в неофициальных письменных текстах.

- (55) Ukupno gledano, Banja Luka i Bosna nude jedinstveno i autentično iskustvo putovanja koje će zasigurno ostaviti trajni **dojam**.
‘В целом, Баня-Лука и Босния могут предложить уникальные и оригинальные маршруты путешествий, которые обязательно произведут на вас сильное впечатление’ [<https://banjalukatravel.com/sr/cesto-postavljanja-pitanja-o-banja-luci/>].

Всего удалось выявить около 200 региональных лексем, соответствующих общесербским дублетам [Якушкина, Црняк 2023], но, конечно, можно предположить, что их число больше. Приведем некоторые: *локва* ‘лужа’, *мјехур* ‘мочевой пузырь’, *кино* ‘кино’, *махуне* ‘стручковая фасоль’, *жохар* ‘таракан’, *зрак* ‘воздух’, *вањски* ‘внешний’, *вани* ‘снаружи’, *кувача* ‘поварешка’, *хреновка* ‘сосиска’, *заручити* ‘помолвиться’, *плин* ‘газ’, *жельезо* ‘железо’, *грипа* ‘грипп’, *прса* ‘грудь’, *маћунице* ‘анютины глазки’, *цура* ‘девушка’, *докторица* ‘доктор (о женщине)’, *домаћа задаћа* ‘домашнее задание’, *марелица* ‘абрикос’, *колегица* ‘колlega (о женщине)’, *кухати* ‘варить’, *кухар* ‘повар’, *тулипан* ‘тюльпан’, *наушница* ‘серьга’, *копар* ‘укроп’, *тлакомјер* ‘тонометр’, *неодгојен* ‘невоспитанный’, *кајданка* ‘нотная

тетрадь', *испричиница* 'записка родителей с просьбой отпустить ребенка с уроков', *врхње* 'сливки', *хлаче* 'брюки', *гра(х)* 'фасоль', *ручник* 'полотенце', *тржница* 'рынок', *посудити* 'взять/ дать взаймы', *наранца* 'апельсин', *порцулански* 'фарфоровый', *сластичарна* 'кондитерская', *футрован* 'на подкладке', *равно* 'прямо', *израчитити* 'проветрить', *постотак* 'процент', *лећа* 'чечевица', *шпинат* 'шпинат', *стубишите* 'лестница', *студентница* 'студентка', *грожеђице* 'изюм', *служва* 'губка', *пунац* 'тесть', *текућина* 'жидкость', *тава* 'сковорода', *трокут* 'треугольник', *дека* 'одеяло', *угристи* 'укусить', *дојам* 'впечатление', *крух* 'хлеб', *цикла* 'свекла', *вјешалица* 'вешалка', *зђејла* 'миска', *врећа* 'мешок' и др. Список выявленных различий делится по крайней мере на две группы: лексика, которая характерна для сербских говоров на территории Боснии и Герцеговины (причем некоторые из этих слов, такие как *мрква* и *жельезо*, были характерны для сербских говоров испокон веков, а восточными говорами они были утрачены), и лексика, которая попала в речь сербов в Боснии и Герцеговине книжным путем вследствие влияния литературного языка на территории Хорватии: *судјеловати*, *постотак*, *дојам*, *текућина* и т. д. Соответственно, чем более укоренена лексика в народных говорах, тем более широко она употребляется. Ср. следующий текст с портала РС «Nezavisne novine»:

(56) Banjalučka **tržnica**: Najviše poskupjela **mrkva**, kiša uništila **grah** i krompir.

'Рынок в Баня-Луке: больше всего подорожала морковь, дожди уничтожили фасоль и картофель' [<https://www.nezavisne.com/novosti/banjaluka/Banjalucka-trznica-Najvise-poskupjela-mrkva-kisa-unistila-grah-i-krompir/777225>].

С целью выяснения частотности употребления в речи жителей РС региональных лексем было проведено анкетирование сорока образованных носителей сербского языка с заданием вписать в предложение пропущенное слово, подходящее по смыслу (подробно об анкетировании и его результатах см. [Якушкина, Црняк 2023, 2024]). В абсолютном большинстве случаев, может быть, только кроме слова *професорица* и еще пары слов, мнения информантов разделялись, кто-то

выбирал региональную, то есть западную лексему, а кто-то восточную, то есть ту, которая используется на территории Сербии. Это говорит о том, что нормой РС в современной ситуации является дублетность, то есть можно сказать *пијаца / тржница* ‘рынок’, *панталоне / хлаче* ‘брюки’, *неваспитан / неодгојен* ‘невоспитанный’, *колегиница / колегица* ‘коллега (о женщине)’, *срећан / сретан* ‘счастливый’, *грип / грипа* ‘грипп’ и т. д. Критерии, которые регулируют использование той или иной лексики, выявить не удалось. В словарном фонде одного и того же информанта могут причудливо соединяться западные и восточные лексемы. Это говорит о том, что сербы в РС — носители двух лексических норм и им самим подчас сложно определиться с выбором лексики, поэтому многие ответы приводились через слеш: *изнајмљујем / издајем* ‘сдаю’, *студенткиња / студентица* ‘студентка’, *вани / напољу* ‘снаружи’, *право / равно* ‘прямо’, *кувар / кувар* ‘повар’ и т. д. Как и фонетические черты, некоторые региональные лексемы носят субстандартный характер и недаром маркируются самими жителями РС как слова, употребляемые в кругу семьи (например, *кру(х)* ‘хлеб’, *пухати* ‘дуть’). Одна из причин смешения лексических норм заключается в миграциях населения. Меняя место жительства (в том числе в результате социальных катаклизмов или при поступлении в учебные заведения или на работу), носители одной лексической нормы приобретают черты другой нормы. Так, один из информантов рассказывает, что перестал употреблять привычное для него слово *хлаче* ‘брюки’ и перешел на слово *панталоне*, когда временно переехал на учебу в Нови-Сад. Там же он привык употреблять слово *боранија* ‘стручковая фасоль’, которое до того ему казалось смешным, причем, впоследствии вернувшись из Нови-Сада в Бая-Луку и прожив в ней многие годы, он до сих пор использует это слово, хотя до учебы употреблял слово *ма(х)уне*. С другой стороны, информант, который переехал в Бая-Луку из Черногории, под местным влиянием перешел на слово *махуне*, отказавшись от родного для него слова *боранија*.

В употреблении дублетов можно, однако, проследить географическую закономерность: в западных областях РС региональные лексемы употребляются чаще, чем в восточных (подробный анализ

материала см. в [Якушкина, Црняк 2023]). Вот как это явление описывается участниками форума www.ringeraja.rs:

(57) — Я живу в Баня-Луке, и фактически здесь ситуация такая, что говорят *кава* вместо *кафа*, часто можно услышать и *крух*, кроме того, здесь много смотрят хорватское телевидение, потому что оно лучше своего и людям трудно избавиться от повседневных слов. Говорят *грах*, *махуна*, *тава*, *кувача*, *кухати*... и никто не старается это менять.

— Да, я и предполагала, что ты из Баня-Луки, и уверена, что ты говоришь правду, потому что Баня-Лука находится относительно близко от Хорватии. Я езжу в Фочу, в которой живет наибольший процент сербского населения по сравнению со всеми городами РС, а много родни и друзей у нас в Требине, Гацко, Билечи, и там то же самое, что касается языка. Предпочтение отдается сербским словам вроде *кафа* и в парах *пасуль* — *грах*, *шаргарена* — *мрква*. Все-таки эта часть Боснии ближе к Сербии и Черногории, что касается языка... Но говорят и то, и другое. Мой ребенок говорит то *мрква*, то *шаргарена*.

— Мой ребенок говорит *грах*, потому что дома он ест *пасуль*, а в детском саду *грах*. Здесь давно так говорят, потому что до войны здесь жили не только сербы [https://www.ringeraja.rs/forum/m_113685/mpage_13/key_/tm.htm].

7. Заключение

СЛЯ в РС, очевидно, более архаичен, чем язык в Сербии, лучше сохраняя черты, которые на предыдущих этапах развития были свойственны и говорам на территории Сербии. Эту его особенность отражают просодия, употребление инфинитива и некоторых славянских лексем. Архаичности литературного языка (равно как и народных

говоров) в РС противостоит интенсивная балканизация литературного языка в Сербии, в которой под влиянием призренско-тимокских говоров разрушается четырехакцентная система ударений, утрачиваются заударные долготы, меняются правила дистрибуции ударений, что фактически приводит к распространению экспираторного ударения [Петровић, Гудурић 2010: 375, 380], и вместо инфинитива распространяется *da*-конструкция (в отличие от просодических и синтаксических изменений, процесс вытеснения исконной славянской лексики лексическими балканизмами относится к прошлому и на данный момент не является актуальным).

Естественно, что перечисленные архаические особенности СЛЯ на территории РС в свою очередь поддерживаются влиянием местных западносербских народных говоров, которым эти особенности свойственны. Кроме этих черт, литературный сербский язык в РС содержит и другие черты диалектного западносербского происхождения (образование собирательных числительных с суффиксом *-ero* и лексические регионализмы), кодифицированные нормативной грамматикой и лексикографией. Помимо отдельных черт своеобразия местной нормы, литературный язык в РС испытывает сильнейшее диалектное влияние на фонетическом уровне, прежде всего, в редукции гласных, которая хотя и не является нормативной, но свойственна речи даже наиболее образованных носителей нормы. Помимо диалектной фонетики в литературной речи жителей РС активно используются лексические диалектизмы, особенно в семейном общении. Это явление позволяет говорить о размытости границы между языковыми кодами, которыми пользуются жители РС, являющиеся одновременно носителями литературной нормы и диалекта, и о трудности фиксации смены кода, вследствие большой близости западносербских говоров к литературному языку.

В восприятии жителей Сербии речь сербов в РС сильно маркирована. Связь литературного сербского языка на территории РС с западными сербскими говорами и лексическое влияние на него со стороны литературного языка на территории Хорватии среди жителей восточной части сербской языковой территории нередко оценивается

как чуждое или неправильное вследствие отличий западносербских особенностей от их собственной речи.

Список условных сокращений

Вин. — винительный падеж; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; им. — именительный падеж; мест. — местоимение; мн. ч. — множественное число; м. р. — мужской род; род. — родительный падеж; ср. р. — средний род; сущ. — имя существительное; тв. — творительный падеж.

Литература

- Бошњаковић 2007 — Ж. Бошњаковић. Преношење акцената у говору неких јавних медија // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2007. Бр. L. С. 81–93.
- Брборић 2000 — Б. Брборић. С језика на језик. Београд: Јанус, 2000. Интернет-издање. Електронни ресурс. URL: <https://www.rastko.rs/filologija/bbrboric-jezik/index.html> (дата обраћања: 15.08.2023).
- Бренеселовић 2012 — Л. Бренеселовић. Цртица о инфинитиву и аналитичкој конструкцији у језику наших закона — поводом оправдане критике професорке В. Ракић-Водинелић // Правни записи. 2012. Бр. III/1. С. 139–147.
- Гудков 1965 — В. П. Гудков. О вариантах сербскохорватског језика // Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 52–59.
- Дешић 1976 — М. Дешић. Западнобосански ијекавски говори // Српски дијалектолошки зборник. 1976. Бр. XXI. С. 1–316 + карте.
- Драгин 2005 — Г. Драгин. Прозодијске особине говора спикера (новинара) РТВ Нови Сад // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2005. Бр. XLVIII. № 1–2. С. 277–282.
- Драгичевић 1986 — М. Драгичевић. Говор личких јекаваца // Српски дијалектолошки зборник. 1986. Бр. XXXII. С. 7–241.
- Драгичевић 2001 — М. Драгичевић. Најзападнији српски говори данас // Зборник за српски језик, књижевност и умјетност. 2001. Бр. I. С. 79–89.
- Драгичевић 2012 — М. Драгичевић. О вернакуларној бази српског књижевног језика и о проблемима њене надоградње // С. Реметић (приред.). Језик и писмо у Републици Српској. Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2012. С. 223–230.

- Ивић 2009 — П. Ивић. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижевна Зорана Стојановића, 2009.
- Козомара 2016 — Д. Козомара. Фонетске и морфолошке особине српских по-савских говора између Врбаса и Украине // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Бр. LXIII. С. 579–733.
- Николић 1991 — М. Николић. Говори србијанског Полимља // Српски дијалектолошки зборник. 1991. Бр. XXXVII. С. 1–548.
- Окука 2012 — М. Окука. Језик у Босни и Херцеговини — један, два или...? // С. Реметић (приред.). Језик и писмо у Републици Српској. Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2012. С. 93–104.
- Петровић — Д. Петровић. Вук и српски језички поломи. Електронни ресурс. URL: <https://izmedjusnajave.rs/вук-и-српски-језички-поломи/> (дата обрачења: 15.08.2023).
- Петровић 1973 — Д. Петровић. Говор Баније и Кордуна. Нови Сад; Загреб: Матица српска; Просвјета, 1978.
- Петровић 1978 — Д. Петровић. О говору Змијања. Нови Сад: Матица српска, 1978.
- Петровић, Гудурић 2010 — Д. Петровић, С. Гудурић. Фонологија српског језика. Београд: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2010.
- Пипер 2005 — П. Пипер. Прилози граматици српског језика. Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. Београд; Нови Сад: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2005.
- Пипер, Клајн 2013 — П. Пипер, И. Клајн. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Рељић 2019 — М. Рељић. О уништеном писаном наслеђу на Косову и Метохији (на примеру сачуваног дела једне породичне архиве) // Наш језик. 2019. Књ. 50. Св. 2. С. 747–754.
- Реметић 2000 — С. Реметић. Актуална језикова ситуација на српској језиковој територији // U. Hinrichs, U. Büttner (Red). Die Südosteuropa-Wissenschaften im neuen Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. С. 209–217.
- РСЈ 2018 — Речник српског језика / Ур. М. Николић. Нови Сад: Матица српска, 2018.
- Симић 1995 — Р. Симић. Лингвистички статус разговорног језика, одн. колоритног стила // М. Ковачевић, Б. Ђорић, Р. Симић. Стилистички аспекти проучавања српског језика. Научни састанак слависта у Вукове дане, 23/2. Београд: Међународни славистички центар, 1995. С. 5–17.
- Симић, Јовановић 2002 — Р. Симић, Ј. Јовановић. Основи теорије функционалних стилова. (Мала лингвистичка библиотека. Књ. 5). Београд: Филолошки факултет; Научно друштво за неговање и проучавање српског језика, 2002.
- Српски језик у нормативном огледалу 2006 — Б. Брборић. Српски језик у нормативном огледалу. Београд: Београдска књига, 2006.

- Танасић 2015 — С. Танасић. Јесте да смо на Балкану, али имамо и своје // Политика, 01.12.2015. Електронни ресурс. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/344429> (дата обраћања: 10.09.2023).
- Телебак 2004 — М. Телебак. Практични језички савјетник. Српско Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988.
- Цукут 2021 — С. Цукут. Српски говори Шипова // Српски дијалектолошки зборник. 2021. Бр. LXVIII. С. 1–158.
- Чернышева 2015 — М. А. Чернышева. Региональные варианты французского языка в контексте современного франкофонного пространства: состояние и перспективы исследований // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 839–842.
- Языковая ситуация 2015 — Н. Н. Трошина. Языковая ситуация в Европе начала XXI в. М.: ИНИОН РАН, 2015.
- Якушкина, Црњак 2023 — Е. И. Якушкина, Д. Црњак. Лексическое варьирование в речи носителей литературного языка на территории Республики Сербской // Филолог. 2023. Бр. 28. С. 119–134. DOI: 10.21618/fil2328119j.
- Якушкина, Црњак 2024 — Е. И. Якушкина, Д. Црњак. Лексическое своеобразие речи жителей г. Бая-Лука (Республика Сербская, Босния и Герцеговина) и его представление в лексикографии // Славяноведение. 2024. № 2. С. 78–91.
- Bergmann 2006 — P. Bergmann. Regional variation in intonation. Nuclear rising-falling contours in Cologne German // F. L. Hinskens (ed.). Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 23–36.
- ICLAVE 12 — Conference on Language Variation in Europe. University of Vienna. July 9–11, 2024. Programme. Электронный ресурс. URL: <https://iclave12.dioe.at/programme/schedule/> (дата обраћања: 15.07.2024).
- Katnić Bakaršić 2001 — М. Катњић Бакаршић. Stilistika. Sarajevo: Ljiljan, 2001.
- Kehrein 2006 — R. Kehrein. Regional accent in the German language area. How dialectally do German police answer emergency calls? // F. L. Hinskens (ed.). Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 83–96.
- Kontra et al. 2023 — М. Kontra, М. Sloboda, J. Nekvapil, A. Kielkiewicz-Janowiak. Sociolinguistics in East Central Europe // M. J. Ball, R. Mesthrie, C. Meluzzi

- (eds.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World*. London: Taylor and Francis Group, 2023. P. 576–597.
- Language Variation — M. J. Ball, R. Mesthrie, Ch. Meluzzi (eds.). *European Perspectives VII — Language Variation — European Perspectives VII*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Leeman 2009 — A. Leeman. Intonational variation in Swiss German // S. Tsiplakou, M. Karyolemu, P. Pavlou (eds.). *European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4)*, Nicosia, June 2007. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 135–144.
- Morphological and Syntactic Variation 2024 — *Morphological and Syntactic Variation Across the DACH(L) Borders — Similarities and Differences*. Abstract. Электронный ресурс. URL: <https://pretalx.dioe.at/iclave12/talk/review/SWSN-VGWYVBZMD7MXWDYRUQ98RUEGJCFW> (дата обращения: 15.07.2024).
- Nekvapil 2008 — J. Nekvapil. Language Cultivation in Developed Contexts // B. Spolsky, F. M. Hult (eds.). *The Handbook of Educational Linguistics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2008. P. 251–265.
- Tomić 2008 — A. Tomić. Gabriel Garcia Karlobag Karlovac Virovitica Marquez // Blog Beta, 21.09.2008. Электронный ресурс. URL: <https://blog.dnevnik.hr/print/id/1625387533/ante-tomicgabriel-garcia-karlobag-karlovac-virovitica-marquez.html?page=print&id=1625387533> (дата обращения: 15.09.2023).

Источники

- Друштвена историја Бањалуке — Друштвена историја Бањалуке (Интервјуи). Электронный ресурс. URL: <https://drustvenaistorijabl.info/intervjui/> (дата обращения: 20.08.2023).
- Classla — CLASSLA web corpora of Croatian. Электронный ресурс. URL: http://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=classlaweb_hr (дата обращения: 30.08.2023).
- HrWac — Croation corpus from the Web. Электронный ресурс. URL: <https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=hrwac> (дата обращения: 30.08.2023).

References

- Bergmann 2006 — P. Bergmann. Regional variation in intonation. Nuclear rising-falling contours in Cologne German. F. L. Hinskens (ed.). *Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International*

- Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 23–36.
- Bošnjaković 2007 — Ž. Bošnjaković. Prenošenje akcenata u govoru nekih javnih medija [Transferring accents in the speech of the media]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2007. Vol. L. P. 81–93.
- Brborić 2000 — B. Brborić. *S jezika na jezik* [From language to language]. Available at: <https://www.rastko.rs/filologija/bbrboric-jezik/index.html> (accessed on 15.08.2023)
- Breneselović 2012 — L. Breneselović. Crtica o infinitivu i analitičkoj konstrukciji u jeziku naših zakona — povodom opravdane kritike profesorke V. Rakić-Vodinić [A note about the infinitive and analytical construction in the language of our laws: on the occasion of the criticism of Professor V. Rakić-Vodinić]. *Pravni zapisi*. 2012. Vol. III/1. P. 139–147.
- Chernysheva 2015 — M. A. Chernysheva. Regionalnyye varianty frantsuzskogo yazyka v kontekste sovremennogo frankofonnogo prostranstva: sostoyaniye i perspektivy issledovaniy [Regional varieties of the French language in the context of the contemporary Francophone space: Status and prospects of research]. *Nauka IUURGU: materialy 68 nauchnoy konferentsii Sektsii sotsialno-gumanitarnykh nauk* [Science of SUSU: Proceedings of the 68th scientific conference of the Section of Social and Humanitarian Sciences]. Chelyabinsk: SUSU, 2016. P. 839–842.
- Cukut 2021 — S. Cukut. Srpski govori Šipova [Serbian dialects of Shipovo]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2021. Vol. LXVIII. P. 1–158.
- Dešić 1976 — M. Dešić. Zapadnobosanski ijekavski govori [West Bosnian Ijekavian dialects]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1976. Vol. XXI. P. 1–316 + karte.
- Dragičević 1986 — M. Dragičević. *Govor ličkih jekavaca* [Iekavian dialects in Lika]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1986. Vol. XXXII. P. 7–241.
- Dragičević 2001 — M. Dragičević. Najzapadniji srpski govori danas [The western Serbian dialects today]. *Zbornik za srpski jezik, književnost i umjetnost*. Vol. I. P. 79–89.
- Dragičević 2012 — M. Dragičević. O vernakularnoj bazi srpskoga književnog jezika i o problemima njene nadogradnje [On the vernacular base of the Serbian literary language and the problems of its development]. S. Remetić (ed.). *Jezik i pismo u Republici Srpskoj* [Language and alphabet in the Republic of Srpska]. Banja-Luka: Academy of Sciences and Arts of the Republic of Srpska, 2012. P. 223–230.
- Dragin 2005 — G. Dragin. Prozodijske osobine govora spikera (novinara) RTV Novi Sad [Prosodic features of the speech of announcers (journalists) of RTV Novi Sad]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2005. Vol. XLVIII. Iss. 1–2. P. 277–282.

- Gudkov 1965 — V. P. Gudkov. O variantax serbsko-khorvatskogoazyka [On the variants of the Serbo-Croatian language]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1965. № 3. P. 52–59.
- ICLAVE 12 — *Conference on Language Variation in Europe. University of Vienna. July 9–11, 2024. Programme*. Available at: <https://iclave12.dioe.at/programme/schedule/> (accessed on 15.07.2024).
- Ivić 2009 — P. Ivić. *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija* [Serbian dialects and their classification]. Sremski Karlovc; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009.
- Katnić Bakaršić 2001 — M. Katnić Bakaršić. *Stilistika*. Sarajevo: Ljiljan, 2001.
- Kehrein 2006 — R. Kehrein. Regional accent in the German language area. How dialectally do German police answer emergency calls? F. L. Hinskens (ed.). *Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 83–96.
- Kontra et al. 2023 — M. Kontra, M. Sloboda, J. Nekvapil, A. Kielkiewicz-Janowiak. Sociolinguistics in East Central Europe. M. J. Ball, R. Mesthrie, C. Meluzzi (eds.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World*. London: Taylor and Francis Group, 2023. P. 576–597.
- Kozomara 2016 — D. Kozomara. Fonetske i morfološke osobine srpskih posavskih govora između Vrbasa i Ukriane [Phonetic and morphological characteristics of the Serbian Posavina dialects between Vrbas and Ukrina]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2016. Vol. LXIII. P. 579–733.
- Language Variation — M. J. Ball, R. Mesthrie, Ch. Meluzzi (eds.). *European Perspectives VII — Language Variation — European Perspectives VII*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Leeman 2009 — A. Leeman. Intonational variation in Swiss German. S. Tsiplakou, M. Karyolemou, P. Pavlou (eds.). *European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4), Nicosia, June 2007*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 135–144.
- Morphological and Syntactic Variation 2024 — *Morphological and Syntactic Variation Across the DACH(L) Borders — Similarities and Differences. Abstract*. Available at: <https://pretalx.dioe.at/iclave12/talk/review/SWSNVGWYVBZMD7MX-WDYRUQ98RUEGJCFW> (accessed on 15.07.2024).
- Nekvapil 2008 — J. Nekvapil. Language Cultivation in Developed Contexts. B. Spolsky, F. M. Hult (eds.). *The Handbook of Educational Linguistics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2008. P. 251–265.
- Nikolić 1991 — M. Nikolić. Govori srbijanskog Polimlja [Dialects of Serbian Polimlje]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1991. Vol. XXXVII. P. 1–548.

- Okuka 2012 — M. Okuka. Jezik u Bosni i Hercegovini — jedan, dva ili...? [Language in Bosnia and Herzegovina — one, two or...?]. S. Remetić (ed.). *Jezik i pismo u Republici Srpskoj* [Language and script in the Republic of Srpska]. Banja Luka: Academy of Sciences of Republic of Srpska, 2012. P. 93–104.
- Petrović 1973 — D. Petrović. *Govor Banije i Korduna* [Speech of Banija and Kordun]. Novi Sad; Zagreb: Matica srpska; Prosvjeta, 1978.
- Petrović 1978. — D. Petrović. *O govoru Zmijanja* [The speech of Zmijanje]. Novi Sad: Matica srpska, 1973.
- Petrović — D. Petrović. *Vuk i srpski jezički polomi* [Vuk and Serbian language breaks]. Available at: <https://izmedjusnajjave.rs/вук-и-српски-језички-поломи> (accessed on 15.08.2023).
- Petrović, Gudurić 2010 — D. Petrović, S. Gudurić. *Fonologija srpskoga jezika* [Phonology of the Serbian language]. Belgrade: Institute for Serbian Language SANU; Beogradska knjiga; Matica srpska, 2010.
- Piper 2005 — P. Piper. *Prilozi gramatici srpskoga jezika. Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica* [Contributions to the grammar of the Serbian language. Syntax of the modern Serbian language. A simple sentence]. Belgrade; Novi Sad: Institute for Serbian Language SANU, Beogradska knjiga; Matica srpska, 2005.
- Piper, Klajn 2013 — P. Piper, I. Klajn. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative grammar of the Serbian language]. Novi Sad: Matica srpska, 2013.
- Reljić 2019 — M. Reljić. O uništenom pisanom nasleđu na Kosovu i Metohiji (na primeru sačuvanog dela jedne porodične arhive) [About the damaged written heritage in Kosovo and Metohija (on the example of a preserved part of a family archive)]. *Naš jezik*. 2019. Knj. 50. Sv. 2. P. 747–754.
- Remetich 2000 — S. Remetich. Aktualnaya yazykovaya situatsiya na serbskoy yazykovoy territorii [Current language situation in the Serbian language area]. U. Hinrichs, U. Büttner (eds.). *Die Südosteuropa-Wissenschaften im neuen Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. P. 209–217.
- RSJ 2018 — M. Nicolici (ed.). *Rečnik srpskog jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matica Srpska, 2018.
- Simić 1995 — R. Simić. Lingvistički status razgovornog jezika, odn. kolokvijalnog stila [Linguistic status of colloquial language, or of the colloquial style]. M. Kovačević, B. Ćorić, R. Simić (eds.). *Stilistički aspekti proučavanja srpskog jezika. Naučni sastanak slavista u Vukove dane, 23/2* [Stylistic aspects of the study of the Serbian language. Scientific Meeting of Slavists in the days of Vuk, 23/2]. Belgrade: International Slavic Center, 1995. P. 5–17.
- Simić, Jovanović 2002 — R. Simić, J. Jovanović. *Osnovi teorije funkcionalnih stilova* [Basics of the theory of functional styles]. (Mala lingvistička biblioteka. Vol. 5).

- Belgrade: Faculty of Philology; Academic society for nurturing and studying the Serbian language, 2002.
- Srpski jezik u normativnom ogledalu 2006 — B. Brborić (ed.). *Srpski jezik u normativnom ogledalu* [The Serbian language in the normative mirror]. Belgrade: Beogradska knjiga, 2006.
- Tanasić 2015 — S. Tanasić. Jeste da smo na Balkanu, ali imamo i svoje [Yes, we are in the Balkans, but we also have our own]. *Politika*, 01.12.2015. Available at: <https://www.politika.rs/scc/clanak/344429> (accessed on 10.09.2023).
- Telebak 2004 — M. Telebak. *Praktični jezički savjetnik* [Practical language consultant]. Serbian Sarajevo: Institute for textbooks and teaching aids, 2004.
- Tolstoj 1988 — N. I. Tolstoj. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [History and structure of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, 1988.
- Tomić 2008 — A. Tomić. Gabriel Garcia Karlobag Karlovac Virovitica Marquez. Blog Beta, 21.09.2008. Available at: <https://blog.dnevnik.hr/print/id/1625387533/ante-tomicgabriel-garcia-karlobag-karlovac-virovitica-marquez.html?page=print&id=1625387533> (accessed on 15.09.2023).
- Yakushkina, Crnjak 2023 — E. I. Yakushkina, D. Crnjak. Leksicheskoe varyirovaniye v rechi nositeley literaturnogo yazyka na territorii Respubliki Serbskoy [Lexical variation in the speech of native speakers of Standard Serbian in Republic of Srpska]. *Filologist*. 2023. № 28. P. 119–134.
- Yakushkina, Crnjak 2024 — E. I. Yakushkina, D. Crnjak. Leksicheskoye svoeyebraziye rechi zhitel'ey g. Banya-Luka (Respublika Serbskaya, Bosniya i Gertsegovina) i yego predstavleniye v leksikografii [The lexical peculiarities of the speech of Banya Luka residents (Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina) and their representation in lexicography]. *Slavianovedeniye*. 2024. № 2. P. 78–91.
- Yazykovaya situatsiya 2015 — N. N. Troshina (ed.). *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI v.* [The language situation in Europe at the beginning of the 21st century]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 2015.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлегией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2024. — Т. 20. Ч. 2. — 556 с.

Подписано к печати 31.10.2024

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 34,75 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>